H.eccl. 3178 w - 5

Библіотека К. П. Ю. У.
Отд. IIIa
Шк. 8 13.
Лит. Б
Полка 3 (2р)
№107

Bayerische Staatsbibliothek

38001428090015

H. eccl. 3178 w-5

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

МАКАРІЯ,

АРХІЕПИСКОПА ХАРЬКОВСКАГО.

ТОМЪ V.

Д. 8697.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЦЕРКВИ

ВЪ ПЕРІОДЪ МОНГОЛЬСКІЙ.

МАКАРІЯ,

АРХІЕПИСКОПА ХАРЬКОВСКАГО.

КНИГА II.

БИБЛІОТЕКА
КАЗАНСКАГО
ЮНКЕРСКАГО
УЧИЛИЩА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Юлія Анд. Бокрама,
по Большой Московской, № 4.

1866.

А/68/69

От С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. С.-Петербург, Іюля 1-го дня, 1865 года.

Цензор Архимандрит *Макарій.*

Bayerische Staatsbibliothek München

Bayerische Staatsbibliothek München

ГЛАВА V.

БИБЛІОТЕКА КАЗАНСКАГО ЮНКЕРСКАГО УЧИЛИЩА.

ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО.

I.

Новыя обстоятельства, въ которыя поставлена была Церковь русская порабощеніемъ Россіи Монголами; новые, а частію и прежніе, но только усилившіеся, недостатки и безпорядки въ церковномъ благочиніи и нравственности духовенства вслѣдствіе этого порабощенія и обстоятельствъ; новыя потребности и вопросы, естественно обнаружившіеся и возникавшіе съ дальнѣйшимъ движеніемъ церковной и государственной жизни въ нашемъ отечествѣ—все это вмѣстѣ имѣло весьма ощутительное вліяніе на судьбу нашихъ церковныхъ законовъ въ періодъ монгольскій.

Первая по времени и самая важная, по существу дѣла, перемѣна коснулась основнаго законоположенія Церкви, обнимающаго правила св. апостоловъ, св. соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, и св. отцевъ, изложенныя въ Кормчей книгѣ. Митрополитъ Кириллъ II-й, не разъ странствуя по Россіи для обозрѣнія своей обширной паствы, видѣлъ повсюду не одни

только слѣды опустошенія, произведеннаго Монголами, но и многія, какъ самъ выразился въ рѣчи на владимірскомъ соборѣ (1274 г.), нестроенія, многія «несогласія и грубости» въ церквахъ, происходившія частію отъ неразумныхъ обычаевъ, частію отъ нерадѣнія пастырей и непосѣщенія епископами своихъ епархій, частію отъ «неразумныхъ» (непонятныхъ) церковныхъ правилъ: «помрачени бо бяху прежь сего, говорилъ святитель, облакомъ мудрости еллинскаго языка». Считая послѣднее обстоятельство особенно важнымъ и думая,—какъ можно видѣть изъ той же рѣчи,—что самое нашествіе Монголовъ на Россію было наказаніемъ Божіимъ за пренебреженіе церковныхъ правилъ, первосвятитель обратился письменно къ деспоту Болгаріи Іакову Святиславу и просилъ его прислать въ Россію славянскій списокъ означенныхъ правилъ. Святиславъ съ полнымъ сочувствіемъ отозвался на просьбу, и, по его приказанію, три писца, судя по припискѣ или замѣткѣ одного изъ нихъ—Іоанна Драгослава, въ пятьдесятъ дней переписали всю книгу правилъ, въ 1270 году. Препровождая ее къ нашему митрополиту и называя ее *Зонарою*, конечно, по имени одного изъ толкователей церковныхъ правилъ, Святиславъ, между прочимъ, писалъ, что эта Зонара въ каждомъ христіанскомъ царствѣ должна быть одна на соборѣ, что къ ней ничего не надобно прибавлять, и что потому онъ испросилъ ее у самаго патріарха, «препустилъ» (перевелъ или переписалъ?) и посылаетъ на поминъ души своей и своихъ родителей. Кириллъ II-й, когда получилъ желанную книгу и познакомился съ нею, свидѣтельствовалъ на владимірскомъ соборѣ, что церковныя правила, прежде неразумныя для Русскихъ, какъ помраченныя облакомъ мудрости

греческаго языка, «нынѣ облисташа, рекше истолкованы быша, и благодатію Божіею ясно сіяютъ, невѣдѣнія тьму отгоняюще и все просвѣщающе свѣтомъ разумнымъ» ([1]).

Какъ понимать это свидѣтельство? Взявъ во вниманіе, что слово *толковать* весьма часто употреблялось въ значеніи переводить, и сопоставляя выраженія митрополита относительно церковныхъ правилъ, что прежде они были помрачены для Русскихъ облакомъ греческаго языка и потому оставались неразумными или непонятными, а теперь ясно сіяютъ свѣтомъ разумнымъ и прогоняютъ тьму невѣдѣнія, мы думаемъ, что здѣсь рѣчь именно о переводѣ правилъ на славянскій языкъ или о томъ, что прежде они были извѣстны въ Россіи на греческомъ языкѣ, а теперь сдѣлались извѣстными и на славянскомъ. Въ такомъ смыслѣ свидѣтельство митрополита можетъ показаться несогласнымъ съ другими свидѣтельствами древности, указывающими на существованіе у насъ славянскаго перевода церковныхъ правилъ и въ прежнія времена. Но эти послѣднія свидѣтельства недовольно рѣшительны и тверды, и лучшія изъ нихъ или наиболѣе достовѣрныя ведутъ только къ мысли, что нѣкоторыя церковныя правила дѣйствительно извѣстны были тогда у насъ на славянскомъ языкѣ и употреблялись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а отнюдь не даютъ права заключать, чтобы у насъ существовали тогда всѣ церковныя правила по-славянски или чтобы они находились во всеобщемъ, церковномъ употребленіи ([2]). Напротивъ,

([1]) Русск. Достопамяти. I, 106—107; *Восток.* Опис. Румянц. Муз. 290—291; *Розенкампф.* о Корчм. книгѣ, 56—59, а по изд. второму 51—52.

([2]) См. Приложен. № I.

естественнѣе думать, что такъ какъ почти всѣ наши митрополиты въ періодъ до-монгольскій и многіе изъ епископовъ были Греки, то они и сами пользовались греческимъ текстомъ правилъ, и оставляли его въ церковномъ употребленіи, не запрещая, впрочемъ, желающимъ пользоваться и славянскимъ переводомъ. Митрополитъ Кириллъ II могъ даже не знать о существованіи и употребленіи въ Россіи этого перевода правилъ, или если и зналъ, то не былъ убѣжденъ въ исправности его и не счелъ благонадежнымъ на него положиться,—потому и рѣшился вытребовать себѣ славянскій списокъ церковныхъ правилъ изъ Болгаріи, который снятъ былъ съ другаго списка, испрошеннаго непосредственно отъ самаго цареградскаго патріарха. Впрочемъ можно понимать выраженіе—«истолкованы быша»—въ разсматриваемомъ нами свидѣтельствѣ и буквально и видѣть въ словахъ митрополита ту мысль, что церковныя правила прежде были невразумительны для Русскихъ по несовершенству славянскаго перевода, который былъ затемненъ множествомъ эллинизмовъ, и еще потому, что не имѣли толкованій, а теперь пріобрѣтены въ новомъ славянскомъ переводѣ и съ толкованіями,—отъ чего ярко сіяютъ и прогоняютъ тьму невѣдѣнія, хотя, признаемся, эта *тьма невѣдѣнія* невольно заставляетъ предполагать не одну только невразумительность церковныхъ правилъ для Русскихъ въ прежнее время, а совершенную ихъ неизвѣстность или недоступность для разумѣнія. Можно, говоримъ, понимать разсматриваемое свидѣтельство и въ такомъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ, сообразно съ историческими обстоятельствами. Ибо если и употреблялся по мѣстамъ въ Россіи славянскій переводъ церковныхъ правилъ еще въ XI и XII вѣкѣ, то безъ толкованій,

которыя въ самой Греціи явились не прежде второй половины XII столѣтія изъ-подъ рукъ извѣстныхъ юристовъ—Зонары, Аристина и Вальсамона. А митрополитъ Кириллъ II дѣйствительно получилъ изъ Болгаріи славянскій переводъ правилъ съ толкованіями подъ именемъ Зонары. Во всякомъ случаѣ, въ первомъ ли или послѣднемъ смыслѣ мы будемъ понимать свидѣтельство Кирилла II, мы должны согласиться, что онъ первый ввелъ въ Россіи славянскую Кормчую во всеобщее, церковное употребленіе, первый пріобрѣлъ для Русскихъ славянскую Кормчую съ толкованіями.

Подлинный списокъ Кормчей, присланный митрополиту Кириллу изъ Болгаріи, не дошелъ до насъ. Но сохранились два списка XIII вѣка, оба съ толкованіями, писанные вскорѣ по смерти Кирилла, и въ одномъ изъ нихъ не безъ основанія можно видѣть точную копію съ присланнаго изъ Болгаріи. Предварительно, однакожъ, познакомимся съ самими этими списками. Первый называется *рязанскимъ* или *іосифовскимъ*, потому что былъ написанъ для рязанскаго епископа Іосифа въ 1284 году. Въ спискѣ содержатся правила церковныя сокращенныя, какъ они изложены у Аристина, но по мѣстамъ между ними встрѣчаются и правила полныя по изложенію Зонары; равно содержатся и толкованія Аристиновы, а по мѣстамъ между ними Зонаровы. Другой списокъ писанъ, по догадкамъ, въ 1282 г. или несомнѣнно между 1280—1294 г. и называется *софійскимъ* по имени Софійскаго новгородскаго собора, въ которомъ первоначально хранился. Тутъ— правила всѣ по изложенію только Зонары, одни полныя, другія неполныя или нецѣльныя, т. е. не вполнѣ, лишь по частямъ, списанныя, но сокращенныхъ правилъ вовсе нѣтъ;

а толкованія тѣ же самыя, какія и въ рязанскомъ спискѣ. Такимъ образомъ оба списка заключаютъ въ себѣ правила и толкованія смѣшанныя: первый—правила сокращенныя и отчасти полныя, второй—правила полныя и отчасти неполныя или нецѣльныя, оба—толкованія Аристиновы и по мѣстамъ Зонаровы. Слѣдовательно списки различны между собою только по изложенію правилъ и сходны по толкованіямъ. Различны они еще по самому переводу правилъ, который въ софійскомъ спискѣ гораздо древнѣе, чѣмъ въ рязанскомъ, и сходны по переводу толкованій, который въ обоихъ спискахъ буквально тотъ же. Наконецъ, послѣднее сходство между списками можно находить въ томъ, что переводъ, помѣщенный въ каждомъ изъ нихъ, сдѣланъ не въ Россіи, а въ Болгаріи или вообще у южныхъ Славянъ, судя по нѣкоторымъ словамъ, встрѣчающимся въ этихъ переводахъ, южно-славянскимъ, которыя въ Россіи не употреблялись; послѣднее различіе—въ томъ, что въ рязанскомъ спискѣ помѣщены только статьи, переведенныя съ греческаго, и нѣтъ статей русскихъ, а въ софійскомъ—къ греческимъ статьямъ присоединены и русскія, какъ то: посланіе митрополита Іоанна къ Іакову черноризцу, отвѣты Нифонта Новгородскаго на вопросы Кирика, церковный уставъ Владиміровъ и друг. (3).

(3) Свѣдѣнія о софійскомъ спискѣ—въ Русск. Достопам. I, 19—21. О софійскомъ и рязанскомъ—у митрополита Евгенія (Словар. духовн. писат. I, 324—329, изд. 2) и барона Розенкампфа (о Кормчей, 7—12 и друг.), которые оба изучали эти списки непосредственно и сравнивали ихъ между собою. Большею ясностію и точностію, при всей своей краткости, отличаются свидѣтельства митрополита Евгенія, который, наприм., говоритъ, что „толкованія въ обоихъ спискахъ буквально сходны“, или „слово въ слово сходны“ (Словар. духов. пис. I, 327; Опис. Кіево-Соф. соб., Прибавл. 239.

Обратимся теперь къ рѣшенію вопроса: какой же изъ этихъ двухъ списковъ можно признать копіею съ первоначальнаго, присланнаго митрополиту Кириллу? Нѣтъ сомнѣнія, что самъ митрополитъ Кириллъ пользовался тѣмъ именно спискомъ, какой получилъ изъ Болгаріи. И что же? Въ той самой рѣчи или соборномъ дѣяніи, въ началѣ которой митрополитъ такъ ясно засвидѣтельствовалъ на владимірскомъ соборѣ о достоинствѣ своего списка церковныхъ правилъ, вскорѣ за тѣмъ приводится второе правило халкидонскаго собора. Въ какомъ видѣ и переводѣ? Въ томъ точно видѣ сокращенномъ (т. е. по Аристину) и въ томъ буквально переводѣ, какъ оно читается въ рязанскомъ спискѣ, а отнюдь не въ томъ видѣ и не въ томъ переводѣ, какой находится въ спискѣ софійскомъ [1]. Этого мало. Рязанскій списокъ переписанъ былъ въ 1284 г. въ Рязани со списка, присланнаго, по просьбѣ рязанскаго епископа Іосифа, изъ Кіева отъ митрополита Максима. Трудно повѣрить, чтобы спустя четыре года по смерти митрополита Кирилла при кіевской каѳедрѣ существовалъ уже какой либо другой списокъ церковныхъ правилъ, а не тотъ, который такъ недавно добытъ изъ Болгаріи,—тѣмъ болѣе, что

(1) Тексты этого правила и по сокращенію Аристина, т. е. по рязанскому списку, и по списку софійскому представляетъ баронъ Розенкампфъ, и самъ же сознается, что митрополитъ Кириллъ привелъ это правило (см. Русск. Достопам. I, 108) именно по сокращенію Аристинову (о Кормч., примѣч. стран. 51—53, изд. 1). А между тѣмъ, къ изумленію, держится мысли, что не рязанскій, но софійскій списокъ есть копія съ того, который получилъ митрополитъ Кириллъ изъ Болгаріи (тамъ же 10). Нельзя не пожалѣть, что Розенкампфъ не сличилъ и всѣ другія правила, приводимыя Кирилломъ въ томъ же соборномъ дѣяніи, съ текстами по спискамъ рязанскому и софійскому: тогда можно было бы уже съ непререкаемостію рѣшить вопросъ, какой изъ этихъ списковъ есть копія съ первоначальнаго—Кирилловскаго.

митрополитъ Максимъ, какъ Грекъ, лично не имѣлъ никакой нужды ни отмѣнять прежняго списка славянской Кормчей, ни вводить новаго. Но—что особенно важно—рязанскіе переписчики помѣстили въ своемъ спискѣ отъ себя извѣстіе, при комъ, когда и какъ совершенъ ихъ трудъ,—и въ этомъ извѣстіи они очевидно воспользовались не только мыслями, но даже выраженіями изъ письма болгарскаго деспота Святислава къ митрополиту нашему Кириллу II и изъ приписки или замѣтки Драгослава, одного изъ переписчиковъ книги церковныхъ правилъ, присланной изъ Болгаріи этому митрополиту (5). Явный знакъ, что списокъ, доставленный изъ Кіева въ Рязань для снятія копіи, былъ именно Кирилловскій и содержалъ въ себѣ помянутыя и письмо Святислава къ Кириллу и замѣтку Драгослава: иначе какъ могли узнать о томъ и о другой рязанскіе переписчики и съ чего бы вздумали подражать имъ? Между тѣмъ въ софійскомъ спискѣ Кормчей вовсе нѣтъ ни этого письма болгарскаго деспота къ нашему митрополиту, ни приписки Драгослава, ни даже какого либо подражанія имъ. Кромѣ того извѣстно изъ послѣдующихъ списковъ славянской Кормчей, что приписка или замѣтка Драгослава помѣщена имъ именно послѣ предисловія къ правиламъ кароагенскаго собора: рязанскіе переписчики въ этомъ самомъ мѣстѣ оставили пробѣлъ, не рѣшившись, можетъ быть, переписать замѣтки Драгославовой потому, что уже воспользовались ею прежде отъ собственнаго лица въ своемъ извѣстіи, съ нѣкоторыми

(5) Чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно сличить извѣстіе рязанскихъ писцовъ съ письмомъ Святислава и припискою Драгослава, которыя всѣ напечатаны у Розенкампфа (о Кормч. 56—63).

только перемѣнами (6). Такимъ образомъ, намъ кажется, есть достаточныя основанія признавать копіею съ Кирилловскаго списка рязанскій, а не софійскій (7). Скажутъ ли, что деспотъ болгарскій Святиславъ назвалъ книгу правилъ, отправленную къ митрополиту Кириллу, *Зонарою*, а въ рязанскомъ спискѣ содержатся преимущественно и правила, какъ онѣ изложены у Аристина, и толкованія Аристиновы? Но содержатся такъ же, хотя въ меньшемъ количествѣ, правила и толкованія по изложенію Зонары. Слѣдовательно не въ точномъ смыслѣ Святиславъ могъ назвать и такой списокъ Зонарою, по имени одного изъ толкователей, а не обоихъ, можетъ быть, потому что имя Зонары болѣе было извѣстно и болѣе уважалось. Съ другой же стороны, вѣдь, и въ софійскомъ спискѣ толкованія преимущественно Аристиновы, а не Зонаровы. Ука-

(6) *Розенкам.* О Кормч., примѣч. 47, стр. 56, или яснѣе примѣч. 46, стр. 268, изд. 2. Снес. *Восток.* Опис. Румянц. Муз. 290. 298.

(7) Этого мнѣнія держался митрополитъ Евгеній (Слов. духовн. пис. I, 326; Опис. К—Соф. Соб., Прибавл. 238) и держится авторъ статьи: „о первоначальномъ составѣ славянской Кормчей книги", напеч. въ Христ. Чтен. 1851, I, 558. Баронъ Розенкампфъ, какъ мы уже замѣтили, напротивъ признавалъ софійскій списокъ копіею съ Кирилловскаго или болгарскаго. А авторъ „Обзора русской духовной литературы" замѣчаетъ, что „спискомъ съ болгарской Кормчей, присланной къ митрополиту Кириллу, надобно признать списокъ Румянц. Муз. XVI в., № 232, такъ какъ въ немъ сохранилось самое письмо, при которомъ препровождена была къ нему Кормчая", и присовокупляетъ, будто текстъ восточныхъ правилъ предложенъ здѣсь въ подлинномъ, полномъ видѣ его, какъ у Зонары и софійской Кормчей, а не какъ въ рязанской (I, 55, въ статьѣ о Кириллѣ II). Между тѣмъ баронъ Розенкампфъ этотъ самый списокъ Кормчей Румянц. Муз., означенный въ Опис. Востокова подъ № 232, а у него—Розенкампфа подъ № 5, относитъ именно къ рязанской фамиліи, а не къ софійской (о Кормч. 12; *Восток.* Опис. Рум. Муз. 297), и судя по описанію этого списка у Востокова, который неоднократно замѣчаетъ, что правила изложены въ немъ, какъ въ печатной Кормчей, не можетъ оставаться никакого сомнѣнія, что списокъ дѣйствительно относится къ рязанской фамиліи.

жутъ ли на то, что въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ копіяхъ съ софійскаго списка встрѣчаются и письмо Святислава къ митрополиту Кириллу и приписка Драгослава? Но эти копіи не суть только копіи, а съ разными прибавленіями, и если имѣютъ въ себѣ означенныя письмо и приписку, то заимствовали ихъ, конечно, не изъ софійскаго списка, гдѣ ихъ нѣтъ, а изъ другаго источника ([8]). Между тѣмъ письмо это и приписка находятся и въ копіяхъ съ рязанскаго списка, а—главное—какъ мы видѣли, самый-то рязанскій списокъ списанъ съ такого, гдѣ они несомнѣнно находились ([9]).

Если мы согласимся признать рязанскій списокъ копіею съ первоначальнаго—Кирилловскаго: то самъ собою рѣшится вопросъ и о происхожденіи находящейся въ этомъ спискѣ смѣшанной редакціи правилъ и толкованій. Очевидно, она произошла не въ Россіи и даже не въ Болгаріи, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, а въ самой Греціи: такъ какъ, по свидѣтельству деспота Святислава, онъ испросилъ отъ самаго патріарха цареградскаго прототипъ того списка, который послалъ нашему митрополиту Кириллу. Пусть нынѣ въ извѣстныхъ греческихъ спискахъ Кормчей не находятъ такой смѣшанной редакціи правилъ и толкованій; но отсюда не слѣдуетъ, чтобы

([8]) Таковы списки Румянц. Муз. № 233 и № 234. Но стоитъ только сравнить, наприм., русскія статьи, помѣщенныя въ этихъ спискахъ, съ тѣми, какія находятся въ софійскомъ (Русск. Достопам. I, 20—21), чтобы видѣть сдѣланныя прибавленія или дополненія.

([9]) Розенкампфъ указываетъ на одинъ списокъ XV в., принадлежащій купцу Лаптеву и „совершенно сходный" съ рязанскимъ, слѣдовательно безъ измѣненій и прибавленій,—и въ этомъ Лаптевскомъ спискѣ есть означенное письмо и приписка (о Кормч. 12 и примѣч. 47, стр. 56, а яснѣе по изд. 2-му примѣч. 46, стр. 268). Есть такъ же въ спискахъ рязанской фамиліи—Румянцевскомъ № 232 (Опис. стр. 290) и Новгородскомъ (Опис. Кіево-Соф. собора, Прибавл. 238).

она не существовала у Грековъ въ XIII и даже въ послѣдующія столѣтія ([10]). Что же сказать о происхожденіи софійскаго списка и другой смѣшанной редакціи правилъ и толкованій, какую онъ представляетъ? Намъ кажется вѣроятною догадка, что правила въ софійскомъ спискѣ, полныя и частію неполныя или нецѣльныя, суть тѣ самыя, какія по мѣстамъ употреблялись въ Россіи еще прежде митрополита Кирилла, и потомъ къ нимъ только приписаны готовыя толкованія изъ списка, полученнаго Кирилломъ. Ибо, какъ мы уже замѣчали, правила софійскаго списка, по переводу южно-славянскому, гораздо древнѣе правилъ списка Кирилловскаго, или, что тоже, рязанскаго, а толкованія въ обоихъ спискахъ буквально сходны; между тѣмъ, судя по памятникамъ, у насъ прежде митрополита Кирилла дѣйствительно употреблялись правила полныя ([11]). Или, быть можетъ, эти толкованія новаго перевода присоединены къ полнымъ правиламъ древнѣйшаго южно-славянскаго перевода въ самой Болгаріи, и списокъ ихъ въ та-

([10]) Имѣемъ въ виду мнѣніе Розенкампфа (о Кормч. 64). Кстати замѣтимъ слѣдующее. Патріархъ Никонъ говоритъ, что при первоначальномъ печатаніи у насъ славянской Кормчей она была свидѣтельствована по многимъ славянскимъ спискамъ, „наипаче же свидѣтельствова тую книгу греческая Кормчая книга Паисіи патріарха св. града Іерусалима, яже древними писцы написася за многая лѣта, ему же патріарху Паисіи въ та времена бывшу въ царствующемъ градѣ Москвѣ“ (Послѣсл. къ I части печатной Кормч. л. 647). А извѣстно, что печатная наша Кормчая издана по редакціи смѣшанной, такъ называемой у насъ рязанской Не слѣдуетъ ли отсюда заключить, что и греческая древняя Кормчая, по которой наша печатная была повѣряема и свидѣтельствована при печатаніи, принадлежала къ той же самой смѣшанной редакціи?

([11]) Таково мнѣніе о происхожденіи софійской редакціи митрополита Евгенія (Опис. Кіево-Соф. собора, Прибавл. стр. 239; Словар. духов. писател. I, 327). Въ отвѣтахъ новгор. епископа Нифонта на вопросы Кирика – XII вѣка – приводятся правила полныя (*Розенк.* о Кормч., примѣч. 40, стр. 47).

комъ видѣ присланъ былъ въ Россію, напримѣръ, въ Новгородъ и послужилъ прототипомъ для списка софійскаго и другихъ подобныхъ. Соотвѣтственно тому, какую примемъ мы догадку, первую или послѣднюю, редакціи софійскаго списка можно будетъ приписать происхожденіе или русское или болгарское, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что соединеніе здѣсь толкованій, преимущественно Аристиновыхъ, съ правилами по Зонару совершено или въ Россіи, или въ Болгаріи, хотя относительно сочетанія въ этомъ спискѣ самихъ правилъ, цѣльныхъ и нецѣльныхъ, кѣмъ и когда оно сдѣлано, въ Россіи ли или въ Болгаріи или даже въ Греціи, мы ничего сказать не можемъ.

Впрочемъ справедливы или не совсѣмъ справедливы изложенныя нами мысли о старѣйшихъ спискахъ нашей Кормчей, рязанскомъ и софійскомъ, за достовѣрныя можно признать слѣдующія положенія. *Первое:* время митрополита Кирилла составляетъ эпоху въ исторіи церковнаго законовѣдѣнія въ Россіи. Кромѣ того, что онъ первый принялъ въ Россію славянскую Кормчую съ толкованіями, которыя прежде у насъ были неизвѣстны, и предложилъ ее для употребленія всей Церкви, а не частныхъ только лицъ, онъ своимъ примѣромъ, а можетъ быть, и особымъ распоряженіемъ возбудилъ другихъ къ списыванію славянской Кормчей и содѣйствовалъ распространенію ея въ нашемъ отечествѣ. Не даромъ онъ самъ свидѣтельствовалъ на владимірскомъ соборѣ, спустя не болѣе четырехъ лѣтъ со времени полученія изъ Болгаріи книги церковныхъ правилъ, что эти правила, благодатію Божіею, уже ярко сіяютъ въ Россіи, прогоняя тьму невѣдѣнія и все просвѣщая свѣтомъ разумнымъ: одного своего списка, конечно,

тутъ не могъ разумѣть первосвятитель. Съ его времени славянскую Кормчую у насъ списывали не только епископы, напримѣръ, новгородскій и рязанскій, судя по уцѣлѣвшимъ ихъ спискамъ, но и князья, напримѣръ, волынскій Владиміръ Васильковичь, для котораго переписана была она въ 1286 г., а можетъ быть, и другія лица. По крайней мѣрѣ, съ послѣдней четверти XIII вѣка, впродолженіе двухъ столѣтій, мы можемъ насчитать болѣе десяти списковъ Кормчей, писанныхъ въ Россіи и доселѣ сохранившихся или извѣстныхъ въ позднѣйшихъ копіяхъ ([12]). И замѣчательно, что, списывая Кормчую, наши епископы предназначали ее не для себя только, но и для своихъ священниковъ и для міряиъ. Въ замѣткѣ или предисловіи къ рязанскому списку сказано, что епископъ Іосифъ списалъ книгу правилъ «на увѣдѣніе разуму и на просвѣщеніе вѣрнымъ и послушающимъ», а въ предисловіи къ списку софійскому замѣчено, что архіепископъ Климентъ положилъ свою Кормчюю «въ церкви святыя Софія на почи-

([12]) Доселѣ сохранились списки Кормчей, кромѣ рязанскаго и софійскаго: XIII в.—въ Сѵнодальной библіотекѣ, XIII—XIV в.—въ той же библ. (*Саввы* Указател. Сѵнодал. библ. 194), XIV в.—въ библ. бывшей Царскаго (Опис. рукоп. Царск. стр. 169), XV в.—въ библ. московской Д. Академіи (*Розенк.* о Корм., примѣч. стр. 266), еще XV вѣка—списокъ Браиловскій въ Император. публ. библіотекѣ, списокъ Архангельскій или Строгановскій и два списка купца Лаптева (*Розенк.* о Кормч. кн., по изд. 2-му, стр. 7—8). Извѣстны въ позднѣйшихъ копіяхъ списки: писанный въ 1286 г. для волынскаго князя Владиміра Васильковича (*Востон.* Опис. Рум. Муз. 313), писанный въ 1375 г. въ Суздали (*Калачов.* о Кормч., въ Чтен. Москов. Истор. Общ. 1847, III, отд. I, 117) и писанный въ 1403 г. въ Москвѣ (*Востон.* Опис. Рум. Муз. 296). Впрочемъ относительно послѣдняго списка должно сознаться, что сдѣланная въ концѣ его замѣтка о времени написанія его, т. е. 1403 г., могла относиться не ко всему этому списку Кормчей, а только къ послѣдней статьѣ, въ немъ помѣщенной, именно къ граматѣ в. к. Василія Димитріевича митрополиту Кипріану, при которой замѣтка эта и сдѣлана (см. тамъ же).

тание священикомъ и на послушание крестьяномъ» ([13]). *Другое положеніе:* оба старѣйшіе списка нашей Кормчей, рязанскій и софійскій, или вѣрнѣе, тѣ, съ которыхъ они списаны, послужили прототипами для всѣхъ послѣдующихъ списковъ, какіе употреблялись у насъ не только въ XIII—XV столѣтіяхъ, но до самаго изданія печатной Кормчей (1650), по крайней мѣрѣ, насколько дѣло разслѣдовано учеными. Отсюда раздѣленіе этихъ списковъ на двѣ фамиліи: рязанскую или іосифовскую и софійскую. Такъ, къ рязанской фамиліи принадлежатъ: одинъ изъ Сунодальныхъ списковъ XIII—XIV в., одинъ изъ списковъ Лаптевскихъ XV в. и до десяти списковъ XVI столѣтія ([14]). Къ софійской фамиліи принадлежалъ списокъ волынскій 1286 г., писанный для тамошняго князя Владиміра Васильковича и имѣвшій нѣкоторыя отличія отъ списка софійскаго—новгородскаго (откуда естественно заключить, что первый ([15]) списанъ былъ не съ послѣдняго, а существовалъ еще прежде того и другаго особый прототипъ для всѣхъ списковъ этой фамиліи); принадлежатъ такъ же списки XV вѣка—Браиловскій или Строгановскій и второй—Лаптевскій и болѣе десяти списковъ XVI—XVII столѣтій ([16])

([13]) *Розенк.* о Кормч. 62; Русск. Достопам. I, 19.

([14]) Въ Сунодальной библ., кромѣ софійскаго списка Кормчей, есть еще три: XIII, XIII—XIV и XVI в. (*Саев.* Указат. 194). Два изъ этихъ списковъ Розенкампфъ относитъ къ рязанской фамиліи, но какіе—не опредѣляетъ о Кормч. 12). Во всякомъ случаѣ, въ числѣ ихъ долженъ находиться одинъ или XII или XIII—XIV в. О прочихъ спискахъ рязанской фамиліи см. у Розенкампфа—о Кормчей, стр. 8—9, по изд. 2-му.

([15]) Въ немъ, напримѣръ, русскихъ статей только двѣ: уставъ Владиміровъ и правило митрополита Іоанна II къ Іакову черноризцу; притомъ уставъ—другой редакціи, а не той, что въ софійскомъ спискѣ, и помѣщенъ не въ концѣ Кормчей, а вдругъ послѣ правилъ 7-го вселенскаго собора (Опис. Рум. Муз. 309—312. Снес. Русск. Достоп. I, 20).

([16]) *Розенкампф.* о Кормчей—стр. 7—8, по изд. 2-му.

Надобно, впрочемъ, замѣтить вообще, что судя по описаніямъ списковъ какъ рязанской, такъ и софійской фамиліи, переписчики ихъ не ограничивались однимъ копированіемъ ихъ прототиповъ, а позволяли себѣ разныя отступленія, иногда переставляли статьи, иногда исключали, иногда переносили изъ одной редакціи въ другую, иногда присовокупляли новыя статьи греческаго и русскаго происхожденія,—отъ чего русскія статьи встрѣчаются въ позднихъ спискахъ и рязанской фамиліи, а не софійской только. Слѣдуетъ такъ же замѣтить, что есть списки Кормчей XIII—XIV в., необслѣдованные учеными, и потому неизвѣстно къ какой фамиліи принадлежащіе ([17]).

Существуетъ мнѣніе, доселѣ повторяемое нашими писателями безъ всякой повѣрки, будто послѣ митрополита Кирилла митрополитъ Кипріанъ такъ же немало сдѣлалъ для славянской Кормчей въ нашемъ отечествѣ своимъ новымъ переводомъ церковныхъ правилъ. Но это мнѣніе крайне сомнительно: оно основывается единственно на свидѣтельствѣ двухъ нашихъ книжныхъ людей XVII вѣка—московскаго богоявленскаго игумена Иліи и справщика Григорія. Въ своихъ состязаніяхъ съ литовскимъ протоіереемъ Лаврентіемъ Зизаніемъ, по поводу его книги—катихизиса, они не соглашались принять одного правила, которое Лаврентій приписывалъ константинопольскому патріарху Никифору, и утверждали, что такого правила «у насъ въ греческихъ переводехъ нѣтъ въ никифоровыхъ правилехъ», что «у васъ (литовцевъ) оно нововведено, а мы новыхъ вводовъ

([17]) Описанія Кормчихъ — въ Опис. Рум. Муз. Списки необслѣдованные: XIII в. Сvнодальной библ. и XIV в. библ. Царскаго (см. примѣч. 12).

не пріемлемъ». Когда же Лаврентій спросилъ: «да отъуда у васъ взялись греческія правила?»—Илія и Григорій отвѣчали: «Кипріанъ, митрополитъ кіевскій и всея Русіи, егда пріиде изъ Константина града на русскую митрополію, и тогда съ собою привезъ правильные книги христіанскаго закона греческаго языка правила и перевелъ на словенскій языкъ, и Божіею милостію пребываютъ и донынѣ безъ всякихъ смутовъ и прикладовъ новыхъ вводовъ; да многія книги греческаго языка есть у насъ старыхъ переводовъ, а нынѣ къ намъ которые книги входятъ печатные греческаго жъ языка и будетъ сойдутся съ старыми переводы, и мы ихъ пріемлемъ и любимъ, а будетъ что въ нихъ приложено ново, и мы тѣхъ не пріемлемъ, хотя они и греческимъ языкомъ тиснуты, потому что Греки живутъ нынѣ въ великихъ тѣснотахъ въ невѣрныхъ странахъ и печатати имъ по своему обычаю невозможно» ([18]). Здѣсь наши книжники допустили двоякую ошибку. Они выражаютъ мысль, какбудто только съ митрополита Кипріана къ намъ введены греческія правила въ славянскомъ переводѣ и будто переводъ Кипріановъ есть самый древній въ Россіи, тогда какъ еще гораздо прежде, со временъ митрополита Кирилла, правила постоянно употреблялись у насъ въ славянскомъ переводѣ, судя по многочисленнымъ спискамъ,—не говоримъ о періодѣ древнѣйшемъ. Выражаютъ также мысль, будто въ ихъ время, т. е. въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія, греческія правила находились въ

([18]) Это пpѣніе Лаврентія Зизанія съ игум. Иліею напечатано въ „Лѣтопис. русской литерат. и древностей“, изд. *Тихонравовымъ*, 1859, кн. IV, отд. II, стр. 99.

церковномъ употребленіи у насъ въ переводѣ Кипріановомъ безъ всякихъ смутовъ и прикладовъ,—между тѣмъ несомнѣнно, что тогда если не исключительно, то преимущественно употреблялся или, по крайней мѣрѣ, уважался въ нашей Церкви переводъ правилъ, существовавшій со временъ митрополита Кирилла, по редакціи рязанской: потому что когда чрезъ нѣсколько лѣтъ духовныя власти и книжники рѣшились напечатать славянскую Кормчую, то напечатали ее именно по редакціи рязанской, отдавъ ей предпочтеніе предъ всѣми другими. Мало того, патріархъ Никонъ свидѣтельствуетъ, что хотя при печатаніи Кормчей собраны были многіе списки ея,— «многія переводы сея святыя книги ко свидѣтельству», но оказалось, что всѣ эти Кормчія «въ толкованіяхъ св. правилъ во всѣхъ переводѣхъ, яко друга друзей, вси согласуютъ» ([18]). Явный знакъ, что въ числѣ собранныхъ тогда списковъ находились только списки рязанской и софійской фамиліи, содержащіе въ себѣ одни и тѣже толкованія, буквально сходныя, которыя и вошли потомъ въ печатную Кормчую, и что другаго перевода Кормчей, по крайней мѣрѣ, съ другими толкованіями, полными, по одному Зонару, тогда не употреблялось или не было извѣстно въ русской Церкви. Все это невольно возбуждаетъ недовѣріе къ свидѣтелямъ о переводѣ церковныхъ правилъ, будтобы сдѣланномъ митрополитомъ Кипріаномъ, которые притомъ жили болѣе двухъ столѣтій послѣ Кипріана, и располагаетъ подозрѣвать, не смѣшали ли они митрополита Кипріана съ митрополитомъ Кирил-

([18]) Послѣслов. къ 1 части печатной Кормчей л. 647.

ломъ, не приписываютъ ли первому того, что собственно принадлежитъ послѣднему, не называютъ ли Кипріановымъ перевода, существовавшаго въ Россіи со временъ Кирилла и принятаго потомъ за основаніе печатной Кормчей. Правда, въ одной лѣтописи говорится, что когда въ 1547 г. митрополитъ Макарій спасался изъ Успенскаго собора, по случаю страшнаго пожара, охватившаго весь московскій кремль, то взялъ съ собою икону, писанную святителемъ Петромъ и «книгу—*божественныя правила*, юже Кипріанъ митрополитъ изъ Царяграда принеслъ» ([20]). Но кромѣ того, что здѣсь говорится о книгѣ правилъ, принесенной Кипріаномъ, спустя уже около полутораста лѣтъ послѣ него, говорится еще очень неопредѣленно: что содержала въ себѣ эта книга правилъ, греческій ли текстъ ихъ или славянскій переводъ; былъ ли это новый переводъ правилъ или прежній, употреблявшійся уже въ Россіи; если новый, то Кипріаномъ ли онъ сдѣланъ или кѣмъ другимъ; пріобрѣтена ли была эта книга Кипріаномъ въ Константинополѣ уже готовая или имъ самимъ переписана. Извѣстно, что митрополитъ Кипріанъ не разъ проживалъ въ Константинополѣ и занимался тамъ списываніемъ книгъ въ Студійской обители. Тамъ списалъ онъ въ 1387 г. Лѣствицу съ толкованіями, сохранившуюся доселѣ, по переводу, незадолго предъ тѣмъ сдѣланному иноками Хиландарскаго монастыря, и принесъ ее въ Россію ([21]). Тамъ же могъ списать онъ соб-

([20]) Степ. кн. II, 248. Въ другихъ лѣтописяхъ упоминаются здѣсь только *правила*, но не сказано, чтобы они были принесены Кипріаномъ изъ Царяграда (*Карамз.* VIII, примѣч. 173), или даже вовсе не упоминается и о правилахъ (Ник. Лѣт. VII, 56).

([21]) *Горск.* и *Невостр.* Опис. рукоп. Синод. библ. отд. II, кн. II, стр. 216–218.

ственноручно и книгу правилъ по переводу, уже существовавшему и даже тому самому, какой употреблялся въ Россіи еще со времень митрополита Кирилла. И эта-то книга правилъ, какъ принесенная изъ Константинополя митрополитомъ Кипріаномъ, особенно если она была вмѣстѣ его автографомъ, могла храниться съ особеннымъ уваженіемъ при каѳедрѣ московскихъ митрополитовъ въ Успенскомъ соборѣ. А наши грамотѣи XVII вѣка, безъ дальнихъ справокъ, могли автографъ Кипріана или даже книгу, имъ только принесенную изъ Греціи, назвать уже его переводомъ, подобно тому, какъ и въ наше время нѣкоторые признаютъ Лѣствицу, только переписанную въ Студійской обители, его собственнымъ переводомъ ([22]). Подтвержденіемъ нашей догадки, что если и существовала книга правилъ, принесенная Кипріаномъ изъ Царяграда, то она заключала въ себѣ не новый переводъ ихъ, а тотъ самый, можетъ быть, съ нѣкоторыми только исправленіями, какой извѣстенъ былъ у насъ и прежде, или, по крайней мѣрѣ, не представляла собою новой редакціи церковныхъ правилъ и толкованій неизвѣстной у насъ прежде, могутъ служить слѣдующія соображенія. Преемникъ Кипріана, митрополитъ Фотій, въ извѣстномъ посланіи противъ избранія Григорія Самвлака, приводитъ до 15 церковныхъ правилъ съ толкованіями, и эти толкованія почти всѣ краткія—Аристиновы, которыя употреблялись у насъ по обоимъ прежнимъ редакціямъ—рязанской и софійской ([23]). Если дѣйствительно сдѣ-

([22]) См. Обзор. Русск. Дух. Литерат., ч. I, 77, въ статьѣ о митрополитѣ *Кипріанѣ*, и того же автора Истор. Русск. Церкв. II, 62, изд. 2.

([23]) Акт. Ист. I, № 19.

ланъ былъ Кипріаномъ новый переводъ Кормчей и заключалъ въ себѣ новую редакцію ея, напримѣръ, правила только полныя съ толкованіями одного Зонары или Валсамона, и если переводъ Кипріановъ въ первой четверти XVII столѣтія находился еще въ такомъ употребленіи и уваженіи у насъ, на какія указываютъ игуменъ Илія и справщикъ Григорій: то становится страннымъ и непонятнымъ, отъ чего духовныя власти наши около половины того же столѣтія пренебрегли этимъ новымъ переводомъ, украшеннымъ именемъ достоуважаемаго святителя и напечатали Кормчую по редакціи рязанской, существовавшей еще со временъ митрополита Кирилла II-го. Но дѣло совершенно объяснится, когда предположимъ, что книга правилъ, принесенная Кипріаномъ изъ Константинополя, была только однимъ изъ списковъ этой самой рязанской редакціи и, можетъ быть, даже принята была издателями печатной Кормчей за главное основаніе и пособіе при ея изданіи ([24]). Считая несомнѣннымъ существованіе особаго перевода—Кипріанова—церковныхъ правилъ, нѣкоторые наши писатели старались даже указать тотъ или другой списокъ этого перевода; но указывали безъ достаточныхъ доказательствъ или вовсе безъ доказательствъ ([25]). Мы отнюдь не

([24]) Патріархъ Никонъ, упомянувъ о многихъ Кормчихъ, собранныхъ для свидѣтельствованія, дѣйствительно говоритъ о какой-то одной, наиболѣе важной: „въ нихъ же едина паче прочихъ въ сущихъ правилѣхъ крѣпчайши" (Послѣсл. къ 1 части печ. Кормч. л. 647).

([25]) Баронъ Розенкампфъ думалъ видѣть Кипріановъ переводъ церковныхъ правилъ въ переводѣ, который нашелъ онъ въ сводной Кормчей по списку 1615 года: такъ какъ переводъ этотъ отличенъ отъ всѣхъ прочихъ переводовъ и по слогу можетъ будтобы приличествовать Кипріану (О Кормч. 75). Преосв. Филаретъ, называя догадки Розенкампфа невѣрными, говоритъ только, что списокъ Кипріановой Кормчей—въ библ. московскаго Успенскаго собора (Обзор.

отвергаемъ, что со временемъ, когда внимательнѣе и подробнѣе будутъ обслѣдованы всѣ уцѣлѣвшіе у насъ списки славянской Кормчей, можетъ быть, и подтвердится, что Кипріаномъ точно была переведена Кормчая и особой редакціи. А говоримъ только, что, при настоящемъ положеніи дѣла, признать за историческую истину существованіе этого перевода нѣтъ достаточныхъ основаній.

Со временъ митрополита Кирилла II-го предки наши имѣли возможность изучать церковные законы въ полномъ ихъ составѣ, какъ они изложены въ Кормчихъ рязанской и софійской фамиліи. Но кромѣ того, для той же цѣли служили разные сборники, въ которые вносились не всѣ, а лишь нѣкоторыя узаконенія церковныя, или вносились по частямъ, отрывками и безъ всякаго опредѣленнаго порядка и связи. Таковъ сборникъ XIII—XIV в., писанный въ Россіи и заключающій въ себѣ только правила по изложенію патріарха Іоанна Схоластика въ древнѣйшемъ славянскомъ переводѣ, и притомъ не въ порядкѣ, а перемѣшанныя съ правилами и статьями другаго перевода и позднѣйшаго происхожденія. Таковы оба сборника Никона Черногорца—Пандекты и Тактиконъ, довольно распространенные у насъ въ XIV—XV столѣтіяхъ и наполненные множествомъ приводимыхъ правилъ и узаконеній по разнымъ предметамъ церковной, особенно монашеской жизни. Наконецъ, таковы же доселѣ сохранившіеся сборники преп. Кирилла Бѣлоезерскаго подъ заглавіями: «отъ правилъ

Р. Дух. Лит. I, 78; Истор. Русск. Ц. II, 129, примѣч. 217) и ссылается въ послѣднемъ своемъ сочиненіи на *Снегирева*—Памятн. Моск. Древност., стр. 46—48, хотя во всемъ описаніи этой Кормчей, здѣсь помѣщенномъ, нѣтъ ни малѣйшаго намека на ея происхожденіе отъ Кипріана.

св. апостолъ и св. отецъ», или: «отъ Никонскихъ правилъ (т. е. изъ Никона Черногорца)», и содержащіе въ себѣ отрывки и цѣлыя статьи самаго разнообразнаго церковно-юридическаго содержанія (26).

Само собою разумѣется, что если предки наши списывали Кормчія въ полномъ ихъ составѣ или сборники церковныхъ правилъ, то списывали не для одного изученія ихъ, а преимущественно для практическаго употребленія. Митрополитъ Кириллъ, столько сдѣлавшій для распространенія у насъ славянской Кормчей, первый показалъ примѣръ и приложенія ея къ современнымъ потребностямъ русской жизни. Желая искоренить различные недостатки и злоупотребленія въ своей обширной митрополіи, онъ созвалъ въ 1274 г. соборъ во Владимірѣ и на соборѣ постановилъ извѣстныя правила: въ этихъ правилахъ онъ не только ссылается на древніе каноны Церкви, но еще чаще приводитъ ихъ цѣликомъ изъ славянской Кормчей. Въ 1382 г. константинопольскій патріархъ Нилъ послалъ суздальскаго архіепископа Діонисія, какъ «священныхъ каноновъ извѣстна хранителя», въ Псковъ для вразумленія стригольниковъ, и когда здѣсь братія Снѣтогорскаго монастыря попросили Діонисія исправить безпорядки въ ихъ обители, то онъ, «възрѣвъ въ Номоканонъ, во правила св. отецъ», далъ монастырю уставную грамату, въ которой приводитъ два правила, одно пятаго вселенскаго собора, другое

(25) О Сборникѣ съ правилами по Іоанну Схоластику—*Восток*. Опис. Рум. Муз. № 230, стр. 283. О Пандектѣ и Тактиконѣ Никона Черногорца — *Сав*. Указат. Сунод. библ. 213; *Калайдов*. Опис. рукоп. Толстов. 79. 169. 510. 701 705; *Варлаам*. Обозр. рукоп. Кирилла Бѣлоез. —въ Чтен. Ист. Общ. 1860, II, отд. II, 45—55. О трехъ Сборник. преп. Кирилла Бѣлоез.—*Варлаам*. тамъ же 26—68

св. Василія великаго. Въ 1385 г. жители Новгорода всѣ, начиная съ посадника до послѣднихъ черныхъ людей, дали присягу на вѣчѣ, чтобы «не зватися къ митрополиту, а судити (ихъ) владыкѣ Алексѣю въ правду по Манаканону» ([27]). Митрополитъ Кипріанъ въ своей настольной граматѣ новгородскому архіепископу Іоанну ссылается на правила св. апостоловъ, преданіе св. соборовъ и уставъ св. отцевъ; въ своей граматѣ Псковичамъ, которою отмѣнялъ грамату суздальскаго архіепископа Діонисія, замѣчаетъ, что послѣдній сдѣлалъ то «не по закону и не по правиламъ»; наконецъ, въ своей граматѣ одной вдовѣ, желавшей усыновить пріемыша, говоритъ, что, «воззрѣвъ въ Намаконунъ», нашелъ въ немъ правила касательно этого предмета, которыя вслѣдъ за тѣмъ и приводитъ. Еще чаще пользовался въ своихъ посланіяхъ и граматахъ древними канонами Церкви митрополитъ Фотій: онъ приводитъ въ окружномъ посланіи противъ избранія митрополита Григорія Самвлака — 30 такихъ правилъ, въ поученіи псковскому духовенству — 10, въ посланіи въ Псковъ о стригольникахъ — 6. А въ другомъ посланіи туда же, приведши буквально только два правила и указавъ еще пять, извиняется, что не успѣлъ отыскать и написать эти послѣднія правила, и проситъ: «и вы, сынове, сами поищѣте въ св. правилѣхъ тѣхъ правилъ, пишущихъ о томъ», — знакъ, что Кормчая книга употреблялась тогда и въ Псковѣ ([28]).

Дополненіемъ къ правиламъ древнихъ соборовъ, изложен-

([27]) Русск. Достопам. I, 106—118; Акт. Ист. I, №№ 4 и 5, стр. 6. 7. 8; П. Собр. Р. Лѣт. IV, 97.

([28]) Акт. Истор. I, №№ 7. 8. 10. 21. 22. 23. 255, стр. 16. 17. 19. 27—40. 42—49. 484.

нымъ въ Кормчей, служили у насъ постановленія новыхъ соборовъ, разсуждавшихъ о дѣлахъ нашей Церкви. Такихъ соборовъ, оставившихъ свои постановленія, въ настоящій періодъ было только два: одинъ въ Россіи, во Владимірѣ на Клязьмѣ, при митрополитѣ Кириллѣ, въ 1274 г.; другой—въ Царьградѣ въ 1301 г., гдѣ, въ присутствіи нашего митрополита Максима, сарскій епископъ Ѳеогностъ предлагалъ свои вопросы и получилъ на нихъ отвѣты. Опредѣленія обоихъ этихъ соборовъ почти всѣ относятся къ совершенію таинствъ и вообще къ общественному богослуженію, и потому изложены были нами въ своемъ мѣстѣ. А здѣсь намъ остается замѣтить, что тѣ и другія имѣли у насъ практическое употребленіе: правила собора владимірскаго, какъ данныя для всей русской Церкви, чрезъ какихъ нибудь восемь или десять лѣтъ уже занесены были въ новгородскую Кормчую и вслѣдъ за тѣмъ перешли и въ другія Кормчія; а отвѣты цареградскаго собора на вопросы Ѳеогноста, хотя вызваны были преимущественно потребностями одной епархіи сарайской, встрѣчаются и въ Кормчихъ и въ нѣкоторыхъ сборникахъ церковныхъ правилъ ([20]). Къ числу соборныхъ рѣшеній или правилъ надобно отнести и всѣ постановленія, граматы и подобные акты цареградскихъ патріарховъ, которые они издавали и присылали въ Россію обыкновенно не отъ своего только лица, но вмѣстѣ и отъ лица своего патріаршаго собора, и о которыхъ мы не разъ упоминали въ своей исторіи. Таковы, напримѣръ, постановленія то о раздѣленіи русской митрополіи на двѣ и на три части, то о возсоединеніи ихъ, настольныя

([20]) См. нашей Исторіи т. IV, примѣч. 373 и 396.

граматы митрополиту кіевскому Алексію и митрополиту галицкому Антонію, посланія къ Новгородцамъ и къ ихъ владыкамъ о покорности митрополиту, граматы объ отлученіи отъ Церкви нѣкоторыхъ русскихъ князей, о возведеніи Суздаля на степень архіепископіи, о причисленіи къ ней Нижняго Новгорода и Городца, о запрещеніи луцкаго епископа Іоанна и проч. Всѣ эти акты, безъ всякаго сомнѣнія, имѣли полную обязательную силу для русской Церкви.

Случалось, что наши митрополиты и отъ себя издавали правила, писали граматы и каноническія посланія, предназначавшіяся то для всей отечественной Церкви, то для нѣкоторыхъ лицъ и мѣстностей. Митрополитъ Максимъ издалъ извѣстное уже намъ правило о временахъ поста, содержавшее въ себѣ, кромѣ того, и заповѣдь правовѣрнымъ христіанамъ, чтобы они держали женъ отъ св. соборныя и апостольскія Церкви и не держали ихъ безъ благословенія церковнаго: правило это внесено было въ нѣкоторыя Кормчія (30). Митрополитъ Петръ издалъ слѣдующее постановленіе или «поученіе» касательно вдовыхъ священниковъ: «если у попа умретъ попадья и онъ пойдетъ въ монастырь и пострижется: то онъ сохраняетъ свое священство. Если же захочетъ пребывать въ мірѣ и любить мірскія сласти: то да не служитъ и, если не послушаетъ моего писанія, да будетъ неблагословенъ, равно какъ и тѣ, которые будутъ сообщаться съ нимъ. А если какой попъ будетъ упиваться: да не считается тотъ за истиннаго священника Христова». Нѣтъ сомнѣнія, что только недостойная и соблазнительная жизнь вдовыхъ священниковъ могла выну-

(30) *Востокъ.* Опис. Румянц. Муз. 304. 321.

дить архипастыря сдѣлать такое постановленіе. Не видно, чтобы оно оставалось въ силѣ при ближайшихъ преемникахъ св. Петра; но митрополитъ Фотій, какъ только прибылъ въ Россію, тотъчасъ возобновилъ это правило во всей своей митрополіи, запретивъ вдовымъ священникамъ совершать богослуженіе, если они не шли въ монастырь, и только однажды, на короткое время, разрѣшалъ ихъ, по случаю моровой язвы, когда оказался недостатокъ въ пастыряхъ Церкви. Правила святителей Петра и Фотія о вдовыхъ священникахъ не были занесены въ Кормчія книги; но за достовѣрность и вмѣстѣ важность этихъ правилъ ручается то, что на нихъ ссылался въ своемъ опредѣленіи московскій соборъ 1503 г. и оба они цѣликомъ были приведены стоглавымъ соборомъ въ его Стоглавѣ (31). Отъ митрополитовъ Θеогноста и Алексія сохранилось только по одной правительственной граматѣ, и содержанія самаго частнаго, именно о разграниченіи двухъ епархій, сарайской и рязанской. За то отъ послѣдующихъ святителей — Кипріана и Фотія дошло до насъ очень довольно подобныхъ актовъ въ видѣ граматъ и посланій къ частнымъ лицамъ, монастырямъ и церквамъ, а иногда ко всей Церкви, ко всему духовенству и народу. Большая часть изъ этихъ актовъ содержатъ въ себѣ правила, рѣшенія, распоряженія относительно церковнаго богослуженія, которыя нами уже разсмотрѣны. Но есть акты, касающіеся исключительно или преимущественно церковной власти, суда и управленія. Митрополитъ Кипріанъ въ настольной граматѣ новгородскому архіепископу Іоанну говоритъ о правахъ и власти епархіальныхъ архіереевъ слѣдую-

(31) А. Э. I, № 383, стр. 486. Самыя правила эти см. въ Приложен. № II.

щее: «предѣлы церквамъ Божіимъ, митрополіямъ и епископіямъ уставлены по преданію св. апостолъ и правиламъ св. отцевъ. Что потягло къ которой митрополіи или епископіи, монастыри, игумены съ чернецами, попы, діаконы и всякій церковный человѣкъ, — то все должно находиться подъ властію и въ послушаніи святителю, и никто да не смѣетъ, ни одинъ христіанинъ, ни малый ни великій, вступаться въ тѣ дѣла. Если же какой игуменъ, или попъ, или чернецъ будетъ отнимаемъ мірскими властелинами отъ святителя: таковаго божественныя правила извергаютъ и отлучаютъ; а кто за нихъ станетъ заступаться, того не благословляютъ. Такъ же погосты и села и земли и воды и пошлины, что потягло къ церкви Божіей, или купли, или кто далъ на память по душѣ своей,—во все то ни одинъ христіанинъ да не вступается; а кто вступится, того не благословляютъ божественныя правила». Далѣе митрополитъ предоставляетъ всѣ эти права и владыкѣ новгородскому Іоанну въ его епархіи. Какбы развитіе тѣхъ же самыхъ мыслей находимъ въ граматѣ Кипріана къ Псковичамъ (12 мая 1395 г.). «Я слышалъ, пишетъ онъ, что въ Псковѣ міряне судятъ поповъ и казнятъ ихъ въ церковныхъ дѣлахъ: ино то вопреки христіанскому закону; не годится мірянамъ ни судить попа, ни казнить, ни осуждать его, ни слова на него молвить. Но святитель, который ихъ (священниковъ) ставитъ, тотъ ихъ и судитъ, и казнитъ, и учитъ..... Еще я слышалъ, что нѣкоторые молодые попы да овдовѣли и, не оставивъ священства, поженилися: и того вамъ не годится судить, не касайтеся ихъ ничѣмъ. Вѣдастъ то святитель, который ихъ ставитъ: онъ и поставилъ, и извергнетъ, и осудитъ, и казнитъ, и научитъ. А вамъ не годится

въ тѣ дѣла вступаться. Кого церковь Божія и святитель огласитъ, и вамъ слѣдуетъ по тому оглашенію держать его. А земли церковныя или села, будутъ ли куплены, или кѣмъ пожертвованы предъ смертію которой церкви,—въ земли тѣ никто бы изъ васъ не вступался, чтобы церковь Божія не была изобижена». Въ 1391 г. Кипріанъ далъ грамату своему владимірскому Константиновскому монастырю, который числился за нашими митрополитами. Крестьяне этого монастыря принесли жалобу архипастырю на игумена Ефрема, что онъ наряжаетъ имъ дѣло не по пошлинѣ и беретъ съ нихъ пошлины, какихъ прежніе игумены не брали. Кипріанъ обратился къ предшественнику Ефрема, находившемуся тогда въ Москвѣ, и къ своимъ владимірскимъ боярамъ, желая узнать отъ нихъ съ точностію, что отбывали крестьяне для монастыря прежде. И когда убѣдился, что и при прежнихъ игуменахъ крестьяне несли тѣ же самыя повинности, какія требовались отъ нихъ при новомъ, то изложилъ все это на бумагѣ, которую и передалъ на храненіе въ монастырь для руководства игумену и крестьянамъ ([32]). Изъ граматъ и посланій митрополита Фотія по дѣламъ собственно церковнаго управленія замѣчательны: посланіе въ Новгородъ (29 авг. 1410 г.) и нѣкоторыя посланія въ Псковъ. Въ первомъ посланіи святитель запрещаетъ священникамъ и инокамъ заниматься торговлею и отдавать деньги въ ростъ, вооружается противъ живущихъ съ женами безъ благословенія церковнаго, противъ вступающихъ въ третій и особенно въ четвертый бракъ, противъ укоренившагося обычая сквернословія, противъ лихихъ бабъ, ихъ басней, во-

([32]) Акт. Истор. I, №№ 7. 9; А. Эксп. I, № 11.

рожбы и причитаній, наконецъ, противъ поединковъ на полѣ, и за все это опредѣляетъ различныя епитиміи. Въ посланіяхъ къ Псковичамъ, въ одномъ—митрополитъ заповѣдуетъ, чтобы православные не вкушали удавленины и чтобы съѣстные припасы, приносимые изъ нѣмецкой земли, вино, хлѣбъ, овощи, предварительно были очищаемы молитвою отъ іерея и потомъ употребляемы въ пищу; въ другомъ— запрещаетъ мірянамъ вмѣшиваться въ дѣла монастырскія; въ третьемъ—повелѣваетъ духовенству упорныхъ и нераскаянныхъ стригольниковъ отлучать отъ Церкви, а вѣрнымъ не имѣть съ ними общенія; въ четвертомъ—предписываетъ, чтобы ротники, нарушающіе клятву и присягу, были удалены отъ званія судей и церковныхъ старостъ и чтобы старостами при церквахъ не были такъ же двоеженцы и троеженцы (³³).

Какъ митрополиты въ своей митрополіи, такъ точно и епископы, каждый въ своей епархіи, дѣлали постановленія и издавали указы, смотря по открывавшимся нуждамъ своей мѣстной церкви. Напримѣръ, владыка новгородскій Симеонъ, узнавъ, что въ псковскомъ Снѣтогорскомъ монастырѣ нѣкоторые иноки живутъ не почернечески, не держатъ духовника, не повинуются игумену и старцамъ, а вышедши вонъ изъ монастыря, вооружаютъ на игумена и старцевъ мірскихъ людей и мірскихъ судей, которые и судятъ тѣхъ мірскимъ обычаемъ, послалъ (1416—1421) въ Псковъ свою грамату и повелѣлъ: мірскимъ людямъ и судьямъ отнюдь не мѣшаться въ монастырскія дѣла, а держать о тѣхъ дѣлахъ игумену и старцамъ свою крѣпость монастырскую; чернецамъ быть у

(³³) Акт. Эксп. I, № 369; Акт. Истор. I, №№ 22. 26. 33. 34.

игумена и старцевъ въ послушаніи и имѣть духовнаго отца; если же кто не будетъ такъ жить, а начнетъ возбуждать въ братіи брани и не покаряться игумену и старцамъ, таковыхъ удалять изъ обители и не отдавать имъ внесеннаго ими вклада; такъ же въ случаѣ смерти какого-либо чернеца все, оставшееся послѣ него, должно поступить монастырю и братіи, а мірскимъ людямъ къ тому не пріобщаться; если какой чернецъ, вышедъ изъ монастыря, начнетъ возставлять противъ игумена и старцевъ мірскихъ людей или судей, таковый да будетъ подъ тяготою св. Церкви. Равнымъ образомъ и другой новгородскій владыка—Евѳимій, когда получилъ извѣстіе, что въ Псковъ приходятъ игумены, священники, діаконы изъ другихъ странъ, изъ русской земли и изъ литовской, а такъ же тѣ, которые прежде ходили изъ Пскова на Русь или Литву ставиться въ попы или въ діаконы,—то прислалъ (1426 г.) псковскому духовенству наказъ: отъ всѣхъ такихъ игуменовъ священниковъ и діаконовъ требовать, чтобы каждый представилъ свою ставленную и отпускную грамату и каждый исповѣдался предъ отцемъ духовнымъ; у кого окажется та и другая грамата и за кого поручится отецъ духовный, того допускать къ литургисанію и вообще священнодѣйствіямъ; а у кого не будетъ граматъ или за кого не поручится духовникъ, тѣхъ не принимать къ себѣ (34).

(34) Акт. Истор. I, №№ 24 и 31.

II.

Кормчая книга, со временъ митрополита Кирилла II, списывалась у насъ въ полномъ своемъ составѣ, т. е. заключала въ себѣ не только правила собственно церковныя: св. апостоловъ, св. соборовъ и св. отцевъ, но и узаконенія греческихъ императоровъ, относящіяся къ Церкви. Уже отсюда можемъ заключать, что пастыри наши не считали для себя излишними и эти послѣднія узаконенія и могли пользоваться ими, по крайней мѣрѣ, настолько, насколько они согласовались съ гражданскими законами отечественной земли или имъ не противорѣчили. И дѣйствительно иногда пользовались. Митрополитъ Кипріанъ, рѣшая вопросъ по дѣламъ семейнымъ объ усыновленіи пріемыша одною вдовою, привелъ изъ Кормчей два гражданскихъ греческихъ узаконенія и на нихъ основалъ свое распоряженіе. Митрополитъ Фотій, вмѣстѣ съ правилами св. соборовъ, св. отцевъ и вселенскихъ патріарховъ, привелъ узаконенія греческаго императора Исаакія Комнина о пошлинахъ, при поставленіи на церковныя степени и императора Льва премудраго о неупотребленіи въ пищу удавленины ([15]). Но какъ не всѣ законы греческихъ государей, находящіеся въ Кормчей, могли имѣть у насъ приложеніе, будучи написаны совсѣмъ для другой страны, не всѣ могли гармонировать съ нашими отечественными гражданскими законами: то еще съ XIV вѣка, если не ранѣе, у насъ начали появляться юридическіе сборники подъ именемъ «Мѣрила пра-

([15]) Акт. Истор. I, № 21, стр. 44; № 22, стр. 47; № 255, стр. 484.

веднаго», въ которыхъ преимущественно помѣщались только нѣкоторыя изъ этихъ греческихъ узаконеній, только извлеченія изъ нихъ, и помѣщались вмѣстѣ съ русскими законами, и еще другіе сборники, въ которыхъ вмѣстѣ съ русскими законами помѣщалась только одна статья изъ греческихъ гражданскихъ постановленій, находящихся въ Кормчей, извѣстная подъ именемъ «закона суднаго людямъ» или Судебника царя Константина. Такое соединеніе нѣкоторыхъ церковно-гражданскихъ узаконеній греческихъ съ русскими въ этихъ сборникахъ даетъ поводъ заключать, что они предназначались для практическаго употребленія въ нашихъ судахъ, церковныхъ и гражданскихъ ([36]).

Гораздо болѣе мы имѣемъ данныхъ на то, что въ монгольскій періодъ у насъ оставались въ силѣ узаконенія нашихъ отечественныхъ древнихъ князей на пользу Церкви. Разумѣемъ— церковный уставъ Владиміровъ и служившій какбы дополненіемъ къ нему уставъ Ярославовъ. Во второй половинѣ XIII вѣка уставъ св. князя Владиміра внесенъ въ Кормчія книги, изъ которыхъ одна написана была въ Новгородѣ, и другая на Волыни ([37]). Къ концу того же вѣка одинъ изъ епископовъ владимірскихъ писалъ къ великому князю владимірскому, сыну св. Александра Невскаго: «вѣдай сынъ мой-князь, какъ великіе князья, твои прадѣды и дѣды и отецъ твой великій князь Александръ украсили церковь Божію кли-

([36]) Русск. Достопамятн. II, предисл. II—V и стр. 138—200; *Калачов.* О „Мѣрилѣ праведномъ"—въ Архивѣ историко-юрид. свѣд. о Россіи I, отд. III, 28—40, и *его же* „о значеніи Кормчей", въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, № 3, отд. I, 117—120.

([37]) См. нашей Исторіи т. I, примѣч. 270.

рошанами и книгами и обогатили домы ея великими десятинами по всѣмъ городамъ и судами церковными. А нынѣ, сынъ-князь, я отецъ твой, епископъ Володимірскій, напоминаю тебѣ, сыну своему, о церкви Божіей: самъ ты вѣдаешь, что церковь та ограблена и домы ея пусты». Вслѣдъ за тѣмъ епископъ перечисляетъ суды церковные тѣми самыми словами, какъ они перечислены въ уставѣ Владиміра, и заключаетъ: «то все—суды церковные, данные закономъ Божіимъ, прежними царями и нашими великими князьями; князю и боярамъ и судьямъ въ тѣ суды не должно вступаться» ([38]). Еслибы уставъ Владиміровъ не находился тогда у насъ во всей силѣ: могъ ли бы такъ говорить епископъ владимірскій своему великому князю? А изъ словъ епископа къ этому князю, что не только предки его, но и самъ отецъ его, обогатили Церковь десятинами и судами церковными,—которые вслѣдъ за тѣмъ перечисляются словами устава Владимірова, естественно заключить, что и св. Александръ Невскій, во дни своего княженія, подтвердилъ княжескою властію этотъ древній церковный уставъ. Впродолженіе всего XIV вѣка мы уже не видимъ, чтобы какой либо князь подтверждалъ для Церкви наши древніе церковные уставы, или чтобы какой митрополитъ и епископъ просили о томъ князя: въ этомъ совершенно не оказывалось нужды. Тогда было время ханскихъ ярлыковъ русскому духовенству; а въ ярлыкахъ ханы ясно говорили: «да вси покаряются и повинуются митрополиту, вся его церковныя

([38]) *Восток.* Опис. Рум. Муз. 291; Прав. Собесѣдн. 1861, III, 467—472; Матеріалы для Истор. Русск. Церкви I, 14—15, Харьк. 1862 г. Объ авторѣ этого посл. см. въ Приложен. № IV.

причты, по первымъ изначала закономъ ихъ...; да не вступаются въ церковное и митрополиче никто же...; но вся стяжанія и имѣнія ихъ церковныя, и люди ихъ, и вся причты ихъ, и вся законы ихъ, уложенные старые отъ начала ихъ— то все вѣдаетъ митрополитъ, или кому прикажетъ; да не будетъ ничто же перечинено, или порушено, или кѣмъ изобижено» ([39]). При такой охранѣ отъ хановъ никто, конечно, ни изъ подданныхъ ни изъ князей не могъ стѣснять прежнихъ правъ нашего духовенства. И утверждая *всѣ* старые, изначальные законы, какими пользовалось наше духовенство, не утверждали ли ханы тѣмъ самымъ и древнихъ уставовъ, данныхъ Церкви нашими первыми христіанскими князьями—св. Владиміромъ и Ярославомъ? Но вотъ когда, послѣ куликовской битвы, власть монгольскихъ хановъ начала видимо упадать въ Россіи и прекратились самые ханскіе ярлыки русскому духовенству, а между тѣмъ самостоятельность и могущество московскихъ князей постоянно возрастали: митрополитъ Купріанъ, не обращаясь уже къ хану за ярлыкомъ, счелъ нужнымъ просить своего великаго князя московскаго Василія Димитріевича о подтвержденіи древнихъ церковныхъ уставовъ. И Василій Димитріевичь далъ слѣдующую грамату: «Я, великій князь Василій Дмитріевичь всей Руси, сѣдъ съ своимъ отцемъ—Купріаномъ, митрополитомъ кіевскимъ и всей Руси, управилъ по старинѣ о судахъ церковныхъ, нашедши старый Номоканонъ, какъ управилъ прадѣдъ мой, св. князь великій Владиміръ и сынъ его великій князь Ярославъ всей Руси, какъ управили они съ своими митрополитами, о судахъ цер-

([39]) Ярлыкъ Узбека св. Петру—въ Собран. Госуд. грам. II, № 7.

ковныхъ и списали Номоканонъ по греческому Номоканону, что—суды церковные и всѣ церковныя правила, какъ пошло издавна. Потому же и мы нынѣ управили, чтобы то неподвижно было, чтобы ничего впередъ ни умножать, ни умалять, а все оставалось неизмѣннымъ, какъ тѣ великіе св. князья вписали и укрѣпили. Списанъ же этотъ свертокъ изъ великаго и стараго Номоканона въ Москвѣ, въ лѣто 6911 (1403), индикта II, мѣсяца ноября въ 19 день». Въ одномъ изъ списковъ этой граматы, вмѣсто Кипріана стоитъ имя Фотія: очень могло случиться, что Василій Димитріевичь подтвердилъ ее и по просьбѣ новаго митрополита (40). Какъ бы то ни было, но въ первой половинѣ XV вѣка замѣчаются ясные слѣды употребленія у насъ нашихъ древнихъ церковныхъ уставовъ. Новгородскій владыка Симеонъ (1416—1421), заповѣдуя Псковичамъ не вмѣшиваться въ монастырскія дѣла Снѣтогорской обители, предостерегалъ ихъ: «а кто начнетъ вступатися мірянъ, и вы бойтеся того, какъ писано въ Володимеровѣ уставѣ, въ рукописаніи, что таковымъ непрощенымъ быти и горе собѣ наслѣдуетъ». Тутъ не только указаніе на извѣстный Владиміровъ уставъ, но и точныя слова изъ него (41). Въ 1443 г. мстиславскій князь Юрій Семеновичь-Лингвеневъ въ своей жалованной граматѣ Онуфріевскому монастырю о неподсудимости его ни митрополиту, ни мѣстному епископу

(40) *Восток.* Опис. Рум. Муз. 296; *Розенк.* о Кормчей, примѣч. стр. 209. 210. Грамата эта напечатана у *Карамзина* — Ист. Госуд. Росс. V, примѣч. 233, и въ Опис. К.—Софійск. Соб., Приб. № 9. Сомнѣнія Карамзина касательно подлинности ея разрѣшены въ статьѣ Неволина: *о простр. церк. суда въ Россіи до Петра* В. (Полн. Собр. Сочин. *Невол.* VI, 313—315).

(41) Акт. Истор. I, № 24.

писалъ: «а владычнымъ десятникомъ и городскимъ тыхъ людей монастырскихъ не судить.... и винъ (т. е. пеней за вины) не имать на владыку, што въ свитку Ерославли стоитъ,— судить и рядить и вины имать въ духовныхъ судѣхъ на тыхъ людехъ монастырскихъ самому архимандриту». Этотъ свитокъ Ярославль есть, конечно, не другое что, какъ извѣстный церковный уставъ Ярославовъ, въ которомъ дѣйствительно перечисляются церковные суды и пени за преступленія назначаются въ пользу владыкѣ. Но предоставляя эти самыя пени и суды, по крайней мѣрѣ, надъ монастырскими людьми архимандриту своего Онуфріевскаго монастыря, а не владыкѣ, Юрій Семеновичь мстиславскій показалъ, что наши удѣльные князья удерживали за собою право измѣнять въ своихъ владѣніяхъ или различно примѣнять, по своему усмотрѣнію, дѣйствовавшіе въ Россіи церковные уставы, какъ бывало то и прежде въ XII вѣкѣ ([42]).

Обратимся теперь къ ярлыкамъ ханскимъ, о которыхъ мы уже не разъ мимоходомъ упоминали въ нашей исторіи. Ярлыками назывались жалованныя или льготныя граматы, какія давали ордынскіе ханы нашимъ князьямъ и святителямъ. Изъ снесенія разныхъ мѣстъ лѣтописей можно видѣть, что такіе ярлыки должны были испрашивать себѣ у хановъ всѣ наши князья, великіе и удѣльные, всѣ митрополиты и епископы, и потомъ у каждаго, вновь воцарявшагося, хана испрашивать новыхъ ярлыковъ для подтвержденія прежнихъ. Съ этою цѣлію князья и святители, большею частію, отправлялись сами въ

([42]) Акт. Запад. Россіи I, № 43, стр. 58. Снес. нашей Истор. II, стр. 223–225; III, стр. 198—200.

Орду, а иногда получали ярлыки чрезъ пословъ и другія посредствующія лица ([43]). Изъ нашихъ митрополитовъ дѣйствительно ходили въ Орду: Максимъ, Петръ, Ѳеогностъ два раза, Алексій два раза, и о Петрѣ при этомъ замѣчено въ лѣтописи, что онъ получилъ ярлыкъ, а о Ѳеогностѣ, что онъ ходилъ «за причетъ церковный» ([44]). Изъ нашихъ епископовъ ходили въ Орду епископы ростовскіе: Кириллъ два раза, Игнатій два раза и именно «за причетъ церковный», и Тарасій, а о Кириллѣ при томъ сказано въ его житіи, что ханъ Берка повелѣлъ князьямъ ростовскимъ и ярославскимъ «оброки годовыя своя давати владыцѣ въ домъ св. Богородица Ростовскія». Кромѣ того объ одномъ сарайскомъ епископѣ (Варсонофіѣ) читаемъ въ лѣтописи, что царь Узбекъ (1329 г.) «даде ему вся по прошенію его, и никто же его ничимъ же да не обидитъ», иначе—далъ ему ярлыкъ ([45]). Впрочемъ, всѣ ли или не всѣ наши митрополиты и епископы получали ярлыки отъ хановъ; но изъ числа даже несомнѣнно полученныхъ дошли до настоящаго времени только семь: четыре отъ хановъ и три отъ извѣстной ханши Тайдулы, которую исцѣлилъ святитель Алексій. Древнѣйшій изъ дошедшихъ ярлыковъ данъ Менгу-Темиромъ, вѣроятно, по случаю возшествія его на престолъ въ 1266 или 1267 г., вообще «русскимъ митрополитомъ и церковнымъ людемъ», безъ означенія имени тогдашняго митрополита Кирилла II: здѣсь уже упоминается о другихъ та-

([43]) Ник. Лѣт. III, 108. 179. 195; IV, 4. 9. 28. 137. 296.

([44]) Ник. Лѣт. III, 76. 108. 179; *Карамз.* IV, примѣч. 245; П. Собр. Р. Лѣт. III, 77. 82; I, 230; Степ. кн. I, 456.

([45]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 227. 228; Ник. Лѣт. III, 155. О Кириллѣ — въ житіи св. Петра, царевича ордынскаго (Сборн. моей библ. № 8, л. 232).

кихъ же ярлыкахъ, данныхъ прежними ордынскими царями русскому духовенству. Вторый ярлыкъ—хана Узбека митрополиту Петру, 1313 года; третій—хана Бердибека митрополиту Алексію, 1357 года; четвертый—хана Атюляка или Тулунъ-бека (нареченному) митрополиту Михаилу, т. е. архимандриту Митяю, 1379 года. Ханша Тайдула, жена Джанибекова, дала ярлыки: митрополиту Θеогносту въ 1342 г., митрополиту или, какъ догадываются, епископу ростовскому Іоанну въ 1347 г., и митрополиту Алексію въ 1356 году ([46]). Послѣдній ярлыкъ есть не болѣе, какъ подорожная святителю Алексію на случай поѣздки его въ Константинополь. А прочія шесть предоставляютъ разныя права и преимущества русскому духовенству и по содержанію совершенно сходны между собою. Разнятся только тѣмъ, что одни изчисляютъ эти права подробнѣе, другіе короче: самый обширный ярлыкъ есть Узбековъ святителю Петру· потомъ слѣдуютъ ярлыки Менгу-Темира, Бердибека и Атюляка; а самые короткіе—ярлыки Тайдулы. Но такъ какъ всѣ эти ярлыки говорятъ, что они даются по примѣру прежнихъ, данныхъ первыми царями, нисколько тѣхъ не изыначивая, и слѣдовательно каждый послѣдующій ярлыкъ подтверждаетъ всѣ предшествовавшіе: то всѣ шесть уцѣлѣвшіе ярлыки можно разсматривать собственно

([46]) Ярлыки напечатаны: всѣ семь—въ древн. Росс. Вивліоѳикѣ, М. 1787, т. IV; кромѣ Узбекова—въ Суздал. Лѣтописи, Спб. 1792, т. III, 101. 123; кромѣ Тайдулина Іоанну—въ Собр. Госуд. граматъ и догов. II, №№ 2. 7. 9. 10. 11. 12; всѣ семь—въ сочиненіи Григорьева: *о достовѣрности ханскихъ ярлыковъ*, М. 1842, 112—130. Соображенія о митрополитѣ Іоаннѣ, которому данъ ярлыкъ Тайдулою, см. у Григорьева тамъ же, стр. 74—76. Въ ярлыкахъ—Тайдулиномъ Θеогносту и Атюляковомъ Михаилу упоминается еще о ярлыкахъ, которые даны были нашему духовенству ханами Джанибекомъ и Азизомъ, но не дошли до насъ.

какъ одинъ ярлыкъ по содержанію. Права и льготы, какія предоставляли ордынскіе ханы русской Церкви и духовенству въ своихъ ярлыкахъ, были слѣдующія:

1. Ярлыки охраняли святость и неприкосновенность вѣры, богослуженія и законовъ русской Церкви. «Кто вѣру ихъ (Русскихъ) похулитъ или ругается, тотъ ничѣмъ не извинится, и умретъ злою смертію.... Что въ законѣ ихъ иконы и книги или иное что, почему Бога молятъ, того да не емлютъ, ни издерутъ, ни испортятъ» (Ярл. Менгу-Тем.). «Вся законы ихъ уложенные старые отъ начала ихъ—то все вѣдаетъ митрополитъ, или кому прикажетъ; да не будетъ ничто же перечинено, или порушено, или кѣмъ изобижено.... Да всѣ будутъ цѣлы соборныя церкви митрополичи, ни кѣмъ, ни отъ кого не изобижены.... Что законъ ихъ и въ законѣ ихъ церкви, и монастыри, и часовни ихъ, ничѣмъ да не вредятъ ихъ, ни хулятъ; а кто учнетъ вѣру хулити или осуждати, и тотъ человѣкъ не извинится ничимъ же и умретъ злою смертію» (— Узбек.).

2. Ярлыки охраняли неприкосновенность всѣхъ лицъ духовнаго званія, а такъ же всѣхъ церковныхъ людей, т. е. мірянъ, находившихся въ церковномъ вѣдомствѣ и жившихъ на церковныхъ земляхъ, и наконецъ всего церковнаго имущества. «Да никто же обидитъ на Руси соборную церковь митрополита Петра, и его людей, и церковныхъ его; да никто же взимаетъ ни стяжаній, ни имѣній, ни людей.... Вся его люди и вся его стяжанія, какъ ярлыкъ имѣетъ, архимандриты, и игумены, и попы, и вся причты церковныя, ничѣмъ никто да не будетъ изобиженъ.... Что будутъ церковные люди, ремесленницы кои, или писцы, или каменные здатели или деревянные, или

БИБЛІОТЕКА КАЗАНСКАГО ЮНКЕРСКАГО УЧИЛИЩА.

иные мастери каковы ни буди, или ловцы какова лова ни буди, или сокольницы, а въ то наши никто не вступаются и на наше дѣло да не емлютъ ихъ; и пардусницы наши, и ловцы наши, и сокольницы наши, и побережницы наши да не вступаются въ нихъ и да не взимаютъ у нихъ ихъ дѣльныхъ орудій, да не отнимаютъ ничего же.... Да не вступаются никто же ничѣмъ въ церковныя и въ митрополичи, ни въ волости ихъ и въ села ихъ, ни во всякія ловли ихъ, ни въ борти ихъ, ни въ земли ихъ, ни въ улусы ихъ, ни въ лѣсы ихъ, ни во ограды ихъ, ни въ волостныя мѣста ихъ, ни въ винограды ихъ, ни въ мельницы ихъ, ни въ зимовища ихъ, ни въ стада ихъ конныя, ни во всякія скотскія стада» (—Узбек.). «Что церковныя земли и воды, домы, огороды, винограды, мельницы, зимовища, лѣтовища, того у нихъ никто ничего незамаютъ, ни насилуютъ надъ ними; а кто будетъ что взялъ, и онъ отдастъ безпосульно» (—Менгу-Тем., Тайдул., Бердибек. и Атюл.). Въ огражденіе же жизни и собственности церковныхъ людей сказано въ одномъ ярлыкѣ: «а кого нашихъ пословъ или пошлинниковъ убіютъ церковные люди надъ своимъ добромъ, тому телева нѣтъ; а кого нашъ убіетъ церковныхъ людей, и тотъ самъ смертію да умретъ» (— Атюл.).

3. Ярлыки освобождали все духовенство, а такъ же церковныхъ людей и церковныя имущества отъ всякаго рода податей, пошлинъ и повинностей ханамъ. «Во всѣхъ пошлинахъ не надобѣ имъ (духовнымъ) ни котора царева пошлина, ни царицына, ни князей, ни рядцевъ, ни дороги, ни посла, ни которыхъ пошлинниковъ, ни которые доходы» (—Менгу-Тем). «Дань ли на насъ емлютъ, или иное что ни буди: тамга ли, поплужское ли, ямъ ли; мытъ

ли, мостовщина ли, война ли, ловитва ли коя ни буди наша; или егда на службу нашу съ нашихъ улусовъ повелимъ рать сбирати, гдѣ восхотимъ воевати, а отъ сборныя церкви и отъ Петра митрополита никто же да не взимаетъ, и отъ ихъ людей и отъ всего его причта.... По первому пути которая дань наша будетъ, или запросы наши накинемъ, или поплужное, или послы наши будутъ, или кормы наши и коней нашихъ, или подводы, или кормъ пословъ нашихъ, или нашихъ царицъ, или нашихъ дѣтей, и кто ни есть и кто нибудь, да не взимаютъ, да не просятъ ничто же; а что возмутъ, и они отдадутъ назадъ третицею, аще будетъ взяли за нужду великую» (—Узбек.). «Весь чинъ поповскій и вси церковніи люди, какова дань ни буди, или какая пошлина, или которые доходы, или заказы,—или работы, или сторожа, или кормы,—ино тѣмъ церковнымъ людемъ ни видѣти, ни слышати того не надобь.... Не надобь ему (митрополиту), ни его людемъ, ни всѣмъ церковнымъ богомольцамъ, попомъ, и чернецомъ, и бѣльцомъ, и ихъ людемъ, отъ мала и до велика, никакова дань, ни которая пошлина, ни кормъ, ни питіе, ни запросъ, ни дары, ни почестья не воздаютъ никакова; ни служба, ни работа, ни сторожа, ни которые доходы, ни поминки, ни поклонное, ни выходъ, ни полѣтное, ни становое, ни въѣздное, ни мимоходное на дорозѣ послу, ни баскаку, ни которому моему пошлиннику» (—Атюл.). «А что церковныя люди: мастеры, сокольницы, пардусницы, или которыя слуги и работницы, и кто ни будетъ ихъ людей, тѣхъ да не замаютъ ни на что, ни на работу, ни на сторожу» (—Менгу-Тем.). «А въ церковныхъ домѣхъ никто же не ставится, ни рушити ихъ; а кто ся въ нихъ имѣетъ ставити, или рушити ихъ

учнетъ, и тотъ во грѣсѣхъ да будетъ и умретъ злою смертію» (— Бердиб. и Атюл.). Вмѣстѣ съ духовными лицами освобождались отъ всякаго рода повинностей и ихъ братья и сыновья, но только въ такомъ случаѣ, когда жили не въ раздѣлѣ съ ними: «попове, единъ хлѣбъ ядуще и во единомъ мѣстѣ живуще, и у кого братъ или сынъ, и тѣ потомужъ пожалованы будутъ; аще ли отъ нихъ отдѣлилися, изъ дому вышли, и тѣмъ пошлины и дани давать» (— Менгу-Тем. и Узбек.).

4. Ярлыки освобождали духовенство и церковныхъ людей отъ всякой отвѣтственности предъ властями и судами гражданскими во всѣхъ дѣлахъ, даже въ разбоѣ и душегубствѣ, и подчиняли этихъ людей только власти и судамъ церковнымъ. «Знаетъ Петръ митрополитъ въ правду, и право судитъ, и управляетъ люди своя въ правду, въ чемъ нибудь: и въ разбои, и въ поличномъ, и въ татьбѣ, и во всякихъ дѣлахъ вѣдаетъ самъ Петръ митрополитъ единъ, или кому прикажетъ. Да вси покаряются и повинуются митрополиту, вся его церковные причты, по первымъ изначала закономъ ихъ и по первымъ граматамъ нашимъ.... Вся своя церковная управляетъ (митрополитъ) и судитъ и вѣдаетъ, или кому повелитъ таковая дѣяти и управляти. А намъ въ то не вступатися ни во что, ни дѣтямъ нашимъ, ни всѣмъ нашимъ княземъ нашего царства, и всѣхъ нашихъ странъ, и всѣхъ нашихъ улусовъ» (—Узбек.). «Кто учинитъ татьбу или ложь, или иное какое злое дѣло, а не имешь (митрополитъ) того смотрити, или слуги твои почнутъ какову нужу церковнымъ людемъ твоимъ творити, ино то на тобѣ, и ты самъ вѣдаешь, каковъ отвѣтъ Богу за то воздаши, и тотъ грѣхъ на тобѣ,

а мы о томъ ничто же не имѣемъ» (— Атюл.). «Кто разбоемъ и татьбою и ложью лихое дѣло учинитъ каково, а не имешь того смотрити, и ты самъ вѣдаешь, что будетъ тебѣ отъ Бога» (— Бердиб.).

По какому побужденію и съ какою цѣлію монгольскіе ханы давали такія права и льготы русскому духовенству, — это объясняютъ они сами въ своихъ ярлыкахъ: «да не вступаются въ церковное и митрополичье никто же, занеже то Божіе есть все.... Мы жалуемъ ихъ ярлыки, да Богъ насъ пожалуетъ, заступитъ; а мы Божія брежемъ и даннаго Богу не взимаемъ....; да пребываетъ митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи, безъ всякія гонки, да правымъ сердцемъ и правою мыслію молитъ Бога за насъ, и за наши жены, и за наши дѣти, и за наше племя»....(— Узбек.). «Мы пожаловали поповъ и чернцовъ и всѣхъ богодѣльныхъ людей, да правымъ сердцемъ молятъ за насъ Бога, и за наше племя, безъ печали, и благословляютъ насъ...; да не кленутъ насъ, но въ покои молятся за насъ.... Аще ли кто имать неправымъ сердцемъ за насъ молити Бога, ино тотъ грѣхъ на немъ будетъ» (— Менгу-Тем.). Всѣ эти объясненія хановъ мы признаемъ за сущую правду, а отнюдь не за притворство. Въ силу коренныхъ узаконеній великаго Чингисъ-хана потомки его обязывались соблюдать полную вѣротерпимость во всѣхъ своихъ владѣніяхъ, оказывать уваженіе ко всѣмъ религіямъ и покровительство духовнымъ лицамъ всѣхъ исповѣданій, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, лишиться престола. Такъ дѣйствительно и поступали монгольскіе ханы всюду, гдѣ они ни царствовали, въ Китаѣ, Индіи и Персіи: такъ должны

были поступать и у насъ—въ Россіи (47). А что они подлинно желали себѣ молитвъ нашего духовенства и вѣрили въ ихъ силу, хотя сами сначала были язычниками, а потомъ магометанами,—на это мы имѣемъ примѣры. Ханъ Берка, когда опасно заболѣлъ сынъ его и врачи не принесли больному никакой пользы, послалъ въ Ростовъ за владыкою Кирилломъ, прося его молитвъ и обѣщая ему богатые дары, если исцѣлитъ больнаго. Кириллъ повелѣлъ пѣть молебны во всемъ Ростовѣ, освятилъ воду и, отправившись къ хану, дѣйствительно исцѣлилъ его сына. Другой ханъ Джанибекъ, совершенно въ подобныхъ же обстоятельствахъ, посылалъ, какъ извѣстно, за святителемъ московскимъ Алексіемъ, который такъ же исцѣлилъ своими молитвами жену хана Тайдулу (48). Такіе случаи, естественно, могли поддерживать и еще болѣе возбуждать въ ханахъ то высокое понятіе о силѣ молитвъ нашихъ святителей, которое высказывается въ ханскихъ ярлыкахъ имъ.

За нарушеніе вообще своихъ ярлыковъ и почти каждаго изъ правъ, въ нихъ изложенныхъ, а не нѣкоторыхъ только правъ болѣе важныхъ, ханы угрожали гнѣвомъ Божіимъ и смертію: «кто нашъ ярлыкъ и наше слово преслушаетъ, тотъ есть Богу повиненъ и гнѣвъ на себя отъ Него пріемлетъ, а отъ насъ казнь ему будетъ смертная.... Кто вступится въ церковное и въ митрополичье, и на того гнѣвъ будетъ Божій; а по нашему великому истязанію не извинится ничимъ же и

(47) *Григор.* О достов. ханск. ярлыковъ, 36—51.

(48) Ник. Лѣт. III, 208; Степ. кн. I, 454. См. еще нашей Исторіи т. IV, Прилож. № XVII, числ. 1.

умретъ злою казнью» (—Узбек.). «Кто безпутно силу учинитъ какову, или пошлину замыслитъ; тотъ смертію умретъ» (—Тайд.). Отъ кого могли охранять и защищать ханскіе ярлыки русское духовенство? Преимущественно отъ Татаръ, — и сами ханы въ ярлыкахъ прежде всего обращались ко всѣмъ своимъ князьямъ, великимъ и среднимъ и нижнимъ, ко всѣмъ своимъ воеводамъ и вельможамъ, баскакамъ и посламъ и разнаго рода чиновникамъ, наконецъ — ко всѣмъ людямъ своего царства, и ихъ-то обязывали не обижать русскую Церковь и русское духовенство ([49]). Но потомъ ханы обращались въ ярлыкахъ и къ Русскимъ и говорили: «мы дали есмя митрополиту грамату сію крѣпости ему для, да сію грамату видяще и слышаще вси людіе, и всѣ церкви, и всѣ монастыри, и всѣ причты церковные, да не преслушаютъ его ни въ чемъ, но послушни ему будутъ по ихъ закону и по старинѣ, какъ у нихъ изстари идетъ.... Да вси покаряются и повинуются митрополиту, вся его церковныя причты по первымъ изначала законамъ ихъ. .. Вся ихъ законы уложенные старые отъ начала ихъ,—то все вѣдаетъ митрополитъ, или кому прикажетъ; да не будетъ ничто же перечинено, или порушено, или кѣмъ изобижено» (—Узбек.). Поэтому ярлыки могли охранять наше духовенство и отъ соотечественниковъ, кто бы они ни были, князья, бояре или простые люди. Но дѣйствительно ли ярлыки имѣли силу и соблюдались? Наши лѣтописи свидѣтельствуютъ, что каждый разъ, когда чиновники татарскіе

([49]) Чтобы лучше понять имена и значеніе многочисленныхъ чиновниковъ монгольскихъ на Руси, упоминаемыхъ въ ханскихъ ярлыкахъ, чит. объ этомъ статью *Г. Бѣляева*—въ Архив. историко-юрид. свѣд., изд. Калачовымъ, т. I, отд. I, 97—110.

перечисляли въ Россіи народъ, чтобы обложить его данію, они не перечисляли, не включали въ общую перепись только «архимандритовъ, и игуменовъ, и иноковъ, и поповъ, и дьяконовъ, и клирошанъ, и всего причета церковнаго» ([50]): знакъ, что духовенство наше, какъ требовали и ярлыки, на самомъ дѣлѣ освобождалось отъ податей и не платило ничего въ казну ханскую. Могли, безъ сомнѣнія, нѣкоторые и изъ Татаръ нарушать иногда ханскіе ярлыки, какъ бываютъ нарушители, всегда и вездѣ, даже самихъ строгихъ законовъ, — могли разорять и дѣйствительно разоряли наши церкви и монастыри, могли обижать наше духовенство и церковныхъ людей, особенно въ военное время среди всеобщихъ смутъ и безпорядковъ. Но это не доказываетъ, что, ярлыки ханскіе не имѣли силы для всѣхъ вообще Татаръ и особенно въ мирное время. Естественно думать, что ярлыки монгольскихъ государей русскому духовенству, по крайней мѣрѣ, въ періодъ ихъ грознаго могущества надъ Россіею, имѣли всю свою силу и для русскихъ князей и вообще для Русскихъ. А съ другой стороны трудно предположить, чтобы при одномъ уваженіи къ такимъ первосвятителямъ, какіе были у насъ въ тотъ періодъ, именно— Петръ, Ѳеогностъ и Алексій, наши князья рѣшались нарушать дарованныя имъ права и преимущества, хотя, разумѣется, могли быть и изключенія. Но когда власть хановъ въ Россіи начала замѣтно ослабѣвать, когда прекратились, можетъ быть, самые ярлыки ханскіе русскому духовенству (послѣдній изъ нихъ, сколько извѣстно, данъ въ 1379 г.): тогда владѣнія даже митрополитовъ нашихъ стали подвергаться при-

([50]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 203. 226; Ник. Лѣт. III, 37. 59.

тѣсненіямъ со стороны князей и бояръ, — и чтобы оградить себя отъ подобныхъ обидъ, митрополиты Кипріанъ и Фотій уже не искали себѣ ярлыковъ у хановъ, а просили грамать у великаго князя московскаго Василія Дмитріевича. Что касается до частныхъ ограниченій нѣкоторыхъ правъ и льготъ, которыя распространялись ярлыками на самихъ церковныхъ людей — мірянъ и на церковныя имущества: то такого рода ограниченія наши князья, великіе и удѣльные, могли дѣлать всегда въ видахъ государственной пользы и общественнаго благоустройства, не опасаясь никакого сопротивленія со стороны нашихъ архипастырей или жалобъ ихъ монгольскимъ ханамъ. Такія ограниченія мы дѣйствительно и находимъ въ жалованныхъ граматахъ князей нашимъ святителямъ и монастырямъ.

Изъ числа граматъ, пожалованныхъ тогда нашими князьями митрополитамъ и епископамъ, извѣстны нынѣ въ печати только четыре, которыя притомъ относятся всѣ уже къ XV вѣку: одна митрополиту Кипріану, двѣ митрополиту Фотію и одна митрополиту Исидору. Впрочемъ, извѣстно еще содержаніе шести граматъ (1303—1390), данныхъ рязанскимъ владыкамъ мѣстными князьями; но самыя граматы не изданы. А по содержанію онѣ совершенно подхожи на жалованныя граматы митрополитамъ и монастырямъ, которыя мы сейчасъ будемъ разсматривать (51).

Грамата, данная въ 1404 г. великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ митрополиту Кипріану, составлена княземъ вмѣстѣ съ самимъ Кипріаномъ, по ихъ обоюдному согласію, и касается трехъ предметовъ: владѣній митрополита, церков-

(51) *Иловайск.* Истор. Рязанск. княжества, М. 1858, стр. 284—285.

ныхъ даней и бѣлаго духовенства ([52]). Въ первой части, самой обширной, сначала говорится о двухъ селахъ (Лухѣ и Сенегѣ), которыя прежде были оспариваемы и даже несправедливо отнимаемы у митрополита и которыя теперь князь признаетъ за нимъ ([53]); потомъ упоминаются вообще «села митрополичи», тянувшія издавна, еще до Алексія митрополита и при немъ, къ митрополиту; наконецъ— села двухъ владимірскихъ монастырей Константиновскаго и Борисоглѣбскаго, непосредственно зависѣвшихъ отъ митрополита. Жители всѣхъ этихъ селъ—а) освобождаются отъ разныхъ податей и повинностей князю и обязуются нести то и другое для митрополита; б) освобождаются отъ суда княжескаго или свѣтскаго и подчиняются суду митрополита или назначенныхъ имъ властей, а въ монастырскихъ селахъ суду игуменовъ. Но, освобождая отъ своихъ податей и повинностей митрополичихъ людей и села, великій князь требовалъ, чтобы и они—а) вносили ему дань, по его оброчной граматѣ, въ тѣ годы, когда самому ему придется платить «выходъ» или подать въ Орду; б) участвовали въ ямской повинности, поставляли подводы, по старинѣ, въ шестый день; в) не платили торговой пошлины (тамги) только тогда, какъ будутъ продавать свое, а пла-

([52]) Акт. Эксп. I, № 9. Грамата эта не могла быть дана въ 1389 г., когда Кипріанъ еще не пріѣзжалъ въ Москву изъ Константинополя, а дана въ 1408 г. іюня 28, индикта 12.

([53]) Въ граматѣ сказано: а) чтобы бояре и слуги великаго князя и митрополичьи не покупали земель Луховскихъ, а которые покупили, тѣмъ лѣзти вонъ, а серебро свое взяти; б) что Луховцы ставливали хоромы на дворѣ великаго князя въ Володимерѣ, ино то обыскано, что то было учинилося ново, не по пошлинѣ, а нынѣчя не надѣ,—и в) что Сенегъ долженъ принадлежать митрополиту по тому, какъ обыскано и управлено по старинѣ.

тили ее, когда кто либо изъ нихъ будетъ торговать прикупомъ, и чтобы—г) наконецъ, когда князь начнетъ съ кѣмъ войну, въ ней участвовали и бояре и слуги митрополичи подъ воеводою митрополичимъ, а подъ стягомъ самаго великаго князя. Равнымъ образомъ, освобождая вообще митрополичихъ людей отъ своего суда, князь однакожъ присовокупилъ: а) въ случаѣ смѣстнаго суда, т. е. когда изъ двухъ тяжущихся одинъ будетъ митрополичій человѣкъ, а другой княжескій, и ихъ будутъ судить митрополичи судьи вмѣстѣ съ княжескими, прибытки съ суда дѣлить пополамъ; б) если какой либо человѣкъ великаго князя ударитъ челомъ па игумена или попа или чернеца, а митрополита не случится тогда въ великомъ княженіи вслѣдствіе объѣзда митрополіи: то судить ихъ великому князю; в) если, наконецъ, кто ударитъ челомъ великому князю на митрополича намѣстника, или десятинника, или волостеля: то судить ихъ самому великому князю. Такимъ образомъ Василій Димитріевичь московскій нѣсколько поограничилъ тѣ права и льготы, какія предоставлялись ханскими ярлыками не только духовенству, но и церковнымъ и митрополичимъ людямъ, хотя эти ограниченія были почти нечувствительны для самаго митрополита и сдѣланы съ его согласія. Во второй части граматы относительно церковныхъ даней постановлено: сборнаго для митрополита взимать съ каждой церкви по шести алтынъ, да «заѣзда» при обозрѣніи имъ епархіи по три деньги, а больше того не брать ничего; десятиннику же, какъ сядетъ на десятину, взимать пошлины, «за въѣздное и за рожественное и за петровское», по шести алтынъ, а больше не брать ничего (54); взимать сборное для

(54) Такъ какъ въ алтынѣ шесть денегъ: то сборъ съ каждой приходской

митрополита о Рождествѣ Христовѣ, а десятиннику свои пошлины—о Петровѣ днѣ. Соборныя церкви по городамъ, которыя не давали сборнаго при митрополитахъ Θеогностѣ и Алексіѣ, не должны давать и теперь. Это постановленіе, судя уже потому, какъ оно выражено, по всей вѣроятности, было вызвано какими либо злоупотребленіями. Наконецъ, въ послѣдней части граматы великій князь говоритъ: «слугъ моихъ и моихъ данныхъ людей въ діаконы и въ попы митрополиту не ставить. А если какой поповичь, хотябы онъ былъ записанъ въ мою службу, захочетъ ставиться въ попы или діаконы, ино ему вольно ставиться. Тотъ поповичь, который живетъ у отца и ѣстъ отцовъ хлѣбъ, есть митрополичь; а который отдѣлился отъ отца, живетъ собою и ѣстъ свой хлѣбъ, тотъ мой—великаго князя». Такое раздѣленіе поповичей между вѣдомствами духовнымъ и гражданскимъ мы видѣли уже въ ханскихъ ярлыкахъ. Остается замѣтить, что вся эта грамата, данная московскимъ княземъ митрополиту, могла имѣть полную силу только въ областяхъ великаго княженія и простиралась лишь на тѣ митрополичьи вотчины, которыя находились въ уѣздахъ владимірскомъ и московскомъ, но не могла простираться на вотчины митрополита, бывшія въ предѣлахъ кіевскихъ или вообще юго-западныхъ.

Обѣ граматы того же великаго князя митрополиту Фотію имѣютъ предметомъ своимъ исключительно владѣнія митрополита. Въ первой изъ нихъ (1421 г.) князь дозволяетъ Фо-

церкви для митрополита простирался до 75 денегъ. Но при в. к. Василіѣ Дмитріевичѣ деньга заключала въ себѣ не менѣе 14 гранъ аптекарскаго вѣса а иногда 15 и 16 (А. Ч. Опис. древн. Русск. монетъ. Москва 1834, стр. 4). Значитъ, каждая церковь ежегодно взносила митрополиту до 75 золотниковъ серебра.

тію купить деревню Яновльскую съ тѣмъ, чтобы деревня эта, доселѣ тянувшая судомъ и всѣми пошлинами къ волости-Тальшѣ, тянула впредь судомъ и всѣми пошлинами къ митрополиту, кромѣ дани княжеской (вѣроятно, ордынской) и яма. Митрополиту дается вмѣстѣ право перезывать въ свою деревню для поселенія стороннихъ людей, но не изъ той же волости и вообще не изъ великаго княженія, а изъ иныхъ княженій, и эти пришлые люди освобождаются, со времени переселенія, на десять лѣтъ даже отъ дани князю и отъ яма, а по истеченіи десяти лѣтъ обязуются отбывать эту дань и ямскую повинность по силѣ. Во второй граматѣ (1425 г.) подобную привиллегію даетъ князь митрополиту на два другія его села—Андреевское и Мартемьяновское: старожильцы, поселившіеся въ этихъ селахъ освобождаются отъ всякой княжеской дани и повинности на пять лѣтъ, а тѣ, кого перезоветъ къ себѣ митрополитъ изъ иныхъ княженій, но не изъ великаго, на пятнадцать лѣтъ. Свѣтскіе судьи не вмѣшиваются въ тѣхъ селахъ ни во что, кромѣ душегубства; а вѣдаетъ и судитъ тѣ села митрополитъ, или кому прикажетъ. Въ случаѣ смѣстнаго суда въ немъ участвуютъ и митрополичьи и свѣтскіе судьи; но правъ ли или виноватъ окажется митрополичій человѣкъ, съ него ничего не берутъ судьи свѣтскіе, а вѣдаетъ его судья митрополичій. Только татя и разбойника оба судьи казнятъ совокупно. За нарушеніе этой граматы князь угрожаетъ своимъ наказаніемъ и говоритъ, что онъ ее не измѣнитъ ([55]).

Грамата митрополиту Исидору, данная кіевскимъ княземъ Александромъ Владиміровичемъ, касается кіевскихъ имѣній митрополита, и хотя сама относится уже къ 1441 г., но ука-

([55]) Акт. Эксп. I, № 20 и № 23.

зываетъ на порядокъ дѣлъ, существовавшій издавна. Князь именно говоритъ, что даетъ, по старому, св. Софіи—церкви Божіей и митрополиту все, что издавна принадлежало митрополіи, а такъ же при Фотіѣ митрополитѣ,—всѣ села и волости, съ даньми и со всѣми доходами, равно земли и воды, съ бортами и со всѣми пошлинами, съ людьми и съ озерами, которыя издавна пожертвованы въ церковь Божію, на поминъ души, великими благовѣрными князьями и княгинями, боярами и боярынями и другими именитыми людьми. Во всѣ эти церковныя вотчины, ихъ доходы и пошлины не должны вступаться ни воеводы, ни тіуны князя, а все то держитъ и вѣдаетъ митрополитъ кіевскій, какъ держали изъ старины первые митрополиты. Только половину *осмьничнаго* (торговой пошлины, взимавшейся съ цѣны товаровъ) давать митрополиту, а другую половину брать на князя. Такъ же люди митрополичьи должны помогать въ поборъ и въ отбываніи подводъ, по старинѣ. Да еще когда нужно будетъ дѣлать городъ (вѣроятно, городскую ограду), то митрополичьи люди софійскіе задѣлывали бы свое мѣсто, которое дѣлывали изъ старины. Кромѣ того князь предоставилъ митрополиту пошлину—мыто конское у св. Флора и Лавра, вѣроятно, церкви кіевской. Въ случаѣ отъѣзда митрополита всѣми его имѣніями завѣдываетъ его намѣстникъ. Когда случится судъ смѣстный, то въ митрополича человѣка, окажется ли онъ правымъ или виноватымъ, не вступается судья княжескій, а въ человѣка княжескаго — судья митрополичій; но пусть тотъ и другой вѣдаютъ только своихъ въ правдѣ и въ винѣ. За нарушеніе граматы князь угрожаетъ великимъ наказаніемъ ([56]).

([56]) Акт. Истор. I, № 259.

Жалованныхъ граматъ нашимъ монастырямъ сохранилось очень довольно (напечатано до 50). Большая часть изъ нихъ относится къ первой половинѣ XV в. и едва одна четверть—къ XIV в., преимущественно ко второй его половинѣ; но въ нѣкоторыхъ изъ этихъ послѣднихъ утверждаются граматы, данныя еще въ концѣ XIII и началѣ XIV столѣтія ([57]). Всѣ эти граматы излагаютъ права, предоставлявшіяся монастырямъ, почти исключительно на ихъ недвижимыя имущества (о немногихъ другихъ правахъ, излагавшихся въ граматахъ, сказано будетъ послѣ) и часто, какъ по содержанію, такъ и по формѣ, весьма сходны между собою, равно и съ подобными же граматами митрополитамъ, только-что нами разсмотрѣнными. Различаются же граматы тѣмъ, что въ однихъ предоставлялось монастырямъ менѣе правъ, по отношенію къ ихъ недвижимымъ имуществамъ, въ другихъ болѣе, или одни и тѣ же права въ однихъ излагаются короче, въ другихъ подробнѣе и обстоятельнѣе, а еще—тѣмъ, что самыя права въ однихъ граматахъ предоставлялись монастырямъ въ меньшемъ размѣрѣ, съ значительными ограниченіями, въ другихъ въ большемъ размѣрѣ, въ третьихъ безъ всякихъ ограниченій. Права эти были слѣдующія:

1. Право владѣть недвижимыми имуществами и, въ ча-

([57]) Граматъ, пожалованныхъ нашимъ монастырямъ въ пе ріодъ 1240—1448 г., напечатано: 24—въ Акт. археогр. Экспед. т. I, девять—въ Акт. Истор. т. I, три—въ Допол. къ Акт. Истор. т. I, пять—въ Акт. Запад. Россіи т. I, восемь — въ Акт., относ. до юридич. быта древней Россіи т. I, одна — въ Истор. Росс. Іерархіи т. VI, 229, нигдѣ не перепечатанная. Изъ числа этихъ граматъ три, именно напеч. въ Акт. Эксп. 1, № 5, Акт. Истор. I, № 2 и въ Истор Росс. Іер. VI, 229, упоминаютъ о другихъ древнѣйшихъ граматахъ, данны хъ тѣмъ же монастырямъ въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка.

стности, землями, ненаселенными и населенными. Оно выражалось — а) въ тѣхъ граматахъ, въ которыхъ князья разрѣшали монастырямъ покупать земли и принимать отъ жертвователей, а такъ же покупать людей для заселенія своихъ земель ([58]), и — б) въ тѣхъ граматахъ, гдѣ князья заявляли, что сами дарятъ тому или другому монастырю разныя угодья: луга, острова, озера, рѣки, съ рыбными и бобровыми ловлями, или пустоши и села съ хлѣбомъ, скотомъ, нивами и проч., или даже села и деревни съ людьми, въ нихъ живущими ([59]). Это же право естественно предполагалось и во всѣхъ другихъ жалованныхъ граматахъ монастырямъ на ихъ недвижимыя имущества.

2. Право приглашать людей на свои земли для заселенія ихъ. Извѣстно, что въ то время наши поселяне или свободные крестьяне могли ежегодно—«о Юрьевѣ дни о осеннемъ»—переходить съ одного мѣста на другое, отъ одного землевладѣльца къ другому; отъ того села населенныя дѣлались иногда пустошами, а пустоши населялись. Въ граматахъ предоставлялось монастырямъ перезывать на свои земли и въ свои села какъ прежнихъ жителей—«тутошнихъ старожильцевъ»,—если они еще прежде куда либо переселились, такъ и людей новыхъ—«пришлыхъ»—изъ чужихъ мѣстъ. Впрочемъ, относительно этихъ пришлыхъ во всѣхъ граматахъ дѣлалось ограниченіе: каждый князь непремѣнно требовалъ, чтобы монастыри перезывали къ себѣ людей только изъ иныхъ княженій — «изъ зарубежья», — а

([58]) Акт. Эксп. I, №№ 31 и 36; Акт. Ист. I, №№ 15 и 28; Акт. до юрид. быта I, стр. 92. 98; Акт. Юридич. I, № 72.

([59]) Акт. Эксп. I, №№ 12. 22. 41; Акт. Ист. I, №№ 2. 14. 15. 29. 36. 38; Акт. Зап. Россіи I, №№ 7. 13. 14; Акт. до юрид. быта I, стр. 96.

отнюдь не изъ княженія самаго князя, не изъ его вотчины, и за нарушеніе послѣдняго условія нѣкоторые князья угрожали даже строгимъ наказаніемъ ([60]).

3. Право пользоваться оброками и вообще повинностями отъ своихъ поселянъ и доходами съ своихъ владѣній. Въ нѣкоторыхъ граматахъ князья прямо говорятъ, что отдаютъ монастырямъ свои села со всѣми пошлинами и доходами, какіе прежде сами получали съ тѣхъ селъ. Такъ, въ граматѣ рязанскаго князя Олега (1356—1387) Ольгову монастырю сказано: «далъ есть св. Богородицы дому Арестовское село, съ винами и съ поличнымъ, и съ рѣзанькою съ шестьюдесять и со всѣми пошлинами». Въ граматѣ нижегородской княгини Маріи Спасо-Евѳиміеву монастырю (1425) сказано: «дала есми свое село Омуцкое св. Спасу въ домъ, такъ какъ было при моемъ князи и при мнѣ, и съ судомъ, и съ татьбою, и съ поличнымъ, и съ тамгою, и со всѣми пошлинами». Еще яснѣе тоже выражено въ граматѣ (1443 г.) мстиславскаго князя Юрія Симеоновича Онуфріевскому монастырю, гдѣ князь пишетъ, что отецъ его и самъ онъ «подавали люди къ тому монастырю, съ пашнями и сѣножатями, и данники съ данью медовою, и съ бортными землями, и съ серебряною данію.

([60]) Акт. Эксп. I, №№ 4. 18. 21. 38 и друг.; Акт. до юрид. быта I, стр. 90. 95. Въ нѣкоторыхъ граматахъ ясно опредѣляется, что это были за *старожильцы*, которыхъ предоставлялось монастырямъ перезывать и принимать на свои земли (Акт. Эксп. I, № 39; Акт. Ист. I, № 25). Въ концѣ граматы Отрочу монастырю, послѣ словъ: „архимандриту изъ нашея отчины людей волостныхъ въ монастырскіе села не пріимати“, прибавлено: „а приметъ ли кого прикащикъ архимандричь, ино его казнити“ (Акт. Эксп. I, № 34). Въ одной только граматѣ князь рязанскій какбудто позволяетъ монастырю перезывать къ себѣ людей не только съ иныхъ сторонъ, но и изъ своего княженія (Акт. Ист. I, № 36).

съ бобровыми гоны, и со всими приходы, што къ тымъ землямъ и пашнямъ прислушаетъ вѣрно», — и вслѣдъ за тѣмъ установляетъ: «тые дани, и дачи, и пошлины, имать на нихъ, людехъ монастырскихъ, архимандриту Онофрѣевскому» ([61]). Впрочемъ, само собою разумѣется, что если князья дарили монастырямъ недвижимыя имущества, и сами монастыри иногда покупали себѣ земли и людей, то не съ иною цѣлію, какъ съ одною, чтобы пользоваться отъ этихъ земель и людей какими либо выгодами и прибытками. А такъ какъ князья рѣдко дарили монастырямъ земли вмѣстѣ и людей съ опредѣленными уже оброками и повинностями, большею же частію дарили только земли, на которыя сами монастыри должны были перезывать свободныхъ людей: то въ княжескихъ граматахъ повинности монастырскихъ поселянъ по отношенію къ монастырямъ вовсе не опредѣлялись. Эти повинности, по всей вѣроятности, опредѣлялись по взаимному соглашенію и уговору монастырей и самихъ поселянъ при первоначальномъ переселеніи послѣднихъ на монастырскія земли, и потому въ разныхъ монастыряхъ и монастырскихъ вотчинахъ могли быть не одинаковы. Въ чемъ состояли такого рода повинности монастырскихъ поселянъ, можемъ заключать изъ одной только граматы, въ которой объ этомъ говорится. Когда крестьяне Константиновскаго митрополичьяго монастыря пожаловались митрополиту Кипріану на новаго своего игумена, что онъ наряжаетъ ихъ «не по пошлинѣ»; тогда Кипріанъ велѣлъ спросить прежняго игумена, который случился въ Москвѣ, и этотъ послѣдній далъ слѣдующее показаніе: «при моемъ игуменствѣ

([61]) Акт. Ист. I, №№ 2 и 29; Акт. Запад. Росс. I, № 43.

такъ было въ святомъ Констянтинѣ: болшимъ людемъ изъ монастырскихъ селъ церковь паряжати, монастырь и дворъ тынити, хоромы ставить, и гумновъ жеребей весь рольи орать взгономъ, и сѣяти и пожати и свезти, сѣно косити десятинами и въ дворъ въвезти, ѣзъ бити и вешней и зимней, сады оплетать, на неводъ ходити, пруды прудить, на бобры имъ въ осеннѣ пойти, а истоки имъ забивати; а на Великъ день и на Петровъ день приходятъ къ игумену, что у кого въ рукахъ; а пѣшеходцемъ изъ селъ къ празднику рожь молотити и хлѣбы печи, солодъ молоть, пива варить, на семя рожь молотити; а ленъ дасть игуменъ въ села, и они прядутъ, сѣжи и дѣли неводные наряжаютъ; а даютъ изъ селъ всѣ люди на праздникъ яловицу (но одинова ми, господине, добили челомъ, а не въ пошлину, треми бараны, и язъ ихъ пожаловалъ за яловицу, занеже ми была не надобѣ яловица, а по пошлинѣ по старой всегды ходитъ яловица на праздникъ); а въ которое село прiѣдетъ игуменъ въ братшину и сыпцы даютъ по зобнѣ овса конемъ игуменовымъ». Владимiрскiе бояре подтвердили справедливость этого показанiя, и Кипрiанъ заповѣдалъ «христiаномъ монастырскимъ ходить по прежней пошлинѣ» ([62]). Подобные же оброки и повинности могли отбывать поселяне и въ вотчинахъ другихъ монастырей. Во всякомъ случаѣ надобно думать, что повинности монастырскихъ поселянъ были вообще легче казенныхъ или общественныхъ повинностей, какiя несли они прежде: подъ этимъ только условiемъ они и могли соглашаться покидать прежнiя свои жилища и переходить на монастырскiя земли.

([62]) Акт. Эксп. I, № 11.

4. Право тарханное, освобождавшее монастырскихъ поселянъ и владѣнія отъ оброковъ и повинностей казенныхъ или княжескихъ ([63]). Вольные крестьяне, жившіе на государственныхъ земляхъ, обыкновенно тянули тогда своими повинностями къ ближайшему городу или волости и взносили подати княжескимъ намѣстникамъ, волостелямъ, тіунамъ и другимъ чиновникамъ. Эти подати и повинности, отъ которыхъ освобождались монастырскіе крестьяне, были весьма многочисленны и разнообразны, судя по нѣкоторымъ тарханнымъ граматамъ. Вотъ что̀ говорилъ, напримѣръ, звенигородскій князь Юрій Дмитріевичь въ своей граматѣ Савво-Сторожевскому монастырю (1404 г.) о монастырскихъ земляхъ и людяхъ въ Рузскомъ уѣздѣ: «которыи люди имуть жити на тѣхъ земляхъ монастырскихъ, и тѣмъ людемъ не надобѣ моя дань, ни ямъ, ни подводы, ни мытъ, ни тамга, ни писчея бѣлка, ни осмьничій, ни костки, ни явка, ни иная которая пошлина, ни города не дѣлаютъ, ни двора моего не ставятъ, ни коня мого не кормятъ, ни сѣнъ моихъ не косятъ, такожъ ни къ сотцкому, ни къ дворскому, ни къ десятскому, съ тяглыми людми не тянутъ ни въ которые проторы и въ разметъ, ни въ иныи въ которыи пошлины. А намѣстницы мои Звенигородцкіи и волостели Звенигородцкіи, и Рузскіи мои намѣстники и волостели мои Рузскіи, и ихъ тіуни, на тѣхъ хрестьянѣхъ на монастырскихъ кормовъ своихъ не емлютъ, ни всылаютъ къ нимъ ни по что, а праветщики и доводщики поборовъ не

([63]) Названіе *тарханнаго* права, *тарханныхъ* граматъ занято нами отъ Татаръ, у которыхъ *тарханомъ* назывался человѣкъ, освобожденный отъ всѣхъ повинностей, какія взносились царю.

берутъ, ни въѣжщаютъ» ([64]). Тогда, какъ въ однихъ граматахъ монастырскіе люди и имущества освобождались вообще отъ казенныхъ податей и повинностей, другими граматами освобождались они отъ какихъ либо частныхъ пошлинъ и повинностей: запрещалось, напримѣръ, брать пошлины съ монастырскихъ старцевъ и бѣльцевъ, посылаемыхъ на ватагу или на иную какую либо службу; съ монастырскихъ возовъ и людей, отправляемыхъ съ товарами ([65]); заклейменіе лошадей, покупаемыхъ и продаваемыхъ монастырскими крестьянами, — для чего позволялось иногда монастырямъ имѣть свое клеймо или пятно ([66]); или повелѣвалось, чтобы княжескіе намѣстники, воеводы и другіе ѣздоки не ѣздили мимо монастыря и черезъ монастырское село «непошлою дорогою», чтобы не останавливались близъ монастыря, не ставились у монастырскихъ крестьянъ, не брали съ нихъ проѣздныхъ кормовъ и никакихъ поборовъ ([67]). Впрочемъ по отношенію къ тарханному праву, предоставлявшемуся монастырямъ съ ихъ вотчинами, жалованныя граматы князей довольно различны между собою.

а) Въ однихъ граматахъ всѣ крестьяне какъ жившіе уже на монастырскихъ земляхъ, такъ и имѣвшіе на нихъ поселиться, освобождались отъ всѣхъ казенныхъ податей или навсегда или безсрочно. Таковы вообще граматы XIV вѣка, за исключеніемъ одной, доселѣ сохранившіяся ([68]). Таковы же

([64]) Акт. Ист. I, № 15. См. такъ же подобное—Акт. Эксп. I, №№ 5 и 29.

([65]) Акт. Эксп. I, №№ 39 и 42; Дополн. къ Акт. Ист. I, № 184.

([66]) Акт. Эксп. I, № 28; Акт. Ист. I, № 15; Акт. до юрид. быта I, стр. 92. 94.

([67]) Акт. Эксп. I, №№ 24. 37. 39; Дополн. къ Акт. Ист. I, № 185.

([68]) Граматы эти суть: Акт. Эксп. I, №№ 4. 5. 7. 15; Акт. Истор. I, № 2;

не многія и изъ граматъ XV в., и преимущественно тѣ, которыя давали князья, когда сами отъ себя жертвовали монастырю людей и села ([69]). Въ этомъ случаѣ, очевидно, тарханныя граматы нашихъ князей были совершенно сходны съ ярлыками ханскими, освобождавшими церковныхъ людей отъ всѣхъ вообще оброковъ.

б) Въ другихъ граматахъ и монастырскіе крестьяне обязывались вносить князю какую либо дань, отбывать какую либо повинность, хотя незначительную. Ярославскій князь Василій Давидовичь († 1345), освобождая людей Спасскаго монастыря отъ всѣхъ податей, опредѣлилъ, однакожъ, чтобы они давали ему «на годъ два рубли». Углицкій князь Андрей Владиміровичь положилъ (1414), чтобы съ одного села Троицкаго Сергіева монастыря взносимъ былъ оброкъ княжескому сотнику «по три четверти» два раза въ годъ, на Юрьевъ день, весенній и осенній. Другой князь углицкій Димитрій Юрьевичь (1434—1447) поставлялъ въ обязательство тому же монастырю, чтобы съ его селъ и деревень, находившихся въ углицкомъ княженіи, доставлялся ежегодный оброкъ въ княжескую казну «по три рубли» на Рождество Христово, и еще чтобы монастырскіе крестьяне участвовали вмѣстѣ съ другими въ томъ дѣлѣ, «коли учнутъ городъ рубити» ([70]). Въ большей же части своихъ жалованныхъ граматъ князья выгова-

Акт. Запад. Россіи I, № 14. Грамата, составляющая изключеніе, напеч. въ Истор. Росс. Іерарх. VI, 229.

([69]) Акт. Эксп. I, №№ 37. 38. 41; Акт. Истор. I, №№ 15. 29; Акт. Запад. Росс. I, № 43; Акт. до юрид. быта I, стр. 97.

([70]) Истор. Росс. Іерарх. VI, 229—231; Акт. Эксп. I, №№ 19 и 28. Послѣдняя грамата вновь напечатана въ Акт. до юрид. быта I, стр. 93—94.

ривали себѣ съ монастырскихъ крестьянъ только одну «дань», предназначавшуюся въ Орду, и это выражали такъ: «а коли придетъ моя дань князя великаго, и архимандритъ (въ друг.— игуменъ) за нихъ (монастырскихъ людей) самъ платитъ мою дань по силѣ (въ друг.—по силамъ)»; или: «придетъ къ намъ коли изъ Орды посолъ силенъ, а не мочно будетъ его опровадити, ино тогды архимандритъ съ тѣхъ сиротъ пособитъ въ ту тяготу, съ половника дастъ по десятку кунами»; или еще: «а придетъ моя дань великаго князя не минучая, и игуменья сама сберетъ дань съ тыхъ людей да пришлетъ къ моей казнѣ» (71). Очень вѣроятно, что нѣкоторые князья обязывали еще монастырскихъ крестьянъ отбывать ямскую повинность (72). О другихъ какихъ либо оброкахъ князю, кромѣ нами изчисленныхъ, въ тогдашнихъ граматахъ монастырямъ не упоминается.

в) Впрочемъ и отъ этихъ немногихъ повинностей для князя освобождались монастырскіе люди, когда они вновь селились на монастырскихъ земляхъ, или монастырскихъ селахъ, хотя освобождались только на опредѣленный срокъ. Срокъ назначался различный и обыкновенно одинъ для тутошнихъ старожильцевъ, которые вновь возвращались на свои прежнія мѣста или въ села, когда-то ими покинутыя, а другой для людей пришлыхъ изъ иныхъ мѣстъ и княженій и для людей, купленныхъ монастыремъ. Для старожильцевъ срокъ бывалъ въ два, три года, рѣдко въ пять лѣтъ; для людей пришлыхъ и купленныхъ большею частію простирался на десять лѣтъ и

(71) Акт. Эксп. I, №№ 17. 18. 21. 34. 35.

(72) Акт. Ист. I, № 36. Снес. Акт. Эксп. I, №№ 9 и 20.

только въ одной граматѣ на двадцать, а въ двухъ на три года ([73]). По окончаніи же положеннаго срока и вновь поселившіеся на монастырскихъ земляхъ крестьяне должны были нести тотъ же оброкъ князю, какой несли прежніе монастырскіе люди, издавна жившіе на тѣхъ земляхъ. Князья выражали это: «а какъ отсидятъ тѣ люди пришлые урочныя лѣта, и они потянутъ въ дань съ монастырскими людьми по силамъ»; или: «а отсидятъ его (монастыря) люди урочныя лѣта, и они потянутъ въ мою дань по силѣ» ([74]). Въ двухъ только граматахъ пришлые, съ самаго своего переселенія въ монастырскія села, обязывались участвовать въ небольшомъ оброкѣ князю наравнѣ съ прежними монастырскими людьми-старожильцами ([75]).

5. Право суда надъ своими монастырскими людьми и неподсудимости этихъ послѣднихъ судамъ гражданскимъ. Въ первомъ отношеніи жалованныя граматы монастырямъ совершенно согласны между собою и обыкновенно выражаются: «а вѣдаетъ свои люди игуменъ (или архимандритъ) самъ во всѣхъ дѣлѣхъ и судитъ самъ во всемъ, или кому прикажетъ» ([76]). Въ послѣднемъ отношеніи, т. е. въ отношеніи неподсудимости монастырскихъ людей гражданскимъ властямъ, граматы разнятся между собою. Въ однихъ, впрочемъ очень

([73]) Для старожильцевъ на два года—Акт. Ист. I, №№ 25. 36; на три—Акт. Эксп. I, № 18. 21; на пять лѣтъ—Акт. Эксп. I, № 39. Для пришлыхъ на три года—Акт. Ист. 1, №№ 13 и 36; на двадцать лѣтъ—Акт. Эксп. I, № 36; на десять—Акт. Эксп. I, №№ 17. 21. 31. 39; Акт. Ист. I, №№ 25. 28; Акт. до юрид. быта I, стр. 95.

([74]) Акт. Эксп. I, №№ 18. 21. 39; Акт. до юрид. быта I, стр. 95. 96.

([75]) Акт. Эксп. I, №№ 19 и 28.

([76]) Акт. Эксп. I, №№ 17. 18. 21. 28 и друг.; Акт. Ист. I, № 15.

немногихъ, говорится вообще, что монастырскіе люди не подлежатъ гражданскимъ судамъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, а потому князь повелѣваетъ: «волостели мои и ихъ тіуны не всылаютъ къ тѣмъ людямъ ни по что, ни судятъ ихъ ни въ чемъ и доводчики ихъ поборовъ не берутъ, а судитъ свои люди игуменъ самъ или кому прикажетъ» ([77]). Въ другихъ граматахъ подчиняются и люди монастырскіе въ нѣкоторыхъ своихъ дѣлахъ судамъ гражданскимъ, и мы читаемъ слова того или другаго князя: «а намѣстницы мои и волостели и тіуны тѣхъ людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства», или: «опроче одного душегубства» ([78]), или: «опричe душегубства и разбоя съ поличнымъ» ([79]), или еще: «опроче татбы и разбоя и душегубства» ([80]). Есть, наконецъ, граматы, которыя даже въ татьбѣ, иногда въ татьбѣ и разбоѣ, иногда вмѣстѣ и въ душегубствѣ, предоставляли монастырскихъ людей не гражданской, а одной монастырской власти, если только эти преступленія совершались между самими монастырскими людьми и не выходили изъ ихъ круга. Въ такихъ граматахъ писалось: «а учинится татба межъ ихъ сиротъ монастырскихъ, а то вѣдаетъ игуменъ или его приказщикъ». Или: «а въ разбоѣ и въ татбѣ ихъ бояря мои не судятъ». И еще: «а будетъ въ тѣхъ людехъ монастырскихъ татба съ поличнымъ или разбой, или душегубство, и игуменья судитъ тѣ люди сама».... «А что ея учинетъ, или разбой, или ду-

([77]) Акт Эксп. I, № 38; Акт. Ист. I, № 2; Акт. Зап. Росс. I, №№ 14 и 43.

([78]) Акт. Эксп. I, №№ 19. 28. 31. 36 (здѣсь—опрочѣ *одного* душегубства). 37. 41; Акт. Ист. I, №№ 15 и 29.

([79]) Акт. Эксп. I, №№ 17. 18; Акт. Ист. I, №№ 25 и 28.

([80]) Акт. Эксп. I, № 4; Ист. Росс. Іерарх. VI, 230.

шегубство, или татба, который судъ ино будетъ межи монастырскихъ людей, судитъ ихъ и дворянъ даетъ монастырскій тивунъ одинъ, а нашимъ судьямъ не надобѣ ничто» ([81]). Кромѣ того въ большей части жалованныхъ граматъ говорится о *смѣстномъ* судѣ, который назначался, когда монастырскіе люди имѣли дѣло съ людьми не монастырскими, а городскими или волостными. Этотъ судъ производили вмѣстѣ судіи монастырскій и гражданскій, а исполненіе приговора надъ каждымъ изъ тяжущихся предоставлялось только тому изъ судей, кому былъ подчиненъ тотъ или другой: «а будетъ судъ смѣстной моимъ людемъ съ монастырьскими людми, и намѣстницы мои или ихъ тіуни съ игуменомъ, или его приказщикомъ, судятъ: и будетъ правъ или виноватъ волостной человѣкъ, ино вѣдаютъ его намѣстницы или ихъ тіуни въ правдѣ и въ винѣ, а игуменъ или его приказщикъ не вступается; а будетъ правъ или виноватъ монастырьскій человѣкъ, ино вѣдаетъ игуменъ или его приказникъ и въ правдѣ и въ винѣ, а намѣстницы мои и ихъ тіуни не вступаются въ монастырьскаго человѣка, ни въ праваго ни въ виноватаго» ([82]). Надобно замѣтить, что освобожденіе монастырскихъ крестьянъ отъ свѣтскаго суда и подчиненіе ихъ суду своихъ игуменовъ и архимандритовъ было выгодно и для крестьянъ и для монастырей. Первые, какъ видно изъ самихъ жалованныхъ граматъ, вмѣстѣ съ тѣмъ освобождались отъ непріятныхъ наѣздовъ въ ихъ села свѣтскихъ чиновниковъ и судей,

([81]) Акт. Эксп. I, №№ 5. 7. 34. 35. 37; Ист. Росс. Іерарх. VI, 230.
([82]) Акт. Эксп. I, № 37. См. такъ же №№ 5. 18. 19. 21 и друг.; Акт. Ист. I, № 28 и друг.

отъ кормовъ для нихъ и отъ разныхъ съ ихъ стороны обременительныхъ поборовъ и притѣсненій. А монастыри пользовались судебными пошлинами съ своихъ подсудимыхъ, по тогдашнимъ законамъ, и это служило однимъ изъ источниковъ для монастырскихъ доходовъ.

Кромѣ разныхъ правъ на недвижимыя имущества и вотчины, ненаселенныя и населенныя, князья давали иногда монастырямъ и нѣкоторыя другія права и льготы. Въ одной граматѣ (послѣ 1420 г.) пожалована была Лаврашевскому монастырю десятина изъ села Туреца, находившагося въ новгородско-литовскомъ округѣ; въ другой — монастырю Ольгову предоставлены были княземъ мытныя и побережныя (бравшіяся съ судовъ, пристававшихъ къ берегу) пошлины, собиравшіяся въ Рязани ([83]). Въ двухъ граматахъ Отрочу монастырю вмѣстѣ съ монастырями, къ нему приписными, освобождались отъ всѣхъ казенныхъ податей и гражданскаго суда не только монастырскіе крестьяне, но еще прежде сами монашествующіе: архимандритъ, игумены, священноиноки и всѣ прочіе черноризцы и послушники,—что̀ въ другихъ граматахъ, конечно, предполагалось необходимо, но не выражалось прямо ([84]). Наконецъ въ двухъ граматахъ, данныхъ въ литовскомъ краѣ монастырямъ полоцкому Предтеченскому (ок. 1399 г.) и мстиславскому Онуфріевскому (1443), мо-

([83]) Акт. Запад. Росс. I, № 28; Акт. Ист. I, № 2, стр. 3. Сохранилось извѣстіе, что *десятиною* пользовался (1446 г.) еще одинъ изъ нашихъ монастырей, именно Рождественскій во Владимірѣ Кляземскомъ, и пользовался *по старинѣ* — съ нѣкоторыхъ селъ князей суздальскихъ (Собр. Госуд. Грам. I, № 62, стр. 136).

([84]) Акт. Эксп. I, №№ 5 и 34.

пастыри эти освобождались отъ всякихъ пошлинъ и отъ подсудимости не только свѣтскимъ властямъ, но и епархіальному своему архіерею и митрополиту; а Онуфріевскаго архимандрита, даже въ духовныхъ дѣлахъ, князь хотѣлъ судить самъ вмѣстѣ со владыкою. Оба эти монастыря были княжескіе ([85]).

Всѣ жалованныя граматы нашихъ князей, какъ святителямъ, такъ и монастырямъ, безъ всякаго сомнѣнія, имѣли полную силу: князья давали граматы только на тѣ земли и вотчины, какія находились въ ихъ владѣніяхъ и куда простиралась ихъ княжеская власть. Сами князья, конечно, могли измѣнять и отмѣнять свои граматы; но въ предотвращеніе и этого они часто связывали себя собственнымъ словомъ и напередъ заявляли въ граматахъ, что ту или другую изъ нихъ не измѣнятъ никогда ([86]). По смерти князей, преемники ихъ могли также нарушать ихъ жалованныя граматы, и потому монастыри старались испрашивать подтвержденія прежнимъ граматамъ у новыхъ князей ([87]). А пока сами были живы, князья прямо угрожали всѣмъ, за нарушеніе своихъ граматъ, наказаніемъ и иногда опредѣленнымъ денежнымъ штрафомъ ([88]).

([85]) Акт. Запад. Росс. I, №№ 14 и 43.

([86]) Въ такихъ случаяхъ князья обыкновенно выражались: „а на которую свою грамату дамъ грамату, а на сію мою грамату иныя моея граматы нѣтъ"; или: „а хотя коли повелимъ имати на тѣхъ, у кого будутъ граматы нами жалованныи, на монастырскихъ людехъ ни тогды никто не емли ничего по сей нашей граматѣ". Акт. Эксп. I, № № 5. 17. 18. 21. 23. 28. 30. 35 и мног. друг.

([87]) Сравн. граматы—Акт. Эксп. I, № 5 и № 34; № 18 и № 21.

([88]) „А кто сей моей грамоты ослушается, имъ отъ меня быти *въ казни*" (Акт. Эксп. I, № № 7. 17. 18. 19. 21 и др.). „А чрезъ сю мою грамоту кто......, заповѣди *два рубля*, а отъ меня быти ему въ казни" (тамъ же

Какими побужденіями и соображеніями водились наши князья, когда жаловали духовенству, въ особенности монастырямъ, свои граматы на недвижимыя имущества? Прежде всего, разумѣется, тутъ дѣйствовало чувство религіозное: любовь къ вѣрѣ, уваженіе къ пастырямъ Церкви, и особенно къ инокамъ, надежда на ихъ молитвы и ходатайство предъ Богомъ. Князья часто начинаютъ свои граматы словами: «се азъ пожаловалъ есмь (такой-то монастырь) Бога дѣля и святаго дѣля Юрья»; или: «Святыя дѣля Троицы»; или: «Св. дѣля Спаса и Святаго дѣля Благовѣщенья»; или: «Святыя дѣля Богородицы».... «Пречистыя ради милости и честнаго Ея Рождества» и под. (89). Въ другихъ граматахъ князья говорятъ, что пожаловали свои села и граматы какому либо монастырю «своего ради спасенья.... на память преставльшимся» родственникамъ и «за въздоровіе еще пребывающимъ въ житіи»; или выражаются, — что дали монастырю «по душѣ своей, на поминокъ своихъ родителей и всему своему роду» (90). Въ то же время князья не могли не сознавать, что надобно же какъ нибудь обезпечить содержаніе и благосостояніе духовенства и монастырей, — тѣмъ болѣе, что нѣкоторые монастыри основывали сами князья или ихъ предки, другіе основывались, по крайней мѣрѣ, съ ихъ согласія, въ

№ 22). „Кто порушитъ сю нашу милостыню..., да не будетъ на немъ милость Божія..., и проклятъ будетъ въ си вѣкъ и въ будущи; а къ тому азъ, князь великій, велю его казнити *торговою* казнью, а себѣ возмемъ на немъ вину противу дани съ архимандритомъ наполы, а взятое велимъ взяти *втрое* и съ проторы" (Акт. Эксп. I, № 34). „А кто мое данье порушитъ, а то судитъ ему Богъ..., а князю великому дастъ *сто* рубля" (Акт. Эксп. I, № 4).

(89) Акт. Эксп. I, №№ 4. 19. 21. 23. 28. 30. 31 и друг.; Акт. Ист. I, № 15.

(90) Акт. Эксп. I, №№ 5. 34; Акт. Ист. I, №№ 29. 38.

ихъ владѣніяхъ, а къ томужъ лица духовныя, іерархи и настоятели монастырей часто обращались къ князьямъ съ просьбою пособить имъ и оградить ихъ прежнія имѣнія. И вотъ князья жаловали святителямъ и монастырямъ иногда разныя угодія и вотчины съ граматами на то и другое, а гораздо чаще однѣ граматы на тѣ имущества, какія они уже имѣли, и даже на тѣ, какія могли имѣть со временемъ и пріобрѣсть собственными средствами или отъ жертвователей. И во всѣхъ этихъ граматахъ говорилось, что святителямъ и монастырямъ предоставляется право пользоваться доходами и оброками съ своихъ вотчинъ и поселянъ, равно судебными пошлинами съ послѣднихъ. Но кромѣ духовенства и, въ частности, монастырей, которымъ жалованныя граматы приносили непосредственную пользу, указывая и обезпечивая имъ средства для содержанія, граматы не могли не сопровождаться и дѣйствительно сопровождались выгодными послѣдствіями для самихъ князей,—и это понять было такъ легко и, по всей вѣроятности, входило въ разсчеты князей. Когда князья точно приносили отъ себя жертву монастырямъ и что либо теряли? Только тогда, когда они жаловали монастырямъ не однѣ граматы, но вмѣстѣ и собственныя села съ людьми и со всѣми оброками, какими прежде пользовались сами. Но такіе случаи были весьма рѣдки ([91]). Обыкновенно князья давали монастырямъ граматы на земли ненаселенныя, которыя иногда сами и жертвовали. Въ этихъ случаяхъ князья не теряли почти ничего: потому что, при малочисленности тогдашняго народонаселенія и обширности свободныхъ, никѣмъ не заня-

([91]) Сюда относятся—Акт. Ист. I, №№ 2. 15. 57.

тыхъ земель, многія земли не приносили княжеской казнѣ никакого дохода. Нерѣдко князья жаловали монастырямъ граматы на земли, которыя были пріобрѣтены самими монастырями или подарены имъ другими лицами: тутъ уже князья ровно ничего не теряли. А всего чаще и почти всѣми своими граматами князья предоставляли святителямъ и монастырямъ только право перезывать на свои пустоши и въ свои села людей стороннихъ, и непремѣнно изъ чужихъ княженій: тутъ князья не только ничего не теряли, а рѣшительно пріобрѣтали. Каждый князь, такимъ образомъ, пріобрѣталъ себѣ новыхъ подданныхъ и, очевидно, даромъ; чрезъ нихъ совершалась колонизація его края, увеличивалось народонаселеніе въ его княжествѣ, и нерѣдко населялись и начинали обработываться пустыни, прежде совершенно глухія и не приносившія казнѣ никакой выгоды. И если эти пришлые люди на первыхъ порахъ освобождались княземъ отъ всѣхъ его податей и оброковъ, то на извѣстный только срокъ. А по окончаніи срока и они, на ряду съ прочими монастырскими людьми, обязывались нести для князя нѣкоторыя повинности, хотя и немногія. Наконецъ жалованныя граматы, — чего такъ же не могли не видѣть князья,—которыя они давали святителямъ и монастырямъ, были полезны и для церковныхъ людей или крестьянъ. Не говоримъ уже, что оброки этихъ людей владыкамъ и монастырямъ могли быть легче, нежели какіе отбывали казенные поселяне, — важно одно то обстоятельство, что владычные и монастырскіе крестьяне, какъ нами было замѣчено и прежде, подъ охраною льготныхъ граматъ, были независимы отъ многочисленныхъ гражданскихъ властей и чиновниковъ и свободны отъ ихъ частыхъ наѣздовъ, поборовъ и неизбѣж-

ныхъ притѣсненій: ибо тогдашнія власти и чины, въ замѣнъ жалованья отъ казны, должны были сами собирать себѣ *кормы* съ подвластныхъ имъ лицъ и народа. А какъ церковные люди, находясь въ то же время подъ защитою ханскихъ ярлыковъ, были свободны и отъ наѣздовъ ханскихъ чиновниковъ и вообще отъ притѣсненій со стороны Татаръ: то состояніе этихъ людей было, безъ сомнѣнія, гораздо лучше, нежели всѣхъ прочихъ русскихъ поселянъ.

Нѣтъ основанія предполагать, будто всѣ наши монастыри въ монгольскій періодъ имѣли жалованныя граматы отъ князей на недвижимыя имущества. Монастырей этихъ мы можемъ насчитать болѣе 180-ти, а граматъ—едва около 50-ти, и въ числѣ ихъ по двѣ, по три и болѣе данныхъ одному и тому же монастырю (92). Правда, граматы многихъ другихъ монастырей могли не дойти до насъ; но это не даетъ намъ права утверждать, что такія граматы дѣйствительно существовали и были у всѣхъ монастырей. Вѣроятнѣе, что жалованныя граматы удостоивались получать только монастыри, почему либо близкіе князьямъ, находившіеся въ ихъ стольныхъ городахъ и преимущественно извѣстные по святости своихъ основателей и настоятелей, каковы: Троицкій-Сергіевъ, Кирилловъ-Бѣлоезерскій и подобные. Неосновательно такъ же было бы думать, будто имѣнія нашихъ тогдашнихъ монастырей были обширны, многолюдны и приносили имъ большіе, даже огромные доходы. Въ граматахъ предоставлялось монастырямъ не-

(92) Напримѣръ, монастырю Отрочу—двѣ, Евѳиміеву нижегородскому—три, Благовѣщенскому нижегородскому — три, Солотчинскому рязанскому — три, а Троицкому Сергіеву—до двѣнадцати.

резывать къ себѣ людей; но многіе ли дѣйствительно къ нимъ переходили и у нихъ селились, неизвѣстно; предоставлялось владѣть угодіями, землями и населенными вотчинами; но велики ли были эти земли, велико ли въ нихъ народонаселеніе, мы почти не знаемъ ([93]). Можетъ быть, всѣхъ доходовъ, какіе получали монастыри съ своихъ крестьянъ и недвижимыхъ имуществъ, едва доставало на содержаніе монашествующей братіи, нерѣдко многочисленной, на поддержаніе монастырскихъ зданій и храмовъ. И мы знаемъ изъ житій нѣкоторыхъ подвижниковъ того времени, что даже въ такихъ монастыряхъ, какъ Сергія Радонежскаго и Кирилла Бѣлоезерскаго, братія, по крайней мѣрѣ, при жизни ихъ, иногда нуждались въ самомъ необходимомъ ([94]). Что жъ сказать о другихъ обителяхъ? Нѣтъ спора, что въ послѣдствіи, по сверженіи ига монгольскаго, вотчины нашихъ монастырей постепенно умножались и увеличивались и нѣкоторые монастыри достигли значительнаго богатства; но у насъ рѣчь собственно о періодѣ монгольскомъ. Наконецъ немало погрѣшилъ бы и тотъ, кто

([93]) Въ одной только граматѣ Ольгову монастырю (1356 1387) обозначено количество народонаселенія въ пожалованныхъ ему селахъ: „тогды дали Св. Богородицы дому девять земель бортныхъ, а пять погостовъ, Песочна, а въ ней 300 семий, Холохолна, а въ ней полтораста семий, Заячины, а въ ней 200 семий, Вепрія 200 семий, Заячковъ 100 и 60 семий“ (Акт. Ист. I, № 2).

([94]) Вотъ что, наприм., читаемъ въ житіи преп. Сергія: „овогда убо не доставаше хлѣба и муки и пшеницы и всякого жита, иногда же не достаяше масла и соли и всякого ястія брашеннаго, овогда же не достаяше вина, имже обѣдня служити, и ѳиміяна, имже кадити, овогда же воску, имже свѣщи скати. И пояху в нощи заутренюю, не имуще свѣщь, но токмо лучиною березовою или сосновою свѣтяху себѣ, и тѣмъ нужахуся канонархати или по книгамъ чести, и сице совершаху всенощныя службы своя. Преподобный же отецъ Сергій всяку нужу ону и тѣсноту и всяку скудость и недостатки терпяше съ благодареніемъ, ожидая отъ Бога богатыя милости“ (Сборн. моей библ. № 42, л. 144 об.—145).

вздумалъ бы ставить въ укоръ нашимъ тогдашнимъ іерархамъ и монастырямъ, что они хлопотали о вотчинахъ и о жалованныхъ граматахъ на вотчины. Были и тогда лица въ духовенствѣ, которыя хорошо понимали, что такіе хлопоты не совсѣмъ приличны духовному и особенно монашескому званію. Но что же было дѣлать, когда другихъ средствъ для содержанія себя не представлялось? Извѣстенъ отвѣтъ митрополита Кипріана игумену Аѳанасію, вопросившему его объ этомъ предметѣ. «Владѣть инокамъ селами и людьми,—писалъ святитель,—не предано св. отцами. Какъ можно отрекшемуся однажды отъ міра и всего мірскаго, снова связывать себя мірскими дѣлами,—снова созидать, что разрушилъ, какъ говоритъ Апостолъ, и такимъ образомъ быть преступникомъ своихъ обѣтовъ? Древніе св. отцы не стяжавали ни селъ, ни богатства, какъ, наприм., св. Пахомій, св. Ѳеодосій общежитія начальникъ, св. Герасимъ и многіе другіе св. отцы въ Палестинѣ, въ горѣ Синайской, въ Раиѳѣ и въ Св. Горѣ, которую и самъ я видѣлъ. Но уже въ послѣдствіи, когда прежній порядокъ мало по малу ослабѣлъ, монастыри и скиты начали владѣть селами и стяжаніями. Это требуетъ большаго вниманія и осторожности. Ты меня спрашивалъ, что тебѣ дѣлать съ селомъ, которое далъ князь въ монастырь? Вотъ мой отвѣтъ и совѣтъ: если ты съ своею братіею уповаешь на Бога, и донынѣ Богъ васъ пропитываетъ безъ села, да и впредь пропитаетъ: то для чего связывать себя мірскими попеченіями и вмѣсто того, чтобы помнить о Богѣ и служить Ему единому, вспоминать о селахъ и мірскихъ дѣлахъ? Обрати вниманіе и на то: доколѣ инокъ свободенъ отъ всѣхъ заботъ мірскихъ, онъ въ мирѣ со всѣми міринами, всѣ его любятъ,

всѣ ему отдаютъ честь. Когда же обяжется попеченіемъ о селахъ и другихъ мірскихъ дѣлахъ: тогда откроется нужда ходить и къ князьямъ и къ другимъ начальникамъ, посѣщать судебныя мѣста, защищать обижаемыхъ, ссориться и невольно унижаться предъ всякимъ, только чтобы не выдать своихъ въ обиду, предпринимать великіе труды и оставлять свое правило. А что еще страшнѣе: когда иноки начнутъ владѣть селами и производить судъ надъ мужчинами и женщинами, часто къ нимъ ходить и за нихъ хлопотать: тогда чѣмъ они будутъ различаться отъ мірянъ? Инокамъ входить въ общеніе съ женщинами и творить съ ними бесѣды—опасно. Но если бы можно было, хорошо было бы устроить такъ: пусть будетъ село близъ монастыря, но инокамъ никогда въ немъ не бывать, а отдать его въ завѣдываніе какому нибудь богобоязненному міряннну, и ему заботиться о всѣхъ дѣлахъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ доставлялъ въ монастырь все готовое, жито и другія потребности. Ибо вредно инокамъ владѣть селами и часто ходить въ нихъ» (95). Давать денежное жалованье владыкамъ и монастырямъ князья не хотѣли и, можетъ быть, считали для себя труднымъ и даже невозможнымъ; а надѣлять ихъ участками земли и иногда населенными вотчинами—находили легкимъ для себя и необременительнымъ. И, видя въ вотчинахъ главнѣйшій, если не единственный, источникъ для своего содержанія, владыки и монастыри неизбѣжно должны были отстаивать ихъ, пріобрѣтать вновь и охранять княжескими граматами.

Мы не сказали еще о двухъ граматахъ, пожалованныхъ

(95) Акт. Ист. I, № 253, стр. 479–480.

нашему духовенству въ юго-западномъ древне-русскомъ краѣ, собственно въ Галиціи, находившейся подъ владычествомъ Польши: о граматѣ польскаго короля Ягайлы перемышльскому епископу Аѳанасію (1407 г.) и о граматѣ сына Ягайлы Владислава III-го всему греко-русскому православному духовенству (1443 г.). Въ первой граматѣ король утверждаетъ за владыкою всѣ земли, мѣстечки, села и монастыри, какими издавна владѣла перемышльская каѳедра, и предоставляетъ ему право суда въ своихъ владѣніяхъ и неподсудимости ихъ властямъ гражданскимъ. Но эта грамата, сохранившаяся только въ позднѣйшей копіи, представляется намъ сомнительною по двумъ причинамъ: въ началѣ граматы король говоритъ, что даетъ ее, по ходатайству Кипріана, митрополита кіевскаго и *галицкаго*, а въ концѣ присовокупляетъ, что грамата дана въ Сандомирѣ именно въ 1407 г., и въ числѣ свидѣтелей именуетъ того же митрополита Кипріана. Правда, Кипріанъ посѣтилъ юго-западный край Россіи въ 1404—5 г., видѣлся тамъ съ Ягайлою, пользовался его расположенностію и могъ исходатайствовать у него грамату перемышльскому владыкѣ. Да митрополія-то галицкая не была подчинена Кипріану, и еще въ 1397 г. патріархъ, какъ мы знаемъ, не похвалилъ его за то, что онъ позволилъ себѣ поставить епископа въ одну изъ галицкихъ епархій. Слѣдовательно Кипріанъ едва ли могъ называться митрополитомъ *галицкимъ*: развѣ предположить, что патріархъ дозволилъ ему въ послѣдствіи въ началѣ XV в. временно завѣдывать этою митрополіею. А гораздо важнѣе то, что Кипріанъ 1-го января 1406 г. возвратился уже въ Москву и въ сентябрѣ того же года скончался. Слѣдовательно никакъ не могъ лично находиться въ

Сандомирѣ при написаніи Ягайлою граматы въ 1407 году: развѣ предположить, что король сослался на Кипріана, какъ на свидѣтеля, заочно, или что тутъ при написаніи года въ позднѣйшей копіи съ граматы допущена ошибка ([96]). Владиславъ Ягайловичь, король польскій и венгерскій, далъ свою грамату греко-русскому духовенству по случаю флорентійскаго собора и заявляетъ въ ней, что Греки и Русскіе соединились съ Церковію римскою во Флоренціи, что теперь надобно прекратить всѣ притѣсненія имъ, что онъ предоставляетъ въ своихъ владѣніяхъ русскимъ владыкамъ и духовенству тѣ самыя права и вольности, какими пользовалось досел ѣ одно латинское духовенство, и утверждаетъ за владыками всѣ села и владѣнія, которыя издавна имъ принадлежали. Но эта грамата, писанная въ 1443 г., по всей вѣроятности, не была приведена въ исполненіе: ибо самъ Владиславъ III-й въ слѣдующемъ году былъ уже убитъ въ сраженіи съ Турками; а послѣдствія показали, что флорентійская унія не была принята Русскими ([97]).

III.

Отъ законовъ, церковныхъ и гражданскихъ, которыми опредѣлялись и внутреннее управленіе нашей Церкви и внѣшнія права нашего духовенства, обратимся теперь къ самой

([96]) Подлинникъ этой граматы сгорѣлъ въ 1535 г., а копія съ нея тогда же представлена была перемышльскимъ епископомъ Лаврентіемъ польскому королю Сигизмунду, который и подтвердилъ ее, внесши цѣликомъ въ свою грамату. Послѣдняя напечатана *Зубрицкимъ* (Повѣст. о Червонной Руси, прилож. стр. 6—7, подъ буквою — Д).

([97]) Акт. Запад. Росс. I, № 42.

жизни и посмотримъ, какъ въ дѣйствительности, подъ вліяніемъ разныхъ условій и обстоятельствъ, выражались и обнаруживались это управленіе и эти права.

Главою русской Церкви, въ зависимости отъ цареградскаго патріарха, оставался митрополитъ, который одни дѣла по управленію рѣшалъ самъ, а другія съ соборомъ своихъ епископовъ, по примѣру патріарха. Митрополиту принадлежало, во-первыхъ, право избирать и рукополагать епископовъ въ своей митрополіи, разумѣется, при соучастіи другихъ епископовъ ([98]). Каждый новоизбранный долженъ былъ предъ своимъ рукоположеніемъ произнести торжественно въ церкви «Исповѣданіе», въ которомъ, кромѣ собственно-исповѣданія православной вѣры, давалъ слѣдующіе обѣты или принималъ на себя слѣдующія обязательства по отношенію къ митрополиту: а) «еще же и церковный миръ исповѣдаю соблюдати и ни единымъ же правомъ противная мудрствовати во всемъ животѣ своемъ, во всемъ послѣдуя и повинуяся пресвященному господину моему, митрополиту кіевскому и всея Руси»...; б) «исповѣдую, яже имать пошлины митрополичьскій престолъ во всемъ предѣлѣ моемъ соблюдати непреложно»...; в) «обѣщеваюся, внегда позвати мя тобѣ, господину моему..., безъ слова всякаго ѣхати ми къ тебѣ, и хотя мя князи держатъ, хотя мя бояре держатъ, не ослушати ми ся повелѣнія твоего, господина моего»...; г) «обѣщеваюся не хотѣти ми пріимати иного митрополита, развѣе кого поставятъ изъ Цариграда, какъ то изначала есми приняли». Вмѣстѣ съ тѣмъ избранный во епископа исповѣдывалъ, что, для пріобрѣтенія себѣ епи-

([98]) Акт. Ист. I, № 18. Снес. Акт. Эксп. I, № 375.

скопіи, онъ не давалъ никому ничего, кромѣ положенныхъ въ священной митрополіи исторовъ, и изрекалъ обѣты — править порученнымъ ему стадомъ со страхомъ Божіимъ и боголюбивымъ правомъ, а себя соблюдать чиста, сколько есть силы, и отнюдь не творить ничего святительскаго въ чужой епархіи безъ повелѣнія митрополита ([99]). Послѣ рукоположенія митрополитъ вручалъ новому епископу «Настольную грамату», и въ ней сначала свидѣтельствовалъ, что, по данной ему-митрополиту благодати, онъ избралъ, вмѣстѣ съ священнымъ соборомъ священнѣйшихъ архіепископовъ и епископовъ, такого-то священноинока и поставилъ его во епископа въ такую-то епископію потомъ предоставлялъ этому епископу, своему возлюбленному сыну и сослужебнику, принять порученную ему церковь и творить въ ней все, что слѣдуетъ епископу: поставлять чтецовъ, ѵподіаконовъ, діаконовъ, пресвитеровъ и игуменовъ и учить людей закону христіанскому, а заблудшихъ наставлять на истинный путь; наконецъ, призывалъ христолюбивыхъ князей, весь священническій и иноческій чинъ и всѣхъ христоименитыхъ людей той епископіи — слушать своего новаго архипастыря и воздавать ему подобающую честь ([100]).

Вторымъ правомъ митрополита по отношенію къ еписко-

([99]) Акт. Эксп. I, № 370. Напечатанное здѣсь „Исповѣданіе" произнесено было Евѳиміемъ, архіепископомъ новгородскимъ; но оно не составлено имъ, а только переписано съ готовой общей формы, какъ онъ и самъ въ концѣ засвидѣтельствовалъ словами: „списана же сія вся быша рукою моею и подписана". Форма эта, по которой произносили тогда и всѣ другіе новонареченные наши епископы свое исповѣданіе, напечатана сполна — въ Акт. Эксп. I, № 375, стр. 470-471.

([100]) Акт. Ист. I, № 18.

намъ было право суда надъ ними. И лѣтописи передаютъ намъ нѣсколько случаевъ такого суда, который митрополитъ производилъ иногда самъ одинъ, а иногда съ соборомъ епископовъ. Въ 1280 г. митрополитъ Кириллъ, прибывъ изъ Кіева въ землю суздальскую, услышалъ, что ростовскій епископъ Игнатій осудилъ за что-то ростовскаго князя Глѣба Васильковича, уже умершаго, и чрезъ девять недѣль по смерти князя велѣлъ извинуть тѣло его, въ полночь, изъ соборной церкви и погребсти въ Спасскомъ монастырѣ. За это митрополитъ отлучилъ-было епископа отъ службы, и простилъ его только вслѣдствіе ходатайства за него ростовскаго князя Димитрія Борисовича, сказавъ Игнатію: «кайся до своей смерти въ томъ грѣхѣ; ты осудилъ мертвеца прежде суда Божія, а пока онъ былъ живъ, ты принималъ отъ него дары, пилъ и ѣлъ съ нимъ» ([101]). Митрополитъ Максимъ свелъ съ епископіи владыку владимірскаго Іакова (1295 г.), а митрополитъ Петръ снялъ даже санъ съ владыки сарайскаго Измаила (1312 г.): преступленія этихъ владыкъ намъ неизвѣстны ([102]). Митрополитъ Ѳеогностъ лишилъ каѳедры суздальскаго епископа Даніила за какую-то вину, но потомъ снова благословилъ его (1351) архіерействовать въ Суздали ([103]). Митрополитъ Ки-

([101]) П. Собр. Р. Лѣт. VII, 174; Ник. Лѣт. III, 69. Впрочемъ, въ одной изъ болѣе древнихъ лѣтописей сказано, что м. Кириллъ разгнѣвался-было на еп. Игнатія только „по оклеветанію и, разсмотривъ, паки благослови его" (П. Собр. Р. Лѣт. I, 227). Можетъ быть, оказалось, что Игнатій позволилъ перенесть тѣло Глѣба Васильковича изъ соборной церкви въ монастырь, основанный его матерію, вовсе не съ цѣлію осудить покойника и наругаться надъ нимъ, а по просьбѣ родныхъ его и, въ частности, ростовскаго князя Димитрія Борисовича, который потому-то и ходатайствовалъ за епископа предъ митрополитомъ.

([102]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 228; VII, 186; Ник. Лѣт. III, 108.

([103]) П. Собр. Р. Лѣт. VII, 215; Ник. Лѣт. III, 193. Неизвѣстно, откуда

пріанъ, по приглашенію тверскаго князя Михаила Александровича, ѣздилъ (1390 г.) въ Тверь, вмѣстѣ съ двумя греческими митрополитами, находившимися тогда въ Москвѣ, и епископами—Стефаномъ пермскимъ и Михаиломъ смоленскимъ, чтобы произвесть соборный судъ надъ тверскимъ епископомъ Евѳиміемъ Вислепемъ. Судъ происходилъ въ палатахъ княжескихъ. На Евѳимія возстали все мѣстное духовенство, монашествующее и бѣлое, и бояре, и простые люди, жаловались на него «о мятежи и раздорѣ церковнѣмъ», и взводили на него разныя обвиненія и будтобы клеветы. Евѳимій не могъ оправдаться и лишенъ былъ своей каѳедры. Митрополитъ пытался-было примирить его съ княземъ; но увидѣвъ, что отъ этого вражда и смятеніе въ городѣ только усиливаются, счелъ лучшимъ взять Евѳимія съ собою въ Москву и помѣстилъ его въ своемъ - Чудовомъ монастырѣ, гдѣ чрезъ два года этотъ епископъ и скончался ([104]). Въ 1401 г. Кипріанъ созывалъ подобный же соборъ въ Москвѣ, на которомъ присутствовало девять владыкъ. На томъ соборѣ отписались своихъ епископій архіепископъ новгородскій Іоаннъ и епископъ луцкій Савва, и митрополитъ, недовольный на нихъ «за нѣкія

Татищевъ позаимствовалъ свѣдѣніе, будто Даніилъ, „желая болѣе селъ имѣти, гнѣвался на суздальскаго князя Александра; но той не даде. Онъ же начатъ бояръ его запрещати въ церковь не пущати, и за то отлучи его митрополитъ. Но по нѣколицемъ времени, за просьбу князя, благослови его Ѳеогностъ митрополитъ служити паки, и пріятъ паки прежній чинъ архіерейства“ (Истор. IV, стр. 170).

([104]) Свѣдѣнія объ этомъ соборѣ изложены въ современной записи (*Карамз.* V, примѣч. 232) и въ лѣтописи Никоновой (IV, 195—197). Но первая составлена лицемъ, нерасположеннымъ къ Евѳимію, а въ послѣдней дѣло представлено въ его пользу. Впрочемъ, и изъ записи и изъ лѣтописи нельзя не видѣть, что тверскій князь Михаилъ Александровичь всячески старался задобрить митрополита и склонить его на свою сторону противъ епископа.

вещи святительскія», приказалъ обоимъ не выѣзжать изъ Москвы, «да не точію сами полезное и спасеное обрящутъ, но и инѣмъ полезное и спасеное будетъ». Владыка новгородскій Іоаннъ, который подвергся опалѣ, какъ можно догадываться изъ хода лѣтописнаго сказанія, едва ли не за то, что благословилъ Новгородцевъ дѣйствовать противъ в. князя московскаго, просидѣлъ въ Москвѣ, въ одномъ изъ монастырей, три года и четыре мѣсяца и снова былъ отпущенъ на свою епархію ([105]). Въ 1405 г., когда Кипріанъ обозрѣвалъ юго-западныя епархіи, одинъ изъ тамошнихъ епископовъ— Антоній Туровскій былъ оклеветанъ предъ Витовтомъ, княземъ литовскимъ, въ государственной измѣнѣ. Витовтъ обратился съ жалобою къ митрополиту и препроводилъ къ нему самыя граматы клеветниковъ, которые доносили, будто Антоній посылалъ въ Орду къ татарскому царю Шади-беку и призывалъ его на Кіевъ и на Волынь и на другіе города. Кипріанъ, можетъ быть, узнавъ, что клевета эта происходила отъ латинскаго духовенства, враждовавшаго на Антонія за его ревность по православію, думалъ-было сначала ограничиться тѣмъ, чтобы удержать Антонія при себѣ. Но потомъ, уступая гнѣву и угрозамъ Витовта, рѣшился снять съ епископа туровскаго святительскій санъ и послалъ его на покой въ московскій Симоновъ монастырь ([106]).

Очень нерѣдко пользовались наши митрополиты и своимъ правомъ вызывать къ себѣ епископовъ. И иногда вызывали

([105]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 98. 102. 134; Ник. Лѣт. IV, 300. 301. 311.
([106]) Лѣт. Троицк. у *Карамз.* V, примѣч. 232; Ник. Лѣт. IV, 315; *Татищ.* Истор. IV, 419. 420.

того или другаго по одиночкѣ, какъ вызывалъ, напримѣръ, Кипріанъ въ 1397 г. новгородскаго владыку Іоанна «о святительскихъ дѣлѣхъ»; а гораздо чаще вызывали нѣсколькихъ владыкъ вмѣстѣ для соборныхъ дѣлъ и совѣщаній. При митрополитѣ Кириллѣ, когда онъ посѣтилъ въ 1280 г. Переяславль Залѣсскій, мы видимъ трехъ владыкъ: новгородскаго, ростовскаго и владимірскаго. Митрополитъ Максимъ, возвратившись изъ Орды, вызвалъ къ себѣ (1384) въ Кіевъ всѣхъ русскихъ епископовъ и чрезъ шесть лѣтъ ходилъ въ Новгородъ съ двумя епископами для рукоположенія тамошняго архіепископа Θеоктиста. Митрополитъ Θеогностъ, находясь (1331 г.) въ землѣ волынской, созывалъ къ себѣ всѣхъ юго-западныхъ епископовъ, которые, между прочимъ, участвовали и въ рукоположеніи новгородскаго архіепископа Василія. Митрополита Пимена, когда онъ отправился въ 1389 г. въ Царьградъ, провожали до рѣки Дона пять епископовъ, а одинъ изъ нихъ — Михаилъ смоленскій отправился съ митрополитомъ въ самую Грецію. При поставленіи митрополитомъ Фотіемъ новгородскаго владыки Симеона (1416 г.) въ Москвѣ находилось пять владыкъ ([107]). Вообще самымъ обыкновеннымъ поводомъ для созыванія нѣсколькихъ епископовъ служили митрополитамъ тѣ случаи, когда открывалась потребность избирать и рукополагать новыхъ епископовъ.

Имѣя подъ своею непосредственною властію всѣхъ епископовъ русской Церкви, митрополиты наши уже чрезъ епископовъ завѣдывали и управляли и всею Церковію. Впрочемъ,

([107]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 67. 75. 98. 101. 106; Ник. Лѣт. III, 70. 77. 97. 158; IV, 160.

по временамъ они дѣйствовали и непосредственно въ предѣлахъ своей митрополіи. Это бывало, во-первыхъ, тогда, когда митрополиты посылали свои граматы, поученія, посланія или ко всѣмъ вообще православнымъ христіанамъ русскимъ, или ко всему русскому духовенству, или въ извѣстныя только мѣста, города, монастыри, или къ извѣстнымъ лицамъ (108); а во-вторыхъ тогда, когда сами предпринимали путешествія для обозрѣнія разныхъ епархій своей митрополіи, или отправлялись въ какой либо городъ для рукоположенія мѣстнаго архіерея или для суда надъ нимъ. Лѣтописи неразъ замѣчаютъ, что во время этихъ путешествій митрополиты наши были встрѣчаемы съ особенною торжественностію. Когда въ 1390 г. Кипріанъ поѣхалъ въ Тверь, то для встрѣчи его за тридцать верстъ отъ города тверскій князь Михаилъ Александровичь выслалъ внука своего съ боярами, за двадцать верстъ—своего старшаго сына, а за пять встрѣтилъ святителя самъ съ прочими дѣтьми и боярами. Предъ городскими воротами у Георгіевской церкви митрополитъ былъ встрѣченъ съ крестами всѣмъ духовенствомъ. Въ слѣдующемъ году того же митрополита торжественно встрѣчали въ Новгородѣ самъ архіепископъ Іоаннъ и все духовенство въ полномъ облаченіи съ иконами и крестами, при безчисленномъ стеченіи народа на Ильинской улицѣ у Спасской церкви,—и митрополитъ, облачившись здѣсь въ свои ризы, совершилъ крестный ходъ чрезъ торговую площадь и великій мостъ къ св. Софіи, гдѣ и совершилъ божественную литургію (109). Но тѣ же лѣтописи

(108) Акт. Ист. I, №№ 1. 3. 8—11. 19—23. 33—35 и друг.
(109) Ник. Лѣт. IV, 196; П. Собр. Р. Лѣт. IV, 98.

замѣчаютъ, что путешествія митрополита по епархіямъ были иногда тяжелы и обременительны для духовенства: потому что митрополитъ обыкновенно путешествовалъ съ большою свитою и содержаніе его и всей свиты падало тогда на мѣстнаго владыку и монастыри, хотя и случалось, что имъ помогали въ этомъ мѣстный князь или городское общество. Въ то же время митрополиту подносимы были дары, иногда «дары многи», напримѣръ, въ Новгородѣ—отъ владыки и монастырей или отъ одного владыки, въ Твери — отъ самаго князя; а Псковичи присылали къ Кипріану, когда онъ находился (1395) въ Новгородѣ, своихъ пословъ «съ поминкомъ», и митрополитъ принялъ ихъ съ честію и благословилъ игуменовъ и поповъ, и весь Псковъ, и окрестные грады ([110]).

Кромѣ этихъ доходовъ случайныхъ, какіе получалъ митрополитъ при обозрѣніи подвѣдомыхъ епархій, онъ имѣлъ отъ своей митрополіи еще доходы постоянные. Не знаемъ, шла ли въ казну митрополичью какая либо опредѣленная дань отъ самихъ епархіальныхъ владыкъ: въ лѣтописи упоминается только, что владыка новгородскій пріѣзжалъ (1415 г.) къ митрополиту «съ дары и съ честію» ([111]). Но есть основанія думать, что для митрополита взимаемы были церковныя дани съ приходскихъ церквей и духовенства всей митрополіи, а не одной митрополичей епархіи. Когда въ Константинополѣ поставили (1354) на Русь разомъ двухъ митрополитовъ—Алексія и Романа, то оба они прислали оттуда своихъ пословъ въ Тверь ко владыкѣ,—и «бысть священническому чину тя-

([110]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 81; IV, 99. 194; V, 245; VII, 207; Ник. Лѣт. III, 173; IV, 197.
([111]) Ник. Лѣт. V, 47.

жесть велія вездѣ», вѣроятно, по случаю собиранія даней. Митяй, занявшій-было, по смерти святителя Алексія, его престолъ, «по всей митрополіи съ церквей дань собираше, сборные петровскіе и рождественскіе доходы и уроки и оброки митрополичи всѣ взимаше». Припомнимъ такъ же слова, которыя произносили новонареченные владыки наши въ «Исповѣданіи» предъ рукоположеніемъ своимъ: «исповѣдую, яже имать пошлины митрополичьскій престолъ во всемъ предѣлѣ моемъ, соблюдати непреложно» (112). Въ чемъ состояли собиравшіяся съ церквей дани для митрополита, объ этомъ приблизительно можемъ судить по уставной граматѣ в. князя московскаго Василія Дмитріевича митрополиту Кипріану, которая нами прежде разсмотрѣна. Наконецъ, въ казну митрополита поступали пошлины и съ міряпъ его митрополіи, когда они подвергались такъ называвшемуся *мѣсячному суду* митрополита.

Первыя извѣстія объ этомъ судѣ встрѣчаются въ лѣтописяхъ подъ 1385 годомъ. Къ концу предшествовавшаго года великій князь московскій Димитрій Іоанновичь присылалъ въ Новгородъ своихъ бояръ собирать черный боръ (подать съ простаго народа) по всѣмъ новгородскимъ волостямъ,—что̀ въ высшей степени раздражило Новгородцевъ. Вскорѣ за тѣмъ прибылъ въ Новгородъ московскій митрополитъ Пименъ, собираясь идти въ Царьградъ, и началъ требовать себѣ мѣсячнаго суда и соединенныхъ съ нимъ пошлинъ, — и Новгородцы, враждуя противъ Москвы, не только не дали Пимену суда, но еще, собравшись всѣ на вѣчѣ, торжественно цѣловали

(112) Ник. Лѣт. III, 204; IV, 70; П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 29; Степ. кн. I, 452; Акт. Эксп. I, № 370. Снес. Примѣч. 99.

крестъ, и подписали клятвенное обѣщаніе, чтобы не зваться имъ никогда въ Москву на судъ къ митрополиту, а судиться у своего архіепископа по Номоканону: рѣчь очевидно о тѣхъ дѣлахъ и тяжбахъ, въ которыхъ и міряне подлежатъ суду Церкви (113). О такомъ поступкѣ Новгородцевъ доведено было до свѣдѣнія константинопольскаго патріарха и собора въ то время, когда въ Царьградѣ еще находился Кипріанъ, впрочемъ уже назначенный на русскую митрополію (1389 г.), и по его-то просьбѣ патріархъ Антоній написалъ грамату, подписанную и прочими членами собора, въ которой убѣждалъ Новгородцевъ отложить данную ими клятву и подчиниться суду митрополита. Грамата пришла въ Новгородъ (1390 г.) вскорѣ послѣ того, какъ Кипріанъ прибылъ въ Москву; но не произвела никакого дѣйствія: упорные Новгородцы съ пренебреженіемъ бросили ее и остались при своемъ (114). Тогда Кипріанъ рѣшился самъ ѣхать въ Новгородъ. Новгородцы приняли его (11 февраля 1391 г.) съ великою торжественностію, отвели нѣсколько дворовъ для его свиты, присутствовали при его богослуженіи, внимательно слушали его поученія, а владыка честилъ его двѣ недѣли угощеніями и дарами. Но когда митрополитъ началъ просить своего суда, —то всѣ единогласно отвѣчали: «мы цѣловали крестъ и написали между

(113) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 91; V, 239; VIII, 49; Ник. Лѣт. IV, 146. Въ одной только Архангелогородской лѣтописи замѣчено: „того же лѣта (6893) митрополитъ Пименъ пойде въ Новгородъ великій *о мѣсячномъ суду*, и не даша ему Новгородци" (стр. 91. Снес. стр. 94. 95, гдѣ повторяется то же выраженіе *о мѣсячномъ судѣ*). И это хожденіе Пимена подтверждается граматою патріарха. См. Приложен. № III.

(114) П. Собр. Р. Лѣт. V, 244; VIII, 61; Ник. Лѣт. IV, 195. См. еще Приложен. № III.

собою крестную грамату и запечатали, чтобы не зваться на судъ къ митрополиту». Сколько ни говорилъ имъ Кипріанъ: «я цѣлованіе (т. е. клятву) съ васъ снимаю, печать съ вашей граматы сорву, васъ благословляю и прощаю; а вы дайте мнѣ судъ, какъ было при другихъ митрополитахъ»,—Новгородцы остались непреклонны; самъ владыка былъ на ихъ сторонѣ и подтверждалъ ихъ клятву. Видя такое рѣшительное сопротивленіе ихъ своей духовной власти и явное пренебреженіе къ граматѣ патріарха и собора, Кипріанъ прибѣгъ къ послѣднему средству: онъ наложилъ на весь Новгородъ отлученіе, запретилъ въ немъ церковныя службы и удалился, не преподавъ никому своего благословенія. Но и эта крайняя мѣра не подѣйствовала: новгородскій владыка и священники продолжали отправлять всѣ церковныя службы и священнодѣйствія, а Новгородцы и не думали измѣнять своего рѣшенія. Кипріанъ увидѣлъ необходимость обратиться въ Царьградъ и, вмѣстѣ съ вел. княземъ московскимъ, послалъ туда посломъ Димитрія Аѳинейскаго. Патріархъ, съ своимъ соборомъ, выслушавъ донесеніе, написалъ къ Новгородцамъ обширную грамату (сентября 1393 г.), въ которой излагалъ весь ходъ дѣла, объяснялъ всю ихъ виновность предъ нимъ и митрополитомъ на основаніи церковныхъ правилъ, укорялъ въ особенности архіепископа и священниковъ за то, что они, будучи запрещены, дерзаютъ священнодѣйствовать, и убѣждалъ всѣхъ раскаяться въ своемъ проступкѣ и непремѣнно подчиниться митрополиту. Но прежде, нежели грамата эта была отправлена, въ Царьградъ прибылъ и новгородскій посолъ, какой-то Кириллъ, вмѣстѣ съ другими людьми, и принесъ граматы къ царю, патріарху и собору. Изъ граматъ не оказалось

ничего новаго, чего бы прежде не сообщилъ Димитрій Аѳинейскій. Патріархъ, однакожъ, три раза открывалъ засѣданіе собора, чтобы подробно выслушать новгородскаго посла съ товарищами,— и этотъ посолъ все повторялъ одно и то же: «не хотимъ судиться у митрополита; не хотимъ, чтобы онъ унижалъ нашего епископа, чтобы митрополитъ приходилъ въ великій Новгородъ и судилъ въ теченіе одного мѣсяца или чтобы присылалъ къ намъ своего человѣка для суда......Просимъ благословенія вашего, патріархъ и архіереи; а если вы насъ не благословите, то желаемъ сдѣлаться латинами».... Такія рѣчи заставили патріарха написать къ Новгородцамъ другую грамату, въ которой, признавая наложенное на нихъ отлученіе совершенно законнымъ и справедливымъ, онъ снова убѣждалъ ихъ принесть покаяніе предъ митрополитомъ и возвратить ему его право и подъ этимъ только условіемъ соглашался разрѣшить ихъ и благословить (115). Между тѣмъ, какъ дѣло Новгородцевъ разсматривалось въ Константинополѣ, вел. князь московскій Василій Дмитріевичъ потребовалъ отъ нихъ, чтобы они непремѣнно выслали къ митрополиту Кипріану свою цѣлованную или клятвенную грамату, и, получивъ отказъ, выступилъ противъ нихъ (**1393** г.) съ войскомъ и отнялъ у нихъ нѣсколько городовъ и волостей. Новгородцы отвѣчали опустошеніемъ княжескихъ городовъ и, наконецъ, не желая видѣть большаго кровопролитія, послали къ Василію Дмитріевичу пословъ съ челобитьемъ о старинѣ, а къ митрополиту ото-

(115) П. Собр. Р. Лѣт. III, 96; IV, 99; V, 245; Ник. Лѣт. IV, 200—202. А граматы патріарха—въ Приложен. № III. Имена новгородскихъ пословъ, бывшихъ у патріарха, по лѣтописи: *Кюръ Созоновъ* и *Василій Щечкинъ* (—IV, 99. 100).

слали свою цѣлованную грамату. Митрополитъ принялъ грамату, простилъ и благословилъ ихъ; князь заключилъ съ ними миръ, и они дали князю черный боръ, а митрополиту прислали 600 рублей за то, что благословилъ ихъ владыку Іоанна и весь Новгородъ ([116]). Въ слѣдующемъ году прибылъ изъ Царьграда виѳлеемскій владыка Михаилъ и привезъ обѣ граматы патріарха къ Новгородцамъ. Спустя нѣсколько времени митрополитъ Кипріанъ отправился (1395 г.) съ этимъ посломъ въ Новгородъ,—и Новгородцы, хотя сначала не соглашались-было дать суда митрополиту, но наконецъ согласились. Кипріанъ пробылъ у нихъ всю весну до Петрова поста, написалъ имъ свое поученіе на предложенные ими вопросы о церковныхъ службахъ, епитиміяхъ, кумовствѣ и под.; архіепископъ новгородскій оказалъ митрополиту и патріаршему послу великую честь, и Кипріанъ, отходя въ Москву, съ любовію благословилъ сына своего владыку Іоанна, и весь Новгородъ, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и самъ принималъ у себя съ честію того же владыку ([117]). Такъ окончились споры Новгородцевъ

([116]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 96; IV, 100; V, 246; Ник. Лѣт. IV, 253—254; Степ. кн. I, 521; Собр. Госуд. Граматъ II, № 13. О шестистахъ рубляхъ митрополиту говорятъ Никонова лѣтопись и Степ. книга; послѣдняя прибавляетъ, что еще 350 р. дали Новгородцы митрополичу послу, привезшему имъ прощеніе. Но въ лѣтописи Новгор. четвертой упоминается только о 350 р. митрополиту и потомъ о 350 р. митрополичему боярину за долгъ новгородскихъ пословъ, ѣздившихъ въ Царьградъ. А въ Софійской—только о 350 р. митрополичьему послу.

([117]) Акт. Истор. I, № 11. Въ древней Новгород. лѣтописи сказано, что и въ этотъ разъ Новгородцы митрополиту „суда не даша“ (III, 97); а въ Ник. лѣтописи (IV, 257) и въ Степ. кн. (I, 522) напротивъ говорится, что Новгородцы теперь „судъ ему даша по старинѣ“. Первое могло быть сначала, какъ только пріѣхалъ Кипріанъ въ Новгородъ; послѣднее могло случиться чрезъ нѣсколько времени. Впрочемъ, какъ бы то ни было, только всѣ дѣйствія митрополита въ Новгородѣ заставляютъ предполагать, что онъ былъ теперь доволенъ Новгородцами, и слѣдовательно получилъ отъ нихъ судъ свой.

съ митрополитомъ о мѣсячномъ его судѣ. Въ чемъ же состоялъ этотъ судъ? Въ томъ, сколько можно догадываться по изложеннымъ нами извѣстіямъ, что митрополитъ пріѣзжалъ на одинъ мѣсяцъ въ Новгородъ и судилъ всѣхъ по дѣламъ, подлежащимъ церковному суду, или присылалъ для того своего уполномоченнаго человѣка, и собиралъ, разумѣется, съ подсудимыхъ положенныя пени. На чьей же сторонѣ была правда въ спорѣ объ этомъ судѣ? Кипріанъ не ссылался ни на какой законъ въ подтвержденіе своего права: ибо такого закона и не было; а ссылался только на обычай, на прежніе примѣры: «дайте мнѣ,—говорилъ,—судъ, какъ давали прежнимъ митрополитамъ». Новгородцы не отвергали этого обычая и примѣровъ, но очень хорошо понимали, что, по законамъ, по Номоканону, они должны были судиться у своего епархіальнаго архіерея. Слѣдовательно если нельзя назвать неправымъ Кипріана, то нельзя такъ же утверждать, чтобы вовсе были неправы и Новгородцы и чтобы они дѣйствовали здѣсь только по одной враждѣ противъ Москвы, по одному нежеланію находиться въ зависимости отъ митрополита, по одному своеволію и упорству. Въ одномъ ли только Новгородѣ или и въ другихъ епархіяхъ митрополитъ нашъ имѣлъ право мѣсячнаго суда? Извѣстій не сохранилось; но послѣднее вѣроятнѣе. Иначе трудно объяснить, почему нашъ первосвятитель усвоялъ себѣ такое право по отношенію только къ одной епархіи и почему Новгородцы въ своихъ спорахъ съ Кипріаномъ не указывали на одно это, какъ на ясное доказательство незаконности его притязаній, которыхъ онъ самъ не распространялъ на другія епархіи.

Будучи верховнымъ пастыремъ надъ всею русскою Церко-

вію, митрополитъ былъ вмѣстѣ и епархіальнымъ архіереемъ и, кромѣ того, при своей каѳедрѣ имѣлъ многія земли и вотчины. Все это возлагало на него новыя обязанности и требовало новыхъ трудовъ, тѣмъ болѣе, что епархія митрополита была раздѣлена на двѣ половины или, вѣрнѣе, на двѣ особыя епархіи, которыя находились одна отъ другой на огромномъ разстояніи и обѣ были весьма растянуты. Къ одной изъ этихъ епархій принадлежали—Москва, Владиміръ, Нижній Новгородъ, Городецъ, разумѣется, съ селами, къ нимъ тянувшими, и, вѣроятно, нѣкоторые другіе города и села великаго княжества московскаго. Къ другой—Кіевъ, Вильно, Новгородокъ литовскій, Гродно и нѣкоторые другіе города и села въ западной Россіи ([118]). Равнымъ образомъ и вотчины митрополита находились какъ въ той, такъ и въ другой епархіи. Завѣдывать первою изъ нихъ митрополитъ могъ еще самъ, живя постоянно въ Москвѣ; а во вторую, которую самъ посѣщалъ лишь изрѣдка, онъ обыкновенно назначалъ своего намѣстника. Намѣстнику поручались дѣла всей епархіи и всей митрополичей экономіи: онъ освящалъ церкви, раздавалъ имъ антиминсы, освященные митрополитомъ, избиралъ и испытывалъ ставленниковъ на всѣ церковныя степени и, кого признавалъ способными, посылалъ съ своими свидѣтельствами къ сосѣднимъ архіереямъ для поставленія; онъ имѣлъ власть надъ архи-

([118]) Это видно изъ словъ митрополита Іоны кіевскому своему намѣстнику: „се язъ.... приказалъ есмь ему держати намѣстничество свое въ Кіевѣ, и въ Вильнѣ, и въ Новгородкѣ, и въ Гроднѣ, и по всѣмъ градомъ, и мѣстомъ, и по селомъ, гдѣ ни есть мои митропольскіи церкви, которыи *изъ старины потяглы* при моемъ братѣ, *при Фотіѣ митрополитѣ*, къ тому нашему митропольскому намѣстничеству“. Акт. Ист. I, № 48.

мандритами, протоіереями, игуменами и всѣмъ священнымъ клиромъ, судилъ духовенство и самихъ мірянъ, когда они подлежали церковному суду, и собиралъ церковныя и судныя пошлины; онъ надзиралъ за всѣми митрополичьими вотчинами и людьми, защищалъ ихъ отъ всякой сторонней обиды, творилъ надъ ними судъ, собиралъ съ нихъ оброки и доходы, которые и доставлялъ митрополиту (119). Эти намѣстники жили обыкновенно въ Кіевѣ на митрополичемъ дворѣ у св. Софіи. Трое изъ нихъ извѣстны даже по имени: нѣкто чернецъ Ѳома Святогорецъ Изуфовъ, про котораго ходила молва, будто онъ поднесъ отраву (въ 1396 г.) князю Скиригайлу, сыну Ольгердову, пригласивъ его къ себѣ на пиръ въ митрополичій дворъ (120); архимандритъ Тимоѳей, котораго Кипріанъ митрополитъ за допущенные безпорядки смѣнилъ и отослалъ въ Москву (1404 г.), и архимандритъ Спасскій Ѳеодосій, котораго тогда же Кипріанъ назначилъ на мѣсто Тимоѳея (121). Вѣроятно, что иногда митрополитъ посылалъ не одного своего намѣстника для завѣдыванія всѣми городами своей западной епархіи и своими вотчинами, а нѣсколькихъ: по крайней мѣрѣ, извѣстно, что когда Витовтъ вооружился на митрополита Фотія, то повелѣлъ (въ 1414 г.) переписать всѣ принадлежавшіе ему въ литовскомъ княжествѣ города и села, раздалъ ихъ

(119) Акт. Ист. I, №№ 48 и 259.

(120) П. Собр. Р. Лѣт. II, 352; *Даниловичъ*. Лѣтоп. князей Литов. въ учен. Записк. II-го Отд. Ак. Наукъ I, отд. III, стр. 40. Стрыйковскій же передаетъ, будто этотъ митрополичій намѣстникъ, отравившій Скиригайлу, былъ Кіевопечерскій архимандритъ Авраамій (IV, с. 2). А Длугошъ говоритъ только: ab uno religioso Ruthenorum venenatus moritur (Hist. Polon. lib. X, p. 142, Lips. 1711).

(121) Ник. Лѣт. IV, 312; *Карамз.* V, примѣч. 254 подъ 1404 г.

своимъ панамъ, а «намѣстниковъ Фотіевыхъ митрополичьихъ» ограбилъ и отослалъ въ Москву ([122]). Впрочемъ, и въ московской своей епархіи, если не всегда, то по временамъ митрополиты наши имѣли у себя намѣстниковъ. Такимъ намѣстникомъ у Θеогноста былъ св. Алексій болѣе двѣнадцати лѣтъ, пока не сдѣлался владимірскимъ епископомъ. Для самого Алексія данъ былъ на время намѣстникъ изъ Царьграда патріархомъ—нѣкто діаконъ Георгій. О намѣстникѣ при митрополитѣ Кипріанѣ ясно говорится въ уставной граматѣ ему московскаго князя Василія Димитріевича ([123]). Конечно, въ Москвѣ дѣятельность митрополичьяго намѣстника была менѣе самостоятельною, чѣмъ въ Кіевѣ, и не столько обширною: здѣсь ему поручались, кажется, преимущественно дѣла судебныя какъ надъ духовенствомъ, такъ и надъ міряпами и крестьянами митрополита ([124]). Кромѣ намѣстниковъ, по управленію своими епархіями и вотчинами, митрополиты имѣли еще у себя *десятинниковъ*, которые завѣдывали церковными округами подъ

([122]) Ник. Лѣт. V, 53.

([123]) П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 27; нашей Истор. IV, примѣч. 44; Акт. Эксп. I, № 9. Надобно замѣтить, что намѣстники нашего митрополита отнюдь не были его викарными епископами и такихъ епископовъ у митрополитовъ нашихъ тогда вовсе не встрѣчаемъ (*Пр. Филар.* Ист. Русск. Ц. II, § 26). Алексій считался намѣстникомъ Θеогноста только до рукоположенія своего въ санъ епископскій, а сдѣлавшись епископомъ владимірскимъ, называется уже *прежде бывшимъ* намѣстникомъ (Ник. Лѣт. III, 201). Аθанасій волынскій управлялъ митрополіею только временно на мѣсто митрополита Алексія и по его порученію, пока самъ Алексій ходилъ въ Царьградъ (П. Собр. Р. Лѣт. VI, 121; см. еще нашей Истор. т. IV, Приложен. № XX, числ. 6). Герасимъ коломенскій такъ же управлялъ митрополіею временно и уже по смерти митрополита: „бяше бо въ ты дни на Москвѣ не сущу никому же митрополиту, Алексѣю убо къ Господу отшедшу, а другому не у пришедшу“ (Житіе Стефана Перм., въ Памятн. стар. Русск. Литер. IV, стр. 125).

([124]) П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 27; Ник. Лѣт. VIII, 58; Степ. кн. I, 450; Акт. Эксп. I, № 9.

именемъ десятинъ и, между прочимъ, собирали съ церквей и духовенства дани и пошлины, и волостелей, которые завѣдывали митрополичьими селами и волостями, судили въ нихъ людей, и потому назывались такъ же митрополичьими судьями (125).

Въ казну митрополита изъ его епархій шли двоякаго рода доходы: а) церковныя пошлины — съ церквей и приходскаго духовенства, извѣстныя подъ именами «зборнаго» и «заѣзда» (собиравшагося по случаю объѣзда митрополитомъ епархіи), а по времени сбора называвшіяся рождественскими и петровскими, и — б) пошлины судебныя, собиравшіяся со всѣхъ, судившихся судомъ церковнымъ, какъ духовныхъ, такъ и міряиъ (126). Но самымъ главнымъ источникомъ для содержанія нашихъ митрополитовъ служили ихъ вотчины. Когда наши первосвятители переселились изъ Кіева во Владиміръ и Москву, то они начали пользоваться здѣсь тѣми «имѣніями, слободами и селами», которыя подарилъ еще Андрей Боголюбскій владимірской каѳедральной церкви и архіерею, и которыя неотъемлемо съ тѣхъ поръ оставались за нашими митрополитами, по свидѣтельству московскаго собора 1503 года (127). Въ послѣдствіи сдѣланы были новыя пріобрѣтенія. Святитель Петръ купилъ для своей каѳедры или для своего московскаго Успенскаго собора городъ Алексинъ съ волостями и съ селами, и съ водами, и со всѣми угодьями, что̀ издавна тянули къ тому городу, такъ же съ данью и съ оброками, и съ судомъ, и

(125) Акт. Эксп. I, №№ 9 и 23; Акт. Истор. I, № 259.
(126) Акт. Эксп. I, № 9; Ник. Лѣт. IV, 70.
(127) П. Собр. Р. Лѣт. I, 149; Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, № 3, отд. I, стр. 42—43.

со всѣми пошлинами ([128]). Святитель Алексій, основавъ въ Москвѣ Чудовъ монастырь, и возобновивъ монастыри—Благовѣщенскій въ Нижнемъ-Новгородѣ и Константиновскій во Владимірѣ, которые съ того времени начали считаться митрополичьими, надѣлилъ всѣ эти монастыри землями, угодіями и селами, а Чудову монастырю завѣщалъ еще предъ своею смертію двѣнадцать селъ и нѣсколько деревень, частію купленныхъ имъ на собственныя деньги ([129]). При Кипріанѣ, кромѣ трехъ названныхъ монастырей, считался митрополичимъ еще монастырь владимірскій Борисоглѣбскій и, вмѣстѣ съ ними, тянулъ къ митрополиту всѣми своими селами и доходами. За этимъ первосвятителемъ утверждены были всѣ владѣнія, какія издавна, еще до Алексія и при Алексіѣ, принадлежали московскимъ владыкамъ, и Кипріанъ обмѣнялъ только одинъ городъ Алексинъ великому князю Василію Дмитріевичу на слободку Святославлю ([130]). Митрополитъ Фотій, прибывъ въ Москву спустя четыре года по смерти своего предшественника и чрезъ два послѣ страшнаго нашествія Едигеева (1408), нашелъ митрополичій домъ и казну въ совершенномъ запустеніи, а волости своей каѳедры расхищенными отъ князей, бояръ и другихъ людей. Потому рѣшился возстановить и возвратить все потерянное. Это ввело его въ столкновенія и споры съ сильными людьми, причинило ему множество огорченій, но не могло побѣдить его настойчивости въ преслѣдованіи

([128]) Акт. Ист. I, № 215; Ник. Лѣт. III, 190.

([129]) Ник. Лѣт. IV, 60. 61. 63; *Снегирев*. Памятн. Моск. Древн. стр. 131. 142—143. Извѣстна собственноручная запись святителя Алексія: „Черкизово *сельцо* куплено на мое *серебрецо*" (*Карамз.* V, примѣч. 397).

([130]) Акт. Эксп. I, № 9; Акт. Ист. 1, № 215.

цѣли: мало по малу онъ обновилъ всѣ стяжанія и доходы своей митрополіи, поотыскалъ всѣ ея вотчины. Кромѣ того нѣкоторыя села прикупилъ самъ, а большое село Кудрино съ тридцатью деревнями и со всѣми угодіями получилъ въ даръ по завѣщанію князя Владиміра Андреевича. По смерти Фотія пожертвовано еще (ок. 1433—1440) митрополитской каѳедрѣ въ Москвѣ — Успенскому собору село Оксиньинское съ деревнями и землями ([131]). За кіевскою каѳедрою нашихъ митрополитовъ или за Кіево-Софійскимъ соборомъ числились такъ же многія земли и села, которыя издавна были пожертвованы разными князьями и боярами и находились не только въ кіевскомъ, но и въ волынскомъ, новгородско-литовскомъ и другихъ округахъ ([132]). Случалось, что нѣкоторыя изъ этихъ селъ, во время смутныхъ обстоятельствъ, отпадали отъ митрополіи, но потомъ были возвращаемы. Митрополитъ Кипріанъ, когда былъ еще только литовскимъ, писалъ (въ 1378 г.) преп. Сергію Радонежскому: «мѣста церковная, запустошена давными лѣты, оправилъ есмь приложити къ митрополіи всея Руси. Новый-Городокъ литовскый давно отпалъ, и язъ его оправилъ и десятину доспѣлъ къ митрополіи же и села» ([133]). При Фотіѣ къ прежнимъ владѣніямъ митрополіи въ Литвѣ присоединились новыя пожертвованія ([134]). Если

([131]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 148; Ник. Лѣт. V, 33—35; Акт. Эксп. I, №№ 20. 23; Акт. до юрид. быта I, № 63, VIII, стр. 446.

([132]) Акт. Ист. I, № 259; Акт. Запад. Росс. I, № 26 и примѣч. 23.

([133]) Правосл. Собесѣдн. 1860, II, 97. И далѣе Кипріанъ говоритъ: „тако же отприснаа села Софійская отпала къ князямъ и къ бояромъ: и язъ тыхъ доискываюся и оправдаю, чтобы по моей смерти было, кого Богъ оправдаеть" (— 98). Что разумѣлъ здѣсь Кипріанъ подъ именемъ *десятины*, которую *доспѣлъ къ митрополіи?* Не дань ли церковную, которую собирали для митрополита десятинники въ своихъ десятинахъ?

([134]) Въ своемъ завѣщаніи Фотій, между прочимъ, писалъ: „что, сыну князь

теперь мы совокупимъ все, что шло нашимъ митрополитамъ изъ ихъ митрополіи, изъ ихъ обширной епархіи, съ ихъ многочисленныхъ вотчинъ: то невольно придемъ къ мысли, что доходы митрополичьи были, по всей вѣроятности, весьма велики. Неудивительно, если митрополитъ русскій жилъ подобно какому-нибудь князю: имѣлъ у себя бояръ, стольниковъ и отроковъ, которые служили ему, и если домъ митрополичій назывался дворцомъ, какъ и домъ княжескій ([135]).

Глава русской Церкви и вмѣстѣ епархіальный архіерей, митрополитъ нашъ нерѣдко являлся и дѣятелемъ государственнымъ: принималъ участіе въ дѣлахъ гражданскихъ и общественныхъ, насколько это соотвѣтствовало его сану. Иногда митрополитъ дѣйствовалъ только своимъ благословеніемъ, посредничествомъ, свидѣтельствомъ. Великіе князья московскіе Димитрій Іоанновичъ, Василій Дмитріевичъ и Василій Васильевичъ заключали договоры съ другими князьями, очень нерѣдко, по благословенію отца своего — митрополита; предъ нимъ давали присягу, его печатью или подписью скрѣпляли свои граматы и, въ случаяхъ разногласій при осуществленіи договоровъ, къ нему же полагали обращаться, какъ къ посреднику и судіи: такъ было при митрополитахъ—Алексіѣ, Пименѣ, Кипріанѣ и Фотіѣ. Равнымъ образомъ и духовныя свои граматы закрѣпляли свидѣтельствомъ митрополита ([136]).

велики, откуду мнѣ пришло въ вотчинѣ великаго вашего государства и въ *Литовской земли*"... и проч. (П. Собр. Р. Лѣт. VI, 147).

([135]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 100; V, 256; VI, 147; VIII, 29; Акт. Эксп. I, № 9. Здѣсь вел. князь говоритъ: „а что люди митрополичи живутъ въ городѣ, а тянутъ *къ дворцу*, а тѣхъ описавъ да положить оброкъ, какъ и на *моихъ* князя великаго *дворчанъ*".

([136]) Собр. Госуд. Грам. I, №№ 27. 28. 30. 32. 33. 36. 37. 38. 41. 42. 43.

Иногда митрополитъ участвовалъ въ гражданскихъ дѣлахъ своими совѣтами: такого рода участіе всего болѣе замѣтно было при святителѣ Алексіѣ, котораго еще в. кн. Симеонъ Іоанновичь заповѣдалъ своимъ братьямъ «слушать» и который дѣйствительно впродолженіе всего малолѣтства в. кн. Димитрія Іоанновича заправлялъ думою боярскою, а потомъ сдѣлался его главнымъ совѣтникомъ и сподвижникомъ ([137]). Еще чаще митрополиты старались содѣйствовать общественному благу своими пастырскими убѣжденіями и наставленіями, какъ миротворцы. Въ 1270 г., когда Новгородцы изгнали отъ себя в. князя Ярослава Ярославича и противъ его войска выступили съ своимъ войскомъ, митрополитъ Кириллъ прислалъ къ нимъ грамату, въ которой писалъ: «мнѣ поручилъ Богъ архіепископію въ русской землѣ, а вамъ должно слушать Бога и меня. Не проливайте крови; Ярославъ оставляетъ всякую злобу: за это я ручаюсь. Если же вы цѣловали крестъ противъ него, я принимаю на себя епитимію за нарушеніе вами клятвы и отвѣчаю за то предъ Богомъ». Новгородцы послушали митрополита и примирились съ княземъ ([138]). Въ 1310 г., въ то время, какъ святитель Петръ прибылъ въ Брянскъ, къ городу этому подступалъ съ татарской ратію брянскій князь Василій, изгнанный предъ тѣмъ дядею своимъ Святославомъ. Желая предотвратить кровопролитіе, архипастырь убѣждалъ Святослава или подѣлиться княженіемъ съ племянникомъ или бѣжать изъ города. Святославъ не принялъ убѣжденія, выступилъ противъ Татаръ и вскорѣ, покинутый Брянцами,

([137]) Собр. Госуд. Грам. I, № 24, стр. 38.
([138]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 62; V, 197; VII, 170; Ник. Лѣт. III, 52.

Bayerische Staatsbibliothek München

былъ убитъ. Варвары ворвались въ городъ, и самъ святитель едва спасся отъ нихъ, затворившись въ церкви ([139]). По смерти в. князя Василія Димитріевича (27-го февр. 1425 г.), митрополитъ Фотій въ ту же ночь послалъ боярина своего къ брату покойнаго—звенигородскому князю Юрію, приглашая его въ Москву за тѣмъ, чтобы онъ призналъ великимъ княземъ своего десятилѣтняго племянника Василія Васильевича. Юрій не согласился и, удалившись въ Галичь, началъ собирать полки, противъ которыхъ вскорѣ выступили полки московскіе. Принужденный бѣжать, Юрій просилъ только перемирія на годъ. Тогда Фотій, по общему совѣщанію, рѣшился самъ ѣхать въ Галичь и, будучи встрѣченъ здѣсь торжественно княземъ, началъ убѣждать его прекратить кровопролитіе и навсегда примириться съ своимъ племянникомъ. Упорство Юрія до того огорчило святителя, что онъ, не благословивъ ни его, ни города, быстро удалился, и вслѣдъ за тѣмъ въ городѣ открылся моръ, свирѣпствовавшій уже тогда въ разныхъ городахъ русскихъ. Юрій, принявъ это за вразумленіе свыше, поспѣшно сѣлъ на коня, погнался за Фотіемъ и едва умолилъ святителя возвратиться въ Галичь и преподать ему благословеніе, а самъ обѣщался непремѣнно помириться съ княземъ московскимъ и не искать великаго княженія, пока ханъ не объявитъ, кому должно принадлежать оно ([140]). Случалось, что наши митрополиты, въ видахъ государственной пользы, употребляли и свою духовную власть тамъ, гдѣ оказывалось недостаточнымъ одно слово убѣжденія. Въ 1328 г.

([139]) П. Собр. Р. Лѣт. V, 205; VII, 185; Ник. Лѣт. III, 106.
([140]) П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 92—93; Ник. Лѣт. V, 82—85.

ханъ Узбекъ повелѣлъ русскимъ князьямъ выслать въ Орду тверскаго князя Александра Михаиловича. Александръ удалился въ Псковъ, и Псковичи ни за что не соглашались выдать его, не послушавъ ни пословъ вел. князя и новгородскихъ, ни самаго новгородскаго владыки Моvсея. Великій князь Іоаннъ Даниловичь подступилъ къ Пскову съ многочисленнымъ войскомъ; но, не желая кровопролитія, упросилъ митрополита Өеогноста подѣйствовать на непокорныхъ церковною казнію. Өеогностъ «посла проклятіе и отлученіе» на князя Александра и на Псковичей. И цѣль была достигнута: Александръ удалился въ Литву, а Псковичи прислали съ челобитьемъ къ вел. князю и смирились ([141]). Припомнимъ еще, какъ святитель Алексій, подкрѣпляя своею властію требованія вел. князя Димитрія Іоанновича, затворилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ церкви чрезъ преп. Сергія, чтобы примирить тамошнихъ князей и предстратить кровопролитіе, и какъ тотъ же святитель наложилъ отлученіе на смоленскаго князя Святослава и на другихъ русскихъ князей за то, что они, вопреки данной клятвѣ, измѣнили Димитрію Іоанновичу и воевали противъ него вмѣстѣ съ Ольгердомъ. Наконецъ, извѣстенъ случай, хотя единственный, когда митрополитъ русскій, тотъ же Алексій, уступая мольбамъ вел. князя московскаго Іоанна Іоанновича, отправлялся въ Орду ходатайствовать предъ ханомъ за все свое отечество, и когда по этому ходатайству кровожадный Бердибекъ отмѣнилъ (1357 г.) и новую тяжкую дань, которую потребовалъ-было отъ князей русскихъ, и войну,

([141]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 74; IV, 185—186; V, 218; VII, 201; Ник. Лѣт. III, 153.

которою угрожалъ имъ ([142]). Перебирая всѣ, изложенные нами, факты, не можемъ не примѣтить, что дѣйствія нашихъ митрополитовъ для блага общественнаго преимущественно были направлены къ пользѣ того княжества, въ которомъ жили они сами. Исполнилось предсказаніе святителя Петра, переселившагося въ Москву, что она возвысится надъ всѣми городами русскими. Много было причинъ, благопріятствовавшихъ этому возвышенію; но одною изъ важнѣйшихъ, по справедливости, надобно признать пребываніе въ ней русскихъ первосвятителей и усердное содѣйствіе ихъ князьямъ московскимъ.

Великіе князья московскіе, безъ сомнѣнія, понимали, что значили для нихъ митрополиты, и тѣмъ болѣе старались оказывать имъ высокое уваженіе, подобающее ихъ сану. Князь не иначе называлъ митрополита, какъ своимъ отцемъ, даже въ оффиціальныхъ бумагахъ, а митрополитъ князя — сыномъ ([143]). Разумѣется, степень этого уваженія не могла не обусловливаться и личными достоинствами митрополитовъ: при святителяхъ Петрѣ, Ѳеогностѣ и особенно Алексіѣ она была гораздо выше, нежели при Пименѣ, Кипріанѣ и даже Фотіѣ. И извѣстные поступки Димитрія Донскаго съ Пименомъ и Кипріаномъ всего болѣе, по нашему мнѣнію, зависѣли отъ ихъ собственныхъ, не менѣе извѣстныхъ, дѣйствій, которыя неизбѣжно должны были унизить ихъ въ глазахъ и князей и народа русскаго. Впрочемъ, почему бы не поступилъ такъ Димитрій Іоанновичь, надобно сознаться, что онъ позволилъ

([142]) Степ. кн. I, 456—458.

([143]) См. напримѣръ—Собр. Госуд. Грам. I, №№ 27. 28. 53 и друг.; Акт. Ист. I, № 259; Акт. Эксп. I, №№ 9. 19. 23; Акт. до юрид. быта Росс. I, № 83; П. Собр. Р. Лѣт. VI, 147.

себѣ болѣе, нежели сколько предоставляли себѣ прежніе князья наши: безъ всякаго суда, соборнаго и патріаршаго, даже вопреки воли патріарха, Димитрій не только не принялъ митрополита Пимена, но и лишилъ его всѣхъ принадлежностей митрополичьяго сана; безъ всякаго суда по одной собственной волѣ, изгналъ въ Кіевъ митрополита Кипріана,—не упоминаемъ о всемъ прочемъ. Это не то, что одно участіе нашихъ князей въ избраніи митрополитовъ, которое случалось и прежде, и повторялось въ настоящій періодъ, и не то, что одно вліяніе, хотя, быть можетъ, очень сильное вліяніе на избраніе епископовъ ([144]). Здѣсь великій князь Россіи въ первый разъ усвоилъ себѣ полную, безусловную власть надъ самимъ главою русской Церкви, а чрезъ него и надъ всею русскою Церковію.

Въ ряду епархіальныхъ архіереевъ, подчиненныхъ русскому митрополиту, первое мѣсто занималъ владыка новгородскій: его архіепископія считалась древнѣйшею изъ нашихъ архіепископій. Кромѣ того этотъ владыка отличался отъ всѣхъ прочихъ нѣкоторыми особенностями, какъ въ іерархическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, происходившими отъ мѣстныхъ условій того княжества и общества, гдѣ онъ жилъ и дѣйствовалъ.

Избраніе новгородскаго архипастыря зависѣло не отъ митрополита съ соборомъ епископовъ, а исключительно отъ самихъ Новгородцевъ, отъ ихъ вѣча. Это право, которое усвоилъ себѣ великій Новгородъ, согласно съ общимъ строемъ его жизни, еще прежде (съ 1156 г.), выражалось въ настоящій

([144]) См. нашей Истор. IV, Приложен. № XVIII, числ. 13.

періодъ троякимъ образомъ. Однажды Новгородцы избрали себѣ новаго владыку по указанію и благословенію прежняго. Въ 1274 г. незадолго предъ кончиною архіепископа Далмата,—повѣствуетъ лѣтопись,—ему «били челомъ посадникъ Павша съ мужами старѣйшими: кого, отче, благословишь на свое мѣсто пастуха намъ и учителя? Далматъ назвалъ двухъ игуменовъ—Георгіевскаго Іоанна и своего духовника Климента и сказалъ: кого себѣ излюбите, того вамъ благословлю. И пошолъ посадникъ на дворъ Іоанновъ, созвалъ Новгородцевъ, передалъ имъ слово Далматово. И възлюбили всѣ Богомъ возлюбленнаго Климента, и благословилъ его Далматъ своею рукою» ([145]). Слѣдовавшихъ за тѣмъ четырехъ своихъ архіепископовъ Новгородцы избирали по общему совѣщанію, но, кажется, безъ жребія: по крайней мѣрѣ, въ лѣтописи не упоминается ни о жребіѣ, ни о предварительномъ избраніи трехъ кандидатовъ для этой цѣли. А говорится только: «по преставленіи Климента (1299 г.), Новгородцы, много гадавши съ посадникомъ Андреемъ, възлюбили всѣ Богомъ назнаменаннаго мужа добраго и смиреннаго, Ѳеоктиста игумена». Потомъ, когда Ѳеоктистъ пошелъ на покой (1308 г.), «Новгородцы всѣ съ игуменами и со всѣмъ іерейскимъ чиномъ, възлюбили Богомъ избраннаго и св. Софіею отца его духовнаго Давида, а Ѳеоктистъ благословилъ его на свое мѣсто». По смерти Давида (1324), «сдумавши Новгородцы, и игумены, и іереи, и черпецы, и весь Новгородъ, възлюбили всѣ Богомъ назнаменаннаго Моусея, прежде бывшаго архимандритомъ у св. Георгія». Когда Моусей принялъ схиму (1330) и удалился въ

([145]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 63.

монастырь, «много гадавши, Новгородцы оставались безъ владыки восемь мѣсяцевъ, и взлюбили весь Новгородъ, и игумены, и священники, Богомъ назнаменаннаго Григорія Калеку, мужа добраго и смиреннаго, бывшаго священникомъ у св. Косьмы и Даміана» ([146]). Съ 1359 г., когда Моусей, вторично управлявшій епархіею, вторично удалился на покой, въ Новгородѣ началось или, вѣрнѣе, возобновилось избраніе владыкъ по жребію, бывшее иногда и до Монголовъ. Лѣтопись излагаетъ ходъ дѣла такъ: «и много гадали посадникъ, и тысяцкій, и весь Новгородъ, игумены и священники, и не изволили себѣ сотворить избранія отъ человѣковъ, но изволили себѣ принять извѣщеніе отъ Бога, уповая, что кого Богъ захочетъ и св. Софія, того назнаменаетъ. И избрали трехъ мужей: чернеца Алексія, ключаря св. Софіи, Савву, игумена Антоніева монастыря и Іоанна, попа св. Варвары. И положили три жребія на престолѣ въ св. Софіи, утвердивъ себѣ слово, что кого Богъ захочетъ имѣть своимъ служителемъ, того жребій да оставитъ на своемъ престолѣ. И избралъ Богъ и св. Софія чернеца Алексія, его жребій оставилъ Богъ на престолѣ св. Софіи». Этимъ самымъ порядкомъ совершалось избраніе и всѣхъ преемниковъ Алексѣевыхъ: Іоанна, Симеона (Сампсона), Θеодосія, Евθимія I-го (Емеліана) и Евθимія II-го. Всегда избирались три кандидата; жребіи ихъ полагались на престолѣ въ св. Софіи; два жребія, по окончаніи литургіи, вынимались одинъ послѣ другаго протопопомъ и объявлялись всему народу; наконецъ жребій, оставшійся на престолѣ, указывалъ на избранника Божія. Лишь послѣднею чертою возобновив-

([146]) Тамъ же III, 67. 69. 73. 75; IV, 45.

шіеся въ Новгородѣ выборы владыкъ и отличались отъ прежде бывшихъ: ибо тогда вынимался и объявлялся народу только одинъ изъ трехъ жребіевъ, и онъ-то собственно указывалъ избранника ([147]). При выборѣ себѣ архипастыря Новгородцы держались неизмѣнно одного правила, чтобы онъ былъ изъ мѣстнаго духовенства, чернаго ли или бѣлаго, а за тѣмъ обращали вниманіе только на достоинства избираемаго, нимало не стѣсняясь его саномъ. Изъ монашествующихъ они избирали и архимандритовъ (Моусея), и игуменовъ (Климента, Θеоктиста, Іоанна, Θеодосія), и іеромонаховъ (Давида, Евθимія I-го и Евθимія II-го), и простыхъ чернецовъ (Арсенія, Сампсона), а изъ бѣлаго духовенства—только священниковъ, которые, въ случаѣ избранія, постригались въ монашество, какъ и поступилъ Григорій Калека, принявшій вмѣстѣ съ постриженіемъ имя Василія ([148]). Новоизбраннаго тотчасъ возводили съ честію на владычныя «сѣни», т. е. вводили въ домъ владыки и предоставляли ему завѣдывать дѣлами епархіи, а сами давали знать митрополиту о своемъ выборѣ. Митрополитъ присылалъ своихъ пословъ въ Новгородъ звать новоизбраннаго на ставленіе и, по ихъ зову, онъ отправлялся къ митрополиту, сопутствуемый знатнѣйшими боярами, иногда самимъ посадникомъ и тысяцкимъ ([149]). А какъ случалось, что митрополитъ находился гдѣ нибудь далеко, обозрѣвая свою митрополію, наприм., на Волыни, или путешествовалъ въ Грецію, или и вовсе не было въ Россіи митрополита по смерти

([147]) Тамъ же III, 86. 94. 106. 110. 140; IV, 95. Снес. нашей Исторіи III, 205—206.

([148]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 75. 181.

([149]) Тамъ же III, 75. 87. 94.

прежняго: то по этому, иногда же и по другимъ причинамъ, новоизбранный владыка новгородскій управлялъ епархіею до рукоположенія своего нѣсколько мѣсяцѣвъ или даже лѣтъ, именно: Іоаннъ — восемь мѣсяцевъ, Ѳеоктистъ и Моисей по году, Климентъ около двухъ лѣтъ, Евѳимій II-й болѣе пяти лѣтъ. А одинъ изъ такихъ новоизбранныхъ владыкъ, Ѳеодосій игуменъ Клопскаго монастыря, хотя управлялъ церковію два года, вовсе и не удостоился рукоположенія. Новгородцы сослали его въ тотъ же монастырь, говоря: «не хотимъ шестника (т. е. пришлеца, неприроднаго Новгородца) владыкою» ([150]). Если избранный владыка былъ простой чернецъ: то онъ сначала былъ рукополагаемъ, разумѣется, во діакона, потомъ во священника и наконецъ въ архіепископа. Достойно замѣчанія, что двое изъ избранныхъ, чернецъ Сампсонъ и священноинокъ Емеліанъ, при рукоположеніи въ санъ архіепископа, получили отъ митрополита новыя имена, первый Симеона, а вторый Евѳимія ([151]).

И новгородскій владыка, подобно всѣмъ прочимъ, давалъ предъ рукоположеніемъ своимъ обѣтъ соблюдать миръ церковный и повиноваться во всемъ митрополиту. Но иногда политическія, непріязненныя отношенія Новгорода къ Москвѣ, которыхъ не могъ вполнѣ не чувствовать владыка, какъ гражданинъ и духовный глава Новгорода, а иногда и личныя отношенія самаго владыки къ митрополиту—были причиною того, что новгородскіе архіепископы оказывали непокорность своему первосвятителю, жаловались на него, даже противодѣйствовали

([150]) Тамъ же III, 67. 73. 94. 110. 140. 182—183.

([151]) Тамъ же III, 106. 140 183.

ему. Въ первый разъ это обнаружилось въ 1353 г. при архіепископѣ Моусеѣ и, кажется, по однимъ личнымъ побужденіямъ. Извѣстно, что предшественнику Моусея Василію митрополитъ Θеогностъ далъ (1346 г.) право носить кресчатыя ризы—важное преимущество по понятіямъ того времени, а Моусею не давалъ, —далъ потомъ это же право и владимірскому епископу Алексію, только-что рукоположенному (дек. 1352 г.). И вотъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Моусей послалъ въ Царьградъ просить «исправленія о непотребныхъ вещехъ, происходящихъ съ насиліемъ отъ митрополита», выставлялъ предъ патріархомъ, что Θеогностъ далъ кресчатыя ризы даже новопоставленному епископу владимірскому, и умолялъ пожаловать и ему-архіепископу такія же ризы. Патріархъ отвѣчалъ Моусею, что, согласно съ его собственнымъ желаніемъ и моленіемъ, жалуетъ и ему кресчатую ризу, но съ тѣмъ, чтобы онъ повиновался во всемъ своему митрополиту по священнымъ канонамъ и отнюдь не дерзалъ и не искалъ предлоговъ противиться ему, угрожая въ противномъ случаѣ утвердить все, что сдѣлаетъ надъ нимъ митрополитъ ([152]). То же повторилось при преемникѣ Моусея—владыкѣ Алексіѣ, и уже не по однимъ личнымъ, а и по политическимъ побужденіямъ. Митрополитъ извѣстилъ патріарха, что этотъ владыка самовольно присвояетъ себѣ право носить кресчатую фелонь, данное его предшественнику, и не только не оказываетъ должной чести и послушанія ему-митрополиту и великому князю, но и противится имъ, противорѣчитъ. Патріархъ написалъ

([152]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 83. 86. Снес. нашей Истор. IV, примѣч. 46 и текстъ, къ которому оно относится.

(1370 г.) къ архіепископу, чтобы онъ снялъ съ своей фелони кресты безъ всякихъ отговорокъ и воздавалъ надлежащее почтеніе и покорность какъ митрополиту, такъ и вел. князю, и прибавилъ: «если же ты не исполнишь моего приказанія, то я велю митрополиту удалить тебя и снять съ тебя архіерейство» ([153]). Наконецъ, всего болѣе обнаружилось противленіе новгородскаго владыки, какъ и всего Новгорода, митрополиту въ извѣстномъ спорѣ о мѣсячномъ митрополичемъ судѣ (1385—1395), когда дѣйствовали исключительно политическія причины. Другихъ случаевъ такого противленія, кромѣ трехъ указанныхъ, мы не знаемъ; а выводить изъ этихъ трехъ мысль, будто новгородскіе архіепископы искали себѣ независимости церковной и домогались отдѣленія своей епархіи отъ митрополіи, значитъ, по нашему мнѣнію, преувеличивать дѣло. Большею частію, особенно когда Новгородъ находился въ добрыхъ отношеніяхъ къ вел. князю московскому, новгородскіе владыки сохраняли надлежащее повиновеніе къ митрополиту, съ честію принимали его у себя, безъ прекословія отправлялись къ нему сами по его требованію и подчинялись его суду и положенному отъ него наказанію ([154]).

Въ управленіи своею обширною епархіею, которая обнимала не только Новгородъ, но и его пригороды и всѣ его волости, новгородскій владыка слѣдовалъ тѣмъ же самимъ канонамъ и уставамъ, какимъ слѣдовали и прочіе наши епископы. Онъ училъ, ставилъ на всѣ церковныя степени, освящалъ антиминсы и церкви, правилъ духовенствомъ и монастырями,

([153]) См. нашей Истор. IV, Приложен. № X.

([154]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 97. 98; IV, 53. 98. 102. 134; Ник. Лѣт. III, 162 и друг.

судилъ мірянъ по дѣламъ, подлежащимъ церковному суду, пользовался церковными и судебными пошлинами и иногда обозрѣвалъ лично свою духовную паству: напримѣръ, въ 1364 г. мы видимъ владыку Алексія въ Торжкѣ, гдѣ онъ освящалъ церковь; въ 1419 г. владыка Симеонъ объѣзжалъ корельскую землю послѣ того, какъ Норвежцы произвели въ ней опустошеніе и разорили нѣсколько церквей и монастырей; въ 1442 г. владыка Евѳимій освящалъ церковь въ Русѣ, въ Спасскомъ монастырѣ,—а въ 1446 г. тотъ же владыка ѣздилъ за Волокъ «благословити новгородскую вотчину, и свою архіепископію, и своихъ дѣтей» ([155]). Одинъ Псковъ, пригородъ Новгорода, находившійся такъ же подъ властію новгородскаго архіепископа, рѣзко выдѣлялся въ его епархіальномъ управленіи. Тамъ владыка держалъ обыкновенно своего намѣстника, который завѣдывалъ духовенствомъ чрезъ *поповскихъ старостъ*, производилъ судъ надъ духовными и мірянами по дѣламъ церковнымъ, собиралъ церковныя и судныя пошлины, равно какъ оброки съ земель и водъ владычныхъ. А самъ владыка пріѣзжалъ въ Псковъ только въ положенные сроки, какъ можно догадываться, чрезъ три года, и въ это

([155]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 88. 108. 114; IV, 119. 125. Впрочемъ, что—до права освящать антиминсы, то оно едва ли не усвоялось у насъ одному митрополиту, судя по слѣдующимъ словамъ Кипріана къ Псковичамъ: „а коли есмь былъ въ Новгородѣ въ Великомъ, тогды есмь антимисы свящалъ, а приказалъ былъ есмь епископу послати и къ вамъ тѣхъ антимисовъ. Нынѣча слышу, что самъ былъ тогды у васъ, а далъ вамъ отъ тѣхъ антимисовъ, а приказалъ вамъ на четверо рѣзати каждый антимисъ: ино то неправо учинилъ, на свою пагубу; и нынѣча язъ послалъ съ вашею братьею, съ попомъ съ Харитономъ и его товарищи, антимисовъ 60; а въ Троецькій клиросъ перешлите тѣи антимисы, а держите ихъ по старой пошлинѣ; а свящайте церкви, но не рѣжите ихъ: такъ и кладите, какъ порѣзаны и наряжены и свящаны“ (Акт. Ист. I, № 8).

время проживалъ мѣсяцъ на содержаніи города, творилъ въ немъ *мѣсячный судъ*, бралъ «подъѣздъ» съ духовенства, а съ мірянъ судныя пени, и возвращался въ Новгородъ ([156]). Еще болѣе Псковъ отличался тѣмъ, что нерѣдко оказывалъ сопротивленіе своему архипастырю. Причины этого сопротивленія были различныя. Первая условливалась политическими обстоятельствами. Случалось, что Псковъ приходилъ во враждебное столкновеніе съ Новгородомъ: оно неизбѣжно отражалось и на отношеніяхъ Пскова ко владыкѣ. И вотъ, напримѣръ, въ 1307 г. «бысть Псковичемъ немирье со владыкою Ѳеоктистомъ и съ Новгородцы». Случалось, что Псковъ добивался независимости отъ Новгорода и пріобрѣталъ себѣ самостоятельнаго князя: естественно рождалась мысль и о независимости церковной. И однажды, именно въ 1331 г., когда Псковитяне приняли къ себѣ княземъ Александра Михайловича тверскаго, они совсѣмъ—было рѣшились осуществить эту мысль, избрали и послали къ митрополиту Ѳеогносту инока своего Арсенія, ходатайствуя о рукоположеніи его въ санъ псковскаго епископа, хотя митрополитъ и не уважилъ ихъ просьбы ([157]). Другая причина сопротивленія Псковитянъ новгородскому владыкѣ заключалась иногда въ самомъ владыкѣ: каждый разъ, когда онъ приходилъ къ нимъ въ положенные сроки, «въ свой пріѣздъ въ свою чреду», они принимали его съ честію, судились у него, вносили ему пошлины; но когда онъ приходилъ не въ свою чреду и требовалъ мѣсячнаго суда, или присылалъ вмѣсто себя протоіерея.

([156]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 118. 191. 209. 211. О поповскомъ старостѣ — тамъ же 189.

([157]) Тамъ же III, 75; IV, 52. 183; V, 219; Ник. Лѣт. III, 158.

они противились и отказывали въ повиновеніи. Такъ былъ у нихъ владыка Василій въ 1330 и потомъ въ 1333 г.,—и въ оба раза его принимали съ честію, а пріѣхалъ онъ къ нимъ въ 1337 г., слѣдовательно только чрезъ годъ послѣ своей череды, и Псковичи суда не дали владыкѣ, и онъ, отъѣзжая отъ нихъ, проклялъ ихъ ([158]). Равнымъ образомъ пріѣзжалъ въ Псковъ владыка Іоаннъ въ 1399 г. въ свою череду, и Псковичи дали ему честь великую и «судъ ему даша мѣсяцъ судити по старинѣ»; то же повторилось и съ владыкою Симеономъ въ 1418 году. А прислалъ владыка Іоаннъ въ 1411 г. своего протопопа Тимоѳея «на попѣхъ подъѣзда просить», и Псковичи не велѣли давать и сказали: пусть владыка самъ пріѣдетъ къ намъ, и подъѣздъ его будетъ чистъ, какъ пошло исперва по старинѣ ([159]). Третьею причиною несогласій между Псковичами и владыкою были его намѣстники или, вѣрнѣе, опять самъ владыка. До 1348 г. владыки назначали намѣстниками своими въ Псковъ Новгородцевъ, какъ посылались туда и посадники изъ Новгорода. Въ этомъ году Новгородцы, нуждаясь въ помощи Псковитянъ противъ шведскаго короля Магнуса, заключили съ ними договоръ, по которому признали Псковъ младшимъ братомъ Новгорода и узаконили, чтобы посадникамъ новгородскимъ въ Псковѣ не сидѣть, а отъ владыки быть въ Псковѣ намѣстникомъ Псковитянину ([160]). Не смотря на это, владыка Евѳимій въ 1435 году, кромѣ того, что пріѣхалъ въ Псковъ не въ свою череду и сталъ требовать себѣ мѣсячнаго суда, назначилъ еще Псковичамъ

([158]) Тамъ же III, 75. 77. 78; IV, 53. 186.
([159]) Тамъ же III, 101. 108; IV, 104. 201. 202.
([160]) Тамъ же III, 227.

новаго своего намѣстника — Новгородца. Они, естественно, отказали въ судѣ и заговорили о стѣсненіи своихъ правъ. Владыка прогнѣвался и чрезъ недѣлю уѣхалъ. Псковичи уступили: догнали его, упросили воротиться и дали ему судъ. Но когда новый намѣстникъ принялся судить не по старинѣ и не по псковской пошлинѣ, началъ сажать діаконовъ подъ стражу, то Псковитяне вступили въ бой съ Софіянами, т. е. со свитою владыки, и владыка чрезъ три дня съ гнѣвомъ уѣхалъ изъ Пскова, не принявъ даже обычнаго поминка отъ жителей, а причинивъ только «много протора попомъ и игуменомъ», какого не бывало никогда отъ самыхъ первыхъ владыкъ ([161]). Такимъ образомъ оказывается, что Псковитяне едва ли не всегда были правы, когда обнаруживали непокорность своему архипастырю. Въ другія времена они не только не противились ему и принимали его съ честію, а сами посылали просить его къ себѣ, жаждали получить отъ него благословеніе, видѣть его священнодѣйствіе, какъ напримѣръ, въ 1352 и 1361 г. при появленіи между ними моровой язвы ([162]). Скорѣе надобно пожалѣть о томъ, что владыки новгородскіе болѣе, кажется, заботились о своемъ мѣсячномъ судѣ въ Псковѣ и о своихъ пошлинахъ, нежели о духовныхъ потребностяхъ паствы, — о томъ пожалѣть, что Псковичамъ не былъ данъ, не смотря на ихъ собственное желаніе, особый епископъ, который бы усерднѣе потрудился для ихъ духовнаго блага. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что къ концу XIV и въ первой четверти XV вѣка церковное состояніе

([161]) Тамъ же IV, 209; V, 28.
([162]) Тамъ же III, 85. 87; IV, 191.

Пскова было самое неутѣшительное. Искавшіе себѣ священства отправлялись за рукоположеніемъ не въ Новгородъ, какъ слѣдовало бы, а или на Русь или въ Литву. Псковскіе священники не знали церковнаго устава, не имѣли исправныхъ богослужебныхъ книгъ, иногда крестили чрезъ обливаніе, употребляли латинское муро, а вдовые іереи женились въ другой разъ и продолжали священнодѣйствовать. Міряне вмѣшивались въ дѣла монастырскія и церковныя, сами судили и наказывали духовныхъ. И въ тоже время въ Псковѣ свили себѣ гнѣздо стригольники. Дошло до того, что Псковитяне съ своими неудомѣніями и духовными нуждами обращались не къ своему новгородскому владыкѣ, а прямо къ митрополиту. И митрополиты, Кипріанъ и Фотій, не полагаясь ли болѣе на новгородскихъ владыкъ, или принимая во вниманіе политическія несогласія между Новгородомъ и Псковомъ, нерѣдко возникавшія, сами старались разрѣшать эти неудомѣнія, удовлетворять этимъ нуждамъ псковскаго духовенства, хотя всего лучше было бы дать Псковитянамъ особаго благонадежнаго архипастыря. Митрополитъ Исидоръ, переходя въ 1438 г. чрезъ Псковъ на пути въ Италію, поступилъ еще рѣшительнѣе: онъ прямо отнялъ здѣсь и судъ и печать, и воды, и земли, и оброки владыки новгородскаго у его намѣстника и передалъ все это своему намѣстнику, архимандриту Геласію, т. е. присоединилъ Псковъ непосредственно къ своей митрополичей епархіи. По возвращеніи изъ Флоренціи Исидоръ, хотя взялъ Геласія къ себѣ, но прислалъ Псковичамъ другаго своего же намѣстника, архимандрита Григорія. Уже послѣ бѣгства митрополита Исидора изъ Россіи прежнее

отношеніе Пскова къ новгородскому владыкѣ возстановилось ([163]).

Политическое значеніе владыки въ Новгородѣ было такое, какого не имѣлъ самъ митрополитъ въ Москвѣ, не имѣли и всѣ прочіе русскіе іерархи. Владыка считался въ Новгородѣ первымъ лицемъ, какбы главою его и отцемъ, безъ согласія и благословенія котораго Новгородцы не предпринимали ничего важнаго въ своихъ гражданскихъ дѣлахъ. 1) По благословенію владыки они начинали войну. «Не можемъ, господине отче,—говорили они въ 1398 г. владыкѣ Іоанну,—терпѣть насилія отъ вел. князя Василія Дмитріевича, что отнялъ у насъ нашу отчину и дѣдину.... Благослови насъ, отче владыко, поискать св. Софіи пригородовъ и волостей, и мы или отъищемъ ихъ или положимъ свои головы за св. Софію и за своего господина за великій Новгородъ. И владыка Іоаннъ благословилъ своихъ дѣтей, и воеводъ новгородскихъ, и всѣхъ воевъ» ([164]). 2) Ко владыкѣ обращались Новгородцы, когда хотѣли заключить миръ, и посылали владыку, какъ своего главнаго представителя, съ другими мужами для переговоровъ о мирѣ. Въ 1380 г. «били челомъ весь Новгородъ господину своему архіепископу владыкѣ Алексѣю», чтобы онъ пошелъ къ вел. князю Димитрію Іоанновичу для заключенія мира,—и владыка принялъ челобитье своихъ дѣтей и всего Новгорода, ходилъ въ Москву съ множествомъ бояръ и имѣлъ успѣхъ. Точно такъ же въ 1397 году «и посадникъ, и тысяцкій, и бояре, и весь великій Новгородъ били челомъ госпо-

([163]) Тамъ же IV, 211. 214.
([164]) Тамъ же III, 98—99.

дину своему владыкѣ Іоанну», отправлявшемуся въ Москву, походатайствовать за нихъ и ихъ нарушенныя права предъ вел. княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ,—и Іоаннъ ходатайствовалъ вмѣстѣ съ другими послами, хотя и не могъ склонить князя къ миру. Съ подобными порученіями отправляемъ былъ владыка Новгородцами и прежде нѣсколько разъ ([165]). И всѣ договорныя граматы Новгорода съ вел. князьями тверскими и московскими начинались обыкновенно словами: «благословеніе отъ владыки, поклонъ отъ посадника и тысяцкаго» и проч. Равно и князья, съ своей стороны, заключали договоры «со владыкою и съ посадникомъ и съ всѣмъ Новымъ-городомъ», и начинали иногда свои граматы «поклономъ къ отцу ко владыкѣ» ([166]). А Псковитяне присылали посольство свое прямо ко владыкѣ и били ему челомъ, чтобы онъ благословилъ вел. Новгородъ примириться съ ними, и владыка благословлялъ дѣтей своихъ-Новгородцевъ принять «братію свою молодшую» Псковичей по старинѣ ([167]). Участіе владыки требовалось даже въ договорахъ Новгорода съ чужеземцами: въ 1339 г. вмѣстѣ съ новгородскими послами отправляемъ былъ посолъ и отъ владыки за море къ шведскому королю, чтобы закончить миръ по старымъ граматамъ; а въ 1428 г. ѣздилъ владыка Евѳимій къ Порхову съ послами новгородскими и заключилъ миръ съ вел. княземъ литовскимъ Витовтомъ ([168]). 3) По благословенію владыки Новгородцы начинали и совершали и свои внутреннія дѣла, каковы: строе-

([165]) Тамъ же III, 91. 98. Снес. III, 70. 72. 77. 94.
([166]) Собр. Госуд. Грам. I, №№ 1—17; Акт. Ист. I, № 258.
([167]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 97.
([168]) Тамъ же III, 79. 110.

ніе городовъ, раздача льготъ, жалованныхъ граматъ и под. Въ 1387 г. «благословилъ владыка Алексѣй весь Новгородъ ставить городъ Порховъ каменный»,—и исполнили Новгородцы волю владыки. Въ 1448 г. далъ великій Новгородъ на вѣчѣ, по благословенію владыки Евѳимія, жалованную грамату Троицкому Сергіеву монастырю, которою освобождалъ монастырскихъ людей, отправлявшихся съ товарами на Двину и Вологду, отъ торговыхъ пошлинъ (169). 4) Во дни народныхъ волненій и мятежей владыки старались убѣждать возмутившіяся толпы, успокоивать страсти и являлись миротворцами. Въ 1342 г., когда весь Новгородъ раздѣлился-было на двѣ стороны и обѣ стороны готовились взяться за оружіе, владыка Василій съ посадникомъ примирили враждовавшихъ и предотвратили кровопролитіе. Въ 1359 г., когда на самомъ вѣчѣ произошелъ бой между согражданами и потомъ однихъ убили, а другихъ ограбили, и смятеніе продолжалось три дни, владыка Моѵсей, удалившійся уже на покой, и новоизбранный на владычество Алексій—оба обратились къ враждовавшимъ партіямъ съ своими убѣжденіями и склонили ихъ къ миру. Въ 1418 г., когда возмутившаяся чернь ограбила цѣлыя улицы и начала звонить во всѣ колокола, когда потрясся весь городъ, сторона Софійская возстала на Торговую и толпы съ обоихъ сторонъ бѣжали съ оружіемъ на большой Волховскій мостъ, при чемъ многіе были задавлены и убиты, когда страхъ напалъ на всѣхъ,—владыка Симеонъ въ полномъ облаченіи, сопутствуемый соборомъ духовенства, вышелъ на тотъ же мостъ, сталъ на срединѣ и началъ благословлять обѣ

(169) Тамъ же III, 94; Акт. Эксп. I. № 42.

стороны св. крестомъ: при видѣ этого многіе прослезились, а другіе спѣшили повергнуться предъ владыкою и всѣ, по благословенію его, разошлись въ свои домы ([170]).

Къ каѳедрѣ новгородскаго архіепископа издавна тянули «погосты, и села, и земли, и воды, со всѣми пошлинами». Изъ числа этихъ владѣній случайно упоминаются въ лѣтописяхъ волость Вель, находившаяся въ Заволочьѣ, на которую въ 1398 г. сдѣлалъ нападеніе бояринъ вел. князя московскаго Василія Дмитріевича, и городокъ Молтовици, подвергавшійся пожару въ 1401 г. ([171]). Кромѣ разнаго рода доходовъ съ вотчинъ, въ казну владыки поступали пошлины съ церквей и духовенства и пошлины судныя съ духовенства и міряпъ, и какъ тѣ, такъ и другія, при обширности епархіи, были, безъ сомнѣнія, очень немалы. Владыка жилъ въ богатыхъ палатахъ, имѣлъ своихъ *бояръ*, *столниковъ* и многочисленную прислугу, а для управленія вотчинами—своихъ *волостелей*, для завѣдыванія казною—своего *казначея* ([172]). Къ чести новгородскихъ владыкъ надобно сказать, что свои экономическія средства они употребляли не на себя только, а преимущественно на построеніе и украшеніе храмовъ Божіихъ и св. обителей: почти каждый изъ нихъ, какъ мы видѣли, соорудилъ одну, двѣ или три церкви и монастыря, а напримѣръ,

([170]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 82. 87. 108. 136. 137.

([171]) Акт. Ист. I, № 7; П. Собр. Р. Лѣт. III, 99. 101.

([172]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 44. 98. 99. 107; IV, 117. „Постави владыка (Василій) теремъ великій“ (—III, 81). „Владыка Евѳимій постави на дворѣ у себя полату каменну, а дверей въ ней тридцать; а мастеры ставили Новгородскіе и Нѣмецкіе изъ за моря“ (—238). Казначеями у новгородскихъ владыкъ всегда были міряне до владыки Симеона (1414—1421), который первый избралъ себѣ въ казначея инока Евѳимія, бывшаго въ послѣдствіи такъ же владыкою новгородскимъ (Памятн. старин. Русск. Литер. IV, 18).

владыка Моусей устроилъ пять монастырей, владыка Евѳимій II-й—шесть церквей. Вмѣстѣ съ тѣмъ не щадили владыки своихъ денегъ и для дѣлъ общественныхъ. Владыка Василій впродолженіе двухъ лѣтъ (1331—1333) поставилъ «городъ каменъ», т. е. каменную ограду вокругъ кремля или дѣтинца, начиная отъ церкви св. Владиміра, находившейся на однихъ изъ воротъ кремлевскихъ, до церкви св. Бориса, а въ слѣдующемъ году и покрылъ всю эту ограду. Тотъ же владыка въ 1338 г. построилъ новый мостъ черезъ Волховъ своими людьми ([173]). Владыка Іоаннъ въ 1400 г. продолжилъ каменную ограду вокругъ дѣтинца, начиная отъ церкви св. Бориса и Глѣба; а въ Псковѣ далъ свое сребро для сооруженія костра (каменной башни) надъ Псковою въ дѣтинцѣ псковскомъ ([174]). Владыка Евѳимій въ 1428 г. для выкупа плѣнныхъ у князя Витовта приложилъ свою тысячу рублей къ тѣмъ пяти тысячамъ, которыя поднесли ему новгородскіе бояре ([175]). Въ случаяхъ крайней нужды Новгородцы и сами пользовались, конечно не безъ согласія владыки, Софійскою казною, какбудто общественною: по крайней мѣрѣ, былъ такой случай въ 1391 г., когда послѣ страшнаго пожара Новгородцы взяли пять тысячь сребра у св. Софіи съ полатей, «скопленія владычня Алексіева», раздѣлили на пять концевъ, по тысячи на каждый, и воздвигли каменные костры у всякой улицы ([176]).

О другихъ нашихъ епархіальныхъ архіереяхъ того времени сохранилось гораздо менѣе свѣдѣній. Для управленія своими

([173]) П Собр. Р. Лѣт. III, 75. 76. 77. 78. 131.
([174]) Тамъ же III, 101; IV, 195; V, 18.
([175]) Тамъ же III, 238; V, 263.
([176]) Тамъ же III, 233; IV, 98.

епархіями, которое совершалось, безъ сомнѣнія, по общимъ законамъ отечественной Церкви, они имѣли у себя намѣстниковъ и десятинниковъ: о тѣхъ и другихъ упоминается еще въ «правилѣ» владимірскаго собора ([177]). Намѣстниковъ, можетъ быть, имѣли у себя и не всѣ архіереи и невсегда, а только нѣкоторые и въ случаяхъ нужды, по обширности ли епархіи или по своей болѣзни. Такъ, когда епископъ ростовскій Кириллъ сдѣлался крайне дряхлъ и слабъ, въ помощь ему, съ его согласія и по благословенію митрополита Кирилла, «изведоша архимандрита св. Богоявленья Игнатья, и бысть причетникъ церкви св. Богородицы въ Ростовѣ», а въ слѣдующемъ (1262) году, по смерти Кирилла, занялъ самую его каѳедру ([178]). Десятинники завѣдывали судебною частію въ своихъ десятинахъ или церковныхъ округахъ и собираніемъ судебныхъ пошлинъ, и иногда, если не всегда, были люди свѣтскаго званія ([179]). По гражданскимъ дѣламъ значеніе нашихъ іерарховъ было очень немаловажное. Епископы благословляли князей на княженіе; по благословенію своихъ епископовъ князья давали жалованныя граматы; епископовъ приглашали они въ качествѣ свидѣтелей при написаніи своихъ духовныхъ завѣщаній ([180]); епископовъ отправляли князья другъ къ другу для переговоровъ о наслѣдствѣ, о раздѣлѣ земель и вообще для взаимныхъ объясненій ([181]); еписко-

([177]) Русск. Достопамятн. I, 106—118.

([178]) П. Собр. Р. Лѣт. II, 118.

([179]) Акт. Запад. Росс. I, № 43, стр. 58. Подъ 1436 г. лѣтописи говорятъ, что когда князь Василій Юрьевичь Косой взялъ Устюгъ, то „десятильника владычня (ростовскаго) Іева Булатова повѣсилъ“ (П. Собр. Р. Лѣт. V, 266; Ник. Лѣт. V, 120). Этотъ десятильникъ не названъ ни священникомъ, ни инокомъ.

([180]) П. Собр. Р. Лѣт. II, 216; Акт. Ист. I, № 2; Собр. Госуд. Грам. I, стр. 41. 43.

([181]) П. Собр. Р. Лѣт. II, 214—215. 218. 224.

повъ же посылали иногда для заключенія мира послѣ военныхъ дѣйствій ([182]). А въ другое время епископы и сами примиряли князей и предотвращали между ними кровопролитіе ([183]). Весьма замѣчательно въ этомъ отношеніи посланіе отъ лица пяти нашихъ архипастырей съ нѣсколькими архимандритами и игуменами, писанное въ 1447 г. къ углицкому князю Димитрію Шемякѣ послѣ того, какъ онъ, давъ клятву признавать Василія Васильевича великимъ княземъ московскимъ, началъ снова домогаться великокняжескаго престола. Въ посланіи святители напоминали Димитрію, какъ напрасны были всѣ усилія его отца и брата овладѣть великимъ княженіемъ, представляли потомъ цѣлый рядъ его собственныхъ дѣйствій противъ великаго князя и отечества и съ особенною подробностію обличали его послѣднее вѣроломное нарушеніе клятвы, а въ заключеніе убѣждали Шемяку исполнить свято всѣ условія заключеннаго договора и, между прочимъ, говорили: «и о томъ тебѣ, господину нашему, напоминаемъ и бьемъ челомъ, пожалуй, пощади свою душу и свое христіанство, соблюди свое крестное цѣлованіе и предъ своимъ братомъ старѣйшимъ исправься во всемъ чисто.... Молимъ тебя, смирись сокрушеннымъ сердцемъ, — и Божія благодать и милость, а нашего смиренія молитва и благословеніе будутъ съ тобою. Если же захочешь остаться въ твоемъ жестокосердіи, то самъ на себя наложишь тяжесть церковнаго проклятія и

([182]) Тамъ же I, 232; II, 198.

([183]) „Заратися Иванъ князь да Костянтинъ, смири ихъ владыка Семенъ“ (П. Собр. Р. Лѣт. I, 228). „И малымъ не бысть межи има (между пятью князьями, собравшимися во Владимірѣ) кровопролитія, сведоша б и ъ въ любовь владыка Семенъ и владыко Измайло“ (—VII, 181).

чуждъ сдѣлаешься отъ Бога и отъ Церкви Божіей и отъ православной христіанской вѣры, и не будетъ на тебѣ милости Божіей и пречистыя Его Матери и силы того истиннаго и животворящаго креста, который ты цѣловалъ въ знакъ вѣрности своему брату старѣйшему, великому кн. Василію Васильевичу; такъ же не будетъ на тебѣ нашего святительскаго и священническаго благословенія и молитвы, ни па тѣхъ, кто станетъ вмѣстѣ съ тобою замышлять зло на великаго князя и его дѣтей. И если при такомъ твоемъ упорствѣ прольется христіанская кровь, то вся эта кровь будетъ на тебѣ» ([184]). Голосъ архипастырей подѣйствовалъ на Шемяку: онъ просилъ вел. князя Василія Васильевича принять его въ дружбу и любовь ([185]), хотя вскорѣ за тѣмъ снова нарушилъ миръ. При всемъ уваженіи, какимъ пользовались наши іерархи среди своей паствы, были однакожъ примѣры и непріязненнаго отношенія къ нимъ князей и народа. Въ 1295 г., когда ростовскій епископъ Тарасій отправился въ Устюгъ, вслѣдъ за нимъ поѣхалъ и князь ростовскій Константинъ, «и ятъ владыку, и люди около его избиша», неизвѣстно за что ([186]). Незадолго предъ тѣмъ временемъ народъ муромскій, подозрѣвая своего архипастыря Василія († 1295) въ нечистой жизни, вздумалъ самъ, безъ всякаго законнаго разслѣдованія, изгнать его или умертвить. Напрасны были всѣ убѣжденія святителя въ своей невинности: на другой день онъ долженъ былъ удалиться изъ города и, хотя совершившееся при этомъ чудо

([184]) Акт. Ист. I, № 40.
([185]) Собр. Госуд. Грам. I, № 67.
([186]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 228; VII, 181.

засвидѣтельствовало о его непорочности и пробудило въ Муромцахъ чувство раскаянія, но владыка уже не захотѣлъ возвратиться къ нимъ, а перенесъ свою каѳедру въ Рязань ([187]). Точно такъ же жители Ростова изгнали епископа своего Іакова по одному подозрѣнію его въ нечистой жизни и безъ всякаго суда со стороны митрополита. Іаковъ построилъ себѣ хижину въ двухъ верстахъ отъ города на берегу озера Неро и хотя простилъ Ростовцевъ, но уже не согласился, не смотря на всѣ ихъ просьбы, снова занять свою каѳедру, и скончался (1392) въ основанной имъ обители, въ которой донынѣ почиваютъ его св. мощи ([188]). Для содержанія нашихъ епархіальныхъ архіереевъ точно такъ же, какъ и самаго митрополита, служили прежде всего церковныя и судныя пошлины, собиравшіяся для каждаго изъ нихъ въ его епархіи ([189]). Кромѣ того, по господствовавшему обычаю времени, епископы владѣли землями, селами и вообще вотчинами. Напримѣръ, рязанскій владыка имѣлъ нѣсколько такихъ селъ и земель, которыя частію были куплены, а больше подарены князьями ([190]). У владыки перемышльскаго и другихъ западно-русскихъ іерарховъ издавна были земли, села съ людьми

([187]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 208; VII, 181; Ник. Лѣт. III, 93. Прологъ подъ 21 мая; Лѣтопис. Русск. Литерат. кн. IV, отд. III, стр. 97, М. 1859; Памятники стар. Русск. Литер. I, 235 — 237; Голосъ въ защиту преданія о св. Василіѣ I-мъ, епиcк. рязанск., въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1859, III, 147—160.

([188]) См. Пролог. и Четии-Мин. подъ 27 ноября.

([189]) „А что будетъ церковная пошлина, а то ему (епископу) давайте по давному по церковному обычаю“ (Акт. Ист. I, №№ 1 и 3). Вѣроятно, для владыкъ собирались пошлины и съ епархіальныхъ монастырей, какъ можно заключать изъ словъ жалованной граматы полоцкаго князя полоцкому монастырю: „а владыцѣ съ игумена и съ нашего монастыря Островьского куницы не брати, а никакихъ пошлинъ“ (Акт. Западн. Росс. I, № 14).

([190]) *Иловайск.* Истор. Рязанск. Княж. 257. 284—285.

и подворья ([191]). О волости тверскаго епископа — Олешнѣ и о томъ, что онъ имѣлъ «слуги довольны», упоминаютъ лѣтописи ([192]).

Послѣ владыкъ наибольшимъ уваженіемъ пользовались настоятели монастырей — архимандриты и игумены. И ихъ приглашали князья въ качествѣ свидѣтелей при написаніи своихъ договоровъ ([193]); и ихъ посылали другъ къ другу для заключенія мира, какъ примирилъ (1386 г.), напримѣръ, преп. Сергій Радонежскій рязанскаго князя Олега съ вел. княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ ([194]). И игумены позволяли иногда себѣ сами говорить смѣло князьямъ и убѣждать ихъ къ справедливости и любви. «Слышалъ я, государь князь великій,—писалъ преп. Кириллъ Бѣлоезерскій къ Василію Дмитріевичу московскому, — что произошло великое несогласіе между тобою и сродниками твоими князьями суздальскими. Ты, государь, выставляешь на видъ свою правду, а они свою, и изъ-за этого несогласія между вами открылось сильное кровопролитіе въ народѣ христіанскомъ. Но, государь, вникни безъ предубѣжденія въ ихъ дѣло и, въ чемъ будетъ ихъ правда предъ тобою, уступи имъ со смиреніемъ; а въ чемъ будетъ твоя правда предъ ними, стой за свою правду. И если они будутъ просить у тебя, государь, милости, Бога ради окажи имъ милость, по ихъ мѣрѣ. Я слышалъ, государь, что до-

(191) Акт. Западн. Росс. I, №№ 31 и 42; *Зубрицк.* о Червонной Руси, 72—74.

(192) П. Собр. Р. Лѣт. I, 207; IV, 112; Ник. Лѣт. III, 85.

(193) Собр. Госуд. Грам. I, стр. 37. 41. 43. 61. 79.

(194) Ник. Лѣт. IV, 151; П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 49. Снес. III, 76. 100. 110. 113.

селѣ они были въ утѣсненіи у тебя,—и это было причиною всей брани между вами. Итакъ Бога ради покажи на нихъ свою любовь и милость» ([195]). При томъ всеобщемъ уваженіи, какимъ пользовались у насъ не только настоятели монастырей, но и вообще иноки, очень естественно, если не одни князья, а и бояре, и мужи служилые, и люди всѣхъ сословій дѣлали на монастыри свои вклады, особенно предъ смертію и въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ, и если монастыри наши владѣли разнаго рода угодіями и вотчинами ([196]).

Въ челѣ бѣлаго духовенства видимъ протоіереевъ, которые находились въ Москвѣ, въ Новгородѣ и, вѣроятно, при всѣхъ каѳедральныхъ соборахъ, и которымъ владыки дѣлали по временамъ разныя епархіальныя порученія ([197]). Въ другихъ церквахъ сельскихъ и городскихъ, даже въ соборахъ не каѳедральныхъ, служили только священники: по крайней мѣрѣ, во всемъ Псковѣ, который считалъ у себя три соборныхъ церкви, не было ни одного протоіерея. Причты церквей были немноголюдные, какъ можемъ заключать изъ того, что даже въ главномъ псковскомъ соборѣ—Троицкомъ—состояло, кажется, всего: два священника, діаконъ и дьячекъ, да еще два старосты ([198]). И священники принимали иногда участіе въ дѣлахъ общественныхъ: бывали свидѣтелями при договорахъ

([195]) Акт. Ист. I, № 12.
([196]) Акт. до юрид. быта Росс. I, № 31, I. III. IX; № 63, II. IV. V. VI. VII.
([197]) Ник. Лѣт. IV, 73; П. Собр. Р. Лѣт. III, 87; IV, 201.
([198]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 195—196. Снес. 191. 202.

князей, посылались въ числѣ пословъ для заключенія мира и другихъ подобныхъ дѣлъ ([199]). Есть основанія думать, что и приходскія церкви иногда владѣли землями и селами, которыя то пріобрѣтали чрезъ покупку, то получали отъ православныхъ по духовному завѣщанію ([200]).

([199]) Собр. Госуд. Грам. I, стр, 41. 43; П. Собр. Р. Лѣт. II, 224; IV, 189. 194.

([200]) Лѣтописи свидѣтельствуютъ, что во время страшнаго мора, бывшаго въ 1352 г., люди богатые давали *церквамъ святымъ* и монастырямъ села, озера, сады (П. Собр. Р. Лѣт. IV, 61; Ник. Лѣт. III, 196). А митрополитъ Фотій въ 1395 г. писалъ Псковичамъ: „а что земли церковныи или села, купили ли будутъ или кто будетъ далъ, умирая, которой церкви; а въ тѣ бы есте земли не вступалися никто отъ васъ, чтобы церковь Божія не изобижена была“ (Акт. Ист. I, № 9).

ГЛАВА VI.

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Владычество Монголовъ надъ Россіею не осталось безъ пагубнаго вліянія и на ея просвѣщеніе. Во время своихъ нашествій, такъ часто повторявшихся, они, истребляя города и села, церкви и монастыри, неизбѣжно истребляли и школы, какія гдѣ встрѣчались, и истребили безчисленное множество книгъ ([201]). Но въ мирное время Монголы отнюдь не препятствовали Русскимъ (по крайней мѣрѣ, о препятствіяхъ не сохранилось ни одного извѣстія) учиться грамотѣ и поддерживать или вновь открывать школы, какъ не препятствовали строить и возобновлять церкви и монастыри, какъ не вмѣшивались вообще во внутренніе порядки нашей общественной и особенно церковной жизни. А ограждая духовенство отъ всякихъ притѣсненій, подтверждая его права и льготы, предоставляли ему полную возможность, по прежнему, заниматься науками и распространеніемъ грамотности въ народѣ. И мы

([201]) Напримѣръ, при нашествіи Тохтамыша на Россію и разграбленіи имъ Москвы, „книгъ множество снесено (было) съ всего града и зъ селъ, въ соборныхъ церквахъ многое множество наметано, съхраненія ради спроваждено, то все безвѣстно (Татары) сътвориша". П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 46.

не видимъ никакого основанія утверждать, будто просвѣщеніе угасло въ русской Церкви при Монголахъ или даже ослабѣло; напротивъ, намъ кажется, что оно оставалось все на той же степени, правда, очень не высокой, на какой было и до Монголовъ,—хотя, быть можетъ, находило менѣе сочувствія со стороны народа, постоянно бѣдствовавшаго подъ тяжелымъ игомъ.

И теперь, какъ прежде, въ Россіи существовали по мѣстамъ училища, разумѣется, первоначальныя. Напримѣръ, во второй половинѣ XIII вѣка была школа на Волыни, гдѣ обучался святитель Петръ; въ XIV вѣкѣ были школы: въ Кіевѣ, гдѣ обучался пр. Стефанъ махрицкій; въ Москвѣ, гдѣ обучался святитель Алексій; въ Твери, гдѣ обучался св. Арсеній тверскій; въ Ростовѣ, или области ростовской, гдѣ обучался преп. Сергій радонежскій съ своими братьями; въ Устюгѣ, гдѣ обучался св. Стефанъ пермскій; въ первой половинѣ XV вѣка были школы: въ Кашинѣ, гдѣ учился грамотѣ преп. Макарій колязинскій, и въ Новгородѣ, гдѣ учились св. Евѳимій и Іона, впослѣдствіи новгородскіе архіепископы. Въ житіи послѣдняго сказано, что обученіемъ дѣтей занимался какой-то діаконъ и что онъ имѣлъ у себя множество учениковъ ([202]). Въ Ростовѣ, какъ при соборной церкви Пресв.

([202]) Въ житіи св. Петра сказано: „рождьшужеся отрочати и седьмаго лѣта возраста достигшу, вданъ бываетъ родителема книгамъ учитися; но убо учителеви съ прилѣжаніемъ ему прилежащу, отроку же неспѣшно ученіе творяшеся“ (Степ. кн. I, 411). Въ житіи пр. Стефана махрицкаго: „времени приспѣвшу вданъ бываетъ отъ родитель своихъ на ученіе божественнымъ книгамъ, и вскорѣ извыче божественныхъ книгъ писанія“ (Сборн. моей библ. № 51, л. 189). Въ житіи св. Алексія Пахоміевомъ: „таже времени бывшу и книжному ученію вданъ бысть“ (Сборн. моей библ. № 66, л. 196). О св. Арсеніи тверскомъ у *Муравьев.* въ Жит. св. Русск., март., стр. 5. Въ житіи пр. Сергія радонежскаго читаемъ:

Богородицы, такъ и въ епископскомъ монастырѣ св. Григорія, существовали даже библіотеки, заключавшія въ себѣ много книгъ, изъ которыхъ первая сгорѣла въ страшный пожаръ 1408 года ([203]).

Обращаясь къ духовной литературѣ монгольскаго періода, мы находимъ ее отнюдь не беднѣе литературы предшествовавшаго времени. Если собственно по талантамъ, которые даются отъ Бога, едва ли можно указать теперь писателей, равныхъ митрополиту Иларіону, или преп. Нестору, или св. Кириллу туровскому: за то по образованію писатели настоящаго періода были вообще нисколько не ниже прежнихъ. Самые роды письменныхъ произведеній оставались въ употребленіи тѣже, какіе господствовали и прежде, такъ что между литературою одного и другаго періода не представляется никакого перерыва: это— проповѣди, посланія, житія, повѣсти и описанія путешествій, хотя въ сочиненіяхъ отражались уже иной духъ и событія иного времени. Что же касается до литературы переводной:

„родители его вдаша грамотѣ учити...., учитель же его со многимъ прилежаніемъ учаше его, но отрокъ не внимаше, и не умѣяше, и неточенъ бысть дружинѣ своей, учащимся съ нимъ“ (Сборн. моей библ. № 42, л. 40). Въ житіи св. Стефана пермскаго: „и еще дѣтищемъ сый, измлада вданъ бысть грамотѣ учити, юже вскорѣ извыче“ (Памятн. старин. Русск. Литер. IV, 121). Въ житіи пр. Макарія колязинскаго: „егда же достизающу ему възраста, вдашя его родителы въ наученіе грамотѣ“ (Сборн. моей библ. № 3, л. 241 обор.). Въ житіи св. Евѳимія: „времени пришедшю вданъ бываетъ учитися божественнымъ книгамъ“ (Памятн. старин. Русск. Литер. IV, 17). Въ житіи св. Іоны: „вдану бывшу ему нѣкоему діакону наказатися священнымъ книгамъ...., и аще когда отъ учителя отхождаше со множествомъ ученическимъ, улица града къ дому ему преходити бываше“ (Тамъ же 28).

([203]) Тѣ “книги старина многи“, которыя сгорѣли въ ростовскомъ соборѣ, были, можетъ быть, преимущественно, если не исключительно, богослужебныя (Ник. Лѣт. V, 15). Но о Григорьевскомъ монастырѣ сказано, что „книги многи бяху ту, довольны суща ему (Стефану пермскому) на потребу *почитанія* ради“ (Памятн. старин. Русск. Литер. IV, 121).

то она оказывается теперь у насъ даже богаче, чѣмъ была прежде.

I.

Первыми литературными дѣятелями въ настоящій періодъ, естественно, пришлось быть лицамъ, которые получили образованіе еще въ предшествовавшій періодъ и которые, потому, послужили живою связію между обоими періодами. Это были: митрополитъ Кириллъ II-й и епископы—ростовскій Кириллъ († 1262), владимірскій Серапіонъ (†1275) и тверскій Симеонъ († 1289). Къ сожалѣнію, о двухъ изъ нихъ мы знаемъ только отзывы лѣтописей, именно: о Кириллѣ ростовскомъ, что онъ былъ пастырь «учительный» и что для слушанія «ученья его, еже отъ святыхъ книгъ», стекались въ его соборную церковь не только жители Ростова всѣхъ возрастовъ, а даже изъ окрестныхъ городовъ,—и о Симеонѣ тверскомъ, что онъ былъ «учителенъ и силенъ въ книгахъ божественнаго писанія», и смѣло возвѣщалъ слово Христово, правое и истинное, предъ самими князьями и обличалъ всякую неправду ([204]). Но оставили ли послѣ себя оба эти святителя какія либо сочиненія, или они проповѣдывали только устно, сохранились ли гдѣ либо ихъ сочиненія до настоящаго времени, неизвѣстно. Правда, Кириллу, епископу ростовскому, приписываютъ нынѣ нѣсколько словъ и поученій; но приписываютъ совершенно произвольно и неосновательно ([205]). А

([204]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 195. 204; Ник. Лѣт. III, 86.

([205]) *Пр. Филар.* Обз. Русск. дух. Литер. кн. I, № 51; Правосл. Собесѣдн. 1859, I, 244—258. Приписываютъ единственно на томъ основаніи, что слова эти

подъ именемъ Симеона, епископа тверскаго, встрѣчается въ въ рукописяхъ небольшой разговоръ его съ полоцкимъ княземъ Константиномъ, происходившій во время пиршества у послѣдняго и записанный какимъ-то лицемъ стороннимъ, слѣдовательно вовсе не составляющій литературнаго произведенія этого епископа ([206]).

Митрополиту Кириллу II-му такъ же приписываютъ нѣсколько сочиненій; но изъ нихъ принадлежитъ ему, по крайней мѣрѣ, одно. Это — извѣстное «правило» или, вѣрнѣе, слово, въ которомъ онъ изложилъ правила владимірскаго собора 1274 г., и которое онъ сначала произнесъ предъ лицемъ самаго собора, а потомъ разослалъ по всѣмъ епархіямъ

встрѣчаются въ рукописяхъ подъ именемъ: *св. отца Кирилла*, или *св. отца Кирилла архіепископа*, или *св. Кирилла епископа*. Но слѣдуетъ ли отсюда, что такія слова и поученія принадлежатъ именно Кириллу, епископу ростовскому, а не современникамъ его—Кириллу I-му или Кириллу II-му, митрополитамъ или архіепископамъ кіевскимъ, которые оба не менѣе извѣстны по своему образованію и учительству? Не справедливѣе ли даже, если основываться на однихъ оглавленіяхъ, усвоять такія слова какому либо дѣйствительно *св. отцу Кириллу*, наприм., Кириллу философу или Кириллу, епископу туровскому, нежели Кириллу ростовскому, который вовсе не полагается въ числѣ святыхъ? Не говоримъ уже, какъ произвольно иногда наши древніе переписчики надписывали именами св. отцевъ тѣ или другія сочиненія. Напримѣръ, одно изъ словъ, приписываемыхъ Кириллу ростовскому, не потому ли только надписано именемъ *св. отца Кирилла архіепископа,* что въ самомъ словѣ, чрезъ нѣсколько строкъ отъ начала, сказано: „глаголетъ Кириллъ архіепископъ"? (Опис. рукоп. Моск. Сvнод. библ. отд. II, № 230, л. 137, стр. 63; Правосл. Собесѣд. 1859, I, 248). Тоже должно замѣтить и касательно извѣстнаго слова *св. отца Кирилла* о мытарствахъ, гдѣ въ приступѣ читается: „якоже Кириллъ философъ рече". А еще два слова, которыя Обзоръ Русск. Дух. Литературы приписываетъ Кириллу ростовскому, именно: *о первозданномъ и о небесныхъ силахъ*, цѣликомъ заимствованы изъ слова на соборъ архистратига Михаила, которое тотъ же Обзоръ приписываетъ митрополиту Кириллу II-му. См. объ этихъ словахъ въ Приложен. № IV.

([206]) Разговоръ этотъ напечатанъ у *Карамз.* IV, примѣч. 178, и у *Розенкампф.* о Кормчей, примѣч. стр. 217—218, а по 2-му изд. стр. 139.

для руководства. Въ словѣ различаются три части: *вступленіе*, гдѣ митрополитъ говоритъ объ обязанности святителей ревностно блюсти священные каноны, о замѣченныхъ имъ нестроеніяхъ въ отечественной Церкви, ихъ причинахъ и горестныхъ послѣдствіяхъ; *изложеніе* самихъ правилъ соборныхъ, въ которомъ митрополитъ обращается и къ епископамъ, и къ священникамъ, и вообще къ духовенству; наконецъ, *заключеніе*, гдѣ онъ обращается исключительно къ собору іереевъ и убѣждаетъ ихъ достойно проходить свое высокое служеніе. Первыя двѣ части, которыя несомнѣнно принадлежатъ митрополиту Кириллу, встрѣчаются всегда нераздѣльно въ рукописныхъ Кормчихъ подъ заглавіемъ: «правило Кюрила митрополита Русьскаго» и проч. Послѣдняя часть, которую мы приписываемъ митрополиту Кириллу только съ вѣроятностію, иногда встрѣчается непосредственно вслѣдъ за «правиломъ» подъ особымъ заглавіемъ: «поученіе къ попомъ», а иногда и отдѣльно въ качествѣ самостоятельнаго сочиненія: такъ какъ наши епископы имѣли обычай переписывать это поученіе и разсылать отъ себя по своимъ епархіямъ ([207]). Не станемъ разбирать здѣсь главной, канонической части разсматриваемаго нами слова, съ которою мы познакомились уже въ своемъ мѣстѣ, а обратимъ вниманіе только на двѣ остальныя части слова, собственно литературныя.

Во вступленіи къ слову митрополитъ говоритъ: «Преблагій Богъ нашъ, всецѣло промышляющій о нашемъ спасеніи и все

([207]) О сочиненіяхъ митрополита Кирилла II подробно чит. въ Приложен. № IV.

строящій по невѣдомымъ судьбамъ своимъ и премудростію своего Пресв. Духа, даруетъ (намъ) достойныхъ святителей и облекаетъ ихъ высокою честію съ тѣмъ, чтобы они со всякою ревностію блюли священныя правила св. апостоловъ и св. отцевъ нашихъ, которые своими пречистыми законоположеніями, какбы нѣкіими чудными стѣнами, оградили церковь Божію, основанную на твердомъ камени и неразрушимую, по обѣтованію Христа, отъ самаго ада. Поэтому я—Кириллъ, смиренный митрополитъ всей Россіи (сильно скорбѣлъ), видя и слыша многія нестроенія въ нашихъ церквахъ, многія разности, несогласія, безпорядки, происходящіе или отъ нерадѣнія пастырей, или отъ неразумныхъ обычаевъ, или отъ непосѣщенія епископами своихъ епархій, или отъ непониманія правилъ церковныхъ: такъ какъ они доселѣ затемнены были для насъ облакомъ неразумительнаго еллинскаго языка. Но нынѣ они просвѣтлѣли, т. е. истолкованы, и благодатію Божіею ясно сіяютъ, разгоняя тьму невѣдѣнія, освѣщая все свѣтомъ разумнымъ и избавляя насъ отъ грѣховъ невѣдѣнія: да сохранитъ же насъ Богъ на будущее время, а прежніе грѣхи да проститъ и да вразумитъ насъ во всѣхъ св. правилахъ, чтобы чрезъ преступленіе отеческихъ заповѣдей не наслѣдовать намъ горя. Ибо какую выгоду наслѣдовали мы, оставивъ божественныя правила? Не разсѣялъ ли насъ Богъ по лицу всей земли? Не взяты ли городы наши? Не пали ли наши сильные князья отъ острія меча? Не отведены ли въ плѣнъ чада наши? Не запустѣли ли св. Божіи церкви? Не томимся ли мы каждый день отъ безбожныхъ и нечистыхъ язычниковъ? Все это намъ за то, что мы не хранимъ правилъ св. отецъ нашихъ. Посему я разсудилъ нынѣ съ свя-

тымъ соборомъ и преподобными епископами произвесть нѣкоторое изслѣдованіе о церковныхъ дѣлахъ» ([208]).

Въ послѣдней части, извѣстной подъ названіемъ «поученія къ попомъ», первосвятитель сначала раскрываетъ мысли о высокой важности и страшной отвѣтственности священническаго сана, потомъ убѣждаетъ священниковъ блюсти и самихъ себя отъ грѣховъ и свое духовное стадо, далѣе преподаетъ имъ разныя наставленія относительно ихъ тройственной обязанности, какъ поступать въ дѣлѣ ученія, въ совершеніи богослуженія, въ употребленіи духовной власти, наконецъ повелѣваетъ заботиться и о собственныхъ дѣтяхъ и даже о слугахъ. Вотъ главныя черты этого поученія къ попомъ, очевидно, произнесеннаго на соборѣ: «внимай, *соборъ* іереевъ преподобный, къ вамъ мое слово. Вы нареклись земными ангелами, небесными человѣками. Вы съ ангелами предстоите у престола Господня, вы съ серафимами носите Господа. Вы сводите съ небеси Духа Святаго и претворяете хлѣбъ въ плоть и вино въ кровь Божію. Вы просвѣщаете людей св. крещеніемъ, вы связываете, вы разрѣшаете. Вами совершаетъ Господь тайну спасенія человѣческаго рода; васъ поставилъ стражами и пастырями словесныхъ овецъ своихъ, за которыхъ пролилъ кровь свою. Вамъ передалъ Онъ талантъ свой, за который имѣетъ истязать васъ во второе свое пришествіе, какъ вы умножили данный вамъ даръ, какъ упасли словесное стадо Христово, какъ соблюли святыню вашу неоскверненною, какъ не соблазнили людей вѣрныхъ.... Души человѣческой и одной не стоитъ весь міръ: какъ же не погрузится въ огнѣ

([208]) Русск. Достопамят. I, 106—108.

неугасимомъ соблазнившій многія души? Простецъ согрѣшитъ: онъ дастъ отвѣтъ предъ Богомъ за одну свою душу; а іерей, согрѣшивъ, соблазнитъ многихъ и за ихъ души получитъ осужденіе. Блюдитесь же отселѣ всякаго грѣха: не работайте плоти, отстаньте отъ пьянства и объяденія, прекратите тяжбы, свары, вражды.... Блюдите и порученныхъ вамъ людей, какъ научить ихъ и представить непорочными на судѣ предъ Богомъ, чтобы каждый изъ васъ могъ сказать: *се азъ и дѣти моя, яже ми есть далъ Богъ*.... Ложныхъ книгъ не читайте, еретиковъ уклоняйтесь, чародѣевъ бѣгайте, говорящимъ не отъ божественныхъ писаній заграждайте уста.... Разумѣйте, какъ учить дѣтей духовныхъ: не слабо, чтобы лѣнивы не были; не жестоко, чтобы не отчаялись.... Разумѣйте, кого отлучить отъ тѣла и крови Господней, или кого отъ Церкви, и насколько времени.... Святую же и страшную службу совершайте со страхомъ: никогда не входи въ олтарь, имѣя вражду съ кѣмъ либо...; не озирайся назадъ, но весь умъ имѣй горѣ.... О важныхъ вещахъ надобно извѣщать епископа, да разсудитъ по правиламъ апостольскимъ и отеческимъ.... Блюдите и родимыхъ своихъ дѣтей.... Илій первосвященникъ былъ безъ грѣха предъ Богомъ, но за сыновніе грѣхи посланъ былъ въ муку: потому что не училъ сыновъ своихъ добру и не наказывалъ ихъ. И слугъ своихъ наставляйте въ ученіи Господнемъ и доставляйте имъ пищу и одежду въ довольствѣ.... Если все это сохраните, то молитва ваша будетъ услышана отъ Бога, въ землѣ нашей налоги отъ поганыхъ уменьшатся и Господь подастъ намъ обиліе всего, если мы въ волѣ Его будемъ, соблюдая Его заповѣди. Молитесь и за меня грѣшнаго, да подастъ мнѣ

Господь крѣпость для управленія паствою и отпущеніе грѣховъ по молитвамъ вашимъ. Я мало сказалъ вамъ, но вы сами знаете, что угодно Богу» ([209]).

Отъ епископа владимірскаго Серапіона, который, по словамъ лѣтописей, былъ «зѣло учителенъ и силенъ въ божественномъ писаніи» ([210]), дошло до насъ пять словъ или поученій; но несомнѣнно, что ихъ было гораздо больше: онъ самъ свидѣтельствуетъ, что училъ своихъ духовныхъ чадъ всегда, проповѣдывалъ имъ много и многажды, хотя, съ другой стороны, не должно забывать, что архипастырская дѣятельность его продолжалась не болѣе года (1274—1275) ([211]). Уцѣлѣвшія поученія владимірскаго святителя небогаты содержаніемъ и очень сходны между собою, однообразны. Во всѣхъ онъ вооружается противъ господствовавшихъ пороковъ своего времени; во всѣхъ указываетъ на современныя казни Божіи, особенно на монгольское иго; во всѣхъ призываетъ слушателей къ покаянію и исправленію жизни. Пороки, которые онъ преслѣдуетъ, обыкновенные между людьми и встрѣчающіеся во всѣ времена; только въ четвертомъ словѣ онъ возстаетъ

([209]) Поученіе къ попомъ напеч. въ Прибавл. къ Тв. Св. Отц. I, 428—432. Мы пользовались такъ же спискомъ изъ рукоп. Кормчей новгор. Соф. библ. XVI в., in F. № 437, л. 207—208 обор.

([210]) П. Собр. Р. Лѣт. VII, 172; Ник. Лѣт. III, 59.

([211]) Свѣдѣнія о Серапіонѣ, какъ проповѣдникѣ — въ Приб. къ Тв. Св. Отц. I, 92. Тамъ же напечатаны четыре его слова (97—111. 193—205). Пятое издано г. Шевыревымъ (Поѣздка въ Кирилло-Бѣлоез. монастырь, II, 36). Въ первомъ словѣ Серапіонъ говоритъ: „многа же глаголахъ вы, братье и чада"…. (—101); во второмъ: „многажды глаголахъ вы", и еще: „всегда сѣю въ ниву сердецъ вашихъ сѣмя божественное"; въ пятомъ: „азъ бо грѣшный всегда учю вы, чада" (—37). Въ Правосл. Собесѣд. изданы еще два слова подъ именемъ Серапіона, епископа владимірскаго, но приписываются ему по одной догадкѣ. 1858, II, 472—484.

противъ частнаго языческаго обычая—сожигать волхвовъ, а въ пятомъ кромѣ того—противъ обычая выгребать изъ могилъ удавленниковъ и утопленниковъ. Впрочемъ, при всемъ сходствѣ и даже единствѣ главнаго содержанія, слова различаются между собою и по составу, и по формѣ, и нѣкоторыми частностями, и неодинаковымъ выраженіемъ однихъ и тѣхъ же мыслей. Проповѣдникъ говоритъ просто, ясно, кратко, безъ многословія и риторизма. Его рѣчь сильна убѣжденіемъ, проникнута пастырскою ревностію и любовію и отзывается современностію. Характеръ его проповѣдей можно назвать обличительнымъ.

Вотъ какъ, напримѣръ, описываетъ Серапіонъ въ первомъ словѣ казни Божіи: «вы слышали, братія, слова самого Господа въ Евангеліи: и въ послѣдняя лѣта будутъ знаменія въ солнцѣ и лунѣ, и звѣздахъ, и труси по мѣстамъ, и глади (Лук. 21, 25; Матѳ. 24, 7). Сказанное тогда Господомъ нашимъ сбылось нынѣ, при послѣднихъ людяхъ. Сколько разъ мы видѣли солнце затмившимся, луну померкшею, видѣли перемѣны въ звѣздахъ! А нынѣ собственными глазами видѣли землетрясеніе. Земля, отъ начала утвержденная и неподвижная, нынѣ движится по повелѣнію Божію, колеблется отъ грѣховъ нашихъ, не можетъ носить нашихъ беззаконій. Мы не послушали Евангелія, не послушали апостоловъ, не послушали пророковъ, не послушали великихъ свѣтилъ, то есть: Василія, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и другихъ святыхъ святителей, которыми утверждена вѣра, отринуты еретики, и чрезъ которыхъ познанъ Богъ всѣми народами. Они непрестанно учатъ насъ, а мы держимся однихъ беззаконій. Вотъ и наказываетъ насъ за сіе Богъ знаменія-

ми, землетрясеніемъ, бывшимъ по Его повелѣнію. Не говоритъ устами, но наказываетъ на дѣлѣ. Всячески наказавъ насъ, Богъ не отъучилъ насъ отъ злыхъ привычекъ: и потому нынѣ потрясаетъ и колеблетъ землю, хощетъ стрясти съ земли беззаконія и грѣхи многіе, какъ листья съ древа. Если же кто скажетъ: „землетрясенія и прежде были", отвѣчаю: бывали землетрясенія, это правда. Но что потомъ было у насъ? Не гладъ ли? Не моръ ли неоднократный? Не частыя ли войны? Однакожъ мы не покаялись, пока пришелъ на насъ, по Божію попущенію, народъ немилостивый, опустошилъ нашу землю, плѣнилъ города наши, разорилъ святыя церкви, избилъ отцевъ и братій нашихъ, поругался надъ нашими матерями и сестрами».

А вотъ обличеніе пороковъ и увѣщаніе къ покаянію во второмъ словѣ: «дѣти! я чувствую въ сердцѣ своемъ великую скорбь о васъ: ибо вовсе не вижу вашего обращенія отъ дѣлъ беззаконныхъ. Не такъ скорбитъ мать, видя дѣтей своихъ больными, какъ скорблю я, грѣшный, отецъ вашъ, видя васъ болящихъ дѣлами беззаконными. Многократно бесѣдовалъ я съ вами, желая отвратить васъ отъ худыхъ навыковъ. Но не вижу въ васъ никакой перемѣны. Разбойникъ ли кто изъ васъ, не отстаетъ отъ разбоя; воръ ли кто, не пропуститъ случая украсть; имѣетъ ли кто ненависть къ ближнему, не имѣетъ покоя отъ вражды; обижаетъ ли кто другаго и захватываетъ чужое, не насыщается грабительствомъ; лихоимецъ ли кто, не перестаетъ брать лихву (обаче, по словамъ пророка, всуе мятется: сокровиществуетъ и не вѣсть кому собиретъ я (Псал. 38, 7); бѣдный, онъ не подумаетъ о томъ, что какъ родился нагимъ, такъ и умретъ, не имѣя ничего, кромѣ вѣчнаго про-

клятія); любодѣйствуетъ ли кто, не отказывается отъ любодѣйства; сквернословецъ и пьяница не отстаетъ отъ своей привычки. Чѣмъ мнѣ утѣшиться, видя, что вы отступили отъ Бога? Чему мнѣ радоваться? Всегда сѣю я на нивѣ сердецъ вашихъ сѣмя божественное, но никогда не вижу, чтобы оно прозябло и принесло плодъ. Умоляю васъ, братія и дѣти, исправьтесь; обновитесь добрымъ обновленіемъ, перестаньте дѣлать зло; убойтесь Бога, сотворившаго насъ; вострепещите суда Его страшнаго! Къ кому идемъ? Къ кому приближаемся, отходя отъ сей жизни? Что скажемъ? Какой дадимъ отвѣтъ? Страшно, дѣти, подпасть гнѣву Божію.... Умоляю васъ, братія: пусть каждый изъ васъ вникнетъ въ свои мысли, разсмотритъ сердечными очами дѣла свои, возненавидитъ ихъ и откажется отъ нихъ. Прибѣгните къ покаянію: гнѣвъ Божій прекратится, и милость Господня изліется на насъ. Мы въ радости будемъ жить на землѣ нашей; а по отшествіи изъ сего міра придемъ съ радостію къ Богу своему, какъ дѣти къ отцу, и наслѣдуемъ царство небесное, для котораго Господомъ мы созданы. Ибо Господь сотворилъ насъ великими; а мы чрезъ непослушаніе сдѣлались малыми. Не погубимъ, братія, своего величія. Не слышащіе о дѣлахъ и законѣ спасаются, но исполняющіе законъ (Римл. 2, 13). Ежели въ чемъ согрѣшимъ, опять прибѣгнемъ къ покаянію, обратимся съ любовію къ Богу; проліемъ слезы; будемъ по мѣрѣ силъ давать милостыню нищимъ; имѣя возможность помогать бѣдствующимъ, отъ бѣдствій избавляйте ихъ. Если не будемъ таковыми, то продолжится гнѣвъ Божій на насъ. Пребывая же всегда въ Божіей любви, будемъ жить въ мирѣ» ([212]).

([212]) Списокъ этого втораго поученія Серапіонова мы нашли и въ Сборникѣ

Въ третьемъ словѣ всего замѣчательнѣе изображеніе нашествія Монголовъ на Россію: «видя, что наши беззаконія умножились, видя, что мы отвергли Его заповѣди, Онъ (Богъ) показалъ многія знаменія, неоднократно училъ чрезъ рабовъ Своихъ. И мы ни въ чемъ не оказывались лучшими. Тогда Онъ навелъ на насъ народъ немилостивый, народъ лютый, народъ, не щадящій ни юной красоты, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей; ибо мы подвигли на себя ярость Бога нашего. По словамъ Давида, вскорѣ возгорѣся ярость его на насъ (Пс. 2, 12). Разрушены Божіи церкви, осквернены священные сосуды, попрана святыня; святители сдѣлались добычею меча; тѣла преподобныхъ иноковъ брошены въ пищу птицамъ; кровь отцевъ и братьевъ нашихъ, аки вода многа, напоила землю. Исчезла крѣпость нашихъ князей, военачальниковъ; храбрые наши бѣжали, исполненные страха; а еще болѣе братьевъ и чадъ нашихъ отведено въ плѣнъ. Поля наши поросли травою, и величіе наше смирилось; красота наша погибла, богатство наше досталось въ удѣлъ другимъ, труды наши достались невѣрнымъ. Земля наша стала достояніемъ иноплеменниковъ, мы сдѣлались предметомъ поношенія для сосѣдей нашихъ, посмѣшищемъ для враговъ нашихъ».

Изъ четвертаго слова приведемъ обличеніе обычая сожигать волхвовъ: «вы еще держитесь языческихъ обычаевъ, вѣрите волхвованію и сожигаете невинныхъ человѣковъ, и дѣ-

нашей библ. XVI в., № 72, л. 17 — 19. Здѣсь оно озаглавлено такъ: „Во вторникъ 1-й недѣли поста поученіе святаго Іоанна Златоустаго, да престанемъ отъ грѣхъ нашихъ". Разнословія въ текстѣ съ напечатаннымъ спискомъ—неважныя.

лаете виновными въ убійствѣ все общество и весь городъ. Кто и не совершилъ убійства, но будучи въ собраніи убійцъ, соглашался съ ними, и тотъ убійца. Или кто могъ помочь, а не помогъ, тотъ какбы самъ дѣлалъ повелѣліе убить. Изъ какихъ книгъ или какого писанія узнали вы, что отъ волхвованія бываетъ голодъ на землѣ, и опять волхвованіемъ умножается хлѣбъ? Ежели сему вѣрите, то почему сожигаете волхвовъ? Вы молитесь и почитайте ихъ, приносите имъ дары, ежели они благоустрояютъ міръ, пускаютъ дождь, наводятъ теплую погоду, повелѣваютъ землѣ приносить плоды! Вотъ нынѣ по три года не родится хлѣбъ, не только на Руси, но и въ землѣ латинской: волхвы ли сдѣлали это? Не Богъ ли распоряжаетъ свою тварь, какъ хочетъ, наказывая насъ за грѣхи»?

Изъ пятаго — обличеніе обычая выгребать утопленниковъ и удавленниковъ: «нынѣ, видя гнѣвъ Божій, вы разузнаете, не погребъ ли кто удавленника или утопленника, и выгребаете ихъ, чтобы избавить людей отъ пагубы. О злое безуміе, о маловѣріе! Мы исполнены зла, а не каемся. Былъ потопъ при Ноѣ, но не изъ-за удавленнаго или утопленника, а за людскія неправды. Точно такъ же и другія безчисленныя казни Драчьградъ стоялъ четыре тысячи лѣтъ (?), а нынѣ затопленъ моремъ и находится подъ водою. Въ Ляхахъ отъ сильнаго дождя потонуло шестьсотъ человѣкъ; въ Перемышлѣ потонуло двѣстѣ и былъ голодъ четыре лѣта. Все это совершилось въ наши дни за грѣхи наши. О люди! Это ли ваше покаяніе? Тѣмъ ли умолите Бога, что выгребаете утопленника или удавленника? Тѣмъ ли думаете утишить казнь Божію? Лучше, братіе, перестанемъ отъ зла, удержимся отъ всѣхъ

злыхъ дѣлъ — разбоя, грабительства, пьянства, прелюбодѣянія, скупости, лихоимства, обиды, татьбы, лжесвидѣтельства, гнѣва, ярости, злопамятованія, лжи, клеветы»…. и проч.

Къ послѣдней половинѣ XIII вѣка слѣдуетъ отнести такъ же: 1) Сказаніе о мученической кончинѣ св. князя Михаила черниговскаго и боярина его Өеодора, 2) Житіе св. князя Александра невскаго и 3) Житіе св. Исаіи, епископа ростовскаго.

Первое сочиненіе помѣщено въ одномъ Сборникѣ XIV—XV в. подъ заглавіемъ: «Слово новосвятою мученику, Михаила князя русскаго и Өеодора воеводы, перваго въ княженіи его, сложено вькратцѣ па похвалу святыма *отцемъ Андреемъ*»,— и, съ нѣкоторыми, хотя небольшими, измѣненіями, внесено въ лѣтописи ([213]). Сочинитель изображаетъ событіе съ такими подробностями, что невольно заставляетъ предполагать въ немъ современника, если не очевидца этого событія, а въ одномъ мѣстѣ своего сказанія, по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ спискамъ, дѣйствительно представляетъ себя очевидцемъ. «Въ лѣто 6746 (1238), — такъ начинается сказаніе въ упомянутомъ Сборникѣ,—было нашествіе поганыхъ Татаръ на христіанскую землю, по гнѣву Божію за умноженіе грѣховъ нашихъ. Тогда нѣкоторые затворились въ городахъ, а Михаилъ бѣжалъ въ Угры. Другіе же бѣжали въ дальнія земли и иные укрылись въ пещерахъ и пропастяхъ земныхъ. Тѣ, которые затворились въ городахъ, молясь Богу со слезами и покаяніемъ,

([213]) П. Собр. Р. Лѣт. V, 182–186; VII, 152—156. А текстъ этого слова по означенному Сборнику, какъ представляющій нѣкоторыя отличія, см. въ Приложен. № V.

всѣ безжалостно избиты были отъ поганыхъ. А изъ числа сокрывшихся въ городахъ, и въ пещерахъ, и въ пропастяхъ, и въ лѣсахъ, осталось мало. Ихъ-то, чрезъ нѣсколько времени, посадили Татары въ городахъ, перечислили и начали брать съ нихъ дань. Услышавъ о томъ разбѣжавшіеся по чужимъ землямъ князья и всѣ люди, сколько ихъ осталось, возвратились на свои земли. Тогда начали ихъ звать Татары неволею къ хану и къ Батыю, говоря: „не слѣдуетъ вамъ жить на землѣ хановой и Батыевой, не поклонившись имъ". И многіе поѣхали и поклонились хану и Батыю. Обычай же имѣлъ ханъ и Батый, что если кто пріѣзжалъ поклониться ему, то не повелѣвалъ приводить его прямо предъ себя, а приказывалъ волхвамъ провести его сквозь огонь и чтобы прибывшій поклонился кусту и идоламъ; такъ же и отъ всѣхъ даровъ, какіе кто приносилъ съ собою царю, волхвы брали часть и сначала бросали въ огонь. Потомъ уже пущали предъ царя самихъ прибывшихъ съ ихъ дарами. Многіе князья съ своими боярами проходили сквозь огонь и покланялись солнцу, и кусту, и идоламъ, ради славы свѣта сего, и каждый просилъ себѣ власти. Они же (Татары) невозбранно давали каждому, кто какой просилъ власти, да прельстятся славою свѣта сего. Блаженный князь Михаилъ пребывалъ тогда въ Черниговѣ, и послалъ на него Богъ благодать и даръ Св. Духа, и вложилъ ему въ сердце ѣхать предъ царя и обличить прелесть его, которою онъ прельщаетъ христіанъ. И пріѣхалъ къ отцу своему духовному и повѣдалъ ему, говоря: „хочу ѣхать къ Батыю". И отвѣчалъ ему отецъ: „многіе, поѣхавъ, сотворили волю поганаго, прельстившись славою свѣта сего, прошли сквозь огонь, поклонились кусту и идоламъ и погубили души

свои. Но ты, Михаилъ, если хочешь ѣхать, не дѣлай такъ, не ходи сквозь огонь, не кланяйся кусту и идоламъ; а исповѣдуй христіанскую вѣру, что недостоитъ христіанамъ ничему покланяться, какъ только Господу Богу І. Христу''. Михаилъ же сказалъ ему: ,,молитвою твоею, отче, какъ Богъ дастъ, такъ и будетъ; я хотѣлъ бы пролить кровь свою за Христа и за вѣру христіанскую''. Тоже повторилъ и Ѳеодоръ. И сказалъ имъ отецъ: ,,вы будете въ нынѣшнемъ вѣкѣ новосвятыми мучениками на утвержденіе другимъ, если такъ сотворите''. Михаилъ же и Ѳеодоръ обѣщались ему такъ сотворить и благословились у отца своего. Тогда отецъ далъ имъ на путь причастіе, и благословивъ, отпустилъ ихъ, говоря: ,,да утвердитъ васъ Богъ, за котораго вы желаете пострадать, и да пошлетъ вамъ помощь''. Тогда Михаилъ отправился въ свой домъ и взялъ отъ имѣнія своего, что нужно было для пути, и, проѣхавъ многія земли, прибылъ къ Батыю». Изложивъ за тѣмъ со всею подробностію, какъ волхвы, по приказанію Батыя, предлагали Михаилу пройти сквозь огонь, и Михаилъ не согласился; какъ Батый выслалъ вельможу своего Елдегу объявить ему, чтобы онъ выбиралъ одно изъ двухъ: или жизнь, если исполнитъ волю хана, или смерть, если не исполнитъ; какъ убѣждали Михаила покориться внукъ его ростовскій князь Борисъ и бояре и какъ подкрѣплялъ его бояринъ Ѳеодоръ, сочинитель продолжаетъ: «слышавъ Елдега, что никто не могъ убѣдить его, поѣхалъ повѣдать царю, что говорилъ Михаилъ. Стоялижъ на мѣстѣ томъ множество христіанъ и поганыхъ и *слышахомъ* слова сіи; которыя отвѣчалъ царю великій князь Михаилъ ([214]). Тогда Михаилъ и

([214]) Такъ въ одномъ изъ списковъ Софійской лѣтописи и въ спискахъ лѣ-

Ѳеодоръ начали пѣть себѣ и, окончивъ пѣніе, приняли причастіе, которое далъ имъ отецъ ихъ. И вотъ предстоящіе заговорили: „Михаиле, идутъ убійцы отъ царя убить васъ; поклонитесь, и останетесь живы“. Михаилъ и Ѳеодоръ какбы одними устами отвѣчали: „не поклонимся и васъ не послушаемъ“. И начали пѣть: „мученицы твои, Господи, не отвергошася тебе“, и еще: „страдавше тебе ради, Христе“..... и прочая. Тогда пріѣхали убійцы, скочили съ коней и взяли Михаила, и растянули его за руки, стали бить его руками по сердцу; потомъ повергли его на землю и били ногами. Долго это продолжалось, и нѣкто, бывшій прежде христіаниномъ, а потомъ отвергшійся христіанской вѣры и сдѣлавшійся поганымъ законопреступникомъ, по имени Даманъ, отрѣзалъ главу св. мученику Михаилу и бросилъ ее прочь. Потомъ говорили Ѳеодору: „поклонись ты нашимъ богамъ, и получишь все княженіе князя твоего“. И отвѣчалъ Ѳеодоръ: „княженія не хочу, богамъ вашимъ не поклонюся; но хочу пострадать за Христа, какъ и князь мой“. Тогда начали мучить Ѳеодора, какъ прежде Михаила, наконецъ отрѣзали его честную главу. И такимъ образомъ, благодаря Бога, пострадали новосвятые мученики и предали св. души свои въ руцѣ Божіи,

тописи Воскресенской. Но кажется, здѣсь описка, судя по ходу рѣчи, и *слышахомъ* поставлено вмѣсто *слышаху*. Вотъ текстъ по Софійской лѣтописи: „стоящима же има на мѣстѣ томъ, множество крестьяныхъ и поганыхъ *слышахомъ* (а по друг. списку той же лѣтописи—*слышаху*) словеса сіи, яже отвѣща вел. князь Михаилъ царю“ (—V, 185). По лѣтописи Воскресенской: „стоящима же има на мѣстѣ томъ, множество христіанъ и поганыхъ *слышахомъ* словеса сія, яже отвѣща ему вел. князь Михаилъ царю“(—VII, 155). Но еще важнѣе то, что въ спискѣ слова по Сборнику XIV—XV в. мѣсто это читается такъ: „бяше же на мѣстѣ томъ множество христіянъ и поганыхъ и *слышаша*, еже отвѣща Михаилъ ко цареви“.

а святыя тѣла ихъ повержены были на снѣдѣніе псамъ....., но нѣкоторыми богобоязненными христіанами были сохранены. Случилось же убіеніе ихъ въ лѣто 6753 (1245) мѣсяца сентября въ 20 день»...... и проч.

Житіе св. Александра невскаго († 1263) написано современникомъ, который называетъ себя даже «самовидцемъ возраста его» и свидѣтельствуетъ, что одно онъ слышалъ отъ самаго князя Александра, а другое отъ своихъ отцевъ и вообще отъ самовидцовъ и соучастниковъ описываемыхъ событій[215]. Авторъ изображаетъ св. Александра слѣдующими чертами: «взоромъ онъ превосходилъ всѣхъ людей; голосъ его былъ, какъ труба въ народѣ; лице его, какъ лице Іосифа, котораго поставилъ египетскій царь вторымъ царемъ по себѣ въ Египтѣ; сила его была часть отъ силы Самсоновой. И далъ ему Богъ премудрость Соломона, а храбрость римскаго царя Веспасіана, плѣнившаго іудейскую землю..... Посему нѣкто сильный отъ западной страны изъ числа тѣхъ, которые зовутся слугами Божіими (ливонскіе рыцари), пришелъ, чтобы видѣть дивный возрастъ его. Какъ древле царица южская приходила къ Соломону, желая слышать его премудрость; такъ и этотъ, по имени Андрѣянъ (Андрей, магистръ ливонскій), видѣвъ князя Александра и возвратившись къ своимъ, говорилъ: я прошелъ многія страны, но не видѣлъ такого ни въ царяхъ царя, ни въ князьяхъ князя»..... О поѣздкѣ св. Александра къ Батыю говорится слѣдующее: «былъ въ то время царь сильный въ восточной странѣ, которому покорилъ Богъ многіе народы отъ

([215]) Помѣщено въ лѣтописяхъ — сполна (—V, 2–6), и по частямъ (—I, 204—206; V, 176—182; VII, 146—152).

востока до запада. Услышавъ этотъ царь, что Александръ такъ славенъ и храбръ, послалъ къ нему сказать: „Александръ, знаешь ли, что Богъ покорилъ мнѣ многіе народы? Ты ли одинъ не хочешь покориться мнѣ? Но если желаешь сохранить свою землю, то приходи ко мнѣ скоро и увидишь честь моего царства". Князь же Александръ пришелъ во Владиміръ, по смерти отца своего, въ силѣ великой, и грозенъ былъ пріѣздъ его, и промчалась вѣсть о немъ до устья Волги, и начали жены моавитскія стращать дѣтей своихъ словами: „Александръ ѣдетъ". Сдумалъ князь Александръ, и благословилъ его епископъ Кириллъ, и пошелъ къ царю въ орду. И, видѣвъ его царь Батый, подивился и сказалъ вельможамъ своимъ: „правду вы говорили, что нѣтъ подобнаго сему князя". «И почтивъ его честно, отпустилъ отъ себя».... Подъ конецъ житія читаемъ: «и умножились дни жизни его въ великой славѣ. Былъ онъ іереолюбецъ и мнихолюбецъ, и нищихъ любилъ, а митрополита и епископовъ чтилъ и слушалъ ихъ, какъ самаго Христа. Случилась тогда великая нужда отъ иноплеменниковъ: они принуждали христіанъ воинствовать съ собою. Потому вел. князь Александръ пошелъ къ царю, чтобы отмолить людей отъ той бѣды. А сына своего Димитрія послалъ на западныя страны, и всѣ полки свои послалъ съ нимъ и ближнихъ своихъ домочадцевъ, сказавъ: „служите сыну моему, какъ мнѣ самому, всѣмъ животомъ своимъ". Пошелъ князь Димитрій въ великой силѣ и плѣнилъ землю нѣмецкую, и взялъ городъ Юрьевъ, и возвратился въ Новгородъ со многимъ плѣномъ и съ великою корыстію. А отецъ его Александръ, возвращаясь изъ орды, дошелъ до Нижняго Новгорода, и пробывъ тамъ мало здравъ, дошелъ до Городца

и разболѣлся. О горе тебѣ, бѣдный человѣкъ! Какъ можешь ты описать кончину господина своего? Какъ не отпадутъ у тебя зѣницы вмѣстѣ съ слезами? Какъ не оторвется сердце твое отъ горести? Отца можетъ еще оставить человѣкъ, а добраго господина нѣтъ силъ оставить; еслибы можно было, то полезъ бы съ нимъ и въ гробъ. Пострадалъ же Александръ крѣпко для Бога, оставилъ земное царство и сдѣлался мнихомъ: ибо чрезмѣрно желалъ ангельскаго образа; за тѣмъ сподобилъ его Богъ пріять и большій чинъ—схиму. И такъ предалъ духъ свой Богу съ миромъ мѣсяца ноября въ 14 день, на память св. апостола Филиппа. Тогда митрополитъ Кириллъ сказалъ: ,,чада мои, знайте, что уже зашло солнце суздальской земли‘‘. Іереи, и діаконы, черноризцы, нищіе и богатые, и всѣ люди говорили: ,,уже погибаемъ‘‘. Святое же тѣло его понесли къ городу Владиміру. Митрополитъ, князья и бояре, и весь народъ, малые и великіе, встрѣтили его въ Боголюбовѣ со свѣчами и кадилами. Толпы народа тѣснились, желая коснуться честному одру св. тѣла его, и были—вопль, и крики, и туга, какой не было никогда, такъ что, казалось, потряслась земля. Положено же было тѣло его въ Рождествѣ св. Богородицы, въ великой архимандритіи, мѣсяца ноября въ 24 день, на память св. отца Амфилохія»......

Житіе св. Исаіи, епископа ростовскаго, написано, вѣроятно, вскорѣ послѣ 1274 года, когда совершилось перенесеніе мощей угодника Божія: потому что неизвѣстный жизнеописатель оканчиваетъ свое повѣствованіе именно этимъ годомъ, и по языку житіе можетъ быть отнесено къ концу XIII вѣка (216).

(216) Житіе это и соображенія о немъ напечатаны въ Правосл. Собесѣдн. 1858, I, 432—439.

Для примѣра приведемъ изъ житія два отрывка: одинъ—объ игуменствѣ св. Исаіи и его архипастырской дѣятельности, а другой—о его кончинѣ и объ открытіи и перенесеніи мощей его. «По Божію устроенію приходитъ въ монастырь къ преп. Ѳеодосію благовѣрный и великій князь Изяславъ, сынъ великаго князя Ярослава, и проситъ у него блаженнаго Исаію на игуменство въ монастырь св. Димитрія. Преподобный Ѳеодосій даетъ ему сего блаженнаго, какъ нѣкоторый даръ, и митрополитъ Іона поставляетъ его на игуменство въ монастырь св. Димитрія въ 6570 году. Блаженный пришелъ въ монастырь и былъ истиннымъ пастыремъ и наставникомъ живущей тамъ братіи, а не какъ наемникъ, нерадящій о овцахъ своихъ, предался большему подвигу, подражая жизни апостольской; душу просвѣщалъ благими дѣлами, а тѣло изсушалъ, труды къ трудамъ прилагая; ученіемъ же своимъ напоялъ души вѣрующихъ, на истинный разумъ и къ Богу приводилъ. Въ 6585 году, за многія добродѣтели, по избранію Святаго Духа, поставляется епископомъ города Ростова отъ митрополита Іоанна. Достигаетъ блаженный своего престола, и видитъ тамъ людей новокрещенныхъ и неутвержденныхъ въ вѣрѣ: какъ новонасажденный виноградъ, онъ напаяетъ ихъ своимъ ученіемъ, возращаетъ сторичный плодъ добродѣтелей и приноситъ благому владыкѣ, какъ тотъ благій рабъ; потомъ обходитъ прочіе города и мѣста въ ростовской и суздальской области и невѣрныхъ увѣщеваетъ вѣровать во Святую Тройцу, Отца и Сына и Святаго Духа, и просвѣщаетъ святымъ крещеніемъ, а вѣрныхъ укрѣпляетъ быть неподвижными и непоколебимыми въ вѣрѣ; гдѣ находитъ идоловъ, всѣхъ предаетъ огню, и во всемъ подражалъ апостольской

жизни».... «Онъ добродѣтельно пасъ порученное ему Христово стадо словесныхъ овецъ, и преставился ко Господу, котораго измлада возлюбилъ, и блаженное тѣло его погребено было въ церкви святой Богородицы въ городѣ Ростовѣ. Послѣ многихъ лѣтъ, когда, по сгорѣніи чудной деревянной церкви, въ 6672 году копали ровъ для каменной церкви, нашли гробъ блаженнаго Исаіи. Открывши его, увидѣли ризы и тѣло святаго цѣлыми и нетлѣнными и прославили Бога и пречистую Матерь Его, который не только въ сей жизни, но и по смерти прославилъ своего угодника св. Исаію, такъ что послѣ столь многихъ лѣтъ тѣло и ризы блаженнаго непричастны были тлѣнію. Когда же построили церковь, положили святаго въ притворѣ на правой сторонѣ, при входѣ въ церковь. Много тогда было и чудесъ отъ святаго тѣла. Минуло потомъ много лѣтъ, и гробъ святаго оставленъ былъ въ небреженіи, такъ что въ притворѣ томъ никогда и свѣчи не горѣло у гроба святаго, и священникъ не приходилъ ко гробу съ кадиломъ. Архіепископъ той же соборной церкви Божіей Матери, видя, что образъ святаго Исаіи всѣ почитаютъ и покланяются ему, а гробъ его остается заключеннымъ въ великомъ небреженіи, созываетъ 15 мая священниковъ той святой церкви и, сотворивъ молитву, касается чудоноснаго гроба пречуднаго отца, переноситъ оттуда блаженнаго во святыхъ Исаію въ 6782 году, и полагаетъ съ великою честію въ новомъ гробѣ, на той же сторонѣ, близъ южныхъ дверей, гдѣ и нынѣ онъ подаетъ исцѣленіе съ вѣрою приходящимъ къ его гробу. О блаженный учитель нашъ! Не переставай молиться о насъ съ Богородицею и со святителями, предстоящими престолу Христову, да молитвами вашими избавимся отъ голода и гибели,

и отъ нашествія иноплеменниковъ, и отъ всякаго зла, и здѣсь богоугодно и праведно поживемъ и въ будущемъ вѣкѣ со всѣми праведными будемъ причастниками вѣчныхъ благъ, славя Святую Тройцу: Отца и Сына и Святаго Духа».

Еслибы мы захотѣли выразить кратко характеръ духовныхъ сочиненій русскихъ второй половины XIII вѣка, какія только дошли до насъ: то мы сказали бы, что они отличаются по формѣ—простотою и безъискуственностію, отсутствіемъ многословія и витіеватости, а по содержанію—преимущественно современностію. Митрополитъ Кириллъ и епископъ Серапіонъ говорятъ о нашествіи Монголовъ, о бѣдствіяхъ отечества отъ Монголовъ и вооружаются противъ современныхъ пороковъ въ духовенствѣ и народѣ. О. Андрей изображаетъ мученическую смерть отъ Татаръ современнаго героя вѣры—князя черниговскаго. Безъименный писатель излагаетъ жизнь другаго современнаго героя, равно великаго и подвигами вѣры и подвигами воинскими. Еще безъименный пишетъ житіе святителя ростовскаго по случаю современнаго событія—перенесенія мощей угодника Божія.

II.

Съ началомъ XIV вѣка у насъ выступаютъ на поприще литературы люди, которые и родились и получили образованіе уже въ періодъ монгольскій. Мы не упоминаемъ о двухъ нашихъ тогдашнихъ митрополитахъ—Грекахъ, Максимѣ и Ѳеогностѣ: такъ какъ и «правило» перваго и «грамата» послѣдняго на Червленый Яръ, единственныя ихъ писанія, суть со-

держанія юридическаго, и нами разсмотрѣны въ другомъ мѣстѣ. Самый главный отдѣлъ литературныхъ памятниковъ русскихъ XIV вѣка составляютъ сочиненія, касающіяся ученія вѣры и нравственности и изложенныя въ формѣ посланій и поученій. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій принадлежатъ лицамъ извѣстнымъ, каковы были: св. Петръ митрополитъ, св. Василій архіепископъ новгородскій, св. Алексій митрополитъ и Матѳій епископъ сарайскій. Большая же часть — лицамъ неизвѣстнымъ.

Отъ святителя Петра сохранилось одно только окружное посланіе къ духовенству или «поученіе игуменомъ, попомъ и діакономъ» ([217]). Поученіе это имѣетъ не мало сходства съ «поученіемъ къ попомъ» митрополита Кирилла II-го, и такъ же излагаетъ мысли о важности священнаго сана и обязанностяхъ пастырей къ самимъ себѣ и къ паствѣ. Сходство, естественно, могло произойти отъ одинаковости предмета, а частію и отъ того, что, можетъ быть, св. Петръ зналъ и читалъ сочиненіе своего предшественника. Впрочемъ, поученіе святителя Петра отличается бóльшею краткостію, простотою и тѣмъ, что почти каждую мысль подтверждаетъ словами св. Писанія. Представляемъ отрывки изъ этого поученія въ послѣдовательномъ порядкѣ по списку, болѣе полному, нежели тотъ, съ какого оно напечатано.

«Разумѣйте, дѣти, въ какое достоинство вы призваны Бо-

([217]) Напеч. въ Приб. къ Тв. Св. Отц. II, 85—90. Новый списокъ этого поученія мы нашли въ рукописномъ Сборникѣ XVI в. безъ №, бывшемъ въ нашихъ рукахъ въ 1848—1849 г., изъ библіотеки *Ив. П. Сахарова*. Здѣсь находится цѣлое отдѣленіе, опущенное въ печатномъ спискѣ, которое мы цѣликомъ и представляемъ въ Приложен. № VI.

гомъ, какъ пишетъ апостолъ Павелъ: кійждо въ званіи, въ немъже призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ (1 Кор. 7, 20). Вы, дѣти, называетесь стражами Церкви, пастырями словесныхъ овецъ, за которыхъ Христосъ пролилъ Свою спасительную кровь. Будьте же, дѣти, истинными пастырями, а не наемниками, которые млеко ядятъ и волною одѣваются, а объ овцахъ не пекутся (Іезек. 34, 3)».

«Будьте, дѣти, образцемъ для своего стада, по слову Спасителя, какъ Онъ говорилъ своимъ апостоламъ: вы есте свѣтъ міра, вы есте соль земли. Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ (Матѳ. 5, 13. 14. 16). Прежде всего вамъ должно просвѣтиться сими добродѣтелями: кротостію и смиреніемъ; такъ же блюстись отъ всѣхъ дѣлъ непристойныхъ, которыми міръ соблазняется: ибо горе человѣку тому, сказалъ Спаситель, имже соблазнъ приходитъ (Матѳ. 18, 7). Оградившись страхомъ Божіимъ, отсѣките, дѣти, отъ сердецъ вашихъ всякую отрасль пагубную для души: гнѣвъ, ярость, зависть, ненависть, піянство, которое есть корень всякому злу, и смѣхотворство. Ибо сказано: всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ (Ефес. 5, 29).... Упражняйтесь, дѣти, въ чтеніи св. книгъ и въ ученіи день и ночь, по слову пророка: въ законѣ Господни поучится день и нощь, и проч. (Псал. 1, 2)».

«Если сами вы, дѣти, будете творить добрыя дѣла передъ Богомъ; тогда въ состояніи будете научить и своихъ дѣтей духовныхъ. Ибо сказано: иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ царствіи небеснѣмъ (Матѳ. 8, 19). Іерей долженъ приносить молитву Богу сперва за себя, потомъ и за

людскія прегрѣшенія, а духовныхъ дѣтей своихъ поучать сперва страху Божію, потомъ покаянію во грѣхахъ, любви, кротости, смиренію, милостынѣ. Безъ епитиміи дѣтей своихъ не держите, но назначайте противъ каждаго грѣха соотвѣтствующую по силѣ; вŏ-время надобно связать и вŏ-время разрѣшить. Учите жъ дѣтей своихъ всегда удаляться отъ блуда и пьянства, чародѣянія, волхвованія, рѣзоимства, да не будутъ рабами грѣха. Если такъ, дѣти, сотворите и научите, какъ я написалъ вамъ по закону Божію; тогда возможете сказать Богу: Господи, се мы и дѣти, которыя Ты намъ далъ,—и вы примете похвалу отъ Бога и неизреченную радость. Но если не сотворите и не упасете своего стада: великая ожидаетъ васъ пагуба и вѣчное мученіе. Ибо всѣ блага свѣта сего ничто предъ Богомъ сравнительно съ единою душею человѣческою»....

«Писаніемъ и неписаніемъ понуждаю васъ, дѣти, на дѣла благія: потому что и долженъ всегда напоминать вамъ и писать о томъ, что душеполезно и спасительно. Вмѣстѣ и самъ прошу васъ, преподобные: помолитесь о моемъ недостоинствѣ и о моей худости,—по слову апостола: молитесь другъ за друга, яко да исцѣлѣете (Іак. 5, 16)»....

Изъ послѣднихъ словъ святителя Петра можно заключать, что онъ неразъ *писаніемъ* понуждалъ дѣтей своихъ на добрыя дѣла, а слѣдовательно были и другія его писанія, кромѣ настоящаго поученія. Но изъ числа ихъ намъ неизвѣстно ни одного. И другое приписываемое этому святителю окружное посланіе къ епископамъ и вообще духовнымъ и міранамъ, написанное имъ будтобы предъ наступленіемъ великаго

поста ([218]), вовсе ему не принадлежитъ: оно большею своею частію, и по мѣстамъ буквально, заимствовано изъ посланія митрополита Фотія къ Новгородцамъ 1410 года ([219]).

Василій, архіепископъ новгородскій (1331—1352), написалъ посланіе къ тверскому епископу Ѳеодору ([220]). Поводомъ къ посланію послужилъ споръ о раѣ, бывшій въ Твери, и ученіе тверскаго епископа Ѳеодора, что земный, чувственный рай уже не существуетъ, а есть только рай духовный на небеси. Услышавъ объ этомъ спорѣ и ученіи, архіепископъ новгородскій Василій счелъ братскимъ долгомъ вразумить Ѳеодора съ подвѣдомымъ ему духовенствомъ и старался доказать продолжающееся еще существованіе земнаго рая, мѣстами изъ св. Писанія, сказаніями изъ Пролога, изреченіями св. Златоуста и Патрикія, толкуя все это по своему, и наконецъ тѣмъ, будто нѣкоторые Новгородцы сами видѣли рай на какой-то чудной горѣ, какъ видѣли и адъ на западѣ. Не будемъ ставить въ укоръ нашему архіепископу мнѣнія о чувственномъ раѣ, которое раздѣляли не только тогда, но и прежде и послѣ многіе въ христіанскомъ мірѣ, ни перебирать самыхъ доказательствъ этого мнѣнія, слабыхъ и неосновательныхъ. Но не можемъ не остановиться на нѣкоторыхъ частностяхъ посланія, показывающихъ, какъ не высоко стоялъ въ своемъ образованіи Василій и, конечно, не одинъ, а вмѣ-

(218) Обзор. Русск. Духов. Литер. ч. I, § 65 — о св. Петрѣ митрополитѣ.

(219) То и другое сочиненіе напечатаны: одно въ Памятн. старин. Русск. Литер. IV, 186—188, а другое — въ Акт. Экспед. I, 369. Всякому легко сравнить ихъ.

(220) Напечатано въ П. Собр. Р. Лѣт. VI, 87 — 89; VII, 212; Степ. кн. I, 280.

стѣ со многими современными ему соотечественниками. Онъ говоритъ, напримѣръ, будто Адамъ, изгнанный изъ рая, со слезами взывалъ: «о раю пресвятый, помолися о мнѣ Господу».... Утверждаетъ, будто Пресв. Богородица, Енохъ, Илія и вообще всѣ святые находятся нынѣ въ раѣ земномъ, чувственномъ, а мысленный или духовный рай начнется уже послѣ втораго пришествія Христова, когда будетъ новое небо и новая земля: мысль—противная ученію Церкви, которая исповѣдуетъ, что Пресв. Богородица, равно какъ всѣ святые Божіи, и теперь находятся на небеси вмѣстѣ съ ангелами, т. е. въ раю мысленномъ, духовномъ. Странно читать слѣдующія слова: «самовидецъ есмь сему, брате, егда Христосъ иды во Іерусалимъ на страсть волную, и затвори своима рукама врата градная, и до сего дне неотворима суть; и егда постился Христосъ надъ Ерданомъ, своими очима видѣлъ есмь постницу его, и сто финикъ Христосъ посадилъ, недвижими суть и донынѣ, не погибли, ни погнили». Еще страннѣе описаніе того, какъ нѣкоторые Новгородцы видѣли рай, передаваемое авторомъ съ полною довѣрчивостію и убѣжденіемъ: «и то мѣсто святаго рая находилъ Моиславъ новогородецъ и сынъ его Яковъ, и всѣхъ было ихъ три юмы, и одина отъ нихъ погибла много блудивъ, а двѣ ихъ потомъ долго носило море вѣтромъ, и принесло ихъ къ высокимъ горамъ. И видѣша на горѣ той написанъ Деисусъ лазоремъ чюднымъ и велми издивленъ паче мѣры, яко не человѣчьскима рукама творенъ, но Божіею благодатію; и свѣтъ бысть на мѣстѣ томъ самосіяненъ, яко не мощи человѣку исповѣдати: и пребыша ту долго время на мѣстѣ томъ, а солнца не видѣша, но свѣтъ бысть многочестный, свѣтлуяся паче солнца; а на

горахъ тѣхъ ликованіа много слышахуть и веселія гласы свѣщающа. И повелѣша единому другу своему взыти по шеглѣ на гору ту, видѣти свѣтъ и ликованія гласы; и бысть яко взыде на гору ту, и абіе восплеснувъ рукама и засмѣяся, и побѣже отъ друговъ своихъ къ сущему гласу. Они же велми удивлешеся, и другаго послаша, запретивъ ему, да обратився скажетъ имъ и что есть бывшее на горѣ той; и той тако же сотвори, нимала возвратився къ своимъ, но съ великою радостію побѣжа отъ нихъ. Они же страха наполнишася, и начаша размышляти къ себѣ, глаголюще: ,,аще ли и смерть случится, но видѣли быхомъ свѣтлость мѣста сего'', и послаша третьяго на гору, привязавъ ужищемъ за ногу его; и такоже и той хотѣ сотворити, и восплескавъ радостно и побѣже, въ радости забывъ ужища на позѣ своей, они же здержаша его ужищемъ и въ томъ часѣ обрѣтеся мертвъ. Они же побѣгоша въспять, не дано имъ есть далѣ того видѣти свѣтлости тоя неизреченныя, и веселія и ликованія, тамо слышащаго; а тѣхъ, брате, мужей и нынѣча дѣти и внучата добры здоровы». Впрочемъ, есть въ посланіи Василіевомъ и здравое ученіе Церкви о девяти чинахъ ангельскихъ, которые онъ перечисляетъ всѣ въ восходящемъ порядкѣ.

Подъ именемъ св. Алексія, митрополита московскаго, извѣстны нынѣ три сочиненія. Первое, болѣе другихъ обширное, написано въ формѣ окружнаго посланія или поученія ко всей паствѣ ([221]). Въ немъ, кромѣ краткаго вступленія и заключенія, можно различать три части.

Сказавъ въ самомъ началѣ о своей обязанности учить ду-

([221]) Напечатано въ Приб. къ Твор. Св. Отц. V, 30.

ховныхъ чадъ и приглашая ихъ быть скорыми на слушаніе его поученій, святитель въ первой части предлагаетъ двѣ евангельскія притчи. Сперва—притчу о сѣмени, т. е. о словѣ Божіемъ и на основаніи ея выражаетъ благожелательство своимъ слушателямъ: «да не будетъ же, дѣти, сердце ваше ни землею тернистою, не принося плода духовнаго отъ лѣности и небреженія, ни каменистою, не имѣя въ себѣ страха Божія...; но да будетъ сердце ваше землею благою для принятія истиннаго слова Божія, и да приноситъ плодъ духовный, ово тридесять, ово шестьдесятъ, ово сто (Мате. 13, 8)». Потомъ—раскрываетъ другую притчу о виноградѣ, т. е. о всемъ человѣчествѣ и о Церкви, которую предалъ Господь дѣлателямъ — св. апостоламъ и св. отцамъ, патріархамъ, митрополитамъ, епископамъ и всему священническому чину, и на основаніи этой притчи объясняетъ свои права и обязанности, какъ пастыря и учителя: «такимъ образомъ и я грѣшный,—говоритъ онъ,—сподобившись святительства, т. е. епископства, не по моему достоинству, но по щедротамъ Божіимъ и по великой милости, которую Господь изліялъ на насъ изобильно, сподобился вмѣстѣ быть вашимъ, дѣти мои, пастыремъ и учителемъ, пасти и учить порученное мнѣ стадо словесныхъ овецъ».

Во второй части святитель преподаетъ своимъ духовнымъ чадамъ разныя наставленія. Спачала общія—о взаимной любви, страхѣ Божіемъ и другія: «напоминаю вамъ слово Спасителя, сказанное Имъ къ своимъ ученикамъ и апостоламъ: сія заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга (Іоан. 15, 17). О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (—13, 35). Такъ и вы, дѣти, имѣйте

между собою миръ и любовь. И апостолъ Павелъ говоритъ: весь законъ во единомъ словеси исполняется, въ еже: возлюбиши ближняго своего, якоже себе (Гал. 5, 14). Также имѣйте, дѣти, въ сердцахъ своихъ страхъ Божій: ибо при немъ человѣкъ можетъ стяжать всякую добродѣтель. Сказано: начало премудрости страхъ Господенъ (Притч. 1, 7). И Григорій Богословъ пишетъ: гдѣ страхъ Божій, тамъ очищеніе плоти и соблюденіе заповѣдей; гдѣ соблюденіе заповѣдей, тамъ возвышеніе души въ горній іерусалимъ.... Имѣйте въ умѣ своемъ смерть, воскресеніе, судъ и воздаяніе каждому по дѣламъ». За тѣмъ—частныя наставленія князьямъ, боярамъ и простымъ людямъ: «князи, и бояре, и вельможи, судите судъ милостиво: судъ бо безъ милости не сотворшему милости, и хвалится милость на судѣ (Іак. 2, 13). Мзды на неповинныхъ не принимайте и не будьте лицепріятны: яко судъ Божій есть (Второз. 1, 17). Судите людей праведно и не обижайте вдовъ, сиротъ и пришельцевъ, да не возопіютъ на васъ къ Богу. А люди простые — Бога бойтеся и князя чтите». Наконецъ,—опять общія наставленія о уваженіи къ пастырямъ Церкви, о покаяніи, милостынѣ и добрыхъ дѣлахъ: «святительство имѣйте выше своей головы съ всякою покорностію и безъ всякаго прекословія: тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще (Евр. 13, 17).... Приходите къ іерею, отцу духовному, съ покаяніемъ и слезами. Отвергните отъ себя всякія дѣла злыя, и не возвращайтесь къ нимъ. Истинное покаяніе въ томъ и состоитъ, чтобы возненавидѣть свои прежніе грѣхи. Видя такую рѣшимость, іерей можетъ тебя очистить, приблизить къ Богу и содѣлать причастникомъ тѣла и крови Христовой. Святители

и іереи суть ходатаи между Богомъ и человѣками.... Старайтесь, чада, быть милостивыми и доброхотными дателями.... И сколько есть у васъ силъ, исполняйте законъ Божій не словомъ, но дѣломъ, по слову Спасителя: что Мя зовете: Господи, Господи, и не творите, яже глаголю (Лук. 6, 46)»...

Въ третьей части святитель исключительно говоритъ о хожденіи въ церковь, о важности церковной молитвы и о томъ, съ какимъ расположеніемъ должно входить въ церковь и пребывать въ ней. «Къ церковной службѣ будьте поспѣшны, стараясь предварить другъ друга, какъ Іоаннъ предварилъ Петра, когда спѣшили ко гробу Христову.... Не говорите: отпоемъ себѣ дома. Такая молитва не можетъ имѣть никакого успѣха безъ церковной молитвы. Какъ храмина безъ огня, отъ одного дыма не можетъ согрѣться: такъ и та молитва безъ церковной. Ибо церковь именуется земнымъ небомъ; а въ ней заключается Агнецъ—Сынъ и слово Божіе, для очищенія грѣховъ всего міра; въ ней проповѣдуется Евангеліе царствія Божія и писанія св. апостоловъ;... въ ней престолъ славы Божіей, невидимо осѣняемый херувимами; въ ней руками священническими пріемлется тѣло и кровь Божественная, и преподается вѣрнымъ на спасеніе и очищеніе души и тѣла.... Когда приходите, дѣти, въ церковь, то имѣйте со всѣми миръ и любовь.... А входя въ церковь, вострепещи душою и тѣломъ: ибо не въ простую храмину входишь.... Въ церкви же когда стоите, помышляйте о своихъ прегрѣшеніяхъ.... И не смѣйте, дѣти, прогнѣвлять Бога своими разговорами въ церкви»....

Въ заключеніе святитель снова упоминаетъ о своей обязанности пасти духовное стадо, желаетъ себѣ успѣха, убѣж-

даетъ своихъ чадъ угождать Богу добрыми дѣлами, имѣть въ душахъ своихъ знаменіе Христово, т. е. быть причастниками тѣла и крови Христовой, и говоритъ, что если они исполнятъ все, имъ написанное, то сдѣлаются причастниками и небеснаго царствія.

Второе поученіе св. Алексія митрополита написано къ правовѣрнымъ христіанамъ области нижегородской и городецкой и имѣетъ большое сходство съ первымъ его поученіемъ не только по общему характеру, но и по частнымъ мыслямъ и выраженіямъ (222). Послѣ обычнаго пастырскаго привѣтствія и нѣсколькихъ словъ о своей обязанности воспоминать христіанамъ «душеполезное и спасительное», святитель большую часть этого небольшаго посланія обращаетъ къ игуменамъ и іереямъ и наставляетъ ихъ учить духовныхъ своихъ дѣтей страху Божію, исповѣданію грѣховъ, милостынѣ, взаимному согласію, любви, правдѣ и проч. При этомъ, указывая на современныя нестроенія въ области нижегородской и городецкой, замѣчаетъ: «смотрите, дѣти, какой мятежъ (у васъ) возсталъ въ сіе время! Отъ чего намъ все это приключается? Отъ нашей неисправности предъ Богомъ, какъ пишетъ великій Григорій Богословъ: отъ чего бываютъ удары на города, т. е. казни или непріятельскія нашествія, голодъ, моръ или пожары? Все это бываетъ по нашему прегрѣшенію предъ Богомъ». И съ особенною силою возстаетъ противъ пьянства: «еще, дѣти, пишу вамъ и о томъ, чтобы вы отсѣкли отъ себя корень зла, возбуждающій всякое беззаконіе, то есть пьянство: оно, во пер-

(222) Напечатано г. Невоструевымъ въ „Душеполезн. Чтеніи“ 1861 г., ч. I, 449, съ предварительными примѣчаніями.

выхъ, погубляетъ душу, отнимаетъ зрѣніе очей, тѣло дѣлаетъ безсильнымъ, сокращаетъ жизнь тѣлесную, истребляетъ въ человѣкѣ страхъ Божій, отдѣляетъ его отъ Бога и доводитъ его до нищеты душевной и тѣлесной. Смотрите же, дѣти, сколько зла въ пьянствѣ!» Преподавъ за тѣмъ нѣсколько другихъ краткихъ наставленій духовнымъ пастырямъ, митрополитъ продолжаетъ: «впрочемъ, я пишу сіе не однимъ игуменамъ и іереямъ, но и князьямъ и боярамъ, и мужамъ, и женамъ, и всѣмъ православнымъ христіанамъ, чтобы вы, дѣти, имѣли почтеніе, покорность и послушаніе къ отцамъ вашимъ духовнымъ, поколику они учатъ васъ душеполезному и спасительному. Наконецъ, дѣти, живите въ мирѣ и здравіи душевномъ и тѣлесномъ. Также, дѣти, поминайте въ молитвахъ своихъ и наше смиреніе, дабы Христосъ Богъ насъ соблюлъ отъ непріязни въ семъ вѣкѣ, а въ будущемъ бы сподобилъ насъ Христосъ стать предъ лицемъ Его и сказать съ дерзновеніемъ: Господи, се азъ и дѣти мои, яже ми далъ еси.» Посланіе оканчивается пастырскимъ благожеланіемъ и благословеніемъ.

Третье сочиненіе св. Алексія есть его посланіе или грамата на Червленый Яръ боярамъ, баскакамъ, духовенству и мірянамъ о подсудимости ихъ рязанскому епископу ([223]). Но двѣ трети этого посланія содержатъ въ себѣ наставленія въ истинахъ вѣры и нравственности, напоминающія нѣкоторыми мыслями и самыми выраженіями «поученія» того же святителя. «Молю Бога и Святую Богородицу,—пишетъ онъ,—да будете душою и тѣломъ всѣ добры, здоровы, и да исполняете

([223]) Напечат. въ Акт. Истор. I, № 3.

заповѣди Божіи.... Имѣйте вѣру правую во святую единосущную Тройцу, въ которую вы крестились, любовь и миръ другъ къ другу, правду, цѣломудріе, исповѣданіе грѣховъ своихъ..... Но вы, какъ показываетъ то и время, словъ моихъ и поученія не слушаете, а творите волю тѣлесную и дѣла темныя. Но вѣдаете ли, что всѣ владыки русской земли находятся подъ моею властію и въ моей воли? И я ихъ ставлю благодатію Св. Духа. Такъ подана власть и вашему владыкѣ. А вы слова его не принимаете, но пріемлете стороннихъ пастырей; вы, какъ видно, не отъ паствы истиннаго пастыря Христа, но противнаго духа.... Покатейся и обратитеся къ Богу, научитесь творить благое и блюсти себя, поминайте смерть, воскресеніе, страшный судъ и Судію великаго и всевѣдущаго, вѣчный покой праведниковъ и вѣчную муку грѣшниковъ. Если все это будете помнить: то никогда не согрѣшите и не будете ослушаться насъ, которыхъ Духъ Святый поставилъ пастырями и учителями всѣмъ христіанамъ. Къ церквамъ всегда притекайте съ женами и дѣтьми, и дѣлайте въ церкви свои приношенія, а священниковъ и иноковъ любите и просите молитвъ ихъ; вдовъ и сиротъ, плѣнниковъ и странниковъ милуйте и призирайте, находящихся въ темницахъ посѣщайте».

Въ одномъ рукописномъ Сборникѣ XV вѣка помѣщено «Поученіе владыки Матѳеа сарайскаго г детемъ моимъ» ([224]).

([224]) Сборн. Кирилло-Бѣлоез. библ. въ 8 долю листа, № 174, л. 306—315. Въ одной изъ статей, въ немъ помѣщенныхъ, именно послѣ молитвы надъ оскверненнымъ сосудомъ, подписано: „въ лѣто 6984, апрѣля 10, кончахъ страстныя недѣли въ среду"; а послѣ другой, именно хиротоніи: „въ лѣто 6990, апрѣля 5. 6, преписахъ сію хиротонію". Матѳій рукоположенъ во епископа митрополитомъ Алексіемъ (Ник. Лѣт. IV, 62). А поученіе его см. въ Приложен. № VII, числ. 1.

Поученіе это, судя по началу и концу его, не было произнесено архипастыремъ въ церкви, а было разослано имъ по епархіи. Здѣсь нѣтъ никакихъ обличеній, а излагается только рядъ наставленій о вѣрѣ, о любви, относительно постовъ, духовенства, князя, домочадцевъ и проч. Наставленія не имѣютъ между собою никакой внутренней связи и отличаются совершенною простотою и общедоступностію. Представляемъ это краткое поученіе съ немногими и неважными пропусками:

«Чада мои милыя! Прежде всего имѣйте вѣру правую въ Бога—Отца и Сына и Св. Духа. За тѣмъ пребывайте въ послушаніи св. Его апостоловъ и св. отцевъ, которые пострадали за Христа..... Любовь имѣйте ко всѣмъ, къ богатому и убогому, къ нищимъ и бѣднымъ и въ узахъ страждущимъ, какъ и Христосъ имѣлъ любовь ко всему міру, подавая намъ образъ собою.... Еще молю васъ, чада, постъ имѣйте чистый, когда слѣдуетъ поститься, да просвѣтлѣете подобно Моѵсею.... Нищимъ раздробляйте хлѣбъ свой, убогихъ милуйте и немощныхъ, и на улицахъ лежащихъ и сѣдящихъ; посѣщайте находящихся въ темницахъ и утѣшайте; нагихъ одѣвайте, босыхъ обувайте. Сирыхъ домочадцевъ не бейте, но еще больше милуйте и не морите голодомъ, ни наготою: ибо они суть домашніе нищіе. Убогій выпроситъ себѣ и въ другомъ мѣстѣ, а они только въ твои руки смотрятъ. Правымъ помогайте, а грѣшныхъ милуйте. Страпныхъ вводите въ домъ свой и напитайте ихъ отъ своей трапезы. Вдовицъ призирайте, сущихъ въ бѣдахъ избавляйте, старцевъ чтите, такъ же поповъ и діаконовъ: ибо они суть служители Божіи. Челядь свою милуйте и наставляйте на путь спасенія и покаянія; старыхъ отпущайте на свободу, а юныхъ учите добру и по-

слушанію.... Сосѣда не обижайте и не отнимайте у него земли. Господь сказалъ Моѵсею: пришельца не обидите. Ахавъ и Іезавель погибли за отнятіе земли, Дафана и Авирона поглотила земля за имѣніе неправедное. И при Іоаннѣ Златоустѣ Евдоксія царица не погибла ли за отнятіе винограда? Богъ не одному человѣку велитъ жить на земли, а многимъ. Блюдитесь же, братіе, и не отнимайте чужаго».

«Монастыри, чада, любите: то суть домы святыхъ и пристанища сего свѣта. Вшедши въ нихъ, вы видите игумена, пасущаго стадо свое, а чернецовъ нимало не прекословящихъ страха ради Божія. Видите, какъ одинъ, воздѣвъ руки горѣ, а очи устремляя долу, возносится сердцемъ къ престолу Божію; другой плачетъ въ келліи своей, лежа ницъ; этотъ работаетъ, какъ плѣнный; тѣ заняты трудами, какбы скованные цѣпями; третьи стоятъ въ церкви, будто каменные, возсылая непрестанныя молитвы къ Богу за весь міръ. Одни изъ нихъ подвизаются въ монастыряхъ, другіе въ пещерахъ и на столпахъ, около Іерусалима и по всей земли, такъ что плоть присохла къ костямъ ихъ отъ сухояденія. Они своею вѣрою въ сердцѣ вскорѣ могутъ творить всякое прощеніе, какъ то: помогать больнымъ и недужнымъ, избавлять отъ всякаго гнѣва Божія и напасти и отгонять всякую скорбь своими молитвами. Къ святымъ мѣстамъ приходите, у подвижниковъ благословенія просите, приводите къ нимъ своихъ дѣтей для благословенія, вводите ихъ въ домы свои для благословенія и поученія, какъ и Закхей пріялъ Христа въ домъ свой для благословенія».

«Епископа чтите, какъ Петра и Павла, а въ домы церковные, и въ суды, и въ земли церковныя не вступайтеся. Если

же кто епископа не чтитъ, тотъ не получитъ отъ него благословенія ни здѣсь, ни на судѣ. Онъ есть молитвенникъ всего міра за ваши души и домы и за ваше спасеніе. Бѣльцовъ—священниковъ и діаконовъ чтите достойно: ибо они ежедневно творятъ за васъ молитвы къ Богу. Если пригласите въ домъ свой чернеца или причетника и пожелаете ихъ угостить: то болѣе трехъ чашъ не принуждайте его пить, но дайте ему волю. Если самъ упьется, самъ за то и отвѣчаетъ»....

«Князю земли своей покаряйтеся и не желайте ему зла въ сердцѣ своемъ. Служите ему головою своею, и мечемъ своимъ, и всею мыслію своею, и не возмогутъ тогда противиться князю вашему, и обогатѣетъ земля ваша..... И еще скажу вамъ, чада мои, если кто о своемъ князѣ мыслитъ зло и передается другому князю, тотъ подобенъ Іудѣ, который былъ любимъ Господомъ и замыслилъ продать его князьямъ іудейскимъ.... Друзьямъ, малымъ и великимъ, покаряйтеся. Позовутъ васъ на пиръ, садитесь на послѣднемъ мѣстѣ... Тогда, если подойдетъ къ тебѣ позвавшій тебя и скажетъ: друже, сядь выше, — тебѣ будетъ честь и слава предъ всѣми, сидящими съ тобою»....

«Имѣйте, чада, въ сердцахъ своихъ страхъ Божій. Ибо написано: начало премудрости страхъ Господень.... Вѣра съ страхомъ Господнимъ повелѣваетъ на всякій часъ памятовать смерть и страшный день суда.... Если кто сотворитъ грѣхъ по внушенію діавола, въ тотъ же день да покается, опасаясь внезапной смерти»....

«Еще скажу вамъ, чада мои: челядь свою кормите до сытости, одѣвайте и обувайте. Если же не кормите, не одѣваете и не обуваете,—а холопа вашего или рабу убьютъ

при воровствѣ, за кровь его и душу тебѣ отвѣчать. Посему снабжайте сиротъ своихъ всѣмъ и учите ихъ на крещеніе и на покаяніе, и на весь законъ Божій. Ты, какъ апостолъ, въ дому своемъ. Учи грозою и ласкою. Если же не учишь: отвѣтъ дашь за то предъ Богомъ. Авраамъ самъ научилъ своихъ 318 домочадцевъ всему доброму закону и доброму праву. Пріявши страхъ Господень, они не опечалятъ тебя на старости. Если же не послушаютъ тебя ни мало, то не щади лозы и дай до 4 или до 6 или и до 12 ударовъ. Если рабъ или рабыня не исполняютъ твоей воли: то давай имъ до 6 или до 12 ударовъ; если велика вина: то до 20 ударовъ; если весьма велика: то до 30, а болѣе того не позволяемъ. Если такъ будешь наказывать ихъ: то душу его (раба) спасешь, а тѣло избавишь отъ муки. И послѣ восхвалятъ тебя рабы и рабыни, если такъ будешь кормить ихъ и одѣвать. Да услышимъ блаженный оный гласъ Христа Бога нашего: пріидите благословеніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царство отъ сложенія міра. Милость же Божія и св. Богородицы и мое благословеніе да будетъ съ вами».

Представленное нами поученіе извѣстно въ двухъ видахъ: въ краткомъ, въ какомъ и мы представили его, и въ обширномъ, гдѣ оно оказывается почти цѣлою третью длиннѣе. Въ краткомъ оно усвояется сарайскому епископу Матѳію, изложено, какъ одно цѣлое посланіе, безъ всякаго раздѣленія на главы, и оканчивается приличнымъ заключеніемъ. Въ обширномъ оно не усвояется никому, раздѣлено на небольшія главы съ особыми названіями, притомъ произвольно и неудачно, и неодинаково въ разныхъ спискахъ, и оканчивается безъ заключительнаго благословенія со стороны епископа и вообще

безъ всякаго заключенія. Всѣхъ главъ здѣсь, по одному списку, восьмнадцать, изъ которыхъ въ первыхъ деєяти излагается то самое, что содержится въ поученіи по краткой редакціи, и въ томъ же порядкѣ, а въ восьми послѣднихъ—являются совершенно новыя статьи. Прибавлены ли эти послѣднія статьи чужою рукою къ сочиненію святителя сарайскаго, или находились и въ подлинномъ текстѣ, рѣшить нѣтъ возможности, хотя складъ рѣчи въ нихъ тотъ же, что и въ первыхъ десяти статьяхъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не согласиться, что поученіе въ обширной своей редакціи, гдѣ лишено оно обычнаго въ святительскихъ посланіяхъ заключенія и произвольно раздѣлено на главы, подверглось измѣненіямъ отъ сторонней руки, тогда какъ не находится никакихъ причинъ предполагать какія либо измѣненія въ краткой его редакціи. И мы тѣмъ болѣе не сомнѣваемся въ подлинности этого поученія, какъ сочиненія Матѳія, епископа сарайскаго, что не въ состояніи придумать, что могло бы заставить кого либо къ концу XV вѣка приписать чужое произведеніе святителю, неизвѣстному по лѣтописямъ ничѣмъ, кромѣ своего имени (225).

Къ числу поученій и вообще сочиненій учительныхъ, составленныхъ у насъ въ XIV вѣкѣ неизвѣстными лицами, съ достовѣрностію могутъ быть относимы только тѣ, которыя находятся въ Сборникахъ нашихъ XIV в., каковы: Златая Цѣпь, Измарагдъ, безъименный Сборникъ Царскаго, и Сборникъ Паисіевскій, и которыя частію своимъ складомъ, а частію обличеніемъ религіозныхъ и нравственныхъ недостатковъ русскаго народа свидѣтельствуютъ о своемъ русскомъ происхожде-

(225) См. Приложен. № VIII.

ніи. Въ Златой Цѣпи таковы слова и поученія: о правой вѣрѣ, о постѣ вообще, о постѣ великомъ, Петровскомъ и Филипповскомъ, о воскресеніи Господнемъ и о свѣтлой недѣли, о пьянствѣ и другія ([226]). Въ Измарагдѣ таковы — слово о лихоимствѣ и пьянствѣ, слово о духовномъ празднованіи и пьянствѣ, помѣщенное и въ Златой Цѣпи, слово о жалѣющихъ (т. е. плачущихъ), находящееся такъ же и въ Златой Цѣпи ([227]). Въ безъименномъ Сборникѣ Царскаго, гдѣ на ряду съ статьями изъ св. отцевъ помѣщены—поученіе св. Алексія митрополита, поученіе Матѳія сарайскаго, хотя безъ имени, и нѣсколько словъ св. Кирилла туровскаго, находится еще болѣе двадцати словъ и поученій, неподписанныхъ именами св. отцевъ и, вѣроятно, имѣющихъ русское происхожденіе ([228]). Особенно замѣчательны девять словъ на воскресные дни св. четыредесятницы и на недѣли, предшествующія ей, начиная

([226]) Златая Цѣпь XIV в. находится въ библ. Сергіевой Лавры. Оглавленіе статей этой Цѣпи напечатано въ Чтен. Московск. Истор. Общ. 1846, № 2, отд. IV, 45—48. Отрывки изъ нѣкоторыхъ поученій, нами изчисленныхъ, помѣщены въ Историч. Христоматіи г. *Буслаева* 483—499. Слово о постѣ, велик., Петров. и Филип., напеч. въ Правосл. Собесѣдн. 1859, III, 445—452.

([227]) Измарагдъ XIV в. въ Румянц. Муз. № 186. Въ спискахъ Измарагда XV и XVI в. (Толстов. Опис. I, № 215; Царск. № 142; Сѵнод. № 230) насчитываютъ до сорока поученій, которыя, можетъ быть, имѣютъ происхожденіе русское (Опис. рукоп. Сѵнод. библ. кн. IV, стр. 81; Прибавл. къ Черниговск. епарх. Вѣдом., 1863, 642—650). Но согласиться, что составленіе этихъ Измарагдовъ должно быть относимо къ XIV в. по тому одному, что въ нихъ не встрѣчается, напримѣръ, ничего изъ сочиненій Григорія Самвлака, мы не рѣшаемся: причины, почему не только въ XV, но и въ нач. XVI в. сочиненія этого писателя, подвергавшагося тогда проклятію даже въ архіерейской присягѣ, могли не входить въ Сборники русскія, очень понятны.

([228]) Сборникъ библ. Царск. № 361. Въ немъ находятся, напр., слово о жалѣющихъ, помѣщенное такъ же въ Измарагдѣ и въ Златой Цѣпи, и нѣкоего отца къ сыну слово душеполезно, помѣщенное въ той же Цѣпи и напеч. въ Москвитянинѣ 1851 г. № 6.

съ недѣли о мытарѣ и фарисеѣ. Слова эти, которыя помѣщены такъ же въ Златой Цѣпи и въ другомъ Сборникѣ XIV в. Сергіевой Лавры, имѣютъ между собою внутреннюю связь и составлены какимъ-то однимъ, русскимъ или вообще славянскимъ, проповѣдникомъ. Авторъ несомнѣнно пользовался писаніями св. отцевъ — Златоуста и Василія великаго, но не переводилъ только эти писанія, а излагалъ мысли самъ, стараясь приспособиться къ нуждамъ времени и къ простому разумѣнію своихъ слушателей ([229]). Наконецъ, въ Паисіевскомъ Сборникѣ (около 1400 г.) находятся, съ признаками русскаго происхожденія —слово о твари и о недѣли, поученіе христіанамъ, слово о ротахъ и клятвахъ и друг. ([230]).

Впрочемъ, и въ Сборникахъ XV вѣка встрѣчаются иногда слова, которыя, обличая суевѣрія и недостатки русскаго народа или указывая на иго монгольское, какъ еще тяготѣвшее надъ Россіею, по самому языку своему несомнѣнно относятся къ XIV, если даже не XIII вѣку. Таковы: а) слово ко всему міру на пользу слышащимъ, б) слово о кончинѣ міра, в) слово о христіанствѣ и — г) слово, како жити крестьяномъ.

Слово ко всему міру обращено отъ лица самаго Бога и къ

([229]) Слова эти разсмотрѣны, по двумъ Сборникамъ XIV в. Сергіевой Лавры, въ статьѣ: *о древнихъ словахъ на св. четыредесятницу* (Прибавл. къ Тв. Св. Отц. XVII, 34—64). Тамъ же напечатаны и два слова на первую и на вторую недѣлю вел. поста.

([230]) Первое и послѣднее напечатаны г. *Срезневскимъ* въ Дополн. къ Обозр. древн. памятн. Русск. письма и языка, въ Изв. II-го Отд. Ак. Наукъ, X, 697—704. Выписки изъ всѣхъ помѣщены въ Историч. Христомат. г. *Буслаева*, 530—533. Свѣдѣнія о самомъ Сборникѣ Паисіевскомъ у *Шевыр.* Поѣздк. въ Кир.-Бѣлоезер. монаст. II, 32—39.

духовенству и къ мірянамъ, но содержитъ въ себѣ обличенія и наставленія преимущественно пастырямъ Церкви ([231]). «Троица—Отецъ и Сынъ и Св. Духъ, Господь Богъ нашъ, благословляетъ всю тварь и все созданіе: митрополитовъ и епископовъ, и игуменовъ, и священниковъ, и діаконовъ, царей и князей, и вельможъ, и весь міръ на сіе дѣло», такъ начинаетъ неизвѣстный свое слово..... И вслѣдъ за тѣмъ продолжаетъ: «вотъ вамъ говоритъ Господь устами своими: чада мои милыя! За чѣмъ вы вышли въ чужую землю и заблудились, а ваша земля запустѣла и возрасли на ней терніе и волчцы? Пойдите въ свою землю, взыщите истиннаго пути, пойдите къ отцу своему, пребывайте въ любви. Чада моя милыя! Не забывайте того, говоритъ Господь, что Я есмь любовь и пребываяй въ любви во Мнѣ пребываетъ. *Отче нашъ*,—призываете вы Меня, а воли Моей не творите. Если называете Меня отцемъ: то творите и волю Мою. А воля Моя есть любовь. Безъ любви непріятны Мнѣ молитвы ваши и службъ вашихъ не приму..... За чѣмъ въ гнѣвѣ совершаете службу? Трудитесь напрасно. Если имѣете гнѣвъ: за чѣмъ идете въ церковь и оскверняете св. храмъ и оскорбляете Моихъ св. ангеловъ..... Такъ говоритъ Господь іереямъ, книжникамъ и игуменамъ: почему не учите дѣтей своихъ страху Божію?..... Устами своими говорите: *Господу помолимся*, возглашаете ектенію: *станемъ добрѣ*, *станемъ со страхомъ*, а сердца ваши удалились отъ Меня, содержа злобу и гнѣвъ.....

([231]) Находится въ Сборникѣ Румянц. Муз. 1419 г., № 451 (Опис. стр. 722), впрочемъ безъ начала, и въ Сборн. того же Муз. XVI в. (—стр. 231—232).

Не принимайте просфоры и всякаго другаго приношенія въ церковь отъ корчемника, рѣзоимца, грабителя, чародѣя, убійцы, неправеднаго судіи, мздоимца, татя, разбойника и отъ гнѣвливаго: просфоры ихъ гнусны, а свѣчи ихъ угасаютъ, говоритъ Господь. На роту въ церковь не пущайте: это вамъ не ротница, а молебница; собирайте къ ней на молитву.... Когда кто принесетъ просфору, ты, учителю, скажи ему: если имѣешь, чадо, на кого гнѣвъ, примирись съ нимъ; и я приму просфору твою и принесу на жертвенникъ, и вознесется тогда молитва твоя къ Богу чистая..... Внимайте себѣ, учители; когда пойдешь въ церковь и кто нибудь начнетъ говорить тебѣ о суетныхъ вещахъ: ты прекрати молитву и научи его стоять со всѣмъ страхомъ Божіимъ. Хотя бы то былъ князь, не стыдись его. Пусть отъ него будетъ тебѣ безчестье, за то отъ Бога будетъ тебѣ добро и честь..... За чѣмъ вы пренебрегаете моими словами? Я послалъ вамъ епистолію на землю, вы и тому не повѣрили. За чѣмъ затворяете врата отъ нищихъ, говоритъ Господь. Для кольевъ и саней есть мѣсто въ дворахъ вашихъ, а для Меня въ вашихъ дворахъ нѣтъ мѣста, гдѣ бы Я могъ главу подклонить; Я скитаюсь по улицамъ. Что принесли вы на этотъ свѣтъ, или что возьмете отсюда съ собою? Не могу терпѣть вашего неразумія. Я потрясъ землею, вы не повѣрили Мнѣ. *Пустилъ на васъ Измаильтянъ,* которые пролили кровь вашу по землѣ. Любя ли ихъ, пустилъ ихъ на васъ, или ненавидя ихъ; но Мнѣ милъ родъ христіанскій, говоритъ Господь. Послушайте Меня, и *Я избавлю васъ отъ муки поганыхъ;* пріимите епитимію, хотя по малу, глаголетъ Господь. Весьма вы прогнѣвали Меня, и Я все стерпѣлъ; но сего не могу стерпѣть: за чѣмъ вы затворили

церкви? Еслибы возбранили вамъ это *поганые*, и тогда вамъ слѣдовало бы оставить все имѣніе и идти въ церковь. Еслибы даже пришлось вамъ пролить кровь, и тогда вы не должны преступать Моихъ заповѣдей..... Я далъ вамъ *искусъ*, искушая васъ, и содержу всѣхъ васъ въ рукѣ Моей, и далъ вамъ животъ. Не дивно человѣку пасть, но послѣ паденія нужно возстать покаяніемъ и добрыми дѣлами.... Не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе. А Самъ съ вами есмь до скончанія вѣка, аминь».

Слово о кончинѣ міра имѣетъ сходство, по содержанію и языку, съ словами Серапіона, епископа владимірскаго. И если по одному этому еще не можетъ быть, съ непререкаемостію, усвоено владимірскому епископу, во всякомъ случаѣ справедливо относится къ памятникамъ нашей словесности XIII—XIV в., когда со всею силою тяготѣло надъ Россіею монгольское иго ([232]). Въ послѣдней мысли легко убѣдиться изъ слѣдующихъ мѣстъ слова: «братіе, бойтесь грознаго и страшнаго суда Божія: ибо внезапно придетъ тотъ страшный день. Если мы не приготовимся добродѣтелями, то, нагіе и странные, будемъ осуждены въ неугасимый огонь. О братіе, живите въ страхѣ Божіемъ, ибо время жизни сей мало, какъ дымъ изчезаетъ; и много бѣдствій приключается за грѣхи, и скорбь не малая: *нашествія поганыхъ*, волненіе между людьми, неустройство церквей, безпорядки между князьями, безчиніе священниковъ..... Если кто впадетъ въ руки разбойниковъ, возлюбленные, то какъ умиленно проситъ, чтобы сохранили ему

([232]) Слово это напечатано по Измарагду XV в., вмѣстѣ съ предварительными замѣчаніями, въ Правосл. Собесѣдн. 1858, II, 472—480.

жизнь, а имѣніе взяли бы. Какъ же, братіе, не худо то, что ради худой жизни мы всего лишаемся, а о душевной пользѣ не заботимся? Для чего жалѣемъ давать неимущимъ? Почему не отстанемъ отъ злыхъ дѣлъ и не хотимъ преклонить сердецъ на покаяніе? Вотъ и земля трясется отъ лица Господня намъ на страхъ, и многіе города опустѣли по Божію гнѣву. Мы и того не убоялись; не перестаемъ творить зло. И *поганыхъ Богъ попустилъ на насъ:* сыны и дщери ваши поруганы были и отведены въ плѣнъ: все для того, чтобы мы убоялись; не смотря на то, мы одинаково неправды творимъ. Не оставляемъ гнѣва и зависти, блуда и пьянства, и отъ грабительства не отстаемъ и отъ прочихъ злыхъ дѣлъ, которыя ненавистны Богу. О братіе, доколѣ есть время покаянію, потщимся жить въ добродѣтели; будемъ милостивы, да будетъ и Господь къ намъ милостивъ. Смотрите, братіе, какъ и своихъ церквей не щадитъ Богъ, ни святыхъ книгъ, когда землю оставляетъ пустою, за грѣхи человѣческіе, дабы принудить ихъ къ покаянію. Если же и казнимые не каются и не отстаютъ отъ злобъ: то еще большія томленія и вѣчныя муки ожидаютъ ихъ».

«Послушайте,—говорится въ третьемъ словѣ (233),—многіе именемъ христіане, а обычаемъ и дѣлами, какъ невѣрные, навыкли дѣйствовать по язычески.... Что вы за вѣрные, когда навыкли языческому кощунству, жидовскимъ баснямъ и уродословію, глумленію на улицахъ и бесѣдахъ града; ча-

(233) Это слово о христіанствѣ находится въ Сборникѣ Новгор. Соф. библ. XIV—XV в., по старому Катал. № 94, л. 81—85, и напечатано въ Ж. М. Н. Просвѣщ. 1854, декабр., отд. II, 182.

рамъ, волхвованію, снамъ, ядепію крови и удавленины и другимъ многимъ подобнымъ дѣламъ? Какіе вы христіане, если творите сіе, и какъ смѣете принимать св. тайны, будучи хуже язычниковъ? Вы навыкли языческимъ дѣламъ: плясанію, плесканію руками, сатанинскимъ пѣснямъ, пьянству, блуду, гнѣву, зависти и другимъ, о которыхъ нельзя здѣсь и говорить. Творя это, какъ вы зоветесь христіанами, а хуже невѣрныхъ? О братіе, если вы вѣрные, то не смѣшивайтесь съ таковыми..... Многіе называютъ себя вѣрными, а не знаютъ, что есть христіанство и какъ жить въ вѣрѣ и законѣ. Вижу не только юношей неистовыхъ и неразумныхъ, но и старцевъ, и весьма скорблю, когда на бесѣдахъ и на улицахъ вижу мужа, украшеннаго сѣдинами, толкующаго злое, или влекущаго съ собою на позоры или на пиръ дитя свое. О вѣрные! Какъ вы сами устрояете погибель душамъ своимъ?.... Если кто вопроситъ тѣхъ безстудныхъ, какъ жили пророки и апостолы, и что творили, и сколько было пророковъ и апостоловъ,— они не знаютъ и не умѣютъ, что сказать. А если спросятъ о коняхъ и о птицахъ или о чемъ иномъ,—они философы и хитрецы..... Если продолжится слово ученія, то многіе стоятъ съ принужденіемъ, какбы у нѣкоего зла. А случиться быть на улицѣ или на бесѣдѣ и на игрищѣ: тамъ пробудете до полудни и дальше. Или если случится пить, то не спятъ и ночи, творя пагубное. Какіе вы христіане, если больше поганыхъ творите замышленіе сатаны? Онъ научилъ позорамъ и смѣхотворца, и кощунниковъ, и скоморохъ, и игрока, чтобы ихъ злыми дѣлами погублять насъ. Ибо присутствующіе на позорищахъ не то ли же творятъ? Когда пустошникъ, глумяся, изречетъ что либо, тогда они еще больше смѣются.

Зловреднаго кощунника слѣдовало бы побить и отогнать, а они только чудятся ему и учатся злу; другіе же даютъ еще игрокамъ мзду, возжигая тѣмъ большій огнь на главу свою»..... и такъ далѣе.

Четвертое слово написано, вѣроятно, митрополитомъ или, по крайней мѣрѣ, епископомъ, судя потому, что проповѣдникъ выражается: «аще нѣціи дѣютъ злая, и духовнаго не слушаютъ ученія, и не каются, —*велимъ* градскимъ властителемъ не щадити таковы..., *велимъ* градскимъ казнити закономъ» ([234]). Въ устахъ простаго священника подобная рѣчь не имѣла бы значенія. Это слово, при нѣкоторомъ сходствѣ съ третьимъ, представляетъ и замѣчательныя особенности. «Братіе и сестры! Послушайте св. ученія. Есть между христіанами такіе, которые только имя христіанское носятъ на большее осужденіе себѣ, не творя воли Божіей, а живутъ по язычески, въ пьянствѣ, блудѣ и другихъ злодѣяніяхъ, будучи омрачаемы окаяннымъ діаволомъ, въ клятвахъ, обидахъ, тѣлесныхъ нечистотахъ, оклеветая и обижая другъ друга; считаютъ себя какъ бы безсмертными..., какъ бы за ложь признаютъ уготованныя грѣшникамъ муки, которыхъ трепещетъ и сатана. Всѣмъ таковымъ мы *запрещаемъ*, да, устрашась Бога и грядущаго суда, покаятся отъ злыхъ дѣлъ и проклятаго любодѣянія, изъ-за котораго Содомъ и Гоморра и окрестные грады огнемъ пожжены.... А что сказать о хульныхъ словахъ, мы не знаемъ. Тѣ, которые клянутся Богомъ, цѣлуютъ крестъ, ходятъ ротою до церкви и олтаря, тѣ на

([234]) Слово, како жити христіаномъ, напечатано по списку XV в. въ Правосл. Собесѣдн. 1859, I, 473—477.

погибель себѣ призываютъ Божество.... За то и казни шлетъ на насъ Богъ иногда засухою, иногда пожаромъ и другими бѣдами, что люди клянутся Богомъ и святыми Его, и стараются превзойти другъ друга клятвами, оскверняя ротою церковь Божію.... Подобна этой и другая вина: лечатъ немощь волшьбою, и наузами, и чарами, приносятъ требища бѣсамъ, и бѣса, называемаго трясавицею (трясцею), думаютъ прогонять тѣмъ, что пишутъ еллинскія слова на яблокѣ и кладутъ его на престолъ во время службы. Это проклято. Потому и многія казни на насъ отъ Бога за неправды наши. Господь не заповѣдалъ лечиться чарами и наузами и вѣрить во встрѣчю, въ полазъ и въ чехъ: то дѣло поганское. А если кто изъ христіанъ поступаетъ такъ: онъ осудится больше язычниковъ, если не покается.... Если пресвитеры таковыхъ не учатъ, не исправляютъ, не запрещаютъ, ревнуя о славѣ Божіей: горе будетъ такимъ учителямъ. Каждый держитъ іерейство, чтобы тѣмъ кормиться, а не заботится о духовныхъ дѣлахъ, чтобы пріять мзду вѣчнаго живота; не преподаетъ праваго ученія во спасеніе, а больше снисходитъ, льститъ и изъ-за дара прощаетъ безъ епитиміи; все и дѣлаетъ и говоритъ ради чрева, чтобы не лишиться временной чести.... Если же нѣкоторые дѣлаютъ зло, и не слушаютъ духовнаго ученія, и не каются, такіе воспріимутъ по дѣламъ законное мученіе; а мы велимъ градскимъ властелямъ не щадить таковыхъ, творящихъ зло предъ Богомъ, но наказывать льстецовъ, хульниковъ, ротниковъ, мужеложцевъ, убійцъ, татей, чародѣевъ, насилующихъ дѣвъ, блудящихъ съ замужними. Такихъ велимъ казнить градскимъ закономъ, а не щадить злыхъ, да научатся и перестанутъ дѣлать злое.... Посему, властели,

не щадите творящихъ зло, но наказывайте ихъ и не отпущайте по мздѣ, чтобы и вамъ, какъ содѣтелямъ беззаконія, не воспріять тяжкаго суда отъ Бога»....

Вторый отдѣлъ духовной литературы русской XIV в., впрочемъ очень небогатый, составляютъ сочиненія историческія. Мы опускаемъ лѣтописи, которыя еще продолжаемы были тогда въ разныхъ мѣстахъ Россіи, Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ, можетъ быть, лицами духовнаго званія, судя по тону и характеру этихъ лѣтописей; а имѣемъ въ виду повѣствованія о нѣкоторыхъ замѣчательнѣйшихъ лицахъ и частныхъ событіяхъ. Сюда относятся: 1) житія нашихъ святителей — св. Кирилла, епископа туровскаго и св. Петра митрополита, 2) сказанія о благочестивыхъ князьяхъ Довмонтѣ псковскомъ, Михаилѣ тверскомъ и Димитріѣ Донскомъ, 3) повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ и о чудесномъ спасеніи Москвы отъ Тамерлана.

Житіе св. Кирилла, епископа туровскаго, очень кратко и составлено, по всей вѣроятности, въ самое тяжкое время монгольскаго ига, и слѣдовательно къ концу XIII-го или въ первой четверти XIV в., какъ показываютъ слова заключительной молитвы, обращенной къ святителю: «моли о насъ Вседержителя, емуже нынѣ предстоиши съ дерзновеніемъ, отъ настоящія намъ бѣды избавитися и отъ безбожныхъ агарянъ, *присно мучащихъ* насъ». Это житіе напечатано въ Прологѣ подъ 28 числомъ апрѣля, съ немногими отступленіями отъ рукописныхъ списковъ ([235]).

Житіе св. Петра, митрополита московскаго, написано св.

([235]) Помѣщ. въ Прологахъ, рукописныхъ (Опис. Рум. Муз. 457) и печатныхъ подъ 28 числ. апрѣля.

Прохоромъ, епископомъ ростовскимъ († 1327). Оно драгоцѣнно, какъ сказаніе о великомъ святителѣ современника и очевидца, и рѣзко отличается отъ другаго житія того же угодника, составленнаго митрополитомъ Кипріаномъ. Сколько послѣднее растянуто, многорѣчиво и витіевато, столько первое кратко, просто и безъискуственно. Вотъ какъ, напримѣръ, описываетъ Прохоръ вступленіе Петра въ обитель и его монашескіе труды: «когда было ему 12 лѣтъ, пошелъ онъ въ монастырь и сдѣлался инокомъ; служилъ въ монастырѣ въ поварнѣ, на всю братію носилъ воду и дрова на рамѣ своемъ и оставался въ этой службѣ нѣсколько времени. За тѣмъ пожелалъ навыкнуть иконному писанію и сдѣлался ,,иконникъ чуденъ'', писалъ иконы Господа нашего І. Христа, св. Богородицы, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ и всѣхъ святыхъ, представляя каждаго ,,по сличью образа ихъ''. А посту и молитвѣ такъ прилежалъ, какъ никто другой въ нынѣшнее время, и творилъ милостыню изъ того, что пріобрѣталъ своими праведными трудами. Послѣ сего поставилъ церковь св. Спаса на рѣкѣ Рати и сотворилъ монастырь, и созвалъ братію, и прилежно, съ увѣщаніемъ училъ ихъ спасенію душъ»... Или вотъ повѣствованіе о переселеніи св. Петра въ Москву: «проходя грады онъ обрѣлъ градъ ,,честенъ кротостію'', называемый Москва, а въ немъ князя благочестиваго, по имени Ивана, сына Даніилова, внука Александрова, который былъ милостивъ къ святымъ церквамъ и нищимъ, самъ ,,гораздъ святымъ книгамъ'' и слушался святыхъ ученій. Поселившись въ градѣ томъ, онъ сказалъ благочестивому князю: ,,о сынъ мой! Велико твое благочестіе, послушай меня днесь''. Когда благочестивый князь обѣщался, то св. митрополитъ сказалъ:

,,да созиждется въ градѣ твоемъ каменная церковь святыя Богородицы". Благовѣрный князь поклонися и отвѣчалъ: ,,твоею молитвою, св. отче, да будетъ". Когда основана была церковь, онъ и гробъ себѣ сотворилъ своими святыми руками. Спустя мало времени возвѣщена была св. ангеломъ смерть его» ([236]).

Сказанія о благочестивыхъ князьяхъ, нами прежде изчисленныя, извѣстны всѣ въ печати. Сказаніе о св. Довмонтѣ, князѣ псковскомъ, написано вскорѣ послѣ его смерти, очень кратко и внесено въ мѣстную лѣтопись ([237]). Сказаніе о мученической кончинѣ св. Михаила, князя тверскаго, написано со словъ очевидцевъ и помѣщено въ нѣсколькихъ лѣтописяхъ ([238]). Сказаніе о житіи и преставленіи вел. князя Димитрія Іоанновича Донскаго, оканчивающееся похвалою ему и по мѣстамъ проникнутое истиннымъ чувствомъ, хотя и многорѣчивое, написано современникомъ и издано было неоднократно ([239]).

Изъ двухъ повѣстей о замѣчательнѣйшихъ событіяхъ того времени первая и лучшая—о Мамаевомъ побоищѣ, не безъ основанія, приписывается рязанскому іерею Софоніи, жившему къ концу XIV вѣка. Но она дошла до насъ не въ первоначальномъ видѣ, а съ позднѣйшими вставками и измѣненіями. И хотя проникнута вся духомъ христіанскимъ; однакожъ, по главному предмету своему и характеру, болѣе поэтическому, принадлежитъ не столько духовной литературѣ, сколько свѣт-

([236]) См. нашей Истор. IV, Приложен. № III.
([237]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 180; V, 192.
([238]) П. Собр. Р. Лѣт. V, 207; VII, 188; Степен. кн. I, 425.
([239]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 104; Русск. Историч. Сборн. III, 81 и др.

ской ([240]). Вторая повѣсть о спасеніи Москвы отъ Тамерлана, написанная такъ же современникомъ, очень кратка и разсказываетъ сначала о Тамерланѣ и его дѣлахъ, потомъ о перенесеніи Владимірской иконы Богоматери въ Москву, о снѣ, видѣнномъ Тамерланомъ, и удаленіи его отъ Москвы, наконецъ о благодарности Русскихъ Богу и пресв. Дѣвѣ и установленіи праздника въ память этого событія. Повѣсть внесена въ лѣтописи ([241]).

Съ половины XIV вѣка возобновились путешествія русскихъ людей къ св. мѣстамъ востока или, вѣрнѣе, начались новыя описанія этихъ путешествій, составленныя самими путешественниками.

Новгородскій инокъ Стефанъ былъ въ Царьградѣ около 1350 года при патріархѣ Исидорѣ и въ своемъ «Странникѣ» говоритъ болѣе всего о св. Софіи константинопольской, потомъ о другихъ церквахъ и монастыряхъ, которые посѣтилъ; о чудотворныхъ иконахъ и мощахъ, которымъ поклонился; о нѣкоторыхъ святыняхъ, перевезенныхъ въ Царьградъ изъ Іерусалима; о замѣчательнѣйшихъ колоннахъ и памятникахъ, украшавшихъ тогда греческую столицу. Старецъ—паломникъ передаетъ то, что слышалъ съ дѣтскою вѣрою и простотою ([242]).

Между тѣмъ, какъ Стефанъ Новгородецъ изложилъ свои впечатлѣнія, полученныя въ одномъ только Царьградѣ, хотя

([240]) Напеч. въ Ник. Лѣт. IV, 86; Русск. Истор. Сборн. III, 1—81. Разборъ этого повѣданія или Сказанія см. въ Истор. Русск. Словесн. *Шевырев.* III, 258—274.

([241]) П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 65; Ник. Лѣт. IV, 258.

([242]) Путешествіе его издано *Сахаровымъ* въ книгѣ: „Путешествія русскихъ людей по св. землѣ", ч. II, 7—28.

оттуда странствовалъ и во Іерусалимъ, Игнатій—іеродіаконъ смоленскій обнимаетъ въ своемъ описаніи гораздо большее число предметовъ. Онъ находился въ свитѣ митрополита Пимена, путешествовавшаго въ Грецію въ 1389 году, и въ первой части своего сочиненія изображаетъ по порядку это самое «хожденіе» отъ Москвы до города Халкидона, гдѣ вскорѣ митрополитъ скончался. Во второй—передаетъ то, что самъ видѣлъ и слышалъ въ Константинополѣ, при чемъ съ подробностію разсказываетъ о смерти турецкаго султана Амурата и о вѣнчаніи на царство греческаго императора Мануила. Послѣднюю часть посвящаетъ описанію своего «хожденія» во Іерусалимъ и пребыванія тамъ ([243]).

Третій путешественникъ, дьякъ Александръ приходилъ въ Царьградъ къ концу XIV в., какъ самъ выражается, куплею, т. е. по дѣламъ торговли. Но воспользовался этимъ случаемъ, чтобы поклониться цареградской святынѣ, былъ въ св. Софіи, посѣтилъ важнѣйшіе монастыри и со всею краткостію перечисляетъ находившіеся въ нихъ чудотворныя иконы, мощи святыхъ и другіе священные предметы,—при чемъ о монастырѣ Подромѣ не безъ намѣренія сдѣлалъ замѣтку: «у сего монастыря нѣтъ ни селъ, ни городовъ; но, Божіею милостію, всѣхъ монастырей богатѣе» ([244]).

Были у насъ въ XIV вѣкѣ и другія лица, отличавшіяся образованіемъ и даромъ учительства, но отъ которыхъ или дошли до насъ только писанія юридическія, какъ напр., отъ

([243]) Напеч. въ Ник. Лѣт. IV, 158—184.
([244]) Издан. *Сахаров.* въ книгѣ: „Путеш. русск. людей по св. землѣ“, ч. II, 65—70.

св. Діонисія суздальскаго ([245]), или не дошло никакихъ сочиненій. Такъ, о новгородскомъ архіепископѣ Моусеѣ († 1362) повѣствуется, что онъ «добрѣ пасяше свое стадо, многи писца изыскавъ и книги многи исписавъ, и многи утвердивъ ученіемъ своимъ..., и по семъ скончался, *много писаніе* оставивъ» ([246]). Что разумѣется здѣсь подъ многимъ писаніемъ, сочиненія ли владыки, или тѣ книги многи, которыя онъ исписалъ, неизвѣстно, хотя послѣднее, судя по контексту рѣчи, вѣроятнѣе. Одинъ старецъ нижегородскаго печерскаго монастыря, по имени Павелъ высокій († 1382), былъ «книженъ велми и философъ велій; егда же бесѣды время бываше ему, много разсуденъ и полезенъ зѣло, и слово его солью божественною растворено» ([247]). Не знаемъ, откуда прибавилъ къ этому Татищевъ, будто Павелъ «писаше книги учительныя многи и къ епископомъ посылаше». Но во всякомъ случаѣ тѣ сочиненія, какія приписываются ему нынѣ, приписываются совершенно произвольно, на томъ только основаніи, что они современны ему и приличны ему по тону и по содержанію ([248]),—какбудто у насъ не было въ XIV в. и другихъ учительныхъ старцевъ, напримѣръ, хоть Діонисія суздальскаго или Моусея новгородскаго, которымъ сочиненія эти столько же современны и могутъ быть приличны. Св. Стефанъ, епископъ пермскій, кромѣ того, что зналъ языки греческій и зырянскій и могъ говорить на нихъ,

([245]) Акт. Истор. I, № 5; Снес. № 10.
([246]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 182.
([247]) Ник. Лѣт. IV, 141.
([248]) Обз. Русск. Дух. Литер. кн. I, № 72; Прибавл. къ Черниговск. епархіальн. Вѣдом. 1863, 654—655.

былъ мужъ, по словамъ его жизнеописателя, мудрый, разумный, смышленый, искусный въ книгахъ, сильный словомъ, имѣлъ даръ учительства, отличался умѣньемъ изъяснять писанія пророческія и апостольскія и разрѣшать самые трудные вопросы ([249]). Къ сожалѣнію, и отъ этого великаго святителя не уцѣлѣло ни одного сочиненія и то «списаніе» или посланіе противъ стригольниковъ, которое досѣлѣ приписывалось цареградскому патріарху Антонію, а нынѣ начинаютъ усвоять Стефану пермскому, вовсе ему не принадлежитъ ([250]).

Судя по сохранившимся памятникамъ, наша духовная литература XIV вѣка почти ничѣмъ не отличалась отъ литературы XIII столѣтія. Писатели, если не исключительно, то преимущественно обращали свое вниманіе на предметы современные и въ изложеніи мыслей соблюдали простоту и безъискуственность. Только въ двухъ-трехъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, каковы о Мамаевомъ побоищѣ, о жизни Димитрія Донскаго, начали обнаруживаться витіеватость, многословіе и напыщенность, которыя вскорѣ достигли у насъ еще большихъ размѣровъ.

III.

Главными представителями у насъ риторизма, многословія, напыщенности къ самому концу XIV и съ начала XV вѣка, хотя съ другой стороны, и главными представителями просвѣщенія болѣе обширнаго, нежели какое мы видѣли у себя

([249]) Памятн. Старин. Русск. Литер. IV, 122. 154 и др.
([250]) См. Приложен. № IX.

доселѣ, можно назвать трехъ нашихъ митрополитовъ: Кипріана, Фотія и Григорія Самвлака, которые и рожденіемъ и воспитаніемъ своимъ не принадлежали Россіи, а пришли къ намъ съ готовымъ образованіемъ изъ Сербіи и Греціи.

Кипріанъ, родомъ Сербъ, былъ мужъ «всякаго цѣломудрія и разума божественнаго исполненъ и вельми книженъ». Онъ старался непрестанно учить народъ страху Божію и своими умными, одушевленными наставленіями услаждалъ всѣхъ. Любя безмолвіе, онъ часто уединялся въ свое загороднее село Голенищево, и тамъ въ тихомъ пріютѣ, находившемся между двумя рѣками—Сѣтунью и Раменскою, и окруженномъ лѣсомъ, предавался размышленію, чтенію слова Божія, и своею рукою писалъ книги ([251]). Онъ былъ знатокъ церковныхъ каноновъ, какъ свидѣтельствуютъ его посланія и граматы юридическаго содержанія, числомъ девять, которыми мы воспользовались въ своемъ мѣстѣ ([252]); былъ ревнитель церковнаго богослуженія и перевелъ съ греческаго нѣкоторыя чинопослѣдованія и службы, а одну молитву—разрѣшительную даже сочинилъ самъ, о чемъ такъ же было уже сказано нами. Теперь обратимъ вниманіе на остальныя его сочиненія.

Нельзя не пожалѣть, что ни одно изъ поученій митрополита Кипріана, которыя онъ несомнѣнно проповѣдывалъ въ церкви «велегласно», не дошло до насъ, что даже окружное его посланіе, вѣроятно, учительное, которое онъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, написалъ «къ игуменомъ и

([251]) Ник. Лѣт. V, 2—3; Степ. кн. I, 558.

([252]) Напечатаны—въ Акт. Ист. I, №№ 7—11. 253. 255 и въ Акт. Эксп. I, № 11.

попомъ, и діакономъ, и ко мнихомъ, и ко всѣмъ православнымъ христіаномъ», доселѣ не издано ([253]). А изъ числа изданныхъ посланій только въ заключеніи одного, болѣе другихъ обширнаго, встрѣчаются учительныя мысли и нравственныя наставленія такого рода: «нынѣ, говоритъ архипастырь, уже *послѣднее время и приходитъ конецъ вѣку*. А бѣсъ сильно рыкаетъ, желая поглотить всѣхъ, по нашему небреженію и лѣности. Оскудѣла добродѣтель, престала любовь, удалилась духовная простота, а зависть, лукавство, ненависть водворились, и мы исполнились ухищренія и высокоумія... Горе намъ, потому что мы оставили путь правый! Всѣ хочемъ обладать, всѣ хочемъ быть учителями, не бывши еще учениками.... Остается мнѣ плакать и проливать слезы; особенно же плачу и скорблю о неправдахъ человѣческихъ, какъ мы, не боясь Бога и не стыдясь людей, сплетаемъ лживыя слова на ближняго, движимые завистію.... Лютый недугъ душевный — это зависть: много убійствъ въ мірѣ совершено ею и многія страны запустѣли. Завистію былъ подвигнутъ Каинъ на братоубійство, и оттолѣ убійство вошло въ міръ; зависти ради Іаковъ бѣжалъ изъ отческаго дома, предался въ работу Лавану и прослужилъ у него четырнадцать лѣтъ; по зависти продали братья Іосифа въ Египетъ, гдѣ Господь прославилъ его и предоставилъ ему власть надъ всѣмъ Египтомъ. Но что много говорить? Самаго Господа, Творца неба и земли, Іудеи распяли по зависти. Злая страсть—зависть, и кто одержимъ ею, тому нѣтъ спасенія.... Позаботимся же избѣгать этой страсти, а вмѣсто

([253]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 99. Посланіе находится въ Сѵнодал. рукописи за № 228 (*Шевыр*. Ист. Р. Слов., Лекц. XIII, примѣч. 10).

ея пріобрѣтемъ братолюбіе и сострадапіе, имѣя миръ въ сердцѣ и душѣ своей.... Инымъ путемъ невозможно спастись, кромѣ чистой любви, хотя бы кто истощилъ тѣло свое великими трудами, какъ говоритъ великій учитель Павелъ: аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е, любве же не имамъ, никая польза ми есть (1 Кор. 13, 3)» ([254]). Здѣсь кстати замѣтить, что съ 1392 года началось послѣднее столѣтіе седмой тысячи лѣтъ, по истеченіи которой многіе христіане ожидали кончины міра, и мысль о близости этой кончины быстро распространилась тогда какъ въ Греціи, такъ и въ Россіи. И вотъ Кипріанъ уже выражалъ эту мысль, а Фотій, какъ увидимъ, повторялъ ее даже очень часто.

Недавно открыты и изданы еще четыре посланія митрополита Кипріана, которыя, по главному содержанію, можно назвать историческими. Они писаны къ знаменитымъ игуменамъ Сергію радонежскому и Ѳеодору симоновскому и касаются разныхъ обстоятельствъ жизни этого святителя и современнаго состоянія западно-русской Церкви: въ первомъ Кипріанъ извѣщаетъ о своемъ путешествіи изъ Кіева въ Москву на митрополію; во второмъ описываетъ притѣсненія и обиды, сдѣланныя ему на пути въ Москву, по повелѣнію вел. князя Димитрія Іоанновича, показываетъ незаконность притязаній архимандрита Митяя на московскую митрополію, объясняетъ свою невинность предъ великимъ княземъ и свои дѣйствія въ Литвѣ; въ третьемъ и четвертомъ—увѣдомляетъ о своемъ путешествіи въ Константинополь ([255]). Первое и два послѣднія

([254]) Посл. къ игум. Аѳанасію—въ Акт. Ист. I, стр. 481.

([255]) Напечатаны, съ предварительными свѣдѣніями и соображеніями о нихъ, къ Правосл. Собесѣдн. 1861 г., II, 75—106.

посланія очень кратки и маловажны; но второе очень любопытно по новости свѣдѣній, въ немъ сообщаемыхъ. «Не утаилось отъ васъ,—пишетъ Кипріанъ означеннымъ игуменамъ,—и отъ всего христіанскаго рода, что сдѣлали надо мною, чего не дѣлалось ни надъ однимъ святителемъ, какъ стала русская земля. Я, изволеніемъ Божіимъ, и избраніемъ великаго и святаго собора, и благословеніемъ вселенскаго патріарха, поставленъ митрополитомъ на всю землю русскую, какъ знаютъ всѣ. И нынѣ поѣхалъ-было, со всѣмъ чистосердечіемъ и благожеланіемъ, къ великому князю. Но онъ разослалъ пословъ, чтобы не пропустить меня, сдѣлалъ заставы, сбилъ ратниковъ, поставилъ надъ ними воеводъ и наказалъ имъ, какое зло сдѣлать надо мною и даже предать насъ безъ милосердія смерти. Я, предохраняя князя отъ безчестія и заботясь больше о душѣ его, прошелъ инымъ путемъ, надѣясь на свое чистосердечіе и свою любовь къ нему и его княгинѣ и его дѣтямъ; но онъ приставилъ ко мнѣ мучителя, проклятаго Никифора, и какого зла не совершилъ надо мною? Хулы, поруганія, насмѣшки, грабительство, голодъ! Меня ночью заточилъ нагаго и голоднаго, и отъ той студеной ночи донынѣ страдаю.... Если міряне опасаются князя, потому что у нихъ жены и дѣти, стяжанія и богатства, которыхъ они не хотятъ лишаться...; то вы, отрекшіеся міра и живущіе одному Богу, какъ вы, видя такую злобу, умолчали? Если вы желаете добра душѣ великаго князя и всей его отчинѣ, зачѣмъ вы молчали?» Представивъ за тѣмъ нѣсколько правилъ св. апостоловъ и св. отцевъ о поставленіи іерарховъ, Кипріанъ продолжаетъ: «если все это такъ: то какъ у васъ на митрополичьемъ мѣстѣ стоитъ чернецъ (Митяй), въ святительской

мантіи и клобукѣ съ святительскимъ посохомъ въ рукахъ? Гдѣ слышалось такое безчиніе и злое дѣло? Если братъ мой (св. Алексѣй) преставился: я святитель на его мѣстѣ, моя митрополія. Не могъ онъ оставлять наслѣдника при смерти своей. Когда слыхано было возлагать на кого либо прежде поставленія святительскія одежды, которыхъ не можетъ носить никто, кромѣ одного святителя? Какъ же смѣетъ онъ стоять на мѣстѣ святительскомъ?... А что клевещутъ на митрополита, брата нашего, будто онъ благословилъ его на всѣ тѣ дѣла: это ложь.... Развѣ мы не знаемъ, что случилось при смерти митрополита? Я видѣлъ грамоту, которую написалъ митрополитъ умирая, — и та грамота будетъ съ нами на великомъ соборѣ».... Потомъ Кипріанъ снова обращается къ самому себѣ и говоритъ: «какую вину нашелъ во мнѣ князь великій? Чѣмъ я виноватъ предъ нимъ и его отчизною? Я ѣхалъ къ нему благословить его, и княгиню его, и дѣтей его, и бояръ его, и всю отчину его, и жить съ нимъ въ своей митрополіи, какъ жили мои братья съ его отцемъ и дѣдомъ, великими князьями, а еще хотѣлъ дарить его честными дарами. Винитъ меня въ томъ, что я прежде былъ въ Литвѣ: но какое зло сдѣлалъ я, находясь тамъ? Если я былъ въ Литвѣ, то многихъ христіанъ освободилъ отъ горькаго плѣна, многіе изъ ненавидящихъ Бога познали нами истиннаго Бога и пришли къ православной вѣрѣ чрезъ св. крещеніе. Ставилъ я св. церкви, утвердилъ христіанство, присоединилъ къ русской митрополіи мѣста церковныя, за давностію лѣтъ пришедшія въ опустѣніе. Новогродокъ литовскій давно отпалъ, а я возстановилъ его, и возобновилъ десятину митрополіи и села. Въ волынской землѣ сколько лѣтъ владимірская епископія

оставалась безъ владыки, въ запустѣніи, и я владыку поставилъ и мѣста исправилъ»....

Должно сказать, что въ посланіяхъ митрополита Кипріана еще мало замѣтны многорѣчіе и витіеватость; но они рѣзко бросаются въ глаза въ его историческомъ трудѣ—въ житіи св. Петра, митрополита кіевскаго и всея Россіи, напечатанномъ въ Степенной книгѣ (I, 410). Въ этомъ сочиненіи, которое авторъ основалъ на томъ, что слышалъ отъ «сказателей», онъ не только изображаетъ всю жизнь святителя отъ рожденія его до смерти, но и упоминаетъ о нѣкоторыхъ чудесахъ его по смерти и о причтеніи его къ лику святыхъ, а наконецъ расказываетъ уже съ меньшимъ многословіемъ, какъ и самъ удостоился чудесной помощи отъ угодника Божія. Приведемъ для примѣра этотъ послѣдній, лучшій отдѣлъ сочиненія. «Прежде сихъ лѣтъ, не знаю, какъ, ими же Богъ вѣсть судьбами,—говоритъ Кипріанъ,—и я, смиренный, возведенъ былъ на высокій престолъ митрополіи русской святѣйшимъ патріархомъ и дивнымъ Филоѳеемъ съ его священнымъ соборомъ. Но когда пришелъ я въ русскую землю, прилучилось мнѣ нѣчто противное по грѣхамъ моимъ. И съ наступленіемъ третьяго лѣта я опять устремился въ Царьградъ, и достигши туда послѣ многихъ трудовъ и искушеній, я надѣялся найдти нѣкое утѣшеніе, а нашелъ всякое нестроеніе въ царяхъ и патріархахъ. На патріаршемъ престолѣ сидѣлъ неправильно возведенный Макарій, безумный, который взошелъ на высокій патріаршій престолъ безъ соборнаго избранія и безъ указанія Св. Духа, а только по царскому хотѣнію. Между тѣмъ какъ прежде украшалъ престолъ великаго патріаршества вселенскаго святѣйшій и блаженный патріархъ Фило-

ѳей, который, поживъ довольно, добрѣ упасъ Христово стадо, подвизался противъ ереси Акиндиновой и Варлаамовой, разрушивъ ученіе ихъ своими поученіями, попралъ своими духовными словами и еретика Григорія, низложивъ до конца его ученіе, а самихъ еретиковъ предалъ проклятію, и многія книги написалъ на утвержденіе православнымъ, и слова похвальныя, и сложилъ каноны многоразличные. Сего-то патріарха, какъ святаго, великаго и дивнаго словомъ и дѣломъ, тогдашній царь не восхотѣлъ, а по оболганію и клеветѣ съ престола сводитъ и заключаетъ въ монастырь; по своему же нраву избираетъ нѣкоего Макарія, безумнаго и лишеннаго всякаго разума, и вопреки церковному уставу и преданію посаждаетъ мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ.... Но дивный Филоѳей, человѣкъ Божій, медоточивый языкъ, въ своемъ заточеніи и нестерпимыхъ болѣзняхъ непрестанно славословилъ и благодарилъ Бога и чрезъ лѣто уснулъ блаженнымъ сномъ.... Царь же, озлобившій его, потерялъ свое царство; а Макарій, поставленный царемъ, соборнѣ низвергнутъ судомъ Божіимъ, какъ злословный, и посланъ въ заточеніе. На томъ соборѣ былъ и я вмѣстѣ съ другими святителями, равно какъ въ свиткѣ низверженія его и я подписался. Пробылъ я въ то время въ Константинополѣ тринадцать мѣсяцовъ. Нельзя мнѣ было выдти изъ него, потому что великое нестроеніе и нужда тяготѣли тогда надъ царствующимъ градомъ. Море было занято латинами, а земля и суша находились во власти безбожныхъ Турокъ. И когда я пребывалъ въ такомъ затворѣ, постигли меня нестерпимыя болѣзни, такъ что еле былъ живъ. Но, пришедши въ себя, я призвалъ на помощь св. святителя Петра, молясь къ нему: ,,рабе Божій и угодниче

Спасовъ! Знаю, что ты имѣешь великое дерзновеніе предъ Богомъ и можешь, если захочешь, помогать нападствуемымъ и больнымъ. Итакъ, если угодно тебѣ, чтобы я достигъ твоего престола и поклонился твоему гробу, даруй мнѣ помощь и облегченіе отъ болѣзни''.... Повѣрьте мнѣ, что съ того времени мои нестерпимыя болѣзни прекратились, и чрезъ нѣсколько дней я вышелъ изъ царствующаго града и, поспѣшеніемъ угодника Божія, пришелъ и поклонился его чудотворному гробу»....

Съ особенною похвалою отзывается лѣтописецъ о духовномъ завѣщаніи или «прощальной грамотѣ» митрополита Кипріана, которую написалъ онъ за четыре дня до своей кончины и которая, по приказанію его, была прочитана надъ его гробомъ ростовскимъ архіепископомъ Григоріемъ. Сказавъ предварительно о своей старости и умножающихся болѣзняхъ, которыя и заставили его написать эту грамату, митрополитъ начинаетъ ее слѣдующими словами: «прежде всего исповѣдую св. богопреданную апостольскую вѣру во св. Троицу и истиное благочестіе православія, и заповѣдую соблюдать цѣлыми и неизмѣнными всѣ свящ. апостольскія повелѣнія и преданія св. Божіей Церкви, какъ написано въ моемъ исповѣданіи, которое предалъ я вначалѣ, когда, по обычаю, рукоположенъ былъ во святителя».... Потомъ святитель преподаетъ послѣднее цѣлованіе, прощеніе и благословеніе—правовѣрнымъ царямъ, живымъ и скончавшимся послѣ его рукоположенія, святѣйшимъ патріархамъ и всѣмъ митрополитамъ, живымъ и умершимъ, благовѣрному великому князю всей Россіи Василію Димитріевичу съ его семействомъ, прочимъ великимъ князьямъ русскимъ и всѣмъ князьямъ удѣльнымъ;

всѣмъ русскимъ епископамъ, живымъ и умершимъ, и всему священническому и иноческому чину; князьямъ, великимъ и малымъ, прежде скончавшимся; боярамъ, великимъ и малымъ съ ихъ семействами, и всему христіанскому народу,—а отъ патріарховъ, митрополитовъ и епископовъ проситъ и себѣ взаимнаго благословенія и прощенія. Далѣе разрѣшаетъ всѣхъ, подвергшихся отъ него епитиміи, прощаетъ роптавшихъ на него или явно возстававшихъ, и благословляетъ тѣхъ, которые любили его и помогали ему въ нуждахъ и во время его путешествій въ чужія земли. Наконецъ, поручаетъ свою душу, домъ пресвятыя Богородицы и всѣхъ своихъ бояръ и слугъ великому князю Василію Димитріевичу и преподаетъ всѣмъ отъ Господа благодать, миръ, прощеніе и свое благословеніе. Въ концѣ граматы Кипріанъ приписалъ нѣсколько общихъ мыслей о скоротечности и суетности человѣческой жизни. Грамата эта, частію по новизнѣ своей,—такъ какъ прежде никто изъ митрополитовъ не писалъ такого завѣщанія,—а частію и потому, что во время чтенія ея надъ гробомъ Кипріановымъ многихъ привела въ слезы, могла показаться *чудною*, какъ названа она въ лѣтописяхъ, хотя не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго (256).

Въ лѣтописи Татищева (IV, 424) приписываются Кипріану еще нѣкоторые другіе ученые труды, и именно говорится: «книги своею рукою писаше, яко въ наставленіе душевное, преписа соборы, бывшія въ Руси, многія житія святыхъ русскихъ и степени великихъ князей русскихъ; иная же въ на-

(256) Напечатана—въ П. Собр. Р. Лѣт. V, 254; Ник. Лѣт. V, 3; Степ. кн. I, 559; Акт., относ. до юрид. быта Россіи, I, 543.

ставленіе плотское, яко правды и суды, и лѣтопись русскую отъ начала земли русскія вся по ряду, и многи книги къ тому собравъ, повелѣлъ архимандриту Игнатію спасскому докончати, яже и соблюдохъ». Но это свидѣтельство, во первыхъ, сомнительно: потому что неизвѣстно, откуда заимствовалъ его Татищевъ, и оно не подтверждается никакими другими лѣтописями и сказаніями. Выраженіе: *яже и соблюдохъ*, заставляющее предполагать въ свидѣтельствѣ слова современника Кипріанова, спасскаго архимандрита Игнатія, не есть ли одна изъ тѣхъ описокъ и ошибокъ, которыхъ такъ не мало въ Татищевской лѣтописи? А во вторыхъ, если и признать свидѣтельство достовѣрнымъ, оно крайне не ясно. Что значитъ слово *преписа*: то ли, что Кипріанъ только переписалъ сочиненія, изчисленныя въ свидѣтельствѣ, или и то, что нѣкоторыя изъ нихъ онъ самъ составилъ? На какомъ же основаніи по отношенію къ однимъ сочиненіямъ мы будемъ принимать это слово въ первомъ смыслѣ, а по отношенію къ другимъ въ послѣднемъ? Если скажемъ и должны сказать, что Кипріанъ собственно переписалъ дѣянія русскихъ соборовъ, бывшихъ прежде (нынѣ извѣстно дѣяніе одного изъ нихъ — владимірскаго 1274 г.), равно правды и суды, какъ догадываются, Русскую правду и судныя граматы князей: то почему же станемъ утверждать, что онъ не переписалъ только, а самъ составилъ степени русскихъ государей, многія житія русскихъ святыхъ (изъ которыхъ извѣстно нынѣ, какъ составленное Кипріаномъ, лишь одно—святителя Петра) и Русскую лѣтопись, доконченную архимандритомъ Игнатіемъ? Поэтому отнюдь не болѣе, какъ за догадку, можно принять мысль, что Кипріанъ составилъ Степенную книгу въ ея кратчайшемъ видѣ, или положилъ ей на-

чало, и что онъ написалъ, хотя не докончилъ, русскую лѣтопись, можетъ быть, и Троицкую, доведенную до 1408 года (257).

Отъ митрополита Фотія дошло до насъ гораздо болѣе сочиненій. Донынѣ извѣстны подъ его именемъ: восемь словъ или поученій, произнесенныхъ во храмѣ, двадцать девять посланій и граматъ и духовное завѣщаніе. Но, по всей вѣроятности, это не все, имъ написанное, какъ можно заключать изъ его собственныхъ свидѣтельствъ (258).

Изъ поученій митрополита Фотія пять написаны на дни праздничные и воскресные, именно: на день Благовѣщенія и на случившееся въ этотъ день освященіе походнаго храма, устроеннаго вел. княземъ Витовтомъ; на Срѣтеніе Господне; на недѣли — о блудномъ сынѣ, мясопустную и православія. Остальныя три, изъ которыхъ впрочемъ одно служитъ только повтореніемъ или сокращеніемъ другаго, написаны по случаю современныхъ народныхъ бѣдствій: бездождія, моровой язвы и вообще казней Божіихъ (259).

(257) Снес. Словар. Дух. писат. Русск. *Евгенія*, II, 321; Приб. къ Тв. Св. Отц. VI, 351—356; Ист. Русск. Слов. *Шевыр*. II, 176.

(258) Такъ, въ словѣ на недѣлю о блудномъ сынѣ онъ говоритъ: „сихъ ради убо всѣхъ, възлюбленніи, по долъгу духовнаго ми настоятельства *часто* о сихъ всѣхъ слово возвожу и глаголю вашей любви" (Прав. Собесѣдн. 1860, декаб., 499). Въ посланіи въ Кіевопечерскій монастырь упоминаетъ объ одномъ словѣ своемъ, сказанномъ тамъ „во прешедшихъ лѣтѣхъ" (Доп. къ Акт. Ист. I, 315). А въ посланіи къ Псковичамъ 1426 г. напоминаетъ имъ, какъ онъ еще „ прежде *многъ кратъ* и пространно словесъми духовными и учительными" писалъ къ нимъ о пользѣ духовной (Акт. Ист. I, 58, снес. стр. 40).

(259) Слово на Благовѣщеніе напеч. въ Доп. къ Акт. Ист. I, № 182; слѣдующія четыре слова недавно изданы въ Правосл. Собесѣдн. 1860, II, 453; III, 97. 222. 35 и 481. Два слова о казняхъ Божіихъ напеч. такъ же въ Правосл. Собесѣдн. 1861, II, 181. 303. Замѣчаніе о третьемъ такомъ же словѣ смотр. въ Дополн. къ Акт. Ист. I, примѣч. стр. 14. Одно изъ этихъ трехъ словъ, какъ обозначено въ заглавіи его, было произнесено проповѣдникомъ *многократно*.

Въ словѣ на Благовѣщеніе Господне можно различать четыре части. Въ первой Фотій изображаетъ сначала торжественность праздника Благовѣщенія самыми общими и неопредѣленными чертами, по мѣстамъ повторяя однѣ и тѣже мысли; потомъ приглашаетъ ублажать и воспѣвать Пресв. Дѣву Богородицу; наконецъ разсказываетъ о чудѣ Ея, послужившемъ поводомъ къ составленію Ей акаѳиста, т. е. о событіи, вовсе не относящемся къ Благовѣщенію. Во второй части, упомянувъ о новоосвященномъ храмѣ, подробно наставляетъ христіанъ, какъ имъ присутствовать во храмѣ, молиться Богу и исповѣдывать грѣхи свои предъ отцами духовными. Въ третьей учитъ самихъ священниковъ новоосвященной церкви прилично вести себя въ ней и заботиться о врученномъ имъ духовномъ стадѣ. Въ четвертой обращается къ князьямъ и воинамъ, напоминаетъ имъ объ обѣтахъ крещенія, и какъ храмъ созданъ былъ во имя честнаго и животворящаго креста, разсказываетъ о явленіи креста Константину Великому и о громоносномъ легіонѣ христіанъ, по молитвамъ котораго Римляне во дни Марка Аврелія одержали побѣду надъ варварами, хотя послѣдній случай прямо не относится къ дѣлу. Вообще слово очень растянуто и многорѣчиво, не отличается ни силою, ни послѣдовательностію мыслей, не чуждо повтореній, написано языкомъ крайне неправильнымъ и темнымъ. Чтобы сколько нибудь познакомиться съ этимъ словомъ, приведемъ изъ него отрывокъ о стояніи въ церкви, который намъ представляется лучшимъ: «смотрите, какъ входить вамъ въ церковь, со всякимъ испытаніемъ своей совѣсти и чистоты и съ устраненіемъ себя отъ всякихъ временныхъ помышленій. Вспоминайте о трапезѣ сей, что въ ней находится и кто возлежитъ

въ ней. Возлежитъ не земной царь, но Царь небесный и Царь царствующихъ, а вокругъ Него со страхомъ обстоятъ ангелы и архангелы, многоочитые херувимы и серафимы. Итакъ, непрестанно помышляйте, чье это жилище, да не вносите въ это земное небо чего либо неподобнаго, безгодныхъ торжищь, мерзкихъ знаній, совѣщаній на зло и осужденіе брата.... Ибо Церковь существуетъ не для того, чтобы мы, сходясь въ нее, разговаривали о неподобномъ, но чтобы мы молились съ ангелами и ликовствовали, исповѣдуя каждый грѣхи свои. Ей, убойтесь самаго Господа, сказавшаго Іудеямъ: домъ мой домъ молитвы есть, вы же сотвористе его пещеру разбойниковъ (Лук. 19, 46). Знаете, какъ Онъ древле, вошедши во святилище и узрѣвъ купующихъ и продающихъ, сотворилъ бичь и со стыдомъ изгналъ всѣхъ. Но тогда совершались приношенія ветхозавѣтныя, закалаемы были безсловесныя животныя; а нынѣ на сей трапезѣ закалается самъ Христосъ, Сынъ Божій, давшій себя за насъ, и возлагается животворящее Его тѣло и пречистая кровь; вокругъ же все наполняется архангельскими и ангельскими пѣснопѣніями вмѣстѣ съ человѣческими, и евангельскими благовѣствованіями, и апостольскими преданіями, и отеческими ученіями. Для сего-то и сооружена сія святая Божія церковь отъ Промысла Божія, насъ назирающаго....., чтобы мы, приходя въ сію духовную и божественную баню, покаяніемъ и слезами омывали скверны тѣлесныя и получали разрѣшеніе отъ грѣховъ. Посему молю васъ, чада мои, притекайте сюда съ бодростію и со страхомъ къ слушанію божественныхъ заповѣдей, къ славословію и чтенію церковному, устремляя умъ къ единому Богу и устраняя себя отъ всего мірскаго».....

Въ словѣ на Срѣтеніе Господне — двѣ части. Въ первой проповѣдникъ говоритъ о предметѣ праздника и восхваляетъ св. старца-Сумеона; во второй преподаетъ наставленія святителямъ и священникамъ, князьямъ и боярамъ, наконецъ всѣмъ сущимъ подъ властію—«среднимъ и убогимъ». Излагая празднуемое событіе на основаніи Евангелія, проповѣдникъ дѣлаетъ и свои замѣчанія, но большею частію общія, которыя могли бы быть повторены и въ другіе Господніе праздники. Напримѣръ: « сіе Отроча поютъ ангелы, его трепещутъ власти, славятъ силы; ему работаетъ солнце, ради человѣка поставленное, ему служитъ луна, его слушаютъ стихіи, ему покаряются источники. И, узрѣвъ сіе Отроча, двери адовы затворились, а небесныя двери отверзлись. Сіе Отроча, при видѣ котораго вострепеталъ адъ, упразднило смерть, посрамило діавола, разрушило клятву, утолило скорбь, сокрушило змія-губителя, разрушило средостѣніе, раздрало лукавое рукописаніе, попрало грѣхъ, упразднило лесть, возставило тварь, спасло нашего праотца, воздвигло Еву, призвало язычниковъ, просвѣтило міръ». Св. Сумеонъ богопріимецъ изображается слѣдующими чертами: «этотъ блаженный Божій человѣкъ Сумеонъ, по видимому, былъ человѣкъ, но, по разумѣваемому, былъ выше человѣка, — человѣкъ существомъ и естествомъ, но добродѣтелію ангелъ; человѣкъ, имѣвшій пребываніе чувственно въ дольнемъ Іерусалимѣ, а мысленно въ горнемъ іерусалимѣ; человѣкъ, пребывавшій плотію съ человѣками, а духомъ ликовавшій съ ангелами. Онъ даже какбы выше и ангеловъ: потому что болѣе ихъ удостоился видѣть Невидимаго, и не только видѣть, но, что еще важнѣе и преславнѣе, воспріять на свои руки». Въ своихъ наставленіяхъ святителямъ и свя-

щенникамъ митрополитъ Фотій относитъ къ нимъ слова Спасителя: вы есте свѣтъ міру, вы есте соль земли, приводитъ изреченіе св. Діонисія ареопагита: «достоитъ господню священнику свѣту быти и тако просвѣщати, чисту быти и тако очищати, святу быти и тако освящати»;—показываетъ высокое значеніе и тяжкую отвѣтственность священнаго сана и, между прочимъ, дѣлаетъ замѣчаніе: «о семъ убо, о настоятеліе духовніи, въкратцѣ *часто* слово изношу любви вашей». Князей и вельможъ убѣждаетъ имѣть попеченіе объ убогихъ, миловать сира и вдовицу, защищать обидимыхъ, питать взаимную любовь и творить судъ праведный. Сущимъ подъ властію заповѣдуетъ стяжать несомнѣнную вѣру въ Бога и оказывать всякую покорность своимъ властителямъ.

Въ словѣ или, вѣрнѣе, въ бесѣдѣ на недѣлю блуднаго сына, послѣ общихъ предварительныхъ соображеній о томъ, какъ Богъ долготерпѣливъ и милостивъ ко всѣмъ людямъ, въ особенности къ грѣшникамъ, какъ Онъ щадитъ иногда предковъ ради имѣющихъ произойти отъ нихъ потомковъ и какъ Онъ скоръ къ помилованію обращающихся къ Нему, митрополитъ Фотій изъясняетъ по порядку евангельскую притчу о блудномъ сынѣ. Главная мысль толкователя та, что человѣкъ, имѣвшій у себя двухъ сыновъ, есть Богъ, старшій сынъ его—праведники, а младшій — грѣшники. Соотвѣтственно этой главной мысли сдѣланы и частнѣйшія изъясненія всѣхъ подробностей притчи болѣе или менѣе удачно. Напримѣръ: «и, расточившу ему (младшему сыну) вся, бысть гладъ крѣпокъ въ земли той, и начатъ лишатися. Все благое восприялъ грѣшникъ отъ Бога и былъ во всякой нищетѣ; а работающіе Богу питаются отъ Его божественныхъ словъ.

Такъ, работающіе Господу ядятъ благая, а работающіе грѣху алчутъ и терпятъ лишенія и гладъ,—гладъ не только хлѣба и воды, но гладъ отъ того, что они не насыщаются отъ трапезы Божія слова. Гдѣ нѣтъ страха и закона Божія, тамъ гладъ великъ: ибо начало нашего спасенія есть страхъ Божій, а корень всего добраго въ насъ—законъ Божій. Гдѣ нѣтъ милости, любви и правды, тамъ гладъ крѣпокъ. Гдѣ не рождаются пшеница цуломудрія и грозды чистоты, тамъ гладъ крѣпокъ. Гдѣ изобиліе лукавыхъ дѣлъ, тамъ оскудѣніе и нищета добродѣтелей и благихъ дѣлъ. Впрочемъ для согрѣшившаго человѣка не вдругъ настаетъ гладъ, а тогда, когда онъ замедлитъ во грѣхахъ и истощитъ богатство всѣхъ своихъ добродѣтелей». Въ концѣ своей бесѣды проповѣдникъ приглашаетъ слушателей къ покаянію преимущественно двумя мыслями: мыслію о современныхъ бѣдствіяхъ и господствовавшею мыслію вѣка — о близости кончины міра: «вы слышите и видите, какъ повсюду Богъ нещадно попустилъ на насъ праведный гнѣвъ свой, видите безчисленную смертность людей и запустѣніе жилищъ нашихъ. Посему, возлюбленные, съ духовнымъ усердіемъ молю вашу любовь, придите въ покаяніе истины, удалите себя отъ злобы и отъ всякаго лукавства и сопротивныхъ дѣлъ, отъ всякой лѣности и небреженія, ради которыхъ належитъ на насъ гнѣвъ Божій; постарайтесь обратиться отъ всякаго заблужденія и помраченія и отъ всякихъ скверпъ, плотскихъ и духовныхъ, и обновить себя во всемъ покаяніемъ и исповѣданіемъ цѣломудреннымъ. Вотъ, любимые, приближается конецъ лѣтамъ живота человѣческаго, какъ сѣни преходящей, и приспѣваетъ послѣдній день. Если и подъ конецъ не обратимся чистымъ и цѣломудреннымъ покаяніемъ во

всемъ, то что будемъ отвѣчать грозному и страшному и немздоимному Судіи, проведши жизнь во злѣ и небреженіи и не внимая никакимъ наказаніямъ Божіимъ»?

Слово въ недѣлю мясопустную святитель начинаетъ такъ: «древле божественные пророки богодухновенно предсказали о страшномъ и второмъ пришествіи Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа; такъ же и блаженные апостолы и богоносные отцы изложили божественнымъ, небеснымъ языкомъ евангельское ученіе отъ божественной премудрости. Потому, возлюбленные, хочу и я нынѣ предложить о семъ слово любви вашей. Ибо многіе отъ небрежнаго унынія впадаютъ во множество грѣховъ и изнеможеніе, и, помышляя о человѣколюбіи Божіемъ, говорятъ: нѣтъ геенны огненной и нѣтъ муки, Богъ проститъ намъ всѣ согрѣшенія. Но ихъ вразумляютъ святые, вдохновенные отъ Бога. Что всѣ мы воспріимемъ по заслугамъ, послушай пророка Іезекіиля, вѣщающаго отъ лица Божія: въ чемъ тя обрящу, въ томъ тя сужю. И Давидъ говоритъ: яко ты воздаси комуждо по дѣломъ его (Пс. 61, 73). И Павелъ тоже сказалъ: воздаси комуждо по дѣломъ его (Рим. 2, 6)». Послѣ такого вступленія проповѣдникъ сначала изображаетъ послѣдній судъ общими чертами, какъ онъ будетъ страшенъ, какъ откроются на немъ всѣ наши дѣла, какъ грозенъ и нелицепріятенъ будетъ Судія, какія тяжкія, нескончаемыя муки ожидаютъ грѣшниковъ, и неразъ призываетъ своихъ слушателей къ покаянію. За тѣмъ, въ частности, обращаетъ вниманіе на слова самаго Спасителя о второмъ его пришествіи и всемірномъ судѣ (Матѳ. 25, 31 и слѣд.). При этомъ показываетъ различіе втораго пришествія Спасителя отъ перваго: «первое пришествіе, возлюбленніи, было, когда Онъ прихо-

дилъ на землю, чтобы спасти насъ, въ смиреніи и нищетѣ, въ безчестіи и поруганіи и въ поношеніи, а о второмъ пришествіи сказано: егда пріидетъ во славѣ своей, т. е. пріидетъ съ славою и силою, копьеносимый ангелами, предстоящими Ему со страхомъ и трепетомъ». Объясняетъ, почему праведники названы овцами, а грѣшники козлищами: «овцами называетъ (Спаситель) святыхъ ради кроткаго, смиреннаго и незлобиваго ихъ житія и потому, что какъ овцы даютъ вбл-ну, такъ и святые даютъ намъ плодъ и пользу, т. е. божественный и духовный покровъ, и напояютъ насъ млекомъ, подавая душамъ нашимъ пригодную пищу, полезную и спасительную. А козлищами называетъ грѣшныхъ потому, что они идутъ къ стремнинамъ на беззаконіе и на пропасти, и такъ же безчинны и неплодны, какъ козлища». Раскрываетъ мысль, почему праведники получатъ награды, именно за дѣла милосердія, а грѣшники—наказаніе за несовершеніе этихъ дѣлъ: «праведный и милостивый наслѣдуетъ царство потому, что онъ исполнилъ любовь, которая есть главизна всѣхъ добродѣтелей, а часть любви есть милостыня. Немилостивый же хищникъ и неправедникъ отсылается въ огнь, потому что стяжалъ ненависть, главизну всѣхъ золъ, а часть ненависти есть немилосердіе»... Въ заключеніе проповѣдникъ старается возбудить своихъ слушателей къ покаянію, съ одной стороны, указаніемъ на современныя бѣдствія,—при чемъ довольно подробно излагаетъ ученіе, что бѣдствія посылаются на насъ за наши грѣхи и для нашего исправленія, а съ другой—напоминаніемъ о приближающемся постѣ, какъ времени покаянія и спасенія.

Слово Фотія въ недѣлю православія очень обширное, много-

сложное и очень неудачное. Въ первой, вступительной части, хотя она вовсе не служитъ вступленіемъ къ послѣдующей рѣчи, авторъ говоритъ о томъ, что великое благо есть постъ и молитва, если только мы благодаримъ Бога за все, получаемъ ли отъ Него просимое или не получаемъ; что Богъ иногда не внемлетъ намъ, когда мы просимъ о неполезномъ, какъ не внялъ нѣкогда даже св. Павлу, Моvсею и другимъ пророкамъ; что мы должны всегда молиться и непрестанно призывать Господа Іисуса, а особенно во дни святаго поста; что постъ есть лѣствица на высоту добродѣтелей, и что мы не должны останавливаться на первой ступени, а должны пройти и всѣ остальныя, т. е. подвизаться не только первую недѣлю, но и всѣ послѣдующія. Во второй части представляетъ краткую исторію иконоборства и происхожденіе торжества православія, призываетъ благословлять и ублажать благочестивыхъ царей и божественныхъ отцевъ, подвизавшихся за православную вѣру, анаѳематствовать еретиковъ и твердо сохранять всѣ церковныя преданія, писанныя и неписанныя: «всѣ держащіеся ея (Церкви) должны мудрствовать такъ, какъ предали божественные апостолы и какъ, пріявъ отъ нихъ, утвердили и живописали св. отцы: то есть вѣра апостольская, то вѣра отеческая, то вѣра православная, та вѣра утвердила вселенную». Въ третьей части снова ведетъ рѣчь о постѣ, убѣждая къ строгому прохожденію св. четыредесятницы, и говоритъ, что несоблюденіе поста Адамомъ было причиною его погибели, что Христосъ постился сорокъ дней, Моvсей—сорокъ, Илія и Даніилъ—тоже, что апостолы узаконили четыредесятницу, а св. отцы предали православнымъ; повторяетъ мысль, что постъ есть лѣствица на высоту добро-

дѣтелей: «постъ есть поновленіе души и цѣломудріе житія; постъ хранитъ младенца, цѣломудритъ юныхъ, благоукрашаетъ старцевъ; постъ очищеніе и освященіе душѣ и тѣлу; постъ приближеніе къ Богу и лику ангельскому». Въ четвертой части обращается къ князьямъ и вельможамъ, убогимъ и нищимъ, повторяетъ имъ тѣже наставленія, какія преподалъ въ словѣ на Срѣтеніе Господне, и умоляетъ всѣхъ притекать со слезами покаянія къ духовнымъ врачамъ и открывать имъ, безъ всякаго стыденія, всѣ свои грѣхи, напоминая о будущемъ судѣ, о неизвѣстности смерти, о грозномъ Судіи, о вѣчныхъ мученіяхъ. Пятая часть, самая обширная, есть собственно сокращеніе окружнаго посланія митрополита Фотія ко всему священническому и иноческому чину, которое мы разсмотримъ въ своемъ мѣстѣ, какъ сознается и самъ проповѣдникъ въ самомъ началѣ, говоря: «вамъ же, о Господни священницы, по бо̀льшемъ первомъ наказаніи, вмалѣ нынѣ наказаніе вашей любви предлагаю». Здѣсь повторяются тѣже самыя наставленія, нерѣдко тѣми же самыми словами, о важности и отвѣтственности священнаго сана, объ обязанностяхъ пастырей къ самимъ себѣ и къ паствѣ, какъ приготовляться къ совершенію литургіи и какъ блюсти себя послѣ и проч. и проч. Здѣсь встрѣчаемъ и тѣ мысли, то изреченіе св. Діонисія ареопагита и другіе уроки священникамъ, какіе читали мы уже въ словѣ на Срѣтеніе Господне. Въ заключеніе проповѣдникъ умоляетъ всѣхъ своихъ слушателей, и священниковъ и вообще православныхъ, воспользоваться настоящимъ временемъ поста, очистить свою совѣсть покаяніемъ и такимъ образомъ приготовить себя къ срѣтенію свѣтоноснаго праздника Воскресенія Христова.

Считая излишнимъ разсматривать остальныя слова митрополита Фотія, очень похожія во всемъ на только-что разсмотрѣнныя нами, переходимъ къ его посланіямъ и граматамъ. Эти посланія и граматы двухъ родовъ: окружныя, т. е. обращенныя ко всему духовенству или ко всѣмъ христіанамъ русской Церкви, и неокружныя, адресованныя только въ извѣстныя мѣста и къ извѣстнымъ лицамъ. Тѣ и другія или содержатъ въ себѣ наставленія въ истинахъ вѣры, нравственности и благочинія христіанскаго, или трактуютъ о современныхъ событіяхъ: о раздѣленіи и возсоединеніи русской митрополіи, противъ ереси стригольниковъ и противъ разныхъ другихъ безпорядковъ въ церкви ([260]). Мы остановимся только на немногихъ изъ этихъ посланій и граматъ содержанія не юридическаго, которыя не были нами разсмотрѣны прежде.

Въ окружномъ своемъ посланіи ко всему священническому и иноческому чину ([261]) Фотій—въ первой части говоритъ о важности и тяжкой отвѣтственности священническаго сана; во второй излагаетъ обязанности духовныхъ пастырей по отношенію къ самимъ себѣ, къ паствѣ, храму и богослуженію; въ третьей преподаетъ правила противъ незаконныхъ браковъ, касательно постовъ, исповѣди, поста въ среды и пятки, крещенія дѣтей и елеосвященія. Это посланіе, не смотря на растянутость, повторенія и темноту, обычныя въ сочиненіяхъ

([260]) Большая часть этихъ посланій и граматъ напечатаны въ Акт. Эксп. т. I, въ Акт. Ист. т. I, въ Дополн. къ Акт. Ист. т. I, въ П. Собр. Р. Лѣт. IV, 116, въ Ник. Лѣт. V, 65. Заглавія другихъ, еще не напечатанныхъ, показаны въ Дополн. къ Акт. Ист. I, примѣч. стр. 14—15; въ Опис. Румянц. Муз. стр 272. 273; въ Опис. рукоп. Моск. Сѵнодал. библ. кн. IV, 755.

([261]) Дополн. къ Акт. Ист. I, № 181.

Фотія, принадлежитъ къ лучшимъ его посланіямъ. Вотъ нѣкоторыя наставленія его пастырямъ: «разумѣйте, о священники Господни, каковы должны быть мы. Мы должны, какъ говоритъ великій Діонисій, облечься во всякую добродѣтельную силу, учительную, словомъ и дѣломъ подвизаясь во всякой добродѣтели и возводя къ ней людей Господнихъ: достоитъ бо, сказалъ онъ, быти Господню священнику чисту и тако очищати, свѣту быти и тако просвѣщати, святу быти и тако освящати. И къ намъ же относится высшее слово: вы есте свѣтъ міра, вы есте соль земли; аще же соль обуяетъ, чимъ осолится (Матѳ. 5, 13. 14). Разумѣйте же, священники Господни, какъ долженъ быть чистъ и добродѣтеленъ священникъ Господень, быть образомъ для всѣхъ, пріявъ такую Божію благодать и власть, быть подражателемъ совершенствъ Владыки Христа, по благовѣстію Его: будете совершени, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть (Матѳ. 5, 48). Посему, священники Господни, да искушаемъ себя каждый, съ какимъ страхомъ и трепетомъ мы должны содержать санъ великаго Божія священства, которое и самимъ ангеламъ ужасно и недостижимо. Нерадящіе о семъ, какъ уничижающіе божественное и нерадивые рабы, подлежатъ вѣчному осужденію, по великому Христову евангельскому слову: рабъ вѣдѣвый волю господина своего.... біенъ будетъ много (Лук. 12, 47). Итакъ, о священники Господни, заботливо внимайте и о Христовой паствѣ, зная, что если отстанетъ одна овца и будетъ похищена звѣремъ по нашему небреженію, то кровь ея истяжетъ праведный Судія отъ рукъ нашихъ. Молю васъ и о томъ, чтобы вы истрезвились, умѣряя себя во всемъ, чтобы проповѣдывали евангельское

ученіе истинное, блюли себя по апостольскимъ и отеческимъ преданіямъ и пасли паству Христову, и отвергали отъ себя всякую нечистоту и попеченіе и пьянство, помня слово божественнаго Павла: піаницы царствія божія не наслѣдятъ (1 Кор. 6, 10)».

Два посланія Фотія въ Кіевопечерскій монастырь довольно сходны между собою (262). Въ томъ и другомъ митрополитъ напоминаетъ братіи о древнихъ великихъ подвижникахъ и ихъ правилахъ, такъ же объ Антоніѣ и Өеодосіѣ печерскихъ, и заповѣдуетъ подражать ихъ жизни. Но первое посланіе гораздо обширнѣе послѣдняго Кромѣ того, въ первомъ посланіи святитель возстаетъ противъ нетрезвенной жизни нѣкоторыхъ иноковъ, повторяетъ мысли о важности священства, изложенныя въ окружномъ посланіи его ко всему духовному чину, и внушаетъ всѣмъ миръ и любовь; а во второмъ—упоминаетъ о бывшемъ раздѣленіи и послѣдовавшемъ соединеніи русской Церкви, учитъ уподобляться пяти дѣвамъ мудрымъ въ евангельской притчѣ и, по случаю казней Божіихъ, поражавшихъ тогда Россію, призываетъ всѣхъ къ самоиспытанію и исправленію жизни. Вотъ нѣсколько наставленій изъ перваго посланія: «и о семъ пишу вашему иночеству, да будетъ во всемъ вашемъ сожительствѣ всякое духовное согласіе и духовная любовь. Вы знаете заповѣдь самаго великаго нашего пастыря Христа, данную св. апостоламъ, о любви: о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою. Единымъ миромъ божественные апостолы про-

(262) Напечатаны въ Дополн. къ Акт. Ист. I, № 180. Заглавіе третьяго, не напечатаннаго, см. тамъ же въ примѣч. стр. 15.

свѣтили всю вселенную и привели къ богопознанію. И божественные отцы были преемниками мира: такъ какъ Христосъ самъ есть миръ и истина. А вражда отъ сопротивнаго, и всѣми таковыми коварствами занимаетъ насъ нашъ супостатъ. Онъ искони ратуетъ враждою на человѣка, и какъ ржа снѣдаетъ желѣзо, такъ вражда отъ сопротивнаго отъемлетъ человѣческую добродѣтель, или ближе, какъ нѣкая птица ударяетъ въ дерево и оттого все дерево сгниваетъ, такъ и братоненавидѣніе погубляетъ всю добродѣтель человѣческую.... Молю вашу любовь, чтобы вы, по примѣру божественныхъ отцевъ, стяжали всякіе подвиги духовные и показали всякое духовное наслѣдство этихъ великихъ настоятелей духовныхъ, создателей сея честныя обители, за труды которыхъ Господь столько прославилъ вашу св. обитель.... Ибо отъ вѣры и отъ дѣлъ оправдывается человѣкъ и дѣлается наслѣдникомъ царствія небеснаго.... По мѣрѣ подвиговъ и трудовъ духовныхъ раздаются вѣнцы отъ мздовоздаятеля Христа, и потому молю васъ во всемъ соблюсти свое исповѣданіе и въ чистой и нескверной ризѣ представить душу свою своему Владыкѣ». Во второмъ посланіи относительно казней Божіихъ митрополитъ говоритъ слѣдующее: «когда я слышалъ о страшныхъ прещеніяхъ Владыки, обнаруживавшихся здѣсь лютыми болѣзнями и моромъ,—то, одинъ Богъ вѣдаетъ, какъ, слыша это, я изливался слезами предъ Богомъ, имѣя неусыпное попеченіе о Христовой паствѣ. И мы должны знать, чада моя, каковы мы были и что значатъ постигающія насъ бѣдствія. Всякому возрасту и роду нужно знать это и разсматривать себя въ самосудительныхъ своихъ совѣстяхъ. Рабы и свободные, простые люди и воины, владѣльцы и находящіеся подъ властію, мужи

и дѣти, старцы и юноши, священники и святители, вельможи и князья—всѣ войдемъ въ свои совѣсти и испытаемъ себя, не уклонились ли мы отъ пути праваго и не содѣлались ли непотребными по грѣхамъ своимъ и нечестію. За сіе-то и постигаютъ насъ таковыя праведныя прещенія, которыми Господь Богъ желаетъ перемѣнить естество наше и возвесть его въ первое достоинство, наказуетъ насъ временно, да не построждемъ вѣчно. Посему молю вашу любовь, будемъ всегда возвышать гласы моленія нашего, вмѣстѣ съ очистительными душами, къ могущему спасти насъ Господу, предваряя гнѣвъ Его обращеніемъ. Постараемся снова возвратиться на путь правый, да увидимъ общаго Владыку, премѣняющагося отъ гнѣва и ярости на всякую милость». Нельзя не замѣтить, что оба посланія въ Кіевопечерскій монастырь написаны Фотіемъ въ самомъ Кіевѣ: потому что въ обоихъ святитель выражается: «пріидохъ къ вашей любви», чтобы преподать вамъ духовное наставленіе. Но, судя по началу посланій и потому, что въ обоихъ онъ неразъ повторяетъ: «пишу вамъ», надобно заключать, что они не были произнесены имъ самимъ, а были прочитаны братіи кѣмъ либо по его порученію и отъ его имени.

Въ посланіи къ Литовцамъ православнымъ ([263]) Фотій, упомянувъ о совершившемся возсоединеніи русской митрополіи, говоритъ, что онъ съ теплою любовію духовною пришелъ къ ихъ любви, чтобы сѣять между ними сѣмя слова Божія, объясняетъ притчу «о человѣкѣ царѣ, состязавшемся о словеси съ рабы своими», прилагаетъ ее къ тѣмъ страш-

([263]) Дополн. къ Акт. Ист. I, № 183.

нымъ казнямъ Божіимъ, которыя тогда поражали Литву и всю Россію, убѣждаетъ всѣхъ покаяться и исправиться, угрожая гнѣвомъ Божіимъ, и въ частности даетъ наставленія князьямъ, вельможамъ, богатымъ и проч. «Вы же, благородные князи и вельможи, которымъ врученъ народъ христіанскій, молю васъ, непрестанно, оказывайте всякое благодѣяніе, и заступленіе, и помощь Христовымъ людямъ, по природѣ родственной вамъ и присной братіи, отъ которыхъ и вы сами.... И за нихъ Христосъ пролилъ кровь свою, а васъ поставилъ надъ ними владѣльцами. Посему умоляю васъ, чада мои, призирать и блюсти ихъ, въ соблюденіе заповѣдей Христовыхъ, и во всемъ содержать нелицемѣрный судъ Божіей правды.... Имъже судомъ судите, судится вамъ; въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ. Такъ, чада мои, немилостивымъ владѣльцамъ предлежитъ тяжкій судъ, державныхъ и сильнѣйшихъ ожидаетъ грозное испытаніе отъ праведнаго Судіи. Ибо какъ правосудіе, такъ и правомѣріе любитъ Богъ, будучи праведенъ и промышляя о праведныхъ.... Въ постановленіяхъ касательно торжищъ не дѣлайте ничего вопреки правды Божіей и узаконеннаго вамъ, не обижайте и не корыстуйтесь излишнимъ несправедливо на счетъ братіи вашей. Ибо неправильно собранное злѣ погибнетъ и пріобрящетъ вамъ вѣчную душевную тщету; а сѣющіе съ благословеніемъ, съ благословеніемъ и пожнутъ, и въ тишинѣ снѣдятъ труды плодовъ своихъ. Итакъ, молю васъ, будьте довольны оброками вашими.... Богатые, всячески стяжите милосердіе и человѣколюбіе и оказывайте нищимъ щедрое подаяніе.... Самъ Богъ убожитъ и богатитъ, смиряетъ и возноситъ, возводитъ отъ земли убогаго и воздвизаетъ отъ гноища нищаго».

Къ числу лучшихъ посланій Фотія принадлежитъ написанное имъ въ Псковъ по случаю моровой язвы ([264]). «Изначала,— пишетъ митрополитъ,—Творецъ нашъ Христосъ Владыка наказываетъ насъ, свое достояніе, многоразличными наказаніями и болѣзнями къ нашему исправленію, требуя обращенія нашего, а не погибели. Посему многократно всячески претитъ намъ, щадя корень, да сохранитъ плоды. Вотъ и на насъ, возлюбленные, послѣдовало такое Божіе наказаніе, на Москву и на иные окрестные грады, и на Тверь, и на другія страны. Мы за то только благодаримъ глубину судебъ Божіихъ и неизреченную пучину человѣколюбія Господа, что Онъ не внезапно и не горько взимаетъ свои созданія, а даетъ вполнѣ приготовляться къ христіанской кончинѣ съ чистымъ покаяніемъ и исповѣданіемъ, съ елеосвященіемъ и причащеніемъ честнаго животворящаго Христова тѣла и божественныя и животворящія Его крови; а многіе отходятъ къ Богу и въ подобіи великаго ангельскаго одѣянія. И я имѣю надежду на человѣколюбіе Божіе объ отходящихъ такимъ образомъ къ вѣчному животу. Молюсь также человѣколюбцу Богу и надѣюсь, ожидая, что Онъ праведный гнѣвъ свой обратитъ въ прежнее милосердіе къ намъ, своему достоянію. Страшась же и трепеща постигшихъ насъ Владычнихъ наказаній, всѣ мы, православные, вмѣстѣ должны внимательно испытать себя и познать, за что мы такъ страдаемъ, и не уклонились ли съ праваго пути. А за тѣмъ со слезами да потщимся снова вступить на правый путь, прибѣгнемъ къ Богу, чистосердечно исповѣдуясь Ему во всемъ, и отступимъ отъ всѣхъ не-

([264]) Акт. Ист. I, № 30.

чистотъ и страстей».... Послѣ этого святитель преподаетъ краткія наставленія священникамъ и инокамъ, посадникамъ, властителямъ и нарочитымъ града, приличныя ихъ званію.

Духовное завѣщаніе митрополита Фотія раздѣляется на двѣ половины. Въ первой—онъ бросаетъ взглядъ на свою протекшую жизнь, съ любовію вспоминаетъ о лѣтахъ своей молодости, которыя провелъ въ пустынѣ подъ руководствомъ блаж. старца Акакія, говоритъ о своемъ внезапномъ и почти невольномъ возведеніи въ санъ митрополита русскаго и перечисляетъ тѣ скорби, какія испыталъ въ Россіи впродолженіе своего архипастырства. Во второй части, исповѣдавъ кратко православную вѣру, прощается съ греческими царями и русскими князьями, живыми и умершими, съ митрополитами, архіепископами и епископами и со всѣми православными духовнаго и мірскаго чина, благодаритъ тѣхъ, которые любили его—своего архипастыря, и оказывали ему пособія въ жизни, прощаетъ и разрѣшаетъ всѣхъ оскорблявшихъ его и подвергшихся его запрещенію, поручаетъ свое митрополичье достояніе, бояръ и слугъ великому князю и его супругѣ, и еще разъ преподаетъ всѣмъ конечное цѣлованіе, прощеніе и благословеніе. Эта послѣдняя часть, которая и есть собственно завѣщаніе, дѣйствительно составлена по образцу завѣщанія Кипріанова, хотя содержитъ въ себѣ болѣе подробностей ([265]).

Всѣ сочиненія митрополита Фотія показываютъ, что онъ былъ пастырь образованный и хорошо знакомый съ канонами и установленіями православной Церкви, пастырь въ высшей степени попечительный и ревностный, принимавшій самое живое, сердечное

([265]) Напечат. въ П. Собр. Р. Лѣт. VI, 144; Ник. Лѣт. V, 100.

участіе въ своихъ пасомыхъ. Главное направленіе его сочиненій можно назвать учительнымъ, или еще точнѣе, нравственнымъ. Не только въ проповѣдяхъ, но и въ посланіяхъ и въ граматахъ, онъ болѣе всего старается учить духовныхъ чадъ и учить нравственности. Потому-то самыя его посланія не безъ основанія названы въ рукописяхъ поученіями. Но нельзя не сознаться, что сочиненія Фотія лишены силы и жизни, вялы и скучны. Видно, что они составлялись на-скоро и мало обработаны. Большая часть изъ нихъ скудны содержаніемъ. Мысли изложены въ нихъ крайне растянуто и многорѣчиво, часто безъ связи и послѣдовательности, и перепутаны вводными предложеніями. Авторъ нерѣдко повторяется и въ одномъ и томъ же, и въ разныхъ своихъ писаніяхъ. Чаще всего онъ любилъ бесѣдовать о трехъ предметахъ: о казняхъ Божіихъ, обязанностяхъ пастырей Церкви и скорой кончинѣ міра, которой тогда ожидали. Въ языкѣ русскомъ и славянскомъ, какъ самъ сознается, онъ не былъ искусенъ, и потому слогъ его сочиненій какой-то странный и неправильный, представляетъ не мало словъ, а еще болѣе сочетаній словъ, въ которыхъ трудно добиться смысла ([266]). Близкій переводъ этихъ сочиненій на русскій языкъ былъ бы труденъ, а по мѣстамъ и невозможенъ по неясности выраженій. Впрочемъ, и при такомъ переводѣ сочиненія ничего не пріобрѣли бы во внутреннемъ своемъ достоинствѣ. Драгоцѣнны они, какъ памятникъ пастырской дѣятельности первосвятителя, но имѣютъ мало цѣны, какъ памятникъ литературный.

([266]) Въ посланіи въ Кіевопечерскій монастырь Фотій писалъ: „незазрите убо смѣренію моему, яко неискусну ми сущю писанію вашему и языку“ (Доп. къ Акт. Истор. I, стр. 323).

Гораздо важнѣе въ послѣднемъ отношеніи сочиненія другаго нашего тогдашняго митрополита, совмѣстника Фотіева, Григорія Самвлака, состоящія изъ 22 словъ, трехъ историческихъ сказаній о святыхъ, одной полемической статьи противъ латинянъ и одного богослужебнаго стиха на Успеніе Пресв. Богородицы. Судя по этимъ сочиненіямъ, Григорій превосходитъ Фотія и естественными дарованіями и образованіемъ, а по сохранившимся о немъ отзывамъ былъ вообще человѣкъ весьма ученый и начитанный ([267]). Онъ основательно зналъ св. Писаніе и творенія древнихъ учителей Церкви, которымъ старался слѣдовать не только въ мысляхъ, но и во внѣшнемъ изложеніи ихъ, въ составѣ проповѣдей, въ самыхъ пріемахъ и оборотахъ рѣчи. Болѣе всего Григорій подражалъ знаменитѣйшему изъ христіанскихъ витій—св. Іоанну Златоусту; но нерѣдко пользовался мыслями изъ поученій св. Василія великаго, св. Епифанія, св. Андрея критскаго, св. Іоанна Дамаскина и другихъ, переработывая впрочемъ эти заимствованія такъ, что сообщалъ имъ характеръ самостоятельный, своеобразный. Талантъ Григорія Самвлака былъ по преимуществу талантъ ораторскій: онъ не отличался глубокомысліемъ, но отличался воспріимчивостію, гибкостію, плодовитостію. Стремленіе къ витіеватости, сравненія, противуположенія, метафоры, вообще тропы и фигуры встрѣчаются у него на каждомъ шагу. Иногда эта витіеватая рѣчь отзывается искусственностію, холодно-

([267]) Въ Никоновой лѣтописи о немъ замѣчено: „книженъ зѣло, изученъ убо бѣ книжніи мудрости всяцей изъ дѣтства, и много писаніа сотворивъ остави“ (V, 73). Кояловичъ говоритъ о немъ: „Gregoreus Cemivlacus vir singularis eruditionis, in sacra scriptura commendatus“ (Miscell. rerum ad stat. eccles. in magno Lituaniae ducatu. Vilnae, 1650, p. 43).

стію, напыщенностію, но нерѣдко она согрѣта теплымъ чувствомъ и проникнута сильною мыслію и одушевленіемъ. Въ проповѣдяхъ Григорія Самвлака, какъ и въ проповѣдяхъ древнихъ учителей Церкви, нельзя искать строгаго расположенія мыслей по правиламъ риторики; но однакожъ всегда соблюдается порядокъ рѣчи болѣе или менѣе естественный, бесѣдуетъ ли авторъ объ одномъ предметѣ въ цѣлой проповѣди, или о различныхъ. Большая часть проповѣдей Самвлака посвящена древнимъ священнымъ событіямъ, воспоминаемымъ Церковію; но въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ онъ отозвался на события, ему современныя или близкія по времени: такъ, въ одной изъ проповѣдей онъ вооружается противъ ереси Акиндиновой, волновавшей тогда Грецію; въ другой—противъ обычая латинянъ совершать евхаристію на опрѣснокахъ; третью написалъ въ похвалу недавно скончавшемуся дядѣ своему Кипріану, митрополиту русскому; четвертую—въ похвалу другому своему бывшему покровителю и руководителю Евѳимію, патріарху терновскому; всѣ три историческія сказанія Григорія повѣствуютъ о новоявленныхъ угодникахъ его родины—Сербіи. Господствующее направленіе въ проповѣдяхъ его, въ однихъ догматическое, а въ другихъ историческое; но нравственныхъ наставленій слушателямъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ проповѣдей, къ изумленію, почти не встрѣчается. Проповѣди Григорія вообще довольно обширны, а нѣкоторыя даже очень обширны. Слогъ его почти всегда—чистый славянскій и удобопонятный, кромѣ нѣкоторыхъ выраженій и двухъ-трехъ греческихъ словъ. Предлагая довольно подробный анализъ сочиненій Григорія, какія только мы имѣли подъ руками,

въ особомъ Приложеніи ([268]), представимъ здѣсь для примѣра, въ полномъ составѣ, одну изъ лучшихъ его проповѣдей, именно въ великій четвертокъ.

«Печаль объемлетъ мою душу,—говоритъ проповѣдникъ,— и недоумѣніе останавливаетъ мой помыслъ, когда я вспоминаю объ окаянномъ Іудѣ. Съ такой высоты и въ какую пропасть онъ повергъ себя! Отъ такой славы апостольскаго чина къ какому, страстный, пришелъ безчестію! Отпалъ отъ такой сладости Учителя и обложилъ себя такою горечью сребролюбія! Оно-то и довело его до горькой смерти отъ удавленія. И сбылось на немъ пророческое слово: *удаляющіеся отъ Тебе погибнутъ*.

«Владыка и словомъ и дѣломъ отвлекалъ его отъ паденія. Дѣломъ, — когда омылъ ему ноги и сподобилъ вечери. Словомъ,—когда говорилъ: *единъ отъ васъ предастъ мя*,—выражаясь вообще, а не желая обличить его предъ всѣми, обличая только его совѣсть и возбуждая ее къ покаянію. Кого не умилили бы эти слова: *Сынъ человѣческій идетъ по реченному: обаче горе человѣку тому, имже предается* (Лук. 22, 22.)? Но Іуда не внялъ.... Такова-то жестокая душа: ей трудно придти къ исправленію, она постоянно взираетъ на погибель, къ которой стремится. Посмотри, какой примѣръ къ исправленію видѣлъ Іуда въ блудной женѣ. Но онъ не обратилъ вниманія на ея покаяніе, а погибалъ въ то самое время, когда она спасалась. Повѣствуя объ этомъ, евангелистъ

([268]) См. Приложен. № X. Перечень и оглавленіе словъ Григорія Самвлака—въ Опис. рукоп. Моск. Сѵнод. библ. кн. IV, № 235, стр. 134—140, и *Шевыр.* Ист. Русск. Слов. III, лекц. XV, примѣч. II.

говоритъ: *тогда шедъ единъ отъ обоюнадесяте, глаголемый Іуда искаріотскій, ко архіереомъ рече: что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его* (Матѳ. 26, 14). *Тогда шедъ*.... когда же? Когда блудница возненавидѣла грѣхи и пришла къ покаянію, когда совлеклась скверной одежды блуженія, когда притекла къ Учителю, являя много любви въ многоцѣнности принесеннаго дара, когда слезами омочила пречистыя ноги Его и власами своими отерла ихъ, когда получила совершенное отпущеніе многихъ грѣховъ, раздрала рукописаніе ихъ и посрамила діавола.... А Іуда тогда шелъ соглашаться въ цѣнѣ, помрачивъ духовное око свое сребролюбіемъ. Онъ уже не чувствовалъ, съ какой высоты падалъ. О чудо! Какое внезапное измѣненіе той и другаго! Одна, бывши рабою врага спасенія, получила свободу, припавъ къ Избавителю; другой отошелъ отъ Учителя и сталъ рабомъ сребра. Та, блудная и посрамленная, пріобщалась къ чину мvроносицъ,—этотъ имя ученика измѣнялъ на мерзость предательства. Та удостоивалась благохваленія во всемъ мірѣ, по слову Господа: *аминь глаголю вамъ: идѣже аще проповѣдано будетъ евангеліе сіе во всемъ мірѣ, речется и еже сотвори сія, въ память ея* (Матѳ. 26, 13); а этотъ покрывалъ себя безславіемъ. О окаянство Іудино! Потому-то и говоритъ Павелъ: *мняйся стояти да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. 10, 12).

«*Тогда шедъ единъ отъ обоюнадесяте.... рече*.... этимъ показывалъ евангелистъ, что Іуда былъ не изъ числа другихъ учениковъ, т. е. семидесяти, но изъ двѣнадцати, всегда пребывавшихъ со Христомъ, слушавшихъ Его сладостное, небесное ученіе, и въ церкви, и среди народа, и наединѣ,— изъ двѣнадцати, которымъ даровалъ Господь силу творить

чудеса, власть изгонять бѣсовъ и повелѣніе крестить,—изъ тѣхъ двѣнадцати, которымъ Онъ обѣтовалъ, что они возсядутъ на двѣнадцати престолахъ и будутъ судить обѣманадесяти колѣнамъ Израилевымъ. *Единъ отъ обоюнадесяте*..., сказалъ евангелистъ, чтобы показать, на какой высотѣ стоялъ Іуда и въ какую пучину злобы низвергъ себя. Прибавилъ къ имени его и отечество, сказавъ: *Іуда искаріотскій*, потому что былъ и другой Іуда, называемый Іаковлевымъ.

«*Они же поставиша ему тридесять сребренникъ*. И за чѣмъ ты, Іуда, для чего продаешь Учителя? За чѣмъ цѣнишь безцѣннаго? За чѣмъ спѣшишь отнять отъ Сіона камень краеугольный? И что тебя подвигло на предательство? Или Онъ оставилъ тебя, нарицая другихъ апостолами? Или, бесѣдуя съ ними, отгонялъ тебя? Или имъ вручилъ ковчежецъ, утаивъ отъ тебя? Или, вкушая съ ними, презрѣлъ тебя? Или, омывъ ноги имъ, тобою возгнушался? О слѣпота! Ты говоришь: *что ми хощете дати*? Да что больше хочешь ты получить въ замѣнъ оставляемаго тобою? Оставляешь свѣтъ и становишься тьмою; оставляешь то, чего *око не видѣ, и ухо не слыша и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его*,—и принимаешь вѣчное поношеніе; оставляешь новую чашу, которую Владыка обѣщалъ дать другамъ своимъ въ царствіи своемъ, и испиваешь горькую чашу удавленія; оставляешь право быть судіею вселенной вмѣстѣ съ Петромъ и прочими учениками, и становишься рабомъ діавола. О безуміе Іудино! Ты говоришь: *что ми хощете дати*? Такъ-то ты исполняешь повелѣніе Учителя.... Онъ заповѣдывалъ не стяжать сребра и злата, не облачаться въ двѣ ризы, не имѣть при поясахъ мѣди и влагалища; а ты безстыдно говоришь: *что*

ми хощете дати.... О, крайнее нечувствіе! Ты не вспомнилъ блаженнаго пребыванія съ Учителемъ, Его частыхъ и уединенныхъ собесѣдованій: ибо много разъ Господь принималъ ихъ (двѣнадцать учениковъ) наединѣ, уча ихъ въ безмолвномъ мѣстѣ приготовить сердца свои къ принятію словесъ Его. Не вспомнилъ ты чудесъ Его, предсказаній будущаго, таинства той самой вечери, когда Онъ изрекъ: *желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами*. Ты не устыдился наконецъ Владыки, встающаго съ вечери, снимающаго ризы, препоясывающагося лентіемъ по обычаю рабовъ, вливающаго воду въ умывальницу и умывающаго ноги ученикамъ, и, какъ говорятъ церковные богословы, прежде другихъ умывающаго ноги предателя.....

«Что же ты, о Іуда?... Если прочіе ученики омывали ноги, будучи чистыми, — какъ сказалъ Господь: *вы чисти есте, но не вси*, исправляя тебя, — то они, добрые дѣлатели правды, готовились къ проповѣди и сѣянію евангелія; имъ надлежало въ скоромъ времени идти въ міръ весь для благовѣстія, пріявъ крещеніе и совершеніе отъ Утѣшителя. А ты, къ чему ты готовясь, простираешь безстыдно ноги для омовенія? Къ тому ли, чтобы скоро идти на преданіе Господа и увидѣть сребренники въ рукахъ своихъ? О неразуміе предателя! Когда другіе ученики, будучи таинниками и князьями вселенной, — *поставиши бо ихъ*, сказалъ Давидъ, *князи по всей земли*, — когда они принимали таинства, которыми имѣли обновить вселенную: тогда ты, будучи предателемъ, за чѣмъ дерзостно простираешь руку твою къ хлѣбу? За тѣмъ ли, чтобы вскорѣ предать себя лукавому, чтобы исполнилось надъ тобою псаломское предреченіе: *ядый хлѣбы моя возвеличилъ*

есть на мя пяту? Этого не слушалъ и не помыслилъ неразумный ученикъ, но остался неисправимымъ. Душа, однажды потерявшая стыдъ, не уцѣломудривается жестокими словами и не умиляется кроткими, но бываетъ подобна тому городу, о которомъ пророкъ, рыдая, сказалъ: *лице жены блудницы бысть тебѣ, не хотѣла еси постыдитися ко всѣмъ* (Іер. 3, 3).

«Такъ пострадалъ окаянный Іуда! Подобно ему страждутъ и тѣ, которые приносятъ опрѣсноки въ жертву, прельщающіе и прельщаемые, и говорящіе безъ стыда, будто Господь въ вечеръ таинства далъ опрѣснокъ, произнеся: *сіе есть тѣло мое*. Они не слышатъ Павла, учителя языковъ, вопіющаго и говорящаго: *азъ пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ, яко Господь Іисусъ въ нощь, въ нюже преданъ бываше, пріемъ хлѣбъ, и благодаривъ преломи и рече: пріимите, ядите: сіе есть тѣло мое, еже за вы ломимое: сіе творите въ мое воспоминаніе. Елижды бо аще ясте хлѣбъ сей и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже пріидетъ* (1 Кор. 11, 23. 24. 26). Апостолъ сказалъ: *азъ пріяхъ отъ Господа;* они же, не стыдясь, предлагаютъ безквасное. Имъ прилично сказать: вы ли, своезаконники, истиннѣе, или Павелъ, учитель вселенной, Павелъ, — эта душа, досягавшая до небесъ, Павелъ,—этотъ человѣкъ, восхищенный до третьяго неба, толикій и таковый, Павелъ, кого, хотя онъ былъ прежде гонителемъ, послалъ Богъ во языки проповѣдывать таинство евангелія, сказавши: *яко сосудъ избранъ ми еси?* Онъ (Павелъ) не сказалъ — *опрѣснокъ*, хотя бы могъ сказать, еслибы хотѣлъ, но сказалъ — *хлѣбъ*. А хлѣбомъ никогда не называется безквасное, какъ несовершенное. И какъ назвать хлѣбомъ брашно съ водою безъ кваса, когда ононоситъ на себѣ

образъ мертвенности? Хлѣбомъ же и называется и есть только квасное, какъ имѣющее въ квасѣ образъ жизни, по причинѣ восходительнаго (свойства), принимаемаго за образъ души разумной и словесной. И потому всякій, приносящій въ жертву опрѣсноки, недугуетъ ересію аполлинаріевою и евагріевою, дерзнувшею называть плоть Господню бездушною и неразумною.

«Но евангелистъ, говорятъ, сказалъ: *въ первый день опрѣсночный приступиша къ Іисусу ученицы, глаголюще: гдѣ хощеши, да уготоваемъ Ти ясти пасху?* Если же это былъ первый день опрѣсноковъ, то ясно, что сообразно съ закономъ Господь и самъ вкушалъ опрѣсноки, и преподалъ ученикамъ. Нѣтъ, нѣтъ! Евангелистъ ничего не сказалъ о снѣди опрѣсночной, но сказалъ: *ядущимъ имъ, пріемъ Іисусъ хлѣбъ и благословивъ преломи, и даяше ученикамъ, и рече: пріимите, ядите: сіе есть тѣло мое*. Какъ же могъ Господь назвать вещію бездушною тѣло свое, когда онъ пріялъ плоть разумную и одушевленную? Какъ Онъ могъ дать опрѣсноки, когда они еще не начинались, а квасный хлѣбъ еще не былъ оставленъ? Въ четырнадцатый день мѣсяца овча закалалось къ вечеру, когда и Владыка нашъ былъ пожренъ на крестѣ, установляя законную жертву. Въ тотъ день, въ шестый часъ труба возвѣщала отложеніе и оставленіе квасначо хлѣба. И въ ту ночь до утра ѣли пасху, какъ повелѣвалъ законъ, обувшись, стоя и подпершись жезлами. Тогда не было ничего варенаго въ домѣ, но все печеное огнемъ безъ сокрушенія кости, съ сожженіемъ остатковъ. На разсвѣтѣ пятнадцатаго дня, въ субботу, начинали ѣсть опрѣсноки съ горькими травами и ѣли въ продолженіи осьми дней. Это былъ праздникъ опрѣсно-

ковъ, называемый пасхою. Первымъ же днемъ опрѣсночнымъ евангелистъ назвалъ не самый день опрѣсночный, пятнадцатый мѣсяца, но третій предъ тѣмъ, тринадцатый того мѣсяца, какъ прежде бывшій. Такъ, Матѳей (26, 17) и Маркъ (14, 12) говорятъ: *въ первый день опрѣсночный, егда пасху жряху, глаголаша Ему ученицы Его: гдѣ хощеши, шедше уготоваемъ, да яси пасху?* А премудрый Лука (говоритъ:) *пріиде день опрѣсноковъ, въ оньже подобаше жрети пасху: и посла Петра и Іоанна, рекъ: шедша уготовайта намъ пасху, да ямы* (22, 7. 8). Сказалъ: *пріиде день опрѣсноковъ*, т. е. уже при дверяхъ былъ, наступалъ, какъ и мы говоримъ при исходѣ зимы, что весна пришла,—не потому, будто мы вошли въ нее, но потому, что она близка; подобно тому, какъ о друзьяхъ и знакомыхъ, слыша, что они идутъ къ намъ, мы съ радостію говоримъ къ находящимся съ нами: „онъ пришелъ сюда",— между тѣмъ какъ его раздѣляетъ отъ насъ еще далекое разстояніе. Такъ же—и о жатвѣ, предвидя ея приближеніе, когда еще зеленѣютъ колосья, земледѣльцы говорятъ: „жатва пришла", — говорятъ, чтобы, при вѣсти о приходѣ ея, изострились серпы, приготовились жнецы, гумно очистилось, житницы были прибраны. Такъ же и здѣсь сказано: *пріиде*, потому что былъ близокъ.

«*Шедша же*, пишетъ евангелистъ, *обрѣтоста, якоже рече има, и уготоваста пасху* (—13), и потомъ, ни о чемъ другомъ не упомянувъ, продолжаетъ: *и егда бысть часъ, возлеже, и обонадесяте апостолы съ Нимъ. И рече къ нимъ: желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами, прежде даже не пріиму мукъ.* Вечерю эту Господь назвалъ пасхою; сказалъ: *желаніемъ возжелѣхъ*, чтобы показать, какъ близко было время таинства Его пре-

данія и крестной смерти. *И пріимъ хлѣбъ, хвалу воздавъ, преломи, и даде имъ, глаголя: сіе есть тѣло мое, еже за вы даемо: сіе творите въ мое воспоминаніе. Такожде и чашу по вечери, глаголя: сія чаша — новый завѣтъ моею кровію, яже за вы проливается* (—19. 20). Итакъ, видишь ли, какъ ученики совершали законное приготовленіе къ пасхѣ и чаяли (видѣть) обычный законный день, а Владыка творилъ тайную вечерю, назвавъ ее вождѣленною пасхою, на которой предалъ таинство другамъ своимъ? Потому-то они и не стояли, какъ повелѣваетъ законъ, подпершись жезлами и вкушая печеное, но возлежали и употребляли вареное. Тамъ была соль, въ которой Владыка омочивъ хлѣбъ далъ лукавому ученику. *Пріимъ хлѣбъ, хвалу воздавъ, преломи и даде имъ*, научая ихъ священнодѣйствію и возбуждая ихъ разумы къ благодаренію за то, что такимъ великимъ дарамъ они сподоблялись. *Сіе есть тѣло мое, еже за вы даемо*..., за васъ и послѣдующихъ Мнѣ и пріобщающихся скорбямъ моимъ и гоненію, за всю вселенную, которую вы хотите крестить, ходя овцами посреди волковъ, превращая ихъ звѣрство въ овчую кротость. *Сіе творите въ мое воспоминаніе*, потому что Я искренне пріобщился плоти и крови и уже иду исполнить все смотрѣніе таинства и уже не буду жить съ вами, какъ прежде. Но печаль да не объемлетъ сердца ваши, что Я оставляю васъ, единожды избранныхъ Мною: вкушая хлѣбъ сей — плоть мою—и чашу сію — кровь мою, — вы во Мнѣ пребудете и Я въ васъ.

«Но окаянный Іуда остался сему чуждымъ. Онъ принялъ отъ руки Господней хлѣбъ сребролюбивою рукою, и по хлѣбѣ вошелъ въ него сатана, какъ сказалъ возлюбленный Іоаннъ.

До тѣхъ поръ сатана искушалъ его, подстрекая на предательство; а теперь, такъ какъ Іуда былъ совсѣмъ оставленъ по непреоборимому своему стремленію, совершенно овладѣлъ его душею: ибо такое безчувствіе одержало его, что и въ солило безстыдно простеръ свою руку. Потому и Господь въ слѣдствіе такой дерзости, омочивъ хлѣбъ въ солило, далъ Іудѣ, являя тѣмъ ученику, тайно спросившему, что сей-то и есть предатель, а самому предателю сказалъ: *еже твориши, сотвори скоро* (Іоан. 13, 27), скрывая отъ учениковъ его намѣреніе. Ибо, еслибы предательство было узнано, теплый вѣрою Петръ, отрѣзавшій ухо архіерейскому рабу предъ множествомъ воиновъ, чего не захотѣлъ бы сдѣлать съ Іудою, когда теперь Петру ничто не препятствовало? Онъ непремѣнно убилъ бы Іуду.

«*Сего же никтоже разумѣ отъ возлежащихъ*, продолжаетъ евангелистъ, *къ чесому рече ему. Нѣцыи же мняху, понеже ковчежецъ имяше Іуда, яко глаголетъ ему Іисусъ: купи, еже требуемъ на праздникъ, или нищимъ да нѣчто дастъ* (—28. 29). Слышите ли вы, презирающіе нищихъ и собирающіе сребро, какъ Владыка, по безмѣрному милосердію, обнищавшій даже до подобія раба, не имѣвшій, гдѣ главы приклонить, даетъ милостыню? А ты, имѣя дома четырехкровные и трехкровные, не пускаешь нищаго даже на дворъ? Онъ, не имѣя доходовъ, предлагалъ дневную, убогую пищу не Себѣ только, но и такому лику учениковъ, даже и нищимъ еще: а ты, владѣющій селами, стяжаніями и доходами, не вспомнишь объ убогихъ? Какой ты думаешь имѣть отвѣтъ, презирая ученіе Владыки, которое внушалъ Онъ и дѣломъ и словомъ, когда самъ подавалъ милостыню и когда заповѣдывалъ: *будьте ми-*

лосерды, якоже и Отецъ вашъ небесный милосердъ есть, и еще чрезъ пророка сказалъ: *расточи и даждь убогимъ; правда его пребываетъ въ вѣкъ вѣка*: а ты, дѣлая противное Ему, собираешь сокровища, и чѣмъ больше соберешь, тѣмъ болѣе стараешься пріумножить собранное? Таковъ лютый мучитель сребролюбія: чѣмъ болѣе поѣдаетъ, тѣмъ болѣе становится ненасытнымъ, доколѣ не приведетъ въ послѣднее осмѣяніе окаяннаго рачителя сребра, когда сбудется на немъ пророческое слово: *се человѣкъ, иже не положи Бога помощника себѣ, но упова на множество богатства своего и возможе суетою своею*. Земля даетъ сребро, по Владычнему повелѣнію, на потребу тѣмъ, которые въ пользу его принимаютъ. А ты, наоборотъ, скрываешь сребро въ нѣдрахъ земли, воспаляя имъ геенну, угрожающую немилостивымъ, и становясь по страсти ненасытимости безчувственнѣе земли, недугуя подобно окаянному Іудѣ. Что, предалъ ли бы онъ Господа и Господь былъ ли бы преданъ, еслибы Іуда не хотѣлъ опутать душу свою мрежами сребролюбія? Размышляя о великости предательства, уподобляю ему немилосердіе къ братіи Христовой; ибо Господь сказалъ: *не ктому васъ нареку рабы, но братію*; и еще: *понеже сотвористе единому отъ сихъ меньшихъ братій моихъ, Мнѣ сотвористе*. Видишь ли, кто суть братія Его, о которыхъ Онъ всегда промышляетъ? Ибо и самъ понесъ немощи наши. Онъ былъ пастырь добрый, *ему же были овцы своя*, и Онъ пекся о нихъ, подъемля слабыхъ, заботясь о покинутыхъ и осуществляя на самомъ дѣлѣ то, что сказалъ: *азъ душу мою полагаю за овцы* (Іоан. 10, 15). Этого мало. Не насытилась любовь Его къ овцамъ даже тѣмъ, что Онъ положилъ за нихъ душу свою; но смотри: *и ины овцы имамъ*,

сказалъ Онъ, *яже не суть отъ двора сего, и тыя Ми подобаетъ привести, и будетъ едино стадо и единъ пастырь* (Іоан. 10, 16). Ибо не во дворѣ закона и не въ оградѣ писаній пророческихъ находились язычники, но заблуждались въ горахъ и пустыняхъ, дѣлаясь каждый день пищею мысленнаго звѣря. И ихъ освободилъ Пастырь, предавъ Себя, и сотворилъ единое стадо, предложивъ имъ тѣло свое въ снѣдь и чашу своея крови. Потомъ, поручая ихъ Петру, сказалъ: *аще любиши Мя...., паси овцы моя* (Іоан. 21, 16), и не однажды, а трижды спросилъ: *любиши ли Мя*,—не для того, чтобы узнать объ этомъ: ибо есть единый, создавшій сердца и разумѣющій всѣ дѣла ихъ, но чтобы мы видѣли, какое Онъ имѣетъ попеченіе объ овцахъ. А такъ какъ Онъ искупилъ насъ не сребромъ или златомъ, но своею кровію, то да блюдется же всякій, чтобы, называясь овцею Христова стада, не уклониться къ волкамъ и противникамъ благочестія — еретикамъ, являясь по имени—Христовымъ, а на дѣлѣ—сыномъ діавола. Такъ поступалъ и Іуда: жилъ съ апостолами, а сходился съ фарисеями; хлѣбъ принималъ отъ рукъ пречистыхъ, а сребренники взялъ отъ рукъ беззаконныхъ, вечерялъ съ Учителемъ, а сердцемъ возсѣдалъ среди безумныхъ старѣйшинъ.

«Прошу любовь вашу, да никто изъ васъ не будетъ, по сребролюбію, христопредателемъ. Еслибы этою страстію не объята была душа окаяннаго Іуды, онъ не дерзнулъ бы на предательство, какъ я сказалъ прежде. Ибо какъ ты причастишься тѣлу и крови Владычней неосужденно, нося на себѣ недугъ предателевъ? Нѣтъ, молю васъ.... Но, оставивъ этотъ горькій недугъ, который св. Павелъ назвалъ идолослуженіемъ и корнемъ всѣхъ золъ, приступимъ къ тайной вечери во

оставленіе грѣховъ и съ надеждою будущихъ благъ, которыя получить да удостоимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Нимъ же безначальному Его Отцу и пресвятому и животворящему Его Духу слава и держава и поклоненіе нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь».

Всѣ ли, извѣстныя намъ, сочиненія Григорія Самвлака написаны имъ въ Россіи, въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ его жизни (1407—1419), или нѣкоторыя написаны прежде, въ другихъ мѣстахъ его служенія св. Церкви, опредѣлить нѣтъ возможности: потому что тѣже самыя сочиненія, которыя въ однѣхъ рукописяхъ надписываются именемъ *Григорія мниха и пресвитера*, или *игумена Пантократоровой обители*, въ другихъ — надписываются именемъ *Григорія архіепископа россійскаго*, а нѣкоторыя проповѣди, составленныя имъ еще на родинѣ, онъ могъ произнесть и въ Россіи. Будучи призванъ быть первосвятителемъ православной Церкви въ землѣ литовской, гдѣ многіе, начиная съ самаго вел. князя Витовта, исповѣдывали римскую вѣру, Григорій, кромѣ того, что въ одной изъ проповѣдей, только-что нами приведенной, вооружается противъ употребленія латинянами опрѣсноковъ въ таинствѣ Евхаристіи, написалъ еще особую статью о вѣрѣ нѣмецкой. Здѣсь онъ перечисляетъ до 35 пунктовъ несогласія латинянъ съ православными въ вѣрѣ, обрядахъ и жизни. Этотъ перечень, составленный на основаніи подобныхъ греческихъ перечней, но съ нѣкоторыми дополненіями, могъ служить руководствомъ для православныхъ, чтобы предохранять себя отъ заблужденій и нововведеній римской церкви (269).

(269) Опис. рукоп. Москов. Сvнод. библ. кн. IV, № 330, стр. 741.

Кромѣ трехъ первосвятителей конца XIV и первой половины XV столѣтія, распространявшихъ въ Россіи свѣтъ духовнаго просвѣщенія, который принесли они съ собою изъ Греціи и Сербіи, были тогда у насъ писатели и изъ числа нашихъ соотечественниковъ, получившихъ образованіе въ самой Россіи. Двое изъ нихъ, именно преп. Кириллъ Бѣлоезерскій и Симеонъ, владыка новгородскій, оставили писанія въ учительномъ родѣ.

Первому принадлежатъ три посланія къ русскимъ князьямъ (270). Въ посланіяхъ видѣнъ человѣкъ, не только здравомыслящій, но и достаточно образованный и хорошо владѣвшій роднымъ языкомъ, видѣнъ скромный пустынникъ, который однакожъ горячо любилъ свое отечество и смѣло вѣщалъ правду сильнымъ міра.

Въ посланіи къ великому князю московскому Василію Дмитріевичу (1399 — 1402) св. Кириллъ прежде всего выражаетъ свою радость и скорбь,—радость о христіанскомъ смиреніи князя, обращающагося къ нему, такому грѣшному иноку, съ просьбою о молитвѣ, а скорбь о своемъ недостоинствѣ,—и, упомянувъ о частыхъ милостыняхъ князя обители, даетъ обѣщаніе со всею своею братіею молиться за него и за его семейство и за всѣхъ христіанъ, врученныхъ ему отъ Бога. Потомъ поучаетъ князя его обязанностямъ: «ты же, господине, самъ, ради Бога, внемли себѣ и всему княженію твоему, въ которомъ поставилъ тебя Духъ Святый пасти люди Господни.... Великой власти ты сподобился отъ Бога, — тѣмъ болѣе ты долженъ и воздавать Ему. Воздай же благодателю

(270) Акт. Ист. I, №№ 12. 16. 27.

долгъ, храня Его св. заповѣди и уклоняясь всякаго пути, ведущаго на пагубу. Какъ на корабляхъ, если ошибется наемный гребецъ, вредъ отъ того бываетъ не большой плавающимъ съ нимъ; но если ошибется кормчій, тогда творитъ пагубу всему кораблю: такъ, господине, бываетъ и съ князьями. Если изъ бояръ кто согрѣшитъ, онъ творитъ напасть не всѣмъ людямъ, но только себѣ; а если согрѣшитъ самъ князь, онъ причиняетъ вредъ всѣмъ людямъ, ему подвластнымъ. Храни себя, господине, со многою твердостію въ добрыхъ дѣлахъ... Возненавидь всякую власть, влекущую тебя ко грѣху, имѣй непреложный помыслъ благочестія и не надмѣвайся временною славою къ суетному шатанію.... Бойся, господине, Бога, истиннаго царя, и блаженъ будеши».... Наконецъ, св. Кириллъ убѣждаетъ великаго князя примириться съ князьями суздальскими.

Посланіе къ можайскому князю Андрею Димитріевичу, въ области котораго и находилась Бѣлоезерская обитель, св. Кириллъ написалъ (1408 или 1413 г.) въ отвѣтъ на его посланіе, извѣщавшее о чудесахъ Богоматери. По этому случаю св. старецъ даетъ такія наставленія князю: «и ты, господине князь Андрей, видя человѣколюбіе и милосердіе Господа нашего І. Христа, который отвелъ отъ насъ гнѣвъ свой и явилъ милость свою народу христіанскому, по молитвамъ пречистыя Госпожи Богородицы, Матери своея, помни то, что ты властелинъ въ своей отчинѣ и поставленъ отъ Бога унимать людей отъ лихаго обычая. Смотри, чтобы судъ творили правильно, какъ предъ Богомъ; чтобы не было, господине, ни поклеповъ, ни подметовъ, чтобы судьи не принимали посуловъ, а были довольны своими оброками.... Внимай себѣ,

господине, чтобы въ твоей отчинѣ не было корчмы: ибо отъ нея великая пагуба душамъ, христіане пропиваются, а души ихъ гибнутъ. Такъ же, господине, чтобъ не было у тебя мытовъ: ибо то куны неправедныя. А гдѣ перевозъ, тамъ прилично дать труда ради. Такъ же, чтобъ не было, господине, ни разбоя, ни татьбы въ твоей отчинѣ, и если не уймутся отъ своего злаго дѣла, то вели наказывать ихъ по мѣрѣ вины ихъ. Унимай такъ же подвластныхъ тебѣ людей отъ скверныхъ словъ и ругательства: ибо все это прогнѣвляетъ Бога.... А христіанамъ, господине, не лѣнись управу давать самъ: то вмѣнится тебѣ свыше отъ Бога.... А въ церкви стойте, господине, со страхомъ и трепетомъ, помышляя себя стоящими какбы на небеси: потому что церковь называется земнымъ небомъ и въ ней совершаются Христовы таинства. И себя блюди особенно: стоя въ церкви, бесѣды не твори и не говори ни одного слова празднаго, и если увидишь кого либо изъ вельможъ своихъ или изъ простыхъ людей, бесѣдующаго въ церкви, возбраняй имъ: ибо все то прогнѣвляетъ Бога. И ты, господине, князь Андрей, о всемъ томъ внимай себѣ: ибо ты глава и поставленъ отъ Бога властителемъ надъ подчиненными тебѣ христіанами».

Въ посланіи къ звенигородскому князю Георгію Димитріевичу (прежде 1422 г.) св. Кириллъ сначала утѣшаетъ и наставляетъ князя по случаю болѣзни его супруги. «А что, господине, скорбишь о своей княгинѣ, которая лежитъ въ недугѣ: то это, по истинѣ, есть Божіе смотрѣніе и человѣколюбіе къ вамъ, чтобы вы исправились. И вы разсмотрите себя и испытайте самыя сокровенныя свои дѣла, которыя знаетъ только Богъ и вы, да и покайтесь въ томъ отъ всей

своей души, чтобы перестать. Ибо, господине, если кто творитъ милостыни и велитъ молить за себя Бога, а самъ не перестаетъ отъ недобрыхъ дѣлъ своихъ, то нѣтъ ему пользы и Богъ не благоволитъ отъ такого приношенія. Разсмотрите жъ себя и исправьтесь совершенно: тогда, если обратитесь къ Богу, и я грѣшный поручусь, что Онъ проститъ вамъ, благодатію своею, всѣ согрѣшенія ваша и избавитъ васъ отъ всякой скорби, а твою княгиню сотворитъ здравою.... Если она останется въ недугѣ своемъ: то вѣдай, господине, что вѣрно ради добродѣтелей ея Богъ хочетъ упокоить ее отъ маловременной и болѣзненной жизни въ ономъ нестарѣющемся блаженствѣ. А ты не скорби, видя ее отходящую въ безконечный покой, въ свѣтлость святыхъ, въ неизреченную славу Божію.... Впрочемъ, мы надѣемся на милость Божію, что не оскорбитъ тебя Господь, но благодатію своею помилуетъ и утѣшитъ тебя».... Въ остальной части посланія св. старецъ умоляетъ князя, чтобы онъ не пріѣзжалъ къ нему въ обитель: «а что ты, господине князь Юрій, писалъ ко мнѣ грѣшному, что издавна жаждешь видѣться со мною: то ради Бога не дѣлай этого и не пріѣзжай къ намъ. Знаю, что придетъ на меня искушеніе за грѣхи мои, если поѣдешь ко мнѣ. Извѣщаю тебя, что ты не увидишь меня: покинувъ монастырь, пойду прочь, куда Богъ наставитъ. Ибо, господине, вы ожидаете, что я здѣсь и добрый и святый, а по истинѣ я окаяннѣе и грѣшнѣе всѣхъ людей и исполненъ всякаго студа.... Разсуди и то, что твоей отчины нѣтъ въ нашей странѣ, и слѣдовательно если ты поѣдешь сюда: то всѣ начнутъ говорить: только для Кирилла поѣхалъ....

Симеонъ, архіепископъ новгородскій (1416—1431), былъ

пастырь учительный и мудрый. «Слава Богу, давшему намъ таковаго святителя,—говорили о немъ Новгородцы,—могущаго управити своя дѣти и поучати словесы духовными, ового кротостью, иного обличеніемъ, иныя же запрещеніемъ» (271). Подъ его именемъ сохранились два поученія: одно о молитвѣ, доселѣ неизданное (272), а другое, сказанное Псковичамъ, внесенное въ лѣтописи и заключающееся въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «вы, благородные и честные мужи, знаете, что если кто воздаетъ честь своему святителю, честь та восходитъ къ самому Христу, отъ котораго вы надѣетесь припять мзду сторицею и наслѣдовать жизнь вѣчную. Посему, чада, воздавайте честь своему святителю и отцамъ вашимъ духовнымъ, наставникамъ вашего спасенія, со всякою покорностію и любовію. Не испытывайте ихъ ни въ чемъ и не прекословьте наставникамъ своимъ; но смотрите за самими собою, укоряйте и судите самихъ себя, плачьте о своихъ грѣхахъ, ищите съ болѣзнію своего спасенія. Не похищайте чужаго, не радуйтесь бѣдамъ и напастямъ братіи своей. Не мудрствуйте о себѣ и не гордитесь, но со смиреніемъ повинуйтесь отцамъ своимъ духовнымъ, какъ православные христіане, живущіе подъ закономъ Божіимъ. Церкви Божіей не обижайте: она не должна быть обижаема ни отъ кого и ни чѣмъ. И не вступайтесь ни во что церковное, что̀ только изначала, при прежде-бывшихъ новгородскихъ епископахъ, шло епископіи въ домъ Божій св. Софіи, ни въ земли, ни въ воды, ни въ суды, ни въ печать, ни во всѣ пошлины

(271) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 118.
(272) Опис. рукоп. Моск. Сѵнод. библ. кн. IV, № 321, стр. 626.

церковныя. А если кто вступится въ церковное: вы, чада, устранитесь отъ того и сведите вину съ души своей, чтобы не подвергнуться отвѣтственности по правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ. Всякъ долженъ блюстися гнѣва Божія, призывать на себя милость Божію, плакать о грѣхахъ своихъ и не присвоивать себѣ чужаго» ([273]).

Нѣсколько болѣе дошло отъ того времени сочиненій въ историческомъ и повѣствовательномъ или описательномъ родѣ. Разумѣемъ житія четырехъ нашихъ подвижниковъ XIV вѣка: Стефана пермскаго, Сергія радонежскаго, Димитрія прилуцкаго и Алексія митрополита, одно путешествіе во Іерусалимъ и два сказанія о флорентійскомъ соборѣ.

Житіе св. Стефана, епископа пермскаго, написано, вскорѣ послѣ его смерти (1396), бывшимъ сотоварищемъ его въ ростовскомъ Григорьевскомъ монастырѣ и потомъ ученикомъ и духовникомъ преп. Сергія радонежскаго, Епифаніемъ. Оно представляетъ собою довольно обширное сочиненіе и изложено крайне растянуто, многословно и витіевато, а потому утомительно при чтеніи. Писатель неограничивается только изложеніемъ жизни св. Стефана, но сообщаетъ нѣкоторыя соприкосновенныя свѣдѣнія, напримѣръ, о мѣстоположеніи пермской земли, о суевѣріяхъ и занятіяхъ Пермянъ, вставляетъ свои соображенія напр. о проповѣди св. апостоловъ въ разныхъ странахъ земли, объ изобрѣтеніи алфавитовъ у разныхъ народовъ; влагаетъ въ уста св. Стефана и другихъ лицъ взаимныя бесѣды, молитвы, цѣлыя поученія, составленныя преимущественно изъ текстовъ библіи; и оканчиваетъ «Плачемъ перм-

([273]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 118; Ник. Лѣт. V, 72.

скимъ» по случаю смерти св. Стефана. Видно, что Епифаній былъ человѣкъ весьма начитанный и много свѣдущій, особенно въ св. Писаніи, и обладалъ даромъ неистощимаго краснорѣчія, чтобъ не сказать многословія, — вслѣдствіе чего современники и могли назвать его премудрымъ (274).

Разсуждая объ изобрѣтеніи разныхъ алфавитовъ, Епифаній между прочимъ говоритъ: «какъ много лѣтъ многіе философы греческіе собирали и составляли греческую азбуку, и едва уставили, едва сложили послѣ многихъ трудовъ и временъ! А пермскую грамату одинъ чернецъ сложилъ, одинъ составилъ, одинъ учинилъ, одинъ калугеръ, одинъ мнихъ, одинъ инокъ, приснопамятный епископъ Стефанъ, — одинъ и въ одно время, а не во многія времена и лѣта, какъ они (Греки), одинъ въ уединеніи, одинъ, у единаго Бога прося помощи, одинъ, одного Бога на помощь призывая.... И такимъ образомъ одинъ инокъ, къ одному Богу моляся, и азбуку сложилъ, и грамату сотворилъ, и книги перевелъ въ немногія лѣта, при помощи Божіей. А тамъ семь философовъ во многія лѣта едва азбуку сложили, а семьдесятъ мудрецовъ переложили и перетолковали книги съ языка еврейскаго на греческій. Посему я думаю, что русская грамата досточтимѣе еллинской. Ту сотворилъ мужъ святой, Кириллъ философъ, а греческій алфавитъ составляли Еллины некрещеные и еще язычники. Потому же и пермская грамата, которую сотворилъ Стефанъ, важнѣе еллинской. Тамъ Кириллъ, здѣсь Стефанъ: оба были

(274) Списокъ составленнаго Епифаніемъ житія св. Стефана пермскаго есть въ Сборн. моей библ. № 68, л. 190—263; но въ болѣе полномъ видѣ оно напечатано въ Памятн. старинн. Русск. Лит. IV, 119—171.

мужи добрые и мудрые, и равные мудрованіемъ; оба одинаково подъяли равный подвигъ и оба потрудились ради Бога, одинъ для Славянъ, а другой для Пермянъ, какъ два свѣтлыя свѣтила, просвѣтили народы.... Но Кириллу философу много пособлялъ братъ его Меѳодій или грамату слагать, или азбуку составлять, или книги переводить. А Стефану никто не обрѣлся помощникомъ, кромѣ единаго Господа Бога нашего.... Если кто спроситъ греческаго книжника: кто вамъ сотворилъ грамату или книги переложилъ, и въ какое время это случилось,— то рѣдкіе изъ нихъ могутъ дать отвѣтъ и не многіе знаютъ. А если спросить русскихъ грамотѣевъ, кто вамъ сотворилъ грамату и книги перевелъ,—то всѣ знаютъ и скоро дадутъ отвѣтъ: св. Константинъ философъ, называемый Кириллъ,— онъ намъ сотворилъ грамату и книги перевелъ съ греческаго языка на русскій съ братомъ своимъ Меѳодіемъ, который былъ впослѣдствіи епископомъ моравскимъ.... И если также спросить Пермянина: кто избавилъ васъ отъ работы идолослуженія, кто сотворилъ вамъ грамату и переложилъ книги, то съ жалостью и радостію, съ великимъ тщаніемъ и усердіемъ скажутъ: добрый нашъ дидаскалъ Стефанъ, который не только просвѣтилъ насъ св. крещеніемъ, во тьмѣ идолослуженія сѣдящихъ, но и озарилъ св. книгами, обильно испущая сугубые лучи благодати.... Онъ научилъ насъ понимать грамату и разумѣть книги; онъ самъ, одинъ, сложилъ намъ азбуку, онъ одинъ сотворилъ намъ грамату, гадалъ, думалъ, составлялъ, и никто ему не помогалъ, никто не паучалъ и не исправлялъ».... и такъ далѣе.

Въ «Плачѣ пермскомъ» есть мѣста, довольно сильныя по чувству и трогательныя. Когда,—повѣствуетъ Епифаній,—на-

ходившіеся при св. Стефанѣ возвратились изъ Москвы въ Пермь съ его ризницею, книгами и другими вещами и возвѣстили о его кончинѣ: тогда всѣ начали вопіять: «горе намъ, братіе! Какъ остались мы безъ добраго господина и учителя! Горе, горе намъ. Какъ лишились мы добраго пастыря и правителя!... Мы лишились добраго попечителя и ходатая за насъ предъ Богомъ и людьми. Къ Богу онъ молился о спасеніи душъ нашихъ, а предъ княземъ ходатайствовалъ о жалобѣ нашей и о льготѣ и о пользѣ, былъ теплымъ заступникомъ за насъ предъ боярами, начальниками и властями міра сего, многократно избавлялъ насъ отъ насилія и работы, облегчалъ намъ тіунскую продажу и тяжкія дани. Сами разбойники новгородскіе—Ушкоинницы покорялись его увѣщаніямъ, чтобы не воевать на насъ. А теперь мы разомъ лишились всего: не имѣемъ ни теплаго молитвенника къ Богу, ни теплаго заступника предъ людьми. О какъ и откуда постигло насъ такое бѣдствіе! Мы стали поношеніемъ для сосѣдей нашихъ — иноязычниковъ: Лопи, Вогуличей, Югры и Пинеги. О, епископе нашъ добрый!—говоримъ къ тебѣ, какъ къ живому: о добрый подвижниче правыя вѣры, о священнотаинниче и богопроповѣдниче, проповѣдавшій намъ Бога и поправшій идоловъ, честный нашъ вождь и наставникъ! Если бы мы потеряли злато или сребро: то и другое обрѣли бы вмѣсто потеряннаго. А лишившись тебя, другаго такого не найдемъ. Куда зашла доброта твоя, куда сокрылась отъ насъ? Куда отошелъ отъ насъ, а насъ оставилъ сирыми, пастырю нашъ добрый!... Кто же утѣшитъ печаль, постигшую насъ? Къ кому прибѣгнемъ, на кого воззримъ, гдѣ услышимъ сладкія твои словеса, гдѣ насладимся твоей душеполезной бесѣ-

ды?... За чѣмъ отпускали мы тебя въ Москву, гдѣ почилъ ты? Лучше бы было намъ, еслибы гробъ твой находился въ землѣ нашей и предъ очами нашими. Тогда великое было бы утѣшеніе сиротству нашему; какъ къ живому, мы приходили бы къ тебѣ и просили бы у тебя благословенія.... За что же обидѣла насъ Москва? Это ли ея правосудіе? Она имѣетъ у себя митрополитовъ и святителей, а у насъ былъ одинъ епископъ, и того къ себѣ взяла, — и нынѣ мы не имѣемъ даже гроба епископскаго. Одинъ у насъ былъ епископъ; онъ же намъ былъ и законодатель и креститель, и апостолъ, и проповѣдникъ, и благовѣстникъ, и исповѣдникъ.... Помолись же, преподобниче, къ Господину жатвы, да изведетъ дѣлателей на жатву твою и да будутъ эти дѣлатели добры, непостыдны, право правящіе слово истины.... О преподобный нашъ отче, святый епископе Стефане! Если и преставился ты отъ насъ тѣломъ, то не отступай отъ насъ духомъ; если и далеко отъ насъ гробъ твой, но молитва твоя да будетъ всегда съ нами; если мощи твои далеко отстоятъ отъ насъ, то благословеніе твое да будетъ близъ насъ и посреди насъ, и на насъ присно» ([275]).

Житіе преподоб. Сергія радонежскаго составлено тѣмъ же самимъ ученикомъ его и отцомъ духовнымъ, который прежде написалъ житіе св. Стефана пермскаго. Въ предисловіи къ

([275]) Надобно замѣтить, что послѣ этого „Плача Пермьскихъ людей", которымъ въ нашемъ спискѣ оканчивается житіе св. Стефана, въ спискѣ напечатанномъ слѣдуютъ еще три статьи: а) „Плачь церкви Пермъскія", б) „Молитва за церковь", в) наконецъ, „Плачь и похвала инока списающа". Всѣ эти статьи, а особенно послѣдняя, отличаются, какъ и все житіе, чрезвычайнымъ многословіемъ и витіеватостію.

новому своему сочиненію Епифаній говоритъ, что онъ началъ собирать свѣдѣнія о преподобномъ спустя годъ или два послѣ его смерти (1392 г.), и впродолженіе двадцати лѣтъ записывалъ эти свѣдѣнія частію въ свиткахъ, частію въ тетрадяхъ, безъ всякаго порядка, что потомъ нѣсколько лѣтъ онъ колебался, писать или не писать житіе св. старца, и рѣшился на это, когда прошло уже 26 лѣтъ послѣ кончины преподобнаго, а между тѣмъ никто другой не начерталъ его жизнеописанія въ назиданіе потомству (слѣд. въ 1418 г.). При составленіи житія Сергіева авторъ пользовался тѣмъ, что видѣлъ своими глазами и слышалъ изъ устъ самаго Сергія, его келейника, его старшаго брата—Стефана и другихъ старцевъ, бывшихъ очевидцами угодника Божія. Въ этомъ житіи, какъ прежде въ житіи св. Стефана пермскаго, Епифаній, изображая жизнь святаго отъ его рожденія до смерти, по мѣстамъ говоритъ о предметахъ стороннихъ, только соприкосновенныхъ, наприм., объ основаніи нѣкоторыхъ монастырей. Входитъ въ разсужденія и соображенія: наприм., сказавъ какъ св. Сергій еще во утробѣ матери троекратно прокричалъ въ церкви, представляетъ, изъ св. Писанія и чети-миней, цѣлый рядъ подобныхъ примѣровъ, показывающихъ, что Богъ избираетъ нѣкоторыхъ еще отъ чрева матери для особеннаго служенія. Влагаетъ въ уста преп. Сергія и другихъ лицъ слова, бесѣды, молитвы, поученія: наприм., поученіе къ братіи по возведеніи преподобнаго въ санъ игумена, поученіе по случаю недостатка съѣстныхъ припасовъ въ обители. Вообще новое сочиненіе Епифанія, по своему характеру, очень похоже на прежнее; но, будучи написано спустя около двадцати лѣтъ, представляетъ слѣды большей зрѣлости писателя и гораздо менѣе растянуто

и витіевато, не въ такой степени многорѣчиво (276). Кромѣ житія преп. Сергія и, кажется, гораздо прежде Епифаній написалъ похвальное слово ему, которое, вѣроятно, читалось братіи въ день его кончины (277). Здѣсь, послѣ довольно длиннаго предисловія, сочинитель кратко излагаетъ жизнь св. старца, въ общихъ чертахъ изображаетъ его свойства, прославляетъ его подвиги, говоритъ о его см рти и погребеніи, и передаетъ весьма многословное и наполненное текстами библіи сѣтованіе надъ его гробомъ осиротѣвшихъ его учениковъ. Слово это составлено вообще очень неудачно.

Житіе преп. Димитрія прилуцкаго, вологодскаго чудотворца, написано однимъ изъ его преемниковъ по игуменству въ основанной имъ обители, Макаріемъ, и написано, вѣроятно, спустя не долго послѣ его кончины (1391 г.). Макарій говоритъ, что многія свидѣтельства о преп. Димитріѣ онъ слышалъ изъ устъ блаженнаго ученика его Пахомія, который пришелъ съ нимъ еще изъ Переяславля-Залѣсскаго въ Вологду, постоянно жилъ

(276) Мы пользовались спискомъ этого житія по Сборн. нашей библ. № 42, л. 1—269.

(277) Находится въ томъ же Сборн. л. 269—316. Въ предисловіи къ этому слову Епифаній говоритъ: „свѣтла убо воистину и просвѣщенна и всякоя почести отъ Бога и радости достойна, имъ же нашихъ боголюбивыхъ душъ, яко возлюбленныхъ чадъ отецъ, къ духовному веселію нынѣ оозвавши, і яко любитель отецъ, в свѣтлѣй сей церкви радостно пріемлющи, и любовно веселящи, прежде же плотьскія, духовную вамъ предуготовляющи трапезу, исполнь сущи радости и веселія духовнаго“ (—л. 271 об.). Далѣе нѣсколько: „и отъ насъ днесь нынѣ похваляемъ есть Сергій, блаженный и преподобный отецъ нашъ“ (—л. 272 об.). Еще далѣе: „чтоже много глаголю, и глаголя непрестаю умножая рѣчь, распростирая глаголы, и продолжая слово, немогій по достоянію написати житія добраго господина, и святаго старца немогій по подобію нарещи или похвалити достойно. Обаче прочія его добродѣтели *индѣ скажемъ*, и многая его исправленія *индѣ повѣмъ*, и похвалу его изложимъ, аще Богъ вразумитъ и силу подастъ, молитвами святаго старца. Нынѣ же нѣсть время за оскудѣніе разума, и за мѣлину ума моего“ (—л. 282).

при немъ и сдѣлался первымъ послѣ него настоятелемъ прилуцкаго монастыря. Въ другомъ мѣстѣ авторъ выражается, что Господь Богъ «прояви сицеваго чудотворца (Димитрія) въ послѣднія роды наша». Житіе, кромѣ предисловія, состоитъ изъ трехъ частей: въ первой излагаются собственно жизнь и подвиги преподобнаго, во второй — его чудеса, въ третьей—похвала ему. Части связаны между собою и составляютъ одно непрерывное сочиненіе, которое читалось предъ всею церковію во дни памяти преподобнаго (278). Въ двухъ первыхъ частяхъ разсказъ простой, безъ напыщенности и многорѣчія, хотя недовольно искусный. Послѣдняя составлена преимущественно въ формѣ акаѳиста, съ частыми повтореніями слова: *радуйся*.

Житіе св. Алексія, митрополита кіевскаго, написано архимандритомъ Питиримомъ, который былъ въ послѣдствіи епископомъ пермскимъ (поставленъ между 1441—1445 г.). Оно неизвѣстно нынѣ подъ его именемъ, но, вѣроятно, есть то

(278) Списокъ этого житія въ Сборн. моей библ. № 8, л. 1–61. Здѣсь, между прочимъ, читаемъ: „изыде (св. Димитрій) отъ Переславля, поемъ с собою единаго ученика своего, достовѣрна во всемъ, подобна его житію смиренному, именемъ Пахомія, иже той намъ многа свидѣтельствова о житіи і о чюдесехъ преподобнаго“ (—л. 15 об.). И въ другомъ мѣстѣ: „свѣтлая и чюдная днесь праведнаго память в томъ отъ православныхъ съвершается, исполнь радости и веселія“ (—л. 53). Другой списокъ этого житія находится въ Сборн. моей библ. № 39, л. 1—53. А что „Похвала преп. Димитрію“ не есть отдѣльное сочиненіе отъ „Житія“ его, это очевидно изъ первыхъ словъ Похвалы, которая начинается такъ: „но убо нынѣ прекратимъ слово писати, чюдеса святаго чюдотворца Дмитрія: неисчетна бо суть, яже даруетъ Богъ и до сего дни, молитвами святаго чюдотворца Дмитрія, иже с вѣрою приходящимъ ко гробу его. Паки же всячески къ похваленію его устремимся“ (—л. 52 об.). Да и озаглавлена „Похвала“ во второмъ спискѣ: „Того же слова похвала чудотворца Димитрія“, а въ первомъ спискѣ даже во все не имѣетъ заглавія и ничѣмъ не отдѣляется отъ Житія. Первый списокъ мы напечатали въ Матеріал. для Ист. Русск. Церкви II, 57—77.

самое, которое донынѣ встрѣчается въ рукописяхъ, внесено въ одну изъ лѣтописей и начинается словами: «сей убо преподобный отецъ нашъ Алексій митрополитъ бѣяше родомъ бояринъ». Житіе это оканчивается разсказомъ о смерти и погребеніи св. Алексія, но не упоминаетъ ни объ открытіи мощей его, послѣдовавшемъ въ 1439 г., ни о перенесеніи ихъ въ новую церковь—въ 1485 г., слѣд. писано прежде, и именно около того времени, когда и былъ архимандритомъ Питиримъ ([279]). Представимъ, для примѣра, два отрывка: «сей преподобный отецъ Алексій митрополитъ,— говорится въ началѣ житія,—былъ родомъ бояринъ, изъ славныхъ и нарочитыхъ бояръ, отъ страны русскія, отъ области московскія, сынъ благородныхъ и благовѣрныхъ родителей отца—Симеона и матери—Маріи. Родился въ великое княженіе Михаила Ярославича тверскаго, при митрополитѣ Максимѣ, прежде убіенія Іакинфа, и былъ старше великаго князя Семіона 17 годами. А крестилъ его, еще въ младенчествѣ, князь Иванъ Даниловичь, не бывшій еще на великомъ княженіи. Имя ему было наречено въ крещеніи Семіонъ. Еще въ дѣтствѣ онъ изучился всей граматѣ, и въ юности навыкъ всѣмъ книгамъ. Измлада возлюбилъ Бога и оставилъ родителей своихъ, и женитьбу, и всѣхъ по плоти сродниковъ, и возненавидѣлъ всякое пристрастіе къ міру. Возжелалъ работать единому Богу и, имѣя, какъ казалось, около двадцати лѣтъ, удалился изъ міра, и постригся въ одномъ изъ монастырей, и принялъ въ монашескомъ чинѣ имя Алексія. Онъ ревностно подвизался въ

([279]) О Питиримѣ, какъ авторѣ житія—Степ. кн. I, 445. Самое житіе—въ П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 26—28; Сборн. Новг. Соф. библ. XVI в. № 410, л.376 об.—379 об.

добродѣтели, исполнялъ всѣ обѣты иноческой жизни, прошелъ всякое писаніе ветхаго и новаго завѣта, оставался въ чернечествѣ даже до сорока лѣтъ и за свою добродѣтельную жизнь былъ честимъ и славимъ всѣми, и любимъ многими»... Въ концѣ житія читаемъ: «когда онъ умиралъ, то заповѣдалъ великому князю положить себя не въ церкви, а внѣ церкви за олтаремъ: тамъ указалъ мѣсто и велѣлъ положить себя крайняго ради смиренія. Но великій князь никакъ не сотворилъ того, не восхотѣлъ положить внѣ церкви такого господина, честнаго святителя, а положили его въ церкви близъ олтаря съ великою честію, проводили его съ усердіемъ и тщаніемъ честные епископы, архимандриты, игумены, священники, діаконы и черноризцы, и множество народа, со свѣчами и кадилами и псалмами духовными, поя надъ нимъ обычныя надгробныя пѣсни. Великій князь Димитрій Іоанновичь самъ стоялъ надъ нимъ, равно и братъ его Владиміръ Андреевичь. Князь же Василій, сынъ великаго князя Димитрія, былъ тогда еще малымъ дитятею — шести лѣтъ, а князю Юрію Дмитріевичу было три года. Всѣ люди, проводивъ его, разошлись каждый во свояси».

Описаніе своего путешествія во св. Іерусалимъ, подъ заглавіемъ «Ксеносъ», оставилъ іеродіаконъ Троицкой-Сергіевой лавры Зосима, странствовавшій въ 1420 году. Онъ повѣствуетъ о своемъ пути изъ Кіева до Царяграда, о самомъ Царѣградѣ и его достопримѣчательностяхъ, объ Аѳонѣ и Солунѣ, которые такъ же посѣтилъ, и всего подробнѣе о Іерусалимѣ и другихъ мѣстностяхъ св. земли ([280]).

([280]) Напеч. у Сахаров. въ Путеш. Русск. людей II, 31—62.

Изъ сказаній о флорентійскомъ соборѣ одно называется повѣстію объ осьмомъ или «Исидоровомъ» соборѣ, которую составилъ суздальскій іеромонахъ Симеонъ, находившійся при митрополитѣ Исидорѣ въ качествѣ духовника всей его свиты. Симеонъ лично присутствовалъ въ засѣданіяхъ собора и сообщаетъ о немъ довольно любопытныя, впрочемъ весьма немногія, подробности, а больше говоритъ о Маркѣ ефесскомъ и о самомъ себѣ. Сочиненіе свое онъ заключаетъ похвалою великому князю Василію Васильевичу съ частыми повтореніями: «радуйся, благовѣрный и православный княже» ([281]).

Другое сочиненіе, касающееся того же событія, есть «путешествіе Исидора митрополита на флорентійскій соборъ» въ 1437 году. Здѣсь описывается весь путь митрополита изъ Москвы чрезъ Тверь, Новгородъ, Псковъ, Юрьевъ, Ригу, Нѣмецкое море и нѣмецкіе города до Феррары и Флоренціи. Говорится, какъ гдѣ встрѣчали митрополита, сколько времени онъ оставался въ какомъ городѣ, что видѣли его спутники замѣчательнаго въ иностранныхъ городахъ и под. Кратко повѣствуется о самомъ соборѣ и, наконецъ, изображается обратный путь Исидора въ Россію чрезъ другія мѣста. Сочиненіе это приписываютъ тому же самому Симеону, іеромонаху суздальскому, который составилъ повѣсть объ осьмомъ или Исидоровомъ соборѣ ([282]).

([281]) Въ спискѣ, находящемся въ Сборн. Новг. Соф. библ., въ четверть, № 677, л. 190—203, сочиненіе это озаглавлено: „Исидоровъ соборъ и хожeніе его". Мы напечатали этотъ списокъ въ Матеріал. для Ист. Русск. Церкви I, 60—76.

([282]) Оно извѣстно въ разныхъ видахъ и напечат. въ Путеш. Русск. людей II, 81—112; въ П. Собр. Р. Лѣт. VI, 151—161; VIII, 100—106; Древн. Росс. Вивліоѳ. VI, 27—70.

IV.

Неутѣшительный выводъ мы должны сдѣлать изъ нашего обзора русской духовной литературы въ періодъ монгольскій. Какихъ нибудь три-четыре описанія путешествій, три-четыре десятка житій, повѣстей и вообще историческихъ сказаній, немногимъ больше—церковныхъ словъ, бесѣдъ, поученій, почти столько же посланій и граматъ: вотъ все, что дошло до насъ отъ того двухвѣковаго періода. Въ наши дни, еслибы всѣ эти, большею частію, мелкія и очень краткія, сочиненія вылились изъ-подъ пера даже одного писателя, его отнюдь нельзя было бы назвать плодовитымъ. И если извѣстно, что не всѣ писанія того времени сохранились до настоящаго: имѣемъ ли мы право слишкомъ преувеличивать число не дошедшихъ? Да и заслуживали ли они того, чтобы быть сохраненными для потомства? Небогатою представляется тогдашняя литература наша и по качеству или достоинству литературныхъ произведеній. Одни писатели были люди только-что грамотные, съ самыми ограниченными понятіями и свѣдѣніями и безъ всякаго навыка излагать свои мысли правильно и въ порядкѣ. Въ другихъ если замѣтны значительная начитанность и довольно обширныя и разнообразныя познанія, то познанія, большею частію, поверхностныя, сбивчивыя, плохо усвоенныя и не проникнутыя самомыслительностію, какія обыкновенно бываютъ у людей, не приготовленныхъ научнымъ образованіемъ къ пониманію и усвоенію

прочитаннаго. Какъ мало отчетливы и безсвязны были эти познанія у нихъ въ головѣ, такъ же не ясно и не послѣдовательно выражались на хартіи или бумагѣ. Только нѣкоторые, весьма немногіе, силою своихъ природныхъ дарованій и долговременнымъ упражненіемъ, умѣли возвышаться надъ массою пріобрѣтаемыхъ чрезъ чтеніе книгъ свѣдѣній, перерабатывать ихъ, и являются довольно самостоятельными, отчетливыми и небезъискуственными въ изложеніи своихъ мыслей. Требовать бо̀льшаго отъ литературы въ то время, когда у насъ вовсе были незнакомы съ пособіями науки и научнымъ образованіемъ, едва ли было бы и справедливо. Нѣтъ сомнѣнія, что наша тогдашняя литература, какъ мы не разъ замѣчали, отзывалась на потребности времени и въ проповѣдяхъ, и въ посланіяхъ, и въ историческихъ статьяхъ, и въ описаніяхъ путешествій. Но не можемъ сказать, чтобы она удовлетворяла современнымъ духовнымъ потребностямъ русскаго народа: отечественныя сочиненія были для этого слишкомъ малочисленны и мало распространены, отъ чего преимущественно и дошли до насъ въ такомъ ограниченномъ числѣ.

Была у насъ тогда другая литература, которая гораздо болѣе пользовалась уваженіемъ и сочувствіемъ нашихъ предковъ, болѣе удовлетворяла ихъ духовнымъ потребностямъ, и далеко превосходила нашу русскую и количествомъ и часто качествомъ своихъ произведеній: разумѣемъ литературу иноземную, почти исключительно переводную. Мы знаемъ, что еще въ до-монгольскій періодъ у насъ находились въ употребленіи, кромѣ нѣкоторыхъ книгъ св. Писанія, творенія древнихъ учителей Церкви, восточной и западной, разумѣется, въ

переводахъ, и сочиненія нѣкоторыхъ южныхъ Славянъ. И именно: для уразумѣнія слова Божія—толкованія на Псалтырь св. Аѳанасія александрійскаго, на Евангеліе — св. Григорія, папы римскаго, и на посланія къ Римлянамъ, Коринѳянамъ, Галатамъ и Ефесеямъ изъ разныхъ св. отцевъ; для изученія догматовъ вѣры и истинъ нравственности — богословіе св. Іоанна Дамаскина, пандекты Антіоха; для проповѣданія въ храмахъ—нѣкоторыя слова—Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Василія великаго, Климента, епископа словенскаго или величскаго; огласительныя поученія Кирилла іерусалимскаго и бесѣды на воскресныя евангелія, выбранныя изъ разныхъ св. отцевъ Константиномъ, пресвитеромъ болгарскимъ; вообще для назидательнаго чтенія—лѣствица св. Іоанна Лѣствичника, житія нѣкоторыхъ святыхъ, греческихъ и славянскихъ и проч. ([283]). Въ настоящій періодъ число переводныхъ книгъ въ Россіи, вмѣстѣ съ сочиненіями южно-славянскими, еще болѣе увеличилось, если судить даже по однимъ, уцѣлѣвшимъ отъ того времени, памятникамъ. Таковы—

Книги свящ. Писанія и толкованія на нихъ: 1) Пятокнижіе Моусеево въ спискѣ XIV—XV и другомъ XV вѣка; 2) книги Іисуса Навина, Судей, Руѳи и Есѳири въ спискѣ XIV вѣка, тѣ же книги и вмѣстѣ книги Царствъ—всѣ четыре въ спискѣ XV вѣка ([284]); 3) Псалтырь въ спискахъ:

([283]) См. нашей Истор. Русск. Церкв. I, 81—82; II, 166—170; III, 182. 183. А такъ же—*Срезневск.* Древн. памятники русск. языка, въ Изв. 2-го Отдѣл. Акад. наукъ, т. X, выпуск. I и II.

([284]) Пятокнижіе конца XIV или нач. XV в. въ Троиц. Сергіев. лаврѣ (Опис. ея стр. 151, М. 1857), XV в. въ Румянц. Музеумѣ (Опис. стр. 29); книги Іисуса Навина и другія упомянутыя въ спискѣ XIV в. въ Сергіевой лаврѣ (*Буслаев.* Истор. Христом. стр. 118—130), въ спискѣ XV в. въ Импер. Публ. библ. (*Востоков.* Опис. Рум. Муз. 34. 35).

1296 г. и другихъ XIII, XIV и XV в. ([285]); 4) шестнадцать пророковъ въ спискахъ XV в., хотя несомнѣнно извѣстно, что «книги пророческія» у насъ употреблялись и во второй половинѣ XIII в. (въ 1276 г.) ([286]); 5) всѣ книги новаго завѣта, т. е. и четвероевангеліе, и дѣянія апостольскія, и посланія апостоловъ, и апокалипсисъ, переведенныя или вновь исправленныя по греческому тексту св. Алексіемъ, митрополитомъ московскимъ въ 1355 году и сохраняющіяся доселѣ въ его драгоцѣнномъ автографѣ ([287]); 6) Евангелія, расположенныя по евангелистамъ или четвероевангелія въ спискахъ: 1383 г. и во многихъ другихъ XIV и XV вѣка ([288]). Не упоминаемъ о евангеліяхъ, которыя расположены по порядку церковныхъ чтеній и находились въ употребленіи собственно

([285]) Списокъ 1296 г.—въ Сѵнодал. библ. (*Горск.* Опис. рукоп. ея I, 181; *архим. Саввы* Указат. для обозр. этой библ. 223, М. 1858). Списки: XIII в.—въ бывшей библ. Толстова (Второе Прибавл. къ Опис. рукоп. гр. Толстова, стр. 1); XIV в. — въ той же библ. (Первое Приб. къ Опис. ея стр. 5), въ Румян. Муз. (Опис. 463), въ библ. Воскресенскаго монастыря (Опис. ея *архим. Амфилохія* въ Изв. 2-го Отд. Ак. Наукъ VII, 263) и въ библ. Московскаго Историческаго Общества (Опис. ея 59). Списокъ 1424 г.—въ библ. Кирилло-Бѣлоезер. монастыря (*архим. Варлаама*—Обозр. рукоп. пр. Кирилла Бѣлоезер. въ Чтен. Моск. Ист. Общ. 1860, II, отд. III, 12). Другіе списки XV в. — въ Рум. Муз. (Опис. 464) и въ бывшей Толстовской библ. (Опис. 213. 512).

([286]) Одинъ списокъ въ Сѵнод. библ. (*архимандр. Савв.* Указат. 222), другой въ Рум. Муз. (Опис. 35). А о книгахъ пророческихъ въ 1275 г. упоминается въ Лѣтописи (П. Собр. Р. Лѣт. II, 206).

([287]) Хранится въ Москвѣ, въ Чудовомъ монастырѣ.

([288]) Списокъ 1383 г., писанный въ Константинополѣ,—въ Сѵнод. библ. (*Горск.* Опис. I, 224). Другой списокъ XIV в.—въ Рум. Муз. (Опис. 181). Списки: 1401 г.—въ Рум. Муз. (—182), конца XIV или начала XV в. — въ бывшей Толстов. (Опис. 170), въ Сергіевой Лаврѣ (Опис. 41), четыре — въ Кирилло-Бѣлоезер. монастырѣ (*арх. Варлаам.* Опис. рук. Кирилла Бѣлоезер. въ Чтен. Моск. Ист. Общ. 1860, II, отд. III, 5—10). Списки: 1430 г., купленный на Аѳонѣ русскимъ іеромонахомъ Аѳанасіемъ,—въ Воскресенскомъ монастырѣ (Опис. *архим. Амфил.* въ Изв. 2-го Отд. Ак. Наук. VII, 186), вообще XV в.— семь въ Рум. Муз. (—184—187) и два въ бывшей Толстовской (Опис. 212—213).

во храмахъ Божіихъ, а не въ жилищахъ христіанъ: такихъ евангелій сохранилось весьма много. 7) Апостолъ или апостольскія дѣянія и посланія въ спискахъ XIII—XIV и начала XV в. (289); 8) Толкованіе на шестодневъ, составленное Іоанномъ, экзархомъ болгарскимъ, по руководству св. Василія великаго и Северіана гавальскаго, въ спискѣ 1263 г. и въ спискѣ XV в.; 9) Толкованія на книги пророковъ, извлеченныя изъ Ѳеодорита и другихъ учителей Церкви, въ спискахъ XV в. (290); 10) Толковая Псалтырь ок. 1250 г.; 11) Толкованіе на Пѣснь пѣсней въ спискѣ XIV вѣка (291); 12) Толкованіе на Евангелія Іоанна и Луки, писанное въ 1434 г. въ Кіевопечерской лаврѣ; 13) Толкованіе на Евангелія Іоанна и Марка—Ѳеофилакта болгарскаго въ спискѣ XV в.: кстати замѣтимъ, что объ употребленіи у насъ Толковаго Евангелія въ концѣ XIV и началѣ XV в. свидѣтельствуетъ митрополитъ Кипріанъ (292); 14) Толковый Апостолъ — такъ же XV в.; 15) Толковый Апокалипсисъ—св. Андрея кесарійскаго въ трехъ экземплярахъ XIII—XIV в.; 16) два Сборника, содержащіе въ себѣ толкованія св. отцевъ на разныя мѣста свящ. Писанія, одинъ XIII, другой XV в. (293). Не упоминаемъ о тол-

(289) Два первые—въ бывшей Толстов. (Опис. 68.211), послѣдній — въ Кирилло-Бѣлоез. монастырѣ (*арх. Варлаам*. въ означ. Опис. 10).

(290) Списки Толков. на шестодн. въ Сvнод. библ. (*Горск*. Опис. отд. II, кн. I, стр. 1 и 30). О спискахъ Толков. на пророк. смотр. *Востоков*. Предисл. къ Остром. Евангелію II—III и Москвитян. 1843, № 7.

(291) О Псалтыри—*Срезневск*. Древн. Памятн. Русск. письма, стр. 200. О Пѣсн. пѣсней—библіот. Моск. Истор. Общ. № 171, стр. 61.

(292) Первое Толкованіе—въ библ. Толстов. (Опис. 98). Второе—въ Сvнод. библ. (*Горск*. Опис. отд. II, кн. I, 128). Свидѣтельство м. Кипріана—въ Акт. Истор. I, 478.

(293) Толк. Апостолъ—въ Сvнод. библ. (*Горск*. Опис. отд. II, кн. I, 154). Списки Толков. Апокал.—въ Рум. Муз. (Опис. 11), въ библ. Царскаго (Опис.

кованіи на книгу Іова—Олимпіодора александрійскаго и другихъ учителей Церкви, переведенномъ въ 1412 г. на Аөонѣ въ Хиландарской обители инокомъ Гавріиломъ, ни о бесѣдахъ на книгу Бытія—св. Іоанна Златоустаго, переведенныхъ въ 1426 г. на Аөонѣ инокомъ Іаковомъ: потому что, скоро ли проникли эти переводы въ Россію, не знаемъ. Впрочемъ, объ употребленіи у насъ бесѣдъ на шестодневъ св. Іоанна Златоустаго, конечно, въ болѣе древнемъ переводѣ, и вмѣстѣ такихъ же бесѣдъ св. Василія великаго, свидѣтельствуетъ митрополитъ Кипріанъ въ своемъ посланіи къ игумену Аөанасію (1390—1405 г.) ([294]).

Писанія догматическія, нравственныя и аскетическія, обращенныя преимущественно къ инокамъ: 1) Творенія св. Діонисія ареопагита съ толкованіями на нихъ св. Максима исповѣдника въ спискѣ XV в., по переводу, сдѣланному въ 1371 г. аөонскимъ инокомъ Исаіею; 2) Слова противъ Аріанъ св. Аөанасія александрійскаго въ спискѣ XV в., по переводу епископа болгарскаго Константина (X вѣка); 3) Пандекты Антіоха въ спискѣ конца XIV или начала XV в. ([295]); 4) Лѣствица св. Іоанна Лѣствичника во многихъ спискахъ XIII, XIV и XV вѣка ([296]); 5) Поученія аввы Дороөея въ четырехъ спискахъ XIV и XV в.; 6) Поученія св. Ефрема Сирина въ трехъ

1) и у *Срезнев.* (Древн. Памятн. Русск. языка, стр. 200). Означенные Сборники—въ библ. Толстов. (Опис. 213 и 276).

([294]) Списки помянутыхъ толков. на Іова и бесѣдъ Златоуста—въ Сѵнод. библ. (Опис. II, кн. I, 45—50 и 53). Свидѣтельство Кипріана — въ Акт. Истор. I, 478.

([295]) Первая рукопись—въ Рум. Муз. (Опис. 161), вторая—въ Сѵнод. библ. (*Горск.* Опис. отд. II, кн. II, 32), третья—въ той же библ. (—247).

([296]) Списки: XIII в.—въ Рум. Муз. (Опис. 255); XIV в.—въ Сѵнод. библ. (*Горск.* Опис. II, кн. II, 193) и другой, переписанный 1387 г. въ Студійской обители митроп. Кипріаномъ, — въ Моск. Духов. Акад. (№ 152); начала XV

спискахъ: конца XIII, XIV и начала XV вѣка; 7) Поученія Исаака Сирина въ спискахъ 1381, 1416, 1431 г. и вообще XV в., съ прибавленіями изъ Петра Дамаскина, Максима исповѣдника и др. (297); 8) Діоптра Филиппа пустынника въ спискѣ 1388 г. и въ четырехъ спискахъ XV вѣка; 9) Постническія слова св. Василія великаго XV в.; 10) Поученія преп. Θеодора Студита въ спискахъ XIV и XV в.; 11) Подвижническія главы преп. Максима исповѣдника, Θеодора эдесскаго и Нила—конца XIV или начала XV в.; 12) св. Нила объ осми помыслѣхъ въ спискѣ 1419 г.; 13) Творенія Симеона, новаго богослова, и Петра Дамаскина— XV в. и 14) Словеса различна св. Григорія Синаита— XV в. (298).

в.—два въ Троицко-Сергіевой лаврѣ (Опис. 158) и одинъ въ библ. Моск. Ист. Общ. (Опис. 47); 1419 года, переписанный, по благословенію митрополита Фотія, для священноинока Саввы діакономъ Стефаномъ,—въ библ. Толстов. (Опис. 212); 1422 года, переписанный, по повелѣнію пр. Кирилла Бѣлоезерск., инокомъ Θеогностомъ, въ Кирилло-Бѣлоезерск. монастырѣ (*архим. Варлаам.* въ означ. Опис. 20—21); 1431 года — въ Рум. Муз. (Опис. 255); вообще XV вѣка — въ библ. Царск. (Опис. 149) и въ Сѵнод. библ. (*Горск.* Опис. II, кн. II, 205).

(297) *Аввы Дороѳея*: XIV в.—въ Чудовск. библ. (*Горск.* Опис. Сѵнод. библ. II, кн. II, 224), конца XIV или нач. XV в.—въ Толстов. (Опис. 65), 1414 года—въ Сергіевой лаврѣ (Опис. 155), XV в.—въ библ. Царск. (Опис. 27). *Ефрема Сирина*: конца XIII в.—(*Срезнев.* Древн. Памятн. Русск. языка, стр. 630), XIV в.—въ библ. Царск. (Опис. 41), нач. XV в.—въ Толстов. (Опис. 117). *Исаака Сирина*: 1381 г.—въ Серг. лаврѣ (Опис. 154); 1416 г., перепис. въ монастырѣ преп. Саввы, по волѣ игумена Варсонофія,—въ Толстов. (Опис. 323); 1431 г., переп. въ новгород. Лисицкомъ монастырѣ іеромонахомъ Симеономъ (*Горск.* Опис. Сѵнод. библ. II, кн. II, 176); вообще XV в.—въ Рум. Муз. (Опис. 235).

(298) *Филиппа пустынника:* 1388 г. въ библ. Чудова монастыря (*Горск.* Опис. Сѵнод. библ. II, отд. II, 459); 1418 г., пис. для Троиц.-Серг. лавры, по волѣ игумена Никона (Опис. Лавры 154—155); 1426 г.—въ библ. Царск. (Опис. 25); вообще XV в. — въ Сѵнод. библ. (*Горск.* Оп. II, кн. II, 449) и въ Толстов. (Опис. 3). *Василія вел.*—XV в. въ библ. Толстов. (Оп. 76). *Θеодора Студита*: XIV в.—въ библ. Моск. Дух. Ак. № 32; XV в.—въ Сѵнод. библ. (Опис. II, кн. II, 347). *Максима исповѣдника* и другихъ —въ Сѵнод. библ. (—283). *Нила* — въ библ. Толстов. (Опис. 212). *Симеона и Петра Дамаск.* — въ Сѵнод. библ. (Опис. 434). *Григорія Синаита*—въ той же библ. (*Савв.* Указател. 166).

Церковныя поученія, слова, бесѣды: 1) Огласительныя поученія св. Кирилла іерусалимскаго XIII в.; 2) 16 словъ св. Григорія Богослова, съ толкованіемъ Никиты ираклійскаго, въ трехъ спискахъ XIV в. и въ двухъ XV вѣка; 3) Маргаритъ св. Іоанна Златоустаго—начала XV в.; 4) Бесѣды на евангельскія чтенія св. Григорія Двоеслова— XIV вѣка (299); 5) Собраніе поученій на воскресные и праздничные дни изъ св. Златоуста и другихъ отцевъ, въ спискѣ XV вѣка. Это собраніе сдѣлано константинопольскимъ патріархомъ Филоѳеемъ и переведено на славянскій языкъ въ 1343 или, вѣроятнѣе, въ 1407 году (300); 6) Сборникъ словъ, отъ недѣли мытаря и фарисея до недѣли всѣхъ святыхъ, изъ св. Златоуста, Ѳеофила александрійскаго, Ефрема Сирина, Ѳеодора Студита, Григорія Богослова, Аѳанасія александрійскаго и другихъ, въ спискѣ XV вѣка; 7) еще два (неполныхъ) Сборника поученій на разные дни и праздники изъ св. Златоуста и другихъ въ спискахъ XIV—XV вѣка. Три послѣдніе Сборника составлены несомнѣнно у насъ въ Россіи: потому что на ряду съ твореніями древнихъ учителей Церкви заключаютъ въ себѣ и сочиненія русскихъ писателей—Ѳеодосія печерскаго, Кирилла туровскаго и нѣкоторыхъ безъименныхъ (301).

(299) *Кирилла іерусалимск.* въ библ. Толстов. (Опис. 5). *Григорія богослова:* XIV в. въ Сѵнод. библ. два (Оп. 68 и 87) и въ Сергіевой лаврѣ (Опис. 152), XV в. въ Толстов. (Опис. 195) и Рум. Муз. (Опис. 153). *Іоанна Злат.* въ библ. Толстов. (Оп. 29). О Бесѣд. Григорія Двоесл. въ спискѣ XIV в. см. *Горск.* Опис. Сѵнод. библ. II, кн. II, 236.

(300) Списокъ XV в. въ библ. Толстов. (Опис. 171). О составителѣ этого Собранія поученій и о времени перевода ихъ на славянскій языкъ—см. *Горск. и Невостр.* Опис. Сѵнод. библ. II, кн. II, 658 и 667.

(301) Первый изъ этихъ трехъ Сборниковъ— въ Рум. Муз. (Опис. 610), два послѣдніе — въ Новг. Соф. библ. (*Купріан.* Обозр. ея въ Изв. 2-го Отд. Ак. Наукъ VI, 307—310).

Житія святыхъ, прологи, патерики: 1) Житія святыхъ числомъ до 25, писанныя въ 1431 г. на Аѳонѣ инокомъ русскимъ Аѳанасіемъ и потомъ переписанныя, по повелѣнію игумена Троицко-Сергіева монастыря Зиновія (1432—1443); 2) Житія: Нифонта и Ѳеодора Студита, писанныя ок. 1250 г., Симеона столпника, писанное 1296 г., Епифанія кипрскаго въ спискѣ XIV в., Панкратія тавроменійскаго въ спискѣ XIV в., Варлаама и Іоасафа индійскихъ въ двухъ спискахъ XIV и XV в., Іоанна Златоустаго, Андрея юродиваго въ отдѣльныхъ спискахъ XV в. (302); 3) Прологи, болѣе двадцати книгъ, въ спискахъ XIII, XIV и XV вѣка (303); 4) Патерикъ азбучный въ спискѣ конца XIV и трехъ спискахъ XV в.; 5) Патерикъ скитскій въ спискахъ 1296 г. и XV в.; 6) Патерикъ римскій или повѣсти о жительствѣ св. отцевъ—св. Григорія Двоеслова, папы римскаго, въ двухъ спискахъ XIV и XV в.; 7) Патерикъ египетскій въ спискѣ начала XV вѣка (304).

Сочиненія и сборники смѣшаннаго содержанія. Въ числѣ этихъ сборниковъ одни несомнѣнно составлены въ Греціи,— по крайней мѣрѣ, не содержатъ въ себѣ русскихъ статей, а другіе составлены въ Россіи: потому что на ряду съ статьями

(302) Опис. Серг. лавры 156—157; *Срезневск.* Древн. Памятн. Русск. языка, стр. 607; *арх. Савв.* Указат. Сѵнод. библ. 174. 177. 213; *Купріан.* Обозр. Новг. Соф. библ. въ Изв. 2-го Отд. Ак. Наукъ VI, 285. 309; Опис. Рум. Муз. 198; Опис. рукоп. гр. Толст. 273.

(303) *Архим. Савв.* Указат. Сѵнод. библ. 221—222; Опис. Рум. Муз. 447; Опис. рукоп. Царск. 319; Опис. рукоп. Толстов. 62. 315; *Купріан.* Обозр. Новг. библ. въ означ. Извѣст. 51. 305; *Срезневск.* Древн. Памятн. Русск. языка, стр. 204. 303. 306.

(304) *Архим. Савв.* Указат. Сѵнод. библ. 165. 218; Опис. рукоп. Толстов., прибавл. 2-е, стр. 45; Опис. рукоп. Царск. 352; *Срезнев.* Древн. Памятн. русск. языка стр. 229.

древнихъ учителей Церкви заключаютъ въ себѣ и статьи русскія, хотя немногія. Къ сборникамъ перваго рода относятся: 1) обширное сочиненіе Никона черногорца (XI в.) самаго разнообразнаго содержанія—и догматическаго, и нравственнаго, и аскетическаго, и обрядоваго, и каноническаго. Въ сочиненіи этомъ двѣ отдѣльныя части, которыя бо́льшею частію и переписывались отдѣльно, какъ два особыя сочиненія. Одна называется *Пандекты*, состоитъ изъ 63 словъ и извѣстна въ спискѣ 1294 г., въ четырехъ спискахъ XIV и трехъ XV вѣка. Вторая—*Тактиконъ* или *Типиконъ* содержитъ 40 словъ и извѣстна въ спискѣ 1397 г. и трехъ спискахъ XV в. Въ сочиненіи Никона черногорца приводится безчисленное множество мѣстъ и отрывковъ изъ весьма многихъ древнихъ писателей Церкви, такъ что предки наши, читая одно это сочиненіе, могли знакомиться со многими отцами и учителями, творенія которыхъ еще не были переведены на славянскій языкъ ([305]). 2) Извѣстный сборникъ Святославовъ, переписанный въ 1403 г. инокомъ Аноимомъ въ московскомъ Андрониковомъ монастырѣ; 3) Сборникъ начала XV вѣка, содержащій въ себѣ, кромѣ египетскаго патерика, отрывки изъ другихъ патериковъ, такъ же поученія и житія разныхъ свя—

([305]) О спискахъ Пандекты—*арх. Савв.* Указат. Сvнод. библ. 213; *Горск.* Опис. рукоп. Сvнод. библ. кн. IV, 1. 21. 28. 34; Опис. рукоп. Толстов. 79. 169. 510;*арх. Варлаам.* Обозр. рукоп. Кирилла Бѣлоез. въ означ. Чтен. 45—55. О спискахъ Тактикона—Опис. рукоп. Толстов. 701. 705; *арх. Савв.* означен. Указат. 213. Оглавленіе всѣхъ словъ или главъ обоихъ этихъ книгъ—въ Опис. рукоп. Царскаго 247—265; въ Опис. рукоп. Моск. Сvнод. библ. книги IV, стр. 1—52, и въ Обозр. Кормчей книги *Розенкампфа*, прибавл. стр. 187—208. У Розенкампфа (тамъ же 195—200) перечислены и имена церковныхъ писателей, которыми пользовался Никонъ черногорецъ при составленіи своей Пандекты.

тыхъ; 4) Сборникъ 1422 г., заключающій въ себѣ, кромѣ лѣствицы Іоанна Лѣствичника, многія другія статьи: повѣсти, слова, краткія изреченія и проч.; 5) Пчела или рѣчи и мудрости отъ евангелія и отъ апостолъ, и отъ св. мужъ, и разумъ внѣшнихъ философовъ — въ спискахъ XV вѣка (306). Изъ сборниковъ, составленныхъ въ Россіи, извѣстны: 1) Измарагдъ XIV в., гдѣ вмѣстѣ съ словами св. Златоустаго и другихъ учителей помѣщены два слова св. Кирилла туровскаго; 2) Златая цѣпь XIV в., въ которой, между прочимъ, сохранились до насъ извѣстныя слова Серапіона владимірскаго; 3) Сборникъ XIV в., заключающій въ себѣ, между переводными статьями разныхъ св. отцевъ, поученія св. Алексія, митрополита московскаго, Матѳія сарайскаго и нѣсколько словъ св. Кирилла туровскаго (307); 4) Сборникъ изъ отеческихъ сочиненій съ одною русскою статьею—конца XIV или нач. XV вѣка; 5) два другіе такіе же Сборника XV в.; 6) такъ-называемый Паисіевскій сборникъ XIV—XV в., гдѣ помѣщены нѣкоторыя сочиненія св. Ѳеодосія печерскаго и Серапіона владимірскаго; 7) такъ—называемый Силвестровскій сборникъ XIV в., въ которомъ находятся, кромѣ отрывка изъ Палеи, нѣкоторыхъ житій и другихъ переводныхъ статей, два русскихъ сказанія о житіи св. мучениковъ Бориса и Глѣба (308).

(306) *Горск.* Опис. Сѵнод. библ. II, кн. II, 406; Опис. рукоп. Царскаго 352; *архим. Варлаам.* Обозр. рукоп. Кирилл. Бѣлоезер. въ означ. Чтен. 21—26; *архим. Савв.* Указат. Сѵнод. библ. 178. 225; Опис. рукоп. Толстов. 128—136.

(307) Опис. Рум. Муз. 233; *Буслаев.* Историч. Христом. 478—504; Опис. рукоп. Царскаго 339 и слѣд.

(308) Опис. Рум. Муз. 507; *Горск.* Опис. Сѵнод. библ. II, кн. II, 621—623; Опис. рукоп. Толст. 122; *Буслаев.* Историч. Христом. 515; *Шевырев.* Поѣздка въ Кирилло-Бѣлоезер. монастырь II, 32—39; *Срезнев.* Сказан. о св. Борисѣ и Глѣбѣ, предисл. I—VI.

Излишне напоминать, что мы не перечислили и не могли перечислить всѣхъ памятниковъ переводной и южно-славянской литературы, какіе сохранились у насъ отъ монгольскаго періода: такъ какъ не всѣ они приведены въ извѣстность, не всѣ библіотеки древне-славянскихъ рукописей описаны. А съ другой стороны, нельзя не предположить, что были и могли быть тогда въ употребленіи у нашихъ предковъ многія другія такого же рода сочиненія, до насъ не дошедшія или нами не упомянутыя. Къ сожалѣнію, предки наши, списывая и пріобрѣтая себѣ въ славянскихъ переводахъ книги *истинныя*, т. е. составленныя въ духѣ православія, нерѣдко списывали вмѣстѣ и такія книги, которыя назывались *ложными*, *отреченными*, *апокрифическими*. Эти книги, по всей вѣроятности, начали проникать къ намъ изъ Греціи и Болгаріи съ самаго введенія христіанства, и преп. Несторъ, какъ извѣстно, уже пользовался въ своей лѣтописи нѣкоторыми ложными сказаніями изъ книги — Палеи. Отъ XIII в. дошла до насъ одна изъ такихъ книгъ, именно: «Сказаніе Афродитіана персіанина». И митрополитъ Кириллъ II во второй половинѣ того же вѣка не безъ причины заповѣдывалъ въ своемъ поученіи къ попюмъ: «лживыхъ книгъ не почитайте». Въ XIV столѣтіи число апокрифовъ у насъ еще увеличилось,—и замѣчательно, что они помѣщались тогда у насъ въ однихъ и тѣхъ же сборникахъ вмѣстѣ съ книгами истинными. Въ спискахъ этого вѣка сохранились доселѣ слѣдующіе апокрифы: отрывокъ изъ книги Еноха, Откровеніе Авраама, Завѣты двѣнадцати патріарховъ, Варѳоломеевы вопросы Богородицѣ, Повѣсть о Макаріѣ римскомъ, Хожденіе Зосимы къ Рахманамъ. За тѣмъ сохранились такъ же: Лѣствица Іакова въ спискѣ 1406 г., Хож-

деніе св. Іоанна Богослова и Повѣсть о спасенномъ древѣ крестномъ въ спискѣ 1419 г. и многія другія отреченныя книги въ спискахъ XV вѣка ([309]). Чтобы предохранить православныхъ отъ чтенія этихъ книгъ, пастыри нашей Церкви находили нужнымъ составлять индексы или перечни книгъ истинныхъ и ложныхъ, конечно, на основаніи такихъ же индексовъ греческихъ и болгарскихъ, издавна существовавшихъ. Къ концу XIV и въ началѣ XV в. встрѣчаемъ у себя разомъ три подобныхъ индекса: одинъ въ Паисіевскомъ Сборникѣ, другой въ молитвенникѣ митрополита Кипріана, третій въ Сборникѣ преп. Кирилла Бѣлоезерскаго ([310]). Эти индексы при изчисленіи апокрифовъ довольно различны между собою— потому ли, что составлены были на основаніи различныхъ индексовъ греческихъ и болгарскихъ, или потому что составители нашихъ индексовъ перечисляли ложныя книги, каждый по своему усмотрѣнію, какія знали и находили въ употребленіи. Изъ этихъ индексовъ узнаемъ, что большая часть перечисляемыхъ въ нихъ отреченныхъ книгъ имѣли происхожденіе греческое, а другія измышлены были въ Болгаріи, почему и называются *болгарскими баснями* или *ложью болгарскаго попа Іереміи*, нѣкоторыя же, судя по названіямъ (громовникъ, колядникъ, воронограй и под.), можетъ быть, появились въ самой Россіи. Какъ бы то ни было, только не подлежитъ сомнѣнію, что воспитаніе предковъ нашихъ, умствен-

([309]) *Тихонравов.* Памятн. отреченной Русск. Литер. т. I и II, М. 1863; *Восток.* Опис. Рум. Муз. стр. 722—723.

([310]) *Буслаев.* Историч. Христом. стр. 533, Москв. 1861; Матеріалы для Истор. Русск. Церкви I, 36—42.

ное и нравственное, совершалось тогда подъ двумя, совершенно противоположными, вліяніями: подъ вліяніемъ писаній отеческихъ и вообще православныхъ, доставлявшихъ здоровую пищу, и подъ вліяніемъ писаній еретическихъ и вообще ложныхъ. Оба эти вліянія неизбѣжно должны были отразиться и отразились въ произведеніяхъ нашей домашней духовной литературы, каковы, напримѣръ, сочиненія святителей—Петра, Алексія, Григорія Самвлака, проникнутыя духомъ и мыслями древнихъ учителей Церкви, и посланіе новгородскаго архіепископа Василія о земномъ раѣ, усиливающееся доказать одну изъ любимыхъ мыслей еретиковъ—несторіанъ и яковитовъ, между прочимъ, ссылкою на апокрифическую повѣсть о римскомъ пустынникѣ Макаріѣ, которая дѣйствительно и упоминается въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ.

Вообще же мы приходимъ къ заключенію, которое намъ кажется справедливымъ, что если не бѣднѣе была наша духовная литература, не ниже было наше духовное просвѣщеніе въ періодъ монгольскій, чѣмъ въ предшествовавшій, то отнюдь и не богаче, отнюдь и не выше. Въ два новыя столѣтія ни наше просвѣщеніе, ни наша литература нисколько не подвинулись впередъ, а все оставались на прежней точкѣ, или вѣрнѣе, все вращались въ одномъ и томъ же, словно заколдованномъ, кругѣ. Какъ прежде значительную часть нашихъ духовныхъ писателей составляли наши митрополиты—Греки, приходившіе къ намъ съ готовымъ образованіемъ изъ отечества,—такъ и теперь лучшіе или образованнѣйшіе изъ нашихъ писателей, которыхъ сочиненія представляютъ собою едва ли не половину всего нашего литературнаго наслѣдія отъ того времени, именно митрополиты—Купріанъ, Фотій, Гри-

горій Самвлакъ пришли къ намъ съ востока, и слѣд. не у насъ получили образованіе. Собственно русскіе писатели, и прежде и теперь, воспитывали себя исключительно по сочиненіямъ древнихъ учителей Церкви въ славянскомъ переводѣ, видѣли въ нихъ для себя единственные образцы, которымъ старались подражать, любили часто повторять ихъ мысли, приводить ихъ изреченія, какбы говорить ихъ словами. Если переводная литература является у насъ въ настоящій періодъ болѣе обширною и богатою, то еще спрашивается: на нашей ли почвѣ возникла эта литература, не пересажена ли она къ намъ такъ же съ востока? По крайней мѣрѣ, кромѣ нѣсколькихъ переводовъ митрополита Кипріана, мы съ трудомъ можемъ указать на одну-двѣ книги, переведенныя тогда въ Россіи,— между тѣмъ, какъ достовѣрно знаемъ, что въ Сербіи, Константинополѣ и особенно на Аѳонѣ продолжали переводить книги на славянскій языкъ, и что Русскіе старались списывать или покупать эти книги и приносили въ свое отечество ([311]). Предки наши, очевидно, по прежнему, оставались

([311]) Переведенными въ Россіи можно считать: 1) Діоптру Филиппа пустынника (см. *Горск.* Опис. Сѵнод. библ. II, отд. II, 456) и 2) Сборникъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни,—такъ какъ въ самомъ заглавіи этихъ поученій замѣчено: „преложена съ греческаго языка на русскыя книгы“ (тамъ же 658). Въ Сербіи около 1370 г., по заботливости князя Георгія Бранковича, вновь переведена и сличена по древнимъ славянскимъ рукописямъ Лѣствица преп. Іоанна Лѣствичника (тамъ же 217). На Аѳонѣ переведены: 1) Творенія св. Діонисія ареопагита инокомъ Исаіею въ 1371 г. (Опис. Рум. Муз. 161), 2) Толкованіе Олимпіодорово на книгу Іова—въ 1412 г. инокомъ Гавріиломъ и 3) Бесѣды Златоуста на книгу Бытія—въ 1426 г. инокомъ Іаковомъ (*Горск.* Опис. Сѵнод. библ. II, кн. I, 45—50 и 53). На Аѳонѣ списаны—житія нѣкоторыхъ святыхъ въ 1431 г. инокомъ русскимъ Аѳанасіемъ (Опис. Сергіев. лавр. 156—157), куплено Евангеліе—по евангелистамъ въ 1430 г., вѣроятно, тѣмъ же инокомъ Аѳанасіемъ (см. выше примѣч. 288). Въ Константинополѣ списаны—Евангеліе по евангелистамъ въ 1383 г. (см. тамъ же) и Сборникъ

ученикамп Грековъ и южныхъ Славянъ и находились подъ ихъ исключительнымъ вліяніемъ.

Надобно присовокупить, что и то слабое образованіе, какое мы замѣчаемъ тогда въ Россіи, ограничивалось самымъ небольшимъ кругомъ даже въ духовенствѣ. Каковы были вообще наши архипастыри, за исключеніемъ извѣстныхъ, крайне немногихъ? «Епископы русскіе— люди не книжные», увѣрялъ папу Евгенія на Флорентійскомъ соборѣ митрополитъ Исидоръ ([312]). И еслибы мы заподозрили этого свидѣтеля, то сборникъ поученій, переведенный на русскій языкъ (1343 или 1407 г.) въ руководство именно архіереямъ, что бы они могли по нему, каждое воскресенье и каждый праздникъ, проповѣдывать во храмахъ, удостовѣрилъ бы насъ, что тогдашніе владыки наши не всѣ въ состояніи были сами отъ себя и поучать народъ истинамъ вѣры ([313]). Каково было наше низшее духовенство, особенно сельское? Объ этомъ случайно засвидѣтельствовалъ другой нашъ митрополитъ Кипріанъ, когда, перечисляя книги ложныя, упомянулъ о толстыхъ сельскихъ сборникахъ, которые «невѣжи-попы и дьаконы» наполняли разными баснями и суевѣрными сказаніями. Излишне и спрашивать, проникали ли тогда грамотность и какое либо книжное образованіе въ массы нашего народа. Что сталось бы съ

отеческихъ сочиненій въ 1392 г. (Опис. Рум. Муз. 516—517). А въ Студійскомъ цареградскомъ монастырѣ нарочно проживали иногда Русскіе, чтобы списывать для себя свящ. книги (*Сахаров*. Путешеств. Русск. людей по св. землѣ, ч. II, 26, Спб. 1839).

([312]) *Симеона суздал.* о флорент. соборѣ въ Матеріал. для исторіи русск. Церкви I, стр. 73.

([313]) Сборникъ именно озаглавленъ: „Поученіа избранна...., *глаголемая отъ архіерея* изъ устъ во всякую недѣлю на поученіе христоименитымъ людемъ или *прочитаема*, такожде и на господскыя праздники и на избранныхъ святыхъ"…. (*Горск.* Опис. Сvнод. библ. II, кн. II, 658. 667).

БИБЛІОТЕКА КАЗАНСКАГО ЮНКЕРСКАГО УЧИЛИЩА.

просвѣщеніемъ въ Россіи, еслибы она слишкомъ на два вѣка не подпала владычеству Монголовъ? Разумѣется, рѣшительно это опредѣлить никто не можетъ. Но судя по тому, какъ шло у насъ дѣло просвѣщенія въ два съ половиною столѣтія до Монголовъ, думаемъ, что оно едва ли подвинулось бы впередъ и въ два послѣдовавшія столѣтія, при прежнихъ условіяхъ нашего отечества, хотя бы Монголы къ намъ не приходили, и явилось бы въ такомъ же или подобномъ видѣ, въ какомъ явилось при Монголахъ. Живое доказательство тому представляютъ Новгородцы, которые почти не несли ига монгольскаго, однакожъ нимало не опередили прочихъ Русскихъ въ просвѣщеніи. Повторяемъ: Монголы отнюдь не препятствовали нашему духовенству, особенно въ монастыряхъ, заниматься науками, еслибы сами Русскіе того хотѣли. Но видно, Русскіе еще не чувствовали потребности въ высшемъ образованіи. Они спокойно продолжали идти тѣмъ же путемъ, какимъ шли ихъ предки, довольствовались тѣми же первоначальными школами, какія существовали и прежде, и не простирали въ этомъ отношеніи своихъ желаній далѣе, какъ только чтобы умѣть свободно читать и понимать божественныя и свято-отеческія книги, на пользу собственныхъ душъ и для назиданія ближнихъ.

ГЛАВА VII.

СОСТОЯНІЕ ВѢРЫ И НРАВСТВЕННОСТИ.

Періодъ монгольскаго владычества надъ Россіею, казалось, былъ особенно благопріятнымъ временемъ для нравственнаго ея улучшенія и возвышенія. Никогда еще она не подвергалась такому громадному бѣдствію, какому подверглась теперь, и никакое бѣдствіе не тяготѣло надъ нею такъ долго. Никто въ Россіи не сомнѣвался тогда, что иго монгольское есть наказаніе Божіе за грѣхи, а пастыри Церкви громогласно повторяли эту мысль и не переставали призывать народъ къ покаянію и исправленію жизни ([314]). Едва протекло первое столѣтіе этого тяжелаго ига, какъ Россію постигла новая кара небесная—страшная язва, извѣстная подъ именемъ черной смерти. Явившись въ 1352 г. сперва въ Псковѣ, потомъ въ Новгородѣ и обошедши всѣ русскія области, она впродолженіе слишкомъ семидесяти лѣтъ (1352—1427) нѣсколько разъ повторялась въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ Новгородѣ и Псковѣ, и вездѣ производила ужасныя опустошенія.

([314]) См. Правило митрополита Кирилла II го, поученія Серапіона владимірскаго и друг.

Не только домы, а цѣлые города пустѣли отъ нея: въ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ не осталось ни одного жителя, въ Смоленскѣ едва осталось пять человѣкъ, которые, наконецъ, рѣшились удалиться изъ города, наполненнаго одними трупами. Никогда въ Россіи не свирѣпствовала такая губительная и такая продолжительная язва. Всѣ видѣли въ ней гнѣвъ Божій за грѣхи и, по гласу пастырей Церкви, спѣшили каяться и обращаться къ Богу ([315]). Мы не говоримъ уже о многихъ другихъ общественныхъ бѣдствіяхъ, какія испытывало тогда наше отечество, но которыя извѣстны были ему и прежде, хотя и эти нравственные уроки могли имѣть силу и оказывать свое благодѣтельное вліяніе. Къ концу XIV и особенно съ начала XV вѣка въ Россіи сдѣлалась господствующею мысль о близкой кончинѣ міра—новое, необычайное побужденіе къ покаянію и благочестію христіанскому. Настало послѣднее столѣтіе седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра, съ истеченіемъ которой, думали, должно послѣдовать преставленіе свѣта и долженъ открыться всеобщій судъ. Эту мысль раздѣляли вполнѣ сами наши архипастыри, даже просвѣщеннѣйшіе изъ нихъ каковы — Кипріанъ и Фотій, и пользовались ею, чтобы убѣждать своихъ пасомыхъ къ исправленію жизни. Что же — посреди такихъ обстоятельствъ впродолженіе монгольскаго періода сдѣлались ли Русскіе дѣйствительно лучшими по своей нравственности, нежели какими были прежде? Мы нимало не сомнѣваемся, что всѣ означенныя обстоятельства, грозныя и поучительныя, не могли не производить силь-

([315]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 60—61. 95. 191. 194; Ник. Лѣт. III, 196—198; *Карамз.* V, примѣч. 222.

ныхъ, иногда потрясающихъ дѣйствій на массы народа, и что тысячи, десятки тысячь людей искренно обращались тогда къ Богу и оканчивали жизнь съ истиннымъ покаяніемъ, какъ точно и было, по прямому свидѣтельству лѣтописей, напримѣръ, во Владимірѣ при первомъ нашествіи Татаръ и въ Псковѣ—во время моровой язвы ([316]). Но надобно сознаться, что всѣ эти дѣйствія были только временныя и проходившія скоро. А сказать, чтобы въ тотъ періодъ измѣнился къ лучшему самый характеръ русскаго народа, чтобы Русскіе болѣе прониклись духомъ Евангелія, болѣе утвердились и возвысились въ началахъ христіанскаго благочестія, отнюдь не позволяетъ исторія. Много свѣтлаго и доблестнаго представляетъ она тогда у насъ, но почти ничего такого, чего бы не представляла и прежде. За то, съ другой стороны, представляетъ много и мрачнаго, даже болѣе мрачнаго, нежели сколько мы видѣли у себя въ предшествовавшее время.

Русскіе отличались уже и прежде глубокою приверженностію къ св. вѣрѣ Христовой и православной Церкви. Теперь открывались для нихъ случаи засвидѣтельствовать эту приверженность и любовь своею кровію. Въ 1246 г., когда Батый позвалъ къ себѣ черниговскаго князя Михаила и потребовалъ отъ него чрезъ своихъ волхвовъ, чтобы онъ предъ вступленіемъ въ палату ханскую прошелъ, по обычаю Монголовъ, сквозь огонь и поклонился солнцу и истуканамъ,—благовѣрный князь отвѣчалъ: «я христіанинъ и не могу поклониться твари и идоламъ». Когда ему предложили на выборъ одно изъ двухъ—или поклониться или умереть: князь не поколе-

([316]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 197; Ник. Лѣт. III, 107. 196–198.

бался избрать послѣднее, не смотря на всѣ убѣжденія близкихъ людей, приготовился къ христіанской кончинѣ и вкусилъ лютую смерть отъ варваровъ. Примѣру доблестнаго князя тогда же послѣдовалъ и любимый бояринъ его Ѳеодоръ. Въ 1270 г. другой князь русскій, Романъ Ольговичь рязанскій былъ оклеветанъ въ Ордѣ, будто онъ поносилъ хана и его вѣру. Ханъ отдалъ князя въ руки Татаръ, которые начали принуждать его къ своей вѣрѣ. Но онъ не только не соглашался на это, но открыто исповѣдывалъ, что вѣра христіанская воистину есть святая, а татарская — поганая. Озлобленные язычники отрѣзали ему языкъ, заткнули уста и медленно изрѣзали по составамъ всѣ члены его тѣла, такъ что новый мученикъ дѣйствительно уподобился древнему Іакову Персскому, по замѣчанію лѣтописей ([317]). Защищая себя отъ нападающихъ враговъ или выступая противъ нихъ сами, Русскіе были убѣждены, что они проливаютъ свою кровь и умираютъ, прежде всего, за св. вѣру и Церковь. «Умремъ за св. Богородицу (т. е. за соборную церковь пресв. Богородицы) и за правую вѣру», говорили жители Владиміра, когда онъ былъ осажденъ Татарами. «Умремъ за св. Софію (т. е. за софійскій соборъ)», обыкновенно повторяли Новгородцы, собираясь на поле брани. «Прольемъ кровь свою за домъ пресв. Троицы и за св. церкви», восклицали Псковитяне во дни Довмонта, отражая нападенія Литвы. И Димитрій Донской, отправляясь съ войскомъ изъ Москвы противъ Татаръ, говорилъ прочимъ князьямъ и воеводамъ: «пойдемъ противъ безбожнаго и нечестиваго Мамая за правую вѣру

([317]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 42; V, 184; VII, 152—155. 170; Ник. Лѣт. III, 53.

ристіанскую и за св. церкви, и за всѣхъ младенцевъ и старцевъ, и за всѣхъ христіанъ» (318). Да, Русскіе любили свое отечество, а въ немъ, прежде всего, любили свою св. вѣру и свою св. Церковь. Русскіе тѣмъ болѣе привязывались къ св. вѣрѣ и Церкви, что въ нихъ только находили для себя утѣшеніе и подкрѣпленіе посреди бѣдствій и скорбей въ особенности отъ своихъ поработителей и въ имени или званіи христіанъ видѣли свое главное отличіе отъ поганыхъ Агарянъ, свое превосходство предъ ними. Но не скроемъ свидѣтельства лѣтописей, что въ то время, какъ одни изъ сыновъ Россіи, изъ благочестивыхъ ея князей, охотно умирали за св. вѣру, не соглашаясь измѣнить ей и поклониться монгольскимъ идоламъ, «многіе другіе князья съ своими боярами проходили (предъ палаткою Батыя) сквозь огонь и покланялись кусту и идоламъ ради славы свѣта сего и каждый выпрашивалъ себѣ власти». Находились и такіе между Русскими, которые совершенно отвергались отъ вѣры христіанской и принимали вѣру нашихъ поработителей. Припомнимъ Домана сѣверянина, родомъ изъ Путивля, отсѣкшаго голову св. Михаилу, князю черниговскому, и несчастнаго Изосиму, который прежде былъ инокомъ самой нетрезвой и вообще позорной жизни, а сдѣлавшись вѣроотступникомъ много досаждалъ христіанамъ въ Ярославлѣ и убитъ ими (319).

Любя вѣру и Церковь, предки наши, естественно, были привержены и усердны къ храмамъ Божіимъ и св. обителямъ. Были князья, были и архипастыри и другія лица, которые

(318) П. Собр. Р. Лѣт. I, 222; III, 57. 62. 71. 99 и друг.; IV, 40. 76. 181; V, 6; VI, 105; VII, 140.

(319) П. Собр. Р. Лѣт. I, 204; V, 183. 185. 190.

впродолженіе своей жизни сооружали не одну или двѣ, а многія церкви, и на собственныя средства воздвигали по нѣскольку монастырей, или не щадили для содержанія и украшенія ихъ никакихъ жертвъ. Обычай постригаться въ монашество, по крайней мѣрѣ, предъ смертію, извѣстный у насъ и въ прежнее время, теперь еще усилился. Рѣдкіе изъ князей, каковы—Владиміръ Васильковичь галицкій и Димитрій Донской, не послѣдовали этому обычаю. А большая часть принимали предъ своею кончиною не только монашество, но и схиму. Такъ поступили св. Александръ Невскій, дѣти его—Андрей Александровичь и Даніилъ Александровичь московскій, за тѣмъ — Іоаннъ Даниловичь Калита, Симеонъ Іоанновичь Гордый, Михаилъ Александровичь тверскій, Александръ ростовскій и весьма многіе другіе. Такъ же поступили и княгини: мать св. Александра Невскаго — Евфросинья, жена Симеона Гордаго—Анастасія, жена брата его Іоанна Іоанновича — Александра, жена Димитрія Донскаго—Евдокія и другія. Такъ же поступали почти всѣ посадники новгородскіе, бояре московскіе и многія другія лица ([320]). Но, не смотря на всеобщее, господствовавшее тогда, уваженіе и любовь къ св. храмамъ и обителямъ иноковъ, бывали примѣры и совершенно противнаго, по крайней мѣрѣ, во дни брани и другихъ народныхъ бѣдствій. Въ 1393 г. Новгородцы, овладѣвъ Устюгомъ, зажгли городъ и разграбили соборную церковь, похитили изъ нея все золото и серебро, ободрали даже иконы. А чрезъ нѣсколько лѣтъ (1398) не

([320]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 208 209. 233. 234; II, 54. 58. 68. 79; III, 58. 66. 68. 72 96. 102. 104. 105. 109. 138. 140; VII, 206. 209; VIII, 13. 62; Степ. Кн. I, 442. 486 и др.

только разграбили вновь ту же самую церковь въ Устюгѣ, но сожгли ее и взяли, какъ они выражались, въ плѣнъ самую икону пресв. Богородицы чудотворную, такъ что владыка новгородскій справедливо замѣтилъ воеводамъ: «вы обезчестили церковь Божію въ Устюгѣ», и повелѣлъ имъ воздвигнуть эту церковь и возвратить чудотворную икону со всею утварью ([321]). Не лучше дѣйствовали иногда Новгородцы и у себя дома. Въ 1299 г., когда во время страшнаго пожара нѣкоторые торговцы снесли, для безопасности, свои товары въ церкви, злые люди разграбили въ церквахъ все снесенное, а въ одной убили даже сторожа, охранявшаго товаръ. Въ 1340 г., во время еще болѣе сильнаго пожара, такъ же убили въ церквахъ двухъ сторожей, разграбили весь товаръ, много сдѣлали пакости въ самомъ Софійскомъ соборѣ. Въ 1418 г., во время народнаго волненія, возмутившіеся, кромѣ разныхъ неистовствъ въ городѣ, разграбили монастырь св. Николая на полѣ и оскорбили игумена и чернорizцевъ, говоря: «здѣсь житницы боярскія». Великій князь московскій Василій Васильевичь съ своею многочисленною ратью (1434), опустошивъ страну галичскую и взявъ самый Галичь, пожегъ святыя церкви и монастыри ([322]).

Любя вѣру и Церковь, предки наши, естественно, чтили пастырей Церкви и особенно высшихъ представителей ея—іерарховъ. Излишне было бы приводить на это доказательства. Обыкновенная похвала доброму князю въ лѣтописяхъ нашихъ такая: «бѣ іереелюбецъ и мнихолюбецъ, митрополита

([321]) П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 63; *Карамз.* V, примѣч. 149 и 171.
([322]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 66. 80. 108; IV, 54. 117. 208.

же и епископы чтяше и послушааше ихъ, аки самаго Христа».... и т. под. ([323]). Но бывали случаи неуваженія къ самимъ епископамъ и митрополитамъ. Извѣстно намъ, какъ въ 1295 г. ростовскій князь Константинъ Борисовичь взялъ своего владыку Тарасія подъ стражу со всѣми бывшими при немъ людьми. Извѣстны и дѣйствія в. к. Димитрія Донскаго съ митрополитами Кипріаномъ и Пименомъ. Извѣстно, наконецъ, сколько огорченій и скорбей потерпѣлъ митрополитъ Фотій отъ князей и бояръ, которые, еще до прибытія его изъ Греціи, самовольно завладѣли разными угодьями и доходами митрополитскаго дома и не хотѣли ихъ уступить, а потомъ, по злобѣ и мести, распускали про митрополита хулы и клеветы и ссорили его съ великимъ княземъ. Новгородцы въ 1422 г. избрали себѣ по жребію во владыки игумена Клопскаго монастыря Θеодосія и возвели его на сѣни, но чрезъ два лѣта, прежде нежели онъ былъ рукоположенъ, изгнали его отъ себя потому только будтобы, что онъ былъ, какъ говорили они, *шестникъ*, т. е. пришлецъ, а не природный Новгородецъ ([324]).

Милосердіе къ бѣднымъ и несчастнымъ было такъ же одною изъ господствующихъ добродѣтелей того времени. Ею отличались особенно нѣкоторые князья. Напримѣръ, про Владиміра Васильковича галицкаго повѣствуется, что когда онъ сдѣлался болѣнъ, то «раздалъ все имѣніе свое убогимъ. Золото и серебро, и дорогіе камни, и пояса отца своего, золотые и серебряные, и что самъ пріобрѣлъ послѣ отца, все раздалъ.

([323]) П. Собр. Р. Лѣт. V, 5. 8. Снес. II, 221; IV, 183. 200.
([324]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 110. 140. 183; IV, 120.

Большія серебряныя блюда и золотые и серебряные кубки самъ передъ своими глазами побилъ и перелилъ въ гривны, и большія золотыя монисты бабки своей и матери все перелилъ и разослалъ милостыню по всей странѣ, и стада раздалъ убогимъ людемъ и коней». О князѣ Довмонтѣ псковскомъ читаемъ у лѣтописца: «бяше милостивъ паче мѣры..., нищая милуя, сироты и вдовица заступая и обидимыя изимая». Іоаннъ Даниловичь Калита оттого и получилъ такое прозваніе, что всегда носилъ при себѣ калиту или мѣшокъ съ деньгами для раздачи бѣднымъ. Супруга нижегородскаго князя Андрея Константиновича Василиса, вскорѣ по смерти его, раздала все свое богатство и имѣніе, золото и серебро, и жемчугъ, и многоцѣнныя одежды, частію нищимъ, частію на церкви и монастыри, а сама постриглась въ монашество подъ именемъ Θеодоры (+1378) ([325]). Но несравненно болѣе мы видимъ тогда примѣровъ немилосердія и несострадательности къ ближнимъ, даже жестокости и безчеловѣчія. Въ Новгородѣ не проходило почти ни одного изъ пожаровъ,— а они случались тамъ такъ часто, — при описаніи котораго мѣстный лѣтописецъ не замѣтилъ бы: «окаянные злые люди, Бога не боящіеся и не жалѣющіе своей братіи, пограбили чужія имѣнія, иныхъ же и убили надъ ихъ товаромъ и много совершили пакости погорѣвшимъ» ([326]). А чего не терпѣли мирные жители того или другаго города отъ своихъ же Русскихъ, когда послѣдніе овладѣвали этимъ городомъ! Въ 1372 году, — читаемъ въ лѣтописи, — «пошелъ

([325]) П. Собр. Р. Лѣт. II, 219; V, 8; Степ. Кн. I, 487.
([326]) Тамъ же III, 70. 80. 81; IV, 122.

князь Михаилъ тверскій ратію на Торжокъ, пожегъ весь городъ и была великая пагуба христіанамъ: одни погорѣли въ своихъ дворахъ надъ своимъ имуществомъ, другіе бѣжали въ церковь св. Спаса и тамъ или сгорѣли или задохлись отъ пламени, третьи бѣжали отъ огня къ рѣкѣ Тверцѣ и потонули. Добрыя жены и дѣвицы, иноки и чернецы, которыхъ Тверитяне обдирали до послѣдней наготы,—чего не дѣлаютъ и поганые,—тѣ отъ срамоты и бѣды потопились въ водѣ.... Безчисленное множество мужей и женъ отведено въ плѣнъ, св. церкви пожжены, городъ весь опустѣлъ. Трупами людей убитыхъ, огнемъ сожженныхъ и утопшихъ наполнили пять скудельницъ». Въ 1375 г. новгородскіе удальцы-разбойники кромѣ того, что совершенно разграбили и сожгли Кострому и потомъ Нижній Новгородъ, въ обоихъ городахъ поплѣнили еще множество народа, женъ и дѣвицъ, и, спустившись внизъ по Волгѣ до города Болгаръ, продали тамъ всѣхъ этихъ женъ и дѣвицъ бусурманамъ. Точно такъ же и Тверитяне, вновь разграбивши Торжокъ (1446 г.), однихъ жителей избили, а другихъ попродали. Смоленскій князь Святославъ Ивановичь, отправившись (1386) съ ратью къ городу Мстиславу, нещадно мучилъ всѣхъ разными казнями, кто ни попадался на пути, мужей, женъ и дѣтей, иныхъ во множествѣ запиралъ въ домахъ и сожигалъ, а младенцевъ сажалъ на колъ (327).

Вообще должно сказать, что грубость нравовъ, жестокость сердца, отсутствіе христіанской любви къ ближнимъ и безчеловѣчіе составляли самый главный нравственный недоста-

(327) Тамъ же III, 89; IV, 68. 71—72. 92. 123. 125; V, 232. 235. 239; VIII, 20. 23.

токъ того времени. Всего чаще и болѣе этотъ недостатокъ обнаруживался при взаимныхъ распряхъ и междоусобіяхъ нашихъ князей. Движимые своекорыстіемъ, властолюбіемъ, местію и другими недостойными чувствами, они не щадили ни другъ друга, ни своихъ подданныхъ. Умерщвляли своихъ совмѣстниковъ, когда могли, заключали ихъ въ оковы и темницы или даже выкалывали имъ глаза, какъ поступилъ вел. князь московскій Василій Васильевичь съ галичьскимъ княземъ Василіемъ Юрьевичемъ Косымъ и братъ этого послѣдняго Димитрій Шемяка съ самимъ Василіемъ Васильевичемъ. А вступая съ ратію во владѣнія своего соперника, князья обыкновенно разоряли все, что ни встрѣчалось, грабили и жгли села и города, умерщвляли мирныхъ жителей безъ различія пола и возраста и частію забирали ихъ въ плѣнъ. Были и такіе князья, которые спѣшили въ Орду и тамъ клеветою, подкупомъ, угодничествомъ предъ ханомъ достигали погибели и убіенія своихъ совмѣстниковъ, а иногда, выпросивъ у хана татарское войско, вторгались съ этими дикарями въ предѣлы своего отечества и неистово опустошали цѣлыя его области ([328]). Другимъ свидѣтельствомъ того же самаго недостатка служатъ господствовавшіе тогда у насъ разбои. Въ княжествѣ московскомъ съ успѣхомъ противъ нихъ дѣйствовалъ Іоаннъ Даниловичь Калита, въ тверскомъ— князь Михаилъ Александровичь тверскій; но ничто не могло искоренить ихъ въ Новгородѣ. Тамъ составлялись цѣлые полки охотниковъ и удальцовъ и отправлялись сухимъ путемъ и на судахъ по Двинѣ и Волгѣ въ отдаленныя мѣста, и вездѣ гра-

([328]) *Карамз.* IV, 82. 107. 148; V, 156. 186, изд. *Эйнерлинг.*

били и жгли деревни и города, умерщвляли жителей, и съ добычею возвращались домой, а иногда и сами погибали въ отважныхъ своихъ походахъ ([329]). Не менѣе жестокости и безчеловѣчія показывали Русскіе и во время своихъ внутреннихъ смутъ, происходившихъ въ томъ или другомъ городѣ. Такъ, въ 1340 г. крамольные Брянцы, собравшись на вѣче, тутъ же умертвили князя Глѣба Святославича въ самый праздникъ святителя Николая, не смотря на всѣ убѣжденія бывшаго тогда у нихъ митрополита Ѳеогноста ([330]). Особенно часто подобныя смуты и народныя волненія случались въ Новгородѣ. Обыкновенно возставали противъ какого либо посадника или боярина, спѣшили на вѣче, раздѣлялись на партіи, начинались драки, грабили и жгли домы своихъ противниковъ, а ихъ самихъ или умерщвляли или бросали въ Волховъ, при чемъ нерѣдко гибли совершенно невинныя жертвы. Доказательствомъ того, до какой степени укоренена была въ сердцахъ Русскихъ эта жестокость и какъ мало обуздывали ее даже чрезвычайныя посѣщенія Божіи,—можетъ служить слѣдующій случай. Въ 1417 г. цѣлое лѣто и зиму въ Новгородѣ, какъ и въ другихъ сосѣднихъ городахъ, свирѣпствовалъ страшный моръ, такъ что живые не успѣвали хоронить умершихъ. Тогда Новгородцы смирились и обратились къ Богу, каялись со слезами, многіе раздавали имѣнія свои и постригались въ монашество. Но едва окончился моръ, какъ въ апрѣлѣ слѣдующаго года въ Новгородѣ произошло безразсудное возстаніе и кровопролитіе. Нѣкто людинъ, по имени

([329]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 66. 71—72; VIII, 21. 61; *Карамз.* IV, 148. 159 и примѣч. 319; V, 101.

([330]) П. Собр. Р. Лѣт. V, 222; VII, 206.

Стефанъ, злобствуя на боярина Даніила Божина, схватилъ его на улицѣ и закричалъ: «господа, помогите мнѣ управиться съ этимъ злодѣемъ». Народъ сбѣжался на крикъ и несчастнаго бояри〈на〉, безъ всякаго изслѣдованія, избили до полусмерти и потомъ бросили съ моста въ Волховъ. Одинъ рыболовъ схватилъ бояриня въ свой челнъ и за то толпа немедленно разграбила домъ этого рыболова. Когда бояринъ посадилъ своего обидчика въ темницу: народъ еще болѣе взволновался, ударилъ въ вѣчевой колоколъ и толпами бросились на Косьмодаміанскую улицу, гдѣ разграбили домъ боярина и много другихъ дворовъ, потомъ въ улицы—Яневу, Чудинцеву, Лигощеву и вездѣ разграбили множество дворовъ, преимущественно боярскихъ, говоря: «это наши супустаты». Возмущеніе продолжалось нѣсколько дней и все увеличивалось. Цѣлая сторона Софійская поднялась на Торговую: массы народа съ оружіемъ въ рукахъ спѣшили на мостъ съ обѣихъ сторонъ, произошло столкновеніе, кровопролитіе..... Ужасъ охватилъ всѣхъ. И только владыка Симеонъ, явившись на мосту въ полномъ церковномъ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ, окруженный соборомъ духовенства, едва могъ укротить это страшное народное волненіе (331). Нельзя не сказать здѣсь и о кулачныхъ бояхъ, господствовавшихъ въ Новгородѣ и часто сопровождавшихся убійствами, а равно и о кровавыхъ поединкахъ *на полѣ*, противъ которыхъ столько возставали наши архипастыри (332).

Впрочемъ, не будемъ думать, будто эта жестокость и грубость нравовъ явились у насъ собственно при Монголахъ.

(331) П. Собр. Р. Лѣт. III, 87. 107—108; *Карамз.* V, 122.
(332) Русск. Достопамятн. I, 114—115; Акт. Экспедиц. I, № 369, стр. 462.

Нѣтъ, и въ прежнія времена мы видѣли у себя примѣры отнюдь не меньшаго варварства, кровожадности, безчеловѣчія, и въ князьяхъ и въ самомъ народѣ. Теперь только, можетъ быть, представлялось болѣе случаевъ къ проявленію этихъ дурныхъ качествъ или нѣкоторые случаи были болѣе рѣзки ([333]). А что не отъ ига монгольскаго зависѣли эта жестокость и грубость, — свидѣтельствуютъ собою Новгородцы. Они почти вовсе не находились подъ вліяніемъ монгольскаго владычества и, по прежнему, пользовались гражданскою свободою и вольностію,—и они-то болѣе всѣхъ Русскихъ отличались буйствомъ, свирѣпостію и безчеловѣчіемъ. Надобно такъ же замѣтить, что не лучше Русскихъ въ этомъ отношеніи были и сосѣди ихъ — Нѣмцы, такъ часто нападавшіе на Псковъ, Литовцы и самые Поляки, какъ можно видѣть даже изъ нашихъ лѣтописей ([334]). Нѣтъ, не отъ ига монгольскаго, а отъ недостатка просвѣщенія, отъ крайняго невѣжества и болѣе всего отъ того, что ученіе о христіанской любви не глубоко еще проникало въ сердца сыновъ Россіи и не сдѣлалось въ нихъ главнымъ началомъ дѣятельности, — вотъ отъ чего зависѣли ихъ грубость и жестокость, какъ при Монголахъ, такъ и прежде Монголовъ и долгое время послѣ.

Кромѣ этого главнаго нравственнаго недостатка нашихъ предковъ были у нихъ и другіе. Сохранялись еще въ народѣ нѣкоторыя суевѣрія и остатки языческихъ обычаевъ. Многіе вѣрили въ волхвовъ и волшебницъ, въ ихъ заклинанія, чародѣянія, ворожбу, нашептыванія, узлы, зелія и под. Ду-

([333]) Спес. *Соловьев.* Истор. Россіи V, 345—347.
([334]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 196—197 и друг.

мали, между прочимъ, что они наводятъ голодъ и моръ, и потому во времена этихъ народныхъ бѣдствій схватывали тѣхъ, кого подозрѣвали въ волшебствѣ, и сожигали,—противъ чего съ такою силою возставалъ епископъ владимірскій Серапіонъ (1275). Таже мысль оставалась сильною въ народѣ и въ XV вѣкѣ, и движимые ею жители Пскова въ 1411 г., когда свирѣпствовала у нихъ черная смерть, сожгли двѣнадцать вѣщихъ женокъ или мнимыхъ волшебницъ. Въ тоже время митрополитъ Фотій писалъ къ Новгородцамъ, чтобы они не вѣрили лихимъ бабамъ-ворожеямъ подъ страхомъ отлученія отъ Церкви, прогоняли ихъ отъ себя, а самихъ ворожей-обманщицъ убѣждалъ покаяться. Во дни Серапіона владимірскаго существовало и другое суевѣріе, противъ котораго онъ вооружался, именно думали, будто наводненія и другія общественныя бѣдствія происходятъ отъ того, что кто либо погребалъ утопленника или удавленника, и потому выгребали ихъ изъ земли, чтобы избавиться отъ этихъ бѣдствій ([335]). Въ простомъ народѣ продолжали держаться стараго языческаго обычая—уводить невѣстъ или водить ихъ къ водѣ и жить съ ними безъ церковнаго вѣнчанія, безъ благословенія священническаго: противъ этого направлены правила—собора владимірскаго, митрополита Максима и митрополита Фотія. Владимірскій соборъ упоминаетъ такъ же объ обычаѣ, по которому въ субботніе вечера собирались вмѣстѣ мужи и жены и совершали, въ ночь подъ воскресенье, безстудныя игрища и скверныя дѣянія, подобно тому, какъ нѣкогда Греки-язычники праздновали какой-

([335]) П. Собр. Р. Лѣт. V, 22. 125; Акт. Эксп. I, № 369, стр. 462.

то праздникъ Діонусовъ или Діонисовъ ([336]). Давняя, укоренившаяся въ русскомъ народѣ, страсть къ вину и пьянству, господствовала и теперь со всею своею силою, и господствовала не только между мірянами, но и въ самомъ духовенствѣ, какъ можно видѣть изъ строгихъ правилъ и горькихъ обличеній и убѣжденій собора владимірскаго, митрополитовъ—Петра, Алексія, Фотія и другихъ проповѣдниковъ: не упоминаемъ уже о свидѣтельствахъ лѣтописей. Въ писаніяхъ тѣхъ же нашихъ архипастырей находимъ обличенія и противъ другихъ современныхъ имъ пороковъ и недостатковъ, какъ то: противъ татьбы, лихоимства, грабительства, прелюбодѣянія, сквернословія, лжесвидѣтельства и особенно нарушенія клятвы и присяги. До какой степени простирался этотъ послѣдній порокъ и какъ часто повторялся, свидѣтельствуютъ кровавыя сказанія лѣтописей о взаимныхъ отношеніяхъ и междоусобіяхъ тогдашнихъ нашихъ князей.

Грустною, непривлекательною представляется намъ картина нравственнаго состоянія нашихъ предковъ во дни монгольскаго владычества. Но будемъ помнить, что избранники Божіи, люди высокой вѣры и глубокаго благочестія, рѣдки во всѣ времена. И тотъ періодъ исторіи нельзя назвать совершенно мрачнымъ и безотраднымъ въ нравственномъ отношеніи, хотя бы онъ обнималъ собою болѣе двухъ столѣтій, впродолженіе котораго жили и дѣйствовали такіе великіе святители, каковы: Петръ, Алексій, или — Игнатій ростовскій, Стефанъ пермскій, Арсеній тверскій и имъ подобные,—такіе великіе подвижники, каковы: Сергій Радонежскій, Кириллъ Бѣлоезер-

([336]) Опис. Румянц. Музеум. стр. 321; Акт. Эксп. I, № 369, стр. 461.

скій, Діонисій Глушицкій, Димитрій Прилуцкій, Стефанъ Махрицкій и еще многіе, — такіе доблестные князья, каковы: Александръ невскій, Даніилъ галицкій, Довмонтъ псковскій, Даніилъ московскій, Михаилъ тверскій и другіе.

ГЛАВА VIII.

ОТНОШЕНІЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ КЪ ДРУГИМЪ ЦЕРКВАМЪ.

I.

Двѣ, хотя и несущественныя, перемѣны представляетъ періодъ монгольскій въ іерархическихъ отношеніяхъ русской Церкви къ Церкви греческой. Первая перемѣна состояла въ томъ, что Русскіе теперь, большею частію, сами избирали себѣ митрополита безъ предварительнаго согласія цареградскаго патріарха, и патріархъ утверждалъ избраннаго такимъ образомъ,—чего прежде не бывало. А вторая—въ томъ, что русская митрополія, доселѣ постоянно единая, не разъ раздѣлялась теперь, по волѣ и противъ воли патріарха, на двѣ и на три митрополіи. Весьма любопытны въ настоящемъ случаѣ двѣ патріаршія или соборныя граматы того времени, изъ которыхъ можно видѣть, какъ смотрѣли тогда сами Греки на обѣ означенныя перемѣны или, по крайней мѣрѣ, какой старались дать имъ смыслъ и значеніе. Мы тѣмъ болѣе считаемъ нужнымъ остановиться на этихъ граматахъ, что разсмотрѣніе ихъ даетъ намъ поводъ высказаться прямѣе о всемъ вообще отношеніи цареградскихъ патріарховъ къ нашей Церкви, какое было доселѣ и которое съ окончаніемъ настоящаго періода вступило въ новый фазисъ.

Не знаемъ, подъ какимъ условіемъ согласился цареградскій патріархъ утвердить и рукоположить митрополита Кирилла II, избраннаго въ Россіи, и за тѣмъ подъ какимъ условіемъ онъ утвердилъ и рукоположилъ святителя Петра, такъ же избраннаго въ Россіи. Но по случаю утвержденія въ митрополитскомъ санѣ святителя Алексія, избраннаго въ Россіи, состоялось въ Константинополѣ соборное опредѣленіе, выраженное въ слѣдующей граматѣ патріарха Филоѳея: «Святая, каѳолическая и апостольская Божія Церковь, по данной ей свыше благодатію Христовою необоримой силѣ и крѣпости, всегда и все устрояющая къ полезнѣйшему, показываетъ свою заботливость и попеченіе о всѣхъ, повсюду обрѣтающихся, святѣйшихъ церквахъ, чтобы онѣ были руководимы и управляемы хорошо и по закону Божію; въ особенности же заботится и печется о тѣхъ святѣйшихъ церквахъ, которыя находятся въ дальнемъ разстояніи и отличаются многочисленностію народа и величіемъ царской власти, исполняя въ отношеніи къ нимъ то, что ей прилично и что составляетъ ея обязанность, а всего болѣе стараясь объ освященіи и пользѣ душъ. Посему-то и святѣйшую митрополію Кіева и всей Россіи, которая имѣетъ многую и великую власть и населена многочисленнымъ христоименитымъ народомъ, и въ которой прославляется имя Божіе, святая Божія Церковь въ великой содержитъ чести, и всякимъ образомъ желаетъ о ней заботиться, ей содѣйствовать и помогать, тѣмъ болѣе, что вблизи ея предѣловъ есть много нечестивыхъ и огнепоклонниковъ. И потому, какъ въ прежнія времена въ многообразныхъ и благихъ видахъ попеченія о ней, Церковь поставляла на ея іерархическое предстоятельство, съ подобающею осмотрительностію, знаменитыхъ

и обладающихъ многими преимуществами священныхъ мужей, такъ подобнымъ образомъ и нынѣ она имѣла великое стараніе найти и избрать изъ числа живущихъ въ богознаменитомъ, богохранимомъ и богопрославленномъ Константинополѣ мужа извѣстнаго и сіяющаго добродѣтелію, отличнаго и славнаго по силѣ слова, опытнаго въ священныхъ канонахъ и основательно знающаго благочестивые законы, и, поставивъ его архіереемъ, послать отсюда для хорошаго и надлежащаго управленія помянутою святѣйшею Церковію»..... Остановимся. Въ приведенныхъ словахъ, очевидно, выражено то начало, которымъ постоянно руководствовались цареградскіе патріархи при назначеніи архипастырей для русской Церкви съ самаго ея основанія. Каково же это начало? Нельзя вполнѣ не согласиться съ тою мыслію, что чѣмъ многолюднѣе была Церковь русская и отдаленнѣе отъ главнаго центра ея высшаго управленія, чѣмъ болѣе угрожало ей опасностей со стороны сосѣднихъ язычниковъ, тѣмъ естественнѣе и обязательнѣе было для патріарховъ давать ей митрополитовъ самыхъ благонадежныхъ и достойныхъ, какъ по образованію и добродѣтели, такъ особенно по архипастырской ревности. Но слѣдуетъ ли отсюда, что такихъ митрополитовъ патріархи должны были избирать для русской Церкви только въ Греціи и Константинополѣ, а не въ Россіи? Пусть это еще могло быть необходимымъ въ первое столѣтіе; но ужели жъ оставалось необходимымъ и въ три послѣдующія столѣтія нашей церковной жизни? Греція отнюдь не была тогда такъ богата достойными кандидатами для занятія высшихъ степеней церковной іерархіи и Россія не была такъ бѣдна. Случалось, что и на патріаршую каѳедру въ Константинополѣ избирали людей и мало ученыхъ, и

мало способныхъ, и не высокой нравственности ([337]). А изъ числа 25 митрополитовъ, присланныхъ къ намъ изъ Грецiи въ первые четыре съ половиною вѣка, едва можемъ насчитать пять-шесть iерарховъ, которые отличались просвѣщенiемъ и благочестiемъ, всѣ же прочiе (кромѣ служенiя церковнаго и управленiя) ничѣмъ не заявили себя и не оставили почти никакого слѣда въ нашей исторiи; одинъ даже (Iоаннъ III) былъ, по выраженiю современнаго лѣтописца, «не книженъ и умомъ простъ и просторѣкъ» ([338]). Между тѣмъ какъ изъ шести русскихъ по происхожденiю митрополитовъ, бывшихъ у насъ въ тотъ же перiодъ, всѣ, кромѣ Пимена, извѣстны и по достаточному образованiю и по благочестiю или, по крайней мѣрѣ, по благочестiю. И безъ всякаго труда можно указать еще теперь на природныхъ русскихъ iерарховъ того времени, которые могли бы съ честiю занимать каѳедру русской митрополiи, каковы: Нифонтъ новгородскiй, Кириллъ туровскiй, Симонъ владимiрскiй, Кириллъ ростовскiй,—не упоминаемъ уже о нашихъ великихъ инокахъ—подвижникахъ. Въ приведенныхъ словахъ патрiаршей граматы говорится, будто патрiархи каждый разъ старались присылать къ намъ изъ Константинополя митрополита, отличнаго по силѣ слова и опытнаго въ священныхъ канонахъ. Но еслибы и дѣйствительно таковы были присылаемые къ намъ митрополиты—Греки: какую пользу могли приносить они Русскимъ своимъ краснорѣчiемъ, когда сами не знали по-русски и по-славянски? За исключенiемъ двухъ-трехъ

([337]) Таковы были напримѣръ: Евстратiй Гаридъ (1081—1084), Нифонтъ I (1312—1315), Герасимъ I (1320—1323) и другiе (См. Историч. списокъ Константиноп. патрiарховъ, въ Хр. Чт. 1843, III, 281; IV, 425. 426 и дал.).

([338]) П. Собр. Р. Лѣт. 1, 89.

изъ этихъ митрополитовъ, отъ которыхъ сохранились памятники ихъ благовѣстія, о всѣхъ прочихъ даже не замѣчено въ лѣтописи, говорили ли они когда либо поученія къ народу. А о природныхъ русскихъ митрополитахъ, Иларіонѣ, Кириллѣ, Петрѣ, Алексіѣ, мы знаемъ достовѣрно, что они проповѣдывали народу, и ихъ проповѣдь, безъ сомнѣнія, была ему понятна. Допустимъ такъ же, что митрополиты, присылавшіеся къ намъ изъ Греціи, быть можетъ, и обладали основательными познаніями въ церковныхъ канонахъ; но они нимало не содѣйствовали распространенію этихъ познаній между Русскими и, привозя съ собою и для себя греческіе списки Кормчей, не позаботились впродолженіе двухъ съ половиною вѣковъ ввести во всеобщее употребленіе въ Россіи славянскую Кормчую. Уже митрополитъ Кириллъ II, родомъ русскій, досталъ списокъ этой послѣдней Кормчей отъ болгарскаго деспота, и съ того времени списки ея начали умножаться въ нашей Церкви. Но послушаемъ далѣе грамату патріарха. «А такъ какъ,—продолжаетъ онъ,—боголюбезнѣйшій епископъ владимірскій киръ Алексій, рожденный и воспитанный въ тѣхъ предѣлахъ и преданный благочестію и добродѣтели, пользовался духовною любовію и расположеніемъ и отъ преосвященнаго архіерея всей Россіи киръ Өеогноста, который избралъ его на это іерархическое начальство, довѣрилъ ему, какъ способному, начальствовать надъ душами и (управлять) дѣлами и пользоваться его правами и возвелъ его въ достоинство епископа; такъ какъ почившій архіерей киръ Өеогностъ, зная его таковымъ по самому опыту и по дѣламъ, отнесся писаніемъ къ (нашей) святѣйшей и великой Божіей Церкви, представляя его, какъ достойнаго и способнаго управлять іерархически и самою

святѣйшею митрополіею кіевскою и всея Россіи,—что и мы, послѣ обычнаго тщательнѣйшаго разслѣдованія, нашли совершенно справедливымъ и согласнымъ съ свидѣтельствами о немъ (Алексіѣ) возвращающихся оттуда сюда Римлянъ (Грековъ), и съ похвальными отзывами о немъ самихъ Россіянъ, приходившихъ сюда въ разное время; — наконецъ такъ какъ и благороднѣйшій вел. князь, вожделѣннѣйшій и возлюбленнѣйшій о Господѣ сынъ нашей мѣрности, киръ Іоаннъ писалъ о немъ къ державнѣйшему и благочестивѣйшему моему императору и къ святой великой Божіей Церкви: то мы, хотя это вовсе необычно и небезопасно для Церкви, основываясь на такихъ достовѣрныхъ и согласныхъ свидѣтельствахъ, и на добродѣтельной богоугодной его жизни, разсудили, да будетъ такъ, впрочемъ только въ отношеніи къ нему одному—киръ Алексію. Но отнюдь не соизволяемъ и не полагаемъ, чтобы впослѣдствіи и кто нибудь другой изъ обитающихъ въ Россіи былъ тамъ архіереемъ; напротивъ, пусть поставляется туда только изъ сего богознаменитаго и богопрославленнаго и благодейственнаго Константинополя мужъ, украшенный добродѣтелію и благими нравами, извѣстный и воспитанный, по сказанному, въ силѣ слова и опытномъ знаніи церковныхъ законовъ, чтобы самъ собою, не нуждаясь ни въ комъ со стороны, удобно могъ и представляющіеся каноническіе вопросы рѣшать съ соблюденіемъ церковныхъ правилъ, и живущій тамъ христоименитый народъ приводить къ спасительной пажити. Мы опредѣляемъ, чтобы и преемники наши на патріаршемъ престолѣ соблюдали это наше постановленіе хорошее и весьма полезное въ домостроительствѣ Божіей Церкви. Посему мѣрность наша вмѣстѣ съ находящимся при насъ священнымъ

и божественнымъ соборомъ сошедшихся сюда преосвященныхъ архіереевъ, честнѣйшихъ возлюбленныхъ о Господѣ братій и сослужителей нашихъ: Халкидонскаго, Мелениксскаго, Понтоираклійскаго, Родосскаго, Христопольскаго, Митиленскаго, Апрскаго, Мадитскаго, Калліопольскаго, Тенедскаго, Гарельскаго и Ексамильскаго, поставила сего киръ Алексія полнымъ митрополитомъ Кіева и всея Россіи, перемѣстивши и возведши его на этотъ престолъ, какъ большій, по присущей ему добродѣтели и прочимъ духовнымъ совершенствамъ, какъ выше писано, съ согласія и разрѣшенія державнаго и благочестивѣйшаго моего императора, мужественнаго воителя и хранителя церковнаго благоденствія и благочинія, и божественныхъ и благочестивыхъ догматовъ. И такъ возведенный и поставленный въ совершеннаго митрополита кіевскаго и всея Россіи, по церковному и каноническому чиноположенію и изъ начала сохраненному преданію, посылается этотъ преосвященный митрополитъ Кіева и всея Россіи киръ Алексій, возлюбленный во Св. Духѣ братъ и сослужитель нашей мѣрности, избирается и отправляется туда архіереемъ такъ какъ бы одинъ изъ здѣшнихъ»... и проч. ([339]). Здѣсь невольно чувствуется опять несправедливость. Если въ Россіи нашелся человѣкъ, каковъ св. Алексій, котораго и въ Россіи и въ Греціи признали достойнымъ митрополитскаго сана; если для патріарха оказалась возможность убѣдиться въ его способности къ управленію русскою Церковію: то не естественно ли было ожидать такого постановленія, что и на будущее время, когда въ Россіи будутъ избираться подобные же люди для занятія митрополитской

([339]) Acta Patriarchat. Constantinopol. I, 336—338.

каѳедры, патріархъ никогда не откажется утверждать ихъ на этой каѳедрѣ, разумѣется, послѣ надлежащаго удостовѣренія въ ихъ способностяхъ и достоинствахъ? А патріархъ напротивъ постановляетъ, что возведеніе Алексія на русскую митрополію пусть считается только исключеніемъ изъ правила, что впослѣдствіи никто другой изъ обитающихъ въ Россіи не будетъ удостоенъ этого и что на будущее время митрополиты должны посылаться въ Россію непремѣнно изъ Константинополя,—мужи украшенные добродѣтелію, сильные словомъ и опытные въ знаніи церковныхъ законовъ. Не выражаетъ ли этимъ патріархъ, что между Русскими въ послѣдующее время уже не могутъ являться подобные достойные люди, или что еслибы они и явились когда либо, то они не могутъ и не должны быть возводимы на митрополію русской Церкви потому единственно, что родились въ Россіи, а не въ Греціи, не въ Константинополѣ? «Это не обычно и не безопасно»,—замѣчаетъ патріархъ. Не обычно—такъ, хотя св. Алексій былъ уже третій митрополитъ, избранный въ Россіи и утвержденный патріархомъ. Не безопасно — съ этимъ вполнѣ согласиться нельзя. Избраніе и поставленіе митрополита изъ Русскихъ для русской Церкви могло бы быть не безопаснымъ только въ такомъ случаѣ, когда бы избраніе происходило безъ всякаго разбора, а поставленіе безъ всякаго удостовѣренія въ личныхъ качествахъ и благонадежности избраннаго. Но въ такомъ случаѣ и избраніе Грека на митрополію русскую, хотя бы онъ былъ изъ самаго Константинополя, могло бы столько же быть не безопаснымъ. А надобно имѣть въ виду Русскихъ, подобныхъ митрополитамъ Кириллу II, Петру и Алексію, вполнѣ способныхъ къ управленію Церковію, избранныхъ и

поставленныхъ съ надлежащею осмотрительностію и послѣ строгаго испытанія. Отъ такихъ митрополитовъ русскихъ, безъ сомнѣнія, нельзя было бы ожидать ничего опаснаго и худаго для церковнаго управленія, напротивъ слѣдовало бы ожидать только добраго и полезнаго. Скажемъ болѣе: такіе митрополиты русскіе были бы несравненно полезнѣе для русской Церкви и болѣе бы соотвѣтствовали своей цѣли, нежели митрополиты, присылавшіеся изъ Греціи. Принадлежа и по рожденію и по воспитанію иной странѣ, избранные и поставленные греческимъ патріархомъ, съ согласія греческаго императора, митрополиты—Греки хотя, конечно, могли, по сознанію своего пастырскаго долга и по христіанской любви, ревностно заботиться о русской Церкви; но сердце ихъ естественно болѣе лежало къ ихъ родинѣ, нежели къ Россіи, и они скорѣе и охотнѣе могли преслѣдовать интересы своихъ соотечественниковъ, своего государя и патріарха, нежели интересы русскихъ князей и народа. Русскіе, съ своей стороны, неизбѣжно должны были видѣть въ этихъ митрополитахъ пришельцевъ, чуждыхъ имъ по языку и по всему другому, и хотя глубоко уважали ихъ санъ, но не могли питать къ нимъ искренняго, родственнаго влеченія и сочувствія. Совсѣмъ иное было бы при митрополитахъ русскихъ. И они сами имѣли бы болѣе побужденій трудиться съ полнымъ усердіемъ и любовію для родной Церкви и своего народа, и народъ естественно болѣе бы понималъ ихъ, болѣе имъ сочувствовалъ, болѣе любилъ ихъ и повиновался имъ. Примѣры св. Петра и особенно св. Алексія—этого великаго патріота, который столько сдѣлалъ не только для духовнаго, но и для гражданскаго блага своего отечества, служатъ тому живымъ

свидѣтельствомъ. Митрополиты въ Россіи получали очень богатое содержаніе. На что жъ употребляли его митрополиты—Греки? Мы не знаемъ, чтобы они удѣляли хоть часть его на пользу Россіи, наприм., для построенія церквей, монастырей, кромѣ того случая, что м. Фотій основалъ для себя на своей митрополитской землѣ небольшой монастырекъ—Новинскій (340). Всего вѣроятнѣе, они отсылали свои избытки въ Константинополь, въ казну патріаршую и даже царскую. Невольно припоминаются здѣсь, можетъ быть, рѣзкія, но едва ли не правдивыя слова Витовта: «и то есмы на нихъ (императорѣ и патріархѣ) гораздо познали, штожъ они хотятъ того, штобы по своей воли ставити митрополита, по накупу, хто ся у нихъ накупитъ на митрополью, штобы таковый въ ихъ воли былъ, здѣ бы грабя, пусто чиня, а къ нимъ выносилъ» (341). Не даромъ же патріархъ Іосифъ незадолго до Флорентійскаго собора, разсуждая съ приближенными своими, что можно бы открыть вселенскій соборъ не въ Италіи, а въ Константинополѣ, говорилъ: «кто пріѣдетъ сюда съ запада, тотъ не будетъ имѣть нужды въ нашемъ вспоможеніи. Но еслибы и потребовалось для того до ста тысячь аспровъ, можно было бы собрать съ епископовъ. Митрополитъ русскій одинъ привезетъ такую сумму. Изъ нея императоръ можетъ взять до двадцати тысячъ; столько же можетъ онъ получить и съ архіепископовъ грузинскаго и пекскаго (сербскаго). Восточные патріархи могутъ дать по двѣ тысячи или, по крайней мѣрѣ, по тысячѣ флориновъ, изъ нашихъ богатые

(340) *Строев.* Указатель къ „Царск. выходамъ“, стр. 61.
(341) Акт. Западн. Россіи I, № 25, стр. 36.

дадутъ по 1000, другіе по 600, иные по 300 и по 100 аспровъ». ([342]). Отсюда можно заключать, что русская митрополія считалась богатѣйшею изъ всѣхъ митрополій и епархій вселенскаго патріарха и что отъ русскихъ митрополитовъ въ Константинополѣ привыкли ожидать огромныхъ приношеній и пожертвованій. Не здѣсь ли скрывается самая тайная, но и самая главная причина, почему патріархи такъ долго и такъ упорно держались обычая назначать въ Россію митрополитовъ—Грековъ изъ числа своихъ приближенныхъ? Конечно, и митрополиты, выбранные изъ среды Русскихъ, могли по временамъ посылать дары въ казну патріаршую; но съ бо̀льшою охотою они жертвовали свои избытки на пользу своей Церкви и отечества. Напримѣръ, митрополитъ Ефремъ построилъ въ Переяславлѣ и другихъ мѣстахъ нѣсколько церквей, устроилъ общественныя больницы, страннопріимницы и оградилъ городъ каменною стѣною; св. Петръ–митрополитъ соорудилъ первый каменный храмъ въ Москвѣ; св. Алексій—устроилъ на свой счетъ четыре монастыря. Еслибы патріархи константинопольскіе дѣйствительно имѣли въ виду только благо русской Церкви: то имъ слѣдовало бы поставлять на русскую митрополію преимущественно, если не исключительно, изъ Русскихъ; слѣдовало бы употреблять всѣ мѣры, чтобы въ самой Россіи могли приготовляться достойнѣйшіе кандидаты для этого высокаго сана; слѣдовало бы постоянно и настоятельно внушать и князьямъ и іерархамъ русскимъ, чтобы они заводили училища и заботились о распространеніи просвѣщенія

([342]) Истор. Флорентійск. Собора, стр. 23—24, Москв. 1847.

особенно въ духовенствѣ. Между тѣмъ впродолженіе четырехъ съ половиною вѣковъ мы не видимъ ничего подобнаго со стороны цареградскихъ патріарховъ. И по прошествіи такого длиннаго періода, въ который Россія находилась подъ ихъ преобладающимъ вліяніемъ и руководствомъ, она осталась почти на той же степени духовнаго развитія, на какую вступила еще въ первое столѣтіе послѣ принятія христіанства.

Какъ твердо держались цареградскіе патріархи обычая посылать въ Россію митрополитовъ изъ Греціи, такъ же твердо держались они и мысли, чтобы русская митрополія оставалась всегда единою и нераздѣльною, подъ властію одного первосвятителя. Но случались иногда уклоненія и отъ этой мысли, и русская Церковь раздѣлялась на двѣ и на три митрополіи. Объясненію этой мысли и особенно уклоненій отъ нея посвящена грамата константинопольскаго собора 1389 года (343). Она начинается такъ: «вся русская епархія съ самаго начала опредѣлена была быть паствою, управляемою однимъ митрополитомъ, именно съ тѣхъ поръ, какъ Русскіе сподобились носить имя христіанъ и подчинились нашей великой Христовой, апостолической и каѳолической Церкви. Конечно не просто, какъ иной сказалъ бы, и не случайно божественные мужи устроили, чтобы многолюдный, тмочисленный, почти, можно сказать, безчисленный народъ имѣлъ одного предстателя и общаго учителя. Такъ какъ земля русская велика, раздѣлена на многія и разныя мірскія области и на столько же управле-

(343) Acta Patriarch. Constantinopol. II, 116—129. Въ русскомъ переводѣ она напечатана въ Архивѣ историко-юридич. свѣд. о Россіи *Калачов.*, III, отд. II, стр. 1—20.

лепій, многихъ имѣетъ князей, еще болѣе мѣстоблюстителей, и такъ какъ помыслы этихъ князей раздѣлены не менѣе самыхъ дѣлъ до того, что многіе другъ противъ друга возстаютъ и нападаютъ и подстрекаются на раздоры, мятежи и междоусобія: то божественные мужи, провидѣвъ это божественнымъ духомъ, какъ истинные послѣдователи миротворца милосердаго Христа, желая наставить всѣхъ въ любви, мирѣ и взаимномъ единеніи, не словомъ только, но и дѣломъ, примѣнивъ къ божественному ученію человѣческое знаніе и усмотрѣвъ, что не къ добру и не къ пользѣ будетъ, если и духовная власть на многія части распадется, что напротивъ одинъ митрополитъ можетъ быть связію и какбы союзомъ однихъ съ другими, не имѣя возможности мірскую власть подчинить одному, учредили тамъ одну власть духовную. Благое устроеніе! Ибо подчиненные одному первосвятителю и имъ руководимые и сами съ собою и другъ съ другомъ могли примиряться въ почитаніи одной главы, поставленной по примѣру единой главы, Іисуса Христа, которымъ, по словамъ апостола, все тѣло церковное слагается и составляется и въ единеніи совершается». Не станемъ доискиваться другихъ причинъ, по которымъ патріархи цареградскіе могли или должны были заботиться о томъ, чтобы вся земля русская составляла одну митрополію, не болѣе. Согласимся, что они имѣли въ виду только пользу Россіи. И эта польза, дѣйствительно, была несомнѣнна. Раздѣленные между многими князьями, изъ которыхъ каждый хотѣлъ быть самостоятельнымъ и преслѣдовалъ личныя цѣли, еще болѣе раздѣляемыя постоянными междоусобіями, кровопролитіями, враждою, Русскіе связывались между собою почти исключительно одною духовною властію

митрополита. Къ нему, какъ духовному центру, невольно обращались всѣ: нерѣдко относились князья по дѣламъ духовнымъ, постоянно тяготѣли епископы разныхъ княженій русскихъ, а чрезъ епископовъ тяготѣло все духовенство и весь народъ. Весьма хорошо понималъ это значеніе митрополитской власти Іоаннъ Даниловичь Калита, когда просилъ и упросилъ святителя Петра переселиться на жительство въ Москву; понимали и другіе князья, завидовавшіе успѣху московскаго князя; понимали, въ частности, князья галицкіе, литовскіе, старавшіеся добыть себѣ особаго митрополита и тѣмъ прекратить всякое тяготѣніе своихъ подданныхъ къ Москвѣ. Но если такъ, если единственно изъ желанія блага Россіи патріархи оставляли ее подъ властію одного митрополита: то за чѣмъ же иногда они допускали раздѣляться русской Церкви на двѣ и даже на три митрополіи? Соборная грамата, которую мы разсматриваемъ, всячески старается оправдать въ этомъ патріарховъ, за исключеніемъ одного, и сваливаетъ всю вину на насъ–Русскихъ.

«Первымъ виновникомъ,—говорится въ граматѣ (излагаемъ ее своими словами съ возможною краткостію), — раздѣленія русской митрополіи и смутъ, отъ того произшедшихъ, былъ митрополитъ Алексій. Онъ неодинаково былъ расположенъ ко всѣмъ князьямъ, неодинаково заботился о всей своей паствѣ и оставлялъ безъ своего архипастырскаго призрѣнія всю литовскую землю и Кіевъ. Сдѣлавшись опекуномъ малолѣтняго вел. князя Димитрія, онъ весь предался одному попеченію о немъ, и, имѣя въ рукахъ своихъ свѣтскую власть, исключительно радѣлъ о московскомъ княжествѣ и возбуждалъ между князьями междоусобія и кровопролитія, вмѣсто того, чтобы

быть ихъ миротворцемъ. Патріархъ убѣждалъ его чрезъ свои посланія, чтобы онъ оставилъ такой образъ дѣйствій, неприличный духовному сану: Алексій не послушался. Патріархъ присылалъ въ Россію своего посла, инока Кипріана, чтобы митрополитъ, вмѣстѣ съ нимъ посѣтилъ литовскую и кіевскую землю, которой не посѣщалъ 19 лѣтъ, и примирился съ литовскими князьями: Алексій такъ же не послушался и даже не удостоилъ патріарха своего отвѣта. Тогда литовскіе князья обратились къ патріарху съ просьбою дать имъ особаго митрополита, угрожая въ противномъ случаѣ предаться съ своими подданными римскому папѣ. И патріархъ рѣшился избрать средній путь: рукоположилъ Литовцамъ митрополита Кипріана, но съ тѣмъ, чтобы онъ до смерти Алексія былъ только митрополитомъ литовскимъ и кіевскимъ, а по смерти Алексія сдѣлался митрополитомъ всей Россіи». Такое обвиненіе, взведенное соборомъ константинопольскимъ на нашего первосвятителя Алексія, чрезъ десять лѣтъ по смерти его, никакъ не можетъ быть названо справедливымъ. И, во первыхъ, отнюдь не съ Алексія, а еще прежде его, и слѣд. не по его винѣ, началось раздѣленіе русской митрополіи. Патріархъ Іоаннъ XIV (1341—1347) учредилъ особую митрополію въ Галичѣ, подчинивъ ей пять епархій, бывшихъ на Волыни, и хотя эта митрополія, какъ объяснялъ потомъ греческій императоръ галицкому князю Любарту, была открыта во время смутъ, происходившихъ въ Царьградѣ, и скоро закрыта, все же открытіе ея зависѣло не отъ кого другаго, какъ отъ патріарха. Во вторыхъ, въ то самое время, какъ св. Алексій былъ рукоположенъ въ Константинополѣ на русскую митрополію, тамъ рукоположили для Россіи и другаго митрополита — Романа,

такъ что въ самомъ же Константинополѣ открылась между обоими митрополитами распря, кому изъ нихъ быть настоящимъ русскимъ митрополитомъ, и оба послали въ Россію для собиранія церковной дани. Спрашиваемъ: почему это патріархъ поставилъ въ Россію разомъ двухъ митрополитовъ? И для чего оба митрополита потребовали себѣ въ Константинополь церковной дани изъ Россіи? Все это объясняется простою замѣткою лѣтописи, что Романъ былъ поставленъ на мздѣ. Соборная грамата 1389 г. почему-то вовсе не упоминаетъ объ этихъ дѣйствіяхъ патріарха. Въ третьихъ, еще прежде, нежели патріархъ далъ въ Литву митрополита Кипріана по просьбѣ князей литовскихъ, онъ назначилъ особаго митрополита въ Галичь по просьбѣ польскаго короля Казиміра. А Казиміръ вовсе не жаловался въ своей граматѣ къ патріарху на святителя Алексія, но подкрѣплялъ свое требованіе тѣмъ, будто Галичь издавна былъ митрополіею, и вмѣстѣ угрозою, въ случаѣ патріаршаго отказа, присоединить галицкія епархіи къ римской церкви ([344]). И объ этомъ обстоятельствѣ умолчала разсматриваемая нами соборная грамата. Наконецъ, всѣ обвиненія на святителя Алексія, какія перечисляются въ этой соборной граматѣ, дѣйствительно взводили на него литовскіе князья, просившіе себѣ особаго митрополита; но дѣло патріарха и собора было разобрать и обсудить эти обвиненія, а не повторять ихъ голословно. Жаловались, что Алексій неодинаково былъ расположенъ ко всѣмъ князьямъ. Да онъ и не могъ быть одинаково расположеннымъ ко всѣмъ имъ, и какъ патріотъ и какъ митрополитъ. Онъ не могъ столько же

([344]) О всемъ этомъ см. подробно въ т. IV-мъ нашей Исторіи, гл. I.

любить враговъ своего отечества, напримѣръ, Ольгерда литовскаго и единомышленниковъ его—князей смоленскаго и тверскаго, которые почти непрерывно воевали противъ Москвы и страшно опустошали ея области, сколько любилъ своего отечественнаго князя—московскаго. Не могъ столько же благоволить къ князьямъ злымъ, постоянно нарушавшимъ клятву и присягу, не покорявшимся ни заповѣдямъ Евангелія, ни убѣжденіямъ духовной власти, сколько благоволилъ къ князьямъ добрымъ, благочестивымъ и послушнымъ наставленіямъ Церкви. Не даромъ и современный св. Алексію патріархъ Филоѳей писалъ русскимъ князьямъ, чтобы они почитали своего митрополита. Значитъ, сами не покарялись духовной власти Алексія, а хотѣли, чтобы онъ былъ расположенъ къ нимъ не менѣе, какъ и къ князьямъ покорнымъ. Еще жаловались, что онъ почти не посѣщалъ никогда литовскихъ епархій и Кіева. Правда, св. Алексій обозрѣвалъ эти епархіи только однажды—въ 1358 г., когда пробылъ въ Кіевѣ около двухъ лѣтъ. Но онъ и не имѣлъ нужды посѣщать лично всѣ епархіи своей обширной митрополіи: для этого у него были епархіальные архіереи, которые находились въ подчиненіи ему и относились къ нему во всѣхъ нужныхъ случаяхъ; а собственно въ Кіевѣ и въ своей кіевской епархіи митрополитъ постоянно имѣлъ намѣстника. И патріархъ самъ не посѣщалъ же лично всѣхъ митрополій своего патріархата, дѣйствуя только чрезъ митрополитовъ, и у насъ въ Россіи не былъ ни разу впродолженіе четырехъ съ половиною вѣковъ. Такъ точно дѣйствовали чрезъ подчиненныхъ епископовъ и намѣстниковъ своихъ и наши митрополиты. Князья литовскіе, конечно, могли казаться не понимающими этого и выражать свое неудоволь-

ствіе, что м. Алексій не посѣщаетъ лично ихъ области; но патріархъ имѣлъ право объяснять князьямъ, что ихъ требованіе незаконное, что у нихъ въ епархіяхъ есть для всѣхъ духовныхъ требъ епископы, поставленные отъ митрополита, которыми они и должны довольствоваться. Такъ именно смотрѣлъ на дѣло и самъ патріаршій константинопольскій соборъ въ 1380 г., когда въ опредѣленіи своемъ говорилъ: «князь литовскій (Ольгердъ) при всемъ томъ, что страна его наблюдалась многими епископами, совершенно не желалъ жить въ мирѣ и требовалъ митрополита въ Кіевъ, представляя, что его митрополія долгое время оставалась безъ надзору и что митрополиту слѣдуетъ или самому жить въ ней, или же отдать страну другому архипастырю. Митрополитъ же (Алексій), опасаясь не словъ князя, а скрывавшагося въ нихъ обмана, хотя почиталъ справедливымъ всячески заботиться о митрополіи, находящейся въ этой странѣ (литовской) и на содержаніе ея каждогодно посылалъ ей богатѣйшія средства; но оставить многолюдную страну (Россію) и великую церковь и перейти въ небольшой уголокъ—въ Кіевъ не считалъ необходимымъ, во первыхъ, потому что Кіевъ имѣлъ епископа изъ ближайшей епархіи (τῶν πλησιοχωρούντων), который исполнялъ въ немъ, когда нужно было, іерархическія обязанности, а во вторыхъ, потому что митрополитъ не видѣлъ тамъ прямой опасности отъ враговъ (для вѣры и Церкви)» (345). Жаловались еще, что м. Алексій, имѣя въ рукахъ своихъ свѣтскую власть, радѣлъ объ интересахъ одного московскаго княжества и возбуждалъ между князьями междоусобія и кровопролитія. Но св. Алексій дѣйствовалъ только,

(345) Acta Patriarch. Constantinop. II, 13.

какъ добрый совѣтникъ въ гражданскихъ дѣлахъ московскаго княжества, а самъ не имѣлъ въ рукахъ свѣтской власти, и если его совѣты направлены были исключительно къ пользѣ Москвы, то это дѣлаетъ ему честь, какъ патріоту, и совершенно было естественно и законно съ его стороны. Но чтобы онъ возбуждалъ между князьями междоусобія и кровопролитія, это несправедливо. Напротивъ, онъ старался прекращать и предотвращать междоусобія, и для этого употреблялъ иногда даже духовное оружіе, напримѣръ, запретилъ однажды богослуженіе во всѣхъ церквахъ Нижняго Новгорода, предалъ анаѳемѣ смоленскаго князя Святослава и нѣкоторыхъ другихъ князей,—и самъ патріархъ одобрилъ эти мѣры. Вообще видно, что присутствовавшіе на константинопольскомъ соборѣ 1389 г. почему-то были не расположены къ святителю Алексію, уже покойному; но современный ему патріархъ Филоѳей любилъ его и называлъ своимъ другомъ, хотя и совѣтывалъ ему посѣщать литовскія епархіи въ угодность тамошнимъ князьямъ ([346]).

Дальнѣйшіе безпорядки, послѣдовавшіе въ русской Церкви отъ раздѣленія митрополіи, соборная грамата объясняетъ такъ (выражаемъ и здѣсь сущность граматы своими словами съ возможною краткостію): «едва только патріархъ Макарій (1375—1378) узналъ о смерти святителя Алексія, какъ поспѣшилъ написать въ Россію, что онъ не признаетъ митрополита Кипріана, а поручаетъ русскую Церковь любимцу вел. князя московскаго архимандриту Михаилу (Митяю) и призываетъ его для рукоположенія въ Царьградъ. Но Михаилъ скоп-

([346]) См. нашей Истор. IV, гл. I.

чался на пути. Тогда бывшіе при немъ русскіе послы избрали нѣкоего іеромонаха Пимена и съ подложными граматами представили новому патріарху Нилу, какъ избраннаго на митрополію самимъ великимъ княземъ Россіи. И хотя лукавство и злоумышленіе ихъ вскорѣ начали обнаруживать нѣкоторыя лица, вновь прибывшія изъ Россіи; но послы стояли на своемъ и соглашались принять на главы свои патріаршую анаѳему за обманъ. Нилъ повѣрилъ имъ и рукоположилъ Пимена въ митрополита Россіи. Ложь однакожъ скоро обличилась. Вел. князь Димитрій строго наказалъ пословъ, а Пимена послалъ на заточеніе, пригласивъ на митрополію Кипріана. Узнавъ объ этомъ, патріархъ писалъ къ вел. князю одну за другою многія граматы въ пользу Пимена и противъ Кипріана, пока наконецъ послѣдній побѣдилъ и получилъ митрополію. Вскорѣ прибылъ въ Царьградъ суздальскій епископъ Діонисій, сильно вопія противъ Пимена и представляя случившееся съ нимъ, какъ зло; потомъ вновь отправился въ Россію и привезъ оттуда на письмѣ обвиненіе Пимена отъ вел. князя и отъ другихъ князей, а вмѣстѣ представилъ патріарху архимандрита Ѳеодора, духовника вел. князя, въ доказательство того, что по отрѣшеніи Пимена, онъ самъ—Діонисій долженъ быть возведенъ въ митрополита Россіи. Патріархъ послалъ на Русь двухъ архіереевъ, чтобы изслѣдовать дѣло Пимена и отрѣшить его, если окажется виновнымъ. Это взволновало Русскихъ, и все,—выражается грамата,—,,разъярилось на вселенскую Церковь'', такъ что нанесены были многія обиды съ прибавленіемъ насмѣшекъ, глумленія и ропота. Послы патріаршіе нашли Пимена виновнымъ и низвергли его. Между тѣмъ Діонисій скончался, а низвергну-

тый Пименъ поспѣшилъ въ Царьградъ, куда вскорѣ прибылъ и архимандритъ Ѳеодоръ съ обвинительными граматами на Пимена. Но случилось такъ, что Ѳеодоръ съ Пименомъ согласились, бѣжали изъ Константинополя и долго скитались по востоку, не смотря на всѣ приглашенія отъ собора и императора. Тогда соборъ отлучилъ ихъ заочно и постановилъ послать въ Россію одного митрополита Кипріана, чтобы прекратились въ ней церковныя смуты и возстановился древній порядокъ». Къ сожалѣнію, и съ этими послѣдними объясненіями соборной граматы никакъ нельзя согласиться. Нѣтъ, не столько Русскіе, сколько сами патріархи были виновниками тѣхъ церковныхъ смутъ и волненій, какія происходили тогда въ Россіи по случаю назначенія митрополитовъ. О патріархѣ Макаріѣ и соборная грамата замѣтила, что онъ не захотѣлъ признать Кипріана преемникомъ Алексія, не смотря на ясное опредѣленіе своего предшественника Филоѳея и собора, чтобы именно Кипріанъ сдѣлался митрополитомъ всей Россіи по смерти Алексія. Не лучше дѣйствовалъ потомъ и патріархъ Нилъ (1378—1388). За чѣмъ онъ повѣрилъ русскимъ посламъ, представившимъ ему подложныя граматы о Пименѣ, когда обманъ обличался нѣкоторыми другими лицами, вновь прибывшими изъ Россіи; за чѣмъ не помедлилъ рѣшеніемъ и не послалъ въ Россію удостовѣриться въ дѣлѣ? Да хотя бы онъ и не имѣлъ никакого повода не довѣрять посламъ: за чѣмъ онъ согласился поставить въ Россію другаго митрополита Пимена, когда тамъ былъ уже митрополитъ Кипріанъ, предназначенный еще прежде быть единымъ митрополитомъ всей русской Церкви послѣ Алексія? Но не ограничиваясь только назначеніемъ къ намъ другаго митрополита Пимена, патріархъ

Нилъ тогда постановилъ вмѣстѣ съ соборомъ своимъ опредѣленіе, будто Кипріанъ взятъ былъ на митрополію обманомъ и рукоположенъ незаконно, и потому лишается Кіева и всей Россіи, а долженъ довольствоваться только Малороссіею и Литвою. Объ этомъ неблаговидномъ поступкѣ патріарха грамата почему-то совершенно умалчиваетъ. И этого мало. Когда патріархъ удостовѣрился несомнѣнно, что былъ страшно обманутъ, что за такой обманъ вел. князь московскій строго наказалъ своихъ пословъ, а Пимена заточилъ: за чѣмъ не послалъ тогда низложенія обманщику, а напротивъ посылалъ многія граматы къ вел. князю въ защиту Пимена и упрашивалъ принять его на русскую митрополію, стараясь вредить Кипріану? Когда за тѣмъ суздальскій епископъ Діонисій принесъ въ Константинополь письменныя обвиненія на Пимена отъ самаго вел. князя и отъ прочихъ русскихъ князей: почему патріархъ не повѣрилъ имъ, а отправилъ еще двухъ архіереевъ для повѣрки этихъ обвиненій на мѣстѣ? И еще прежде, нежели посланные исполнили возложенное на нихъ порученіе и донесли патріарху о виновности Пимена, — за чѣмъ патріархъ поспѣшилъ поставить въ Россію новаго митрополита Діонисія? И объ этомъ достовѣрнѣмъ фактѣ молчитъ грамата, упоминая только, что Діонисій вскорѣ скончался. Едва ли мы ошибемся, если въ объясненіе, по видимому, непонятныхъ дѣйствій патріарха относительно Пимена припомнимъ, что Пименъ и послы московскіе заняли въ Константинополѣ на имя вел. князя огромныя суммы у купцовъ восточныхъ и венеціанскихъ и растратили тамъ эти суммы на подарки для своей цѣли. Замѣчательно, что и Кипріанъ въ 1389 г., когда наконецъ его назначили быть митрополи-

томъ всей Россіи, нашелся почему-то вынужденнымъ занять въ Константинополѣ большую сумму денегъ и дать заемную кабалу за поручительствомъ самаго патріарха ([347]). Но мы впали бы въ явную несправедливость, еслибы вздумали подозрѣвать въ корыстолюбіи однихъ патріарховъ. Патріархи были здѣсь больше орудіями, а главными дѣйствователями были греческіе императоры, по волѣ которыхъ патріархи съ своимъ соборомъ дѣлали всѣ важнѣйшія распоряженія въ Церкви, по волѣ которыхъ совершались назначенія и русскихъ митрополитовъ, и которые къ концу XIV в., будучи крайне стѣснены Турками и постоянно нуждаясь въ финансахъ, дѣйствительно водились корыстными цѣлями и въ дѣлахъ церковныхъ. Не напрасно западно-русскіе епископы 1416 г., при возведеніи Григорія Самвлака въ санъ митрополита, говорили: «святѣйшаго патріарха цареградскаго мы признаемъ патріархомъ и отцемъ, а прочихъ патріарховъ и ихъ митрополитовъ и епископовъ — отцами и братіями о Св. Духѣ, и согласно съ ними содержимъ исповѣданіе вѣры, тому же учимъ, такъ же и мудрствуемъ. Но не можемъ, безъ отвращенія, сносить насилія, какому подвергается Церковь Божія отъ императора. Св. вселенскій патріархъ и свящ. константинопольскій соборъ не могутъ сами собою поставить митрополита по правиламъ; но поставляютъ, кого повелитъ царь, и отъ того даръ Св. Духа покупается и продается. Такъ поступилъ по отношенію къ церкви кіевской въ наши дни отецъ царствующаго императора (Мануила-Іоаннъ) съ митрополитами Кипріаномъ, Пименомъ, Діонисіемъ и многими другими, заботясь не о чести

([347]) Акт. Истор. I, № 252.

церковной, а о серебрѣ и золотѣ. Отсюда происходили тяжкіе долги, многія траты, толки, смятенія, убійства и, что всего горестнѣе, безчестіе церкви кіевской и всей Россіи. Потому мы разсудили, что не слѣдуетъ намъ принимать такихъ митрополитовъ, которые поставляются куплею отъ царя—міряпина, а не по волѣ патріарха и его собора» ([348]). То, что далѣе говорится въ граматѣ цареградскаго собора 1389 года объ архимандритѣ Өеодорѣ, будто онъ былъ отрѣшенъ за соучастіе въ незаконныхъ дѣлахъ Пимена, представляется очень сомнительнымъ: потому что въ помянутой заемной кабалѣ митрополита Кипріана, составленной въ Царьградѣ въ томъ же 1389 г. и засвидѣтельствованной граматою самаго патріарха, вслѣдъ за Кипріаномъ названъ и другой заемщикъ—Өеодоръ, архіепископъ ростовскій. Развѣ уже такъ скоро патріархъ успѣлъ простить Өеодора, и не только простить, а еще возвысить въ санъ архіепископа? За что же такая милость? Надобно сказать вообще, что еслибы цареградскіе патріархи и императоры имѣли въ виду благо Россіи и ея Церкви, они никогда не рѣшились бы назначать къ намъ, по своему произволу, разомъ по два или даже по три митрополита; или если уже находили нужнымъ иногда уступать настоятельнымъ требованіямъ литовскихъ князей и давать имъ особаго митрополита, то указали бы точно и неизмѣнно границы обоихъ русскихъ митрополій и поставили бы обоихъ митрополитовъ въ дружественныя отношенія между собою для нравственной пользы ихъ духовныхъ паствъ. А то оказывается, что патріархи не держались твердо никакихъ постоянныхъ на-

([348]) Акт. Западн. Россіи I, № 24, стр. 35.

чалъ въ этомъ отношеніи: одинъ постановлялъ одно, другой другое и измѣнялъ или нарушалъ или совсѣмъ отвергалъ постановленія своихъ предшественниковъ; то, что однимъ казалось правильнымъ и законнымъ (наприм., поставленіе митрополита Кипріана), другіе называли незаконнымъ и дѣлали новыя распоряженія, конечно, быть можетъ, и не по своей волѣ, но по волѣ императоровъ. Очень естественно, если такія дѣйствія императоровъ и патріарховъ, производившія смуты и безпорядки въ русской Церкви, глубоко огорчали нашихъ предковъ и иногда возбуждали въ нихъ сильныя неудовольствія и ропотъ противъ Византіи, о которыхъ упоминаетъ и соборная грамата. Естественно, если къ концу XIV и въ началѣ XV в. значеніе цареградскихъ патріарховъ и государей очень упало въ мнѣніи Русскихъ. Стригольники открыто возставали на патріарха, утверждая, что онъ поставляетъ на мздѣ. Новгородцы во время извѣстнаго спора съ Кипріаномъ о мѣсячномъ судѣ, какъ мы видѣли, не обратили ни малѣйшаго вниманія на первое посланіе патріарха по этому случаю, такъ что самъ патріархъ изумлялся такому небывалому прежде пренебреженію къ его граматѣ. Западно-русскіе епископы и Витовтъ во всеуслышаніе говорили о корыстолюбіи, первые—одного императора, а послѣдній—и патріарха. Даже вел. князь московскій Василій Димитріевичь не оказывалъ надлежащей чести ни самому патріарху, ни его посламъ, приходившимъ въ Россію, запретилъ митрополиту поминать имя греческаго царя въ церковномъ богослуженіи и говорилъ: «мы имѣемъ церковь, но царя не имѣемъ»,—вслѣдствіе чего патріархъ прислалъ къ Василію Димитріевичу свою грамату и убѣждалъ его исправиться и, по прежнему, чтить

царя и патріарха ([349]). Естественно, если въ Русскихъ могло родиться тогда желаніе какъ нибудь выдти изъ-подъ такой горькой зависимости отъ Византіи и достигнуть того, чтобы у себя дома, соборомъ своихъ іерарховъ, избирать и поставлять себѣ митрополита. Желаніе это росло, укрѣплялось болѣе и болѣе, пока наконецъ не осуществилось по окончаніи настоящаго періода.

Поставляя въ Россію митрополитовъ, патріархи вручали имъ полную власть надъ русскою Церковію, а отъ нихъ требовали только, чтобы они, по долгу подчиненія, по крайней мѣрѣ, чрезъ два года являлись въ Константинополь и чтобы въ случаяхъ важнѣйшихъ и затруднительныхъ обращались туда съ граматами и присылали пословъ. Это ясно изложено въ граматѣ, данной патріархомъ Филоѳеемъ по случаю поставленія митрополита нашего Алексія. «Такъ какъ,—говоритъ патріархъ, — божественные и священные каноны повелѣваютъ, чтобы онъ (митрополитъ Алексій) бывалъ здѣсь по долгу подчиненія своего святой каѳолической и апостольской Церкви, между тѣмъ онъ не имѣетъ удобства приходить сюда каждогодно, по большему протяженію пути и его затруднительности: то заповѣдуемъ, чтобы онъ совершалъ это дѣло, по крайней мѣрѣ, чрезъ два года. Равнымъ образомъ, такъ какъ тотъ же долгъ лежитъ на немъ и въ случаѣ открывающихся необходимыхъ церковныхъ нуждъ и возникающихъ во всей его области необходимыхъ вопросовъ, а онъ или по болѣзни, или по другимъ препятствіямъ не въ состояніи будетъ приходить самъ къ находящемуся при насъ священному и божественному сvноду:

([349]) См. въ Приложен. № XI.

то долженъ избирать и присылать сюда, кого найдетъ способнымъ, изъ своего клира и относиться къ намъ своими граматами о затруднительныхъ вопросахъ, чтобы отъ насъ, по благодати Божіей, получили они надлежащее утвержденіе и рѣшеніе» ([350]). Впрочемъ, управляя русскою Церковію чрезъ митрополитовъ, патріархи нерѣдко относились къ сынамъ ея и сами непосредственно. Мы видѣли нѣсколько примѣровъ, какъ они присылали свои граматы не только къ нашимъ митрополитамъ, но и къ князьямъ, особенно великому, и къ епископамъ, въ частности новгородскому, и къ настоятелямъ обителей, напр. преп. Сергію, и вообще ко всѣмъ вѣрующимъ, наприм. въ Новгородъ по вопросу о мѣсячномъ судѣ митрополита и въ Псковъ для вразумленія стригольниковъ. Иногда, не довольствуясь однѣми граматами, патріархи присылали въ Россію уполномоченныя лица—то для суда надъ митрополитами: Петромъ, Романомъ, Пименомъ, то для примиренія митрополита Алексія съ литовскими князьями, то для вразумленія стригольниковъ. Иногда требовали къ себѣ на судъ нашихъ митрополитовъ, наприм. Кипріана. Случалось, что патріархъ самъ лично удостоивалъ приходившихъ въ Царьградъ русскихъ епископовъ, наприм. Діонисія и Ѳеодора ростовскихъ, сана архіепископа. Русскіе съ своей стороны, какъ мы видѣли, такъ же нерѣдко обращались прямо къ цареградскому патріарху. Князья писали къ нему или отправляли пословъ, то съ жалобами на митрополитовъ, то съ просьбами о поставленіи новыхъ митрополитовъ. Епископы иногда извѣщали его о митрополитахъ, иногда жаловались ему на нихъ,

([350]) Acta Patriarch. Constantinop. I, 339.

иногда ѣздили къ нему лично въ Константинополь. Сами митрополиты наши, по своему долгу, если не черезъ два года, то по временамъ путешествовали къ патріарху, а иногда посылали къ нему своихъ уполномоченныхъ или только свои граматы по возникавшимъ вопросамъ, напримѣръ—по вопросу о бракѣ ярославскаго князя Θеодора на дочери татарскаго князя Менгу-Темира, по вопросу о причтеніи къ лику святыхъ митрополита Петра и др. Когда наши митрополиты и епископы находились въ Константинополѣ, ихъ приглашали для присутствованія на патріаршемъ сунодѣ или соборѣ. Такъ присутствовали на немъ—въ 1301 г. митрополитъ Максимъ и епископъ сарайскій Θеогностъ, предлагавшій извѣстные вопросы, а въ 1379 г. митрополитъ Кипріанъ.

Греки продолжали приходить въ Россію и нѣкоторые изъ нихъ оставались въ ней навсегда и занимали святительскія каѳедры, каковы были: Варлаамъ епископъ сарайскій (ок. 1300), Іеремія рязанскій, хиротонисованный въ Константинополѣ (1389), Матѳей († 1385) и Діонисій ростовскіе († 1425). Послѣдній пришелъ къ намъ съ Аѳона и до епископства своего былъ игуменомъ Спасокаменнаго вологодскаго монастыря, гдѣ и ввелъ уставъ аѳонскаго общежитія ([351]). Другіе посѣщали Россію только временно для собиранія милостыни. Съ этою цѣлію приходили къ намъ: въ 1371 г. изъ Царяграда или Іерусалима митрополитъ Германъ; въ 1376 г. съ горы Синайской какой-то митрополитъ Маркъ и изъ Іерусалима архимандритъ монастыря архангела Михаила Нифонтъ, который на собранныя у насъ деньги будтобы пріобрѣлъ себѣ потомъ,

([351]) См. объ нихъ въ Истор. Росс. Іерарх. ч. I.

какъ замѣчаютъ наши лѣтописи, санъ іерусалимскаго патріарха ([352]); въ 1388 году митрополитъ трапезундскій Θеогностъ; въ 1407 г.—другой митрополитъ трапезундскій Θеодулъ ([353]). Можетъ быть, эту же самую цѣль, между прочимъ, имѣли въ виду и разные послы, приходившіе къ намъ отъ константинопольскаго патріарха: въ 1376 г. — два какіе-то протодіакона Георгій и Іоаннъ; въ 1389 г.—два митрополита Никандръ газскій и Матθей адріанопольскій, чрезъ три года скончавшійся и погребенный въ Москвѣ и друг. ([354]). Сохранилась грамата патріарха къ нашему митрополиту, писанная въ 1397 г., въ которой патріархъ упоминаетъ о своихъ послахъ, собиравшихъ милостыню въ Россіи, говоритъ о пожертвованіяхъ, прежде присланныхъ изъ Россіи, и проситъ митрополита посодѣйствовать новому собиранію такихъ же пожертвованій ([355]). Русскіе путешествовали въ Грецію и на востокъ для поклоненія святынѣ. Въ первой половинѣ XIV в. былъ въ Іерусалимѣ новгородскій архіепископъ Василій еще до избранія своего въ санъ епископа (1329 г.). Въ половинѣ того же столѣтія ходилъ въ Царьградъ Стефанъ-Новгородецъ съ восемью своими товарищами, встрѣтилъ тамъ еще двухъ земляковъ, которые проживали въ Студійскомъ монастырѣ, и описалъ свое странствованіе. Къ концу того же вѣка описалъ свое «хожде-

([352]) О Германѣ—П. Собр. Р. Лѣт. IV, 66; V, 231; Ник. Лѣт. IV, 30. О Маркѣ и Нифонтѣ, а по другимъ Вонифатіѣ—П. Собр. Р. Лѣт. III, 90; VIII, 24; Ник. Лѣт. IV, 48. Впрочемъ, имя Нифонта въ числѣ іерусалимскихъ патріарховъ того времени не встрѣчается.

([353]) О Θеогностѣ—П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 52; Ник. Лѣт. IV, 157. О Θеодулѣ—П. Собр. Р. Лѣт. III, 103.

([354]) О протодіаконахъ—Ник. Лѣт. IV, 47. О митрополитахъ—П. Собр. Р. Лѣт. I, 233; VIII, 60. 62.

([355]) См. въ Приложен. № XII.

ніе» не только въ Царьградъ, но и въ Іерусалимъ смоленскій іеродіаконъ Игнатій, который замѣчаетъ, что въ Царьградѣ встрѣтила и успокоила его съ товарищами «Русь, тамо живущая», и именно въ монастырѣ св. Іоанна Предтечи. Въ вчислѣ другихъ Русскихъ тамъ проживалъ тогда ученикъ преп. Сергія Радонежскаго Аѳанасій, игуменъ Высотскаго монастыря ([356]). Около того же времени преп. Арсеній Коневскій посѣтилъ Аѳонъ, а ученикъ преп. Сергія—Епифаній премудрый былъ на Аѳонѣ, въ Царьградѣ и Іерусалимѣ. Въ началѣ XV вѣка Савва игуменъ тверскій переселился на Аѳонъ, а іеродіаконъ Сергіева монастыря Зосима описалъ свое путешествіе въ Царьградъ, на Аѳонъ, въ Солунь и св. землю и, между прочимъ, засвидѣтельствовалъ, что тогда существовалъ на Аѳонѣ «монастырь русскій—св. Пантелеимонъ» ([357]). Путешествуя къ св. мѣстамъ востока и нерѣдко проживая въ Константинополѣ и на Аѳонѣ, нѣкоторые изъ Русскихъ, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, старались списывать тамъ или пріобрѣтать покупкою разныя учительныя и богослужебныя книги, которыя и приносили въ свое отечество.

Не ограничиваясь тою милостынею, какую собирали у насъ приходившіе къ намъ Греки, предки наши иногда и сами отправляли свои пожертвованія въ разныя мѣста востока. О князѣ Михаилѣ Александровичѣ тверскомъ замѣчено въ лѣто-

([356]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 88; VII, 213; *Сахаров.* Путешеств. Русск. людей по св. землѣ, II, 7—28; Ник. Лѣт. IV, 158—184; *Восток.* Опис. Румянц. Муз. стр. 517.

([357]) Объ Арсеніи—въ житіи его; Епифаній говоритъ о себѣ въ житіи преп. Сергія Радонежскаго; о Саввѣ свидѣтельствуетъ Іосифъ Волоцкій (о св. отцѣхъ, въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, № 7, отд. IV); о Зосимѣ—въ Путешеств. Русск. людей по св. землѣ, II, 31—62.

писи, что онъ имѣлъ обычай «многажды посылати милостыню въ соборную церковь—св. Софію къ патріарху». Митрополитъ Фотій говоритъ въ своемъ завѣщаніи, что нѣкоторые православные христіане передавали ему свои жертвы для доставленія въ Царьградъ и во Св. Гору, и такъ какъ онъ самъ, по смутнымъ обстоятельствамъ, не все успѣлъ отослать по назначенію, то и поручаетъ великому князю непремѣнно исполнить это ([358]). Особенно замѣчательная милостыня послана была въ Царьградъ изъ Россіи въ 1398 году. Греческая имперія видимо приближалась къ своему концу. Турки овладѣли уже почти всѣми ея областями и осадили самую столицу съ суши и съ моря. Казна императорская была истощена. Осажденные терпѣли крайнюю нужду во всемъ. Узнавъ о такомъ горестномъ положеніи царствующаго града, нашъ митрополитъ Кипріанъ, подвигнутый, безъ сомнѣнія, и упомянутою выше граматою патріарха, обратился, вмѣстѣ съ великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ, къ русскимъ князьямъ, боярамъ, духовенству и гостямъ или купечеству и приглашалъ всѣхъ дѣлать приношенія для пособія бѣдствующимъ единовѣрцамъ. Вскорѣ вел. князь Василій Дмитріевичь послалъ къ греческому императору и патріарху, отъ себя и нѣкоторыхъ другихъ князей, много сребра съ чернецемъ Родіономъ Ослебятею, бывшимъ бояриномъ Любутскимъ. Князь тверскій Михаилъ Александровичь отправилъ свою жертву особо съ протопопомъ Даніиломъ. Такъ же поступили Олегъ рязанскій и даже Витовтъ литовскій. Много милостыни собрано было и съ іерейскаго чина и съ монастырей. Когда все это было получено въ Царьградѣ,

([358]) Ник. Лѣт. IV, 228; П. Собр. Р. Лѣт. VI, 147.

царь и патріархъ, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ, возблагодарили Бога, благословляли Русскихъ и послали нашимъ князьямъ отъ себя поминки: св. иконы и св. мощи ([359]). Императоръ Мануилъ, желая войти еще въ болѣе тѣсный союзъ съ единовѣрною Русью, женилъ (1412 г.) сына своего Іоанна на дочери вел. князя нашего Аннѣ, которая чрезъ три года скончалась отъ моровой язвы и погребена въ Константинополѣ ([360]). Такимъ образомъ, не смотря на нѣкоторыя неудовольствія Русскихъ противъ Грековъ вслѣдствіе частыхъ безпорядковъ и смутъ въ нашей митрополіи, Русскіе, по прежнему, сохраняли религіозный союзъ съ Греками, видѣли въ нихъ своихъ учителей, своихъ братій по вѣрѣ, продолжали свои дружественныя сношенія съ ними и оказывали имъ, въ случаяхъ нужды, родственное сочувствіе и братскую помощь.

Съ христіанами другихъ исповѣданій, не православныхъ, жившими на востокѣ, Русскіе не имѣли почти никакихъ сношеній. Извѣстно, впрочемъ, что въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ на цареградскомъ соборѣ 1301 г. сарайскимъ епископомъ Ѳеогностомъ, находился и вопросъ: «какъ принимать къ православію приходящихъ отъ Несторіанъ и Яковитовъ»? Знакъ, что тѣ и другіе встрѣчались тогда въ предѣлахъ сарайской епархіи между воинами татарскихъ хановъ и выражали иногда желаніе присоединяться къ православной Церкви. Отвѣтъ собора былъ: принимать ихъ чрезъ мvропомазаніе, но съ условіемъ, чтобы они предварительно прокляли

([359]) П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 71; Ник. Лѣт. IV, 272; Степ. кн I, 527.
([360]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 113; V, 258; *Карамз.* V, 130.

свое ученіе и учителей ([361]). На Армянъ, которые и находились такъ же въ войскахъ татарскихъ, и жили въ нѣкоторыхъ городахъ южной Россіи, смотрѣли у насъ, какъ и въ Греціи, съ особенною нерасположенностію. Православнымъ строго запрещалось не только вступать съ ними въ брачные союзы, кумовство, братство или дружбу, но даже имѣть съ ними какое либо общеніе и допускать ихъ къ себѣ въ праздники и постные дни ([362]).

II.

Нашествіе Монголовъ на Россію послужило-было поводомъ къ сближенію предковъ нашихъ и съ церковію римскою. Въ 1245 г. папа Иннокентій IV-й, отправляя пословъ своихъ къ монгольскому хану, далъ имъ граматы и на имя русскихъ епископовъ. Въ Мазовіи послы встрѣтили волынскаго князя Василька и вмѣстѣ съ нимъ прибыли въ его столицу—Владиміръ. Здѣсь, какъ повѣствуетъ одинъ изъ пословъ (Карпинъ), они выразили желаніе бесѣдовать съ русскими епископами и предложили имъ письма отъ папы, который убѣждалъ ихъ присоединиться къ латинской церкви. Но епископы и Василько отвѣчали, что они не могутъ ничего сказать безъ князя Даніила (галицкаго), находившагося тогда въ Ордѣ. Это было глубокою зимою, слѣд. въ самомъ концѣ 1245 или въ началѣ

([361]) Обзор. рукоп. Кирилла Бѣлоезер., въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1860, II, отд. III, стр. 37.
([362]) Акт. Истор. I, № 253, стр. 476; Акт. Эксп. I, № 370, стр. 463.

1246 года ([363]). Нѣтъ сомнѣнія, что когда Даніилъ возвратился, ему разсказали о предложеніи папы, и Даніилъ рѣшился воспользоваться этимъ для выгодъ своего отечества. Онъ отправилъ къ Иннокентію посла и изъявлялъ согласіе соединиться съ римскою церковію, если только папа будетъ помогать ему противъ Татаръ и приметъ его царство подъ свое особенное покровительство. Въ маѣ 1246 г. послѣдовали отвѣты и распоряженія папы. Онъ писалъ къ Даніилу (величая его «славнымъ королемъ Россіи»), что, выслушавъ благосклонно его просьбы и снисходя на его мольбы, принимаетъ его лично и его царство подъ свое покровительство и назначаетъ къ нему, согласно его желанію, двухъ Доминиканскихъ монаховъ, чтобы они неотлучно при немъ находились. Вмѣстѣ съ тѣмъ папа писалъ и къ королю русскому и ко всѣмъ вѣрующимъ въ Россіи, что такъ какъ они выразили намѣреніе оставить заблужденія Грековъ и покориться апостолическому сѣдалищу, то онъ назначаетъ къ нимъ своимъ легатомъ мужа мудраго и опытнаго, прусскаго и эстонскаго архіепископа Генриха, который принесетъ къ нимъ слово жизни, и убѣждалъ ихъ обращаться къ этому легату не только въ дѣлахъ вѣры, но и за совѣтами и помощію противъ Татаръ. Въ то же время папа далъ приказъ двумъ помянутымъ Доминиканцамъ (какому-то Алексію и его товарищу) безотлучно находиться при Даніилѣ, а прусскаго архіепископа извѣщалъ о его назначеніи въ Россіи одно искоренять и разсѣевать, другое насаждать и возращать во славу Божію, и чтобы онъ могъ удобнѣе исполнить порученіе, облекалъ его, какъ ле-

([363]) *Карамз.* IV, 26–27, изд. Эйнерл.

гата апостольскаго сѣдалища, властію поставлять въ предѣлахъ русскихъ латинскихъ епископовъ ([364]). Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этихъ первыхъ граматъ Иннокентія IV-го къ Даніилу, возвращались чрезъ Россію папскіе послы, ходившіе къ Татарамъ, и, по свидѣтельству одного изъ нихъ, Даніилъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Василькомъ оказали имъ много ласки въ своемъ владѣніи и «собравъ епископовъ, игуменовъ знатныхъ людей, съ общаго согласія объявили, что они намѣрены признать св. отца главою Церкви, подтверждая все, сказанное ими о томъ прежде чрезъ особеннаго посла, бывшаго у папы» ([365]). Весьма замѣчательно, что Даніилъ дѣйствовалъ здѣсь не отъ себя одного, а съ совѣта и согласія главнѣйшаго духовенства и бояръ. И потому еслибы папа выполнилъ то, чего домогался отъ него нашъ князь, тогда настоящая попытка къ соединенію съ римскою церковію могла бы сопровождаться важными послѣдствіями. Не ограничиваясь заявленіемъ своихъ желаній предъ послами папы, возвращавшимися изъ Орды, Даніилъ отправилъ еще къ нему своихъ пословъ и письма, какъ показываютъ новые отвѣты и распоряженія Иннокентія IV-го. Въ сентябрѣ 1247 г. папа писалъ въ Россію, называя уже Даніила *возлюбленнымъ о Христѣ сыномъ*, что, выслушавъ благосклонно его просьбы, онъ позволяетъ русскимъ епископамъ и пресвитерамъ совершать Евхаристію на квасномъ хлѣбѣ и удерживать прочіе ихъ обряды, непротивные каѳолической вѣрѣ римской церкви: — первое обычное условіе уніи.

([364]) Всѣ эти шесть посланій папы, подписанныя имъ въ одинъ день, напечат. въ Historic. Russiae Monument. I, №№ LXI—LXVI.

([365]) *Карамз.* IV, 32.

Между тѣмъ—писалъ и къ прусскому архіепископу Генриху, что такъ какъ русскій король Даніилъ, чрезъ особенныхъ своихъ пословъ и письма, настоятельно проситъ о присоединеніи его и его народа къ римской церкви, то чтобы онъ—легатъ лично отправился въ ту страну, и если Даніилъ, оставаясь твердымъ въ своемъ святомъ намѣреніи, равно какъ архіепископы, епископы и другіе магнаты его царства отрекутся совершенно отъ всякой схизмы и дадутъ клятвенный обѣтъ пребывать на будущее время въ единеніи съ римскою церковію, то присоединилъ бы ихъ и усыновилъ ей, какъ общей всѣхъ матери. При этомъ папа дозволилъ Генриху носить въ Россіи архіепископскую мантію и разрѣшилъ ему, согласно его ходатайству, поставлять въ предѣлахъ русскихъ не только священниковъ, но и епископовъ изъ усыновленныхъ, т. е. изъ уніатовъ русскихъ, за неимѣніемъ родныхъ дѣтей, т. е. коренныхъ Латынянъ. Въ частности къ королю Даніилу, брату его Васильку и сыну папа писалъ, что, снисходя на ихъ просьбы, принимаетъ ихъ и ихъ семейства, царства, имѣнія, движимыя и недвижимыя, настоящія и будущія, подъ покровительство св. Петра и свое собственное, что разрѣшаетъ имъ возвращать себѣ свои владѣнія, земли и другія блага, которыя несправедливо были отняты у нихъ другими королями, непокорными римской церкви, и что предоставляетъ имъ право, чтобы въ ихъ областяхъ, безъ ихъ разрѣшенія, не могли пріобрѣтать себѣ имѣній ни крестоносцы, ни другія религіозныя братства ([366]). Наконецъ, спустя два мѣсяца,

([366]) Эти девять папскихъ посланій, писанныхъ въ сентябрѣ 1247 г., напеч. въ Historic. Russ. Monum. I, №№ LXVII—LXXV.

для князя Василька, за то, что онъ искалъ присоединенія къ римской церкви, папа разрѣшилъ и призналъ законнымъ бракъ его на родственницѣ въ третьей степени—Дубравкѣ, заключенный прежде ([367]). Такимъ образомъ папа съ своей стороны сдѣлалъ рѣшительный шагъ: онъ уже повелѣлъ своему легату отправиться въ южную Россію и присоединить Даніила съ его подданными къ римской церкви. Но Даніилъ не спѣшилъ присоединяться, конечно потому, что не получалъ отъ папы самаго главнаго — помощи противъ Татаръ. Папа надѣялся обольстить нашего князя тѣмъ, что прислалъ ему королевскій вѣнецъ съ двумя епископами своими, Беренскимъ и Каменецкимъ, и предлагалъ ему короноваться. Но Даніилъ не принялъ вѣнца и отвѣчалъ папѣ: «Татары не перестаютъ ратовать на насъ,—что мнѣ въ вѣнцѣ безъ твоей помощи»? Папа просилъ Даніила (въ 1248 г.) извѣщать его чрезъ братій Тевтонскаго ордена, какъ скоро узнаетъ о набѣгахъ Татаръ, чтобы можно было заблаговременно принимать для отраженія ихъ надлежащія мѣры. Но одно это далеко не удовлетворило нашего князя и въ слѣдующемъ году онъ совсѣмъ изгналъ изъ своихъ владѣній папскаго легата Алберта и прервалъ съ папою всякія сношенія ([368]).

Въ 1252 г. король венгерскій примирилъ галицкаго князя съ римскимъ первосвященникомъ: между ними снова начались переговоры. Папа не замедлилъ отправить къ Даніилу въ другой разъ свое посольство съ скиптромъ и короною. Послы

([367]) Ibid. № LXXVI. Эта Дубравка не была ли уже второю женою Василька послѣ первой—дочери Георгія суздальскаго? (*Карамз.* IV, 33).

([368]) П. Собр. Р. Лѣт. II, 191; Histor. Russ. Monum. I, № LXXVII; Raynald. Annal. Eccles., an. 1249, № 15.

случайно встрѣтили его въ Краковѣ и хотѣли видѣться съ нимъ; но онъ отвѣчалъ: «неприлично мнѣ бесѣдовать съ вами въ чужой землѣ». Они прибыли въ Галицію и убѣждали его возложить на себя королевскій вѣнецъ и соединиться съ римскою церковію, обѣщая ему отъ папы скорую помощь. Даніилъ колебался, пока не убѣдили его родная мать и герцоги польскіе, удостовѣрявшіе, что если онъ коронуется, то они будутъ его помощниками противъ поганыхъ. Тогда Даніилъ согласился, далъ клятвенный обѣтъ покорности римской церкви, и въ городѣ Дрогичинѣ принялъ царскій вѣнецъ, по выраженію нашего лѣтописца, отъ Бога, и отъ престола св. Петра, и отъ отца своего папы Иннокентія, и отъ всѣхъ епископовъ своихъ, которые, вѣроятно, какъ нибудь участвовали въ обрядѣ коронованія своего князя или только присутствовали при этомъ. А Иннокентій вслѣдъ за тѣмъ издалъ (въ 1253 г.) буллу ко всѣмъ христіанамъ Богеміи, Моравіи, Сербіи и Помераніи, чтобы они, вмѣстѣ съ королемъ русскимъ Даніиломъ, *теперь уже возлюбленнѣйшимъ сыномъ* его *о Христѣ*, ополчились для отраженія Татаръ подъ знаменіемъ св. креста, и объявлялъ всѣмъ, кто только будетъ участвовать въ этомъ крестовомъ походѣ, отпущеніе грѣховъ. Но воззваніе Иннокентія осталось безплоднымъ; крестовый походъ противъ Татаръ не состоялся, Даніилъ не получалъ отъ папы никакой помощи и рѣшился прервать съ нимъ всякую унію. Въ 1257 г. папа Александръ IV-й писалъ къ нашему королю: «ты клятвенно обѣщался повиноваться римской церкви и хранить каѳолическую вѣру, какъ и прочіе православные государи Потому, въ знакъ своего благоволенія, церковь и возвела тебя въ королевское достоинство, помазала тебя святымъ мѵромъ,

возложила на главу твою царскую діадиму. Но ты, какъ дошло, къ прискорбію, до нашего слуха, забылъ и духовныя и временныя благодѣянія этой церкви, явился неблагодарнымъ за такую милость, презрѣлъ данную клятву и нимало не заботился исполнять того, что обѣщался относительно повиновенія означенной церкви».... Далѣе папа убѣждалъ Даніила покаяться, исправить свой грѣхъ и ненарушимо соблюдать данные прежде обѣты. А иначе,—присовокупилъ папа,—мы уже сдѣлали распоряженіе, чтобы «тебя побудили къ тому, безъ всякой аппелляціи, церковнымъ проклятіемъ и призвали на помощь противъ тебя мірское оружіе» ([369]). Напрасныя увѣщанія и угрозы: Даніилъ остался въ православіи до конца своей жизни, и всѣ сношенія его съ папою, тянувшіяся около десяти лѣтъ, окончились для папы ничѣмъ.

Изъ всего хода дѣла видно, что главная цѣль при этихъ сношеніяхъ для нашего князя постоянно была одна—получить отъ папы достаточную помощь для освобожденія своего народа изъ-подъ владычества Монголовъ: цѣль, вполнѣ достойная истиннаго патріота! Чтобы достигнуть этой цѣли онъ соглашался покориться римской церкви и измѣнить православной: средство, недостойное истиннаго христіанина! Согласимся, что намѣреніе Даніила было не искреннее, а притворное, что онъ только наружно хотѣлъ подчиниться папѣ, оставаясь въ душѣ православнымъ, разсчитывалъ обмануть его. Но отъ этого поступокъ князя не становится ни чище, ни извинительнѣе. Пусть кто хочетъ, держится правила: цѣль

([369]) *Карамз.* IV, 33 и примѣч. 56; П. Собр. Р. Лѣт. II, 190—191; Hist. Russ. Monum. I, №№ LXXXVIII. XCV.

освящаетъ средства. Но православная Церковь никогда не принимала и не одобряла такого правила. И если справедливо свидѣтельство Карпина, что галицкій князь дѣйствовалъ съ согласія своихъ епископовъ и вельможъ: то это отнюдь не дѣлаетъ чести, въ христіанскомъ смыслѣ, ни послѣднимъ, ни тѣмъ болѣе первымъ.

Совсѣмъ иначе поступили св. благовѣрный князь Александръ Невскій и его совѣтники совершенно въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Начавъ переговоры съ знаменитѣйшимъ княземъ южной Россіи, папа Иннокентій IV-й рѣшился вслѣдъ за тѣмъ войти въ сношенія и съ знаменитѣйшимъ изъ князей Руси сѣверной и въ 1248 г. послалъ къ Александру Невскому свою грамату, которую мы представляемъ здѣсь въ сокращеніи. «Отъ нашего посла, назначеннаго къ Татарамъ,— писалъ папа,—брата Іоанна Карпина мы получили извѣстіе, что отецъ твой, желая облечься въ новаго человѣка, искренно и со смиреніемъ посвятилъ себя (se devovit) въ рукахъ этого брата на повиновеніе римской церкви,—чтò немедленно сдѣлалось бы извѣстнымъ всѣмъ, еслибы такъ внезапно и такъ счастливо его не постигла смерть. Послѣ такой счастливой кончины онъ, безъ всякаго сомнѣнія, вошелъ въ общеніе со святыми и удостоился вѣчнаго блаженства. Желая и тебя вмѣстѣ съ нимъ сдѣлать причастникомъ того же блаженства, мы изыскиваемъ пути, употребляемъ трудъ, прилагаемъ стараніе, какъ бы расположить тебя, чтобы ты послѣдовалъ примѣру отца; чтобы, какъ онъ отъ искренняго сердца обрекъ себя (se dedicavit) къ принятію заповѣдей и ученія римской церкви, такъ и ты, оставивъ путь погибели, ведущій къ вѣчному осужденію, соединился съ этою церковію, при-

водящею всѣхъ ко спасенію. Не отвергни нашей просьбы, которая, будучи исполненіемъ долга съ нашей стороны, имѣетъ въ виду способствовать твоимъ выгодамъ. И ты по истинѣ не обнаружилъ бы въ себѣ здраваго разсужденія, еслибы отказалъ въ покорности намъ и даже Богу, котораго намѣстникомъ, хотя и не по заслугамъ, мы являемся на землѣ. Отъ этой покорности нисколько не уменьшается честь самаго могущественнаго властителя, напротивъ увеличивается всякая власть и временная свобода.... Посему мы молимъ и убѣждаемъ тебя, чтобы ты призналъ римскую церковь матерію, покорился ея первосвященнику и дѣятельно позаботился побудить къ повиновенію апостольскому сѣдалищу твоихъ подданныхъ, да воспріимешь нѣкогда плодъ въ вѣчномъ блаженствѣ. Знай, что если ты воспользуешься этими нашими благожеланіями, то мы будемъ считать тебя знатнѣйшимъ между прочими католическими князьями и всегда съ полнымъ усердіемъ будемъ стремиться къ увеличенію твоей славы». За тѣмъ папа просилъ нашего князя—извѣщать Ливонскихъ рыцарей о нашествіяхъ Татаръ на христіанскія земли, чтобы рыцари могли извѣщать его самаго, т. е. папу, а онъ имѣлъ возможность заблаговременно собирать силы для сопротивленія варварамъ. Это посланіе свое Иннокентій прислалъ къ нашему великому князю съ двумя хитрѣйшими своими кардиналами—Гальдомъ и Гемонтомъ, чтобы они изложили ему ученіе о законѣ Божіемъ. Не знаемъ, повѣрилъ ли Александръ тому, что писалъ папа объ отцѣ его—вел. князѣ Ярославѣ, будто бы принявшемъ латинство предъ своею кончиною: это извѣстіе представляется тѣмъ болѣе невѣроятнымъ, что Карпинъ, на котораго ссылается папа, въ описаніи своего путешествія къ

Татарамъ хотя и говоритъ о смерти вел. князя русскаго Ярослава, но вовсе не упоминаетъ объ его обращеніи къ римской церкви. Какъ бы то ни было, но только Александръ принялъ папскую грамату и посольство, созвалъ для совѣщаній своихъ мудрецовъ, конечно, прежде всего лицъ духовнаго сана, составилъ письменный отвѣтъ и, вручая его кардиналамъ, сказалъ: «мы знаемъ истинную исторію вѣры и Церкви отъ Адама до Христа и отъ Христа до седьмаго вселенскаго собора; содержимъ то самое ученіе, которое возвѣстили во всемъ мірѣ св. апостолы; хранимъ преданія св. отцевъ седьми вселенскихъ соборовъ,—а вашего ученія не принимаемъ». И послы возвратились отъ насъ безъ всякаго успѣха (370). Нѣтъ сомнѣнія, что св. Александръ Невскій отнюдь неменѣе любилъ Россію и народъ русскій, нежели Даніилъ галицкій, и могъ бы такъ же разсчитывать на помощь папы противъ Монголовъ, еслибы изъявилъ согласіе покориться римскому престолу. Но св. Александръ, вмѣстѣ съ мудрыми совѣтниками своими, цѣнилъ православную вѣру выше всего въ мірѣ и не захотѣлъ пожертвовать ею, измѣнить ей даже наружно для временныхъ выгодъ своего земнаго отечества.

Въ то самое время, какъ и на югѣ и особенно на сѣверѣ Россіи покушенія Рима имѣли такой неудачный исходъ, они увѣнчались-было нѣкоторымъ успѣхомъ на западной границѣ нашего отечества—въ Литвѣ, куда начинали уже тогда проникать первые лучи православія изъ Россіи. Знатнѣйшій изъ князей, управлявшихъ тогда Литвою, Миндовгъ, враждуя на

(370) Hist. Russ. Monum. I, № LXXVIII; П. Собр. Р. Лѣт. V, 5. 187; Степ. Кн. I, 368—369.

племянниковъ своихъ Товтевила и Эдивида, хотѣлъ ихъ умертвить. Но они бѣжали къ Даніилу Романовичу галицкому, за которымъ была въ супружествѣ родная ихъ сестра. Даніилъ далъ имъ войско и Товтевилъ, опустошивъ нѣкоторыя области литовскія, съ плѣнниками прибылъ въ Ригу просить себѣ помощи противъ дяди и тамъ принялъ крещеніе по латинскому обряду. Миндовгъ поспѣшилъ послать къ магистру Ливонскихъ рыцарей, рижскому епископу, богатые дары и умолялъ его, чтобы онъ или умертвилъ Товтевила или изгналъ. Но магистръ отвѣчалъ: «ты не избавишься отъ врага и не одолѣешь его, если не пошлешь къ папѣ римскому и не примешь крещенія». Миндовгъ послѣдовалъ совѣту и крестился. Это было въ 1251 году. Вслѣдъ за тѣмъ немедленно папа Иннокентій IV-й принялъ Миндовга и все царство его подъ покровительство св. Петра, повелѣлъ епископу кульмскому вѣнчать Миндовга на королевство, поставить для Литвы епископа и устроить въ ней каѳедральную церковь; предписалъ, чтобы королю литовскому, какъ принявшему христіанскую вѣру, никто не причинялъ огорченій, чтобы во владѣніяхъ литовскихъ церковная десятина была взимаема умѣренно и безъ притѣсненій и чтобы епископы рижскій и другіе старались обращать къ христіанству даже смѣжныхъ съ королевствомъ литовскимъ невѣрныхъ; наконецъ чрезъ три года, по просьбѣ Миндовга, построившаго на собственное иждивеніе каѳедральную церковь и обогатившаго ее дарами, принялъ ее вмѣстѣ съ ея епископомъ въ свое непосредственное вѣдѣніе. А преемникъ Иннокентія папа Александръ IV-й разрѣшилъ (въ 1255 г.) Миндовгу воевать противъ Россіи и ея обитателей, остающихся въ невѣріи, и напередъ утвердилъ за нимъ всѣ

тѣ области, которыми онъ завладѣетъ. Впрочемъ, все это, какъ обращеніе, такъ и нѣкоторое усердіе Миндовга къ римской вѣрѣ были совершенно притворныя. Сначала онъ только втайнѣ поклонялся своимъ прежнимъ богамъ, нося имя христіанина; а потомъ началъ и открыто держаться язычества, измѣнивъ христіанству, приносилъ жертвы богамъ и наблюдалъ всѣ прочіе языческіе обычаи литовскаго народа. Дѣтямъ своимъ—извѣстному Воишелгу и дочери, которую выдалъ за галицкаго князя Шварна сына Даніилова, нимало не препятствовалъ исповѣдывать православіе. По смерти же Миндовга (1263 г.) самые слѣды латинства надолго изчезли въ землѣ литовской ([371]).

Съ трехъ сторонъ, съ юга, сѣвера и запада, съ какихъ пыталось латинство проникнуть въ наши предѣлы около половины XIII вѣка, оно продолжало свои такого же рода попытки въ XIV и въ первой половинѣ XV вѣка и большею частію не безъ успѣха.

На югѣ Россіи, въ княжествѣ галицкомъ, пока тамъ царствовалъ родъ Даніила Романовича галицкаго, православіе оставалось постоянно господствующимъ и не знало никакихъ стѣсненій. Но съ 1336 г., когда скончался послѣдній изъ потомковъ Даніиловыхъ—Георгій, который титуловалъ себя княземъ *всей малой Россіи*, обстоятельства Галиціи измѣнились. Сначала она признала надъ собою власть племянника послѣдняго своего князя—отъ сестры его Маріи, бывшей за мазовецкимъ княземъ Тройденомъ, по имени Болеслава, съ

([371]) П. Собр. Р. Лѣт. II, 187—188; Histor. Russ. Monum. I, №№ LXXXI-LXXXVII. XCIII. CVIII; *Карамз.* IV, 52.

тѣмъ, чтобы онъ не нарушалъ древнихъ правъ и привиллегій страны и не касался ея вѣроисповѣданія. Но Болеславъ, хотя, по всей вѣроятности, былъ рожденъ и воспитанъ своею матерію въ православіи, вслѣдствіе убѣжденій папы еще въ 1326 г. сдѣлался послѣдователемъ римской церкви и началъ принуждать къ тому же новыхъ своихъ подданныхъ, и этими своими дѣйствіями, равно какъ своими тяжкими налогами, своею распутною жизнію, своимъ пристрастіемъ къ иноземцамъ, которыми окружилъ себя, Полякамъ, Чехамъ и Нѣмцамъ, до того раздражилъ народъ, что чрезъ два-три года своего княженія былъ отравленъ ([372]). По смерти Болеслава Галиціею овладѣлъ (за исключеніемъ впрочемъ Владиміра, Холма, Луцка, Бреста, отошедшихъ подъ власть князей литовскихъ) свойякъ его, польскій король Казиміръ (1340 г.), обѣщаясь управлять ею на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, на которыхъ она нѣкогда отдалась прежнему своему князю; но такъ же не сдержалъ слова. Его притѣсненія, особенно по дѣламъ вѣры, вскорѣ вынудили Русскихъ обратиться съ просьбою къ Татарамъ и при помощи ихъ свергнуть съ себя (1341 или 1344 г.) ненавистное иго, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько лѣтъ. Въ 1349 г. Казиміръ снова съ сильнымъ войскомъ овладѣлъ Галиціею и ненадолго даже всею волынскою землею, и вслѣдъ за тѣмъ, по выраженію современнаго лѣтописца новгородскаго, много зла сотворилъ христіанамъ (т. е. православнымъ), а церкви святыя претворилъ въ латынское бого-

([372]) *Карамз.* IV, 153 и примѣч. 329; *Зубрицк.* Повѣст. о Червонной-Руси 100—105, Москв. 1845.

мерзское служеніе ([373]). Можетъ быть, это свидѣтельство нашего сѣвернаго лѣтописца, который могъ судить о событіяхъ на Волыни только по слухамъ, преувеличенно. Но и по свидѣтельству польскихъ историковъ, Казиміръ, основавъ въ 1361 г. латинское архіепископство въ Львовѣ, отнялъ у православныхъ ихъ соборную церковь и обратилъ ее въ латинскій костелъ—въ каѳедру для своего новаго архіепископа или митрополита. Этотъ латинскій митрополитъ какой-то Христіянъ, безъ сомнѣнія, прежде всего назначался для Поляковъ, получившихъ имѣнія въ Галиціи или служившихъ въ ней, и для Нѣмцевъ, которые и въ прежнія времена обитали въ нѣкоторыхъ городахъ земли галицкой, а теперь еще въ большемъ количествѣ переселились въ нее по приглашенію Казиміра; но могъ предназначаться и для коренныхъ обитателей страны, которыхъ разсчитывали обращать отъ православія къ римской вѣрѣ. Подъ конецъ своей жизни Казиміръ показалъ опыты своей вѣротерпимости. Онъ далъ (1376 г.) Армянамъ, издавна обитавшимъ въ Галиціи, грамату, которою обезпечивалъ имъ свободное исповѣданіе вѣры и дозволялъ построить для себя въ Львовѣ соборный храмъ и при немъ жилище для епископа ([374]). А чрезъ нѣсколько времени отнесся къ костантинопольскому патріарху и просилъ для православныхъ своихъ подданныхъ поставить особаго митрополита галицкаго, угрожая въ противномъ случаѣ обратить ихъ къ римской вѣрѣ. И эта просьба, какъ мы знаемъ, была уважена: въ Галичь поставленъ былъ

([373]) П. Собр. Р. Лѣт. II, 349; III, 84; VII, 215; Ник. Лѣт. III, 191; *Карамз.* IV, примѣч. 351; *Зубрицк.* о Червон. Руси, 125—128.

([374]) *Зубрицк.* о Червон. Руси, 142—143. 146—148. 156. Снес. П. Собр. Р. Лѣт. II, 350.

(1371 г.) особый митрополитъ—какой-то присланный Казиміромъ изъ малой Россіи епископъ Антоній, съ подчиненіемъ ему четырехъ епархій: холмской, туровской, перемышльской и владимірской. Отсюда очевидно, что хотя православные при Казимірѣ и были притѣсняемы на Волыни, но отнюдь не были совращены въ латинство и имѣли у себя четырехъ епископовъ и пятаго митрополита. По смерти польскаго короля Казиміра, Галиція имѣла у себя собственнаго, русскаго князя—Владислава Опольскаго (1370—1379). Но и этотъ князь былъ римской вѣры и въ первый же годъ своего княженія, желая показать свое усердіе къ ней, подарилъ Францисканамъ принадлежавшій ему домъ во Львовѣ для жилища ихъ при латинскомъ костелѣ. Между тѣмъ папа, получая разнорѣчивыя извѣстія о римскихъ церквахъ въ Галичѣ, Перемышлѣ, Владимірѣ и Холмѣ, писалъ (въ іюлѣ 1372 г.) епископамъ гнезненскому, краковскому и плоцкому, чтобы они разузнали и извѣстили его, находятся ли въ означенныхъ городахъ каѳедральныя церкви или только приходскія и имѣютъ ли они прихожанъ (an populum christianum habeant). А когда получилъ свѣдѣніе, что нѣтъ тамъ ни каѳедральныхъ, ни приходскихъ церквей, ни священнослужителей римскаго обряда, напротивъ существуютъ каѳедральные соборы и епископы русскіе—православные, то немедленно повелѣлъ (въ авг. 1372 г.) краковскому епископу, чтобы онъ апостольскою властію совершенно удалилъ всѣхъ русскихъ — схизматическихъ епископовъ отъ ихъ церквей и отъ ихъ епископствъ. Неизвѣстно, исполнено ли и въ какой мѣрѣ это распоряженіе папы; изгнаны ли были тогда православные епископы совсѣмъ изъ своихъ епархій или только лишены своихъ

соборныхъ церквей. Но чрезъ два съ небольшимъ года галицкій князь Владиславъ испросилъ у папы Григорія XI-го позволеніе основать какбы въ замѣнъ православныхъ латинскія епископіи—въ Галичѣ, Перемышлѣ, Владимірѣ и Холмѣ, съ возведеніемъ Галича на степень митрополіи или архіепископства, и тогда же обратилъ въ Галичѣ православный каѳедральный соборъ въ соборъ латинскій, надѣливъ его разными имѣніями и десятинами. А папа, давая разрѣшеніе основать означенныя епископства, писалъ, что будто въ тѣхъ мѣстахъ издавна существовали каѳедры латинскихъ іерарховъ и только временно были отняты схизматическими епископами. Съ 1375 г. въ Галичѣ латинскій архіепископъ дѣйствительно началъ существовать и назывался то галицкимъ, то львовскимъ (по Львову, гдѣ первоначально основана была латинская архіепископія при Казимірѣ и куда вскорѣ она снова перенесена изъ Галича). Существовалъ такъ же латинскій епископъ, по крайней мѣрѣ, съ 1384 г. или 1390 г. и въ Перемышлѣ. Но во Владимірѣ и Холмѣ латинскія епископіи были основаны при галицкомъ князѣ Владиславѣ, по всей вѣроятности, только номинально, какъ in partibus infidelium: иначе не могъ основать ихъ этотъ князь въ городахъ, не находившихся въ его владѣніяхъ. Вскорѣ за тѣмъ нахлынули въ Галицію странствующіе братія ордена Доминиканцевъ и папа предоставилъ имъ (1378 г.) нѣкоторые монастыри, находившіеся въ галицкой Руси и Валахіи ([375]). Съ 1379 г.

([375]) *Зубрицк.* о Черв. Руси, стр. 74—75. 167. 169. 170. 171. 190. 223. 250; *Евген.* Опис. Кіево-Соф. Собора, стр. 94; Histor. Russiae Monum. I, №№ CXVII. CXVIII; Supplement. ad Histor. Russ. Monum. №№ XXXIX. XLV. Снес. П. Собр. Р. Лѣт. II, 351.

Галиція перешла подъ власть Венгровъ, а съ 1387 г. снова подпала подъ владычество польское,—и латинскій элементъ все болѣе и болѣе въ ней усиливался. Буллою папы Урбана VI-го для галицкой Руси и сосѣдственной ей Валахіи назначенъ въ 1381 г. особый латинскій инквизиторъ. Венгерская королева Марія, въ самый годъ (1384) восшествія своего на престолъ по смерти отца своего Людовика, подарила латинскому епископу перемышльской епархіи разныя имѣнія. Польская королева Ядвига вызвала (1390 г.) изъ Праги монаховъ Бенедиктинскаго ордена въ Краковъ и устроила для нихъ здѣсь монастырь св. креста съ цѣлію, чтобы они отправляли богослуженіе на славянскомъ языкѣ и тѣмъ удобнѣе привлекали къ римской церкви православныхъ Русиновъ, показывая имъ возможность совмѣщать любимое ими славянское богослуженіе съ вѣрованіями латинства. Перемышльскій епископъ Матѳей далъ грамату (1406 г.), чтобы въ перемышльской и галицкой епархіяхъ, какъ заведено изъ начала, брать съ вѣрующихъ, вмѣсто десятины, опредѣленную небольшую сумму, и чтобы чрезъ это «народъ католическій охотнѣе переселялся въ тѣ области Россіи и тѣмъ сильнѣе подавлялъ Русскихъ и другихъ схизматиковъ, тамъ обитающихъ» (376). Что касается до Ягайлы или Ягелла, мужа польской королевы Ядвиги, то онъ сначала, по видимому, имѣлъ вѣротерпимость. Онъ самъ ходатайствовалъ (1393—1398) предъ константинопольскимъ патріархомъ, чтобы для Галиціи поставленъ былъ православный митрополитъ, именно—луцкій епископъ Іоаннъ. Но оказалось,

(376) Supplement. ad Hist. Russ. Monum., №№ XLVII. CLXIV; *Зубрицк.* о Червон. Руси, 190. 222. 223.

что король дѣйствовалъ тутъ изъ собственнаго интереса: епископъ обязался представить ему, въ случаѣ успѣха, значительный подарокъ. Извѣстно такъ же, что Ягайло былъ очень расположенъ къ русскому митрополиту Кипріану, совѣщался съ нимъ о соединеніи церквей и оба писали о своемъ намѣреніи къ константинопольскому патріарху. Но патріархъ, по военнымъ обстоятельствамъ греческой имперіи, совѣтывалъ (1397 г.) отложить осуществленіе этого намѣренія, а просилъ Ягайлу соединиться прежде съ венгерскимъ королемъ и прогнать Турокъ изъ предѣловъ имперіи ([377]). Въ послѣдующее время начались открытыя притѣсненія для православныхъ жителей Галиціи со стороны короля Ягайлы: такъ въ 1413 г. онъ отнялъ у нихъ въ Перемышлѣ соборную церковь, построенную изъ тесаннаго камня, обратилъ ее въ костелъ и отдалъ латинскому епископу, приказавъ въ то же время выбросить изъ гробовъ тѣла Русиновъ, которые были погребены въ ней. Правда, далъ Ягайло (1432 г.) и православнымъ обитателямъ города Львова, желая по обстоятельствамъ болѣе расположить ихъ къ себѣ, привиллегію или грамату, чтобы никого изъ нихъ не принуждать къ принятію латинскаго исповѣданія и чтобы церкви ихъ не были разоряемы и опустошаемы. Но эта самая грамата уже заставляетъ предполагать, что тогда православные въ Галиціи были принуждаемы къ латинству и церкви ихъ подвергались грабежу и разоренію. Сынъ Ягайлы, король польскій Владиславъ III-й въ своей жалованной граматѣ (1443 г.) грекорусскому духовенству о сравненіи его съ духовенствомъ римскимъ, по случаю Флорентійской уніи,

([377]) Acta Patriarch. Constantinop. II, 180. 280. 282—285.

прямо говоритъ, что прежде православные въ подвластныхъ ему областяхъ, слѣд. въ Галиціи, дѣйствительно терпѣли притѣсненія за свои отличія въ вѣрѣ ([378]). Впрочемъ, надобно замѣтить, что не смотря на всѣ усилія ревнителей латинства утвердить его въ Галиціи, число церквей этого исповѣданія было въ ней очень ограниченно даже къ концу XIV и въ началѣ XV вѣка, а слѣдовательно и число прихожанъ, которые притомъ, судя по приведеннымъ выше словамъ перемышльскаго епископа Матѳея, состояли преимущественно, если не исключительно изъ католиковъ—переселенцевъ, — что православные, при всѣхъ стѣсненіяхъ, продолжали имѣть у себя своихъ епископовъ въ тѣхъ самыхъ городахъ, гдѣ со временъ Владислава Опольскаго учреждены были латинскія епископства, и что есть слѣды существованія даже православной митрополіи галицкой до самаго конца настоящаго періода ([379]).

На сѣверѣ Россіи покушался распространить латинскую вѣру шведскій король Магнусъ. Въ 1347 году онъ созвалъ въ Стокгольмѣ государственный совѣтъ и объявилъ предъ нимъ объ этомъ своемъ намѣреніи. Совѣтъ одобрилъ намѣреніе короля, и Магнусъ съ многочисленнымъ войскомъ отплылъ къ острову Березову или Біорку, а оттуда послалъ сказать Новгородцамъ: «пришлите на съѣздъ своихъ философовъ, а я пошлю своихъ: пусть они поразсудятъ о вѣрѣ; я хочу знать,

([378]) Dlugossi Histor. Polon. XI, p. 334; *Зубрицк.* о Червон. Руси, 244. 302; Акт. Запад. Россіи, I, № 42.

([379]) *Зубрицк.* о Червон. Руси, 59 и Прибавл. стр. 28; Истор. Росс. Іерарх. ч. I, объ епархіяхъ: галицкой, перемышльской, владиміро-волынской и холмской; Акт. Западн. Россіи №№ 24. 29. 31; Акт. Ист. I, № 260, стр. 489; Ник. Лѣт. V, 51.

какая вѣра лучше. Если окажется лучшею вѣра ваша, я пойду въ вашу вѣру; а если лучше наша, вы примите нашу вѣру,— и будемъ всѣ, какъ одинъ человѣкъ. Но если вы не примете нашей вѣры, тогда я пойду на васъ всею своею силою». Новгородскій владыка Василій, такъ же посадникъ, тысяцкій и всѣ Новгородцы, погадавши между собою, отвѣчали Магнусу: «если хочешь узнать, какая вѣра лучше, наша или ваша, то пошли въ Царьградъ къ патріарху: ибо мы приняли правую вѣру отъ Грековъ. А сами мы не намѣрены препираться съ тобою о вѣрѣ. Если же чѣмъ мы обидѣли тебя, объяви объ этомъ нашимъ посламъ». Магнусъ сказалъ посламъ, что онъ не имѣетъ никакого неудовольствія противъ Новгородцевъ, а желаетъ только обратить ихъ къ истинной вѣрѣ. И вслѣдъ за тѣмъ обступилъ войскомъ городъ Орѣховъ, куда удалились отъ него новгородскіе послы, и началъ крестить въ латинскую вѣру окрестныхъ Ижорцевъ и Кореловъ, которые еще въ XIII вѣкѣ приняли православіе изъ Новгорода; а которые не соглашались креститься, противъ тѣхъ пустилъ свою рать. Новгородцы поспѣшили выслать противъ этой рати небольшую свою дружину, которая разбила Шведовъ и съ плѣнниками возвратилась въ Новгородъ. Между тѣмъ Магнусъ овладѣлъ Орѣховымъ, крестилъ всѣхъ жителей его по латинскому обряду и отпустилъ ихъ изъ города, взявъ съ нихъ клятву, что они постараются склонить къ латинской вѣрѣ и всѣхъ своихъ единоземцевъ. Но, какъ свидѣтельствуютъ шведскія лѣтописи, эти отпущенные Магнусомъ коварно его обманули и дѣйствовали послѣ, какъ самые злѣйшіе непріятели Шведовъ и папы. Кромѣ того Новгородцы вскорѣ возвратили себѣ Орѣховъ и не только прогнали Шведовъ изъ своихъ

владѣній, но ходили воевать въ Норвегію, разбили Шведовъ подъ Выборгомъ, пока не заключили (1350 г.) съ ними въ Дерптѣ выгоднаго договора, размѣнявшись плѣнниками ([380]). Огорченный такимъ исходомъ своего предпріятія, Магнусъ обратился къ папѣ Клименту VI-му и писалъ къ нему, будто Корелы и Ижорцы, сосѣдственные Швеціи, желая принять истинную вѣру, сами призывали его къ себѣ на помощь для защиты отъ Русскихъ, враговъ римско-католической вѣры, и дѣйствительно приняли отъ него эту вѣру и крещеніе, и будто Русскіе, какъ только онъ удалился изъ Кареліи, внезапно напали на новокрещенныхъ и подвергли ихъ страшнымъ мукамъ, однихъ убивали мечемъ, другихъ вѣшали на деревахъ, третьихъ отдавали на разтерзаніе псамъ и всѣхъ Кареловъ и Ижорцевъ насильно принуждали возвратиться къ прежнему ихъ заблужденію. Вмѣстѣ съ тѣмъ король извѣщалъ, что по случаю крайней смертности въ людяхъ отъ моровой язвы, свирѣпствовавшей въ Швеціи, онъ самъ рѣшительно не въ состояніи противодѣйствовать Русскимъ. Вслѣдствіе этого папа повелѣлъ архіепископу упсальскому и нѣкоторымъ другимъ проповѣдывать въ Швеціи, Даніи и Норвегіи крестовый походъ противъ Россіи и обѣщалъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ тѣмъ, которые пойдутъ подъ знаменемъ креста на защиту христіанской вѣры противъ невѣрныхъ Россіянъ. Но воззваніе папы осталось безъ всякихъ послѣдствій ([381]). Вообще жители сѣверной Россіи, особенно Новгородцы и Псковитяне, хотя имѣли частыя

([380]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 83—85; V, 225—226; VII, 210; Ник. Лѣт. III, 188—190; *Карамз.* IV, 162. 163.

([381]) Histor. Russ. Monum. I, № CXVI.

сношенія съ послѣдователями римской вѣры по дѣламъ военнымъ и торговымъ и даже позволяли латинскимъ купцамъ имѣть въ Новгородѣ и Псковѣ свои церкви, но обнаруживали всегда самое крайнее неуваженіе къ латинству. Въ мѣстныхъ лѣтописяхъ очень нерѣдко встрѣчаются выраженія: «безбожная латына, поганая латына», или: «безбожные и поганые нѣмцы», а служеніе латинское называется даже богомерзкимъ. Новгородскій владыка, подобно всѣмъ прочимъ русскимъ епископамъ, давалъ въ своемъ исповѣданіи предъ рукоположеніемъ обѣтъ не дозволять во всемъ своемъ предѣлѣ православнымъ ни свадьбы, ни кумовства, какъ съ Армянами, такъ и съ Латинами. И если митрополитъ Фотій укорялъ нѣкоторыхъ псковскихъ священниковъ за то, что крестили чрезъ обливаніе и употребляли латинское муро, то самъ же онъ объяснялъ это одною *небрежностію* ихъ, а отнюдь не какою либо склонностію къ латинству ([382]).

На западѣ Россіи, со временъ литовскаго князя Гедимина (1320 —1345), образовалось сильное государство, въ составъ котораго вошли, кромѣ Литвы, почти всѣ города и княжества западной Россіи, между прочимъ, Кіевъ, Черниговъ и часть Волыни. Въ этихъ княжествахъ издревле господствовало православіе. И новый государь, который справедливо называлъ себя не только литовскимъ, но и русскимъ, хотя былъ язычникъ, нисколько не препятствовалъ своимъ подданнымъ исповѣдывать православіе и въ дѣлахъ церковныхъ находиться въ полной зависимости отъ всероссійскаго митрополита. Позво-

([382]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 63. 70; IV, 192. 198. 213; V, 7. 197. 198; Истор. княжества Псковск. III, 15; Акт. Эксп. I, 370; Акт. Истор. I, № 35.

лялъ даже собственнымъ своимъ дѣтямъ, сыновьямъ и дочерямъ, вступавшимъ съ родственныя связи съ русскими князьями, принимать и исповѣдывать православіе и самъ два раза былъ женатъ на православныхъ русскихъ княжнахъ ([383]). Но изъ видовъ политическихъ онъ желалъ въ началѣ своего царствованія сблизиться съ римскимъ первосвященникомъ и допустилъ въ предѣлы своего государства проповѣдниковъ римской вѣры. Надѣясь избавиться отъ страшныхъ враговъ—Ливовскихъ рыцарей, которые такъ часто нападали на литовскія области, Гедиминъ писалъ къ папѣ, одно за другимъ, два письма. Упомянувъ въ нихъ объ одномъ изъ предшественниковъ своихъ Миндовгѣ, который принялъ-было съ народомъ своимъ римскую вѣру, но вскорѣ обратился къ прежнему язычеству потому единственно, что нѣмецкіе рыцари не переставали вторгаться въ его землю, Гедиминъ продолжаетъ, что эти же рыцари не даютъ и ему покою и дѣлаютъ ему безчисленныя обиды, что если онъ воюетъ съ ними, то отнюдь не изъ ненависти къ христіанству, а только защищая себя отъ враговъ, какъ поступаютъ и христіанскіе государи, и что даже, напротивъ, онъ держитъ при себѣ братьевъ Миноритовъ и проповѣдниковъ, которымъ позволяетъ въ своемъ царствѣ распространять христіанскую вѣру и крестить народъ, а наконецъ объявляетъ, что онъ самъ готовъ креститься по римскому обряду и подчиниться папѣ, если только послѣдній заставитъ рыцарей прекратить вражду и нападенія на литовскія земли и пришлетъ къ нему—Гедимину рижскаго архіепископа для заключенія съ нимъ мира. Обрадованный папа Іоаннъ

([383]) См. нашей Истор. т. IV, гл. II.

XXII-й отвѣчалъ (въ 1324 г.) литовскому князю, что посылаетъ къ нему, для обращенія его съ подданными, двухъ своихъ нунціевъ, ученыхъ и благочестивыхъ — Варѳоломея, епископа электинскаго, и Бернарда, аббата монастыря св. Теофреда, и предпишетъ Ливонскимъ рыцарямъ, чтобы они перестали воевать противъ Литовцевъ и жили съ Гедиминомъ побратски, когда онъ приметъ крещеніе ([384]). Тогда же папа извѣстилъ обоихъ этихъ нунціевъ объ ихъ назначеніи, далъ имъ инструкціи, чему учить и какъ имъ дѣйствовать въ Литвѣ, предоставилъ имъ разныя привиллегіи, назначилъ деньги для успѣшнѣйшаго хода ихъ дѣла и проч.; а магистру и братіямъ Тевтонскаго ордена писалъ, чтобы они совершенно перестали враждовать противъ литовскаго государя и народа и жили съ ними въ мирѣ и любви послѣ того, какъ они обратятся къ христіанской вѣрѣ ([385]). Но такъ какъ рыцари не замедлили вновь вторгнуться въ предѣлы литовскаго княжества, можетъ быть, еще прежде, нежели получили посланіе папы; то раздраженный Гедиминъ внезапно измѣнилъ свое намѣреніе и послалъ сказать римскимъ нунціямъ, прибывшимъ въ Ригу: «я не знаю вашего папы и знать не желаю; я останусь въ вѣрѣ моихъ отцевъ и буду сражаться за нее до смерти» ([386]). Отвѣтъ, который можетъ приводить къ мысли, точно ли Гедиминъ относился къ папѣ и не поддѣльны ли были оба письма его къ римскому первосвященнику. Впрочемъ, если даже признать за достовѣрное, что литовскій князь, какъ говорится въ этихъ

([384]) Histor. Russ. Monum. № CVIII. Въ этой граматѣ своей къ Гедимину папа упоминаетъ и объ обоихъ письмахъ къ нему самаго Гедимина и излагаетъ ихъ содержаніе.

([385]) Hist. Russ. Monum. №№ CI—CVII.

([386]) Raynald. Annal. Eccles., an. 1324, № 52; *Карамз.* IV, примѣч. 278.

письмахъ, дозволялъ прежде латинскимъ монахамъ, Доминиканцамъ и Францисканамъ, проповѣдывать въ своихъ владѣніяхъ; если допустить, что въ 1323 году, какъ сказано въ другой его граматѣ сомнительнаго достоинства, они имѣли уже три церкви, между прочимъ, одну въ Вильнѣ, а другую въ Новоградкѣ: то во все послѣдующее царствованіе Гедимина мы не видимъ болѣе никакихъ сношеній его съ папою и никакого покровительства проповѣдникамъ римской вѣры. Не удивительно, если приверженцы папства, обманутые въ своихъ разсчетахъ на литовскаго государя, начали съ того времени разглашать о немъ, что онъ «хуже всякаго язычника, чудовище и игралище природы, нарушитель правъ народныхъ и законовъ естественныхъ, предтеча антихриста» и под. ([387]).

Равнымъ образомъ и во все продолжительное царствованіе сына и преемника Гедиминова Ольгерда (1345—1377) мы не видимъ никакихъ успѣховъ латинской вѣры въ землѣ литовской. Все его многочисленное семейство исповѣдывало православіе, да и самъ онъ, хотя непостоянно, держался той же вѣры. И если не разъ онъ покушался освободить своихъ православныхъ подданныхъ изъ-подъ власти московскаго митрополита и дать имъ особаго митрополита литовскаго, то дѣлалъ это единственно съ политическою цѣлію, а отнюдь не съ намѣреніемъ какъ нибудь отклонить ихъ отъ православной Церкви къ латинской. Напротивъ, онъ позволялъ обращать къ православію самихъ Литовцевъ: митрополитъ Кипріанъ, когда еще былъ только литовскимъ, многихъ изъ нихъ кре-

([387]) Акт. городовъ: Вильны, Ковна, Трокъ, I, предисл. XXXV—XXXVII; *Карамз.* IV, примѣч. 279.

стилъ ([388]). Правда, Ольгердъ не отказался войти въ сношеніе съ императоромъ Карломъ, который присылалъ къ нему пражскаго архіепископа Еригенса и, при соучастіи нѣмецкихъ рыцарей, старался склонить Литовцевъ къ принятію римскаго исповѣданія. Но во время совѣщаній литовскій государь объявилъ отъ лица своихъ подданныхъ, что они только тогда согласятся на это предложеніе, когда рыцари возвратятъ ему всѣ земли, отнятыя прежде у Литвы. А какъ Нѣмцы отказались выполнить такое условіе, то попытка императора Карла осталась безъ послѣдствій ([389]). Не стѣсняя православныхъ своихъ подданныхъ въ ихъ вѣрѣ, Ольгердъ не давалъ въ обиду и послѣдователей латинства, и когда около 1364 года одинъ Литвинъ, по имени Гастольдъ, принявъ римское исповѣданіе, пригласилъ въ Вильну семь Францисканскихъ монаховъ и всѣ они подверглись здѣсь насильственной смерти,— то Ольгердъ казнилъ за это 500 виленскихъ гражданъ ([390]).

Совсѣмъ другая судьба настала для латинства въ Литвѣ при сынѣ и преемникѣ Ольгердовомъ Ягайлѣ. Съ дѣтства онъ былъ православной вѣры; но желая получить руку польской королевы Ядвиги и сдѣлаться польскимъ королемъ, онъ согласился измѣнить православію и въ 1386 году, вмѣстѣ съ четырьмя братьями своими, торжественно принялъ въ Краковѣ— тогдашней столицѣ Польши римское крещеніе, а въ слѣдующемъ году прибылъ съ латинскими священниками въ Литву и крестилъ Литовцевъ и Жмудь, находившихся дотолѣ боль-

([388]) См. нашей Истор. т. IV, гл. II.
([389]) Narbuth. Dzieja narodu Litewskego, an. 1358, T. V, p. 88—89.
([390]) Narbuth. Ibid. p. 159—161; *Карамз.* V, 29.

шею частію въ язычествѣ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ началъ строить для новокрещенныхъ латинскія церкви и учредилъ два латинскія епископства, одно въ Вильнѣ, другое въ Кіевѣ. А супруга его Ядвига основала въ Прагѣ коллегію для двѣнадцати Литовцевъ, чтобы они могли изучать тамъ богословіе и приготовляться для служенія латинской церкви въ своемъ отечествѣ. Въ граматѣ своей, данной (1387 г.) первому виленскому епископу, Ягайло объясняетъ, что онъ, съ согласія своихъ братьевъ и вельможъ, рѣшился, далъ обѣтъ и клятву призвать, привлечь, даже принудить (imo compellere) къ повиновенію римской церкви всѣхъ Литовцевъ обоего пола и всякаго званія и состоянія, къ какой бы вѣрѣ или сектѣ они ни принадлежали. А чтобы Литовцы, еще неофиты въ католической вѣрѣ, какимъ либо образомъ не были отклонены отъ покорности римской церкви, то онъ строго запрещаетъ Литовцамъ обоего пола вступать въ брачные союзы съ Русскими иначе, какъ только подъ условіемъ, чтобы сами Русскіе предварительно обратились къ римской церкви. Если же, не смотря на это запрещеніе, кто либо изъ Русскихъ обоего пола, не отказываясь отъ своего обряда, вступитъ въ брачный союзъ съ Литвинкою или Литвиномъ, исповѣдующими католичество; то брака не разторгать, но Русскихъ непремѣнно склонить и даже принудить къ покорности римской церкви, хотя бы и тѣлесными наказаніями (poenis corporalibus). Изъ этой граматы видно, что Ягайло первоначально имѣлъ цѣлію обратить и даже принудить къ латинству не Русскихъ своихъ подданныхъ, а только Литовцевъ, но Литовцевъ всѣхъ, какой бы вѣры они ни были, слѣдовательно и русской, православной. И наши лѣтописи дѣйствительно свидѣтельствуютъ, что онъ принуж-

далъ двухъ православныхъ Литвиновъ, занимавшихъ при немъ важныя мѣста, принять римское исповѣданіе, и какъ они не послушались его, то предалъ ихъ многимъ мукамъ и наконецъ смерти. Видно такъ же, что изъ Русскихъ онъ повелѣвалъ обращать къ латинской вѣрѣ только тѣхъ, которые, вопреки его запрещенію, рѣшались вступать въ брачные союзы съ Литовцами (391). Послѣдствія, однакожъ, показали болѣе. По крайней мѣрѣ, Ягайло не безъ намѣренія лишилъ въ 1400 году всѣхъ вообще своихъ православныхъ подданныхъ права гербовъ, шляхетства и чиновной службы, предоставивъ все это только тѣмъ, кто исповѣдывалъ римскую вѣру, и чрезъ два года вновь подтвердилъ свое узаконеніе. А въ 1416 году онъ писалъ на Констанскій соборъ, что еслибы не былъ столько занятъ войнами, то давно бы обратилъ къ католичеству Русиновъ и всѣхъ, державшихся греческаго обряда. Въ воздаяніе за такую ревность и труды польскаго короля и въ примѣръ для другихъ государей папа сдѣлалъ (1418 г.) Ягайла своимъ главнымъ викаріемъ или намѣстникомъ не только въ Польшѣ и другихъ его владѣніяхъ, но и въ областяхъ русскихъ, особенно въ Новгородѣ и Псковѣ съ тѣмъ, чтобы онъ сначала далъ присягу и потомъ всячески заботился о распространеніи римскаго исповѣданія во всѣхъ этихъ мѣстахъ (392).

Впрочемъ, надобно думать, что названный указъ Ягайлы, лишавшій православныхъ его подданныхъ гражданскихъ пре-

(391) П. Собр. Р. Лѣт. V, 242; VIII, 51; Narbuth. V, 383—385; Акт. городовъ: Вильны, Ковна . . ., предисл. XLV — XLVI; *Зубрицк.* о Червон. Руси, 223.

(392) Опис. Кіево-Соф. Собора 99; *Зубрицк.* о Черв. Руси, 254; Histor. Russ. Monum. I, № CXIX.

имуществъ, равно и заявленіе его предъ Констанскимъ соборомъ относительно Русиновъ, касались собственно православныхъ жителей Галиціи, находившейся тогда подъ властію Польши, но не касались Русскихъ, обитавшихъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ, которое съ 1392 года уже не принадлежало Ягайлѣ, а имѣло особаго князя, двоюроднаго брата его, Витольда или Витовта. Витольдъ, крещенный прежде въ православной Церкви, принялъ въ Краковѣ, вмѣстѣ съ Ягайломъ, другое крещеніе по римскому обряду, и хотя вообще водился духомъ вѣротерпимости, однакожъ естественно болѣе былъ расположенъ къ своимъ подданнымъ единовѣрцамъ, нежели къ православнымъ. Въ 1399 году онъ пожаловалъ виленскому латинскому бискупу и виленскимъ каноникамъ нѣкоторыя льготы. Въ 1413 году заключилъ съ Ягайломъ договоръ, которымъ, между прочимъ, подтверждались во всемъ литовскомъ княжествѣ права и преимущества церквей, духовенства и дворянства одного только латинскаго исповѣданія, а не православнаго, и вводились въ Литвѣ, по примѣру Польши, достоинства и званія воеводъ и кастеляновъ съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы эти званія ввѣряемы были только лицамъ латинской вѣры, а не православной ([393]). Можетъ быть, вслѣдствіе этой-то мѣры и другихъ подобныхъ въ Литвѣ встрѣчалось тогда не мало людей, которые перекрещивались изъ какой-то *русской*, т. е. православной *вѣры* въ латинскую ([394]). Не желая видѣть своихъ православныхъ подданныхъ въ за-

([393]) Акт. Западн. Россіи №№ 15. 16; Dlugossi Hist. Polon. lib. XI, p. 338 et squ.

([394]) Такъ свидѣтельствовалъ на Констанскомъ соборѣ извѣстный Іеронимъ Пражскій, который самъ предъ тѣмъ посѣтилъ Литву (Narbuth. I, p. 398).

висимости отъ московскаго митрополита Фотія, Витовтъ настоялъ, чтобы для нихъ былъ избранъ и поставленъ (1416 г.) отдѣльный митрополитъ Григорій Самвлакъ. Тутъ, конечно, скрывалась прежде всего цѣль политическая, и Витовтъ старался даже показать своимъ православнымъ подданнымъ, что дѣлаетъ это изъ ревности и заботливости объ ихъ вѣрѣ; но въ то же время онъ могъ разсчитывать, что чрезъ своего литовскаго митрополита ему удобнѣе будетъ дѣйствовать и для своихъ цѣлей религіозныхъ. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что въ скоромъ времени Григорій Самвлакъ, по волѣ Витовта, долженъ былъ отправиться на Констанскій соборъ для переговоровъ о соединеніи церквей и тамъ прямо объявилъ, что самъ онъ вовсе не желаетъ подчиняться папѣ, а прибылъ только единственно изъ повиновенія своему князю. По смерти митрополита Самвлака (1419), Витовтъ примирился съ Фотіемъ и дозволилъ ему свободно управлять православными епархіями въ Литвѣ; но не безъ причины же папа Мартинъ V-й, восхваляя ревность Витовта по вѣрѣ и указывая на него въ примѣръ для другихъ государей, сдѣлалъ его (1418 г.) своимъ главнымъ викаріемъ или намѣстникомъ какъ во всемъ литовскомъ княжествѣ, такъ и въ странахъ русскихъ, особенно въ Новгородѣ и Псковѣ, для распространенія тамъ латинскаго исповѣданія ([395]).

По смерти Витовта (1430) на литовскій престолъ возве-

([395]) Акт. Запад. Россіи, № 25; нашей Истор. т. IV, примѣч. 106; Hist. Russ. Monum. I, № CXX. Папа, безъ сомнѣнія, могъ восхвалять Витовта преимущественно за то, что онъ съ 1413 г. четыре раза ходилъ съ войскомъ въ Самогитію, присоединенную тогда къ Литвѣ, и насильно заставлялъ упорныхъ язычниковъ принимать латинскую вѣру (Le Catholicisme Romain en Russie, par M. le Comte Dmitry Tolstoy, t. I, p. 273, Paris, 1863).

денъ былъ, преимущественно русскими боярами, братъ Ягайлы—Свидригайло, который хотя когда-то былъ перекрещенъ въ Краковѣ изъ православной вѣры въ римскую, но отрекся отъ послѣдней и былъ привержeнъ къ православію. Онъ немедленно началъ войну противъ Ягайлы и вмѣстѣ противъ латинства; не разъ имѣлъ полный успѣхъ надъ польскимъ королемъ и въ это время разрушилъ и сжегъ, съ своими Русинами, всѣ латинскіе храмы въ Литвѣ, изгналъ отвсюду латинскихъ епископовъ и монаховъ и отнялъ ихъ имѣнія. Но ненадолго: вскорѣ восторжествовалъ Ягайло и содѣйствовалъ возведенію на литовскій престолъ Сигизмунда, брата Витовтова, который былъ преданъ латинству и началъ непрерывную борьбу съ Свидригайломъ. Тогда послѣдователи папы въ свою очередь разрушили и сожгли въ Литвѣ всѣ русскія церкви и въ самомъ Кіевѣ построили для себя костелъ и учредили уже постоянную латинскую епископію, хотя она могла насчитать во всей своей области не болѣе семи приходскихъ церквей. Свидригайло, хотя очень не жаловалъ латинства, но не отказался, вмѣстѣ съ смоленскимъ митрополитомъ Герасимомъ, войти въ сношенія съ папою и принять участіе въ начинавшихся тогда переговорахъ о соединеніи церквей, восточной и западной. Впрочемъ сношенія эти скоро прекратились вмѣстѣ съ смертію Герасима (1435), котораго самъ же Свидригайло умертвилъ, какъ передавшагося на сторону Сигизмунда ([396]).

([396]) Bandtkie, Dzieje krol. Polsk. 1820, t. II, стр. 44; Cromeri Polonia, lib. XX; П. Собр. Р. Лѣт. II, 354; Опис. Кіево-Соф. Собора, 105—106; нашей Истор. т. IV, примѣч. 112. О началѣ латинскаго епископства въ Кіевѣ—см. въ названномъ выше сочиненіи *Графа Дм. Толстаго*: Cathol. Romain en Russie, t. I, p. 292.

III.

Не на одну Церковь русскую простирались виды римскихъ первосвященниковъ въ разсматриваемый нами періодъ, а столько же, если даже не болѣе, и на Церковь греческую. Въ послѣдней половинѣ XIII-го и впродолженіе всего XIV-го вѣка мы видимъ цѣлый рядъ сношеній между папами и константинопольскими императорами и иногда патріархами. Папы домогались подчинить себѣ Грековъ; патріархи соглашались на соединеніе Церкви, но не иначе какъ послѣ разсмотрѣнія всего дѣла на вселенскомъ соборѣ; императоры одни держались мысли своихъ патріарховъ, а другіе рѣшались прямо покориться папѣ, вымаливая у него себѣ помощи сперва противъ крестоносцевъ, владѣвшихъ Константинополемъ, а потомъ противъ Турокъ ([397]). Намъ нѣтъ нужды говорить о всѣхъ этихъ сношеніяхъ, какъ не относившихся непосредственно къ Церкви русской; но нельзя не коснуться тѣхъ, которыя начались въ XV столѣтіи и окончились Флорентійскимъ соборомъ, гдѣ присутствовалъ и представитель русской Церкви ([398]).

([397]) Во второй половинѣ XIII-го в. такихъ сношеній было два, а въ XIV вѣкѣ шесть. Acta Patriarch. Constantinop. I, 491; II, 86; Fleury, Hist. Eccles. lib. LXXXV—XCVII.

([398]) Исторію Флорентійскаго собора описали два, присутствовавшіе на немъ, Грека: *Силвестръ Сиропулъ*, великій екклесіархъ, принявшій-было флорентійскую унію, но потомъ отказавшійся отъ ней, и *Дороѳей*, митрополитъ митиленскій, жаркій ревнитель этой уніи до конца жизни. Сочиненіе перваго издано подъ заглавіемъ: Vera historia unionis non verae inter Graecos et Latinos. Hagae Comit. 1660, in fol. Сочиненіе послѣдняго озаглавлено въ печати: S. generalis Synodus Florentina. Rom. 1629, in Q., въ двухъ томахъ. Изъ Русскихъ, бывшихъ на томъ же соборѣ, суздальскій іеромонахъ Симеонъ написалъ

Переговоры, предшествовавшіе Флорентійскому собору, продолжались болѣе двадцати лѣтъ (1415—1437) ([399]). Главными дѣйствователями при этомъ были: греческіе императоры—Мануилъ Палеологъ и потомъ сынъ его—Іоаннъ, а съ другой стороны—римскіе первосвященники—Мартинъ V-й († 1431) и его преемникъ Евгеній IV-й. Главная цѣль, къ которой стремились греческіе императоры, состояла въ томъ, чтобы чрезъ соединеніе церквей получить помощь отъ папы для отраженія Турокъ. Греческая имперія съ каждымъ днемъ приближалась къ паденію; всѣ ея области находились уже во власти турецкаго султана; власть императора ограничивалась почти одною столицею; войска его были немногочисленны и большею частію наемныя; финансы государственные почти не существовали. Императоръ очень ясно видѣлъ, что сами Греки рѣшительно не въ силахъ защитить себя отъ Турокъ и что единственное средство спасти имперію—примириться съ папою въ дѣлахъ вѣры и чрезъ него получить помощь отъ западныхъ христіанъ. На эту цѣль ясно указывалъ императоръ Мануилъ Палеологъ, едва только началъ свои сношенія съ папою Мартиномъ V-мъ,—и папа не замедлилъ издать буллу (1420 г.), которою предписывалъ епископамъ проповѣдывать на западѣ крестовый походъ для изгнанія Турокъ, хотя булла осталась безъ послѣдствій. На эту же цѣль указывалъ императоръ Іоаннъ Палеологъ въ своемъ посланіи къ тому же

два небольшихъ сочиненія: Путешествіе Исидора митрополита на Флорент. соборъ (П. Собр. Р. Лѣт. VI, 151—161; VIII, 100—106; *Сахар.* Путешеств. Русск. людей, II, 81—112) и Повѣсть объ осьмомъ или Исидоровомъ соборѣ (Матеріал. для Истор. Русск. Цер., I, 60—76). Въ недавнее время у насъ издана довольно обстоятельная „Исторія Флорентійскаго собора“, Москв. 1847.

([399]) General. Synod. Florentin. I, p. 551.

папѣ (1422 г.), настаивая, чтобы папа обязалъ всѣхъ государей христіанской Европы объявить войну невѣрнымъ въ защиту Грековъ. И виды императора ни для кого не были тайною. Отцы Базельскаго собора, который считалъ себя вселенскимъ и дѣйствовалъ въ духѣ независимости отъ папы, приглашая (1433 г.) Грековъ къ себѣ для разсужденія о примиреніи церквей, убѣждали ихъ именно тѣмъ, что отъ собора они вѣрнѣе могутъ ожидать помощи противъ Турокъ, нежели отъ папы: такъ какъ дѣла послѣдняго находились въ самомъ дурномъ положеніи, а на сторонѣ собора были многіе короли и самъ нѣмецкій императоръ Сигизмундъ ([400]). Предположивши себѣ такую цѣль и смотря на дѣло примиренія церквей, только какъ на средство, и притомъ единственное средство, для достиженія ея, греческій императоръ, естественно, заблаговременно принималъ всѣ мѣры, чтобы подготовить и облегчить возможность этого примиренія. Сначала въ своихъ переговорахъ съ папою онъ, съ согласія цареградскаго патріарха Іосифа, настаивалъ, чтобы мѣстомъ для предполагавшагося вселенскаго собора былъ избранъ Константинополь, гдѣ Греки, безъ сомнѣнія, могли бы дѣйствовать самостоятельнѣе при совѣщаніяхъ соборныхъ и не подвергались бы никакимъ принужденіямъ, по крайней мѣрѣ, со стороны папы. Но потомъ императоръ согласился, чтобы соборъ былъ открытъ гдѣ либо въ Италіи, и при томъ съ условіемъ, чтобы самое содержаніе Грековъ, имѣющихъ отправиться на соборъ, было доставляемо отъ папы. Легко было предвидѣть послѣд-

([400]) Syropul. Vera hist. Sect. II, cap. 8. 10. 21; Fleury, Histoire Ecclesiast. CIV, 219. 220, in t. XXI, Paris, 1726.

ствія этого. Патріархъ Іосифъ предвидѣлъ ихъ и говорилъ своимъ приближеннымъ: «получать содержаніе отъ папы значитъ подчиниться его власти; а рабъ какъ осмѣлится не повиноваться своему владыкѣ? И что будетъ съ нами на чужой сторонѣ, когда намъ откажутъ въ содержаніи тамъ и въ средствахъ къ возвращенію въ отечество?»... ([401]) Замѣтимъ однакожъ, что такое согласіе императора могло быть вынуждено у него критическимъ положеніемъ его имперіи и самаго Константинополя. Гораздо важнѣе слѣдующее обстоятельство. Собираясь на соборъ, императоръ послалъ (въ 1436 г.) приглашать православныхъ епископовъ въ Константинополь. Нѣкоторые прибыли лично, напримѣръ, изъ Трапезунта—митрополитъ съ посломъ отъ царя, изъ Молдавіи—такъ же митрополитъ со свитою, изъ Грузіи — два епископа съ посломъ царскимъ. Но патріархи александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій отказались сами присутствовать на соборѣ, а назначили вмѣсто себя мѣстоблюстителей. Кого же именно? Тѣхъ самыхъ духовныхъ особъ, находившихся уже въ Константинополѣ, которыхъ указалъ императорскій посолъ по волѣ самаго императора. Этого мало. Патріархи прислали своимъ мѣстоблюстителямъ граматы, въ которыхъ предоставляли имъ утверждать на соборѣ только то, что будетъ согласно съ правилами древнихъ соборовъ и писаніями св. отцевъ; императору показались эти граматы стѣснительными для мѣстоблюстителей, и, по его требованію, патріархи должны были выслать новыя граматы по образцу, имъ предложенному. Предъ отправленіемъ на соборъ послѣдовали перемѣны въ

([401]) Syropul. Sect. II, c. 10. 12—15; Fleury, CIV, 195. 220.

назначеніи патріаршихъ мѣстоблюстителей, а предъ самымъ открытіемъ собора, по волѣ императора, сдѣланы еще новыя перемѣны ([402]). Наконецъ, не безъ особеннаго намѣренія было и то, что въ Россію предъ открытіемъ собора назначенъ былъ въ Константинополѣ новый митрополитъ Исидоръ, хотя изъ Россіи былъ присланъ для этого другой кандидатъ— рязанскій епископъ Іона. Императоръ зналъ Исидора еще въ бытность его игуменомъ монастыря св. Димитрія и отправлялъ его (1434 г.) въ числѣ пословъ своихъ на Базельскій соборъ для предварительныхъ переговоровъ о примиреніи церквей, а слѣдовательно считалъ этого человѣка для себя благонадежнымъ ([403]). Новому митрополиту поручено было, когда онъ отъѣзжалъ въ Россію, всячески стараться, чтобы склонить Русскихъ къ участію въ предполагавшемся вселенскомъ соборѣ. Исидоръ дѣйствительно, вскорѣ послѣ прибытія своего въ Москву, началъ возвѣщать, что въ Италіи готовится осьмой вселенскій соборъ для примиренія церквей, въ которомъ необходимо участвовать и представителю русской Церкви, и даже началъ сбираться къ путешествію на соборъ. Великій князь Василій Васильевичь не хотѣлъ и слышать объ этомъ, убѣждалъ митрополита не ѣздить въ латинскую землю, запрещалъ ему своею властію; но когда, наконецъ, увидѣлъ, что Исидоръ упорствуетъ и не слушается, то сказалъ ему: «если уже ты непремѣнно желаешь идти на осьмой соборъ, то приноси намъ оттуда наше древнее православіе, которое мы приняли отъ предка нашего Владиміра; а новаго и чужаго не приноси намъ,—

([402]) Syropul. III, 2—4. 20; IV, 29.
([403]) Binii Concil. T. VIII, p. 57; Syropul. II, 21.

мы того не примемъ». Исидоръ далъ клятву стоять за православіе и (8 сентября 1437 г.) отправился въ Италію, взявъ съ собою епископа суздальскаго Авраамія и много другихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, числомъ до ста. Изъ этого можемъ заключать, что еслибы въ Россіи былъ тогда митрополитомъ Іона или кто другой изъ Русскихъ, то, по всей вѣроятности, Церковь русская не приняла бы никакого участія въ Флорентійскомъ соборѣ. Исидоръ, хотя далъ клятву ревновать о православіи, но вовсе и не думалъ исполнять ее. Еще во время путешествія своего, едва только выѣхалъ изъ Россіи, онъ уже не считалъ нужнымъ скрывать своей наклонности къ латинству. Въ Юрьевѣ или Дерптѣ, гдѣ встрѣтили его съ крестами русскіе священники и нѣмецкіе, онъ сначала обратился къ послѣднимъ, поклонился латинскому крыжу и благоговѣйно поцѣловалъ его, а потомъ уже подошелъ къ православному кресту совсѣмъ не съ такимъ почтеніемъ, и кромѣ того пошелъ вмѣстѣ съ Нѣмцами вслѣдъ за святынею ихъ въ костелъ, а не пошелъ въ церковь русскую, къ крайнему соблазну и удивленію всей своей свиты([404]). Послѣдствія еще болѣе показали, кто былъ Исидоръ.

Между тѣмъ, какъ греческій императоръ всего болѣе заботился о томъ, чтобы чрезъ вселенскій соборъ и примиреніе церквей добыть себѣ помощь отъ папы, прогнать Турокъ и утвердить свой колеблющійся престолъ, папа преслѣдовалъ

([404]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 151—152; VIII, 100; *Симеон. Суздал.* Повѣст. объ осьм. соборѣ, въ Матеріал. для Истор. Русск. Церкви, I, 61; *Карамз.* V, 161—165.

свою цѣль—подчинить себѣ Грековъ и расширить, укрѣпить свою духовную власть въ христіанскомъ мірѣ, которая тогда начала уже колебаться. Еще въ началѣ переговоровъ папскій нунцій Антоній Массана, присланный (въ 1422 г.) въ Константинополь съ цѣлію условиться о мѣстѣ и времени собора, объявилъ, что папа отъ всей души желаетъ соединенія церквей и требуетъ только, чтобы императоръ исполнилъ данное чрезъ пословъ обѣщаніе принять ученіе римской церкви и ей покориться. Такія неожиданныя слова заставили императора писать къ папѣ, что онъ-императоръ соглашался чрезъ пословъ своихъ на соединеніе церквей не безъ всякаго условія и обѣщалъ только, если состоится новый соборъ по примѣру седми вселенскихъ, принять одно то, что внушитъ отцамъ собора Духъ Святый ([405]). Впослѣдствіи, когда Греки вошли въ сношенія съ соборомъ Базельскимъ по дѣлу о соединеніи церквей, папа Евгеній, понимая важность угрожавшей ему опасности, употребилъ всѣ мѣры, чтобы прервать эти сношенія. Базельскій соборъ (открыт. 23 іюля 1431 г.), считая себя вселенскимъ, провозгласилъ начало, по примѣру собора Констанскаго (1414—1418), что вселенскій соборъ выше папы и что власти этого собора долженъ подчиняться и папа, какъ всякой другой епископъ и христіанинъ и, въ случаѣ неповиновенія, долженъ быть судимъ по соборнымъ правиламъ. А такъ какъ этого же самаго древняго начала церковнаго управленія постоянно держались и всѣ православные Греки, то они гораздо удобнѣе и скорѣе могли бы достигнуть соединенія съ западною церковію, еслибы повели дѣло непосредственно съ

([405]) Fleury, Hist. Eccles. CIV, 219. 220; Syropul. II, 10.

соборомъ Базельскимъ, а не съ папою. Но каково было бы тогда положеніе папы? И чѣмъ бы все это для него кончилось? Евгеній пытался-было закрыть соборъ Базельскій еще вскорѣ послѣ его открытія, замѣтивъ его направленіе. Но соборъ не согласился прекратить свои дѣйствія и даже требовалъ самаго папу къ себѣ, угрожая, въ случаѣ сопротивленія, поступить съ нимъ по церковнымъ правиламъ, такъ что папа нашелся вынужденнымъ уступить и прислалъ (въ 1433 г.) на соборъ своихъ уполномоченныхъ. Теперь, едва папа узналъ о начавшихся сношеніяхъ Грековъ съ Базельскимъ соборомъ, то поспѣшилъ извѣстить императора, вопреки прежнему своему рѣшенію, что онъ согласенъ на открытіе собора даже въ Константинополѣ ([406]). Но попытка не удалась: императоръ не захотѣлъ прервать начатыхъ переговоровъ съ Базелемъ. Когда вслѣдъ за тѣмъ отцы самаго Базельскаго собора приступили къ рѣшенію вопроса, гдѣ быть вселенскому собору, на которомъ могли бы присутствовать и Греки, и двѣ трети отцевъ рѣшили вопросъ въ пользу Базеля, а только одна треть указала на Флоренцію или Удино: папа утвердилъ не первое рѣшеніе, принятое большинствомъ, а послѣднее. Не довольствуясь этимъ, папа рѣшился на хитрость и обманъ: поспѣшилъ отправить въ Царьградъ своихъ пословъ и галеры для приглашенія Грековъ въ Италію и велѣлъ объявить имъ, будто онъ примирился съ отцами собора Базельскаго, будто соборъ этотъ распущенъ и вмѣсто него назначенъ другой въ Италіи ([407]). Между тѣмъ чрезъ нѣсколько дней явились предъ

([406]) Syropul. II, 22; Binii Conc. I, T. VIII, p. 300.

([407]) Dupin, Nouv. Biblioth. des auteurs eccles. t. XII, p. 37. 38; Syropul. III, 8. 9.

Константинополемъ и другія галеры, обѣщанныя и присланныя соборомъ Базельскимъ. Обманъ открылся. Послы обѣихъ враждебныхъ сторонъ не щадили ни денегъ ни обѣщаній, чтобы привлечь Грековъ къ себѣ. Императоръ, послѣ долгихъ колебаній, склонился на сторону папы и, вмѣстѣ съ патріархомъ Іосифомъ, 22-мя митрополитами и епископами и почти семью стами другихъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, 27-го ноября 1437 года отправился на галерахъ папскихъ въ Италію. Когда, наконецъ, Греки, прибывъ въ Венецію, услышали здѣсь отъ легатовъ папское приглашеніе отправиться въ Феррару, гдѣ папа назначилъ быть собору, и въ послѣдній разъ спросили самихъ себя, куда имъ лучше ѣхать, въ Базель или Феррару: послы папы снова употребили и убѣжденія и дары, чтобы увлечь Грековъ на свою сторону. Греки отправились въ Феррару (408).

Судя по такимъ дѣйствіямъ и папы и греческаго императора, предшествовавшимъ собору, котораго оба они столько желали, можно было догадываться, чего не употребитъ каждый изъ нихъ впродолженіе самаго собора для достиженія своей цѣли. Соборъ въ Феррарѣ открылся 9-го апрѣля 1438 года. При открытіи его, кромѣ прибывшихъ Грековъ, находились самъ папа, одинадцать кардиналовъ и до 150-ти латинскихъ епископовъ (409). Не станемъ говорить о томъ, что на этотъ соборъ явились только немногіе изъ отцевъ Базельскаго собора, не смотря на строгое предписаніе папы закрыть соборъ въ Базелѣ и перенести его въ Феррару; что раздраженный

(408) Syropul. III, 11—14; IV, 12—14.
(409) General. Synod. Florent. I, 17; Syropul. V, 3.

папа издалъ за тѣмъ буллу, которою отлучались отъ церкви и лишались своихъ достоинствъ всѣ, присутствовавшіе на Базельскомъ соборѣ, духовные и свѣтскіе, а соборъ Базельскій съ своей стороны произнесъ запрещеніе на папу и угрожалъ анаѳемою собравшимся въ Феррарѣ, если они не явятся въ Базель, и что король французскій Карлъ VII-й рѣшительно запретилъ своимъ епископамъ ѣхать въ Феррару. Пройдемъ молчаніемъ и то, что въ Феррару не захотѣлъ явиться ни одинъ изъ европейскихъ государей и никто изъ нихъ, кромѣ герцога Бургундскаго, не прислалъ даже своихъ пословъ, хотя папа, по настоятельнымъ просьбамъ греческаго императора, отправлялъ ко всѣмъ имъ своихъ легатовъ съ приглашеніями на соборъ ([410]). А обратимъ вниманіе на самыя дѣйствія собора. Сначала, въ ожиданіи прибытія приглашенныхъ государей или ихъ пословъ, здѣсь не было торжественныхъ соборныхъ засѣданій, а происходили только частныя совѣщанія. Для этихъ совѣщаній избраны были по десяти человѣкъ съ той и другой стороны, которые должны были сходиться въ одной монастырской церкви. Предметомъ совѣщаній или разсужденій былъ вопросъ *о чистилищѣ* и *о состояніи праведниковъ по смерти*. Греки и Латиняне, сходясь вмѣстѣ, излагали и защищали свое ученіе, опровергали другъ друга; но послѣ всѣхъ, продолжительныхъ и многократныхъ, преній, не согласились ни въ чемъ и не постановили никакого опредѣленія относительно разсмотрѣннаго предмета. А между тѣмъ со

([410]) Binii Concil. T. VIII, p. 274 et squ.; Synod. Florentin. I, 239; Wessenberg. Die grossen Kirchenversammlungen. XV und XVI Jahrh., 2 Band., S. 372. 379; Berault-Bercastel, Hist. de l'eglise, VIII, 86—88.

времени открытія собора прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ ([411]). И папа, увидѣвъ непреклонность Грековъ къ принятію латинскаго ученія, началъ уже дѣйствовать на нихъ принудительно: положенное для содержанія ихъ ежемѣсячное жалованье выдавали имъ несполна, несвоевременно, а наконецъ на три слишкомъ мѣсяца прекратили совсѣмъ, такъ что бѣдные Греки терпѣли крайнюю нужду, стали скорбѣть и нѣкоторые открыто выражали желаніе возвратиться въ отечество. Но тутъ встрѣтилось новое горе: императоръ, опасаясь, чтобы въ самомъ дѣлѣ недовольные не удалились съ собора преждевременно, далъ приказъ градоначальнику не выпускать изъ города ни одного Грека и никому изъ нихъ не выдавать билетовъ безъ его разрѣшенія и подписи ([412]). Послѣ шестимѣсячнаго напраснаго ожиданія европейскихъ государей или ихъ пословъ рѣшились, наконецъ, открыть торжественныя засѣданія собора (8 октября) въ дворцовой капеллѣ папы. При чемъ положено было, чтобы споры были рѣшаемы не большинствомъ голосовъ, которыхъ на сторонѣ Латинянъ всегда могло быть больше, но общимъ согласіемъ той или другой стороны. Для веденія преній назначены были съ обѣихъ сторонъ по шести лицъ, наиболѣе образованныхъ и искусныхъ, и въ числѣ ихъ со стороны Грековъ—Маркъ, митрополитъ ефесскій и Исидоръ митрополитъ русскій, который прибылъ на соборъ только 8 августа, слѣдовательно уже послѣ бывшихъ частныхъ совѣщаній. Предметомъ для соборныхъ разсужденій избранъ былъ вопросъ: *законно ли при-*

([411]) Syropul. V, 3—8. 13—18; Synod. Florent. I, 29—39.
([412]) Syropul. IV, 28; V, 9. 18; VI, 1. 2.

бавленіе къ Сгмволу вѣры—«Filioque» *(и отъ Сына), сдѣланное Латинами?* Этимъ вопросомъ занимались цѣлыхъ два мѣсяца (до 8 декабря). Соборныхъ засѣданій было 15. Спорившіе истощили всѣ свои знанія и искусство. И все напрасно: ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить ни въ чемъ; не состоялось никакого рѣшенія и соборнаго опредѣленія ([413]). Между тѣмъ папа снова пересталъ выдавать Грекамъ обѣщанное жалованье и наконецъ объявилъ, что онъ не въ состояніи содержать ихъ въ Феррарѣ за неимѣніемъ средствъ и находитъ необходимымъ перевести соборъ во Флоренцію, гдѣ богатые граждане обѣщали сдѣлать ему подъ этимъ условіемъ значительное вспомоществованіе ([414]). Греки сначала рѣшительно отказывались отъ путешествія во Флоренцію, опасаясь, чтобы тамъ, еще въ бóльшей дали отъ ихъ родины, папа не сталъ обходиться съ ними самовластнѣе и не вынудилъ ихъ согласія на покорность ему. Но убѣжденія императора и особенно совершенный недостатокъ въ деньгахъ для возвращенія въ отечество заставили Грековъ уступить. 10-го января 1439 года прочитана была въ каѳедральной церкви Феррарской папская булла о перенесеніи собора во Флоренцію. Грекамъ выдано было жалованье за прошлые четыре мѣсяца и на путевыя издержки. А императоръ, чтобы отнять у охотниковъ самую возможность къ побѣгу, объявилъ, что всякое судно греческое, которое направится въ Венецію, будетъ предано огню ([415]).

([413]) Syropul. VI, 9—14. 18—21; Synod. Florent. I, p. 43—75. 85—117. 183—289.

([414]) Syropul. VI, 20; VII, 1. 12; Synod. Florent. I, 308—315.

([415]) Syropul. VII, 14. 15; Synod. Florent. I, 315—320.

Во Флоренціи возобновились торжественныя засѣданія собора (26 февраля). Здѣсь со втораго засѣданія (2 марта) приступлено было къ разсмотрѣнію латинскаго ученія *объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына*. Всѣ пренія со стороны Грековъ велъ почти одинъ Маркъ ефесскій, а со стороны Латинянъ одинъ провинціалъ ордена Доминиканцевъ Іоаннъ (de Monte Nigro), славившійся своею діалектикою. Начали разбирать свидѣтельства отцевъ церкви греческой и впродолженіе пяти засѣданій разсмотрѣли только весьма немногія, вдаваясь въ величайшія тонкости и словопренія, которыя утомляли всѣхъ. Императоръ, наскучивъ медленностію, поручилъ Марку ефесскому изложить главныя основанія православнаго ученія о спорномъ предметѣ. Это изложеніе и было читано въ слѣдующемъ, седьмомъ засѣданіи собора. Но какъ Латиняне и послѣ этого не хотѣли согласиться съ Греками и требовали продолженія соборныхъ засѣданій: то императоръ, убѣдившись изъ опыта, что пренія не приводятъ рѣшительно ни къ какому соглашенію, запретилъ Марку являться на засѣданія, а прочіе Греки хотя и приходили еще на два бывшія за тѣмъ засѣданія, но только молча слушали, что говорилъ провинціалъ Іоаннъ, и не возражали ему ни слова ([416]). Тогда раздраженный папа прислалъ объявить патріарху, что какъ Греки отказались отъ дальнѣйшихъ состязаній, то они должны къ наступающей Пасхѣ (5 апрѣля) или изъявить согласіе на ученіе римской церкви или отправляться въ отечество ([417]). Этимъ, въ строгомъ смыслѣ, и окончился соборъ Флорентій-

([416]) Synod. Florent. I, 322—414. 492—562; Syropul. VIII, 1.
([417]) Synod. Florent. I, 563.

скій, и справедливость требуетъ сказать, что онъ не привелъ ни къ какому результату. Отселѣ соборныхъ засѣданій уже не было, а начались только частныя сношенія и совѣщанія и пущены были въ ходъ всѣ средства, физическія и моральныя, чтобы принудить Грековъ къ принятію латинства. Папа, по прежнему, не выдавалъ имъ денегъ на содержаніе еще съ самаго прибытія во Флоренцію ([418]). Императоръ не выпускалъ даже изъ города тѣхъ, которые просились у него немедленно возвратиться на родину, укорялъ ихъ въ нерадѣніи объ общемъ благѣ, напоминалъ имъ о бѣдствіяхъ отечества, выставлялъ выгоды отъ заключенія мира съ Латинами, грозилъ своимъ гнѣвомъ. А другихъ, кого считалъ наиболѣе склонными къ уступкамъ папѣ, именно: Исидора русскаго, Виссаріона митрополита никейскаго и своего духовника Григорія приблизилъ къ себѣ. Вслѣдъ за тѣмъ въ понедѣльникъ страстной седмицы (30 марта) онъ велѣлъ Грекамъ собраться въ келліяхъ ихъ больнаго патріарха, чтобы какъ нибудь найти способъ къ примиренію съ римскою церковію. Здѣсь митрополитъ русскій первый подалъ голосъ: «лучше душею и сердцемъ соединиться съ Латинянами, нежели, не кончивъ дѣла, возвратиться; возвратиться, конечно, можно, но какъ, куда и когда»? Другія разсуждали иначе; открылись состязанія, которыя продолжались и въ три послѣдующія такія же собранія и кончились ничѣмъ ([419]). 15-го апрѣля папа прислалъ на соборъ греческій трехъ своихъ кардиналовъ съ нѣсколькими епископами и здѣсь, съ общаго согласія, положено

([418]) Syropul. VIII, 6; IX, 2.
([419]) Syropul. VIII, 2. 4. 7; Synod. Florent. I, 563—574.

было составить коммисію изъ двадцати членовъ, по десяти съ каждой стороны, для изложенія догмата объ исхожденіи Св. Духа въ такой формулѣ, которая могла бы быть принята и Латинами и Греками. Коммисія составилась, имѣла пять засѣданій въ папскомъ дворцѣ, но за спорами не могла сдѣлать ничего и закрылась. Тогда Латиняне сами составили такую формулу и прислали Грекамъ. Греки, выслушавъ ее, отвергли съ негодованіемъ, кромѣ трехъ лицъ, которыхъ приблизилъ къ себѣ императоръ, и еще Дороѳея митиленскаго. Греки, съ своей стороны, составили формулу, по большинству голосовъ, съ значительными уступками Латинянамъ и послали къ нимъ. Латиняне остались ею недовольны. Папа рѣшился на новое средство: онъ убѣдилъ императора прислать греческихъ епископовъ къ нему во дворецъ для личнаго съ ними собесѣдованія. И когда они явились (27-го мая), говорилъ имъ о своихъ трудахъ, усердіи, уступкахъ впродолженіи собора, и объ ихъ медленности въ дѣлахъ, неуступчивости, упорствѣ, выставлялъ имъ бѣдственное положеніе ихъ отечества, обѣщалъ помощь, если они соединятся съ римскою церковію. Слова папы, по видимому, подѣйствовали. По крайней мѣрѣ, митрополиты—Исидоръ, Виссаріонъ и два другіе, возвратившись отъ папы, объявили о своей рѣшимости съ нимъ соединиться и нашли себѣ полное сочувствіе въ императорѣ и даже въ патріархѣ. По требованію послѣдняго, въ собраніи Грековъ читаны были изъ отцевъ восточной Церкви тѣ мѣста, на которыхъ латинствующіе думали утвердить свое согласіе съ ученіемъ римской церкви объ исхожденіи Св. Духа. Но когда, по выслушаніи этихъ мѣстъ, приступили къ собиранію голосовъ, то хотя самъ патріархъ подалъ свой го-

лось въ пользу соединенія съ Латинянами, къ нему присоединились только десять другихъ изъ двадцати семи, а семнадцать оказались противъ него ([420]). Чтобы подѣйствовать и на этихъ несогласныхъ, прибѣгли къ послѣднему средству: однихъ пригласилъ къ себѣ патріархъ, кротко укорялъ въ неблагодарности и неповиновеніи ему и убѣждалъ послѣдовать его мнѣнію; другихъ успѣлъ привлечь на свою сторону императоръ, напримѣръ, митрополита кизическаго, подаривъ ему давно просимую имъ землю; третьихъ склонилъ къ согласію митрополитъ Исидоръ, устроивъ для нихъ богатое угощеніе. Число приверженцевъ соединенія возрасло. Остались только непреклонными и неизмѣнными въ православіи три мѣстоблюстителя патріарховъ: александрійскаго–Антоній ираклійскій, антіохійскаго–Маркъ ефесскій и іерусалимскаго–Досиѳей маемвасійскій и еще митрополитъ анхіальскій Софроній. Тогда патріархъ въ слѣдующее собраніе (2-го іюня) первый выразилъ свое мнѣніе о личномъ свойствѣ Св. Духа, совершенно согласное съ ученіемъ Латинянъ. За патріархомъ подали свои такого же рода мнѣнія и всѣ прочіе іерархи, кромѣ четырехъ, нами упомянутыхъ. Изъ этихъ мнѣній составлено было одно общее извлеченіе или изложеніе, которое и представлено папѣ и, по его требованію, будучи еще исправлено Греками, наконецъ одобрено имъ 8-го іюня. Въ знакъ состоявшагося примиренія Латиняне облобызали Грековъ ([421]).

Послѣ этой первой побѣды надъ Греками, самой важной

([420]) Syropul. VIII, 11—16; IX, 1—6; Synod. Florent. I, 580-601; Berault-Bercastel. Hist. de l'eglise, VIII, p. 98—99.

([421]) Syropul. IX, 6—13; Synod. Florent. I, 601—624.

и стоившей такъ дорого, папа надѣялся, что одержать надъ ними другія побѣды будетъ ему уже гораздо легче. Онъ немедленно предложилъ епископамъ греческимъ дать отвѣты на вопросы: о чистилищѣ, о власти папской, объ опрѣснокахъ и освященіи даровъ въ Евхаристіи. Но въ тотъ же день (10-го іюня) вечеромъ патріархъ константинопольскій Іосифъ внезапно скончался. Кончина первосвятителя глубоко подѣйствовала на императора. Онъ понялъ, что отселѣ главная отвѣтственность предъ отечественною Церковію за соединеніе съ римскою падетъ на него, и потому сдѣлался осторожнѣе и неуступчивѣе въ отношеніи къ папѣ. Но было уже поздно. Для рѣшенія предложенныхъ вопросовъ Греки то собирались одни между собою, то приглашали къ себѣ и кардиналовъ, то были приглашаемы папою. Долѣе всего ихъ останавливалъ вопросъ о власти папской. Папа настоятельно требовалъ, чтобы они признали всѣ преимущества его престола, какими онъ пользовался на западѣ; но Греки, хотя допускали эти преимущества, не хотѣли однакожъ признать за папою права созывать вселенскіе соборы безъ согласія императора и права требовать къ себѣ на судъ патріарховъ. Дѣло дошло до того, что императоръ, не желая уступить, рѣшился-было возвратиться въ отечество. И только убѣжденія Исидора и нѣкоторыхъ другихъ съ трудомъ остановили его. Вскорѣ за тѣмъ Греки уступили папѣ во всемъ: признали его главою Церкви, намѣстникомъ и мѣстоблюстителемъ Іисуса Христа, съ тѣмъ однакожъ, чтобы сохранены были права и преимущества восточныхъ патріарховъ; приняли и латинское ученіе о чистилищѣ, объ освященіи даровъ и объ опрѣснокахъ въ Евхаристіи, съ условіемъ, чтобы таинство могло быть совершаемо

и на квасномъ хлѣбѣ ([422]). Немедленно составлено было *соборное опредѣленіе* о соединеніи церквей, въ которое включены были всѣ пункты ученія, принятые Греками. Въ назначенный день (5-го іюля) оно было подписано сначала императоромъ и всѣми Греками, за исключеніемъ одного Марка ефесскаго, хотя надобно замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ предъ тѣмъ расположены были къ подписанію папскими дарами, а другіе, какъ русскій епископъ Авраамій, принуждены насиліемъ ([423]). Когда декретъ принесенъ былъ для подписи къ папѣ и на вопросъ его: «подписался ли ефесскій?»—ему отвѣчали: нѣтъ,—то папа невольно воскликнулъ: «такъ мы ничего не сдѣлали!» Вмѣстѣ съ папою подписались восемь кардиналовъ, около 60-ти епископовъ и много аббатовъ. На слѣдующій день (6-го іюля) въ каѳедральной флорентійской церкви, при стеченіи безчисленнаго народа, по совершеніи благодарственнаго молебствія, соборное опредѣленіе о соединеніи церквей прочитано было съ каѳедры громогласно на латинскомъ и греческомъ языкахъ. И торжество заключено было литургіею по латинскому обряду ([424]).

([422]) Synod. Florent. I, 620—645; Syropul. IX, 16; X, 2. 3.

([423]) Syropul. X, 4. 8. 9; Synod. Florent. I, 647 — 652; П. Собр. Р. Лѣт. VI, 156; *Симеон. Суздал.* Путеш. Исидора на Флор. соборъ (*Сахар.* Путеш. Русск. людей, II, 106); Повѣст. объ осьмомъ соборѣ, въ Матеріал. для Истор. Русск. Церкви, 1, 60—71. Здѣсь нѣсколько разъ говорится, что папа присылалъ Грекамъ „злато и сребро“, и что они вообще прельстились „сребролюбіемъ и златолюбіемъ“. А объ епископѣ Авраамiѣ замѣчено: „тогда присла папа бискупа своего Христофора къ епископу Аврамію Суздальскому, аще бы подписался. Ему же не хотящу, митрополитъ же Исидоръ я его и всади въ темницу, и сидѣ недѣлю полну, — и тому подписавшуся не хотѣніемъ, но нужею“. Такъ же поступилъ Исидоръ и съ самимъ Симеономъ (—71).

([424]) Syropul. X, 8 — 10; Synod. Florent. I, 653 — 670; П. Собр. Р. Лѣт. VI, 156—158.

Какъ же смотрѣть на это соединеніе церквей, восточной и западной, совершившееся во Флоренціи? Это, по истинѣ, было соединеніе незаконное и недѣйствительное, а только мнимое, призрачное. Незаконно оно было отчасти и потому, какъ подготовлялось. Императоръ, имѣя въ виду единственно мірскія цѣли, самъ избралъ для собора мѣстоблюстителей патріаршихъ и приказалъ дать имъ такія инструкціи, чтобы соединеніе церквей удобнѣе состоялось, а вмѣстѣ внушилъ или повелѣлъ патріарху послать въ Россію такого митрополита, который потомъ оказался самымъ первымъ споспѣшникомъ этому соединенію. А папа, чтобы привлечь Грековъ въ свои сѣти и отклонить отъ собора Базельскаго, гдѣ дѣло соединенія церквей могло бы пойти путемъ болѣе правильнымъ и окончиться на условіяхъ, болѣе выгодныхъ для Грековъ и православія, нежели для папства, употребилъ даже обманъ и подкупъ. Но особенно незаконно было это соединеніе церквей потому, какъ оно совершилось. Средство для соединенія было избрано самое законное—соборъ и соборное обсужденіе тѣхъ догматическихъ разностей, которыми римская церковь отдѣлялась отъ восточной. И соборъ Ферраро-флорентійскій, судя по его составу, по крайней мѣрѣ, со стороны Грековъ можно было бы назвать даже вселенскимъ: потому что на немъ, вмѣстѣ съ покровителемъ греческой Церкви — императоромъ, присутствовали константинопольскій патріархъ, мѣстоблюстители прочихъ патріарховъ и представители другихъ восточныхъ церквей, — хотя со стороны Латинянъ соборъ этотъ далеко не былъ вселенскимъ: кромѣ папы съ нѣсколькими кардиналами и епископами, на немъ не присутствовали ни одинъ изъ епископовъ Франціи и вообще всѣ тѣ еписко-

пы, французскіе и другихъ странъ Европы, которые упорно продолжали свой соборъ въ Базелѣ и наконецъ осудили папу, какъ еретика, а соборъ его, бывшій въ Феррарѣ и Флоренціи, признали незаконнымъ. Но для насъ важно собственно то, какъ велись дѣла на Ферраро-флорентійскомъ соборѣ. Сначала они велись, какъ слѣдуетъ, по примѣру прежнихъ вселенскихъ соборовъ. Греки и Латиняне свободно разсуждали между собою о предметахъ ихъ разногласій и на частныхъ совѣщаніяхъ и на засѣданіяхъ соборныхъ. Но впродолженіе этихъ свободныхъ, непринужденныхъ разсужденій не было рѣшено ни одного изъ спорныхъ вопросовъ, не послѣдовало никакого сближенія между состязавшимися. За тѣмъ открылся рядъ дѣйствій, совершенно недостойныхъ собора. Грековъ со всѣхъ сторонъ, всѣми средствами, старались приневолить къ тому, чего прежде по доброй волѣ и убѣжденію они принять не соглашались. Папа прямо предложилъ имъ на выборъ одно изъ двухъ: или покориться ему до извѣстнаго срока или ѣхать домой безъ всякихъ средствъ для путешествія. Тотъ же папа томилъ, доводилъ ихъ до крайности, не выдавая имъ своевременно жалованья, устрашалъ ихъ бѣдствіями ихъ отечества, обольщалъ своею помощію противъ Турокъ, не устыдился прибѣгнуть даже къ подкупу. Несчастный императоръ такъ же и умолялъ именемъ отечества, и угрожалъ своимъ гнѣвомъ, и не скупился на разныя обѣщанія и подарки. Патріархъ, слабый и больной, и тотъ убѣждалъ, укорялъ своихъ епископовъ въ неповиновеніи къ нему, въ неблагодарности. А Исидоръ, щедрый на угощеніе Грековъ, противъ своихъ–Русскихъ смѣло употребилъ насиліе. Не разъ Греки пытались воротиться на родину; но имъ не позволяли, не

давали средствъ, у нихъ отнимали самую возможность къ побѣгу. Сперва на сторону Латинянъ перешли три-четыре Грека, потомъ одинъ за другимъ, медленно и неохотно, за ними слѣдовали прочіе, пока наконецъ не перешли всѣ, такъ что остался твердымъ и непоколебимымъ въ православіи одинъ Маркъ ефесскій. Мало по малу у нихъ вынуждали уступку за уступкою, пока они не приняли всего, что навязывалъ имъ папа. Они были доведены до того, что самый актъ о соединеніи съ Латинянами подписали, не прочитавъ его предварительно: содержаніе его знали только составители его ([425]). И такое ли соединеніе церквей можно назвать законнымъ? Такой ли соборъ—соборомъ вселенскимъ? Нѣтъ, онъ не заслуживаетъ иного имени, кромѣ имени лжесобора. Соединеніе вынужденное, невольное не могло быть дѣйствительнымъ, искреннимъ, сердечнымъ. И оно не было такимъ, какъ тогда же засвидѣтельствовали факты. Въ самый день торжества по случаю соединенія церквей, когда въ каѳедральномъ флорентійскомъ соборѣ прочитанъ былъ актъ соединенія и сначала спросили Латинянъ, согласны ли они принять его, Латиняне единодушно отвѣчали: согласны, согласны! А когда спросили Грековъ, то хотя многіе отвѣчали такъ же, но не всѣ. И вслѣдъ за тѣмъ въ торжественномъ богослуженіи папы, не смотря на его желаніе, не захотѣлъ участвовать вмѣстѣ съ Латинянами ни одинъ греческій епископъ и никто изъ Грековъ не пріобщился опрѣсноковъ, хотя въ актѣ соединенія сказано, что таинство Евхаристіи равно дѣйствительно, совершается ли на опрѣснокахъ или на квасномъ хлѣбѣ. А

([425]) Syropul. X, 19.

папа на другой день, не смотря на просьбу императора, не согласился отправить торжественно греческой литургіи на квасномъ хлѣбѣ и сказалъ, что ее надобно еще посмотрѣть, можетъ ли она быть одобрена для торжественнаго совершенія. Когда папа, еще во Флоренціи, потребовалъ, чтобы Маркъ ефесскій, какъ упорный противникъ соборнаго опредѣленія, былъ преданъ суду и чтобы для Константинополя избранъ былъ новый патріархъ: императоръ отвѣчалъ, что Марка ефесскаго, какъ митрополита восточной Церкви, имѣютъ право судить только восточные епископы, а патріархъ константинопольскій, по древнему обычаю, долженъ быть избираемъ всею областію своею и посвящаемъ въ Софійскомъ цареградскомъ соборѣ (426). Когда Греки возвратились въ Константинополь и, ступая съ галеръ на родный берегъ, были встрѣчены вопросомъ: чѣмъ кончился соборъ,—то многіе изъ нихъ съ сокрушеніемъ отвѣчали: «мы продали нашу вѣру, мы промѣняли православіе на неправославіе». И какъ бы отдавая себя на судъ своихъ соотечественниковъ и отрекаясь отъ принятаго соединенія, восклицали: «да отсѣчется рука, подписавшая беззаконное опредѣленіе! Да исторгнется языкъ, изрекшій согласіе съ Латинянами!» Одинъ изъ митрополитовъ, бывшій мѣстоблюстителемъ патріарха александрійскаго, Антоній ираклійскій, явившись на соборъ соархипастырей въ Константинополѣ, торжественно исповѣдалъ: «я не былъ согласенъ съ одобрявшими соединеніе, какъ вы сами знаете, однако же подписался подъ опредѣленіемъ, хотя недобровольно. И съ той поры совѣсть меня мучитъ. Я

(426) Syropul. X, 10—12; Synod. Florent. I, 653—675.

отвергаю соединеніе и предаю себя суду Церкви, какъ виновнаго». Да и самъ императоръ, хотя находилъ нужнымъ казаться ревнующимъ объ этомъ соединеніи, не хотѣлъ однакожъ или не осмѣлился до конца своей жизни обнародовать въ своей столицѣ и имперіи опредѣленіе, постановленное во Флоренціи, и умеръ православнымъ, отрекшись отъ всякаго союза съ Римомъ ([427]).

Достигъ ли, по крайней мѣрѣ, императоръ того, чего такъ пламенно желалъ достигнуть чрезъ соединеніе церквей? Нѣтъ, Богъ не благословилъ его успѣхомъ. Предъ перенесеніемъ собора изъ Феррары во Флоренцію папа послалъ для вспоможенія Константинополю 19 тысячь флориновъ. Предъ согласіемъ Грековъ принять латинское ученіе о Св. Духѣ обязался, между прочимъ, содержать въ Константинополѣ на своемъ иждивеніи, для охраненія его, триста воиновъ и двѣ галеры. Разставаясь съ императоромъ во Флоренціи, папа напутствовалъ его только благословеніями и обѣщаніемъ выслать флотъ и войско Константинополю, если согласятся на помощь европейскія государства. Чрезъ четыре года, когда императоръ рѣшился попытать счастія противъ Турокъ, папа хотя дѣйствительно выдалъ сильное воззваніе къ государямъ Европы о вспомоществованіи своими силами несчастнымъ Грекамъ, но на это воззваніе отозвался только одинъ король венгерскій и польскій Владиславъ, съ которымъ и самъ императоръ еще прежде вошелъ въ сношенія съ тою же цѣлію.

([427]) Allatii, De Eccl. ossid. et orient. perpet. cons. III, c. 2, p. 903; Ducas. c. 31, p. 120. 121, ed. 1649; Syropul. XII, 1—2; Zoernikaw, de process. Spiritus Sancti, p. 1044. 1046.

Противъ султана турецкаго Мурада возбудили бунтъ въ малой Азіи и тѣмъ заставили его отвлечь туда свои войска изъ Европы. Въ это время сильный флотъ Владислава явился въ Геллеспонтѣ, чтобы заградить султану обратный путь въ Европу и отнять у него тѣ города, которые здѣсь находились. Но Мурадъ успѣлъ переправиться изъ малой Азіи и разбилъ войско Владислава подъ Варною, при чемъ погибъ и самъ Владиславъ (10-го ноября 1444-го г.) ([428]). Другихъ пособій такого рода отъ папы и отъ государей Европы болѣе не было для Грековъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ, хотя уже по смерти императора Іоанна, Константинополь взятъ былъ Турками и греческая имперія окончательно пала (29-го мая 1453-го г.).

А самъ папа—достигъ ли онъ своей цѣли: утвердилъ ли чрезъ Флорентійскій соборъ свою власть, колебавшуюся тогда на западѣ, и подчинилъ ли себѣ Грековъ? Нисколько. Противопоставивъ Ферраро-флорентійскій соборъ, на которомъ присутствовали и представители востока, собору Базельскому, папа напрасно разсчитывалъ смирить тѣмъ отцевъ этого послѣдняго собора. Базельскій соборъ не переставалъ считать себя вселенскимъ, не прекращалъ своихъ занятій и не болѣе, какъ за десять дней до состоявшагося и обнародованнаго во Флоренціи (5-го іюля) соединенія церквей, повторивъ свое прежнее постановленіе, что вселенскій соборъ выше папы, осудилъ папу Евгенія, какъ еретика, и объявилъ его низложеннымъ (25-го іюня). Не утѣшили папу и Греки: они рѣшительно не хотѣли принимать привезеннаго изъ Флоренціи соединенія. И хотя на каѳедру константинопольскую, по настояніямъ импе-

([428]) Syropul. VII, 15; IX, 9; XI, 2–4; Le-Beau, livr. 118, § 5–16.

ратора, возводимы были, одинъ за другимъ, два патріарха, преданные этой уніи, Митрофанъ кизическій и Григорій, духовникъ царскій, но оба они ничего не могли сдѣлать: и духовенство и народъ чуждались ихъ. А прочіе патріархи востока, александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій, узнавъ о состоявшемся на Флорентійскомъ соборѣ соединеніи съ Римомъ, объявили этотъ соборъ нечестивымъ и уполномочили митрополита кесарійскаго Арсенія всюду и предъ всѣми проповѣдывать противъ беззаконнаго соединенія (1443 г.). Въ тоже время знаменитый Маркъ ефесскій своими окружными посланіями заклиналъ всѣхъ православныхъ удаляться этого соединенія, какъ богоненавистнаго. И голосъ великаго поборника православія имѣлъ неотразимую силу на всѣхъ. Флорентійскій соборъ не только не привлекъ къ папѣ, не покорилъ ему Грековъ, а еще сильнѣе возбудилъ въ нихъ нерасположенность къ нему и ненависть ([429]).

Болѣе ли успѣлъ папа по отношенію къ Россіи? Первосвятитель русскій былъ однимъ изъ самыхъ главныхъ виновниковъ флорентійской уніи. Папа наградилъ его за это, равно какъ Виссаріона митрополита никейскаго, болѣе всѣхъ другихъ греческихъ іерарховъ, возведши того и другаго въ санъ кардиналовъ. И Исидоръ, почтенный кромѣ того предъ отправленіемъ изъ Италіи (6-го сент. 1440 г.) званіемъ легата отъ ребра апостольскаго въ Литвѣ, Ливоніи, Россіи и во всѣхъ мѣстахъ Польши, подвѣдомыхъ его митрополіи, намѣревался дѣйствовать съ гораздо большею смѣлостію и рѣшительностію,

([429]) Allatii de Eccles. occid. et orient. perpet. consens. III, c. 4, p. 939 - 945; Syropul. XII, 1. 2; Synod. Florentin. t. II, p. 274. 362.

нежели какъ дѣйствовали въ Греціи императоръ и его единомышленники ([430]). Достигнувъ столицы венгерской—Будина, Исидоръ разослалъ отсюда во всѣ, подвѣдомыя ему, страны слѣдующее воззваніе: «возрадуйтесь и возвеселитесь нынѣ всѣ христіане: церкви восточная и западная, столько времени раздѣленныя и враждебныя между собою, нынѣ соединились истиннымъ, древнимъ, изначальнымъ единствомъ и миромъ. Вы, христоименитые Греки и всѣ, принадлежащіе къ св. константинопольской церкви, Русь, Сербы, Валахи и другіе, примите это святое соединеніе съ великою радостію и честію, и да не будетъ у васъ никакого раздѣленія съ Латинянами. Равно и вы, племена латинскія, не чуждайтесь исповѣдающихъ греческую вѣру: и они крещены, и ихъ крещеніе такъ же свято и истинно, какъ латинское. И если Греки живутъ въ землѣ латинской или въ ихъ землѣ есть латинскія церкви, то пусть ходятъ они и въ эти церкви къ божественной службѣ и воздаютъ въ нихъ чествованіе тѣлу Христову, какъ въ своихъ собственныхъ церквахъ, пусть приносятъ покаяніе и предъ латинскими священниками и пріемлютъ отъ нихъ святое причастіе. А Латиняне такъ же должны ходить въ греческія церкви, слушать въ нихъ божественныя службы и съ теплою вѣрою покланяться тѣлу Іисуса Христа: потому что таинство тѣла равно истинно, совершено ли оно греческимъ священникомъ на квасномъ хлѣбѣ, или латинскимъ на опрѣсночномъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пусть приходятъ Латиняне и на покаяніе къ греческимъ священникамъ и пріемлютъ отъ нихъ причастіе. Такъ постановилъ соборъ вселенскій во Флорен-

([430]) Hist. Russiae Monum. I, №121.

ціи» ([431]). Прибывъ въ столицу Польши—Краковъ, Исидоръ совершилъ здѣсь торжественное богослуженіе въ латинской церкви, и вскорѣ за тѣмъ вступивъ въ предѣлы своей паствы (1-го октября), онъ во Львовѣ такъ же совершилъ литургію въ латинскомъ храмѣ, а не въ русскомъ; для Владиміра-Волынскаго поставилъ епископа Даніила, согласившагося признать флорентійскую унію; во Холмѣ далъ грамату въ защиту одного священника, подвергавшагося притѣсненіямъ отъ своихъ согражданъ. Не знаемъ, какъ приняли Исидора въ Кіевѣ православные христіане и духовенство; но извѣстно, что онъ прожилъ въ Кіевѣ всю зиму, и въ февралѣ кіевскій князь Александръ Владиміровичь, вмѣстѣ съ своими князьями, панами и всею радою, далъ ему грамату, въ которой называлъ его своимъ господиномъ и отцемъ и утвердилъ за нимъ всѣ митрополичьи отчины и доходы ([432]). На вербной недѣлѣ 1441 года Исидоръ прибылъ въ Москву и привезъ отъ папы великому князю Василію Васильевичу посланіе. Папа льстилъ нашему князю, относя и къ его «похвалѣ и славѣ» флорентійское соединеніе, на которомъ русскій митрополитъ такъ много потрудился, и потомъ просилъ князя, за такія заслуги Исидора, принять его съ честію и оказывать ему всякую помощь въ дѣлахъ церковныхъ и особенно въ церковной пошлинѣ. Но въ Москвѣ знали уже подробно отъ бывшихъ въ свитѣ Исидоровой, что такое это пресловутое соединеніе и

([431]) П. Собр. Р. Лѣт. VI,159; VIII, 106; Ник. Лѣт. V, 148.

([432]) *Зубрицк.* о Червон. Руси, 328; *Карамз.* V, примѣч. 311; П. Собр. Р. Лѣт. IV, 211; Чтен. Моск. Истор. Общ. 1841, № 1, отд. I, стр. 13; Акт. Истор. I, № 259. Въ Густинской лѣтописи сказано, будто въ Кіевѣ Исидора не приняли и даже изгнали (П. Собр. Р. Лѣт. II, 355).

въ чемъ состояли заслуги Исидора; знали, какъ ратовалъ онъ за папство, какъ приневоливалъ своихъ-Русскихъ къ принятію латинскаго ученія, какъ похвалялся въ Римѣ своею властію надъ всѣми русскими князьями и епископами, называя послѣднихъ «некнижными». А потому можно судить, какое дѣйствіе должно было произвесть на великаго князя папское посланіе. Князь, однакожъ, молчалъ до времени. Но когда Исидоръ, отправляясь въ Успенскій соборъ для богослуженія, велѣлъ нести предъ собою латинскій крестъ и три серебряныя палицы; когда во время литургіи началъ поминать папу вмѣсто восточныхъ патріарховъ, а по окончаніи приказалъ прочесть съ амвона велегласно Флорентійское опредѣленіе, въ которомъ излагались латинскіе лжедогматы, столько противные православнымъ: тогда князь болѣе не выдержалъ. Онъ не принялъ отъ митрополита благословенія и всенародно назвалъ его латинскимъ прелестникомъ и еретикомъ, велѣлъ низложить его съ престола и заключить въ Чудовомъ монастырѣ до соборнаго рѣшенія дѣла. По волѣ князя на соборъ явились епископы: Ефремъ ростовскій, Іона рязанскій, Варлаамъ коломенскій, Іовъ сарайскій, Герасимъ пермскій и въ числѣ ихъ Авраамій суздальскій, бывшій съ Исидоромъ во Флоренціи, а такъ же множество архимандритовъ, игуменовъ и иноковъ. Они разсмотрѣли Флорентійское опредѣленіе и признали его противнымъ божественнымъ правиламъ и преданію; убѣждали Исидора покаяться и возвратиться въ нѣдра православія; но онъ не согласился и, проведши въ Чудовскомъ заключеніи всю весну и лѣто, наконецъ тайно бѣжалъ съ ученикомъ своимъ Григоріемъ въ Тверь (433). Но и тверскій князь Бо-

(433) Акт. Истор. I, № 39, стр. 74; П. Собр. Р. Лѣт. VI, 160—161; VIII,

рисъ заключилъ бѣглеца подъ стражу и отпустилъ его не прежде средокрестной недѣли великаго поста (1442 г.), и слѣдовательно продержавъ всю осень и часть зимы. Изъ Твери Исидоръ отправился въ Новгородокъ Литовскій къ великому князю Казиміру. Но какъ этотъ князь литовскій еще прежде объявилъ себя предъ Европою не на сторонѣ папы Евгенія, а на сторонѣ собора Базельскаго и поставленнаго имъ новаго папы Феликса: то очень понятно, почему Исидоръ не захотѣлъ или даже не могъ оставаться и въ Литвѣ, а навсегда переселился въ Римъ къ своему покровителю (434).

Такимъ образомъ флорентійская унія была рѣшительно отвергнута собственно въ Россіи и не могла оказать никакого вреднаго вліянія на православіе русской Церкви, напротивъ принесла даже ей нѣкоторую пользу. Русскіе, узнавъ, что самъ греческій императоръ и тогдашній патріархъ константинопольскій измѣнили православію и держатся флорентійской уніи, рѣшились сами, соборомъ своихъ епископовъ, поставить себѣ православнаго первосвятителя, вмѣсто отступника Исидора. А это послужило началомъ для цѣлаго непрерывнаго ряда такихъ же дѣйствій; началомъ для самостоятельности русской Церкви и независимости отъ цареградскаго патріарха, хотя еще не всецѣлой; началомъ и для новаго періода исторіи русской Церкви.

108—109; Ник. Лѣт. V, 153—156. 159; Степ. кн. II, 75; *Симеон. Суздал.* Повѣст. объ осьм. соборѣ, въ Матеріал. для Истор. Русск. Церкви I, 73.

(434) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 212; Wessenberg. Die gross. Kirchenversamml. XV und XVI Jahrhund., 2 Band., S. 434.

рисъ заключилъ было его подъ стражу и отпустилъ его по прошествіи средокрестной недѣли великаго поста (1442 г.), и слѣдовательно, продержалъ всю осень и часть зимы. Изъ Твери Исидоръ отправился въ Новогородокъ Литовскій къ великому князю Казиміру. Но какъ этотъ князь литовскій еще прежде объявилъ себя предъ Европою не на сторонѣ папы Евгенія, а на сторонѣ собора Базельскаго и поставленнаго имъ новаго папы Феликса; то очень понятно, почему Исидоръ не захотѣлъ или даже не могъ оставаться и въ Литвѣ, а навсегда переселился въ Римъ къ своему покровителю (¹³³).

Такимъ образомъ флорентійская унія была рѣшительно отвергнута собственно въ Россіи и не могла оказать никакого вреднаго вліянія на православіе русской Церкви, напротивъ принесла даже ей нѣкоторую пользу. Русскіе, узнавъ, что самъ греческій императоръ и тогдашній патріархъ константинопольскій измѣнили православію и держатся флорентійской уніи, рѣшились сами, соборомъ своихъ епископовъ, поставить себѣ православнаго первосвятителя, вмѣсто отступника Исидора. А это послужило началомъ, для цѣлаго непрерывнаго ряда такихъ же (фактически) началомъ для самостоятельности русской Церкви и независимости отъ цареградскаго патріарха, хотя еще не всецѣлой; началомъ и для новаго періода исторіи русской Церкви.

108—109; Ник. Лѣт. V, 155—158. 159; Степ. кн. II, 75; Олеар. Синод. [illegible] собор. въ Матеріал. для Истор. Русск. Церкви I, 13.

(¹³³) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 212; Wiszniewski. Die griech. Kirchenverfassung [illegible] 2 Bd., S. 213.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ I.

Свидѣтельства о существованіи у насъ славянской Кормчей въ до-монгольскій періодъ.

Свидѣтельства эти троякаго рода:

1) Свидѣтельства митрополитовъ Іоанна II-го и Никифора и епископа смоленскаго Мануила, изъ которыхъ первый въ своихъ отвѣтахъ Іакову черноризцу, вторый—въ посланіи къ Владиміру Мономаху, а третій — въ граматѣ объ учрежденіи смоленской епископіи то ссылаются на нѣкоторыя правила, соборныя и отеческія, то даже приводятъ ихъ буквально. Но названные святители, какъ Греки, могли пользоваться греческими правилами и переводить только тѣ изъ нихъ, какія находили нужными для своихъ славянскихъ сочиненій.

2) Свидѣтельства новгородскаго епископа Нифонта и іеромонаха Кирика. Нифонтъ привелъ сполна два правила св. Василія великаго въ своихъ отвѣтахъ Кирику, а Кирикъ говоритъ о себѣ: «и прочтохъ ему (Нифонту) правило св. Тимофѣя». Это дѣйствительно показываетъ, что, по крайней мѣрѣ, въ Новгородѣ существовала и употреблялась при епископѣ Нифонтѣ книга правилъ на славянскомъ языкѣ, хотя нельзя сказать, заключала ли она въ себѣ всѣ церковныя правила или только правила нѣкоторыхъ св. отцевъ.

3) Свидѣтельство новгородскаго монаха Зиновія. Въ своемъ сочиненіи противъ ереси Ѳеодосія Косаго, Зиновій въ главѣ 52-й говоритъ, что онъ видѣлъ книгу правилъ древняго перевода, писанную еще при в. к. Ярославѣ и первомъ новгородскомъ епископѣ Іоакимѣ, и приводитъ изъ нея слова Сvмвола вѣры втораго вселенскаго собора о Св. Духѣ, а въ главѣ 56-й, сославшись на правила собора Неокесарійскаго и VI-го вселенскаго, замѣчаетъ: «правила, яже предложихъ нынѣ вамъ, имутъ оправданіе истинѣ; понеже писана книга „Правила" на кожахъ при Изяславѣ князѣ, Ярославли сынѣ, при внукѣ великаго Владиміра, крестившаго русскую землю» (*Зинов.* Истины показаніе, стр. 955. 993, Казань, 1864). Но кромѣ того, что этотъ свидѣтель жилъ уже въ XVI-мъ столѣтіи, онъ не выразилъ ясно, почему онъ относилъ видѣнные имъ списки правилъ ко времени вел. князя Ярослава и Изяслава, по своимъ ли только соображеніямъ и догадкамъ или потому, что въ самыхъ спискахъ съ точностію означено было время ихъ написанія. Если только по соображеніямъ: то не могъ ли онъ обмануться и пергаменные списки Кормчей XIII-го или XIV-го в. признать за списки XI-го вѣка? И если у него подъ руками дѣйствительно находился списокъ Кормчей времени еще Ярославова, то почему же не на этотъ древнѣйшій списокъ сослался нашъ авторъ въ оправданіе изложенныхъ имъ правилъ, а уже на списокъ времени Изяслава? Кажется, что одинъ и тотъ же списокъ, который въ 52-й главѣ, по догадкѣ, авторъ отнесъ ко времени Ярослава, въ главѣ 56-й онъ отнесъ ко времени Изяслава. Наконецъ, изъ словъ Зиновія не видно, всѣ ли церковныя правила заключались въ видѣнныхъ имъ древнихъ спискахъ, или только нѣкоторыя.

№ II.

Правила митрополитовъ—Петра и Фотія о вдовыхъ священникахъ.

1. «О вдовствующихъ попѣхъ — Поученіе, иже во святыхъ, отца нашего Петра митрополита, всея руссіи чюдотворца».

«Аще у попа умретъ попадья, и онъ идетъ въ монастырь, стрижется: имѣетъ священство свое паки; ащели же имать пребывати и любити мирскія сласти: да не служитъ. И аще не имать слушати моего писанія: будетъ неблагословенъ, и тѣ, иже пріобщаются съ нимъ. А иже который попъ имѣетъ упиватися: да не явится тотъ истинный священникъ Христовъ» (Стогл. гл. 77).

2. «О томъ же посланіе Фотія, митрополита всея русіи, во Псковъ о вдовствующихъ попѣхъ».

«Слышаніе во уши моя внидоша, что у васъ суть которые попы и діаконы вдовые, тако пребываютъ, въ мирскихъ священствуютъ: ино священникомъ мирскимъ вдовымъ, когда Богу ожидающу ихъ обращенія. Жилъ въ мирѣ съ подружіемъ своимъ, и тогда служилъ; а егда Богу вземшу ихъ подружіе, то мертво есть, и земля своего тѣла естественнаго въ растлѣніе и червѣмъ пріятъ: и таковіи должны суть, благодаря божіи судьбы и его повелѣніи, въ монастыря отходити, во иноческое одѣяніе, отъ настоятеля духовнаго игумена острищи себе, отъ своихъ согрѣшеній, и о своей кончинѣ, и о своемъ отвѣтѣ рыдающи, и обновивъ себе о всемъ чистымъ покаяніемъ ко Господу и къ своему духовному отцу, — и аще суть достоинъ и тогда священствуетъ. И се убо, по преданію божественныхъ отецъ, во всей своей митрополіи, отнюду же въ ню пріидохъ, и таковое запрещеніе и заповѣдь священникомъ вдовствующимъ возложихъ. Но и нынѣ, како грѣхъ ради нашихъ и нужди ради Божіихъ казней смертоносныхъ, належащихъ на ны, на мало время отъ воздержанія тѣхъ разрѣшихъ. А ваше великое Божіе священство благословляю отъ мирскихъ прейти со обновленіемъ, всякъ къ духовнымъ по достоинству священно иноческая, и юже ризу подобія одѣянія ангельскаго воспріяти

хощете, и тако сію нескверну и чисту потщтеся соблюсти и со единородною своею и безсмертною душею представити своему Владыцѣ; а ослушаніе о семъ да будетъ въ васъ, еже въ мирскихъ священствовати» (Стогл. гл. 78).

№ III.

Двѣ патріаршія граматы 1393 г. къ Новгородцамъ по случаю споровъ ихъ съ митрополитомъ о мѣсячномъ судѣ.

1. (6902) 1393 въ сентябрѣ индикт. 2. Патріархъ убѣждаетъ епископа, клиръ и народъ новгородскій подчиниться митрополиту кіевскому.

«Боголюбезнѣйшій епископъ великаго Новгорода и ты, благороднѣйшій посадникъ, тысяченачальникъ и всѣ чины, священствующіе, монашествующіе и прочій христіанскій народъ Божій! Мѣрность наша и божественный священный соборъ нашъ, заботясь по долгу своему о христіанахъ всей вселенной, не перестаетъ писать и учить всему тому, что относится къ миру и спасенію ихъ. Посему, послѣ особеннаго старанія нашего успокоить многочисленный народъ русскій, утвердить, укрѣпить и исправить святѣйшую русскую митрополію, очистить и умирить ее отъ многихъ произшедшихъ, по ненависти лукаваго, великихъ соблазновъ, когда, въ бытность еще здѣсь съ нами святѣйшаго митрополита кіевскаго и всея Руси препочтеннаго, возлюбленнаго о Святомъ Духѣ брата нашей мѣрности и сослужителя, засѣдавшаго въ священномъ соборѣ, предложено было о случившихся между вами клятвахъ, чтобы не судиться предъ митрополитомъ русскимъ, которыя вы произнесли къ соблазну, во время епископства *Пимена*,—мы не мало смутились и опечалились, увидѣвъ душевную опасность, въ которую вы впали, и съ отвращеніемъ смотрѣли на образъ дѣйствія злаго демона, и удивлялись, какъ онъ васъ, еще не совсѣмъ освободившихся отъ прежнихъ искушеній, опять подвергнулъ другимъ искушеніямъ. Въ слѣдствіе чего я послалъ къ вамъ граматы, въ

которыхъ указывалъ вамъ на ту душевную опасность, въ какую вы чрезъ клятву свою впали, а вмѣстѣ убѣждалъ и поучалъ васъ, какъ отецъ и владыка духовный христіанъ всей вселенной, поставленный Богомъ съ тѣмъ, чтобы не оставлять ихъ неосторожно и безрасудно подъ ударами демона, издревле завидующаго роду человѣческому. Ваше преступленіе немаловажно и не случайно: если вы въ самомъ дѣлѣ такъ поступили, какъ мы слышали, то не клялись ли вы тѣмъ нарушить священные и божественные каноны? Не судиться предъ митрополитомъ, не оказывать, по древнему порядку, повиновенія, не подчиняться первому архіерею вашему и не принимать отъ него духовнаго суда: это и есть то, въ чемъ вы клялись, а не другое что. Притомъ же, какъ я узналъ, вы не приняли посланія нашего, которое я писалъ въ назиданіе и наученіе ваше, и прочитавъ сіе посланіе, не исправились, не пришли въ раскаяніе, не приложили заботы о душѣ, но бросили оное, какъ нѣчто лишнее и безполезное: что сказать объ этомъ? Я изумляюсь, кто васъ возбудилъ дерзнуть противъ нашего посланія, чего никогда еще и не одинъ христіанинъ не дерзалъ. Наше то писаніе служило для васъ на мѣсто Евангелія потому, что содержало въ себѣ слова Христа и научало васъ спасенію, и кто дерзнулъ противъ онаго, согрѣшилъ противъ Христа. Ибо Онъ самъ сказалъ въ святомъ Евангеліи къ своимъ ученикамъ и апостоламъ, а чрезъ нихъ учителямъ христіанъ: „слушаяй васъ, меня слушаетъ и отвергающійся васъ, меня отвергается“. Посему вашъ митрополитъ, видя непокорность, упорство и упрямство ваше, и что вы не только не слушаетесь убѣжденій его отказаться оть незаконной клятвы своей, но и небрежете о нашемъ посланіи, наложилъ на васъ отлученіе по требованію божественныхъ и священныхъ каноновъ: ибо другаго ему ничего не оставалось дѣлать. Вы же и послѣ сего отвергаете митрополита и приняли отлученіе, поставляя ни во что божественные и священные каноны, которые святые и богоносные отцы для твердости христіанъ установили, по вдохновенію Святаго Духа. Между тѣмъ тридцать первое правило святыхъ апостоловъ говоритъ: „если какой пресвитеръ, презрѣвъ собственнаго епископа, отдѣльно будетъ составлять собранія и

алтарь иной водрузитъ, не обличивъ своего епископа ни въ чемъ противномъ благочестію, да будетъ изверженъ, какъ честолюбецъ; ибо похититель (τύραννος) власти есть. Такъ же точно и прочіе клирики, которые къ нему пристали; міряне же да отлучатся". Ты, епископъ, самъ соединился съ мірянами, сходишься съ ними, и первый же утверждаешь беззаконную клятву, не представляющую никакой даже тѣлесной выгоды, но соединенную съ нарушеніемъ божественныхъ и священныхъ каноновъ, повелѣвающихъ слѣдующее: „ни по какой причинѣ ни епископу, ни мірянамъ, ни клирикамъ не отдѣляться отъ своего митрополита, если митрополитъ явно не проповѣдуетъ ереси, противной благочестію, и догматовъ, чуждыхъ церкви христовой". Какая вамъ польза отъ того, что вы отказались отъ митрополита, подчиненія ему и суда его? Совершенно никакой, кромѣ одной непокорности, непослушанія и гибели душевной. Будучи отлучены съ тою цѣлію, чтобы вы отложили свою клятву, вы еще болѣе остаетесь упорными, не желая нарушить ее. А это нелѣпо и дурно: ибо гораздо лучше было бы вамъ оставить клятву злую, данную вами и состоящую въ томъ, чтобы отстать отъ митрополита и убивать приходящихъ къ нему отъ васъ и отъ него къ вамъ, нежели упорствовать въ ней,—какъ и Ироду лучше было бы нарушить клятву свою, нежели убить праведнаго Предтечу, о чемъ и священныя церковныя пѣсни поютъ, что лучше было Ироду солгать, но жизнь даровать, нежели истину сохранить, но главу отрубить Предтечѣ. Хуже еще и безразсуднѣе то, что вы, священники, находящіеся подъ запрещеніемъ, крестите, священнодѣйствуете, совершаете таинства, составляете собранія, праздники и народныя торжества, вопреки священныхъ и божественныхъ каноновъ. Ибо апостольскія правила въ тридцать второмъ изъ нихъ говорятъ: „если какой пресвитеръ или діаконъ будетъ въ отлученіи отъ епископа, такой не можетъ уйти и быть принятъ другимъ, кромѣ одного отлучившаго его, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда отлучившій его епископъ умретъ". Ты же, епископъ, какъ я узналъ, единомудрствуя съ столь неисправимыми священниками, дѣйствительно совершаете всѣ священнодѣйствія противу каноновъ, отдѣляясь и отсѣкаясь отъ своего перваго и

главы, и дѣлаясь чрезъ то мертвыми: ибо тѣло безъ головы жить не можетъ. А чтобы вы знали, въ какое зло впали, не послѣдовавъ нашимъ убѣжденіямъ, послушайте апостольскаго тридцать четвертаго правила: „епископамъ каждаго народа должно вѣдать перваго между ними и почитать его, какъ главу и ничего особеннаго не дѣлать безъ его вѣдома“. Такъ же и пятое правило бывшаго священнаго собора въ Антіохіи говоритъ, осуждая схизмы и тайныя сборища, которыя нѣкоторые, презирающіе епископовъ, допускаютъ: „если какой пресвитеръ или діаконъ, презрѣвши своего епископа, отдѣлился отъ церкви и своевольно составилъ собраніе и жертвенникъ водрузилъ; не послушался епископа, не захотѣлъ ни подчиниться ему ни выслушать, когда онъ требовалъ его и разъ и два,—таковой совершенно да низвергнется и никогда не можетъ принять чести своей; если же пребудетъ возмутителемъ и ниспровергающимъ порядокъ церковный внѣшнею силою,—то его, какъ возмутителя, удалять“. Тоже самое и шестое правило того же собора говоритъ: „если кто отлученъ своимъ епископомъ, то другимъ не прежде можетъ быть принятъ, пока не будетъ разрѣшенъ отъ своего епископа,—что должно относиться и къ мірянамъ, клиру и ко всѣмъ, записаннымъ въ списокъ клира“. А что всѣмъ епископамъ епархіи должно воздавать подобающую честь своему митрополиту, какъ принявшему на себя заботу о всей паствѣ, послушайте девятое правило того же собора: „епископамъ въ каждой странѣ должно вѣдать, что предстоящій въ митрополіи епископъ принимаетъ на себя заботу всей епархіи для того, чтобъ всѣ, имѣющіе дѣла, сходились въ митрополію; почему надлежитъ принимать его съ честію, прочимъ же епископамъ ничего особеннаго не дѣлать безъ него, по древнему, дѣйствующему отъ святыхъ отцовъ, правилу, кромѣ того лишь, что принадлежитъ каждому въ собственной парохіи и ея предѣлахъ: больше же ничего не совершать и не предпринимать безъ епископа митрополіи“. Къ тому же и десятое правило бывшаго собора въ Карѳагенѣ говоритъ: „не должно забывать, что если кто, будучи замѣченъ отъ своего епископа въ какой либо слабости и уличенъ въ высокомѣріи, сочтетъ выгоднымъ отдѣльно совершать святыя тайны,

или исполнять другое какое-либо священнодѣйствіе, тотъ не остается безъ наказанія“, и опять: „если какой епископъ, разгнѣванный на своего епископа, допуститъ схизму, да будетъ анаѳема“. Вотъ что вѣщаютъ божественные и священные каноны, установившіе порядокъ и устройство, которые простираются на небесное и земное. Вы же, христіане, обязанные подчиняться симъ канонамъ, пренебрегли сначала своего митрополита, а потомъ и мѣрность нашу; да что говорю: меня и митрополита? Самые священные каноны вы ни во что поставили, церковныя учрежденія отвергли и упорствуете въ нежеланіи оставить свою клятву, которую во злѣ постановили. Во всякомъ случаѣ ваша клятва есть зло и пагуба; и можно ли ожидать кому либо изъ людей какой либо пользы отъ клятвы, которая нарушаетъ законъ Христа, повелѣвающаго не клятися всяко? Истинные и православные христіане избѣгаютъ клятвъ, какъ бѣжитъ всякій отъ змѣи. Ваша клятва хуже всѣхъ другихъ и не заключаетъ въ себѣ ничего добраго, а ведетъ ко всякому злу. Да это ли одно? Только демонамъ свойственна неисправимость и нераскаянность; а людямъ, одареннымъ умомъ и разсуждающимъ, напротивъ свойственно раскаяніе и исправленіе погрѣшностей и съ паденіемъ возстаніе, съ заблужденіемъ обращеніе на путь истинный и прямой. Посему и вы должны исправить самихъ себя и, понявъ въ какое зло впали, должны подчинить себя митрополиту вашему, раскаяться, въ чемъ оскорбили его, и сложить съ себя клятву. Я говорю сіе, какъ отецъ и патріархъ вашъ,—вы должны направить свои мысли на одно доброе, на смиреніе, любовь, послушаніе Церкви и митрополиту своему, должны просить прощенія, въ чемъ согрѣшили, должны отдать должное повиновеніе Церкви Божіей. И такъ какъ нѣтъ грѣха, побѣждающаго человѣколюбіе Божіе, то еслибъ только вы сознались, что согрѣшили, и попросили разрѣшенія и прощенія у митрополита своего: Богъ, повелѣвающій чрезъ апостоловъ повиноваться наставникамъ вашимъ, кои бдятъ о душахъ вашихъ и отдадутъ о васъ отчетъ въ день суда, хорошо вѣдаетъ, какъ отпустить вамъ то, въ чемъ вы согрѣшили. Если же сего не сдѣлаете съ сокрушеннымъ сердцемъ и смиренномудріемъ, а останетесь до конца

при прежнемъ вашемъ невѣріи и упорствѣ, то никто изъ насъ не разрѣшитъ наложеннаго на васъ отлученія. Если вы думаете, будто имѣете церковь или епископа, или освящаетесь, или сообщаетесь, или совершается у васъ какое священнодѣйствіе безъ разрѣшенія запрещенія: то вы заблуждаетесь, потому что вы находитесь внѣ всякаго освященія, которое одно дѣйствительно противъ силы и дѣйствія лукаваго демона; и такой народъ не можетъ получить славы Христовой и царствія небеснаго. Трезвитесь и скорѣе поищите исправленія, примиритесь и успокойтесь! Ради сего мы, съ общаго желанія нашего съ державнѣйшимъ благочестивымъ самодержцемъ моимъ, послали къ вамъ настоящихъ пословъ: святѣйшаго архіепископа виѳлеемскаго, возлюбленнаго о Господѣ брата нашей мѣрности, киръ Михаила, и близкаго къ дому благочестиваго царя моего, возлюбленнаго сына нашей мѣрности, киръ Алексія Аарона, людей благоразумныхъ и друзей истины, да идутъ и узрятъ васъ, да откроютъ вамъ прямо заповѣдь Божію и призовутъ васъ въ общеніе съ нами и да примирятъ и помирятъ васъ съ митрополитомъ. Отнынѣ, если вы не послушаетесь, мы ни въ чемъ не виновны предъ Богомъ за васъ. Онъ вѣдаетъ, что мы сдѣлали свое: дѣлали это съ стараніемъ и сильнымъ желаніемъ и разъ и два и три, говоря не только отъ самихъ себя, но и отъ каноновъ святыхъ отцевъ, довольно подробно предлагая въ назиданіе ваше и наученіе. А ваше дѣло было понять пользу душъ своихъ и поискать мира и освященія, безъ которыхъ никто не можетъ узрѣть Господа. Послѣ сего если у васъ случится какой соблазнъ, вы не должны необдуманно и самовольно распоряжаться; а, какъ богомыслящіе и принадлежащіе къ Церкви Христовой должны обращаться къ намъ и искать разрѣшенія и исправленія: „ибо спроси, говоритъ, отца твоего, и возвѣститъ тебѣ, и пресвитеровъ твоихъ, и скажутъ тебѣ“. А я есмь вселенскій судія, и всякій согрѣшившій христіанинъ обращается ко мнѣ и получаетъ разрѣшеніе. Посему если и вы что несправедливо допустили противъ своего пастыря, должны обратиться къ намъ, — и мы готовы вамъ сдѣлать прощеніе во всякомъ поступкѣ, чрезъ который вы допустили соблазнъ. И нынѣ, на томъ же основаніи,

если имѣете въ чемъ нужду до насъ для собственной пользы, не воспрещаемъ вамъ придти къ намъ, впрочемъ послѣ мира, прекращенія вражды и отдачи митрополиту его чести и подчиненія, которыхъ вы его лишили. Если имѣете что сказать, почему вы допустили скандалъ, вы скажите это, пришедши къ намъ, и обрѣтете надлежащее исправленіе и уврачеваніе, если только то, чего намѣрены искать, окажется справедливымъ и законнымъ. Напротивъ, если то, чего вы намѣрены искать, несправедливо и нововведеніе какое, внѣ священныхъ каноновъ, то тщетны останутся и путь вашъ и ваши труды: ибо мы ни за какіе дары, ни за какія заслуги, ни по дружбѣ, не намѣрены дѣлать чего либо несправедливаго со вредомъ и потерею правъ; но съ охотою сдѣлаемъ то, что можетъ принесть для душъ вашихъ оправданіе и пользу, а намъ честь. Посему, если желаете придти съ справедливыми требованіями, которыхъ вы не находите у своего митрополита, то онъ не будетъ препятствовать вамъ: ибо онъ человѣкъ добрый, благоразумный и знающій каноны и законы церковные, по которымъ желающій имѣетъ право прибѣгать къ намъ и просить. А если чѣмъ и оскорбится, то дозволитъ и въ этомъ случаѣ: такъ какъ онъ знаетъ, что только хорошее и справедливое можетъ быть допущено нами. И такъ со всѣмъ стараніемъ исполните, что и какъ мы вамъ совѣтовали: ибо все то, что митрополитъ законно и канонически благословитъ, или не благословитъ, принимается съ удовольствіемъ и нами, и если только раскаетесь, и онъ разрѣшитъ васъ, то и мы признаемъ васъ разрѣшенными и благословенными и помолимся о васъ Богу да получите и отъ Него прощеніе» (Act. Patriarch. Const. II, 181—187).

2. Патріархъ утверждаетъ отлученіе епископа и народа новгородскаго, положенное митрополитомъ кіевскимъ.

«Боголюбезнѣйшій епископъ великаго Новгорода, и ты, благороднѣйшій посадникъ, тысяченачальникъ и прочіе чины и всѣ христіане, а также игумены, монахи и прочій христіанскій народъ! Возлюбленный во Святомъ Духѣ братъ нашей мѣрности, киръ Димитрій Аѳинейскій пришелъ сюда недавно въ качествѣ посла отъ святѣйшаго митрополита кіевскаго и всей Руси и отъ

сына моего, благороднѣйшаго князя всей Руси, киръ Василія и передалъ мѣрности нашей, и божественному великому собору, и державнѣйшему, благочестивому моему самодержцу, все случившееся между митрополитомъ и вами, и какъ вы дали клятву письменно не судиться у митрополита,—за что̀ онъ, слѣдуя божественнымъ, священнымъ канонамъ, вынужденъ былъ отлучить васъ. Выслушавъ сіе и усмотрѣвъ, въ какое зло впали вы, мы написали увѣщательныя и вразумительныя граматы, какія слѣдуютъ, по опредѣленію божественныхъ и священныхъ каноновъ, къ вашему исправленію и назначили пословъ, чтобъ шли къ вамъ, объяснили все это и научили лично, какъ надобно поступить вамъ для примиренія съ митрополитомъ; а за тѣмъ, если имѣете что сказать, чтобы вы прислали къ намъ кого либо, потому что отъ вашихъ предѣловъ едва ли былъ хотя одинъ здѣсь. Нынѣ же, предъ выходомъ нашихъ пословъ, пришелъ сюда посолъ отъ васъ Кириллъ, и другіе съ нимъ люди, и принесъ граматы ваши къ нашей мѣрности, и къ божественному священному собору, и благочестивому царю. Разсмотрѣвъ оныя соборнѣ, мы ничего особеннаго не нашли, кромѣ того, что слышали отъ киръ Димитрія; но составляли соборъ и разъ, и два, и три, на которомъ присутствовали архіереи: кизикійскій, никомедійскій, сугдейскій, херсонскій, зикхейскій, мавровлахійскій, мидійскій, деркскій и архіепископъ виѳлеемскій. Въ каждомъ засѣданіи былъ и Кириллъ съ прочими своими людьми, и мы, вопрошая Кирилла неоднократно, не имѣетъ ли онъ сказать что нибудь еще, не слышали отъ него ничего, кромѣ словъ: „мы не желаемъ судиться отъ митрополита; не желаемъ, чтобы онъ, когда позоветъ нашего епископа, уничижалъ его; чтобы митрополитъ, когда придетъ въ великій Новгородъ, судилъ впродолженіе одного мѣсяца; чтобы митрополитъ, еслибы даже кто позвалъ его, присылалъ къ намъ человѣка своего для производства суда. Мы разрѣшимъ себя отъ данной клятвы, если вы дозволите быть такъ, какъ намъ хочется. Просимъ благословенія отъ тебя, патріархъ, и отъ архіереевъ; а если вы не благословите насъ, желаемъ быть латинами“. Все это говорили и требовали они противу священныхъ каноновъ; ибо вся-

кій человѣкъ обиженный имѣетъ право обращаться къ своему митрополиту, а онъ долженъ принять его и разсудить. А если митрополитъ не выслушаетъ бѣднаго, страждущаго, обиженнаго, безпомощнаго, вдовицу, монаха, священника, когда они терпятъ отъ сильныхъ и притѣсняются ими: то кто другой выслушаетъ такихъ? Пришлось бы, чтобъ сильные давили слабыхъ, богатые бѣдныхъ, еслибъ не было кого постарше надъ ними. Когда мы услышали притомъ такую рѣчь, что „желаемъ быть латинами", намъ сдѣлалось еще прискорбнѣе: потому что это повело бы къ совершенной гибели душъ вашихъ. Прилично ли христіанамъ, когда они грѣшатъ, а ихъ обращаютъ къ покаянію и исправленію, говорить, что мы уйдемъ отъ своей вѣры? Если будете имѣть такое намѣреніе, то оно непремѣнно повлечетъ за собою явную погибель душамъ вашимъ. Мы, не смотря на слова, сказанныя вами, желаемъ сохранить законъ Божій и учрежденія церковныя: ибо нашъ прямой долгъ, для пользы христіанъ всей вселенной, говорить, чего требуютъ священные каноны и законъ Божій, и учить ихъ, какъ самъ Христосъ и Богъ нашъ повелѣлъ. Слушаяй насъ слушаетъ Христа, не слушающій же насъ и отвергающій насъ Христа отвергаетъ и обрящетъ у Христа возмездіе въ день суда, такъ какъ обрящетъ царствіе его тотъ, кто слушалъ насъ. Объ этомъ, нѣсколько разъ и мы, и державнѣйшій, благочестивый самодержецъ мой, лично говорили Кириллу, объ этомъ и прежде писали къ вамъ и теперь пишемъ: и изъ граматъ вашихъ и отъ людей вашихъ мы узнали, что митрополитъ законно и канонически отлучилъ васъ, по требованію божественныхъ и священныхъ каноновъ. А посему знайте, что вы отлучены и не благословлены законно и по справедливости до тѣхъ поръ, пока раскаетесь и принесете покаяніе предъ нимъ и сложите клятвы ваши и предоставите ему всѣ права его, которыя онъ имѣлъ на васъ, по древнему. И если поступите такъ, можете получить разрѣшеніе и благословеніе отъ митрополита вы, и народъ весь, и священники, какъ онъ самъ заблагоразсудитъ. Ибо если епископъ и священники послѣ того, какъ онъ запретилъ ихъ, дерзнули касаться священнодѣйствій, то они подлежатъ его власти и суду. Когда

же васъ Богъ помилуетъ, и получите благословеніе митрополита, то онъ охотно напишетъ ко мнѣ, и мы готовы разрѣшить васъ и благословить. Ничего огорчительнаго вы не должны видѣть въ томъ, что мы нынѣ не приняли васъ и не исполнили вашихъ просьбъ; мы пишемъ, имѣя въ виду важность отлученія митрополита и долгомъ считаемъ, какъ духовные врачи, поколику васъ вяжутъ и рѣшатъ, сказать во здравіе душъ вашихъ. Еслибы мы говорили вамъ о томъ только, что увеселяетъ, этимъ мы уготовляли бы васъ на мученія, и тогда мы уже не были бы учителями Церкви Христовой. Мы хорошо знаемъ, что митрополитъ вашъ по истинѣ наставлялъ васъ и имѣетъ полную власть на васъ, на весь тамошній народъ и народъ русскій, какъ поставленный Богомъ во отца для онаго и имѣетъ право отъ Бога на то, чтобы связанное имъ оставалось связаннымъ, а разрѣшенное имъ было разрѣшено. Посему постарайтесь и позаботьтесь поступить такъ, какъ повелѣваетъ Церковь Христова, которая имѣетъ власть на всю вселенную. Я слышалъ, что сынъ мой, благороднѣйшій великій князь всей Руси, требующій вашего подданства и подчиненія, движетъ войска и между вами льется кровь ради непокорности вашей и клятвы, данной вами; и вы не слагаете этой незаконной клятвы, а митрополитъ не имѣетъ возможности придти и помирить васъ съ княземъ. Позаботьтесь же объ исправленіи своемъ съ особеннымъ стараніемъ, какъ скоро получатся настоящія граматы и придутъ послы наши. Другаго ничего объ этомъ вы не услышите отъ насъ» (Act. Patr. Const. II, 177—180).

№ IV.

О сочиненіяхъ митрополита кіевскаго Кирилла II.

Вопросъ о сочиненіяхъ митрополита кіевскаго Кирилла II-го имѣетъ свою исторію въ русской литературѣ. Карамзинъ пер-

вый сказалъ объ этомъ архипастырѣ, какъ о писателѣ, отыскавъ въ одной древней Кормчей подъ его именемъ «Правило», предложенное на владимірскомъ соборѣ 1274 года. Императорское Общество исторіи и древностей россійскихъ не замедлило обнародовать драгоцѣнную находку въ первой части «Русскихъ Достопамятностей». А митрополитъ Евгеній внесъ имя Кирилла II-го въ свой «Словарь русскихъ писателей духовнаго чина», замѣтивъ однакожъ, что «Правило» издано хотя по харатейному списку XIII-го вѣка, но не совсѣмъ исправному и полному и безъ увѣщательной рѣчи первосвятителя къ духовенству. При ближайшемъ знакомствѣ съ древними славянскими Кормчими и вообще рукописями, благодаря трудамъ барона Розенкампфа, Строева и Востокова, найдены многіе другіе списки этого «Правила», и подлинность его, несомнѣнная впрочемъ со времени самаго открытія, признана нынѣ всѣми ([1]). Между тѣмъ мало по малу начали приписывать митрополиту Кириллу II-му и другія сочиненія, хотя уже не съ такою основательностію и не съ такимъ единодушіемъ.

Въ нѣкоторыхъ славянскихъ Кормчихъ непосредственно за «Правиломъ», митрополита Кирилла слѣдуетъ «Поученіе къ попомъ»; въ другихъ оно хотя и помѣщено отдѣльно отъ Правила, но подъ заглавіемъ: «Поученіе къ попомъ *Кирилово*». Розенкампфъ не усомнился назвать это поученіе прямо поученіемъ митрополита Кирилла II-го, а Востоковъ сказалъ, что оно, *вѣроятно*, принадлежитъ знаменитому митрополиту Кириллу и есть, *можетъ быть*, та самая увѣщательная рѣчь къ духовенству, не достающая въ изданіи Московскаго Историческаго Общества, о которой упомянулъ Евгеній. Но такъ какъ въ поученіи рѣчь идетъ отъ имени не митрополита, а епископа къ священникамъ его паствы, то о. протоіерей Горскій (по крайней мѣрѣ, ему приписываетъ молва статьи о русскихъ митрополитахъ, помѣщенныя въ Прибавл. къ Твор. св. Отцевъ) счелъ вѣроятнѣйшимъ,

([1]) *Карамз.* IV, 124, примѣч. 154, изд. 6; Русск. Достопам. I, 104; *Евген.* Слов. Духов. Пис. I,333, изд. 2; *Розенкамп.* о Кормчей кн. 53 — 55; *Строев.* въ Опис. рукоп. гр. Толстова и Царскаго; *Восток.* въ Опис. рукоп. Рум. Муз.

что оно принадлежитъ Кириллу епископу, и именно ростовскому, современнику митрополита Кирилла II-го, извѣстному по своей учености. Преосвященный Филаретъ, въ своемъ «Обзорѣ Русской духовной литературы», назвалъ сомнѣнія о. протоіерея напрасными и снова призналъ поученіе за митрополитомъ Кирилломъ. Но академикъ Шевыревъ въ своей «Исторіи Русской Словесности» склоняется на сторону о. Горскаго и повторяетъ его мнѣніе (2).

Въ нѣкоторыхъ спискахъ Кормчей, непосредственно за «Поученіемъ Кирилла къ попомъ», слѣдуетъ Посланіе безъименнаго епископа владимірскаго къ великому князю, сыну великаго князя Александра. Востоковъ приписалъ съ вѣроятностію и это сочиненіе митрополиту Кириллу; о. Горскій замѣтилъ, что оно неможетъ принадлежать митрополиту Кириллу, потому что писано епископомъ владимірскимъ, а Кириллъ - митрополитъ не занималъ владимірской каѳедры; напротивъ, преосвященный Филаретъ говоритъ рѣшительно: «какъ по связи „Посланія" съ „Поученіемъ къ попомъ", такъ и по современности митрополита Кирилла съ великимъ княземъ Александромъ и его сыновьями, нѣтъ сомнѣнія, что это „Посланіе" писано также заботливымъ о благоустройствѣ церкви блаженнымъ митрополитомъ Кирилломъ. Что касается до того, что сочинитель посланія называетъ себя владимірскимъ епископомъ, то митрополитъ Кириллъ могъ назвать себя такъ не только по смиренію, но и потому, что до посвященія Серапіона онъ дѣйствительно самъ управлялъ владимірскою епархіею и проживалъ во Владимірѣ по цѣлымъ годамъ» (3).

Въ 1846 году г. Розовъ нашелъ въ одномъ Сборникѣ XVII-го или XVIII-го вѣка Слово какого-то Кирилла философа на день архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ. Въ срединѣ Слова оказалось извѣстное «Поученіе къ попомъ» Кириллово,

(2) *Розенкам.* о Корм. кн., въ примѣч. стр. 192. 216; *Восток.* Опис. Рум. Муз. 281; Прибавл. къ Тв. Св. От. I, 425—427; *Пр. Филарет.* Обз. Русск. дух. литер. 56—57; *Шевыр.* Ист. Русск. Слов. III, 33.

(3) *Восток.* Оп. Рум. Муз. 281—282; Приб. къ Тв. Св. Отц. I, 424; Обз. Русск. дух. литер. 58.

только въ распространенномъ видѣ. Это подало поводъ г. Розову высказать свои соображенія о томъ, что «Поученіе», а съ нимъ и все Слово, принадлежатъ митрополиту Кириллу II-му ([4]). Мы имѣли случай коснуться этого Слова и назвали помѣщенное въ немъ «Поученіе къ попомъ» весьма неудачною вставкою. Г. Шевыревъ повторилъ туже мысль и прибавилъ, что «Слово о небесныхъ силахъ» встрѣчается въ рукописяхъ подъ именемъ Авраамія и требуетъ еще особаго изслѣдованія. Но въ Обзорѣ Русской духовной литературы все Слово вмѣстѣ съ «Поученіемъ», безъ всякаго колебанія и оговорки, приписано митрополиту Кириллу II-му ([5]).

Наконецъ въ томъ же «Обзорѣ» митрополиту Кириллу II-му, въ первый разъ, приписано довольно обширное поученіе къ великому князю Василію, составляющее начало извѣстнаго рукописнаго юридическаго сборника: «Мѣрило праведное», и за тѣмъ приписаны еще четыре Слова о судіяхъ и властяхъ, слѣдующія за поученіемъ въ предисловіи къ «Мѣрилу праведному» ([6]).

Кому же послѣ этого слѣдовать, какого мнѣнія держаться? Всѣ ли исчисленныя сочиненія дѣйствительно принадлежатъ митрополиту Кириллу II-му, или одни принадлежатъ ему несомнѣнно, другія могутъ быть приписываемы только съ вѣроятностію, а третьи приписываются вовсе напрасно? Позволяемъ себѣ, вслѣдъ за другими, высказать объ этомъ предметѣ и наше мнѣніе.

О «Правилѣ» митрополита Кирилла II-го, предложенномъ на владимірскомъ соборѣ 1274-го года, мы уже замѣтили, что оно признается подлиннымъ всѣми,—и весьма справедливо: потому что сохранилось подъ именемъ этого первосвятителя въ одной Кормчей, писанной еще или при его жизни, или вскорѣ по смерти ([7]). Можно только спросить, на какомъ же основаніи

([4]) Все слово съ предисловіемъ къ нему г. Розова напечатано въ Чт. Москов. Истор. Общ. 1847, № 8, отд. IV.

([5]) См. нашу статью: св. Кириллъ, еп. туровскій—въ Извѣст. II-го отд. Ак. Наукъ V, 261—262, а такъ же нашу Истор. Русск. Церк. III, 147; *Шевыр.* Ист. Русск. Слов. III, 34, примѣч. 52; Обз. Русск. дух. литер. 56—57. Снес. *Соловьев.* Истор. Россіи IV, 350.

([6]) Обзор. стр. 58—59.

([7]) Русск. Достопам. I, 19. 105.

«Правило» усвояется одному митрополиту Кириллу, когда оно содержитъ въ себѣ опредѣленія цѣлаго владимірскаго собора и даже надписывается именами епископовъ, присутствовавшихъ на соборѣ ([8])? Точно ли оно составлено лично митрополитомъ? Въ началѣ «Правила» находится вступленіе, въ которомъ митрополитъ говоритъ прямо отъ своего лица: «азъ Кирилъ, смѣреныи митрополитъ всея Руси, многа оубо видѣнше мъ».... и проч. За тѣмъ, переходя къ изложенію самыхъ правилъ, онъ такъ же говоритъ отъ своего лица: «нынѣ же азъ помыслихъ, съ святымъ съборомъ и съ преподобными епископы, нѣкако о церковныхъ вещехъ испытаніе извѣстно творити». Почти въ самой срединѣ изложенія правилъ еще говоритъ отъ своего лица: «не взимати же оу нихъ (у поставляемыхъ на церковныя степени) ничто же, развѣ якоже азъ уставихъ въ митрополии, да боудеть се въ всѣхъ епископьяхъ». Кромѣ того, митрополитъ не ограничивается голымъ изложеніемъ правилъ, а иногда дѣлаетъ обращенія къ своимъ слушателямъ или читателямъ и увѣщанія, напримѣръ: «оуже прочее, братие, слышимъ вси и не преслушаемъся правилъ божествьныхъ, да нѣкогда отпадемъ; яко не златомъ, ни сребромь искоуплени быхомъ отъ соуетнаго житія, нъ драгою кровью агньца Божия, непорочна, пречиста Христа» ([9]). Все это приводитъ насъ къ заключенію, что хотя содержащіяся въ «Правилѣ» опредѣленія и составлены по совѣщанію и съ согласія цѣлаго владимірскаго собора, но они написаны самимъ митрополитомъ въ видѣ особой рѣчи и предложены имъ отъ собственнаго лица, вѣроятно, предъ закрытіемъ собора, а потомъ разосланы для руководства по всей Церкви. По содержанію—это правила владимірскаго собора, а по составу и формѣ—это рѣчь или слово собственно митрополита Кирилла II-го.

«Поученіе къ попомъ» Кириллово мы такъ же считаемъ при-

([8]) Полное заглавіе Правила такое: „Правило Кирила митрополита Роусьскаго, съшьдъшихся Епископъ, Далмата Нооугородьскаго, Игнатья Ростовьскаго, Феогноста Переяславьскаго, Симеона Полотьскаго, на поставление епископа Сарапиона Володимирскаго“ (Русск. Достопам. I, 106).

([9]) Русск. Достопам. I, 106. 108. 109. 112.

надлежащимъ митрополиту Кириллу II-му, но только не какъ особое сочиненіе, а какъ заключеніе тогоже самаго «Правила» или рѣчи, произнесенной на владимірскомъ соборѣ, или, пожалуй, и какъ особое сочиненіе, но составляющее существенное дополненіе къ этой рѣчи и находящееся съ нимъ въ непосредственной связи, и слѣдовательно мы раздѣляемъ мнѣніе митрополита Евгенія и Востокова. Вѣроятность этого мнѣнія подтверждаютъ разныя указанія, внутреннія и внѣшнія. Внутреннія: 1) «Правило», предложенное митрополитомъ въ видѣ рѣчи, со вступленіемъ и обращеніями къ слушателямъ, оканчивается, во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ, ex abrupto—безъ всякаго наставленія со стороны святителя, безъ всякаго заключенія, даже безъ обычнаго аминя: это не естественно. 2) Судя по содержанію «Правила» и «Поученія къ попомъ», послѣднее могло быть весьма приличнымъ заключеніемъ перваго. Изложивъ въ торжественной рѣчи на владимірскомъ соборѣ его опредѣленія, касавшіяся не только епископовъ, но еще болѣе низшаго духовенства и ввѣреннаго ему народа, митрополитъ весьма естественно могъ обратиться наконецъ къ присутствовавшимъ на соборѣ іереямъ (которые обыкновенно у насъ допускались на соборы) и преподать имъ увѣщаніе къ достойному прохожденію своего долга. 3) «Поученіе къ попомъ» начинается словами: «Слыши, іерей сборе преподобный, къ вамъ ми слово»,—или по другимъ спискамъ: «слышите, іерейскый преподобный сборе, къ вамъ ми слово» ([10]). Здѣсь, очевидно, обращеніе къ собору іереевъ, т. е., когда они были собраны или находились на соборѣ, и обращеніе (*къ вамъ ми слово*) такое, которое заставляетъ предполагать, что предъ тѣмъ Слово относилось къ другимъ или вообще ко всѣмъ слушателямъ: все это очень естественно, если допустить, что «Поученіе къ попомъ» есть только заключительная часть рѣчи, произнесенной митрополитомъ на соборѣ. Но начинать такими словами поученіе, которое предполагалъ святитель разослать къ священникамъ, находившимся по своимъ приходамъ, по крайней мѣрѣ, менѣе

([10]) Поученіе напечатано въ Приб. къ Тв. Св. Отц. I, 428 - 432.

естественно. 4) Въ «Поученіи къ попомъ», чрезъ нѣсколько строкъ послѣ начала, читаемъ: «азъ бо, грѣшный епископъ вашь, вся рекохъ вамъ и ничего отъ васъ не скрыхъ». Слова эти очень понятны и умѣстны въ заключеніи такой рѣчи, какую произнесъ святитель на владимірскомъ соборѣ, и въ которой онъ дѣйствительно сказалъ подвѣдомымъ ему пастырямъ все, что счелъ нужнымъ и ничего отъ нихъ не скрылъ, но непонятны и неестественны въ краткомъ поученіи, и притомъ прежде нежели оно доведено до половины. Внѣшнія указанія: 1) Игнатій Кульчинскій, писатель первой половины прошлаго вѣка, нашелъ въ одномъ старинномъ славянскомъ Служебникѣ «Правило» митрополита Кирилла II-го вмѣстѣ съ «Поученіемъ къ попомъ» или увѣщательною рѣчью къ духовенству, помѣщенною въ концѣ «Правила» подъ именемъ этого митрополита ([11]). 2) Въ нѣкоторыхъ рукописныхъ Кормчихъ «Поученіе къ попомъ» слѣдуетъ прямо за «Правиломъ» митрополита Кирилла, хотя безъ повторенія его имени въ самомъ заглавіи, такъ что оба сочиненія могутъ считаться за одно цѣлое ([12]).

Но если дѣйствительно «Поученіе къ попомъ» было первоначально только заключительною частію «Правила» митрополита Кирилла, то отчего же оно отдѣлено отъ «Правила», и въ нѣкоторыхъ Кормчихъ встрѣчается гораздо прежде «Правила», въ другихъ—послѣ, а въ нѣкоторыхъ рукописяхъ вовсе безъ «Правила», какъ самостоятельное сочиненіе? Отдѣлено оно могло быть очень легко и съ разумною цѣлію. Оно представляетъ, по содержанію своему, нѣчто цѣлое и собственно наставленіе священникамъ. Неудивительно, если епископы наши воспользовались имъ и разсылали его по своимъ епархіямъ для наставленія лицамъ духовнымъ, отчего иногда и оглавлялось оно въ рукопи-

([11]) Латинскій переводъ и правила и рѣчи, съ нѣкоторыми впрочемъ сокращеніями, Кульчинскій напечаталъ въ своей книгѣ: Specimen Ecclesiae Ruthenicae, Rom. 1733, или точнѣе—въ Appendix къ этой книгѣ, стр. 57—74. Замѣчаніе издателя о правилѣ и рѣчи см. въ Предисл. къ Аппендиксу п. IV.

([12]) *Розенкампф.* о Кормч., примѣч. стр. 191—192; *Востон.* Опис. Рум. Муз. 302.

сяхъ: «Поученіе епископле къ іереомъ», а въ означеніе источника, откуда заимствовано: «Поученіе епископле къ іереомъ Кирилово», или только: «Поученіе къ попомъ Кирилово» и под. ([13]). Примѣры подобнаго отдѣленія частей отъ цѣлаго сочиненія у насъ бывали: такъ отдѣлена была заключительная молитва митрополита Иларіона отъ его Слова о законѣ и благодати и употреблялась въ церквахъ въ день новолѣтія и при другихъ случаяхъ. Кромѣ того извѣстно, что наши переписчики нерѣдко позволяли себѣ подраздѣлять, иногда не совсѣмъ удачно, довольно обширныя сочиненія на части и ставить надъ частями особыя заглавія: такъ и могло произойти первоначально особое заглавіе надъ заключеніемъ «Правила» митрополита Кирилла: «Поученіе къ попомъ». А послѣдующіе писцы, принявъ это частное заглавіе за имя отдѣльнаго сочиненія, и начали переписывать его отдѣльно отъ «Правила», отнюдь не имѣя преднамѣренности отдѣлять часть отъ цѣлаго.

Въ самомъ «Поученіи» находятся два мѣста, которыя, по видимому, противорѣчатъ мысли, что оно принадлежитъ митрополиту Кириллу II-му. Первое мѣсто мы уже приводили; оно читается: «азъ бо, грѣшный епископъ вашь, вся ркохъ вамъ и ничего отъ васъ не скрыхъ». Но если достовѣрно, что епископы отъ своего лица разсылали иногда это «Поученіе», каждый по своей епархіи, они неизбѣжно должны были измѣнять въ немъ, что̀ имъ не приличествовало, и вмѣсто: «азъ бо, грѣшный митрополитъ вашь», писали: «азъ бо грѣшный епископъ вашь», или: «азъ смиренный архіепископъ», какъ читаемъ въ нѣкоторыхъ спискахъ, и какъ могъ назвать себя и митрополитъ ([14]). Другое мѣсто слѣдуетъ чрезъ нѣсколько строкъ и гораздо болѣе важно: «аще ли кто отъ васъ недоумѣетъ,

([13]) *Строев.* Опис. рукоп. Царскаго 181; *Восток.* Опис. Рум. Муз. 280, 322 и др.

([14]) *Архіепископъ*—стоитъ въ спискѣ, напечат. въ Акт. Истор. I, стр. 160, и въ спискѣ, которымъ пользовался Кульчинскій, переведшій и напечатавшій это мѣсто такъ: Ego enim, licet peccator, vester tamen A r c h i e p i s c o p u s, omnia dixi vobis...

мене вспросите; азъ же не лѣнюся вамъ глаголати. Аще кто воспротивится вашему правовѣрію, мнѣ повѣждьте: азъ обличу и отъ церкви отжену». Митрополиту такъ нельзя было сказать ко всѣмъ іереямъ русской Церкви, имѣвшимъ у себя своихъ епархіальныхъ архіереевъ. Но и это мѣсто могло быть нѣсколько измѣнено, при перепискѣ, епископами примѣнительно къ ихъ епархіальному служенію, а въ первоначальномъ текстѣ не читалось ли такъ: «аще ли кто отъ васъ недоумѣетъ, *епископа* вспросите; онъ же не обленится вамъ глаголати; аще кто воспротивится вашему правовѣрію, ему повѣжте: онъ обличитъ и отъ церкви отженетъ»? Предположеніе это представляется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что и далѣе въ «Поученіи» подобное наставленіе священникамъ выражено въ такой же формѣ: «тѣмъ подобаетъ съ великими вещьми *епископъ* възвѣстити (по другимъ спискамъ: *епископа* докладывати), да расудити по правиломъ апостольскимъ и отческимъ»... Не сказано: *мене*... А чтò при перепискѣ сочиненій прежнихъ авторовъ у насъ дѣлаемы были измѣненія не только маловажныя, но и значительныя, объ этомъ нечего и говорить.

Впрочемъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что на основаніи изложенныхъ нами соображеній о «Поученіи къ попомъ», какъ сочиненіи митрополита Кирилла II-го, и именно какъ заключительной части его «Правила», мы признаемъ подлинность этого сочиненія только *вѣроятною*, а отнюдь не несомнѣнною. Если же смотрѣть на Поученіе къ попомъ, какъ на особое сочиненіе, совершенно отдѣльное отъ «Правила»: въ такомъ случаѣ мы не видимъ достаточнаго основанія приписывать «Поученіе» митрополиту Кириллу II-му даже съ вѣроятностію, напротивъ, находимъ вѣроятнѣйшею мысль о. Горскаго, что оно написано Кирилломъ епископомъ, ростовскимъ или и другимъ, жившимъ во времена владычества монгольскаго надъ Россіею.

Третье сочиненіе—«Посланіе къ сыну великаго князя владимірскаго Александра» вовсе не принадлежитъ митрополиту Кириллу II-му и несправедливо ему приписывается. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только снести указанія посланія съ указанія-

ми лѣтописей: 1) Посланіе писано отъ епископа владимірскаго: «а нынѣ, сыну княже, говоритъ авторъ, азъ отецъ твой, епископъ Володимерьскы»... Могъ ли митрополитъ Кириллъ называться епископомъ владимірскимъ? Могъ, но только до 1274-го года, потому что, проживая до этого времени большею частію во Владимірѣ, вѣроятно, самъ управлялъ владимірскою епархіею, по крайней мѣрѣ, со смерти (въ 1262 г.) ростовскаго епископа Кирилла, простиравшаго, кажется, свою духовную власть и на Владиміръ (15). Въ 1274 году, давъ Владиміру особаго епископа Серапіона, митрополитъ удалился въ Кіевъ, и рядъ епископовъ владимірскихъ непрерывно продолжался до конца XIII-го вѣка (16). Слѣдовательно, если митрополитъ Кириллъ II-й могъ написать это посланіе, то никакъ не позже 1274-го года. 2) Посланіе писано къ княжившему во Владимірѣ сыну великаго князя владимірскаго Александра: «выждь, сыну княже, говоритъ владимірскій епископъ, како были велиціи князи, твои прадѣды и дѣды, и отецъ великыи князь Олександръ, украсили церковь Божію клирошаны и книгами, и богатили домы великыми десятинами»... Но изъ всѣхъ великихъ князей владимірскихъ Александромъ назывался одинъ только св. Александръ Невскій, а изъ сыновъ его княжили во Владимірѣ двое: Димитрій (1276—1294) и Андрей (1294—1304). Слѣдовательно «Посланіе» писано между 1276 и 1304 годами, когда митрополитъ Кириллъ уже не могъ называться епископомъ владимірскимъ, потому что во Владимірѣ были свои епископы, хотя и жилъ до 1280 года. 3) Въ «Посланіи» епископъ владимірскій напоминаетъ князю о разграбленіи соборной церкви, которую такъ украшали и надѣляли десятинами предки его и отецъ: «а нынѣ... поминаю ти сыну своему о церкви Божіи, а самъ, сыну, вѣдаешь, *церкви та ограблена* и домы ея *пусты*». Когда же это владимірская соборная церковь была ограблена при дѣтяхъ св. Александра,

(15) Этотъ Кириллъ представляется дѣйствующимъ и въ Ростовѣ, и во Владимірѣ (П. Собр. Р. Лѣт. I, 201—204).

(16) П. Собр. Р. Лѣт. III, 63; V, 199; Ник. Лѣт. III, 58; Истор. Росс. Іерарх. I, 333, изд. 2.

княжившихъ во Владимірѣ? Лѣтопись отвѣчаетъ, что въ 1293 году при князѣ Димитріѣ Александровичѣ, татарскія полчища, призванныя другимъ сыномъ Александра, Андреемъ «пришедше, взяша Владимеръ, и *церковь владимерскую разграбиша*, и чудное дно мѣдное выдраша и сосуды священныя вся поимаша», а вслѣдъ за тѣмъ взяли еще четырнадцать окрестныхъ городовъ «и всю землю *пусту* сотвориша» ([17]). Значитъ, посланіе писано послѣ 1293 года къ великому князю Димитрію Александровичу (ум. 1294), или преемнику его Андрею Александровичу (1294 — 1304), и писано отнюдь не митрополитомъ Кирилломъ, который давно уже скончался, а кѣмъ либо изъ владимірскихъ епископовъ—Іаковомъ (1288—1295) или Симеономъ (1295—1299).

Укажутъ ли на связь этого Посланія съ «Поученіемъ къ попомъ», которое приписывается митрополиту Кириллу? Но связи между ними нѣтъ никакой, ни внутренней, ни внѣшней: первое обращено къ князю, послѣднее къ священникамъ и трактуютъ о предметахъ совершенно различныхъ; «Поученіе» отдѣляется отъ «Посланія» приличнымъ заключеніемъ и словомъ — аминь. А потому только, что одно сочиненіе помѣщено въ рукописи вслѣдъ за другимъ, разумно ли приписывать ихъ одному автору? Впрочемъ, отвергая мнѣніе, будто Посланіе къ сыну св. Александра Невскаго принадлежитъ митрополиту Кириллу II-му, мы тѣмъ не менѣе считаемъ это «Посланіе» замѣчательнымъ памятникомъ нашей небогатой древней литературы: оно несомнѣнно относится къ концу XIII-го вѣка и написано владимірскимъ епископомъ Іаковомъ или Симеономъ.

Равнымъ образомъ и четвертое сочиненіе—«Слово на соборъ архистратига Михаила», доселѣ извѣстное только по одному списку XVII-го или XVIII-го вѣка, вовсе не принадлежитъ митрополиту Кириллу II-му и несправедливо ему приписывается. Изъ самаго содержанія этого «Слова» можно видѣть, что оно составлено

([17]) Никон. Лѣт. III, 90. Снес. П. Собр. Р. Лѣт. I, 228; III, 65; V, 201; VII, 180.

отнюдь не раньше XV-го вѣка. Въ первой части «Слова» сочинитель говоритъ: «и устави Господь урокъ житію человѣческому на земли 7000 лѣтъ и что ся соберетъ въ ту седмь тысящь лѣтъ святыхъ, ходящихъ по заповѣдемъ его, и по закону Божію поживших, и тѣми святыми исполнить Господь ангельскіи чины, спадшіе с небесе». Въ послѣдней части онъ обращается къ слушателямъ или читателямъ съ слѣдующими словами: «се уже видимо, любиміи, *кончина* міру *приближися* и урокъ житію нашему приспѣ, и лѣта сокращаются, и уже *мало время* житія нашего вѣка сего видѣти. Яко же Господь во Евангеліи сице: встанеть бо языкъ на языкъ и царство на царство... И вся сія збышася. Глаголетъ же, яко по седмихъ тысящахъ лѣтъ приходъ Христовъ будетъ» ([18]). Не ясно ли, что сочинитель жилъ незадолго предъ окончаніемъ седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра, т. е. предъ 1492 годомъ, когда ожидалась кончина міра? Могъ ли митрополитъ Кириллъ II-й слишкомъ за два столѣтія до этой предполагавшейся кончины выразиться: «се уже видимо кончина міра приближися и урокъ житію нашему приспѣ, и уже мало время житія нашего вѣка сего видѣти»? Кромѣ того, хотя въ концѣ XIV-го вѣка мысль о кончинѣ міра по истеченіи седми тысячь лѣтъ уже извѣстна была нашимъ предкамъ; но существовала ли она у насъ еще въ XIII вѣкѣ, не знаемъ ([19]). Напротивъ, въ XV столѣтіи она распространена была и въ Греціи, какъ свидѣтельствуетъ тогдашній греческій писатель Іосифъ Вріенній ([20]), и въ Россіи. У насъ мысль эта рѣзко обнаружилась три раза: въ 1408 году, когда окончился великій индиктіонъ (13-й) и надлежало сдѣлать пасхальное раз-

([18]) Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, № 8, отд. IV, стр. 3. 18.

([19]) По свидѣтельству Епифанія, описавшаго житіе св. Стефана пермскаго (ум. 1396), нѣкоторые современники его, „скудни суше умомъ", говорили: „почто сотворени суть книги Пермьскія или что ради составлена бысть азбука Пермьскія грамоты? И прежде бо сего издавна въ Перми не было граматы... Нынѣ же во скончанія лѣта, въ послѣдняя дни, на исходъ числа *седмыя тысячи*..., точью за 120 лѣтъ до скончанія вѣку, грамота замышляти? Аще ли и се требѣ есть" (Сборн. моей библ. № 68, л. 244).

([20]) Ἰωσήφ Μοναχοῦ τοῦ Βρυεννίου τὰ παραλειπόμενα. Т. II, стр. 218.

численіе на слѣдующіе годы, никто не осмѣлился продолжить его далѣе 1492-го года. Въ 1459 году, когда пасха случилась въ день Благовѣщенія, многіе по этому самому ожидали кончины міра, и лѣтописецъ привелъ подъ этимъ годомъ замѣчаніе, находившееся въ пасхаліи: «Здѣ страхъ, здѣ бѣда велика... въ онь же чаемъ всемірное пришествіе Христово». Наконецъ, когда миновалъ роковой 1492 годъ, бывшіе тогда у насъ еретики— Жидовствующіе начали укорять православныхъ неисполненіемъ ихъ завѣтнаго ожиданія, и новгородскій архіепископъ Геннадій, по опредѣленію собора, сдѣлалъ разчисленіе пасхальное на первыя семьдесятъ лѣтъ осьмой тысячи ([21]).

Если же «Слово на соборъ архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ небесныхъ», изданное г. Розовымъ, явилось не прежде XV-го вѣка, то необходимо допустить, что оно составлено изъ двухъ, или даже изъ трехъ другихъ словъ, существовавшихъ прежде. Въ этомъ «Словѣ» можно различать два: во первыхъ, слово подъ заглавіемъ: «о небесныхъ силахъ, и чего ради созданъ бысть человѣкъ, и о исходѣ души», встрѣчающееся въ двухъ сборникахъ Іосифова Волоколамскаго монастыря, въ одномъ съ именемъ Кирилла-философа, въ другомъ съ именемъ Авраамія ([22]); и во вторыхъ, «Поученіе къ попомъ Кириллово». Первое слово подраздѣляется еще на два, которыя, по всей вѣроятности, извлечены изъ него и встрѣчаются въ однихъ и тѣхъ же рукописныхъ сборникахъ, какъ особыя поученія, именно: а) «Слово о небесныхъ силахъ и чего ради созданъ бысть человѣкъ на земли», и б) «Слово о исходѣ души» или о мытарствахъ ([23]). Къ обоимъ послѣднимъ словамъ придѣланъ въ началѣ одинъ и тотъ же приступъ, начинающійся

([21]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 181; Просвѣтитель св. Іосифа Волоколамскаго, гл. 8 и 9.

([22]) *Шевырев.* Истор. Русск. Слов. III, 88—89.

([23]) Обѣ эти статьи находятся въ однихъ и тѣхъ же Сборникахъ—Румянц. Муз. (Опис. стр. 227), Царскаго (Опис., стр. 86. 88. 141. 142. 381) и моей библіотеки—№ 72, л. 303 об. и 333. См. такъ же Рукоп. гр. Уварова, т. II, выпуск. I, стр. 109—120.

такъ: «понеже тайна си не всѣмъ открoвена бысть и многими человѣкы невѣдома, но яко же Кириллъ философъ рече»... и заставляющій предполагать, что то и другое слово извлечены кѣмъ-то изъ какого-то сочиненія Кирилла-философа (24). Не знаемъ къ какому вѣку принадлежатъ помянутые сборники Волоколамскаго монастыря, заключающіе въ себѣ слово «о небесныхъ силахъ и чего ради созданъ бысть человѣкъ, и о исходѣ души». Но слово собственно о исходѣ души, по всей вѣроятности, заимствованное изъ этого, существовало еще въ XIV вѣкѣ, равно какъ и «Поученіе къ попомъ» извѣстно по списку того же XIV-го вѣка (25). Значитъ, авторъ «Слова на соборъ архистратига Михаила», писавшій не раньше XV-го вѣка и включившій оба эти сочиненія въ свое слово, несомнѣнно воспользовался ими.

Самымъ яснымъ доказательствомъ и той мысли, что «Слово на соборъ архистратига Михаила» писано не митрополитомъ Кирилломъ II-мъ, и не раньше XV-го вѣка, и той, что оно составлено или сшито изъ сочиненій, прежде существовавшихъ, служитъ слогъ этого «Слова». Стоитъ только прочитать двѣ, три его страницы и сравнить съ «Правиломъ» митрополита Кирилла, чтобы замѣтить, какая между ними разность. «Правило» написано не совсѣмъ удобопонятно, исполнено древними оборотами рѣчи и вообще довольно сжато; а «Слово» — ясно, свободно,

(24) Опис. Рум. Муз. 227; Царск. 141—142. Нѣкоторыя соображенія о происхожденіи этихъ словъ—см. въ нашей Истор. Русск. Церк. III, 146 — 147, примѣч. 249. Первое слово „о небесныхъ силахъ и чего ради созданъ бысть человѣкъ“ раздѣлено еще на два особыя слова, изъ которыхъ одно надписывается: „Слово св. Кирилла о небесныхъ силахъ“, а другое—„Слово св. отца Кирилла о первозданнѣмъ“ (напечатн. въ Православн. Собесѣд. 1859 г. I, стр. 252—258). Въ „Обзорѣ Русск. дух. литературы“ оба эти слова, равно какъ и слово о мытарствахъ, приписаны Кириллу епископу ростовскому (стр. 54), а Слово на соборъ архистратига Михаила, въ которое всѣ они внесены, или изъ котораго всѣ заимствованы цѣликомъ, приписано митрополиту Кириллу II-му.....

(25) Первое слово по двумъ спискамъ XIV или начала XV вѣка (Опис. Рум. Муз. 234. 507) напечатано въ Историч. Чтен. II-го Отдѣл. Ак. Наукъ 1854—1855 г., стр. 224 — 231. Послѣднее — помѣщено въ „Златой Цѣпи“, относимой къ XIV в., откуда и напечатано въ Приб. къ Тв. Св. Отц. I, 428.

удобопонятно и отличается многословіемъ, какъ начали у насъ писать съ конца XIV и начала XV вѣка, со временъ митрополита Кипріана, іеромонаха Епифанія (ум. 1420) и другихъ. Если разсмотримъ «Слово о исходѣ души или о мытарствахъ» и «Поученіе къ попомъ» въ томъ видѣ, какъ они встрѣчаются отдѣльно въ рукописяхъ, и въ томъ, какъ они внесены въ «Слово на соборъ архистратига Михаила», то убѣдимся, что въ послѣднемъ «Словѣ» они измѣнены, поновлены, распространены многословіемъ и вставками.

Вотъ, для примѣра, изображеніе первыхъ десяти мытарствъ:

Въ словѣ о исходѣ души.

«Первое мытарьство — оболгание, елико будемъ лгали отъ оуности и до старости; второе мытарьство — оклеветание, елико человѣкы оклеветахомъ; третие мытарьство — зависть, елико комоу завидѣхомъ; четвертое мытарьство—иже будемъ гнѣвъ держали долго на кого когда; 5-е мытарьство — ярость съ гнѣвомъ или на чада, или на рабы, или на всякаго человѣка; 6-е—гордость («елико коли разгодѣхомъ», т. е. разгердѣхомъ); 7-е—боуесловие и срамословие и бестоудная словеса и плясание («еже») и въ пирду и свадбахъ («и на свадбах»), и въ павечерницахъ, и на игрищехъ и («на») оулицахъ;

Въ словѣ на соборъ арх. Михаила.

«1-е мытарство оболганіе, иже когождо оболгахомъ въ животѣ семъ, отъ юности и до старости маститыя. 2-е мытарство оклеветаніе, елико есмя въ житіи семъ живуще на земли многія человѣки оклеветахомъ языкомъ своимъ. 3-е мытарство зависть, елико есмя на земли живуще, многимъ человѣкомъ во всѣмъ завидѣхомъ. 4-е мытарство лжа, елико есмя на земли живуще, многимъ человѣкомъ лгали во всемъ житіи своемъ, и ту бо содержатся лжи наши отъ юности и до старости. 5-е мытарство ярость, когда мы жихомъ на земли, и со многими человѣки бихомся и ярихомся, и гнѣвъ нашъ на кого долго имѣли, на отца или на матерь, или на братію, и на чада, или на рабы своя и на всякаго человѣ-

8-е — грабленіе («рѣзоиманье, гребленье») насильное и рѣзоимание и мездоимание; 9-е — тщеславие, когда створихомъ хвалы ради человѣча («славы ради и хвалы человѣческыя»); 10-е—сребролюбіе и златолюбіе.

ка. 6-е мытарство гордость, иже есмы на сѣмъ свѣтѣ предъ человѣки величалися въ богатствѣ своемъ и разгордѣхомъ. 7-е мытарство буесловіе, и празднословіе, и срамословіе, и ина безстыдная словеса, и плясанія въ пирѣхъ, и на свадьбахъ и в вечеряхъ и на игрищахъ, и на улицахъ, и басни бающе, и кощуны творяще, и всякія позорныи игры, сопѣли сатонинскія, и плесканіе ручное, и скаканіе ногами и всякія повестныя зоры испытаеми ту суть. 8-е мытарство рѣзоиманіе и чюждее грабленіе съ насиліемъ, и мздоиманіе, и еже по мздѣ другъ друга судяще, и мзды себѣ пріемлютъ. 9-е мытарство тщеславіе, еже жили есмя на сѣмъ свѣтѣ, славил(и)ся самахотіемъ своимъ и не быша блази, но возносилися славы ради и хвалы человѣческія, все то есмя творили. 10-е мытарство златолюбіе и сребролюбіе, міра сего прелестнаго.

Непосредственно послѣ изображенія мытарствъ въ «Словѣ на соборъ архистратига Михаила» слѣдуютъ обширныя разглагольствія о прощеніи обидъ, о любви къ ближнимъ, о милосердіи,—чего вовсе нѣтъ въ «Словѣ о исходѣ души».—Или вотъ еще сказаніе о кончинѣ міра:

Въ словѣ о исходѣ души.

«Се оуже видимь конець

Въ словѣ на соборъ арх. Михаила.

«Се уже видимо, любиміи, кон-

мироу приближающься, и оурокъ житию скончавается; но оуже мало нашего живота и вѣка. Вся, якоже рече Господь («сбышася»): въстати имать языкъ на языкъ, царство на царство, страна на страну, князь на князь («царь на царя и князь на князя»), епископъ на епископа, черьнець на черньца, и братъ на брата,—и боудоутъ глади и пагубы и троуси по мѣстомъ: вся же та въ начало болѣзнемъ. По скончании же томъ солнце и мѣсяцъ померкнетъ («и луна померкнета») въ свитокъ, и силы небесныя явятся, и по семъ («по семь») сынъ Божии съ славою прідеть, хотя судити всемоу міроу. Сконьчавшю бо ся оуроkoу («року») житию, оставьшимся тремь лѣтомъ седмыя тысящи, боудеть въ та лѣта 3 царство антихристово; по скончании же 3-го («трии лѣтъ») царство его («сего»), послѣть Господь Михаила и Гаврiила («Гаврила»), и въстроубять въ рога овня: въ мьгновеи («в мегновеньи») ока

чина міру приближися и урокъ житію нашему приспѣ, и лѣта сокращаются, и уже мало время житія нашего вѣка сего видѣти. Якоже Господь во Евангеліи сице: востанеть бо языкъ на языкъ и царство на царство, и страна на страну, и царь на царя и князь на князя, и сильный на сильнаго, и святитель на святителя, и чернецъ на чернеца, и сосѣдъ на сосѣда, и братъ на брата; и будуть глады велицы и пагубы и трусы по мѣстомъ, страхованія же и знаменія велия съ небеси будуть; и все же сіе начало болѣзнемъ, и вся сія збышася. Глаголетъ же, яко по седмихъ тысящахъ лѣтъ приходъ Христовъ будеть. Когда же пришествіе его будеть никто же вѣсть: се бо Господь и Апостоломъ утаивъ; обаче убо знаменія нѣкая яви предварити. Преди же Христова пришествія пріидеть супротивникъ Христу, мерзость запустѣнія, сынъ безаконный, предтеча діаволовъ, и всякому нечестію вина, еже есть антихристъ; и родится, яко же глаголеть Божественный Ипполитъ, Папа Римскій и преподобный Еѳремъ Сиринъ, изъ жены скверны, дѣвицы, отъ Еврей сущи, колѣна Данова, иже бяше

въскресноуть мертвии; праведници же въскресноуть преже, свѣтли по добродѣтели ихъ, напослѣдокъ же грѣшници («преже свѣтлѣ по добродѣтели ихъ, последи же грѣшници») помрачени по злымъ ихъ дѣломъ».

отрокъ Іякову; будеть же царства его три лѣта, о немъ сказуеть пророкъ Даніилъ: егда бо узрите во Иерусалимѣ мерзость запустѣнія, сидящу на мѣстѣ святѣ,—его же Господь духомъ убіеть устъ своихъ: и тогда пріидеть кончина міру. По скончаніи же третіаго времени владычества его, паки Господь нашъ Спаситель пріидеть со славою, со тмами святыхъ ангелъ судити живымъ и мертвымъ и воздати комуждо противу дѣлъ его, яко молнія блистаяся съ небесе, и отъ страха его вся тварь потрясется, солнце и луна померкнуть, и звѣзды небесныя спадуть яко свитокъ; и послеть Господь архангелы своя, Михаила и Гавріила вострубити в рога овня, и гласъ трубы, глаголющь з грозою: востаните спящіи, се пріиде женихъ. Тогда отверзутся гробы и услышить истлѣвшая персть великое и страшное пришествіе Спасителево и в мгновеніи ока востанеть всяко родство человѣческое, съ своими тѣлесы и душами. И пріидуть внезапу отъ конець земли въ Иерусалимъ, яко среда міру той. И прежде востануть праведніи свѣтли по добродѣтелемъ ихъ, послѣди же воскреснуть грѣшницы, и помра-

чени будуть злыми своими дѣлы».

Нельзя не замѣтить, что и въ Словѣ о исходѣ души, даже по древнѣйшимъ его спискамъ, конца XIV-го и начала XV-го вѣка, которыми мы пользуемся, говорится о кончинѣ міра съ окончаніемъ седьмой тысячи лѣтъ, но говорится такъ, какъ можно было говорить за столѣтіе, если не за два, до этого предѣла. А составитель «Слова на соборъ архистратига Михаила» выразилъ тоже самое гораздо сильнѣе и такимъ образомъ, какой естественъ былъ человѣку уже довольно близкому къ ожидаемой эпохѣ.

Но для насъ интереснѣе видѣть, какимъ перемѣнамъ подверглось въ «Словѣ на соборъ архистратига Михаила» «Поученіе къ попомъ», приписываемое нами, съ вѣроятностію, митрополиту Кириллу II-му. Представимъ три, четыре выписки:

Изъ поученія къ попомъ.	Изъ слова на соборъ арх. Михаила.
«Слыши, Іерей сборе преподобный! Къ вамъ ми слово. Понеже вы нарекостеся земнии ангели, небеснии человѣци. Вы со ангели предстоите у престола Господня; вы съ серафими носите Господа. Вы сводите съ небеси Духъ Святый и претворяете хлѣбъ въ плоть, и вино въ кровь Божью, человѣкомъ невидимо, и святии бо мнози видѣша. Вы бо просвѣщаете человѣкы крещеніемъ святымъ; вы связаете, вы разрѣшаете. Вами совершаетъ Господь тайну спасенія роду	«Слышите убо, отцы о Господѣ, архіерейскій и священноиноческій и перейскій преподобный и священный соборе, к вамъ ми слово сказати предлежить. Понеже вы нарекостеся по благодати, даннѣй вамъ отъ Бога, и по апостольскому завѣщанію, земныи ангели и небесніи человѣци, и свѣтъ и соль земли, яко же глаголеть Божественное Писаніе. Вы же и со ангелы предстоите у престола Господня, и сводите Духъ Святый с небесе, и претворяете хлѣбъ в плоть Христову, и вино в кровь его, человѣкомъ невидимо, сіе же мнози святіи видѣша, и нынѣ до-

человѣчьскому; васъ стража постави и пастухы словесныхъ овецъ своихъ, за няже кровь свою излия. Вамъ преда талантъ свой, его же хощетъ истязати во вторый свой приходъ: како будетъ умножили даный вамъ даръ; како будеть упасли словесное стадо Христово; како будеть зблюли святыню вашю нескверньну; како будеть не соблазнили люди вѣрныхъ».

«Лживыхъ книгъ не почитайте; еретикъ укланяйтеся; чародѣй бѣгайте; глаголющимъ не отъ Божественныхъ Писаній загражайте уста. Аще ли кто отъ васъ недоумѣеть, мене вспросите. Азъ же не ленюся вамъ глаголати. Аще кто ся противить, мнѣ повѣжте. Азъ обличю и отъ церкви отжену. Разумѣйте, како духовныя дѣти учити: ни слабость, да не ленивы будуть; ни жостко, да ся

стойніи видять. Вы просвѣщаете человѣковъ святымъ крещеніемъ. Вы аще свяжете на земли, Богъ не разрѣшить на небеси, вы аще разрѣшите на земли, Богъ не свяжеть на небеси. Вами даеть Господь тайны спасенія роду человѣческому, васъ стражи и пастыри постави Господь пасти свое стадо словесныхъ овецъ, за нихъ же Христосъ Богъ нашь пролія плотію честную свою и святую кровь, вамъ преда талантъ, его же хощеть многосугубно отъ васъ истязати во второе свое пришествіе на праведнѣмъ своемъ судѣ и испытаніи. Вамъ же бо есть слово воздати въ будущій вѣкъ, за всѣхъ человѣковъ согрѣшенія».... И далѣе все въ томъ же родѣ.

«Ложныхъ же книгъ не почитайте, и отъ еретицъ уклоняйтеся, и общенія съ ними не имѣйте, а буесловцемъ и сквернословцемъ и во всяческихъ богохульникомъ, не отъ Божественныхъ Писаней и суетная и ложная глаголющимъ, яже на пагубу правовѣрнымъ душамъ, устіе заграждайте и возбраняйте, отъ Писаній святыхъ слово пріимше. Иже убо кто отъ васъ нѣсть чему в разумѣ достиженъ, той искуснѣйшаго вопрошаеть. Аще ли кто будетъ сопротивлятися со-

не отчають; не дару деля прощающе, ни невзятья ради горко наскакающе. Разумѣйте, кого отлучити тѣла и крови Господни, кого ли отъ церкви, коли отъ оглашенныхъ, на колико время».

борные церкве преданію и вашему поученію по святыхъ отець указанію, и вы такихъ по церковнымъ правиламъ и по святыхъ отецъ законноуставныхъ положеніи общимъ праведнымъ судомъ воздавайте, и на истинны пути ведущи, въ вѣчный животъ наставляйте; зѣльно жь непокоряющихся и прекословящихъ и отъ церкви отжинайте, дондежь исправятся и на истинный путь обратятся. Прочее жъ убо паки глаголю: научите, запретите, настойте, понудите люди Божія ко благочестію, яко время убо обуреваемо есть, и дніе лукавіи суть, и люди на зло уклонишася. Того ради дѣти своя духовныя неослабно наказуйте страху Божію, и отъ всякихъ богомерзкихъ дѣлъ возбраняйте, ово моленіемъ, ово наказаніемъ отъ Божественныхъ Писаній. Къ симъ же разумѣйте, кого отлучити и отъ тѣла Христова, таже и отъ церкве на колико либо время».

«Челядь же имѣйте въ наказанія учения Господня; довольно имъ творите кормлю и порты. И люди тому же научите, первие сами въ богобоязньствѣ пребывающе, не обидяще, не крадуще, не лжюще, не упивающеся, и останущеся вся-

«Челядь же свою наказуйте страху Божію, и гладомъ не морите, ни наготою, ни босотою не томите, но любите ихъ яко своя уды, или яко Христосъ всѣхъ насъ, тако же творите, дѣти своя духовныя наказуйте. И аще сохраните сія вся завѣщанная, то Бога возвеселите, и

кoя неправды. Си бо вся любя вы написахъ. Сеже творите: молитва ваша отъ Бога услышена будеть; на земли нашей налога отъ поганиии утѣшаться, обилье много Господь намъ подасть, аще ли въ волу Его будемь, заповѣди Его творяще». ангелы удивите, и молитва ваша услышана будеть отъ Бога, и земли нашей отъ иновѣрныхъ бесермѣнскихъ странъ облегчится, и милость Божія на вся страны Русскія земли умножится, и пагуба и тли плодомъ и скотомъ престануть, и гнѣвъ Божій утолится, и народы всея Русскія земли въ тишинѣ и безмолвіи поживуть, и милость Божію получать въ нынѣшнемъ вѣцѣ, пачеже въ будущемъ».

Спрашиваемъ всякаго, сколько нибудь знакомаго съ памятниками нашей древней литературы, можетъ ли онъ, на основаніи представленныхъ выписокъ, признавать «Слово на соборъ архистратига Михаила» произведеніемъ XIII-го вѣка и приписать митрополиту Кириллу II-му? Что же касается, въ частности, до «Поученія къ попомъ», помѣщеннаго въ этомъ «Словѣ»: то, при самомъ небольшомъ вниманіи, легко убѣдиться, что «Поученіе» есть здѣсь вставка, и вставка весьма неудачная и неумѣстная. Изобразивъ двадцать мытарствъ и потомъ, какъ истязуются на нихъ души добрыя, составитель «Слова» продолжаетъ говорить, какъ истязуются на мытарствахъ души злыя, и, не докончивъ рѣчи весьма немного, вдругъ прерываетъ ее длиннымъ обращеніемъ къ собору духовенства, и тогда-то уже оканчиваетъ прерванное сказаніе въ двухъ-трехъ строкахъ. Поводомъ къ этой вставкѣ, вѣроятно, послужило то, что въ рѣчи о истязаніи грѣшниковъ упомянуто объ отцѣ духовномъ, и именно сказано: «и таковіи оба осудятся, отецъ духовный и съ сыномъ своимъ, пріимутъ муку вѣчную, понеже видая сія грѣхи его, и не положилъ ему за то епитиміи, а онъ такоже, вѣдаючи, изыскалъ себѣ отца духовнаго потаковника своимъ грѣхамъ, и за то оба осудятся». Вслѣдъ за этимъ составитель «Слова» продолжаетъ отъ себя: «бѣдно же есть и поползновенно повинующимся изби-

рати себѣ наставника по своему хотѣнію; ибо таковіи въ мѣстехъ погибельныхъ шествуютъ. Слышите убо, отцы о Господѣ, архіерейскій и священноиноческій и перейскій преподобный и священный соборе, къ вамъ ми слово сказати подлежить. Понеже»... и проч. И изложивъ все «Поученіе къ попомъ» въ распространенномъ видѣ, онъ заключаетъ: «нынѣ же на предлежащее возвратимся. И потомъ восхитима душа та (какая?) лукавыми бѣсы, и біема люте, и не дадуще ей и перваго мытарства пройти. И потомъ затворима бываеть во адѣ и во тмѣ и сѣни смертней, идѣже суть души грѣшныхъ отъ вѣка затворени, и ту сидяще, плачющеся, до дне суднаго и страшнаго».

Но какъ же говорятъ, авторъ «Слова» дѣлаетъ обращеніе къ архіереямъ: «слышите убо, отцы о Господѣ, архіерейскій и священноиноческій и перейскій преподобный и священный соборе»? Не рѣчь ли это митрополита? Нѣтъ, это только распространеніе краткаго начала «Поученія къ попомъ»: «слыши, іерей преподобный сборе»,—потому что далѣе во всемъ «Словѣ» самъ авторъ ведетъ рѣчь только къ іереямъ, ни разу не упоминая объ архіереяхъ. А не значитъ ли, что авторъ жилъ въ XIII-мъ вѣкѣ, при началѣ ига монгольскаго надъ Россіею, если онъ выражается: «и земли нашей отъ иновѣрныхъ бесермѣнскихъ странъ облегчится»? Нѣтъ; такъ могъ выражаться онъ и подъ конецъ монгольскаго ига, во второй половинѣ XV-го вѣка.

Пятое сочиненіе — «Поученіе къ великому князю Василію», которое встрѣчается въ предисловіи къ «Мѣрилу праведному» и въ первый разъ приписано митрополиту Кириллу II-му въ «Обзорѣ Русской духовной литературы», приписано безъ достаточныхъ основаній. Въ «Обзорѣ» объ этомъ сказано слѣдующее: «древность списковъ и языка указываетъ на древняго сочинителя „Поученія", а тонъ „Поученія" показываетъ въ учителѣ митрополита. Итакъ, по содержанію и языку, *надобно признать за несомнѣнное*, что великій князь Василій, которому предлагается „Поученіе", есть сынъ благовѣрнаго князя Александра Невскаго, а сочинитель „Поученія"—митрополитъ Кириллъ» (стр. 58). Дѣйствительно, списки «Мѣрила праведнаго» восходятъ къ XV-му

и XIV-му вѣку, и по языку «Поученіе» можетъ быть относимо къ XIV-му или даже къ XIII-му вѣку, хотя отнюдь не дальше послѣдней половины и даже четверти, потому что въ «Поученіи» приводятся извѣстныя слова изъ «Правила» митрополита Кирилла II-го: «не разсѣя ли ны Богъ по лицу всея земли? Не взяти ли быша грады наши».... и проч. ([26]). Но, во первыхъ, въ тонѣ «Поученія» рѣшительно нѣтъ ничего, что приличествовало бы только митрополиту, а не епископу и вообще всякому лицу духовному, — въ чемъ легко убѣдиться, такъ какъ большая часть «Поученія» напечатана у Розенкампфа ([27]). Во вторыхъ, сынъ св. Александра Невскаго Василій никогда не былъ великимъ княземъ; а изъ великихъ князей, въ послѣдней половинѣ XIII-го и въ XIV-мъ в., носили это имя: Василій Ярославичь (1272—1276)— современникъ митрополита Кирилла II-го и Василій Дмитріевичь (1386 — 1425): чтобы «Поученіе» было писано къ первому, а не ко второму, и если къ первому, то именно митрополитомъ Кирилломъ, а не другимъ кѣмъ либо, напримѣръ Серапіономъ, епископомъ владимірскимъ (1274—1275),—на это нѣтъ никакихъ доказательствъ. Въ третьихъ, можетъ быть, «Поученіе» написано первоначально къ великому князю не Василію, а Димитрію, и первое имя поставлено вмѣсто послѣдняго уже позднѣйшимъ переписчикомъ, потому что въ нѣкоторыхъ спискахъ дѣйствительно стоитъ имя Димитрія ([28]). Но великихъ князей съ этимъ именемъ къ концу XIII-го и въ XIV-мъ вѣкѣ было четверо: Димитрій Александровичь (1276—1294), Димитрій Михаиловичь (ок. 1325), Димитрій Константиновичь (1359—1362) и Димитрій Іоанновичь Донской (1363—1389): чѣмъ доказать, что «Поученіе» писано къ первому, а не къ послѣднему, или не ко второму и третьему? Въ четвертыхъ, вѣроятно, что и имя Димитрія вставлено въ «Поученіе» переписчикомъ, тогда какъ имя великаго князя, которому адресовано было «Поученіе» самимъ

([26]) О спискахъ Мѣрила — см. у г. *Калачова* о Кормчей, примѣч. 56 (въ Чтен. Москов. Ист. Общ. 1857, № 3, отд. 1).

([27]) О Кормчей, въ примѣч. стр. 262—266.

([28]) Тамъ же стр. 265.

сочинителемъ, намъ неизвѣстно: потому что въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ имя князя Михаила, въ иныхъ—князя Владиміра, и еще въ нѣкоторыхъ имя князя выскоблено ([29]). Наконецъ можно еще сомнѣваться въ русскомъ происхожденіи всего «Поученія»: двѣ, три русскія вставки въ него еще ничего не доказываютъ, когда извѣстно, что такія вставки у насъ дѣлывались нерѣдко въ чужія сочиненія. Итакъ, нѣтъ основанія признать не только за несомнѣнное, но даже за вѣроятное, что это «Поученіе» принадлежитъ митрополиту Кириллу II-му. Въ «Поученіи» приводятся извѣстныя слова изъ «Правила» митрополита Кирилла о татарскомъ игѣ? Но развѣ не могъ привесть ихъ другой писатель, какъ и приводятся они въ одномъ изъ поученій владимірскаго епископа Серапіона, хотя не буквально ([30])?

Остальныя четыре статьи, приписываемыя митрополиту Кириллу II-му въ «Обзорѣ Русской духовной литературы», еще менѣе могутъ выдержать справедливый судъ критики. Объ нихъ сказано: «за „Поученіемъ къ князю" слѣдуютъ въ „Мѣрилѣ" выписки изъ св. Писанія, изъ „Пчелы", изъ „Русскаго Лѣтописца"; потомъ читаются статьи: а) „Слово на немилостивые князи"; б) „Слово о гордости властителей"; в) „Слово о судіяхъ и клеветахъ".... Всѣ эти четыре статьи, *безъ сомнѣнія*, Русское сочиненіе. А что онѣ принадлежатъ митрополиту Кириллу, доказательствомъ служитъ связь ихъ съ „Поученіемъ" великому князю, одинаковость языка и строя, равно и то, что онѣ помѣщены и въ Кормчихъ Кириллова разряда» (стр. 59). Но — а) точно ли статьи суть сочиненіе Русское,—это еще не доказано; б) принадлежитъ ли «Поученіе» митрополиту Кириллу II-му, такъ же не рѣшено; в) связи съ «Поученіемъ» статьи не имѣютъ никакой, напротивъ отдѣляются отъ него, по словамъ самаго «Обзора», выписками изъ св. Писанія, изъ «Пчелы» и изъ «Русскаго Лѣтописца»; г) по языку и строю статьи имѣютъ такое

([29]) *Калачов.* о Кормчей, примѣч. 65; *Шевырев.* Истор. Русск. Слов. III, стр. 163.

([30]) См. Слово 2-е, въ Приб. къ Тв. Св. Отц. I, 105.

же сходство съ «Поученіемъ», какъ и съ другими древними нашими сочиненіями и переводами XII—XIV-го вѣка; д) въ «Кормчихъ Кириллова разряда», какъ всякому извѣстно, помѣщено много статей не только греческаго, но и русскаго происхожденія, вовсе не принадлежащихъ митрополиту Кириллу II-му.

Итакъ, изъ девяти сочиненій, приписываемыхъ митрополиту Кириллу II-му, только одно «Правило» несомнѣнно ему принадлежитъ, а другое, «Поученіе къ попомъ», можетъ быть усвояемо ему съ вѣроятностію; прочія семь приписываются ему несправедливо или неосновательно (31).

Критики, побольше критики,—вотъ чего надобно желать намъ въ исторіи нашей литературы! Знакомясь болѣе и болѣе съ нашею древнею письменностію, частію по умножающимся описаніямъ рукописныхъ библіотекъ, частію по самымъ памятникамъ, дѣлающимся день ото дня болѣе доступными, мы спѣшимъ рѣшать литературные вопросы безъ дальнихъ изысканій и соображеній, спѣшимъ первые произнесть свой приговоръ объ открываемыхъ сочиненіяхъ и надѣляемъ ими авторовъ съ большою щедростію, тономъ смѣлымъ и самоувѣреннымъ, на основаніи какихъ нибудь самыхъ слабыхъ указаній и догадокъ, а иногда и совершенно произвольно: примѣровъ этому можно бы привести безчисленное множество. Такія рѣшенія и приговоры, сколько бы мы ни обольщали ими сами себя, отнюдь не оставляютъ вклада въ сокровищницу науки и не подвигаютъ ее впередъ; напротивъ остановляютъ ее и запутываютъ, потому что представляютъ одни лишнія затрудненія послѣдующимъ изыскателямъ въ той же области, которые не могутъ же простираться далѣе, прежде нежели пересмотрятъ, разберутъ и оцѣнятъ мнѣнія своихъ предшественниковъ. Критики, побольше критики,— вотъ чего намъ нужно желать въ исторіи нашей литературы!

—

(31) Въ Никоновой лѣтописи (III, 52) приводится еще грамата митрополита Кирилла II-го, которую онъ посылалъ къ Новгородцамъ для примиренія ихъ съ в. кн. Ярославомъ Ярославичемъ. Но нельзя поручиться, чтобы это была подлинная грамата митрополита, а не одно извлеченіе изъ нея: самый слогъ— не Кириллова времени.

№ V.

Сказаніе о. Андрея о мученической кончинѣ Михаила, князя черниговскаго, и болрина его Феодора.

«Слово новосвятою мученику, Михаила князя Русскаго и Феодора воеводы перваго въ княженіи его, сложено въ кратцѣ на похвалу святыма отцемъ Андреемъ.

В лѣто 6746 бысть нахоженіе поганыхъ Татаръ на землю христьянскую гнѣвомъ Божіимъ за умноженіе грѣхъ ради. Овии убо затворяхуся въ градѣхъ; Михаилу же бѣжавшю во Угры; инии же бѣжаша въ земли дальнии, инии же крыяхуся въ пещерахъ и въ пропастѣхъ земныхъ, а иже въ градѣхъ затворишася, ти исповѣданиемь и со слезами Богу молящеся, тако отъ поганыхъ немилостивно избьени быша; а инии же крыяхуся въ горахъ и въ пещерахъ, и в пропастехъ, и в лѣсѣхъ, мало отъ тѣхъ остася. Тѣхже нѣ поколицѣхъ времянѣхь осадиша въ градѣх, изочтоша я в число и начаша на нихъ дань имати Татарове. Слышавше же се, иже бяху ся разбѣгли на чужи земли, и взвратишася князи, и вси людие на свои земли, чтô ихъ избылося. Начаша ихъ звати Татарове нужею, глаголюще: не подобаеть жити на земли канови и батыевѣ, не поклонившеся имя. Мнози бо ѣхаша и поклонишася канови и Батыевѣ. Обычай же имяше Канъ и Батый, аще убо приѣдеть кто поклонится ему, не повелѣваше первое привести предъ ся, но приказано бяше волхвомъ вести сквозѣ огнь и поклонитися кусту и идоломъ. А иже съ собою что приношаху дары цареви, отъ всего того взимающе волсви, вметахуть первое во огнь, то же пред царя пущахуть самѣхь и дары. Мнози же князи с бояры своими идяху сквозѣ огнь и поклоняхуся солнцю и кусту и идоломъ, славы ради свѣта сего, и прошаху кождо ихъ власти; они же безъ взбраненія даяхуть имъ, кто которыя власти хотяше, да прелстятся славою свѣта сего. Блаженному же князю Михаилу, пребывающу въ Черниговѣ, видя многи прельщающася славою свѣта сего, посла Богъ благодать и даръ свя-

таго Духа нань, и вложи ему въ сердце ѣхати предъ царя и обличити прелесть его, юже лстить крестьяны. Блаженный же князь Михаилъ разгорѣвся благодатію Божіею, хотя ѣхати и къ Батыеви, и приѣха къ отцю своему духовному, повѣда ему глаголя: хощу ѣхати къ Батыеви. И отвѣща ему отець: мнози ѣхавше и сотвориша волю поганаго, прелстишася славою свѣта сего, идоша сквозѣ огнь и поклонишася кусту и идоломъ, и погубиша душа своя; но ты, Михаиле, оже хочеши ѣхати, не створи тако, ни иди сквозѣ огнь, ни поклонися кусту и идоломъ ихъ, ни брашна ни питія ихъ не прими во уста своя, но исповѣжь вѣру христьянскую, яко недостоитъ христьяномъ ничему же кланятися твари, но токмо Господу Богу Іисусу Христу. Михаилъ же глагола ему: молитвою твоею, отче, якоже Богъ дасть тако и будет; азъ быхъ того хотѣлъ кровь свою пролияти за Христа и за вѣру христьянскую. Такоже и Феодоръ глаголаше. И глагола отець: вы будета в нынешнѣмъ вѣцѣ новосвятая мученика на утверженіе инѣмъ, аще тако сотворита. Михаилъ же и Феодоръ обѣщастася ему се створити и благословистася у отца своего. Тогда отець дасть има причастіе на путь и, благослови я, отпусти, рекъ: Богъ да утвердить ваю и послеть ваша помощь, за него же тщитася пострадати. Тогда Михаилъ ѣха въ домъ свой и възя отъ имѣнія своего, еже на потребу на путь. Многи же земли преѣхавшю ему, и доѣха Батыя. Повѣдаша Батыеви: князь великий Русский Михаилъ приѣхалъ поклонитися тобѣ; царь же повелѣ призвати волхвы своя, волхвомъ же пришедшимъ предь онь глагола имъ царь: еже есть по обычаю вашему створите Михаилу князю, потомъ приведѣте его предъ мя. Онѣмъ же шедшимъ к Михаилови, и глаголаша ему: Батый зовеtь тя. Онже, поемь Феодора, и идяше снимъ, и доидоша мѣста, идѣже бѣ накладень огнь со обѣ странѣ. Мнози же погании идяху сквозь огнь и покланяхуся солнцю и идоломъ. Волхви же хотѣша Михаила вести и Феодора сквозь огнь; Михаилъ же и Феодоръ глаголаста имъ: не достоить христьяномъ ходити сквозѣ огнь, ни покланятись, ему же ся сии кланяютъ; тако есть вѣра христьянская не покланятися твари, но покланятися Отцю и Сыну и Святому

Духу. Михаилъ же глагола Феодорови: луче намъ есть не кланятися, ему же ся си кланяютъ. Они же, оставльше ю на мѣстѣ, идеже бѣста приведена, идоша и повѣдаша цареви: Михаилъ повелѣния твоего, царю, не слушаетъ, сквозѣ огнь нейдеть, а богамъ твоимъ не кланяеться; глаголеть: не достоить христьяномъ ходити сквозѣ огнь, ни покланятися твари, солнцю и идолом, но токмо кланятися створшему вся си, Отцю и Сыну и святому Духу. Царь же, взьярився велми, и посла единого отъ вельможъ своихъ именемъ Елдегу и глагола ему: рцы Михаилови, почто повелѣние мое преобидѣлъ еси, богомъ моимъ не поклонился еси; но отселѣ едино отъ двою избери собѣ, или богамъ моимь поклонишися, и живъ будеши, и княжение примеши; аще ли не поклонишися богамъ, то злою смертью умреши: Елдега же, приѣхавь, рече ему: тако глаголеть царь, почто повелѣние мое преобидѣлъ еси, богамъ моимъ не поклонился еси, и отселѣ едино отъ двою избери собѣ, или богамь моимъ поклонишися и живъ будеши, и княжение свое все примеши, аще ли не поклонишися богамъ, то злою смертью умреши. Тогда отвѣща Михаилъ: тобѣ, царю, кланяюся, понеже Богъ поручилъ ти есть царство свѣта сего, а емуже велиши поклонитися, не поклонюся. Рече ему Елдега: Михаиле, вѣдая буди, мертвъ еси. Михаилъ же отвѣща ему: азъ того хощю, еже ми за Христа моего пострадати и за православную вѣру проліяти кровь свою. Тогда глагола ему внукъ его Борисъ, князь ростовский, с плачемъ многимъ: господине, отче, поклонися; такоже и бояре глаголаху: вси за тя примемъ опитемью со всею властію своею. Тогда глагола имъ Михаилъ: не хощю токмо именемъ христьянъ зватися, а дѣла поганыхъ творити. Егда же глаголаше къ нимъ Михаилъ, Феодоръ глаголаше въ собѣ, еда како ослабѣеть Михаилъ молениемь сихъ, помянувъ женьскую любовь, и дѣтей ласкание, и послушаеть сихъ. Тогда, помянувъ Феодоръ слово отца своего, и рече: Михаиле, помниши ли слово отца наю, иже учаше насъ отъ святаго евангелиа; рече Господь: иже хощеть душю свою спасти, погубить ю, а иже погубить душу свою мене ради, то спасеть ю; и паки рече: кая польза человѣку, аще и всего мира царство пріиметь,

а душу свою погубить; и что дасть человѣкъ измѣну на души своей; иже постыдиться мене и словесъ моихъ въ родѣ семъ...; исповѣсть мя предъ человѣки, исповѣмь ѝ и азъ предъ отцемъ моимъ, иже есть на небесѣхъ; аще ли кто отвержеться мене предъ человѣки, отвергуся и азъ его предъ отцемъ моимь небеснымъ. Сеже глаголющу Феодору къ Михаилови, они же начаша прилѣжно молити и глаголюще, да послушаеть ихъ; Михаилъ же глаголаше къ нимъ: не слушаю васъ, ни души сея погублю. Тогда Михаилъ соима коць свой и верже къ нимъ глаголя: примѣте славу свѣта сего, еяже вы хощете. Слышавъ же се Елдега, яко сии не увѣщаша его, тогда ѣха ко цареви и повѣда ему, еже рече Михаилъ. Бяше же на мѣстѣ томъ множество христьянъ и поганыхъ, и слышаша, еже отвѣща Михаилъ ко цареви. Тогда Михаилъ и Феодоръ почаста пѣти собѣ и, по отпѣтии, взяста причастие, еже има далъ бѣ отець ею. И се глаголаху предстоящеи: Михаиле, се убійци ѣдутъ отъ царя убивати ваю; поклонитася и жива будета. Михаилъ же и Феодоръ, яко единеми усты, отвѣщаста: не кланяевѣся, а васъ не слушаевѣ славы ради свѣта сего; и почаста пѣти: мученици твои Господи не отвергошася тобе; и паки: страдавше тобе ради, Христе, и прочая. Тогда убийци приѣхаша, скочиша с конь и яша Михаила, и растягоша за руцѣ, почаша бити руками по сердцю; посемь повергоша его ниць на землю и бияхуть ѝ пятами. Сему же на долзѣ бывшю, нѣкто бывъ преже христьянъ и послѣди же отвержся вѣры христьянския и бысть поганъ законопреступникъ, именемъ Доманъ, сий отрѣза главу святому мученику Михаилу, и отверже ю прочь. Потомъ глаголаша Феодорови: ты поклонися богомъ нашимъ, и примеши все княжение князя своего. И глагола имъ Феодоръ: княжения не хочю, а богомъ вашимъ не кланяюся, но хощю пострадати за Христа, якоже и князь мой. Тогда начаша Феодора мучити, якоже и преже Михаила; послѣже честную его главу урѣзаша. И тако, благодаряще Бога, пострадаша и предаша святѣи свои души въ руцѣ Божии новосвятая мученика; святѣи же телеси ею поверженѣ быстѣ псомъ на снѣдь; на многи же дни лежащимъ, Божіею благодатію, соблюденѣ быстѣ невреженѣ. Человѣколюбецъ

же Господь, милосердый Богъ нашъ, прославляя святыя своя угодники, пострадавшая за нь и за православную вѣру, столпъ огненъ отъ земля до небесе явися надъ телесема ею, сияющь пресвѣтлыми лучами на утверженпе христьяномъ, а на обличение тѣмъ, иже оставиша Бога и покланяются твари, и на устрашение поганымъ. Святѣи же и честнѣи телеси ею нѣкими христьяны богобоязнивыми схраненѣ быстѣ. Бысть же убиение, ею въ лѣто 6753 мѣсяца Сентября въ 20 день, еюже молитвами достойнии будемъ вси обрѣсти милость и отпущение грѣховъ отъ Господа Iисуса Христа въ нынѣшний вѣкъ и въ будущий, славяще вкупѣ Отца и Сына и святаго Духа нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ, аминь».

(Изъ Сборн. Новгор. Соф. библ. XIV—XV-го в., № 578, л. 192—197).

—

№ VI.

Отрывокъ изъ поученія св. Петра митрополита.

Отрывокъ изъ поученія святителя Петра, не находящійся въ спискѣ, напечат. въ Прибавл. къ Твор. Св. Отц. II, 85—90, и найденный въ другомъ спискѣ. Послѣ словъ: «тогда же возможете и дѣти своя духовныя научити», помѣщенныхъ въ печатномъ спискѣ на стр. 88, строк. 13—14, находится слѣдующее отдѣленіе по новому списку: «всякъ бо, рече, творя и уча великъ есть въ царствіи небеснѣмъ. Долъженъ бо ерѣй молитву приносити Боговѣ преже за ся, також и за людская прегрешенья, дѣти ж своа поучати преже страху Божію духовныа, такоже покаянью о грѣсѣхъ, любви, кротости, смиренью, милостынѣ. Безъ эпитемьи дѣтей своихъ не дерьжите, но подайте заповѣдь противу грѣху комуждо по своей силе: во время подобно связати, въ время разрѣшити. Поучайте же дѣти своа всегда удалятися отъ блуда и пьяньства, отъ чародѣйства, отъ

волхвованія, отъ рѣзоимьства, отъ запукъ и отвсѣхъ кобій, и отвсѣхъ мирьскихъ дѣлъ, да не будуть раби грѣху. Аще бо, дѣти, творите тако и учите, якоже вы есмь написалъ по закону Божию; тогда возможете рещи Богови: Господи, се мы и дѣти, иже ны еже си далъ. Тогда же пріимете похвалу отъ Бога и радость неизглаголаньную. Аще, дѣти, сего не творите и не упасеть стада своего: велика вы пагуба ждет и вѣчное мученние. Ничто же бѣ Боговѣ всего сего свѣта божества противу единой души человѣческой». За тѣмъ слѣдуютъ слова: «тѣмъ же, дѣти, Бога ради».... и дал., помѣщен. съ 15 строки 88 стр. по печатному списку до самаго конца.

—

№ VII.

Поученіе владыки Сарайскаго Матѳія.

«Поученіе владыкы Матѳеа Сарайскаго г детемъ моимъ.

Чяда моа милаа! Прѣвое—имѣите вѣру праву къ Богу, Отца и Сына и Святаго Духа; потомъ же и въ послушаніе святыхъ его апостолъ и святыхъ отецъ, иже пострадаша Христа ради, въ вся дни живота своего въ послушаніи блюстися, да не погыбнемъ, якож бо прѣвое погыблъ бѣ Адамъ съ Евгою, — и услыша Богъ. Любовь же имѣйте къ всѣмъ, богату и убогу, къ нищимъ и бѣднымъ, въ узахъ страждущихъ, якоже Христосъ къ всему міру, не избирая, дая намъ образъ; не избираа собою, пріиде съ небесе и родися отъ дѣвы въ врътпѣ. О милостивый Господи, насъ ради съ человѣкы поживе и крещеніе пріа, не имѣа грѣха, и преобразися свѣтло, увѣренія ради нашего. Связанъ и въ темници затворенъ бысть, намъ же повелѣваа въ таковой бѣдѣ не сътужати себѣ. На крестѣ распятъ бысть, намъ всяко спасеніе сътворяа, и въ гробѣ полежавъ, не имѣа грѣха, и въскресе, изводя ны на свѣтъ, и възыде на небеса, повелѣваа намъ въсхытитися, по Апостолу, въ срѣте-

ніе. Все же то сътвори любовію или волею, да научитъ ны собою хытрости спасеніа, хотя ны спасти и отъ мукы въ предидущій вѣкъ.

Се и еще молю вы, слушаите, постъ имѣйте чистъ, егда достоить въ постныя дни поститися, да пріиметь свѣтлость. Якоже Моусей и Иліа постомъ и молитвою огнь угасиша, такоже и вы, постящеся, нищимъ раздробляете хлѣбъ свой и убогыя милуйте, нищимъ и немощьнымъ, и на улицахъ лежащихъ и сѣдящихъ, посѣщайте сущая въ темницяхъ, и въ бѣдахъ милуйте и утѣшайте, нагыя одѣвайте, босыя обувайте, сирыхъ домочадецъ не толцѣте, но паче милуйте и гладомъ не морите, ни наготою. То бо суть домашніи нищіи: убогый бо себѣ инде испросить, а сіи въ твои руцѣ зрять. Правымъ же помогайте, а грѣшныя милуйте; странныя въ домъ свой въводите и отъ трапезы своеа напитайте я, въдовиць призирайте, въ бѣдахъ сущаа избавляйте. Старци чтите, попы и діакони, яко служители Божіи суть. Челядь же свою милуйте и учите ѝ на спасеніе и на покааніє, старыя же на свободу отпущайте, уныя на добро и на послушаніе поучайте, якоже Авраамъ, кажа отъ разбоа и отъ татьбы. Сусѣда же не обидите и не отемлите отъ него земли; рече бо Моусеови Господь: пришельца не обидите. Ахавъ бо и Азавелъ погыбоста отиманія ради земли, и Наѳанъ же и Авиронъ такоже поглоти я земля имѣніа ради неправеднаго. При Златоустѣм же Іоанѣ Еудоксіа царица не погибе ли отиманіа ради винограднаго? Богъ бо не единому человѣку велить на земли жити, но и многымъ; тѣмже, братіа, блюдѣтеся и не отемлите чюжаго.

Манастыри же блюдите, чяда моя, то бо суть домове святыхъ и прістанище сего. И въшедше видите игумена, пасуща стадо свое, и черньци въпрекы не глаголюща страха ради Божіа, и ового видите, горѣ руцѣ въздѣвша и очи долу имуща, и сердце горѣ у престола Божіа, иногож плачющася въ келіи своей, ница лежаща, яко на дѣлехъ стоаща, акы исцѣплыи, а другыи у церкви стоаща, яко камены, непреступны и мрътвы, къ Господу възглашающе, за весь міръ хотя Бога умолити; овіи же въ монастырехъ, иніи же въ пещерахъ и на стлъпѣхъ около

Іерусалима и по всеи земли, имъ же мяса костемъ прильпоста сухоядію, иже могутъ вѣрою въ сердци въскорѣ всяко прощеніе творити, рекше больнымъ и недужнымъ помагати, всякого гнѣва Божіа и напасти молитвами своими. Всяку скорбь отженѣте, къ святымъ мѣстомъ приходите, у тѣхъ благословеніа просите и дѣти своя к нимъ посылайте, благословеніа имъ хотяще, и тѣхъ въ домы своя въводите благословеніа ради и поученіа ради, якож и Закхей Христа въ домъ свой пріятъ благословеніа дѣля. Епископа же чьтите, якоже Петра и Павла, а въ домы церковныя и въ суды и въ земли церковныя не въступайтеся. Аще же кто епископа не чьститъ, да благословеніа отъ него не пріиметь ни зде, ни въ будущемъ вѣцѣ: тотъ бо есть всего міра молитвенікъ за ваша душа и домы и за ваше спасеніе. Бѣльци же чьстите попы достойно и діаконы, яко слугы Божіа; ти бо за вы молитвы творятъ къ Богу по вся дни. Аще ли поймете черньца въ домъ свой или причетника и хощете я чьстити, то болѣ трехъ чяшь не нудите его, но дайте ему волю, да же ся самъ упіеть и самъ за то отвѣщаеть; а вамъ не надобѣ грѣхъ той. Но паче речено есть въ ветсѣмъ законѣ: приведе къ жертвънику волъ твои и овенъ твои, и козелъ твои, и имѣніа твоа. Петръ же такоже апостолъ въ ученіи своемъ повелѣ принести къ церкви вся данаа благая. Не язѣ слугы Божіа до сорома упоити, но с поклономъ отпустити я и благословеніе въземши отъ него.

Князю же земля своеа покаряйтеся и не рцѣте ему въ сердци своемъ; принсте ему головою своею, и мечемь своимъ, и мислію своею, и възмогутъ противитися на войнѣ князю. Аще ли добрѣ пріасте своему князю, и обогатѣеть земля ваша, и плодъ многъ въспріимете отъ неа. Аще ли начнете пріяти инѣмъ княземъ отъ своего, то подобни будете женѣ блядивѣ мужатѣ, якоже съ всѣми блясти хощеть, и послѣди же мужь еа устережеть ю, и псы ею накормить, и весь родъ еа въ срамѣ будеть велицѣ. Паче и еще глаголю вы, чада моа, иже кто о князѣ своемъ зло мыслить къ другому князю, а достойную честь пріемля отъ него, то подобенъ есть Іюдѣ, иже любимъ есть Господемъ, ти умысли Его предати княземъ жидовъ-

скимъ, купи имъ село крови гроба и съ прочими даръми. Отъ великыя печали сѣтуася сѣмо и овамо, и отъ всѣхъ людій проклятъ, и въ іерусалимъ бѣжа, отъ іерусалима по пути отъ тугы и печали великыа пріа болѣзнь, и отекъ, аки бочка, падъ подъ полемъ, разсѣдеся на полы. Епископьство его пріиме инъ, и дѣти его, по пророку, въ хлупу въпадоша: да и вы, сынове мои милые, не мозѣте работати иному князю, да въ тоже зло не въпадете. Другомъ же великымъ и малымъ покаряйтеся; на пиръ звани будете, сядите на послѣднемъ мѣстѣ; по Евангелію бо рече: егда званъ будеши на бракъ, не сяди на преднемь мѣстѣ. Егда кто честнѣй тебе будеть званый, и пришедъ зва-вый тя, и речетъ ти: друже, дажь се мѣсто иному, — а ты въстани; тогда начнеши с соромомъ посѣдати ниже. Но егда будеши званъ на пиръ, шедъ, сяди на послѣднемъ мѣстѣ, да егда пріиде звавый тя и речеть тебѣ: друже, сяди выше, —тогда будеть ти честь и слава предъ всѣми людьми, сѣдящими съ тобою, яко всякъ възносяйся смирится, а смиряйся възнесеться.

Имѣйте же, чяда, въ сердцахъ своихъ страхъ Божій присно; писано бо есть: зачяло премудрости страхъ Господень. Поне бо Господь не велитъ ничтоже лихо творити; вѣра бо страхомъ Господнимъ поминати велить смерть на всякъ часъ: поминай страшный день суда. Страхъ бо Господень пріимше перьвіи праведници и спасошася; апостоли Господни и мученикы страха ради терпяще въ пещерахъ и въ пустыняхъ, такоже овы въ горахъ чающе мзды великаго Бога. Такоже и вы, чяда, страха ради Господня все добро творите спасеніа ради своего. Грѣхъ же аще кто творить по діаволю попущенію, да того же дни покается. Блюстиже ся смерти вънезаапу; писано бо есть: въ чемъ тя застану, въ томъ ти сужу. Тѣмже, чяда моя, будите и вы страхомъ Господнимъ спастися. Чяда моа, еще вы глаголю: челядь свою кормите, якоже и до сыти имъ давайте, и обувайте. Или холопа вашего убіють у татбы или робу, то за кровь его тебѣ отвѣщати и за душу его. Тѣмже доволите сироты своа всѣмъ, и учите я на крещеніе и на покааніе и на весь законъ Божій. Ты бо еси, яко и апостолъ дому своему; кажи грозою и ласкою; аще ли не учиши, то отвѣть въздаси предъ Богомъ

за то. Авраамъ же научи своихъ домочядець 318 въсему добру закону и добру нраву. Страхъ бо Господень прiимше, не опечалятся на старость. Аще не послушають тебе нимало, то жезла не щади на ня, яко же премудрость Божiа глаголеть, до 4 или до 6 ранъ или до 12. Аще рабъ или рабыня не послушаеть и по твоей воли не ходить, то не щади я до 6 или 12 ранъ; аще ли велика вина, то 20 ранъ; аще ли вельми зла вина, то до 30 ранъ велимъ, а болѣ того не велимъ. Аще тако ихъ кажеши, то душу его спасеши, а тѣло его избавиши отъ мукы, и послѣ въсхвалять тя любо рабъ, любо рабыни, аще тако кормиши ихъ и добрѣ одѣваеши, да услышить блаженный онъ гласъ Христовъ истиннаго Бога: прiидѣте благословенiи отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царство отъ сложенiа мiру. А милость Божiа и святыа Богородица и мое благословенiе да будетъ съ вами».

№ VIII.

Древнiе списки этого поученiя и можетъ ли оно быть признано за сочиненiе митрополита Кирилла I-го.

1. Списокъ краткой редакцiи этого поученiя указанъ нами въ примѣч. 224. Списка обширной редакцiи намъ извѣстно два: одинъ изъ «Златой Цѣпи» XIV—XV-го в. напечатанъ въ Москвитянинѣ 1851, № 6, стр. 119, и отчасти въ Исторической Христоматiи г. Буслаева стр. 478 — 482; другой находился въ Сборн. Новгор. Соф. библ. XIV—XV-го в., по старому каталогу за № 94, подъ заглавiемъ: «Зборница разная разныхъ св. отецъ», л. 113—115. Въ первомъ спискѣ поученiе раздѣлено на 18-ть статей, именно: о вѣрѣ, о постѣ, о сусѣди, о монастырѣхъ, о епископѣ, о попѣхъ, о князи, о друзѣхъ, о страхѣ, о челяди, о женнѣи смерти, о волхвѣхъ, о тайнѣ, о снѣхъ, о смиренiи, о храборствѣ, о рабѣхъ, о молитвѣ; впрочемъ первая статья

не оглавлена. Во второмъ спискѣ, судя по содержанію, только 17-ть статей: ибо статья о рабѣхъ не находится, —и озаглавлены только три статьи: о монастырѣхъ, о епискупѣхъ, о волхвованьи; для заглавій же нѣкоторыхъ другихъ статей оставлены мѣста, а для заглавій большей части статей не оставлено даже мѣста и онѣ писаны безраздѣльно. До какой степени произвольно и неудачно сдѣлано раздѣленіе на статьи или главы, можно видѣть изъ того, что въ статьѣ, напримѣръ, подъ заглавіемъ о постѣ заключаются наставленія не только о постѣ, но и о молитвѣ, и о милосердіи къ нищимъ, о снисхожденіи къ домашнимъ, о почтеніи къ старцамъ, священникамъ и діаконамъ, о милованіи челади и проч. Третій списокъ обширной редакціи разсматриваемаго нами поученія находится въ рукописи Царскаго XIV-го в. № 361. Судя по «Описанію» въ этомъ спискѣ поученіе раздѣлено только на десять главъ и оканчивается главою *о снѣхъ*, и слѣд. короче, нежели въ двухъ другихъ спискахъ (Описан. стр. 341).

2. Въ «Обзорѣ Русской дух. литературы» говорится, что это поученіе христіаномъ «*должно быть* признано за сочиненіе» митрополита кіевскаго Кирилла I-го, и въ доказательство представляются слѣдующія соображенія: «Всего важнѣе то, что наставленіе (поученіе) христіанамъ въ полномъ его составѣ—наставленіе не епископа, а митрополита. Это ясно показываетъ собою статья о епископѣ; то же видно и по духу всего наставленія, гдѣ, при всей кротости наставника, высказывается лице съ сильною властію, лице свободно наставляющее и князя и раба. Надобно сказать и то, что поучающій пастырь знаетъ не только все св. писаніе, но знаетъ и постановленія апостольскія, и жизнь учителей восточныхъ; вообще образованность его греческая, а не русская, что опять показываетъ въ сочинителѣ высшее духовное лице, лице митрополита изъ Грековъ, каковымъ былъ Кириллъ» (—I, стр. 46—47). Но — а) и епископъ сарайскій Матѳей могъ говорить своей паствѣ о почитаніи епископа, особенно заочно, въ своемъ окружномъ посланіи, точно такъ, какъ новгородскій владыка Симеонъ прямо наставлялъ въ своемъ поученіи своихъ пасомыхъ: «вы, сынове, честь воздавайте своему

святителю и отцамъ вашимъ духовнымъ»... (П. Собр. Р. Лѣт. IV, 118); б) во всемъ поученіи отнюдь не видно такой власти, которая бы не приличествовала епископу по отношенію къ его паствѣ, и онъ вовсе здѣсь не наставляетъ самаго князя, а учитъ только подчиненныхъ покоряться князю земли своея, и не измѣнять ему ради другихъ князей; в) поученіе отнюдь не показываетъ, чтобы авторъ его зналъ все св. писаніе и обладалъ какими либо обширными познаніями въ постановленіяхъ апостольскихъ и житіяхъ учителей восточныхъ: нѣсколько текстовъ и два-три примѣра, приведенныхъ изъ всего этого, недостаточныя доказательства; г) ни откуда неизвѣстно, кто былъ Матѳей, епископъ сарайскій, Русскій или Грекъ; д) еслибы даже необходимо было допустить, что поученіе написано митрополитомъ и Грекомъ: то отсюда далеко еще до заключенія, будто этотъ митрополитъ былъ именно Кириллъ I-й, а не Максимъ, не Ѳеогностъ, не Фотій или кто другой.

—

№ IX.

О посланіи противъ Стригольниковъ, приписываемомъ цареградскому патріарху Антонію.

Въ Сборникѣ Московской Сvнодальной библ. № 268 находится статья подъ заглавіемъ: «А сіе списаніе отъ правила св. апостолъ и св. отецъ далъ владыце наугородцкому Алексѣю Стефанъ владыка Перемыскый на Стриголники». Оказывается, что статья эта, кромѣ начала, есть то самое посланіе, которое съ именемъ константинопольскаго патріарха Антонія напечатано въ Акт. Ист. I, № 6. Посему составители Описанія рукоп. Сvнод. библ., изложивъ свои сомнѣнія о томъ, чтобы посланіе могло принадлежать патріарху Антонію, выразили мысль, что «надписаніе статьи скорѣе даетъ право почитать сочинителемъ ея епископа перемышльскаго Стефана, котораго имя, доселѣ неизвѣ-

стное въ исторіи нашей іерархіи, невольно напоминаетъ собою современнаго ему просвѣтителя Перми, св. Стефана епископа пермскаго» (Опис. кн. IV, стр. 303). А авторъ Обзора Русск. дух. литературы, въ своихъ дополненіяхъ къ нему, простерся еще далѣе и рѣшительно утверждаетъ, что это «прекрасное посланіе надобно считать за сочиненіе пермскаго просвѣтителя св. Стефана» (Прибавл. къ Черниг. епархіал. Вѣдом. 1863, стр. 656). Но — 1) по содержанію своему посланіе это отнюдь не можетъ быть признано посланіемъ одного епископа къ другому. Ни въ началѣ, ни въ концѣ, ни въ продолженіи всего посланія нѣтъ ни малѣйшаго обращенія отъ лица одного іерарха къ другому, ни малѣйшаго даже намека на то. Напротивъ 2) изъ содержанія посланія видно, что оно писано прямо къ Стригольникамъ. Сочинитель постоянно обращается къ нимъ: «смотрите, Стригольницы, наипаче же еретици.... Рцѣте, еретици, гдѣ хощете попа взяти себѣ.... Како деремусте уничижити святителя.... Вы, еретици, тако глаголите».... и проч. И вообще опровергаетъ разныя части ученія Стригольниковъ, какбы бесѣдуя съ ними лицемъ къ лицу. Но написать посланіе прямо къ Стригольникамъ, жившимъ въ Новгородѣ и особенно въ Псковѣ, обличать и учить ихъ непосредственно могли только или патріархъ цареградскій, или русскій митрополитъ (которые дѣйствительно, какъ извѣстно, и обращались съ своими посланіями къ Стригольникамъ), или наконецъ новгородскій владыка, а изъ прочихъ епископовъ русскихъ ни перемышльскій, ни пермскій и никакой другой не имѣлъ права и не могъ посылать въ чужую епархію такого посланія. 3) Охотно соглашаемся, что посланіе, приписываемое патріарху Антонію, повреждено, какъ это замѣчено было и прежними нашими изслѣдователями. По крайней мѣрѣ, оно могло принадлежать ему и изъ лѣтописей извѣстно, что патріархъ Антоній въ 1394 году дѣйствительно прислалъ въ Новгородъ свою грамату «о проторехъ и исторехъ на поставленіяхъ священныхъ», слѣд. противъ Стригольниковъ (Ник. Лѣт. IV, 255) и что митрополитъ Кипріанъ, находившійся тогда въ Новгородѣ, дѣйствительно переслалъ оттуда въ Псковъ какую-то «патріаршу грамату» чрезъ полоцкаго владыку Θеодосія (П.

Собр. Р. Лѣт. IV, 194). 4) Еслибы даже допустить, что посланіе это написано не патріархомъ Антоніемъ, а владыкою перемышльскимъ Стефаномъ къ новгородскому владыкѣ Алексѣю, все же отсюда не слѣдуетъ, чтобы оно было написано Стефаномъ, епископомъ пермскимъ: такое заключеніе болѣе, нежели смѣлое. Пусть исторія нашей церковной іерархіи доселѣ не знала, что тогдашній епископъ перемышльскій назывался Стефаномъ,— а она, какъ извѣстно, не знаетъ по именамъ и многихъ другихъ нашихъ прежнихъ епископовъ,—изъ этого никто, конечно, не станетъ выводить, что такого епископа перемышльскаго вовсе не существовало.

—

№ X.

Обзоръ сочиненій митрополита Григорія Самвлака.

Всѣхъ сочиненій Григорія Самвлака извѣстно намъ до 26-ти. Это почти исключительно проповѣди, и именно восемь на праздники Господни и Богородичные, семь на праздники Святыхъ и шесть на дни воскресные, недѣльные и на особые случаи. Къ проповѣдямъ надобно присовокупить три историческихъ сказанія о Святыхъ, полемическую статью противъ Латинянъ и богослужебный стихъ на Успеніе Пресв. Богородицы.

I. Слова на праздники Господни и Богородичные.

Восемь словъ Григорія Самвлака на праздники Господни и Богородичные суть слѣдующія: 1) въ недѣлю Ваій или цвѣтную, 2) въ великій Четвертокъ, 3) въ великій Пятокъ, 4) на Вознесеніе Господне, 5) на Преображеніе Господне, 6) на Воздвиженіе честнаго Креста, 7) на Рождество Пресв. Богородицы и 8) на Успеніе Пресв. Богородицы.

1. Въ началѣ перваго слова (1) видны уже пріемы ораторскіе.

(1) Списки этого слова находятся—а) въ Сборн. Новг. Соф. библ. № 524,

«Пакы Спасъ въ Іерусалимъ въсходить,—восклицаетъ проповѣдникъ,—и пакы чудеса! Пакы въскресеніа увѣреніе, пакы мерьтвіи въстають! Но не якоже вдовыя сына въскреси, тако и Лазаря! Онаго бо абіе умерша и из града износима отъ одра въздвиже: сего же четверодневна и смердяща из гроба възва словомъ. Тогда убо смиренѣйше божества своего силу открываше,—понеже и еще далече бяше время спасительныя страсти,—иудейское възражая стремленіе: нынѣ же, понеже на сіе пришелъ бяше, съ многою властію себе являетъ. Грядетъ же преже шестіихъ дний Пасхы, яко да не смутное праздника съхранитъ, яко до Пасхы радостное тогда исполнитъ народомъ: понеже сѣтованіе тѣмъ предлежаше, на праздникъ тому распинаему, и свѣтиломъ померкшимъ, и земли отъ основанія трясущися».

Въ самомъ словѣ проповѣдникъ по порядку разсматриваетъ обстоятельства и подробности празднуемаго событія, и то показываетъ ихъ прообразовательное значеніе, то сводитъ относящіяся къ нимъ пророчества, то дѣлаетъ перифразъ Евангельскаго сказанія. Напримѣръ: «Изыдоша, рече, въ срѣтеніе Его,—и не просто, но вземше ваия отъ финикъ. И не се токмо, но и зваахуа не кое земное и обычное царемъ благохваленіе, но паче человѣка и Богу единому достойное: *осанна, благословенъ грядый въ имя Господне, Царь Ізраилевъ. Осанна*—спаси же толкуется по Еврейскому, якоже въ сто и седмьнадесятомъ псалмѣ преведено бысть отъ седмьдесятихъ. *Господи спаси же*—еже на Бога единого всходитъ. Аще ли же кто либо прится ключимъ быти сей рѣчи тогдашнихъ царей благохваленію, да слышитъ Давида въ псалмѣ поюща: *не спасется царь многою силою, и исполиль не спасется множествомъ крѣпости своея.* Иже убо себе спасти царь не могъ бы многою силою: како отъ толика множества на спасеніе призыватися хотяаше? Но сіе

л. 107, подъ заглавіемъ: „Григорія, *архіепископа Россійскаго*, слово въ недѣлю цвѣтную“, и б) въ библ. Толстов. отд. I, № 256: „слово въ недѣлю цвѣтную Григорія *архіепископа Россійскаго*“,—при чемъ въ скобкахъ замѣчено —*Цамвлака*.

отъ богоотца пророчьскы речено бысть издавна, нынѣ же конець пріатъ. Кому бо отъ царей рекоша сіе, еже *благословенъ грядый въ имя Господне*? Ни кому же; но ниже кого отъ пророкъ тако почтошя тогда отци ихъ. Но взыщемъ, кто сихъ подвиже, кто научи таковѣмъ образомъ того срѣтати, кто упремудри тако звати, кто таково съгласіе толикымъ народомъ вложи, кто непознаваемыя отъ различныхъ мѣстъ люди въ единогласіе благохваленіа управи, кто простыя невѣжда, на селехъ живущая богоподобными хвалами и паче о Немъ писаными усрѣтати сътвори. Кто инъ, развѣ иже вся дѣйствуяй Духъ святый?»... Или вотъ другой примѣръ: «*Радуйся зѣло дщи Сионова*, — не отчасти, не в мѣру, но *зѣло*, паче всѣхъ радостей, бывшихъ в тебѣ. Забуди, рече, первыя радости, въ благоденьствіихъ твоихъ усрѣтьшая тя: понеже злодѣйства живущихъ в тебѣ умножившася, на злоденьство благоденьствіа твоя преложиша, и веселіа праздникы твоя на плачь и сѣтованіе; понеже посѣщеніе истинныя радости далече бяше отъ тебе. Нынѣ же зѣло радуйся: грядетъ бо, уже в тебѣ есть, омываяй тя отъ беззаконій твоихъ своею кровію, избавляяй тя изъ рукы врагъ твоихъ, подписуя ти свобоженіе не узрѣти злаа к тому. *Се Царь твой грядетъ тебѣ кротокъ и спасаа*. Слыши сего кротка и спасающа; да не мыслиши такова быти, якоже Давида, понеже и онъ царь бѣ, и кротокъ нарицаашеся,—якоже молятся въ пѣсни, уже отъ плененіи людіи: *помяни, Господи, Давида и всю кротость его*,—и Голиафа убити, и побѣду въздвиже Іізраилю, и отраду не малу. Но кротокъ есть, понеже яко овча на заколеніе грядетъ, яко Богъ же ада устраши, и Лазаря въскреси многою властію, и небеснаа съ земными съединити хощеть кровію завѣта своего. *Радуйся зѣло дщи Сионова; проповѣдуй дщи Иерусалимова*. Что повѣлеваеши, о пророче, проповѣдати? Проповѣдуй, въздвижа гласъ, величіа Божіа: понеже призрѣ на смиреніе твое Царь твой, понеже въцаритися грядетъ в тебѣ, еже погубити оружіе изъ Ефрема, и конь изъ Ерусалима, и потребити оружіе бранное. Се бо о немъ же пророкъ глаголааше: *мукъ съкрушить и сломить оружіе, и щить съжжетъ огнемъ*. Проповѣдуй зѣло радостнымъ гласомъ: понеже Избавитель

посѣти тя, понеже Свободитель помилова тя, да не к тому в работу будеши, да не к тому в страсѣ и подвизѣ, но въ смирени и тишинѣ велицей будеши, яко оружіа и меча на орала и серпы прековати; занеже не к тому копіе врагъ твоихъ ко вратомъ приближится. Крестъ бо Царя твоего посрѣдѣ тебе станетъ, съхраняяй тя. *Проповѣдуй дщи Іерусалимова*,—проповѣдуй, яко *отъ Сиона изыдетъ законъ и слово Господне отъ Іерусалима*. Посли проповѣдникы дщери Вавилоньстей, сътрывшей тя и плѣнившей иногда; сказуй той пришедшую ти славу и радость.... Посли и на въстокы благовѣстіа: ибо *въстокъ имя Ему*, якоже въ псалмѣ пишетъ,—и истинно есть писаніе: въсіа бо намъ въ тмѣ и сѣни смертнѣй сидящимъ. Посли на запады, възвѣщая възшедшаго на запады, да яко вся сдержа и исполнитъ своя славы, и на лучьшаа възведетъ. Къ югу же не труди посланникы,—самъ бо оттуду пріиде по Аввакуму: *Богъ отъ юга пріидеть»*.... и проч.

Заключеніе слова состоитъ изъ нѣсколькихъ строкъ: «Егоже (т. е. І. Христа) и мы нынѣ съ отрокы, яко побѣдителя смерти, вспѣваемъ; яко Царю и Богу нашему, покланяемся—сподобити насъ и тридневному своему въскресенію, въ второе же Его пришествіе достойны сътворитъ насъ срѣсти Его на облацѣхъ по блаженному Павлу, и съ чистою съвѣстію явитися лицю Его, и тако всегда съ Нимъ быти. Яко тому подобаетъ слава и держава и покланяніе, съ безначальнымъ Отцемъ и с пресвятымъ Духомъ, нынѣ и присно и въ бесконечныя вѣкы, аминь».

2. Слово въ великій четвертокъ ([2]) вовсе не имѣетъ присту-

([2]) Въ Сборн. Новгор. Соф. библ. № 524, л. 208, оно озаглавлено: „На часѣхъ въ святый великій четвертокъ—слово Григорія, *мниха и пресвитера, игумена обители Пантократоровы*, на преданіе Господа Бога и Спаса нашего І. Христа, и о Іюдѣ, и на иже опрѣснокы приносящихъ таинствомъ, и о сребролюбіи“. А верху этого слова тою же рукою по страницамъ помѣчено: „Григор. *Самблака* въ велик. четверт.“.. Въ началѣ же Сборника, въ общемъ оглавленіи статей, тою же рукою написано: „слово Григорія *Россійска* о опресноцѣхъ“. Въ Сборн. Толстов. библ. отд. I, № 256, слово это озаглавлено: „Григорія, *игумена Пантократоровой обители*, на преданіе Господа и Бога и Спаса нашего“.... и проч.

па, а прямо начинаетъ говорить о тѣхъ великихъ событіяхъ, которыя совершились въ этотъ день. Оно состоитъ изъ трехъ частей: въ первой ораторъ бесѣдуетъ о преданіи нашего Господа І. Христа Іудою Искаріотскимъ; во второй— объ установленіи Господомъ таинства евхаристіи, при чемъ сильно возстаетъ противъ Латинянъ за употребленіе ими опрѣсноковъ; въ третьей, составляющей какбы нравственное приложеніе первой части, возбуждаетъ милосердіе и порицаетъ сребролюбіе, которое и погубило несчастнаго Іуду. При составленіи этого слова Григорій Самвлакъ, несомнѣнно, находился подъ вліяніемъ подобнаго же слова въ великій четвертокъ Златоустова, откуда и заимствовалъ нѣкоторыя мысли ([3]); но, не смотря на то, вполнѣ сохранилъ характеръ самостоятельности какъ въ порядкѣ и раскрытіи, такъ и въ изложеніи своей проповѣди. Эту проповѣдь мы представили цѣликомъ въ самомъ текстѣ нашей исторіи.

3. Къ числу лучшихъ надобно отнести и слово Григорія Самвлака въ великій пятокъ ([4]): по мѣстамъ оно исполнено истиннаго одушевленія и священной поэзіи, хотя вообще очень растянуто. Въ словѣ этомъ можно различать двѣ половины.

Въ первой—проповѣдникъ разсматриваетъ самое распятіе нашего Господа,—и сначала выражаетъ изумленіе и ужасъ предъ величіемъ событія, предъ слѣпотою, неблагодарностію и ожесточеніемъ Іудеевъ. «Моисей великій онъ, иже море раздѣливый, иже Египетъ казнивый, иже Фараона потопивый, духомъ пророчя бюдущая: *узрите*, рече, *животъ вашь предъ очима вашима*

([3]) См. *св. Іоанна Златоустаго* „Бесѣд. о предательствѣ Іуды, о пасхѣ, о пріобщеніи Таинъ и о забвеніи обидъ, говор. въ святый и великій четвертокъ“,—напеч. по-русски въ Хр. Чтеніи 1824, XIV, 3—29.

([4]) Въ Сборн. Новг. Соф. библ. № 524, л. 246, и въ Сборн. Импер. Публ. библ. отд. I, in F., № 250, слово это надписано: „Въ святый великій пятокъ Григорія, *мниха и пресвитера*, *игумена обители Пантократоровы*, о еже: *узрите животъ вашъ*, *висящь предъ очима вашима*, и на еретикы, и о еже: *жено*, *се Сынъ твой*, и къ ученику: *се мати твоя*,—въ распятіе Господа и Бога и Спаса нашего І. Христа“. Но въ Новгор. Сборникѣ и надъ этимъ словомъ по страницамъ помѣщено: „Григорія *Самвлака*“, а въ общемъ оглавленіи статей: „слово Григорія *Россійска*“.

висящь. И се днесь исплънися, Господу славы на крестѣ висящу! Ужаснися небо, и земля основаніа потряси: яко иже васъ в началѣ сътворивый посредѣ вселенныя на крестѣ плотію стражеть; иже морю положивый предѣлъ пѣсокъ гвоздми пригвождяется; иже Адама създавый отъ рабовъ на смерть осуждается, отъ рабовъ неблагодарныхъ, отъ рабовъ невѣрныхъ, отъ рабовъ законопреступныхъ. О дивныхъ вещей! о ужасныхъ тайнествъ! Отъ христоубійць жидовъ тръпить волею Благодатель, иже тѣхъ праотца отъ работы избавлей горкыя, иже тѣмь чермьную глубину на сушу преложивый, и иже тѣхъ наставлей столпомъ огненомъ,—ихже въ пустыни препита лѣтъ четыридесяте пищею готовою и безтрудною, имже Мерру услади ис камени источивый воду, имже законъ дасть, явлейся на горѣ, и землю обѣтованіа предасть в наслѣдіе. *Узрите животъ вашь висящь предъ очима вашима.* Узрѣша богоубійца Іудеи, тщаніе на дѣло изведши, свой животъ предъ тѣхъ очима висящь».... и т. д. Потомъ проповѣдникъ изображаетъ, какъ вся тварь сочувствовала страждущему Господу и готова была возстать противъ распинателей: «Кто не удивится крайнему длъготръпѣнію Владычню? Кто не ужаснется, пріемь въ умъ, яже тогда дѣавшаася отъ неразумныхъ людій? Како сътръпѣшя мысленыя силы таковое смѣаніе безаконныхъ? Како млъчаніемъ пренесоша стихыя дрьзаемое? Како нераступився, пожреть земля тако досаждающихъ Избавителю, яко же иногда сѣни купно и сродства всего Кореова събора ради еже на Моусеа роптаніа? И слъньце убо померче, и луна въ мракъ преложися: жестокосердечный же Іизраиль в чювьство не прихождааше милости, и одушевленаа тварь бездушныя бѣаше нечювьственѣйши. И каменіе распадаашеся, състражда Зижителю: пророкоубійственный же съборъ и господоубійственъ нарещися спѣшааше. Сего ради всяка тварь, съ страхомъ измѣняющися, подвигнутися готова бяше, котораяждо по своему естьству, казнити безаконныя: небо свыше, якоже пращами, громы и млъніами, и каменіемъ граднымъ, побивати досадителя, солнце же и луна и звѣзды и прочее огня естьство—трѣскновеніа пламенемъ поядати; въздухъ сгущеніемъ задавливати; земля зинувъ пожирати; море, расторгъ предѣлы, пѣскомъ потопляти и вторый

потопъ съдѣловати всякой плоти. Но не оставляше сихъ в дѣло изыти вседѣйственная Распятаго сила, понеже смотреніе бяше съвершаемое. Но и премирныя аггелькыя силы вся, приникше свыше, къ отмщенію оставитися моляху Господа славы: остави, Владыко, глаголюще, остави, да въскорѣ судъ нанесемъ злосмертному роду, иже толико облагодѣтельствованному и в толико суровьство исшедшему. Тебе, непостижимаго Бога нашего, смерти осудиша! Сіа ли суть въздааніа, яко вся видимая и невидимая тѣхъ ради уготова! Сіа ли тебѣ въздають, яко отъ персти тѣхъ създа, и рай дарова, насадивъ на въстоцѣхъ? Сіа ли, яко суща тѣмъ въ дѣланіе и пищу управи?»... и проч. Наконецъ, проповѣдникъ вооружается противъ еретиковъ и, снося пророчества о распятіи Господа и Евангельскія сказанія, доказываетъ, что Онъ есть и совершенный Богъ и совершенный человѣкъ: «О бесмертное и бестрастное естьство Божественое! Но слава длъготерпѣнію Твоему и неизреченному смотрѣнію: вся бо хощеши обновити крестомъ и страстію Ти. О сем бо смотрѣніи глаголааше Давидъ въ псалмѣ: *възшелъ еси на высоту*, *плѣнилъ еси плѣнъ*, *приялъ еси дааніе въ человѣцѣхъ*. О семъ възнесеніи Ісаіа възывааше: *се разумѣеть отрокъ мой*, *и възнесется*, *и прославится*, *и възнесется зѣло; имже образомъ удивятся мнози о тебѣ*, *сице обезславится отъ человѣкъ видѣніе твое и слава твоя отъ сыновъ человѣчьскыхъ*, и пакы: *нѣсть видѣніа его*, *ни славы*, *и видѣхомъ его*, *и не имяше видѣніа*, *ни доброты*, *но видѣніе его бесчестно*, *измезновено отъ сыновъ человѣчьскихъ. Человѣкъ въ язвѣ сый*, *вѣдый тръпѣти болѣзни.* Да постыдятся иже божеству страсть прилагающеи, и пакы—иже худа человѣка глаголющеи Господа: единымъ бо симъ верженіемъ пророкъ, иже отъ обоюду стояща ереси, низложи. Еже бо рещи: *человѣкъ въ язвѣ сый*, человѣчьству страдати устави; а еже: *вѣдый тръпѣти болѣзни*, си рече, вѣдяше вся хотящая быти. Бога бо есть единого, вѣдящаго яже прежде бытіа,—его же естьство бестрастно пребысть, тръпѣвши болѣзни съ единившойся тому по сътаву плоти. Но они, и отъ сего пророка обличаеми, къ истинѣ слѣпотующимъ, и свою ересь съставити хотяще, на ино прибѣгають. Добрѣ бо отъ Господа реченное, злѣ же отъ нихъ приемлемое:

и аще не худъ бѣ человѣкъ, рече, како моляшеся, яко оставленъ, глаголя: *Боже, Боже мой, въскую мя остави*? Мы же к нимь: аще не въскресе по третнемь дни, иже сіа рекый? Тако есть, якоже глаголеши еретике! Аще не каменіе распадеся, тому волею плотію стражущу? Аще не померкоша свѣтила? Аще не земля потрясеся? Аще не гроби отвръзошася, святыхъ тѣлеса жива издающе? Аще не тма бысть по всей земли, отъ шестаго часа до девятаго, о нейже чюдный прорекъ Амосъ: *и будеть в полудне тма, ни день, ни нощь и к вечеру свѣтъ*? Сіа о простѣ человѣцѣ и отъ случьшихся единомъ неключимо бѣ съдѣатися, аще не съвръшенъ въ обоихь быти хотяше Господь нашь, божествѣ глаголя и человѣчьствѣ».... и проч.

Во второй половинѣ слова проповѣдникъ излагаетъ главныя обстоятельства, послѣдовавшія за распятіемъ Господа. Тогда, какъ всѣ близкіе и знаемые оставили распятаго Іисуса и разбѣжались, приходятъ ко кресту Его Матерь Его съ двумя благочестивыми женами и возлюбленный Его ученикъ — Іоаннъ. И Пречистая, «раздѣляя матерскы сыновняя страсти», такъ изливаетъ свою скорбную душу: «Что страшное сіе и моима очима нестерпимое видѣніе, Владыко? Что всяку мысль и самыя солнечныа заря отемневающее чюдо, Сыну мой? Что недоумѣнное сіе таиньство, сладкый Іисусе? Не тръплю, Превъжделѣнне, зрѣти пречистыя твоя пригвождаемыя уды; не пріемлю нага видѣти, иже облакы одѣвающаго небесныя кругы. И Ты убо, неприкосновенный Свѣте, одѣваешися свѣтомь, яко ризою: воини же о одежди метають жребіа, еяже азъ руками исткахъ. И азъ растерзаюся ютробою: се ли есть престоль отца твоего Давида, Іисусе мой, его же Гавріилъ, небесный онъ воинъ, обѣтоваше отъ Бога датися Тебѣ? Нынѣ не яко царя, но яко злодѣя посредѣ двою разбойнику зрю. И единого убо с собою вводиши в рай, языкомъ носящаго образъ; сегоже долготръпиши хулящa, іудейскаго сувовьства знаменія носяща. Но ты, Жизнодавче, на высоцѣ посредѣ вселеныя древѣ, простеръ руцѣ, събрати хощеши языкы, и исцѣляеши простершаяся древле неудръжанно в раи къ снѣди древа рукы: азъ же печалію задавляюся. О зависти! вся иже отъ вѣка праведныя обходя, и моему коснуся сладчѣй-

шему Чаду. Но Онъ грѣха не сътвори, ни обрѣтеся лесть въ устѣхъ Его, и самъ предваривъ рече, завѣщавая ученикомъ завѣть новъ, яко *грядетъ міра сего князь, и въ мнѣ обрящетъ ничтоже*. Блаженна въ матерехъ Рахиль, понеже проданіе Іосіфово не видѣ: аз же ублажихся убо паче иже отъ вѣка бывшихъ матерей всѣхъ, такова рождьши Сына, иже Соломону премудрость давшаго, — но на плачь преложишамися блаженьства, не точію продана, но и прободаема зрящи Тебе, иже аггеломъ Царя..... О солнце! Състражди сладкому моему Чяду, въ мракъ оболкъся: уже бо помалѣ подъ землю зайдетъ свѣтъ моею очію. О луна! съпрятай лучя: уже бъ въ гробъ входитъ душа моея заря. Нынѣ събышася на мнѣ, яже ми Сімеонъ иногда, престаревыйся человѣкъ онъ, Духомъ прорече, егда по закону въ святилище възнесохъ Тя, иже святилищу Господа,—и сердце мое оружіе горко проходитъ. Гдѣ доброта твоя зайде, краснѣйшій отъ сыновъ человѣчьскыхъ? Гдѣ свѣтлость очію твоею, бездны иссушающее Око?».... Послѣ этого плача Богоматери, изложеннаго весьма обширно, и представляющаго въ одномъ мѣстѣ ту странность, что пресв. Дѣва приводитъ изреченіе св. апостола Павла, проповѣдникъ изъясняетъ слова Распятаго, сказанныя къ Ней: *жено, се сынъ Твой*, и сказанныя къ Іоанну: *се мати твоя*, выражаетъ подробнѣе, какъ много должна была страдать пречистая Дѣва при видѣ страждущаго на крестѣ и умирающаго своего Божественнаго Сына, представляетъ рѣчь Ея къ Іосифу Аримаѳейскому о снятіи со креста тѣла Іисусова, рѣчь Іосифа къ Пилату, плачь Іосифа при снятіи и погребеніи тѣла Господня и заключаетъ: «С нимже (Іосифомъ) и мы, искупленіи отъ законныа клятвы честною Ти кровію, покланяемся безстрастію ходатайственымъ Ти страстемъ и смерти волной, насъ оживльшой; цѣлуемже и крестъ и губу, и трость, и копіе, и гвоздіа съ багряницею, еюже поруганъ бысть Сладости церковнаа. Прилагаемъ к симъ устны, и очи, и сердца, и просимъ тридневное Ти въскресеніе видѣти, въ оставленіе, ихже съгрѣшаемъ Ти на кыйждо день, грѣховъ, и вѣчныхъ Твоихъ сподобитися благъ. Яко Тебѣ подобаетъ всяка слава, честь и поклоняніе, и великолѣпіе, съ безначялнымъ Ти Отцемъ, и пресвятымъ

и благымъ и животворящимъ Ти Духомъ, нынѣ и присно и в вѣкы вѣковъ, аминь».

Нельзя не замѣтить, что настоящее слово Григорія Самвлака, въ которомъ онъ влагаетъ длинныя рѣчи въ уста Богородицы, самаго Спасителя и Іосифа Аримаѳейскаго, живо напоминаетъ собою подобное же слово другаго нашего проповѣдника, Кирилла туровскаго, о снятіи тѣла Христова со креста, хотя и не содержитъ въ себѣ никакихъ заимствованій изъ этого послѣдняго слова.

4. Слово на Преображеніе Господне ([5]) начинается такъ: «Небесе подобна днесь устроися Ѳаворская гора, славы ради Спасовы, нынѣ явлъшеся на ней: Божества бо красоту изъобличиста на ней, иже и Пѣвецъ издалеча, плета пѣснь, глаголаше: *гора Божія*, *гора усыренная*, *гора тучная*, *гора*, *юже благоволи Богъ жити въ ней*. На ту бо вшед Владыка крестную произъявити тайну. На той воскресениа свѣтлость предпоказа. На той славу святыхъ предзнаменова. На той извести, яко живыми и мертвыми владаетъ. На той зависть Іудейскую обличи, и яко небо противенъ есть и научи. На той славу свою ученикомъ верховнѣйшимъ яви, яко да навыкнутъ, учителе хотяще быти вселенней». Далѣе проповѣдникъ сравниваетъ Ѳаворъ съ Араратомъ и находитъ, что первый славнѣе послѣдняго: потому что на Араратѣ остановился ковчегъ, а на Ѳаворѣ—самъ Господь, наведшій потопъ и спасшій отъ потопа остатокъ человѣческаго рода.

Послѣ такого приступа витія переходитъ къ изъясненію дневнаго Евангелія и посвящаетъ ему всю свою послѣдующую бесѣду. Главныя черты изъясненія позаимствованы у св. Іоанна Дамаскина ([6]), кромѣ слѣдующихъ словъ, направленныхъ противъ лжеученія Акиндинова, которыя мы потому и приведемъ:

([5]) а) Библ. Толстов. отд. I, № 306: „Григорія, *игумена обители Пантократоровы*, слово на преображеніе Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа"; б) Библ. Толстов. отд. II, № 205: „Григорія *Россійска* на преображеніе Господа".

([6]) См. Слово его на преславное преображеніе Господа нашего Іисуса Христа, въ Хр. Чтеніи 1842, II, 166.

«*Просвѣтися лице Его яко солнце, ризы же быша бѣлы, яко свѣтъ*. И здѣ свѣтъ не рече свѣтъ суще, яко да не вмѣниши созданнаго свѣта бѣлость ризамъ, и просвѣтение Владычняго лица солнечныя зара блѣсокъ, но вспомянеши на лица падшая ученикы, отъ еже не терпѣти несозданнаго онаго и божественнаго естества лучи, отъ пречистыя Господня плоти изскачающая, елико взможно быше стерпети боговидцемъ. Ниже взможе Еванъгелистъ другое свѣтило обрѣсти свѣтлѣйши къ изъявленію, ниже бо отъ видимыхъ солнца свѣтлѣйши. Аще бо обрал (обрѣлъ) что иное свѣтлѣйшее, не реклъ бы, яко солнце, или яко свѣтъ, но яко се или оно. Еже и Марко исправляя рече: *ризы Его быша блещащася бѣлы зѣло, яко снѣгъ*, яковыхъ не можетъ бѣлилникъ убѣлити на земли. Зриши ли, како отъ преумноженна Евангелисты скверныя еретикомъ, яко же нѣкоторыи пуще мечеве, языки пресепаютъ? Еже бо реши: *яко солнце* и *яко свѣтъ*, и еже—*видѣніе его ино и одияние его бѣло блистаяся*, и еже—*ризы его блещащася бѣлы зѣло, яко снѣгъ*, и таже яковыхъ же не можетъ бѣлилникъ убѣлити на землѣ, и еже ученикомъ на земли божественно являетъ и присносущно сияние свѣта онаго. Всегда бо созданнаго на службу свѣта видим и къ самому солнечному кругу опираемъ очи, и ничто же таково страждемъ, яко бо пострадша свѣтіи они, не возмогше и вещи суще невещественнаго причастіе вмѣстити. Таже о славѣ будущаго воскресенія ввѣрено бяше творимое, егда солнцу, якоже Господь рече, померкнути нужда, лунѣ не дати свѣта своего, звѣздамъ же яко листвію спаднути, егда праведницы просіяютъ паче солнца. И какая бяше нужда, рцы ми, о будущей славѣ взирающу временная тогда и погибающая в среду приводити? Но окаянныхъ Акинъдианы таковая умышления».

5. Слово въ день Воздвиженія честнаго креста (7), отъ начала

(7) а) Новгор. Соф. библ., Макар. Чети-Мин. за Сентябрь подъ 14 числомъ: „Григорія, *архіепископа Россійскаго*, слово на воздвиженіе честнаго креста“. . .; б) Румянц. Муз. № 437— „Григорія, *архіепископа Россійскаго*, слово на воздвиженіе честнаго креста“.

до конца, есть одна непрерывная и вдохновенная рѣчь о силѣ и дѣйствіяхъ креста Христова.

Прежде всего проповѣдникъ изображаетъ эти дѣйствія въ общихъ чертахъ, но дѣйствія главныя, относящіяся непосредственно къ нашему искупленію. «Возносится днесь крестъ, и плѣняется адъ, и поклоняется Христосъ. Сіе бо Давидъ съ веселіемъ поя издалеча, пророчествуяше глаголя: *вшелъ еси на высоту, плѣнилъ еси плѣнъ, пріалъ еси даанiе во человѣцѣхъ.* Крестъ возносится: и царьствуетъ распятый; крестъ возносится: и родъ Іудейскый погыбаетъ,—кровь бо Господня, яже на себе призваша, глаголюще: *кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ*, уже тѣхъ постиже. Крестъ возносится: и торжествуетъ христіанскій родъ. Крестъ возносится: и совозносить землю, еяже посреди водруженъ бысть. Крестъ возносится: и бываютъ вся нова. Крестъ возносится: и четвероконечный міръ собираетъ. Крестъ возносится: и небеса земля соединяется: тому бо посреди сихъ обоихъ ставшу, падеся средостѣніе. Да пріидеть Адамъ съ праматерію и съ нами да возносить его и со Давидомъ вопіеть: *возносите Господа Бога нашего и покланяйтеся подножію ногу его, яко святъ есть.* Да веселится, объемля его; да величаетъ славу его, да проповѣдуетъ силу его, да исповѣдуетъ спасеніе его,— иже древа ради изъ раа изгнанъ бысть и нетлѣнныа одежда обнаженъ, и въ потѣ лица своего хлѣбъ снѣдати осужденъ и послѣднее знаменіе в землю возвращатися отъ неяже взятъ быхъ.... О чюдесе! Тамо древо и здѣ древо: оно посреди рая, и се посреди земля; и оно убо зелено и благорасленo, и листіемъ украшено, и плодомъ угобзено, и плодомъ привлачающимъ очіи, поджигающимъ желаніемъ; добрѣ бо бяше насаждено, аще добрѣ потребоватися хотящимъ; но преслушаніе введе, но смерть исходатаи, но роду клятву нанесе. Сіе же невлажное, сухое, дѣланное, — но благословеніе нанесе, но безсмертіе дарова, но преслушаніе исправи. Елма бо убо гордыни и прослушаніе всѣмъ злымъ и смерти виновна бывши, смиреніемъ и послушаніемъ Христовымъ вся блага и животъ вводится, да спротивными спротивнаа праведно низложатся. Имиже со суда діаволъ надъ человѣки воца-

рися, тѣмже паки и царства да изгнанъ будетъ и смѣху да преданъ будетъ»... и такъ далѣе.

Потомъ витія указываетъ различные образы креста какъ во внѣшней природѣ, такъ особенно бывшіе въ церкви ветхозавѣтной, которые, будучи только образами креста, являютъ однакожъ или являли спасительныя дѣйствія. «И зри, како не токмо вображаемь и носимь спасаеть всекрѣкый, но и просто образа его виды спасительни бываютъ. Вселеннаа бо четырьми конци описуется, и четырьми стихіами человѣческое естество составляется; четырьми времены кругъ лѣту вѣнчавается и четырьми вѣтры вселеннаа прохлажается. Но и человѣчьское видѣніе креста подобіе носить: сего ради Боговидець онъ собою того прообрази на горѣ, внегда побѣждати Амалика, простертиемь руку на высоту. Но и корабляный катарть, без него же безбѣдно невозможно плавати, пучину крестообразно стоить, рогама, якоже нѣкоторыма крылома горѣ, надъ волнами держа корабль и неоставляа тяготы ради погрузитися. Что же ли нарицаемаа тропі, о нейже все ставленіе корабленое содержится, не потомужде ли креста виду согвождена есть? Тѣмже и сама всегда въ водахъ, рыбѣ подобно, плаваа неисходнѣ, прочее корабля всеи людіе бремя на себѣ нося немокрено водами храня. Аще же и кивотъ завѣта испытаеши: по томужде образу устроенъ обрящеши. Такоже и храмъ, и жертвеникъ, и рога, яже на олтари,—вся четвероуглена, креста сладкое видѣніе являющи: и ниединоже сихъ тще и всуе бываема, но вся ко спасенію ключима, вся по неисчетеной и сильной Божіи премудрости дѣйствуема, по блаженому паки Павлу, къ Ефисеомъ пишющю: *да возможете постигнути со всъми святыми, что широта, и долгота, и глубина, и высота, разумъти же преспъющей разумъ любве Христовы, да исполнитеся во всяко исполненіе Божіе*. Сего и во благословеніи внуковъ великій онъ патріархъ прояви преложши руку: яко бо юнѣйшаго внука, отъ лѣвыа бедры поставлена ощюти, старѣйшаго же — одесную, прелагаеть духомъ руки крестообразнѣ и десною касается главѣ юного благословляя..... Сего образъ и во Чермнемъ сотвори превеликое чюдо, пресѣкъ непресѣцаемо естьство.... Сего Елисей проназнаменова, внегда древомъ извѣсти

изъ глубины железное естество.... И что ми креста, яже отъ пророкъ, исчитати образы и гаданіа? Саміи серафими, царьскаго оного престола и превознесеннаго служителіе и предстателіе, сего образу тайно научиша великаго Исаіа, внегда лица и ноги закрывати прочима крилома, среднима же летати,—и познавше пророкъ креста таинство.... Мѣдную ону въ пустыни змію Моисій воздвиже внегда людемъ вредитися отъ змій. О чюдеси! Мѣдныи зміа, недвижимыа, нечувственое воздвиженіе живыхъ и ядовитыхъ змій вредъ потребляаше—единѣмь токмо на ня возрѣніемь. Да аще образъ креста толико спасителенъ: какова самаа истинна, яже небо и землю и воздухъ исподняа исполни силою! Видиша бо вси, иже во адѣ отъ вѣка, того видѣша силу, внегда вереямь и вратомъ мѣднымъ отъ лица его сокрушатися; видѣша разбойника, крестомъ в раи ликовствующа; видѣша пламенное оружіе, отлучаемо и входа небраняющее иже крестъ носящимъ».

Наконецъ святитель перечисляетъ нѣкоторыя спасительныя дѣйствія креста, извѣстныя изъ исторіи Церкви новозавѣтной. «Такова креста дарованіа! Такови плодови Голгофиньскаго древа! Сего царіе благочестивіи держаще, сопротивныа полки побѣждають: скипетрь бо есть небеснаго Царя, имже все воиньство гордаго низложися, и адова твердыня раззорися. Симъ небо украсися, внегда звѣзднымъ видомъ того показати блаженному оному и первому во царѣхъ Костянтину: с нимъ Персы и Парфы, и Миды, и колесничныа Скифы побѣди, и предѣлы распространи христіанскыа. Крестомъ Святителие, иже Апостоломъ пріемници, бѣсомъ жертвища, ова убо отъ самыхъ основаній развратиша, ова же затвориша, и яже въ нихъ дѣйствуа прелести силу затвориша, крѣпость прочее не имѣти, ниже простиратися на пагубу человѣкомъ, запретивше, и слово истинное распространивше, доброе приемьство благодати въ роды родовъ преподавающа, и церкви составляющи во славу Троици, имже крестъ утверженіе. Крестомъ Мученицы вооруживщеся и сташа, мужески сопротивлшеся прельсти, и свѣдетели бывающе истинни и непобѣдими. Чюдо—зрѣти же и слышати толикихъ лѣтъ прельстъ, толикихъ временъ басенныа лжа, толикаа изобрѣтеніа бѣсовскіа хитрости— единѣмъ истиннымъ словомъ разоряема, и безгласію пре-

даема.... Сего и иже на земли ангели, иноци глаголю любомудрени, и наставника, и хранителя, и оружіе, и пищю, и питіе, и одежду имуть. Того бо любовию вземше, повелѣніе Господне послушавъше, глаголющее: *иже аще не возметъ крестъ свой и послѣдуетъ ми, нѣсть мнѣ достоинъ*, ставляеми суть ангельской ретитися жизни, и токмо по плоти обложениемь славы онѣхъ остаяти.... Оружіе же тѣмъ есть: понеже, на нь надѣющеся, исходятъ на мысленнаа боренія, и вся рати, и вся прилоги, вся ополченія, въ мысли состоящаяся, побѣждають, низлагають. Той бо тѣмъ хоругва, и копіо, и щитъ, и мечь, и лукъ, и тулъ, исполнен̃ь благополучныхъ стрѣлъ, и броня, и шлемъ».... и т. д.

6. Приступъ слова на Рождество Пресв. Богородицы ([8]) запечатлѣнъ особенною торжественностію. Здѣсь, съ одной стороны, выражается чувство живѣйшей радости по случаю рожденія Пресв. Дѣвы Маріи, а съ другой—ублажаются родители Ея Іоакимъ и Анна. «Да предначинаеть настоящему торжеству Давидъ-Богоотецъ, созываа тварь всю къ веселію, и да играеть, ударяа въ гусли! Се бо кивоть происходитъ упокоенія Божія, и престолъ готовится, хотяй подьяти Царя Іизраилева. И да поеть псаломскыа воздвижа гласы: *слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и домъ отца твоего, и вождељеть царь добротњ твоей*. Да радуетжеся Іоакимь и Анна: яко родиша намь хотящую паче слова Зижителя ражати, хотящую бывати человѣкомъ къ Богу залогъ, хотящую Бога ко человѣкомъ примирити; яко израстиша намь отъ неплодныхъ боку живоносную вѣтвь; яко прозябоша намъ отъ сухаго корене садъ Богоданьный, хотящій плодоносити миръ Іизраилю и спасеніе языкомъ. Да веселится и первый онъ человѣкъ Адамъ: яко родися того внука, упразднити хотящаа пламенное оружіе; не ктому стрещи врата едему; не ктому затворена тому будуть врата райскаа вожделѣннаго оного и божественаг̃о жилища; не ктому змій, тамо позавидѣвый ангельской оной и безсмертной

([8]) Новгор. Соф. библ., Чети-Мин. Макар. за сентябрь подъ 8 числомъ: „Григорія, *мниха* и *презвитера*, слово на всечестное рождество Пресв. Владычицы нашея Богородицы“.

жизни; не ктому листвіе смоковное преступленіа опоясаніа нелѣпое, и не ктому терніе и волчьца осужена будеть тому приносити земля, ниже проклята быти въ дѣлехъ его, или въ потѣ лица своего снѣдати хлѣбъ,—и не услышитъ прочее: *яко земля еси и въ землю пойдеши.* Вся бо сіа на благо преложи рождешіася Всецарица: рай отверзе, зміа прогна, одежду раздра преступленіа, терніе и волчьца искорени, клятву потреби, благословеніе распростреть, хлѣбъ небесный и Христа предложи, отъ него же ядущеи не умираемь, и не въ землю отходити, но на небо преселятися устрои. И простой всякой твари радость возвѣщаеть своимъ рождествомъ Богоотроковица. Да срадуются Іоакиму колѣна Іизраилева: яко породи дщерь хотящую избавленіе родити дому Іаковлю. И Аннѣ да сликовствують матеря: яко достоить питательницу жизни нашеа. Блаженъ въ родителехъ онъ и въ плѣмени Іюдовѣ свѣтлѣйшій! Блаженна и ты въ матерехъ, богомудраа Анно, и плодъ чрева твоего благословенъ! Призрѣ Господь на смиреніе ваше, и на сѣтованіе ваше умилися, и молитвы услыша, отъятъ поношеніе безчадія, в ризу веселія облече благочадіемь, свѣтлитися сотвори и проявляти, а не крыти и плакати, красящимся ко храму приходити и дары приносити, а не возвращатися с дары болѣзненою душею и лица стыдѣніемъ. Даръ бо принесосте Господеви, небесъ высочайше, и самыхъ ангелъ без рассуженіа святѣйши. Паче всѣхъ человѣкъ ублажистеся, паче всѣхъ колѣнъ благословистеся, паче патріархъ и пророкъ возвеличистеся: отъ родовъ бо пронареченой, отъ пророкъ превозвѣщенной родителе бысте, всебогатіи, в няже вселится Богъ, расточенаа собрати Іизраилева и страстьми обетьшавшаа обновити человѣчество».

Во всей трактаціи, т. е. самой главной части слова проповѣдникъ перебираетъ разные прообразы Пресв. Богородицы, бывшіе въ ветхомъ завѣтѣ, каковы: ковчегъ Ноевъ, сѣнь Авраамова, лѣствица Іакова, купина Моусеева, переходъ чрезъ Чермное море, руно Гедеоново и проч., а за тѣмъ сводитъ разныя предсказанія о Ней и видѣнія пророковъ: Давида, Исаіи, Даніила, Аввакума и другихъ. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ этой части: «Ноевъ бо онъ ковчегъ, сохранивый сѣмя второму міру отъ все-

роднаго потопа онаго, сію (Марію) образоваше: спасе бо отъ потопа душевнаго не останокъ роду малъ, но всю вселеную. Но и сѣнь Авраамова сію сѣнописааше, являюще, яко на послѣдняя времена отъ сѣмене его вплотився Богъ съ человѣки поживеть... Но и купина она, явльшіася на горѣ Моусею, еяже убо и посреди и окрестъ пламень обвивааше, зеленѣйшу же и младѣйшу сохраняаше, палительному огню на влажное прелагающуся,—что ино прописуаше, развѣ Богоотроковицю сію? Неопально бо пріять Божества огнь во естьствѣ тлѣнномъ, и нетлѣнно плоть тому отъ чистыхъ своихъ кровій заимствовахъ. И понеже безсмертію виновна хотяше бывати, изути сапогъ ногу своею повелѣвашеся пророкъ: яко святу сущу мѣсту, на немже стоаше.... Пріидемь отсюду на Гедеоново руно еже на гумнѣ пріимшее росу въ невремя росы, и узримъ гумно убо вселенную всю, руно же Марію, росу же Еммануила, прохладившаго естьство согорѣвшее Адамово. Отсюду преидемь на Давида и Соломона, и узримъ тамо явственнѣшаа о Ней пророченія. Что убо рече Давидъ? *Предста царица одесную тебе, въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна и преиспещрена*, подобающую честь Матери воздающу Сыну во славѣ своей деснаго предстоянія, позлащенныя же ризы превосходящая всяку мысль Божественныя славы дарованія. Достоаше бо таковаго Царя бывшей Матери спричастници быти славѣ сыновнѣй и царскими украшатися ризами чистоты.... Видимъ и Даніила,—мужа желаній, по премногу таковыхъ божественнымъ тайнамъ наученаго, и царемъ видѣнія рѣшающаго: что нарічеть непорочную сію Дѣву, внегда сказовати Вавилонскому царю видѣніе? Гору нѣкую высоку, отъ неяже безъ прикосновенія руки мужескія камень отсѣчеся, о немже камени учитель церковный вопіетъ Павелъ: *камень же бѣ Христосъ*, иже сокруши и истни образа оного, иже на поли, злато и сребро, и мѣдъ, и железо, и скудель, и возрасте и исполни вся земля».

Въ заключеніе витія обращается къ дщерямъ Іерусалимскимъ и взываетъ: «Дщере Іерусалимскія! Взыграйте и во слѣдъ Ея потечете; начните со Давидомъ въ тимпани и лици псаломское оно пѣніе поюще: *приведутся царю дѣвы во слѣдъ ея, искренняя ея приведутся тебѣ, приведутся въ веселіе и радость, приведутся*

въ церковь цареву. Се бо церкви царева, въ нюже великій внидеть Святитель, оцищеніе устроя Іизраилево. И, дѣвы, восплещете: се бо произходить дѣвая и Мати Царева. Отроковица, веселитеся,—Богоотроковицю свѣтлу срѣтающе. Обыдете Ея, ликъ составите о Ней и дѣвственыа вѣнца исплетайте Ей: Табо есть одръ Соломоновъ, его же шестьдесятъ окружаху сіаній, вси вооружени мечи опоясани. Возвысите гласъ сію восхваляюще.... Вопросимъ васъ, Сіоненкы юныа, аще вѣсте, вопросимь васъ: кто сіа явышіася и отъ котораго рода? Вѣмы, рече, отъ пѣсней Степеныхъ навыкше: се слышахомъ ю во Еѳранѳѣ, обрѣтохомъ я въ полехъ дубравы, слышахомъ я, рече, человѣчьскаго роду сущу, семене Давидова, пророческаго и царьскаго, и отъ Виѳлеема града Егова».... и проч.

Разсмотрѣвъ шесть словъ Григорія Самвлака изъ числа осьми на праздники Господни и Богородичные, мы опускаемъ безъ разбора два остальныя слова, какъ не бывшія у насъ подъ руками: слово на Вознесеніе Господне (9) и слово въ день Успенія Пресв. Богородицы (10), и переходимъ ко второму отдѣлу сочиненій нашего автора.

II. Слова на праздники Святыхъ.

Къ этому отдѣлу относятся слова, большею частію, похвальныя, и именно: 1) похвальное св. пророку Иліѣ, 2) на рождество св. Іоанна Крестителя, 3) на усѣкновеніе главы св. Іоанна Крестителя, 4) похвальное св. апостоламъ Петру и Павлу, 5) похвальное св. великомученику Георгію, 6) похвальное св. великомученику Димитрію и 7) похвальное св. сорока мученикамъ.

1. Похвальное слово св. пророку Иліѣ (11) изображаетъ, какъ

(9) а) Библ. Толстов. отд. I, № 106—„Григорія, *епископа Россійска*, на вознесеніе Господа"…. б) Румянц. Муз. № 437—„Григорія, *епископа Россійска*, на славное вознесеніе"...

(10) а) Библ. Толст. отд. II, № 205—„Григорія *Россійска* слово на успеніе Божія Матери"... б) Румянц. Муз.—„Григорія, *архіепископа Россійскаго*, слово на всечестное преставленіе преславныя Владычицы и Богородицы".

(11) а) Публич. Библ. отд. I, in F., № 242.—„слово *святаго* Григорія, *мниха—презвитера и игумена обители Пантократоровы*, св. пророку Иліи Бого-

и естественно, жизнь, отличительныя свойства и дѣянія великаго пророка.

Въ приступѣ все это излагается кратко, общими чертами: «Пророци оубо вси въплощеніе Единороднаго послани быша жестосердному проповѣдати Іизраилю. Илиа же къ Іизраилю посланъ бысть, по второму Его пришествію предотечя съхраненъ бысть, за еже проповѣдати, якоже о убо при дверехъ Владычнихъ приходъ и лукаваго предсказати мечтательное и лукавое царство, антихристово глаголя,—о немъ же къ Июдѣомъ глаголаша Спасъ: *азъ пріидохъ о имени отца моего: и не приемлете меня; аще же инъ пріидетъ о своемъ имени, сего пріемлете с радостію.* Іліа, видѣвый Бога на Хоривѣ иногда въ гласѣ хлада тонка, сѣни служа закона, и пакы той въ благодати плодоносяща оузрѣ на Фаворстѣй горѣ, и третее чяя и оувидѣти и оусрѣсти на облацѣхъ съ славою грядуща Судію живымъ и мертвымъ. Илія гражанинъ горы Кармиловы, заеже единъ единому сбесѣдовати; послѣдний мученикъ въ пророцехъ, яко во апостолѣхъ Стефанъ первый. Иліа Езавелинъ потребитель, якоже Креститель Иродиядінъ; иже ключя положивый небу по обычаю не напояти земли, иже огнь съ небеси молитвою низведе, и студныя священникы студа исполнь; егоже горьсть мукы Сареѳътанина вдовица не оумалися и малый чванець масла не оскудѣ; его же молитвою тоя отрокъ оумрый въскресе, и въсприятъ жена отъ въскресеніа мертваго своего, якоже премудрый апостолъ рече. Иже аще хощеть, да яже о немъ въкратцѣ въсприемши, ваший любви скажемъ».

Въ трактаціи слова проповѣдникъ излагаетъ дѣянія пророка въ трехъ частныхъ отдѣлахъ.

Въ первомъ повѣствуетъ, какъ Илія обличилъ нечестіе Ахаава и Іезавели, предсказалъ имъ гнѣвъ Божій и дѣйствительно ка-

видцу"; б) Публ. Библ. отд. I, in F., № 261—„Григорія, *мниха и презвитера и игумена Пантократоровы обители*, св. пророку и Боговидцу Иліи". Есть это слово подъ такимъ же названіемъ: в) библ. Толст. отд. I, № 806; г) въ Румянц. Муз. № 437; д) въ Сборн. моей библ. № 2, л. 176 об. и е) въ Сборн. моей библ. № 39, л. 219.

знилъ все царство ихъ страшнымъ бездождіемъ и засухою, а самъ удалился на гору Кармилъ, гдѣ получалъ пищу отъ врана. Любопытно замѣчаніе, сдѣланное на это послѣднее обстоятельство. «Что творитъ благокозненый Богъ? Врана посылаетъ на кійждый день—пищу тому приносити, яко да питаемъ отъ такова пища оумилится совѣсти того обличающи, и своеплемянному разрѣшитъ казнь, есть бо чядоненавистинъ сей птица. Егда бо родитъ яйца, сихъ грѣетъ въ гнѣздѣ, дондеже птенци оустроятся; егда же сихъ тако водитъ, оставляетъ сихъ безпромыслены тако изомрети, и самъ отлучается во иная мѣста; птенцижъ, гладомъ оудручаеми, зияютъ подвижющи оумиленно главы и гласъ испущающи горѣ зряще. Всякому же дыханію промышляй Богъ, посылаетъ отъ воздуха мухы—и нѣкыя, и тоя пищи достойныя, и приходящи сами влѣтаютъ в тѣхъ оуста; ти жъ сихъ поглотаютъ и питаются, дондеже възрастутъ и лѣтати возмогутъ. О сихъ глаша пророкъ: *дающему скотомъ пищу и птенцомъ врановымъ призывающимъ его*. Сего ради такова питателя посылаетъ Богъ пророку, яко глаголалъ бы к нему обличительнѣ: вижъ, како сей вранъ таковый лоукавый, чядоненавистный, дивий, нечистый, иже спасъшему его Ною отъ потопа иногда вѣру не съхранивый, како тебѣ работаетъ человѣку, не человѣкы токмо, но и скоты и птица оуморити хотящему, како хотя трудится о трапезѣ твоей, иже своя чяда презираяй. Таже аще инъ, своя презирая птица, обычаю служитъ своего рода, и еже отъ отца пострада, тожде и той птенцемъ въздаетъ, оному подобяся: ты же не подививъшися Авраамy и Моусею отцемъ своимъ, егда ово оубо глаголаше ко мнѣ о Содомлянехъ: *не погуби праведнаго с нечестивыми, и будетъ праведный яко нечестивъ, хотяй судити всей земли*. Моисей, егда хотѣ на водѣ пререканіа потребити люди, молящеся глаголя: *аще оубо хощеши сихъ помиловати, помилуй; аще ли же и меня с ними потреби*. Сего ради и ты состави томление. Да якоже ниже таковымъ образомъ прелагаше сей,—повелѣваетъ Богъ, и потокъ исше, отъ него же пророкъ піаше, ту пребываніе творя и страдаше».

Во второмъ отдѣлѣ изображаются пребываніе и чудеса пророка въ Сарептѣ Сидонской,—при чемъ, повѣствуя о воскрешеніи

Иліею сына Сарептской вдовицы, проповѣдникъ говоритъ: «и дунувъ на отрочища трижды, Троица таинество являетъ, и яко, кромѣ еже в ту исповѣданія, невозможно вѣчный получити животъ, призва Господа и рече: не презри прошение мое, аще и азъ преслушахъ повелѣвающу ти, да възвратится душа отрочища сего в онь; да прославится, рече, имя твое моего Господа и Бога въскресшу отроку твоимъ призваніемъ; да будетъ сей отрокъ начало въскресенія мертвымъ въ образъ твой, понеже и ты първенецъ изъ мертвыхъ будеши; да познаютъ вси, яко преступленіе оубо смерть исходатаи, твоя же благость — въскресеніе. Оутѣши вдовую, оу нея же азъ страньствую, ея же трапезы стыжусь, ея же служенія срамляюся, ею же чтомъ есмь, яко твой служитель, да не начало прихода моего радостно той, исходъ же послѣдняя исполнь печяли будеть, и да възвратится душа отрочища сего въ онь, да будетъ онъ проповѣдникъ преже Лазаря твоея власти, яко отъ мертвыхъ того въскреси и рукою моею рукамъ отдастъ матернимъ: и бысть тако»...

Въ третьемъ отдѣлѣ повѣствуется о новомъ пришествіи Иліи къ Ахаіву, о чудѣ, совершенномъ пророкомъ надъ жертвою, и низведеніи дождя, объ избіеніи Вааловыхъ жрецовъ и удаленіи пророка въ пустыню, о Хоривскомъ боговидѣніи и вознесеніи Иліи на небо. При этомъ въ созданіи жертвенника Иліею проповѣдникъ находитъ слѣдующія символическія прообразованія: «вземлетъ же, зижда жеръвенникъ, дванадесять камений, равночисленыи колѣномъ дванадесятіимь, патріархъ: мню образомъ симъ сердца людей Божіимъ жеръвамъ създавати чистымъ закономъ; зане и Давыдъ сердце чисто създатися в немъ Богови молися; но и дванадесять апостолъ таковое число назнаменоваетъ. Иліе же бескровный създа жертвеникъ, ископа окресть, рече, вмѣщеніе воды глубоко, яко да вода, обьстоя дрова и жертвы, преславно сътворитъ жертвы таинество, понеже и тайно не како явлеши и крещеніе баня и нашу жертву; но и водоносы апостолы непщую предсказывати, ибо оутра являеми дванадесять бываютъ: оудвойте, рече, но утропша, и пакы Троица трисоставное являетъ, якоже надъ мертвымъ отрокомъ дунувъ трищи»... А сказавъ о Хоривскомъ боговидѣніи, передаетъ такъ бесѣду Божію къ Иліи:

«Елма ты, Илія, человѣкъ жестокъ еси, Іизраилю съгрѣшающу трьпѣти не можеши, ниже человѣческыми страстьми преклоняешися,—первие не ключится тебѣ съ человѣкы жити; но звыди ты ко мнѣ, да азъ къ человѣкомъ сниду, измѣна да будетъ посреди насъ: да вьзыдетъ человѣкъ и да снидетъ Богъ. Азъ бо не Іизраиля единого, но всѣхъ языкъ неправды беззаконія зря и долготерпя крайныя ради благости, понеже человѣколюбецъ азъ и грѣхъ ихъ понесу, кромѣ грѣха тѣмъ оуподоблеся, рѣхъ бо Давиду: *аще оставитъ сынове твои завѣтъ мой, въ судахъ моихъ не пойдутъ, аще оправданія мои осквернятъ и заповѣди моя не съхранятъ: посѣщу жезломъ беззаконіа ихъ и ранами неправедныхъ*, — *милость же моя не разорю отъ нихъ*. Взыди ты съ плотію, да азъ сниду взяти плоть, безплотный; взыди ты на колесницѣ огненнѣй ко мнѣ да азъ к тебѣ сниду, якоже на руно дождь: ты яко въ трусѣ на небо, азъ же яко в тишинѣ на землю; ты горѣ яко да снидеши, азъ же долу яко да вьзыду, обоживъ въспріатіе. Азъ сниду,—елма ты не можеши въ богоразумія мрежахъ люди оудержати, и вселенную всю обоиму Петровою мрежею и тростію Ивановою».

Заключеніе слова, какъ и многихъ другихъ словъ Григорія Самвлака, весьма кратко: «Мы же, здѣ бывше, славу въздадимъ образы и вещьми тѣмь преславная съдѣлавшему Сыну Божію Господу нашему І. Христу, с Нимъ же безначялному Его Отцу слава и держава и покланеніе Отцу и Сыну и Святому Духу и нынѣ и присно и въ вѣкы и вѣковъ».

2. Слово на рождество св. Іоанна Предтечи ([12]), очень обширное, начинается выраженіемъ радости по случаю наступившаго торжества и краткою похвалою Крестителю Господню: «Креститель намъ днесь раждается, и кто не возрадуется? Предтеча намъ является, и кто не возвеселится? Воинъ царевъ предгрядетъ, и кто не притечеть? Гласъ Слова вопіеть, и кто не услышить? Вси

([12]) а) Новгор. Соф. библ., Чети-Мин. Макар. за іюнь—„Григорія, *мниха и презвитера* слово на рождество предтечи и крестителя Іоанна"; б) Рум. Муз. № 437—сь такимъ же заглавіемъ; в) Библ. Толст. отд. II, № 205—„Слово *архіепископа Россійска* Григорія на рождество Предтечи"....

усрѣтаемъ, вси радуемся, вси торжественная празднуемъ, и руцѣ простерше съ веселіемъ на пеленахъ того держати мнимся. Іоаннъ раждается, иже во пророцѣхъ большій и до его же пророчества: *вси бо*, рече, *пророци до Іоанна прорекоша.* Іоаннъ, ему же точенъ никто же вста въ рожденныхъ женами. Іоаннъ — предначинатель крещенія и составитель обрѣзанія. Іоаннъ, иже отъ пророковъ пророкъ, священническыхъ и престарившихся чреслъ священнѣйшая и младая отрасль неплодныа и старица, садъ богоданный и многоплодный. Іоаннъ—другій Илья пустыньства токмо образомъ, житіемъ же и достоиньствомъ и того и всѣхъ превшедый. Звѣзда, превозсіавающіа праведному солнцу; горлица пустыннаа, весну предвозвѣщевающіа спасительну; другъ Жениховъ, иже во чревѣ играя и въ пустыни вопіа: *покайтеся*, и во адѣ благовѣствуяй. Іоаннъ, иже отъ обѣтованія рожденный, иже роженіемъ своимъ отчее разрѣши безгласіе и матернее неплодіе».... и проч.

Самое слово состоитъ все изъ толкованія на дневное Евангеліе о рожденіи Іоанна Предтечи и обстоятельствахъ рожденія. Въ этомъ толкованіи проповѣдникъ то показываетъ смыслъ евангельскихъ сказаній, то дѣлаетъ имъ перифразъ и распространяетъ ихъ своими соображеніями, то обращается къ виновнику торжества св. Іоанну и снова восхваляетъ его. Напримѣръ: «мнози отъ обѣтованіа рождени быша и неплодныхъ матерей, но не многымъ даромъ, якоже Іоаннъ, сподобишася, ниже въ рожденныхъ женами больши свидѣтельствовани быша. Рожденъ бысть Исаакъ отъ старческыихъ Авраамлихъ чреслъ и неплодныа Сарры и отъ обѣтованія; рожденъ бысть и Сампсонъ, крѣпкій онъ въ человѣцѣхъ, отъ обѣтованія; подобно роди и Анна молитвеннаго плода Самуила. И Ісаакъ убо еже о немъ исполнитися обѣтованію даръ пріятъ, и еже царемъ отъ него изыти, отъ него же и Христосъ по плоти. Сампсонъ еже судити Израилю, еже Назорей быти, еже иноплеменники побѣждати. Самуилъ же отъ младеньства данъ быти Богови, еже помазовати царя, еже зватися зряй предняя. Іоаннъ же многимъ и великимъ даромъ таинникъ бысть отъ самыхъ началъ зачатія, отъ самыхъ матернихъ ложеснъ, еже Духа Святаго исполнитися прежде рожде-

ніа, еже пророкъ всѣхъ большему быти, еже ходатаю ветхаго и новаго завѣта, еже отъ Гавріила благовѣщену быти, еже всемірныя Радости предтечи явитися, еже уединенное и несмѣсное житіе, еже пустыня предпочести жестокая, еже паче человѣка пища имѣти, еже и проповѣдати покаяніе и крещати во Іерданѣ, исходящи къ нему всей Іудейской странѣ и Іерусалимской, еже познати во плоти крыющагося Бога, еже того показовати народомъ: *се агнецъ*, глаголя, *Божій*, *вземляй грѣхи міра*; еже рукою коснутися пречистому оному и нетлѣнному верху и въ рѣчныхъ погрузити струяхъ, еже Отечь гласъ слышати крещаемаго свидѣтельствующій, еже Духъ Святый видѣти чувственныма очима, яко голубь сходящь на Нь, еже люди учити подобающему крещеніа и покаяніа житію, еже чистоту законополагати и воины наказовати любомудрствовати и довольни быти своими оброкы, еже царя обличити беззаконнующа, еже не бѣгати Иродіады боялся, якоже Илья Іезавелина прещеніа четыридесяте дне и толикыхъ же нощій; еже съ дерзновеніемъ обличити приходящая Іудеа и исчадія ехиднина нарицати, еже въ темници мечемъ усѣчену быти и во адѣ благовѣстити чаемое избавленіе. Таковъ Елисаветинъ плодъ неплодныа старица!» И далѣе: «чтожъ къ нему ангелъ? *Не бойся*, *Захаріа*. Сице и къ Дѣвѣи рече: *не бойся*, *Маріамъ*, и женамъ у гроба явлейся ангелъ, *не бойтеся*, рече. Обычно сіе благому оному и безплотному естьству, еже первіе страхъ отгонити и тако благовѣстіе приносити, яко да прочее безмятежнѣ устроени бывше, сладцѣ пріиметъ благовѣствуемое. *Не бойся*, *Захаріа, понеже услышана молитва твоя и жена твоя родитъ тебѣ чадо*. Тоже не о еже молитись родити сына, но о людехъ услышана бысть молитва твоя; пріята бысть, рече, а не отриновена, якоже хотящихъ по тебѣ въ той бывати службѣ. Они бо егда воздѣютъ руки своя къ Богу, якоже Исаіемъ Господь глагола, отврати лице свое отъ нихъ, всесожженіа овенъ и тукъ агнечь и кровь юнецъ и козелъ не хощетъ, аще принесутъ семидалъ, суетно, ѳимьямъ мерзость Ему есть, новомѣсячіа и субботы ихъ и день великъ не терпитъ, посты и праздники ихъ ненавидитъ душа Его; аще умножатъ молитву, не послушаетъ: руцѣ бо ихъ исполнь будуть крове

Сына Его. Твоя же молитва услышана бысть, яже сотворилъ еси о себѣ и о людскыхъ невѣжествіихъ. И якоже Ааронъ первый въ сей службѣ бысть, тако и ты послѣдній тоя будеши: уже бо законъ, обетшавшій, изнемогшій, упокоити хощетъ, иже закону Господь. И не токмо молитва твоя услышана бысть, но и жена твоя родитъ тебѣ чадо, измѣнится и неплодства печали и поношеніе, иже отъ неплодіа; не къ тому сѣтованъ и поничущи на землю къ храму пріидеть явитися Господеви, но свѣтла и хвалящеся о благочадіи. *И наречеши имя ему* Іоаннъ: понеже не сѣни закона, якоже ты, по благодати Сына Божія служитель будетъ.... *Будетъ*, рече, *великъ предъ Богомъ*. О непостижимыхъ Божіихъ судьбахъ! О крайняго человѣколюбія! О величеству достоинства Іоаннова! Будетъ великъ предъ Богомъ. Ангели служебнии дуси, но не велици предъ Богомъ: тьмы бо ангелъ служатъ ему, якоже въ Даниле пишется, и тысяща архангелъ. Но и серафими не велики предъ Богомъ: являетжеся во Исаи лица и ноги закрывающе съ толицѣмъ страхомъ, съ толицѣмъ спрятаніемъ стояще окресть престола оного царскаго и превознесеннаго. О Іоаннѣ же тъ самый Гавріилъ, иже ангеломъ начальникъ, *будетъ*, рече, *великъ предъ Богомъ*. И въ лѣпоту такову достояше быти другу женихову!.... *Бысть*, рече, *яко услыша Елисаветъ целованіе Маріино*, *взыграся младенецъ во чревѣ еа*. Позна рабъ своего владыку, видѣ воинъ своего Царя, въ багряницу плоти облачащася, якоже въ чертозѣ коемъ ложеснъ Маріиныхъ, и весь нѣкако любо пряшеся ко исходу. Елма же сему время не у пришло бяше и языкъ не еще вѣщающь имяше. Играетъ убо во чревѣ, тому кланяяся, матери же даетъ своего языка даръ пророчествовати и почести Цареву матерь пришедшую. Аще бо онъ не взыгрался бы, Елисаветъ не исполнитися хотяше Духа Свята. Тѣмъ же яже отъ неа къ Маріи глаголи Іоаннови бяху. О чюдеси! Свершенъ пророкъ бяше, не еще чувства свершена имѣяй младенецъ, ниже еще на воздухъ дхнувъ! Кто видѣ или кто слыша младенца—пророка не на рукахъ, не въ пеленахъ, не отдоена, но въ чревѣ шестомѣсячна? Тогда бо и Духа Святаго исполнися, егда и возыграся,—а идѣже Духъ, вся совершена суть дѣйствомъ Его и недостаточная прелагаема

на совершеніе». Или еще: «*Отроча же растяше и крѣпляшеся духомъ и бѣ въ пустыняхъ до явленія его ко Израилю*: поелику бо тѣломъ растяше, и духовное дарованіе пріемляше, ращенію тѣлесному спротяжютися благодати, дондеже мужа свершена того возрасти и духовнаго устрои, и крѣпляше духомъ. Дивлюся, помышляа, и инъ отъ иного бываю, како отроча, матерняго сосца лишено, и пеленнаго одѣяніа, жестость стерпѣ пустынную! Но духъ тому съсецъ бяше, и одѣяніе, и прочаго попеченіа матерняго мѣсто исполняше, яко да непричастенъ будетъ иже въ мірѣ злобамъ, яко достойно вѣренъ будетъ отъ пустыня явься ко Израилю, яко да благопріятно будетъ его во свидѣтельство о Христѣ, яко да честенъ будетъ всѣмъ отъ крайняго пустыньства, отъ одіаніа, отъ нестяжаніа, отъ пища безпищныа, яко да обличителенъ будетъ, яко да не на лица зритъ. И достоитъ со многымъ опасьствомъ божественнаго оного мужа смотрити житіе, како въ естьствѣ человѣчестѣ бѣ и выше человѣка пребываніемъ зряшеся. Кая бо пища Іоанова? Верміе дубное и медъ дивій,—самоуготована трапеза, нетрудна, неотяготительна, не тучнѣющіа, не могущаа воевати на духовную крѣпость. Чтожъ питіе? Вода чистительнаа, быстраа, трезвеная, несмущающая надглавный мозгъ. Каково жъ одѣаніе? Вельбужіи власа,—любомудреное украшеніе, пустыннаа багряница, древнее прародителей одѣаніе. Чтожъ поясъ? Отъ кожа,—мужественое являа отсюду и еже въ подвизѣ быти всегда и дѣланіи, а не въ сластолюбіи и разслабленіи, и понеже кожа мертва животнаго есть часть, назнаменоваше о чреслѣхъ его стоя усьменый онъ поясъ, яко весь Христу живяше, мертвъ же бѣ отъ человѣческыхъ всѣхъ».

3. Слово въ день усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи([13]). Начало этого слова заимствовано, съ нѣкоторыми перемѣнами, изъ знаменитаго слова Златоустаго противъ Евдокіи: «Паки Иродіада бѣснуется».... И нашъ проповѣдникъ восклицаетъ: «Пакы Иродія (Іудея?) жадаетъ пророческія крове, пакы Иліи

([13]) а) Библ. Толст. отд. II, № 205—„Григорія, *архіепископа россійска*, на усекновеніе главы честнаго и славнаго пророка и предтечи и крестителя Іоанна"; б) Рум. Муз. № 437—съ такимъ же заглавіемъ.

ищетъ Езавель на смерть, пакы на колесницы гонитъ! И она убо, гоня, не постиже праведника: тоя же прелукавая внука беззаконнымъ прошеніемъ главу Предтечеву на блюдѣ посредѣ пира непреподобнаго носитися устрои, — главу, апостоломъ честную; главу, Отецъ (Отечь) гласъ слышавшую, и Сына крестившую и Святый Духъ видѣвшую»... и проч.

Упомянувъ потомъ объ Иродѣ и сообщивъ о немъ нѣсколько историческихъ замѣтокъ, проповѣдникъ обращается къ изъясненію дневнаго Евангелія объ убіеніи Предтечи. Это изъяненіе, составляющее содержаніе всей проповѣди, сдѣлано вообще по руководству св. Іоанна Златоуста, а толкованіе стиха: *и пославъ, усѣкну*.... даже буквально взято изъ проповѣди Златоустовой ([14]). Потому приводить отрывки изъ настоящаго слова считаемъ излишнимъ, кромѣ слѣдующаго, гдѣ Самвлакъ говоритъ отъ себя противъ дочери Иродіады и ея пляски: «егда подобающимъ дѣвамъ стыдѣніемъ и съ съпратонисомъ, еда благоуправлено ступая, и благоговѣйно зря, и благочинно вѣщая, егда умолити царя образы умильными и словесы премудрыми сущихъ въ темници свободити? Нѣсть се, нѣсть,—но плясати вниде (дочь Иродіады) и плясавши угоди Иродови. Таковыми таковии угождаеми бываютъ: блудныи страстными ухищреним веселятися. Что бо отъ иже страстей подвижущихъ, но творяше скверная она играница тогда, от еже плясати рукама обнаженныма до лактей или множае, и нѣкия гласы ухищренныя, паче неже естественныя, испущати и словеса подобная симъ прилагати и едино отъ обоихъ страсти творити взгорение, отъ еже извиватися и въскакати и главѣ семо и онамо обращатись и власовъ соединенію на многа раздѣлятися части. Яже вся беснующихся суть, а не целомудрствующихъ. О безстудныя оны! И дѣвамъ ли достоитъ играти тако и плясати посредѣ пира назирателей блудныхъ, или крытися и бѣгати со многимъ тщаніемъ и стыдѣніемъ?»....

Проповѣдь свою проповѣдникъ заключаетъ такъ: «люблю, аще

([14]) *Златоустаго* — Бесѣд. на усѣкновеніе главы Крестителя, въ Хр. Чт. 1837, III, 136—149.

кто отънеслъ и поставилъ бы мя тамо, да припад приложу лице ко святому оному праху и почерплю освященіе, благожелания не мало пріемъ исполнение—о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, ему же слава»..... и проч.

4. Слово похвальное св. апостоламъ Петру и Павлу ([15]) по объему своему есть самое обширное изъ всѣхъ словъ Григорія Самвлака, но не отличается ни отдѣлкою, ни послѣдовательностію. Много въ немъ восклицаній и разныхъ метафоръ, но мало жизни и теплоты чувства. Содержаніе слова—жизнь и подвиги первоверховныхъ апостоловъ. Для примѣра достаточнымъ считаемъ привести изъ него одинъ-два отрывка.

Вотъ начало слова: «Возсияша намъ днесь свѣтила великая и незаходимая, Церковь веселящая и вселенную просвѣщающая, Петръ и Павелъ, Троицѣ служебная двоица и избранная, лику апостольскому верховнии, полку учительскому изрядини, тму прогонителе и ко свѣту руководителе и царствія наслѣдницы, Евангелия проповѣдателе и вышнего Ерусалиму граждане, иже язви Господа Спаса на тѣлѣ носяще и отъ бѣсовъ уязвленыя цѣляще, врачеве великосочтенія уврачевавше посреде волковъ и волчее стремление отвращающе на овчую кротость, раздѣленая тѣлесы, а совокупленая духомъ и Евангелие ревностно же и течениемъ образомъ скончания. Петръ камень вѣры, послѣдовавый первѣе иныхъ Учителю, оставивый корабли и Церковь восприимый, повергій мрежа и Евангеліе распространивый, отринувый море и вселенную удержавый, иже рыбное ловленіе презревъ и человѣки ловити научився, — рече бо къ нимъ Спасъ: *грядите по мнѣ и сотворю васъ ловца человѣкомъ*. Петръ твердый основания камени церковнаго, Петръ, теплѣйшій во апостолѣхъ, иже со учителемъ и умрети и ради сего хваляйся. Петръ даже до двора Каиафина со Избавителемъ связаннымъ вниде. Коликими, рцы ми, стрѣлами скорби Петрово сердце уязвляемо бяше, тогда зрящу въ таковыхъ Господа? Аще бо и отвержеся, но явлей бяше отъ

([15]) Библ. Толст. отд. II, № 205—„Григорія, *архіепископа Россійскаго*, слово похвально св. и верховнымъ апостоломъ Петру и Павлу“; б) Рум. Муз. № 437—„Григорія, *мниха и презвитера*, слово“....

неже послѣдовати, отъ неже плакати по отверженіи, яко со Учителемъ усерденъ бѣ умрети. И осмотрительнѣ отверженію быти попусти Спасъ: ово убо человѣческую обличая немощь и нехвалитися наказуя, ово же и апостола милостива быти творяй согрѣшающимъ. Понеже предстательство тому даровати хотяще вселенныя и ключи вручати царствія небеснаго, да от иже самъ помилованъ бысть, щедръ будетъ согрѣшающимъ. И кто блаженнаго сего мужа словомъ, яже ко Учителю, представитъ любовь теплѣйшую? Въ Кесаріи бо Филиповѣ иногда бывшу Христу и вопрошающу ученики, на лучшая мудрованія ихъ возводящу: *кого мя глаголютъ человѣцы сына суща человѣческаго*,—они же рѣша: *Іоана Крестителя, инии же Илію, овии же Іеремію или единаго отъ пророкъ. Вы же кого мя глаголете быти*? Отвѣщава теплый Петръ, всѣмъ апостоломъ устроився языкъ: *ты еси*, рече, *Христосъ, Сынъ Бога живаго*. О блаженнаго языка онаго! О самыхъ небесъ высочайшаго мудрованія!»....

Вотъ объясненіе словъ Спасителя къ апостолу Петру: *любиши ли мя*.... «*Симоне Іонинъ*, рече Господь, *любиши ли мя паче сихъ*? Томужъ любити отвѣщавшу и того самаго любимаго свидѣтеля поставльшу любви: *паси агнца моя*, рече Спасъ. Таже паки второе: *Симоне Іонинъ, любиши ли мя*? И паки любити рекшу и тогожде поставльше свидѣтеля: *паси*, рече, *овца моя*. И не доволенъ бысть сими иже сердца и утробы испытуяй, но и третие приложи вопрошеніе: *Симоне Іонинъ, любиши ли мя*? Оскорблшу же ему ради множественнаго вопрошенія: *Господи, ты вся*, рече, *вѣси, ты вѣси, яко люблю тя*, — Ты вѣси, рече, яко и хвалился есмь умрети съ Тобою; Ты вѣси, яко и нынѣ готовъ есмь по Тебѣ умрети. Но якоже тогда предреклъ ми еси отверженіе никакоже поучаемое во мнѣ: тако и нынѣ отъ еже вопрошатися трижды мною нѣкое мое паденіе здѣ Ти всезрительному Ти оку хотящему мнѣ приключатися праведная. Се назнаменоваше Еуангелистъ глаголя: *оскорбѣ же Петръ, яко рече ему третие: любиши ли мя*. Еже *оскорбѣ*— убоявся рече. Обычно Божественному Писанію именемъ скорби страхъ назнаменовати, якоже и Давидъ въ страсѣ сый и подвизѣ, егда гонимъ бяше,—*скорби и бѣды обыдоша мя*, рече. *Паси овца*

моя: в пастырныя подвиги влагаю тя, рече, ихъ же ничтоже величайше, тѣмъ же еже о овцахъ твое попеченіе моея любви будетъ знамение. Азъ искупихъ ихъ моею кровію, ты же упаси ихъ своими поты. Сладокъ тобѣ буди иже о нихъ трудъ, ибо и азъ сладцѣ о нихъ умрохъ. Добрый бо пастырь душу свою полагаетъ за овцы. Такова Петрова любовь къ учителю и таковии чести отъ Него сподобись. Понеже таково и велико стадо принимаше и съ волки боротися хотяше, ихъ же полна бяше тогда вселенная. Ключимо бяше не нагу изъити, но одѣятися силою свыше, юже приятъ купно с прочимы апостолы».

Изъ этого послѣдняго отрывка видно, что русскій митрополитъ объяснялъ бесѣду Спасителя съ апостоломъ Петромъ (*любиши ли мя...*) согласно съ древними православными учителями, а не какъ толкуютъ ее нынѣшніе ревнители папства.

5. Слово похвальное св. великомученику Георгію ([16]) принадлежитъ къ числу лучшихъ словъ Григорія Самвлака, а въ ряду похвальныхъ должно быть поставлено по справедливости на первое мѣсто.

«Вчера, любимици,—такъ начинается слово,—свѣтлый въскресеніа празновахомъ празникъ, и днесь страстотръпца всемірное торжество. Вчера горкый и несытый попранъ бысть адъ, и съмерть оумерщвена бысть, и діаволъ постыдѣся: и днесь страстотерпець мучителя низложи, и врага посрами, и побѣды оувязеся вѣнцемъ. Вчера намъ владыка, еже на діавола одолѣніе постави, и діаволее моучительство разруши, и ради въскресеніа поуть намъ въ спасеніе дарова: и днесь мученикъ съ діаволомъ съплетъся и мужскы къ ополченію оустремився, на землю храборскы того низверже, и всю его супостатноую силу оубѣжати сътвори, и се ни щитомъ, ни копіемъ, ни бронями, ни шлемомъ, но назѣмъ тѣломъ и знаменіемъ креста. О сило креста! Ороужіа въполчаються, мечеве обнажаються, огнь претить, коло дръзаетъ, скары огнемъ изваряемы суть, все воиньство въ подвизѣ есть,—инаго тѣло съ знаменіемъ крестнымъ вся препобѣждаетъ...

([16]) Сборн. Новг. библ. въ листъ, № 528, л. 226. Снес. оглавл. Макар. Чети-Минеи за іюль, въ Чтен. Моск. Истор. Общ., годъ III, № 4, отд. IV, стр. 66.

Днесь, братіе, ангели играютъ и вся небесныя силы веселятся, человѣцы тръжествоуютъ, въздухъ очищается, рѣкы быстро теченіе истекаютъ, море оутишаеться, делфини играютъ, земля сады испущаетъ, сади цвѣти процвѣтаютъ и страстотерпець язвы, яко дары всѣхъ Владыцѣ приноситъ, всякъ праздноують Христову въскресенію, вся поклоняються, вся прославляютъ иже изъ мертвыхъ въсіавшаго. Да не кто Іудей здѣ, да не кто Еллинъ, да не Анна и Каіафа, да не Діоклетіанъ и Магнентіе; да възмется нечестивый и кождо ихъ, яко да не видитъ славы Господня. Сынове же Сіонови да възрадуются о Цари своемъ, да въсхвалятъ имя Его въ лицѣ, въ тимбанѣ и псалтири да поютъ Ему, овъ убо въскресеніа ради таинства, ово же ради съвозсіавшаго страстотерпца торжества. Не тако испещрена есть земля различными цвѣты, якоже страстотерпеское тѣло различными ранами. Не тако источници различнѣ истекаютъ, якоже мученика язвы кровныя струя. Въси оубо мученичьстіи подвизи прославлени и чюдимо есть всюду праведныхъ страданіе. Но идѣже обзорное приводится страстотръпца поприще, тамо и безгласный языкъ къ похвалѣ въздвижется. Кого бо не привлачи къ похвалѣ блаженный Георгіе, иже единѣмъ точію именемъ свой назнаменоваетъ санъ? Вси оубо мученици нареченіа имоутъ различна, но и Георгіе въздѣланъ Богомъ бысть; Георгіе, иже въ мученицѣхъ свѣтлый; Георгіе, въ бранѣхъ свѣтлѣйшій храборникъ; Георгіе, твердѣйшій адамантъ и душею и тѣломъ; Георгіе, въ бѣдахъ скорый предстатель. Видите ли, любимицы, каково постигохомъ торжество? Видите ли, какова съторжника стяжахомъ?»....

Въ трактаціи слова витія излагаетъ повѣствованіе о мученическомъ подвигѣ св. великомученика, но излагаетъ не какъ спокойный историкъ, а какъ вдохновенный ораторъ, съ силою и чувствомъ, дѣлаетъ отступленіе, замѣчанія, воззванія и под. Сказавъ, напримѣръ, что никакія пытки не могли поколебать вѣры св. Георгія, проповѣдникъ восклицаетъ: «О сокровище неотъемлемое стяжавшому тя! О сокровище вѣры, никымъ же навѣтоватися могущее! *Имамы бо*, рече, *скровище въ съсудѣхъ скудѣльныхъ*. О сокровище божественныя любви! Сіе сокровище

тщаатеся объяти діаволъ и слугы его, но и страдалець вѣрою непреклонимъ пребысть. И ни до сего доволни быша немысленни, но пакы горшаа раны отъ первыхъ приготоваютъ, сугоубы низводящаа капля отъ тѣлесе, овы оубо крове текущая, овы же плотъ таящая. Святый же на лѣствици, яко на одрѣ оукрашенѣ, и яко на цвѣтахъ, на югліѣхъ лежя бяше и аще съ сладостію бываемая зряше. Ты же, слышавъ лѣствицу мисленую, яже видѣ Іаковъ, досяжоущую до небесъ, внемли оубо съ опасьствомъ лѣствица и лѣствица: оною оубо съхождааху ангели, сію же оубо възыде мученикъ, на обою же оутвержаася Богъ». И спустя нѣсколько: «Два подвига и ополчени бѣша тамо видѣти: едино ополченіе мученичьско и другое мучительско, но ови оубо суть въоружени, овъ же назѣмъ тѣломъ одолѣваетъ и побѣда нагаго, а не въоруженныхъ бываетъ. Кто оубо не оудивиться? Біемый одолѣваетъ біющемоу, связанный—разрѣшенному, съжагаемый — съжагающому, оумираяй — оубивающему. И оубо на чювьственѣй брани воинства обоюду стоя ограждenна, свѣтящася оружіемъ, и землю озаряюща, и стрѣлы пущаемы соуть отъвсвуду, и многа въсоуду троупіа, якоже на жатвѣ класомъ, сице воиномъ другъ отъ друга низлагаемомъ. Сіа оубо аще и страшна, но и по естьствоу бываютъ; она же всяко превъсходять естество и всяко вещемъ послѣдованіе, да навыкнеши, яко благодати Божіа есть все. Что сея брани неправеднѣйшее? Что бреній тѣхъ законопреступнѣйше? На бранехъ бо обои ополчаются ратующеися; здѣ же не тако, но и овъ оубо нагъ есть, ови же въороужени. Въ подвигахъ пакы: обоимъ лѣть есть руцѣ въздвизати; здѣ же овъ оубо связанъ есть, овиже съ властію наводятъ раны. Сице съплетаються съ святымъ и ниже тако побѣждаютъ; но и Георгіе всякъ видъ моукамъ претръпѣвъ, яже на діавола постави побѣду, да не бо единѣмъ образомъ побѣдникъ, иже истинный подвижникъ показоваашеся, но и къ всякому виду злобы тогда мучителемъ дѣйствующимъ, себе различною добродѣтелію раздѣливъ всѣмъ съплетеся и преодолѣ всѣмъ». Окончивъ сказаніе о мученической кончинѣ св. Георгія, ораторъ набрасываетъ слѣдующій очеркъ его доблестей: «Кый убо похвалный языкъ того доблести похвалити възможетъ? Душя крот-

кое, нрава благоприступное, обычая милостивное, нищьми питателное, болнымъ съпострадателное, въ темницахъ сущимъ посѣтителное, къ другомъ благоувѣтливое, къ рабомъ благоказателное, къ страннымъ благопріятное, къ святымъ благоусрьдное, къ церквамъ нелѣностное, къ родителемъ благопокорное, къ окрьстнымъ непререкателное, и сіа оубо душевнаа. Тѣлесе же пакы: възраста сродное, лица зелное благообразіе, власовъ красное и съкращеннѣ рещи: въсяко благо въ немъ обрѣсти бяше. Сіа предвѣдый, якоже мню, Соломонъ глаголааше *веселися, юно, въ юности своей и красуйся въ путехъ сердца своего*. Съ въсѣми оубо своими благыми великый Георгіе изряднѣе чистоту и цѣломудріе храня бяше, поминая присно въсѣхъ, иже прежде его чистоту съхранившихъ. Чистота Іосифа отъ рова свободи и отъ темниця избави и царя Египту сьдѣла. Чистота Ісуса сына Навіина слугу сътвори и Моисеу преемника сътвори. Чистота звѣря оукроти и сьніа сказати сьдѣла. Чистота пещь огньную угаси и небо не одъждити оустрои, и Іорданъ милотію раздѣли. Чистота Захаріи языкъ связа. Чистота насъ къ небеснымъ съчета. Чистота дѣвственника Богословца сьдѣла. Чистота ада попра и съмерть раздруши и въскресеніе въсему міру дарова и на небеса възыде и сѣдѣ одесную величьствіа на высокыхъ. Сіа оубо великый Георгіе Богови съприноситъ дары. Сіа Георгіева исправленіа произведеніа, отвръженіе міра и яже въ мірѣ сущихъ, — житіе чисто, вѣру несомнѣнную, благочьстіе, оусрьдіе еже страдати, сердце смирено, ихже ничтоже вышьшее, ихже кромѣ видѣти Бога невъзможно, отъ нихже оуготовися къ подвигомъ и не смоутися. Доблый оубо Георгіе, подвигомъ добрымъ подвизася, теченіе скончa, вѣру съблюде, тѣмже и пріятъ побѣдный вѣнець отъ Спаса Христа и нынѣ съ въсѣми святыми въдворяется, наслаждаяся тамо, иже паче оума блаженства съ пророкы, съ апостолы, съ мученикы, съ святителіи, съ патріархы, съ преподобными».

Замѣчательно и заключеніе этого слова: потому что содержитъ въ себѣ назиданіе слушателямъ,—чего въ другихъ проповѣдяхъ Самвлака мы доселѣ не встрѣчали. «Подражаимъ и мы, говоритъ онъ, страстотерпца, възлюбимъ възлюбьшаго насъ, бу-

демъ и другъ другоу блази, милостиви, милосерди, братолюбни конецъ же въсѣмъ любы отъ чиста сердца и съвѣсти правы. Живописуемъ страданіа мученика въ нашей души, овогда оубо того на сковрадахъ лежаща, овогда же по юглію простърта, овогда палицами біема, овогда же волуами жилами, овогда въ ровъ върьжена, овогда же въ сапогы желѣзны обувена, овогда къ древу привязуема, овогда же главѣ отъемлемѣ, яко да различіемъ живописательства сего свѣтлоу строивше храминоу, ключимо небесному царю поставимъ обиталище, и аще видитъ такова въ нашей мысли писаніа пріидетъ съ Отцемъ и Святымъ Духомъ и обитель въ насъ сътворитъ. Но, о страдальцемъ украшеніе, Георгіе, и благовъ здѣланный класе, и благочестію нерушимаа стѣно, яко имѣя дерзновеніе къ Господоу, помилуй насъ, огради насъ теплымъ своимъ предстателствомъ, въстааніа языческая оутоли, сирымъ боуди помощникъ, алчющіимъ питатель, скоръбнымъ оутѣшитель, въ бранѣхъ поборникъ, старости подпоръ, юнныимъ казатель, плѣненыимъ свободитель, въсѣмъ подаждь яже ко спасенію прошеніа. И въся, иже въ храмъ твой славный пришедшяя днесь, съхрани и съблюди въсякаго навѣта вражіа ненавѣтны, непоткновены, незазорны, и пріиди посредѣ насъ невидимо и въсѣхъ насъ моленіа, яже тебѣ ради Богови въсилаемаа, пріими и принеси исходатайстъвнѣ въсѣхъ Творцу и Избавителю, иже въ Троици святѣй поклоняемому, истинному Богу нашему, яко да съгрѣшеніомъ оставленіе полоучивше въ день судный вѣчныхъ благъ пріимемъ благодатію и человѣколюбіемь Господа нашего Іисуса Христа, съ нимъ же Отцу купно съ Святыимъ Духомъ слава и велелѣпіе, честь и покланяніе, нынѣ и присно и въ бесконечны вѣкъ вѣкомъ, аминь».

6. Слово похвальное св. великомученику Димитрію (17) рѣзко отличается отъ предыдущаго: сколько то живо и одушевлено, столько это тихо и спокойно. Отъ начала до конца оно пред-

(17) Новг. Соф. библ., Чети-Мин. Макар. за октябрь подъ 26 числомъ, л. 417—„Григорія, *архіепископа Россійскаго*, слово похвальное святому и славному великомученику и мироточцу Димитрію“.

ставляетъ собою простой историческій разсказъ о страданіяхъ и смерти св. Димитрія, почти безъ всякихъ замѣчаній и соображеній со стороны автора, и болѣе походитъ на житіе, нежели на церковное поученіе. Прочитаемъ для примѣра начало слова: «Преже Христова плотьскаго смотрѣніа человѣкомъ страшна бяше смерть; егда же Онъ человѣкъ бысть и смерть за человѣкы вкуси, тогда сладка человѣкомъ оустроися смерть и со многою любовію искома и пріемлема, яко да тоя ради возданіа сотворятъ иже насъ ради оумершемоу и страстьми почтутъ пострадавшаго Владыку. Аще оубо Онъ о рабѣхъ, таже согрѣшшихъ, оумреть, много паче рабомъ достояше согрѣшшимъ со мнозѣмъ оусердіемъ о таковѣмъ Владыцѣ еже съмерти възмездіе творити. Тѣмъ же и великій онъ и непобѣдимый истинный страдалецъ Димитріе доброе днесь сотвори возмездіе, многоцѣнныя дары принесъ великодаровитому Царево, время полоучивъ отъ многъ томоу желаемое, яко да не благочестіе самъ къ себѣ хранитъ и свое отечьство томоужде оучитъ, но исповѣсть явѣ предъ всѣми, еже Господня любве явленнѣйшее есть знаменіе: *иже бо аще исповѣсть мя,* рече, *предъ человѣки, исповѣмъ его и азъ предъ Отцемъ своимъ, иже на небесѣхъ*».

7. Слово св. четыредесяти мученикамъ Севастійскимъ ([18]) написано, несомнѣнно, подъ вліяніемъ такого же слова св. Василія великаго ([19]), хотя прямыхъ или буквальныхъ заимствованій не представляетъ.

Приступъ слова очень кратокъ: «Елма праведному похваляему, якоже рече Соломонъ, возвеселятся людіе: како не весь міръ възвеселится четыредесятимь мужемъ похваляемомъ, четвероконечнаго міра свѣтиломъ и защитникомъ, иже похвалъ всяческихъ вышши суть? Толикій и таковый ликъ, ликъ бого-

([18]) а) Новгор. Соф. библ. № 525 —„Григорія, *мниха—игумена обители Пантократоровы*, похвально слово св. великомученикамъ четыредесятымъ"; б) Библ. Толст. отд. II, № 205—„слово *Григоріа Россійска* св. великомученикамъ четыредесятымъ".

([19]) См. Бесѣду его на св. четыредесять мученикъ въ Твор. Св. Отц. VIII, 294.

избранный, ликъ святый, воинство небесное, връста богоставнаа, братіа духомъ, а не рожденіемъ, паче же и порожденіемъ, еже свыше, едина душа в четыридесятихъ раздѣлени тѣлесы, едино дышуще, на едино зряще, едино смотряюще земное на небесномъ измѣнити воинства».

Въ самомъ словѣ начертана подробная картина страданія и смерти св. сорока мучениковъ. Изображая при этомъ, какъ св. страстотерпцы утѣшали другъ друга, будучи ввергнуты въ озеро, проповѣдникъ влагаетъ въ уста ихъ слѣдующую рѣчь: «Пріимемъ въ умъ, о братіе, како в толики брани входяще многажды за еже въ едино дръжатися, и едино мудрьствовати, и едино исповѣдовати, еже въ Христа вѣру, полкы обращаху чужихъ, и всѣмъ страшни и ужасни бѣхомъ и тѣмъ самымъ бѣсомъ, отъ тлѣннаго же царя чюдими и честемъ сподобляеми, отъ друговъ и отъ велможей удивляеми и благохвалими, — и сіа намъ сладка являхуся тако въ погибель ведущая: нынѣ же ли не побѣдимъ съпротивныя полки, къ коимъ намъ брань, якоже рече нашъ учитель—церковныа очи — Павелъ: *яко нѣсть намъ брачь ъ крови и плоти, но к началомъ, къ властемъ, к міродръжителемъ тмы вѣка сего, къ духовнымъ злобѣ поднебеснымъ?* Не възвеселимли небеснаго царя, желающаго насъ вѣнчати нетленіа вѣнцы? Не снидутли къ намъ аггели, укрѣпляюще и помогающе намъ и конечное съотводяще Церкви силамъ? Мало претрьпимъ страждуще, да вѣчно радуемся; пренебрежемъ плоть, да одѣемся нетлѣніемъ; претрьпимъ мразъ, яко да съгрѣетъ насъ патріарха Авраама нѣдро; яра зима, но пріатенъ рай; болѣзненъ ледъ, но сладко въспріатіе; нужно разлученіе еже отъ тѣла, но нужнѣйши еже отъ духа; всяко бо аще не умремъ нынѣ, не умремли по послѣдованью естьства по малѣ? Тѣмь же сътворимъ нужду любочестіе, умремъ похвалною смертію, ни на самой кончинѣ не дадимъ порока славѣ нашей, не уничижимъ воинства имя,—дѣлы имянованіе запечатлѣимъ, пройдемъ тѣсными враты и прискорбнымъ путемъ, вводящемъ в животъ, якоже насъ учить въ Евагеліи Господь; погубимъ душа Его ради, яко да пріобрящемъ я, да не како раслабившеся сими малыми и ничто же сущи, погубимъ душа своа,—и что

прочее дамы измѣну за душа своя? Но отпадетъ нога, да съ аггелы ликовствуеть, всяко бо отпадеть растлѣваема въ гробѣ, аще сію и нынѣ съхранимъ; да отскочитъ рука, яко да речемъ съ дрьзновеніемъ: въздѣаніе руку нашею жрътва не вечерняя, но всегдашняя, яко да въздѣется къ Богу, очищена водою и отсѣчена; такоже и око да затворится, яко да съ многоочитыми взираемъ славу Единороднаго; но и языкъ да свяжется, яко да съ серафимы въспѣваетъ. Но естьствено есть студу изгнати душю отъ тѣла нужно; сего ради паче того възлюбимъ, яко да наскоре насъ въ кровы небесныа отслетъ»...

Заключеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ слову и довольно обширно: «Кто сихъ не удивится трьпѣнію? Кто не подражаеть усердію? Кто не ублажитъ еже въ всѣхъ тѣхъ искусное и съ премудростію бываемое? Не бысть тѣмъ Сиона,—долнее воинство къ добродѣтелемъ, но сіе преходяще горнее тщахуся достигнути. Паки же егда предсташа, како опасно тѣхъ бяше и непристрашно видѣніе и стояніе и движеніе? Что же ли отвѣти мали убо, но огнь объемлюще гордую ону и нечестивую мучителю душю; въ езерѣ же какова тѣхъ яже другъ къ другу поученіа къ терпѣнію въ оной лютости, яже токмо и въспоминаема грозу содѣловаетъ? О ополченіе храброе и вѣнечници еваггелстіи! И нынѣ не токмо благочестивіи, елицы населяютъ землю, тѣхъ на помощь призываютъ и мощемъ покланяются, но и Парфа и Мидяне, Прьси же и Масагеты, Индіяне же и Ефіопляне, отъ своихъ движущеся отечьствъ, Севастійскій градъ достижутъ и мѣсту покланяются припадающе, идѣже подвизашася они, в лѣпоту непобѣдиміи: таковъ бо нашъ Владыка и тако прославляеть иже того прославльшимъ. Аще бо женѣ грѣшнѣй, приступльши и алавастръ мура изліавши, за еже грѣхомъ пріати оставленіе, Онъ не точію сіе дарова, но *идѣже проповѣстьсѧ*, рече, *Евангеліе сіе въ всемъ мірѣ, речется, еже сътвори та в память ея;* просимаа убо дарми превъсходя, и отъ преумноженіа прослави ю. Како сіихъ, иже крови своея изліявшихъ, не прославити хотяше достойною славою? Къ нимже и мы рцемъ: о благосъставное воинство и церковныя звѣзды, и нынѣ насъ, иже вашу память вседушнѣ цѣлующихъ и подвиги блажащихъ,

свыше посѣтите, и нынѣшнее и предъидущее наше жительство наставляюще къ полезнымъ и ближайшимъ, и мутныя потоки ереси всякія иссушающи молитвами вашими, яко да едина Церковь вси бывше, единѣми усты и сердцы единаго прославимъ, иже въ Троици Бога, Сына въ Отци съ Святымъ Духомъ, яко тому подобаетъ слава и честь, великолѣпіе же и покланяніе, нынѣ же и не въ скончаемыя вѣкы вѣкомъ. Аминь».

III. Слова на дни воскресные, недѣльные и на особые случаи.

Къ этому отдѣлу мы относимъ: 1) слово «о пяти днехъ», сказанное Григоріемъ въ воскресеніе предъ Рождествомъ Христовымъ (именно за пять дней до праздника); 2) слово о преподобныхъ отцахъ, въ постѣ просіявшихъ, сказанное въ субботу недѣли сыропустной; 3) слово о иноческомъ житіи, сказанное за нѣсколько дней прежде ([20]); 4) слово объ усопшихъ, сказанное, вѣроятно, въ день общаго поминовенія ихъ; 5) слово въ похвалу Терновскому патріарху Евѳимію, который еще не былъ тогда причтенъ къ лику святыхъ, произнесенное, можетъ быть, въ день его памяти, и 6) слово надгробное Кипріану, митрополиту русскому, такъ же еще не прославленному въ то время, и произнесенное, вѣроятно, въ день его памяти. Но изъ этихъ словъ мы остановимся только на двухъ первыхъ: такъ какъ послѣднія четыре намъ извѣстны по однимъ своимъ заглавіямъ ([21]). Оба эти слова, — черта ихъ особенная,—имѣютъ нравственное направленіе.

1. Слово «о пяти днехъ», или какъ въ другомъ спискѣ,

([20]) Въ словѣ объ отцахъ, въ постѣ просіявшихъ, Самвлакъ говоритъ: „Мы, понеже тѣхъ (отцевъ) память наста и понеже *прежде малыхъ дній* вамъ *о иноческомъ бесѣдующе житіи*, обѣщахомся и о сихъ пробесѣдовати, нынѣ да исполнимъ“.

([21]) Слова—о иноческомъ житіи и митрополиту Кипріану извѣстны только по списку Москов. Сvнодал. библ. № 384, а слова—объ усопшихъ и патріарху Евѳимію—только по списку библіот. Толстов. отд. II, № 205.

«о божественныхъ тайнахъ» (22) сказано 20 декабря, въ день предпразднества Рождества Христова, когда вѣрующіе готовились приступить къ св. Христовымъ тайнамъ, и вмѣстѣ въ день памяти св. отца нашего Филогонія. А потому состоитъ изъ двухъ частей: въ первой говорится о достойномъ приготовленіи къ таинству причащенія и къ великому празднику Рождества Христова, равно какъ о самомъ рождествѣ или воплощеніи Сына Божія; вторая посвящена вся св. мученику Филогонію.

«Обыкоша,—начинаетъ проповѣдникъ первую часть, — иже къ царю земному грядущеи, егда близъ будутъ уже ко входу двора царскаго, тогда множайшимъ страхомъ ограждати себѣ: тако и мы елма спасительнаго, якоже нѣкый долгъ путь, прейдохомъ и близъ уже рожественскаго праздника Владычняго и хощемъ приступати къ безсмертной трапезѣ, всяко спрятаніе и всяко истязаніе совѣсти достоитъ имѣти. Пять дни посредѣ суть и праздникъ приходитъ и праздникомъ начало, и хощетъ трапеза предлагатись, имуще тѣло Владычне и кровь. И блюдете, съ какою совѣстію приступати хощете; слышите, что рече уста Господня Павелъ: *да испытуетъ каждо себе и тако отъ хлѣба* сего *да ястъ и отъ чаши да піетъ*, да не въ судъ себѣ ястъ и піетъ: *ядый бо и пія недостойне судъ себѣ ястъ и піетъ*. Не презирай Божественна, человѣче, не дерзай совѣсти обличающи, уступай страхомъ и трепетомъ. Аще бо ризѣ земнаго царя скверными рукама коснувся кто тмами подъемлетъ злаа: и ты не избѣжиши геены, тѣлу Божественному и пречистой крови причащаяся оскверненною душою. И которую милость имѣти хощеши, рци ми, который отвѣтъ? Не вѣси ли, яко по яже пріати окаяному Іудѣ недостойнѣ хлѣбъ, вниде въ него сатана? Зри да не и ты искусишися Божіимъ гнѣвомъ. Ибо еже о судіахъ сказуетъ писаніе, яко ковчегу завѣта и иногда возиму

(22) Словомъ „о пяти днехъ“ названо оно въ спискѣ Моск. Сvнод. библ. № 384, и названо потому, какъ объяснено тамъ же, что „сіе слово чтется до пяти дней Рождества Христова“. А въ рукописной Чети-Минеи Моск. Дух. Акад. оно обозначено такъ: „слово о божественныхъ тайнахъ, яко достоитъ причащающомуся испытовати себе, и о еже непамятазлобствовати“.

юнцу, Оза нѣкто коснуся колеси, за еже поддержати, абіе попаленъ бысть. Та же нужа таковѣй настоящи и бѣдующу къ ниспаденію кивоту правымъ притече и благочестіа разумомъ: но понеже недостоинъ бѣ таковаго приближенія, ниже въ таковое служеніе избранъ бѣ, въ правду искусися. Аще убо кивотъ окованный златомъ, иже отъ земля изрыемымъ, въ немъ же бѣ стамна токмо, имущіа манну, и скрижали завѣта, и жезлъ Аароновъ прозябшій, и попали дерзнувшаго онаго: како ты не трепещеши, хотя приступати къ таковымъ таинствомъ, яже обстоять ангели со страхомъ и ужасомъ? И ты убо священника зрѣши, не зриши же мысленныя силы. Идѣже бо честнаа священнодѣйствуютъ и предстоятъ съ благоговѣніемъ, дивящеся Владычней иже къ намъ любви. Толико бо свое созданіе возлюбивъ Создатель, елико и Сына своего соприсносущнаго дати намъ на смерть, да тѣмъ насъ оживитъ».

Изъяснивъ такимъ образомъ, какую чистоту должны имѣть христіане, чтобы достойно встрѣтить праздникъ Рождества Христова и пріобщиться св. таинъ, проповѣдникъ обращаетъ вниманіе своихъ слушателей на нѣкоторыя священнодѣйствія Литургіи, гдѣ выражается тоже требованіе чистоты. «Слыши, что глаголетъ діаконъ велегласно, хотящу іерею раздробляти святый хлѣбъ: *вонмемъ*. Что еще глаголеть — *вонмемъ*? Себе, рече, испытаемъ сердце, истяжимъ совѣсть, изъвпрошаемъ мысль, да не кто блудникъ, да не кто прелюбодѣй, да не кто убійца, да не кто немилосердъ, да не кто презоривъ и гордъ, да не кто памятозлобивъ, да не кто піаница и скверножителенъ. И аще обрящешися таковъ, уступай, рече, да не опаленъ будеши, приходя недостойнѣ. Таже по еже рещи діакону — *вонмемъ*, таже внутрь іерей обѣма рукама подвижа святый хлѣбъ на высоту, показуя того къ хотящимъ причаститися, глаголетъ велегласно: *святая святымъ*. А еже глаголетъ, се есть святая не инымъ даются, токмо святымъ; и аще святъ еси, приступи: *святи будете*, *яко азъ святъ есмъ*. Аще Исаи подобенъ еси, приступи и страхомъ божественнаго огня прими устнами, да услышиши и ты отъ іереа, паче же отъ Серафима: се коснуся устомъ твоимъ и вся грѣхи оцѣсти»...

Главными условіями къ пріобрѣтенію чистоты душевной проповѣдникъ полагаетъ искреннее сокрушеніе сердца и прощеніе обидъ. «Таковымъ очищеніемъ предочистимся, имже Богоотецъ онъ на каждо день обновляше себѣ и насъ уча, глаголаше: *сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ.* И пакы: *оклеветающаго тай искренняго своего, се изгоняхъ...* Таковеми муры помажемъ себѣ, уготовaимся къ пріятію иже насъ ради младеньствовавшаго Владыку. Аще постъ принесеши, аще дѣвство, аще бдѣніе, аще низу леганіе, сердце же съкрушено не принесеши, ниже оставиши брату своему; ни чтоже пользовася, но и речется къ тебѣ, еже и къ Израелю речеся Пророкомъ: *не таковь постъ хощу, глаголетъ Господь.* Слыши, что глаголетъ Господь къ верховному Апостоломъ Петру, воспросившу Его: аще до седмицы братъ согрѣшитъ, отпущати ли ему? Іисусъ же не до седмъ кратъ, но и седьмъ седьмерицею. Сіе являетъ, яко, аще и въ всей своей жизни съгрѣшаютъ тебѣ братіа, оставляти имъ и аще не оставляеши долгъ брату своему, како речеши въ молитвѣ: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ? И пакы: *аще оставляете человѣкомъ съгрѣшенія ихъ, и Отецъ вашъ небесный оставитъ вамъ съгрѣшеніа ваша*».

Слѣдующія за тѣмъ наставленія показываютъ въ проповѣдникѣ наблюдательность надъ самолюбіемъ сердца человѣческаго. «Но многы слышахъ глаголюще: не могу оставити; зѣло преобидѣ мя, вельми обезчести мя, премного опагуби мя, врага и ратника судомъ приложися мнѣ. Не глаголи ми студныя сія и смѣху достойны глаголы, но истрезвися, яко отъ піанства, безсловесныя ярости и познай, кто бѣ первѣе и кто еси нынѣ. Не врагъ ли бяще первѣе Божій и нынѣ другъ, премѣненъ кровію Сына Его, якоже рече Павелъ? Не тебе ли ради нынѣ раждается и пеленами повивается и въ худѣ вертепѣ и скотіахъ яслѣхъ полагается? Не тебе ли ради Онъ человѣкъ бываетъ и по естеству и по дѣйству, яко да ты Богъ будеши? Аще убо Христосъ не обладѣтельствова тебѣ суща врага и ратника, ниже ты обидившему тя. Аще ли Онъ поискавъ тя и обрѣтъ и на рамо вземъ къ Отцю принесе, сънаслѣдника

тя творя Отчая славы: который получиши отвѣтъ, не премѣняяся на опечалившаго тя, которую милость и который судъ? И Владыка убо о распинающихъ моляшеся: *Отче, остави имъ грѣхъ сей*,—и ты глаголеши: не могу оставити. Можеши и ина величайша исправити, аще токмо восхощеши, аще писаніа исправиши, аще христіанскымъ потечешь путемъ. Таже почему увѣримся, яко христіанинъ есмь (еси), аще не отъ еже терпѣти сладцѣ обидиму бывающу и гониму, уничижаему и хулиму?»

Противопоставивъ внушеніямъ самолюбія требованія закона божественнаго, отъ исполненія котораго зависитъ внѣшнее и внутреннее благосостояніе христіанства, Самвлакъ направляетъ слово свое къ Іудеямъ, которые, издѣваясь надъ христіанскою вѣрою, возражали противъ ученія о предвѣчномъ рожденіи Сына Божія отъ Отца. «Поболѣзновавше о такой хулѣ, рѣчемъ къ нимъ: Сына убо раждаетъ Отецъ соприсносущна, и безлѣтна, и превѣчна, неизреченно и несказано, имже и творить мысленныя силы, служителе своеа славы и въспѣвателе немолчныа, яко же бо Іовъ глаголетъ: *егда быша звѣзды, въсхвалиша мя ангели мои, оградихъ же море вѣтры, егда раждашеся.* И понеже рожденъ есть, яко отрасль отъ корене и сіаніе отъ солнца и слово отъ ума, Сынъ наречется Слово и Отецъ наречется Отецъ, понеже раждаетъ безлѣтно единосущное Слово. Слово же не несоставно непщуй, якоже наше, и на въздухъ разливаемо, но съставно (т. е. упостасное), свой имѣя съставъ (упостась), понеже Сынъ въ семъ подобенъ Отцу, кромѣ нерожденіа, равномощно и равносильно, *имъ же вся быша и безъ него ничтоже бысть еже бысть*, по Богослова гласу, *имъже вѣкы сотвори*, по премудрому Павлу. Слыша и пророка отъ Бога свидѣтельствованнаго и отъ насъ пріемлемаго: *словесемъ Господнимъ небеса утвердишася и духомъ устъ Его вся сила ихъ.* Не смѣя (пророкъ) рещи явленно Отца съ Сыномъ и Духомъ, яко да не едино Божество на три не подобни раздѣляютъ части и славы, иже единого Бога, оставльше и идоламъ языческимъ поклонишася; ниже пакы умолча всяческы, но премудро не како и покровено святыа Троица единовластіе и Божество въ малихъ сихъ словесѣхъ проповѣда. Еже бо рещи *словесемъ Господнимъ* —

Отца съ Сыномъ, и Духа Святаго, внегда—*Духомъ устъ Его вся сила ихъ.* Но и великій Моисей кимъ путемъ пріиде къ вамъ, яко да не слышавше Отца, имуща Сына, страстно вмѣнити божественное, но премудро сложивъ едино Божество Троица, краткыми убо, многъ же разумъ имущими, словесы научи, рекъ: *слыши, Израилю, Господь Богъ твой Господь единъ есть.* Еже бо рещи — *Господь*... Отца сказуетъ, а еже — *Богъ твой*—Сына и паки — *Господь* — Духа Святаго, сирѣчь едино Божество триемъ симъ и пребожественнымъ съставомъ (лицамъ). Видѣши ли, о Іудею, Отца, имуща Сына соприсносущна, и нетлѣнна, и безлѣтна?»

Продолжая рѣчь о Сынѣ Божіемъ, витія касается тайны искупленія, въ которомъ выразилась безпредѣльная любовь Божія къ людямъ: «Понеже согрѣши и паде человѣкъ и падшю тому вся смятошася: смерть укрѣпися отъ Адама до Моисея, земля проклята бысть, адъ разверзеся, рай затворися, небо заключися, діаволъ же воинствуаше на насъ, тогда Богъ человѣколюбецъ сый и не хотя погубити еже по образу человѣку, глаголаше: кого послю и кто пойдеть. Ибо и прежде егда хотяше създати человѣка—*по образу нашему и по подобію*; сице и здѣ въ поновленіи и назданіи естества: кого послю и кто пойдеть? Всѣмъ же молчащимъ глаголаше Сынъ: се азъ; посли мя. Тогда глагола: иди; дасть Ему человѣка, яко да будетъ самое Слово плоть, и пріемь плоть во всемъ исправить. И родися отъ Дѣвицы, чистыя и неблазненыа, и тоя дѣвство соблюдей въ богорожденіи, ниже отъ безлѣтнаго рождества иступи ради въспріатіа, но пріемъ еже не бѣ, и еже бяше, пребысть въ двою естеству единъ съставъ; предаетъ бо ся тому, яко врачу, исцѣлити угрызеніе зміево, яко животу, въздвигнути мертваго, яко свѣту, просвѣтити тму, яко Слову сущу, обновити словесное. Яко убо тому предашя вся и бывъ человѣкъ, абіе исправишася и съвершишася вся: земля вмѣсто клятвы благословена бысть, рай отверзеся разбойнику, адъ устрашися и гроби отверзошася въстающимъ мертвецемъ, двери небесныя взяшася».

Во второй части слова изображаются высокіе подвиги св. Филогонія. Цѣль, какую предположилъ при этомъ проповѣдникъ,

есть та, чтобы воспламенить въ слушателяхъ большее усердіе въ стремленіи къ добродѣтели. Сначала онъ описываетъ время, въ которое жилъ Филогоній,—время жесточайшее всякой зимы и бури, въ которое самый даже воздухъ оскверненъ былъ «сварами». Отецъ предавалъ на смерть сына, братъ брата, грады опустѣли, но люди Божіи соглашались лучше жить со звѣрями, нежели съ бѣсовскими служителями, покидая имѣнія, села и стяжан я. Узилища и темницы были наполнены людьми благочестивыми. Въ такое смутное время для христіанъ явился и Филогоній, подобно звѣздѣ, сіяющей среди ночи. Съ юности еще онъ любилъ упражняться въ чтеніи Божественнаго писанія и прежде принятія епископскаго сана зналъ апостольское ученіе и славился добродѣтельною жизнію. Не только словомъ онъ научалъ остерегаться прелести людской, но ходилъ по темницамъ для укрѣпленія въ вѣрѣ слабыхъ христіанъ, выкупалъ плѣнныхъ и подражалъ Христу, полагая душу свою за ближнихъ. Таковъ былъ блаженный Филогоній!

Онъ имѣлъ жену и былъ отцемъ единородной дочери; но супружеская жизнь нимало не препятствовала ему быть ревнителемъ добродѣтели. Потому, общимъ согласіемъ архіереевъ и благодатію Св. Духа, онъ посвященъ во епископа, чтобы противоборствовать возникшимъ въ то время ересямъ. И въ этомъ отношеніи былъ другимъ Давидомъ: потому что пращею слова низложилъ гордаго Голіафа — Маркіона. Но и по прекращеніи гоненія Филогоній не оставилъ епископской каѳедры, подобно Іонѣ, а препоясавшись упованіемъ, мужественно управлялъ волнуемымъ кораблемъ Церкви Христовой. И не столько прославился Авраамъ плѣненіемъ царей, плѣнившихъ Лота, сколько Филогоній истребленіемъ еретиковъ. И не столько Іосифъ пропиталъ пшеницею во время глада, сколько этотъ— восточныя и южныя страны—словомъ Божіимъ. Когда онъ почилъ отъ своихъ трудовъ, то весь Востокъ плакалъ объ немъ, какъ будто лишился свѣта. И нынѣ онъ съ апостолами новый апостолъ, съ мучениками новый мученикъ, съ пастырями добрый пастырь, стаду любезный, волкамъ страшный. Таковъ былъ блаженный Филогоній!

Проповѣдникъ увѣщаваетъ своихъ слушателей послѣдовать ревности и добродѣтелямъ празднуемаго святаго, представляя для каждаго возраста примѣры подражанія въ его жизни. «Юніи (поревнуютъ) въ юности того погвигомъ и къ добродѣтели теченію; состаревшеися, иже въ старости, того премудрости и опаству; иже въспражени того чистотѣ и страннопріимству. Ибо онъ и дѣтству спожитъ, достойно и чисте бракъ почте, и архіерейство прослави».

Въ заключеніе слова Григорій Самвлакъ молитъ своихъ слушателей, чтобы они старались навыкнуть любомудрствовать и, какъ сыны свѣта, сіяли всѣми добродѣтелями, дабы потомъ достойно «встрѣтить Владыку, грядуща смѣсити земная съ небесными, во второе же и страшное пришествіе услышать блаженный онъ гласъ: *пріидите благословенніи, Отца моего*».... и проч.

Здѣсь справедливость требуетъ замѣтить, что при составленіи настоящаго слова нашъ проповѣдникъ воспользовался, въ главныхъ чертахъ, такимъ же словомъ св. Іоанна Златоустаго, съ тѣмъ только различіемъ, что Златоустъ въ первой части проповѣди сказалъ о добродѣтеляхъ блаженнаго Филогонія, а въ послѣдней—о приготовленіи слушателей къ празднику Рождества Христова и таинству причащенія, тогда какъ Григорій Самвлакъ сдѣлалъ наоборотъ ([23]). Замѣчательно такъ же, что въ настоящее слово Григорій внесъ извѣстный намъ отрывокъ изъ слова своего въ великій четвертокъ объ опрѣснокахъ противъ Латинянъ.

2. Въ приступѣ къ похвальному слову св. отцамъ, въ постѣ просіявшимъ ([24]), Самвлакъ выражаетъ сознаніе своей слабости предъ величіемъ предмета: «хощу къ похвалѣ отецъ языкъ подвинути,—и ужасаюся; хощу онѣхъ помянути, — и недоумѣніе объемлетъ мя; хощу тѣхъ въ среду привести, — и весь умомъ изступаю, помышляя о нихъ высокое, и непостиженія покры-

([23]) *Златоуст.* слово въ похвалу Филогонію, in Opp. T. I, p. 492, ed. Montfaucon. Paris 1718.

([24]) Библ. Толст. отд. II, № 402—„слово въ субботу сыропустную, похвала преподобнымъ и богоноснымъ отцемъ, иже въ постѣ просіявшимъ, списано преподобнымъ отцемъ Григоріемъ, *игуменомъ обители Пантократоровы*".

ваетъ мя облакъ. Убо желание не оставляетъ, нудя, недостоинство безгласіемъ связуетъ языкъ: иже бо онѣхъ хотя творити слово, онѣмъ подобенъ во всемъ достоинъ быти, яко да к величеству похваляемыхъ теченіемъ слова достигнетъ. Обаче ниже возможетъ въ тѣлѣ сый. Аще бо Павелъ толикий и таковый, до третьяго небесе восхитивый, о ихже тамо видѣ и слыша, глаголюще, намъ сказуя.... како инъ кто, много отъ Павловы добродѣтели отстоя, возможетъ по достоянію онѣхъ неизрѣченную славу похвальнымъ представити словомъ?»

Въ трактаціи слова проповѣдникъ сначала обозрѣваетъ разныя обѣтованія, общія всѣмъ праведникамъ, а потомъ обращается къ нѣкоторымъ изъ нихъ въ особенности съ похвалою. Прежде другихъ говоритъ онъ объ Антоніѣ великомъ, сравниваетъ его съ Авраамомъ и Іаковомъ и, разсуждая о духовной брани отца подвижниковъ, спрашиваетъ: «кто такову побѣду видѣ когда, военачальнику купно съ воины безмольствующу, и сопротивнымъ падати всѣмъ?» Одержалъ побѣды и «Македонянъ онъ», но ни единъ герой древности не превзошелъ Антонія: потому что побѣда надъ цѣлою вселенною ничто въ сравненіи съ побѣдою, одержанной подвижникомъ надъ діаволомъ. И величайшіе изъ мудрецовъ греческихъ должны сознаться въ своемъ невѣжествѣ и неразуміи предъ Антоніемъ, потому что никто изъ нихъ не имѣлъ понятія о смиренномудріи: «что къ сему речетъ Платонъ, иже нарицаемую Стδю Аѳинеопъ показавый, или Пиѳагоръ и Сократъ и Аристотель, и прочихъ философъ сонмъ? Всяко вопрошаеши, яко истуканы были бы къ отвѣту молчаще. И яко Моисеовъ жезлъ пожралъ жезлы ложныхъ змій Египетскихъ волхвовъ, сице и онѣхъ суетное любомудріе обличено бысть и истинныя премудрости мужа явленными образы. Что же ли нарочитый онъ философъ, иже въ делвѣ (бочкѣ), его же что достойно похвалимъ, общеполезно человѣкомъ никакоже слышахомъ сотворша, токмо еже сидѣніе въ делвѣ?».... Далѣе витія замѣчаетъ, что о Зороастрѣ Замолксѣ очень немногіе знаютъ, тогда какъ объ Антоніѣ имѣютъ понятіе и Скиѳи и дѣти.

Отъ Антонія проповѣдникъ переходитъ къ изображенію подвиговъ Антоніевыхъ подражателей. О св. Ефремѣ Сиринѣ гово-

ритъ: »Колицы Аѳинеи, колицы философы, колицы риторы возжелѣли бы, да поне отъ тысящи единой сего Ефрема похвалѣ причастницы будутъ! Но понеже любомудрствоваша, сего ради и онѣхъ память съ шумомъ погибе. Аще ли же что гдѣ о сихъ помянется, смѣху паче, а не пользѣ, достойно судится. Сиріанинъ же по всей вселеннѣй чуденъ есть и похваляемъ, и готова наказанія многажды князи и вельможи и сами царіе, на руку держаще, прочитаютъ и паче меда и сота свои души услаждаютъ». Послѣ св. Ефрема витія перечисляетъ еще до 80-ти подвижниковъ съ краткою похвалою каждому, повторяя одинъ и тотъ же оборотъ: «вѣмъ такого-то», или «вѣси такого-то»....

Въ заключеніе слова проповѣдникъ убѣждаетъ своихъ слушателей, чтобы воспоминаніе о святыхъ не осталось для нихъ мертвымъ, а послужило бы имъ лѣстницею отъ земли на небо.

IV. Остальныя сочиненія Самвлака.

Изъ трехъ историческихъ статей Григорія Самвлака одна,— «Сказаніе о перенесеніи св. мощей преп. Параскевіи въ Сербскую землю»,—извѣстна намъ только по имени (25), а двѣ издавна печатаются въ общедоступныхъ книгахъ, именно: «Повѣствованіе о Сербскомъ царѣ Стефанѣ» — въ Прологѣ подъ 9-мъ числомъ мая и «Страданіе св. великомученика Іоанна Новаго, Сочавскаго» — въ Чети-Минеи подъ 2-мъ числомъ іюня. Потому останавливаться на этихъ статьяхъ считаемъ излишнимъ, хотя не можемъ не замѣтить, что слогъ послѣдней статьи, помѣщенной въ Чети-Минеи, значительно измѣненъ и поновленъ (26). Что касается до богослужебнаго стиха на Успеніе Пресвятой Богородицы, то онъ напечатанъ нами въ приложеніи XX-мъ къ IV-му тому нашей Исторіи. А о полемической статьѣ Григорія противъ Латинянъ мы сказали въ самомъ текстѣ.

(25) Упоминается въ Опис. рукописей Царскаго № 135, стр. 71.

(26) Намъ извѣстна эта статья по Новгород. Макаріевской Чети-Минеи за іюнь, л. 16—18.

№ XI.

Грамата цареградскаго патріарха къ великому князю московскому Василію Димитріевичу (ок. 1393 г.).

«Благороднѣйшій великій князь московскій и всей Руси, возлюбнѣйшій сынъ нашей мѣрности, киръ Василій! Благодати, мира, милости, здравія души и тѣла, молитвы, благоволенія и всего, что есть добраго, а вмѣстѣ и спасенія, желаетъ мѣрность наша отъ Бога вседержителя благородству твоему. Благородство твое знаетъ, какое раздѣленіе и смятеніе не такъ давно произошло въ Церкви русской, по поводу которыхъ и вы опечалились и мы имѣемъ очень тяжелое дѣло. Съ тѣхъ поръ, какъ по судьбамъ, которыя вѣдаетъ Богъ, мѣрность наша взошла на высокій патріаршій престолъ, мы особенно заботились и очень много старались о томъ, чтобы умирить церковь сію и возвратить ее въ прежнее положеніе, — что̀, при содѣйствіи Господа, умиротворяющаго всяческая, удалось: опять поставленъ святѣйшій митрополитъ кіевскій и всея Руси и препочтенный, возлюбленный во Святомъ Духѣ братъ нашей мѣрности и сослужитель, Кипріанъ—единымъ митрополитомъ на всю Россію по древнему порядку, а по смерти его, такъ же будетъ одинъ. Не такъ давно присланный отъ васъ посолъ митрополита и благородства твоего, возлюбленный во Святомъ Духѣ братъ нашей мѣрности, киръ Димитрій Аѳинейскій донесъ державнѣйшему и благочестивому моему самодержцу и царю и нашей мѣрности о схизмахъ и отпаденіи, произшедшихъ въ великомъ Новгородѣ. И мы чрезмѣрно опечалились тѣмъ болѣе, что Церковь Христова едва только успокоилась у васъ, по благодати Христа, соединившаго разстоящая, разрушившаго средостѣніе врага и примирившаго крестомъ небесное съ земнымъ, и едва стихли у васъ несогласія и смятенія, какъ опять діаволъ воздвигъ означенныя схизмы на погибель тамошнихъ христіанъ. Нѣтъ ничего, впрочемъ, удивительнаго: демону, всегда склонному къ возмущеніямъ и охотнику до брани, свойственно воздвигать сіе противъ христіанъ;

природа лукавая и человѣконенавидящая не можетъ смотрѣть на христіанъ, наслаждающихся спокойствіемъ; почему воздвигаетъ на нихъ всякую брань, а особенно нынѣ, когда онъ постыжденъ и побѣжденъ силою Христа Спасителя нашего, сказавшаго, что Церковь будетъ крѣпче самыхъ вратъ адовыхъ. Мѣрность наша, возревновавъ вмѣстѣ съ державнѣйшимъ и благочестивымъ моимъ самодержцемъ, заботливымъ поборникомъ Церкви, опять писала для исправленія сей церкви; что имѣетъ увидѣть благородство твое. Поелику же мѣрность наша имѣетъ тебя, какъ сына ближайшаго и друга, и принимаетъ участіе въ пользахъ души твоей и чести и власти твоей: то чего бы не просило у насъ благородство твое, лишь бы было позволительное, справедливое и законное, считаемъ необходимымъ исполнить то, какъ и исполняли. Мы исполнители божественныхъ законовъ и каноновъ и обязываемъ къ тому всѣхъ христіанъ, тѣмъ болѣе людей великихъ, повелителей народовъ и градоначальниковъ, какъ благородство твое. И все сіе насколько сдѣлано канонически и законно, благородство твое имѣетъ узнать изъ граматъ, которыя мы писали. Я, какъ общій учитель всѣхъ христіанъ, необходимымъ считаю, если только гдѣ слышу о чемъ либо, допущенномъ тобою вредномъ для души твоей, писать тебѣ, и пишу, какъ отецъ и наставникъ, съ увѣщаніемъ и убѣжденіемъ, да исправишь то. А ты, какъ христіанинъ и сынъ Церкви, обязанъ исправить. Отъ чего ты не уважаешь меня, патріарха, и не воздая должной чести, какую воздавали предки твои, великіе князья, не почитаешь не только меня, но и людей, которыхъ я посылаю къ вамъ, и которые не получаютъ ни чести, ни мѣста, всегда и вездѣ принадлежавшихъ патріаршимъ людямъ? Неужели не знаешь, что патріархъ носитъ образъ Христа и Имъ поставляется на владычній престолъ? Ты не уважаешь не человѣка, но самаго Христа, потому что воздающій честь патріарху почитаетъ самаго Іисуса Христа. Почему же мы, ради общихъ согрѣшеній, не бросали областей и странъ вашихъ, а теперь должны терпѣть еще пренебреженіе отъ христіанъ? Пусть мы не пользуемся мірскою властію; но христіанство владычествуетъ повсюду, и намъ принадлежитъ

та самая честь, которую имѣли апостолы и ихъ преемники. И они не пользовались ни славою человѣческою, ни властію мірскою, а болѣе были гонимы, хулимы нечестивыми и по вся дни умирали; но величіе ихъ и сила, какія имѣли на христіанъ, были выше всякой чести. Посему, сынъ мой, пишу, убѣждаю и совѣтую благородству твоему, дабы ты почиталъ, какъ самаго Христа, такъ и патріарха, а вмѣстѣ и слова его, граматы, указанія и людей, которыхъ онъ посылаетъ. Ибо сіе полезно тебѣ, какъ для души твоей, такъ для чести и власти твоей. Если же ты не бережешь и не чтишь Бога, внимай, каковъ Онъ будетъ нѣкогда отмститель за себя: „страшно, говоритъ, впасть въ руки Бога живаго", и опять чрезъ пророка говоритъ: „видите ли, презрители, и подивитесь и удалитесь отъ глазъ". Это я обязанъ возвѣстить и внушить благородству твоему; а ты, какъ сынъ Церкви, обязанъ послушаться и исправиться. Кромѣ того слышу нѣкоторыя слова, которыя произноситъ благородство твое о державнѣйшемъ и благочестивомъ самодержцѣ моемъ и царѣ, и скорблю, что ты возбраняешь, какъ говорятъ, митрополиту поминать божественное имя царя на сугубыхъ эктеніяхъ (ἐν τοῖς διπτύχοις): это дѣло небывалое! Слышу, что ты говоришь: «мы имѣемъ Церковь, но царя не имѣемъ». Не думаемъ, чтобъ и это было хорошо. Царь, какъ царь святой, имѣетъ большое значеніе въ Церкви: онъ не такой царь, какъ другіе начальники и мѣстные правители. Изначала цари утверждали и поддерживали благочестіе по всей вселенной; они же собирали вселенскіе соборы и сами подкрѣпляли и закономъ предписывали рѣшать все, относящееся до православныхъ догматовъ и образа жизни христіанъ согласно съ божественными и священными канонами; они же много потрудились противъ ересей и издавали указы о каѳедрахъ архіереевъ, о раздѣленіи епархій и разграниченіи ихъ предѣловъ. А потому и имѣютъ великую честь въ Церкви. И хотя, по допущенію Божію, языческіе народы окружили державу царя и предѣлы,—не смотря на это, царь донынѣ имѣетъ такое же посвященіе отъ Церкви, какъ и прежде, удостоивается такого же мѵропомазанія (τῷ μεγάλῳ μύρῳ) и поставляется въ царя и самодержца римскаго т. е. всѣхъ христіанъ.

И во всякомъ мѣстѣ, гдѣ только есть христіане, имя царское поминается всѣми патріархами, митрополитами и епископами; чего ни одинъ изъ другихъ начальниковъ, или мѣстоблюстителей не имѣетъ нигдѣ. Царь имѣетъ такую власть надъ всѣми, что и сами Латины, не имѣющіе никакого общенія съ нашею Церковію, воздаютъ ему туже самую честь и тоже самое уваженіе, какое оказывали въ прежнія времена, когда были съ нами въ единеніи; тѣмъ болѣе православные христіане обязаны оказывать ему это. А изъ-за того, что народы языческіе стѣснили державу царя, христіанамъ отнюдь не слѣдуетъ презирать его; напротивъ это обстоятельство должно послужить имъ урокомъ и сдѣлать ихъ благоразумнѣе: если и великій царь, владыка вселенной и глава, облеченный толикою властію, доведенъ до такого стѣснительнаго положенія,—то чего не могутъ потерпѣть другіе, удѣльные мѣстоблюстители и начальники небольшихъ владѣній? Такъ и твое благородство и твои области часто терпятъ, и плѣняются отъ нечестивыхъ. Но это не даетъ намъ права пренебрегать тобою; напротивъ, мѣрность наша и благочестивѣйшій царь, по древнему обычаю, пишемъ къ тебѣ и воздаемъ тебѣ туже самую честь, какую имѣли отъ насъ прежде бывшіе князья въ граматахъ, сношеніяхъ и чрезъ пословъ. Итакъ очень не хорошо, сынъ мой, что ты говоришь: „церковь имѣемъ, а царя не имѣемъ". Не возможно христіанамъ имѣть Церковь, а царя не имѣть. Царство и Церковь имѣютъ между собою тѣсное единеніе и общеніе и невозможно отдѣлять одно отъ другаго. Христіане отвергаютъ только царей-еретиковъ, которые неистовствовали противъ Церкви и вводили догматы, извращенные и чуждые ученію апостольскому и отеческому. Но державнѣйшій и благочестивый мой самодержецъ, по благодати Божіей, есть православнѣйшій, вѣрнѣйшій поборникъ Церкви, защитникъ и блюститель,—и невозможно, чтобы нашелся такой архіерей, который бы не поминалъ его. Послушай верховнаго апостола Петра, который въ первомъ своемъ соборномъ посланіи говоритъ: „Бога бойтесь, царя чтите". Не сказалъ: *царей*,—дабы кто не подумалъ объ именуемыхъ царяхъ отдѣльно у каждаго народа, но—*царя*, показывая тѣмъ, что одинъ есть каѳолическій царь. Какого

же это *царя*? Конечно, нечестиваго, который былъ въ то время и преслѣдовалъ христіанъ. Но святый апостолъ, провидя въ будущемъ, что христіане будутъ имѣть и единаго царя, повелѣваетъ чтить даже нечестиваго царя, дабы они научились изъ того, какъ должно почитать царя благочестиваго и православнаго. Если же нѣкоторые изъ христіанъ усвоили самимъ себѣ имя царя, то это неестественно, незаконно и допущено болѣе по произволу и насилію. Ибо какіе отцы, или какіе соборы и какіе каноны говорятъ объ этихъ царяхъ? Но о прирожденномъ царѣ сверху и снизу вопіетъ все: его законоположенія, повелѣнія и распоряженія принимаются по всей вселенной; имя его одного, а не другаго кого, поминаютъ повсюду христіане. Итакъ, сынъ мой, пишу къ благородству твоему и совѣтую...» (Конца не достаетъ). (Acta Patriarch. Const. II, 188—192).

№ XII.

Грамата цареградскаго патріарха къ митрополиту кіевскому о пособіи (1397 г.).

«Святѣйшій митрополитъ кіевскій и всея Руси, возлюбленный о Святомъ Духѣ братъ нашей мѣрности и сослужитель! Благодать и миръ да будетъ отъ Бога съ священствомъ твоимъ! Священство твое знаетъ, что державнѣйшій и благочестивый самодержецъ, киръ Мануилъ и мѣрность наша писали и отправили пословъ къ священству твоему и благороднѣйшему сыну моему, преславному великому князю всей Руси и прочимъ князьямъ, дабы вы, какъ помогли намъ въ недавнее время присланными вами пожертвованіями, которыя употреблены на утѣшеніе города и въ помощь христіанамъ и великой церкви, такъ и теперь прислали, и отъ себя самихъ и отъ приношеній прочихъ христіанъ, вспомоществованіе намъ, стѣсненнымъ отъ облежанія и браней окружающихъ насъ враговъ. По прошествіи долгаго времени, употребленнаго для изгнанія ихъ отсюда, святые цари наши, при содѣйствіи и помощи умиротворяющаго все Христа и Бога нашего, примирились между собою и соединились, какбы

отецъ и сынъ, и узнало естество само себѣ; не стало болѣе ни разногласія между ними, ни брани, ни битвъ. И святой царь киръ Мануилъ отошелъ въ предѣлы Фриггіи для помощи и обороны города и христіанъ, а святой царь, киръ Іоаннъ, двоюродный братъ его, возвратился сюда изъ Силивріи съ державнѣйшею святою царицею, своею матерію, и со всѣми чиновниками, и принявъ царство отъ рукъ державнѣйшаго и благочестиваго моего самодержца, дяди своего, сдѣлался самодержцемъ и царемъ христіанъ, милостію Божіею, и началъ борьбу, и все приготовляетъ для защиты и спасенія города и христіанъ. Чтобы у васъ не распространились превратные слухи о дѣлахъ, здѣсь происходящихъ, мы сочли за лучшее чрезъ нашихъ хорошихъ людей и граматы извѣстить васъ о всемъ. Почему и посылаемъ вамъ подробное описаніе только-что случившагося у насъ. Другихъ побужденій къ тому мы не имѣемъ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ писали къ вамъ съ прежними нашими послами. Для большей же чести вашей, мы избрали и посылаемъ къ вамъ посломъ своимъ святѣйшаго архіепископа виѳлеемскаго, возлюбленнаго о Святомъ Духѣ брата нашей мѣрности и сослужителя, какъ извѣстнаго въ вашихъ мѣстахъ и друга твоего священства. Онъ долженъ, сколько возможно, поспѣшать и сойтиться съ прежними нашими послами, а тѣ да примутъ его къ себѣ въ помощь, и если что Богъ помогъ имъ собрать отъ христіанъ, пусть вмѣстѣ несутъ сюда поскорѣе собранное: ибо мы въ великой крайности. Врагъ нашъ, услышавъ о примиреніи нашихъ святыхъ царей и о томъ, что державнѣйшій, благочестивый мой царь, киръ Мануилъ съ оружіемъ приближается отъ предѣловъ Фриггіи для защиты города, неистовствуетъ и злобствуетъ на насъ. Посему у насъ нынѣ крайность отъ нападенія врага и отъ большихъ издержекъ, потребныхъ для нашей защиты, гораздо болѣе, чѣмъ была прежде. И мы надѣемся изъ вашихъ странъ значительнаго и великаго пособія; желаемъ такъ же, чтобъ и священство твое не отказался отъ участія въ содѣйствіи намъ своими благами, за что будутъ молиться за тебя святые отцы, братъ возлюбленный! Если тебѣ нужно будетъ потрудиться, то потрудись, какъ человѣкъ распо-

ложенный къ Римлянамъ (т. е. Грекамъ), научи, уговори и убѣди всѣхъ, чтобы они сдѣлали такъ, какъ мы предлагаемъ и считаемъ справедливымъ. Объясни всѣмъ хорошенько, что данное для защиты св. города имѣетъ болѣе цѣны, нежели данное за совершеніе литургій, для милостыни бѣднымъ и освобожденія узниковъ, и что кто принесетъ жертву въ помощь намъ, тотъ обрѣтетъ у Бога бо́льшую награду, нежели воздвигнувшій храмъ и монастырь, или оказавшій имъ пособіе. Ибо сей святой городъ есть краса христіанъ всей вселенной, утвержденіе, освященіе и слава. И какихъ монастырей не создалъ бы иной, сколькихъ плѣнныхъ не освободилъ бы, чтобы только спасти монастыри святаго града и жувущихъ въ немъ? Такимъ создателемъ и освободителемъ будетъ тотъ, кто, вразумленный Богомъ, подастъ милостыню и сдѣлаетъ приношеніе на помощь нашему городу и христіанамъ. Священство твое, убѣждая всѣхъ къ тому, да явится и нынѣ главнымъ дѣятелемъ» (Acta Patriarch. Const. II, 359—361).

Bayerische Staatsbibliothek München

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА V.

ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО.

Стр.

I. Правила и постановленія собственно церковныя:

1. Древнія и основныя, заключающіяся въ Кормчей:

а) Пріобрѣтеніе митрополитомъ Кирилломъ II-мъ славянской Кормчей изъ Болгаріи 1

б) Была ли вновь переведена эта Кормчая или только обогащена толкованіями? 3

в) Два доселѣ сохранившіеся у насъ списка славянской Кормчей XIII-го в. и какой изъ нихъ можно признать копіею съ Кирилловскаго? 5

г) Откуда произошли редакціи правилъ, заключающихся въ обоихъ этихъ спискахъ? 10

д) Значеніе митрополита Кирилла II-го въ исторіи нашего церковнаго права и значеніе обоихъ этихъ списковъ Кормчей. 12

е) Была ли вновь переведена Кормчая митрополитомъ Кипріаномъ? 15

ж) Сборники церковныхъ правилъ изъ Кормчей и другихъ источниковъ 21

з) Слѣды употребленія у насъ Кормчей въ настоящій періодъ. 22

2. Правила и постановленія новыхъ соборовъ и цареградскихъ патріарховъ по дѣламъ русской Церкви. . . 23

3. Правила и постановленія нашихъ митрополитовъ . . . 25

4. Постановленія нашихъ епископовъ 29

II. Гражданскія узаконенія на пользу Церкви:

1. Узаконенія греческихъ государей, вошедшія въ составъ Кормчей. 31

2. Уставы нашихъ древнихъ вел. князей—Владиміра и Ярослава: употребленіе этихъ уставовъ въ настоящій періодъ . 32

3. Ярлыки монгольскихъ хановъ русскому духовенству:

а) Понятіе о ярлыкахъ и сколько ихъ сохранилось . . . 36

б) Какія права предоставлялись въ ярлыкахъ русскому духовенству? 39

в) По какому побужденію ханы давали ярлыки нашему духовенству? 43

г) Какую силу и значеніе имѣли ярлыки? 44

4. Жалованныя граматы нашихъ князей преимущественно на недвижимыя имущества:

а) Нашимъ архипастырямъ: содержаніе этихъ граматъ . . 47

б) Нашимъ монастырямъ: какіе права предоставлялись имъ граматами? 53

в) По какимъ побужденіямъ давались духовенству, въ особенности монастырямъ, граматы на недвижимыя имущества? 67

г) Всѣ ли монастыри имѣли такія граматы и какъ смотрѣли тогда у насъ на недвижимыя имущества монастырей? . 70

д) Двѣ граматы польскихъ королей православному духовенству въ Галиціи 73

III. Приложеніе этихъ церковныхъ и гражданскихъ законовъ къ жизни: управленіе русской Церкви:

1. Митрополитъ, какъ глава русской митрополіи:

а) Его отношеніе къ подчиненнымъ епископамъ 75

б) Отношеніе ко всей митрополіи 81

в) Доходы съ митрополіи 83

г) Мѣсячный судъ митрополичій и споры о немъ 84

2. Митрополитъ, какъ епархіальный архіерей и домохозяинъ:

а) Его управленіе епархіею кіевскою и владиміро-московскою . 89

б) Его доходы съ этихъ епархій и вотчины 93

3. Участіе митрополита въ дѣлахъ гражданскихъ 96

4. Отношеніе къ митрополиту великаго князя. 100

5. Архіепископъ новгородскій:

а) Способъ его избранія и поставленія. 101

б) Отношеніе его къ митрополиту 105

в) Отношеніе къ своей епархіи и въ особенности къ Пскову. 107

г) Политическое значеніе новгородскаго владыки 113

д) Его вотчины и доходы 116

6. Прочіе епархіальные архіереи: ихъ управленіе епархіями, отношеніе къ князьямъ и народу, способы содержанія. 117
7. Настоятели монастырей и вообще иноки 122
8. Бѣлое духовенство 123

ГЛАВА VI.

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

I. Во второй половинѣ XIII-го вѣка:
а) Общее замѣчаніе о писателяхъ этого времени 128
б) Сочиненія митрополита Кирилла II-го 129
в)—Серапіона, епископа владимірскаго 134
г) Сказаніе о. Андрея о мученической кончинѣ св. Михаила, князя черниговскаго, и боярина его Θеодора. . . . 140
д) Житіе св. князя Александра Невскаго 144
е) Житіе св. Исаіи, епископа ростовскаго 146
ж) Замѣчаніе о характерѣ этихъ сочиненій 149
II. Въ XIV-мъ вѣкѣ:
1. Сочиненія учительныя: поученія, посланія:
а) Св. Петра, митрополита 150
б) Василія, архіепископа новгородскаго 153
в) Св. Алексія, митрополита 155
г) Матθія, епископа сарайскаго 161
д) Безъименныхъ писателей 166
2. Сочиненія историческія:
а) Житія святителей 176
б) Сказанія о благочестивыхъ князьяхъ. 178
в) Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ и о чудесномъ спасеніи Москвы отъ Тамерлана —
3. Путешествія на востокъ:
а) Стефана—Новгородца 179
б) Игнатія, іеродіакона смоленскаго —
в) Дьяка Александра 180
4. Замѣчаніе о другихъ писателяхъ нашихъ XIV-го вѣка и о характерѣ литературы —
III. Въ первой половинѣ XV-го вѣка:
1. Сочиненія трехъ нашихъ митрополитовъ, получившихъ образованіе не въ Россіи:

а) Митрополита Кипріана 183
б) Митрополита Фотія 193
в) Митрополита Григорія Самвлака 212
2. Сочиненія нашихъ отечественныхъ писателей—учительныя:
а) Посланія преп. Кирилла Бѣлоезерскаго 226
б) Поученія Симеона, архіепископа новгородскаго 229
3. Сочиненія историческія и описательныя:
а) Житія Стефана Пермскаго и Сергія Радонежскаго, написанныя Епифаніемъ 231
б) Житіе Димитрія Прилуцкаго, написанное игуменомъ Макаріемъ. 237
в) Житіе св. митрополита Алексія, написанное Питиримомъ. 238
г) Путешествіе въ св. землю («Ксеносъ») іеродіакона Зосимы. 240
д) Два сказанія о Флорентійскомъ соборѣ—Симеона Суздальскаго. 241
IV. Переводная и южно-славянская литература у насъ въ монгольскій періодъ:
а) Книги св. Писанія и толкованія на нихъ 244
б) Писанія догматическія, нравственныя и аскетическія . . 247
в) Церковныя поученія, слова и бесѣды. 249
г) Житія Святыхъ, Прологи, Патерики 250
д) Сочиненія и Сборники смѣшаннаго содержанія —
е) Писанія апокрифическія или лживыя 253
ж) Общее замѣчаніе о нашемъ духовномъ просвѣщеніи и духовной литературѣ въ монгольскій періодъ 255

ГЛАВА VII.

СОСТОЯНІЕ ВѢРЫ И НРАВСТВЕННОСТИ.

1. Общій взглядъ на это состояніе 259
2. Приверженность Русскихъ къ св. вѣрѣ и Церкви и примѣры противнаго 261
3. Приверженность къ св. храмамъ и обителямъ и примѣры противнаго 263
4. Уваженіе къ пастырямъ Церкви и примѣры противнаго . . 265
5. Милосердіе къ бѣднымъ и несчастнымъ и примѣры немилосердія и безчеловѣчія 266
6. Главный недостатокъ времени — грубость и жестокость . . 268
7. Другіе недостатки: суевѣрія, языческіе обычаи, страсть къ вину, сквернословіе и проч. 272

ГЛАВА VIII.

ОТНОШЕНІЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ КЪ ДРУГИМЪ ЦЕРКВАМЪ.

I. Къ церкви греческой:
а) Избраніе русскихъ митрополитовъ въ самой Россіи и сужденіе объ обычаѣ избирать для Россіи митрополитовъ въ Греціи и изъ Грековъ 276
б) Повременное раздѣленіе русской митрополіи и объясненія этого событія. 287
в) Отношенія цареградскаго патріарха къ русской Церкви и самихъ Русскихъ къ патріарху 301
г) Путешествія Грековъ въ Россію и Русскихъ въ Грецію. 303
д) Вспомоществованія Грекамъ изъ Россіи и бракъ греческаго царевича на русской княжнѣ 305
е) Какъ смотрѣли въ Россіи на христіанъ неправославныхъ, жившихъ въ Греціи и вообще на востокѣ 307
II. Къ церкви Римской:
1. Во второй половинѣ XIII-го вѣка:
а) Сношенія папы съ Даніиломъ Романовичемъ галицкимъ . 308
б) — съ св. Александромъ Невскимъ 315
в) — съ Миндовгомъ, княземъ литовскимъ 317
2. Въ XIV вѣкѣ и въ первой половинѣ XV-го:
а) Отношенія латинства къ православію въ княжествѣ галицкомъ. 319
б) Попытка шведскаго короля Магнуса распространить латинскую вѣру на сѣверѣ Россіи 326
в) Рядъ попытокъ къ насажденію латинства въ великомъ княжествѣ литовскомъ и состояніе тамъ православія . . 329
III. Флорентійскій соборъ:
1. Переговоры греческихъ императоровъ и папъ, предшествовавшіе собору:
а) Цѣль какую имѣлъ въ виду императоръ, и предварительныя мѣры, имъ принятыя 340
б) Цѣль папы и предварительныя мѣры. 344
2. Какъ происходилъ самый соборъ:
а) Сперва въ Феррарѣ 347
б) Потомъ во Флоренціи 351
в) И какъ состоялась флорентійская унія 354

3. Сужденіе о Флорентійскомъ соборѣ и уніи 357
4. Достигъ ли императоръ своей цѣли? 361
5. Достигъ ли папа своей цѣли? 362
6. Какъ встрѣчена была Флорентійская унія въ Россіи? . . 363

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ I. Свидѣтельства о существованіи у насъ славянской Кормчей въ до-монгольскій періодъ 371
№ II. Правила митрополитовъ—Петра и Фотія о вдовыхъ священникахъ 373
№ III. Двѣ патріаршія граматы 1393 года къ Новгородцамъ по случаю споровъ ихъ съ митрополитомъ о мѣсячномъ судѣ . 374
№ IV. О сочиненіяхъ митрополита кіевскаго Кирилла II-го . . 383
№ V. Сказаніе о. Андрея о мученической кончинѣ Михаила, князя черниговскаго, и боярина его Θеодора 409
№ VI. Отрывокъ изъ поученія св. Петра митрополита . . . 413
№ VII. Поученіе владыки Сарайскаго Матѳія 414
№ VIII. Древніе списки этого поученія и можетъ ли оно быть признано за сочиненіе митрополита кіевскаго Кирилла I-го . 418
№ IX. О посланіи противъ Стригольниковъ, приписываемомъ цареградскому патріарху Антонію 420
№ X. Обзоръ сочиненій митрополита Григорія Самвлака . . 422
№ XI. Грамата цареградскаго патріарха къ в. князю московскому Василію Дмитріевичу (ок. 1393 г.) 469
№ XII. Грамата того же патріарха къ митрополиту кіескому о пособіи (1397 г.) 473

БИБЛІОТЕКА
КАЗАНСКАГО
ЮНКЕРСКАГО
УЧИЛИЩА.

ОПЕЧАТКИ.

Въ томѣ V-мъ.

Стран.	Строка:	Напечатано:	нужно читать:
3	2 снизу	Корчм.	Кормч.
14	10 снизу	о Кормч.	(о Кормч.
31	17	пошлинахъ,	пошлинахъ
46	13	что,	что
55	10	далъ есть	далъ есмь
77	12	епископію	епископію;
93	2	волостелей	*волостелей*
105	7 снизу	которыхъ	которымъ
—	—	не чувствовать	не сочувствовать
109	7 снизу	пріѣздъ	пріѣздъ,

H. Heinrich
BUCHBINDEREI · EINRAHMUNGEN
84056 Rottenburg

3/13

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Bulgakov, Michail P.,

Istorija russkoj cerkvi

Bd.: 5

Sanktpeterburg (1866)

H.eccl. 3178 w-5
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11006312-5